

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ И ИСЛАМСКИЙ МИР:
ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА
И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ**

Москва
Крафт + ИВ РАН
2010

ББК 2Р+86.38

Р76

Ответственные редакторы:

В.Я. Белокреницкий

И.В. Зайцев

Н.Ю. Ульченко

Р76 Россия и исламский мир: историческая ретроспектива и современные тенденции. — М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2010. — 480 с. — ISBN 978-5-89282-396-8

Основную часть материалов сборника составили доклады, заслушанные на Международной научной конференции, прошедшей в Институте востоковедения РАН в ноябре 2006 г. Авторский коллектив надеется, что книга вызовет интерес у востоковедов-историков, политологов, экономистов и культурологов. Широко представлены материалы по истории российско-турецких связей. Отдельный раздел сборника посвящен теме ислама в истории Российской и Османской империй. Помимо Турции и российско-турецких взаимоотношений большое место уделено взаимосвязям России с Ираном, Пакистаном и Афганистаном. При этом особо выделяются аспекты, связанные с ролью ислама в комплексе взаимодействий России с этими государствами. Отдельно рассмотрена проблематика глобализации, демократии и религиозной терпимости на Ближнем и Среднем Востоке, включая арабские страны. В ряде статей рассматриваются аспекты взаимоотношений современной России и государств Центральной Азии, исследуется сложная ситуация в сфере влияния на мусульманские регионы России.

ISBN 978-5-89282-396-8

© Институт востоковедения РАН, 2010

© Издательство "Крафт+", 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Раздел I	
РОССИЯ И МУСУЛЬМАНСКИЙ АРЕАЛ	
<i>В.Я. Белокреницкий.</i> Исламский мир и его значение для современной России.....	12
<i>Н.Ю. Ульченко.</i> Россия и Турция: основные этапы социально-политического развития и двустороннего экономического сотрудничества.....	17
<i>Н.М. Мамедова.</i> Взаимные интересы России и Ирана: историческая эволюция и нынешний этап.....	29
<i>Azmat Hayat Khan (Pakistan).</i> Pakistan-Russia Relations, Pre and Post — 9/11 Perspective.....	38
<i>В.Н. Москаленко.</i> Российско-пакистанские отношения и ислам — проблемы и перспективы.....	63
<i>Р.Р. Сикоев.</i> Российско-афганские отношения: ретроспектива и перспективы.....	80
<i>Г.П. Авдеев.</i> Межпарламентские связи России и Ирана (1997–2006 гг.).....	87
<i>Э. Телляль (Турция).</i> Влияние религиозного фактора на турецко-российские отношения (1992–2006 гг.).....	103
<i>Й. Бибина (Болгария).</i> Европейские перспективы России и Турции.....	109
<i>И.И. Иванова.</i> Кипр — Турция — Россия на современном этапе.....	129
<i>Е.С. Мелкумян.</i> Россия и арабские государства Залива: возможности взаимодействия.....	144
<i>О.И. Жигалина.</i> Этапы развития отношений России и этнического Курдистана.....	161
<i>Н.З. Мосаки.</i> Россия и иракские курды.....	172
<i>К.В. Вертяев.</i> Курдский вопрос в российско-турецких отношениях.....	188
<i>Е.И. Уразова.</i> Актуальные вопросы российско-турецкого регионального экономического сотрудничества в Евразии.....	193
<i>А.И. Гаджаев.</i> Инвестиционное сотрудничество России и Турции....	202
<i>И.Н. Серенко.</i> Россия — Пакистан: потенциал научно-технического, образовательного и культурного сотрудничества.....	210
<i>Н.В. Мелехина.</i> Россия и кашмирский вопрос.....	220
<i>И.В. Жмуйда.</i> Пакистанский металлургический комбинат и российский бизнес.....	224
<i>В.И. Сотников.</i> Россия и иранская ядерная программа.....	228
<i>И.Р. Гибадуллин (Казань).</i> Шнитская община России и Исламская Республика Иран.....	236

Раздел II

ИСЛАМ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

<i>К.М. Труевцев.</i> Глобализация и исламский мир: проблемы адаптации.....	244
<i>Г.И. Старченков.</i> Проблемы исламской толерантности на Ближнем и Среднем Востоке.....	267
<i>Б.В. Долгов.</i> Демократия и исламизм в арабских странах (Алжир, Тунис, Египет).....	285
<i>Г.Г. Косач.</i> Саудовская Аравия: Центр национального диалога в контексте «этапа реформ».....	303

Раздел III

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИИ И ИСЛАМСКОГО МИРА

<i>Д.Б. Малышева.</i> Деловые партнеры России в Центральном-Азиатском регионе.....	326
<i>Ю.А. Ли.</i> Проблема культурной общности тюркоязычных народов в работах турецких и тюркских исследователей.....	340
<i>С.В. Нетёса (Украина).</i> Взаимосвязи представителей исламских народов в Украине с мусульманскими регионами России.....	349
<i>Б.М. Поцхверия.</i> СССР и Турция в годы Второй мировой войны.....	354
<i>С.Н. Утургаури.</i> «Белые русские» и кемалистская власть.....	365
<i>Н.Г. Киреев.</i> Турецкий панисламизм и российский Кавказ в первой четверти XX века.....	371
<i>А.В. Болдырев.</i> Россия, Турция и проблема Черноморских проливов в 1898–1908 гг.	389
<i>Ю.Н. Паничкин (Рязань).</i> Российско-афганские отношения — начальный этап.....	405

Раздел IV

ИСЛАМ В ИСТОРИИ РОССИИ И ТУРЦИИ

<i>Е.Ю. Барковская.</i> Ислам и опыт государственного строительства в Российской империи.....	408
<i>С.М. Михайлова (Казань).</i> Казанский университет: форпост российской науки в контексте Востока и Запада.....	424
<i>С.Ф. Орешкова.</i> Османская система религиозных обществ и ее роль в создании имперской структуры и судьбах нетурецких народов империи.....	436
<i>А. Шакарян (Армения).</i> Девширме в Османской империи: анализ функций.....	447
<i>А.В. Витол (Санкт-Петербург).</i> К истории противостояния ислама и католичества: «янычары католической церкви».....	458
<i>А.Т. Сибгатуллина.</i> Накшибендийские текке в Стамбуле: среднеазиатский «след».....	465
<i>Т. Тюркер (Турция).</i> Османская модернизация, ислам, проблема личности и государства.....	471
Contents.....	478

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основную часть материалов сборника составили доклады и развернутые тезисы докладов, заслушанные на Международной научной конференции, прошедшей в Институте востоковедения 27–29 ноября 2006 г. Конференция была организована Отделом стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Некоторые из авторов данного сборника не участвовали в конференции, но их статьи оказались в полной мере соответствующими его тематике.

Первый из четырех разделов книги посвящен теме исторических взаимосвязей и современных отношений России и исламского ареала. Основное место здесь занимают исследования по истории российско-иранских, российско-афганских и российско-пакистанских связей. Рассмотрены также этапы развития отношений России и этнического Курдистана. Значительное число материалов касаются взаимодействия России с мусульманскими государствами на современной стадии (с распада СССР). Главное внимание уделено при этом политическим контактам. Помимо указанных государств в поле зрения авторов попали и арабские государства Персидского залива. Большое место уделено взаимодействию России с Турцией и рядом других стран Ближнего и Среднего Востока в экономической области, а также научно-технической и образовательной сфере. В ряде статей затронуты аспекты внешней политики Российской Федерации в регионе к югу от ее границ — позиция по ядерной программе Ирана, развитие связей с иракским Курдистаном, кашмирский спор между Пакистаном и Индией.

Особый интерес вызывают статьи иностранных участников конференции. Профессор Пешаварского университета Азмат Хаят Хан обсуждает особенности взаимодействия Пакистана и России на всем протяжении ее истории, уделяя пристальное внимание последнему этапу, начавшемуся с общего изменения внешнеполитического курса Пакистана после событий 11 сентября 2001 г. Он подчеркивает, что если до этих событий Исламабад поддерживал режим талибов в Афганистане, то после них выступил на стороне международной антитеррористической коалиции. Это открыло возможности для расширения сотрудничества между Пакистаном и Россией в различных областях.

Наиболее широко в книге, особенно в первом и третьем разделах, представлены материалы по истории и современным проблемам российско-турецких связей, что объясняется и их многогранностью,

и неоднозначным характером развития. С одной стороны, Россия — основной поставщик в Турцию энергосырья. При этом заинтересованность Турции в поставках природного газа не исчерпывается удовлетворением потребностей национального рынка. Турецкая сторона крайне заинтересована в использовании своей территории для транзита российских энергоносителей на мировые рынки. Схожесть географического положения двух стран на стыке Европы и Азии порождает интерес к развитию и реализации на практике концепции евразийского сотрудничества, что нашло свое выражение в подписании двумя сторонами в 2001 г. Плана действий по развитию сотрудничества в Евразии.

С другой стороны, евразийское направление в политике обеих стран, очевидно, сохраняет статус запасного на случай неудачи в диалоге с Западной Европой и США, что и предопределяет не слишком активное сотрудничество России и Турции в Евразии (см. статью болгарской исследовательницы И. Бибиной). Более того, время от времени евразийская политика начинает толковаться турецкой стороной как политика сближения с тюркскими государствами и народами, проживающими в пределах Евразии, без учета в качестве евразийского партнера России или даже вопреки ее интересам. В итоге определенную настороженность России не может не вызывать активная политика Турции в государствах Центральной Азии, а также различные формы взаимоотношений с тюркскими народами РФ.

В то же время с начала 2000-х гг. важные изменения происходят во внутренней политике Турции: они связаны с переосмыслением светских основ государства и расширением роли ислама в общественной жизни. Данное обстоятельство, по всей видимости, также может привести к некоторому изменению акцентов во внешней политике Турции, равно как и в ее международном имидже (см. статью турецкого ученого Э. Телляля).

Помимо перспектив и истоков сложных моментов в двухсторонних отношениях призваны помочь как статьи по истории российско-турецких связей, так и анализирующие их современное состояние.

Во втором разделе сборника сгруппированы статьи по современным политическим процессам в мусульманских странах. При этом в представленных материалах рассмотрены в основном проблемы Турции и арабских государств (Саудовской Аравии, Алжира, Туниса и Египта). Проблематика материалов ряда ведущих отечественных специалистов, принимавших участие в конференции, исключительно актуальна. Это адаптация исламского мира к процессам глобализации, исламская толерантность, сочетание демократии и исламизма, сохранение национальной солидарности на этапе реформ.

Четвертый раздел сборника посвящен роли ислама в истории России и Турции. Российское и Османское государства в процессе образования многонациональных империй прошли длительный и

сложный путь исторического развития, что предопределило особенности их государственного строя и правовой системы. С середины XVI в. в составе России оказались обширные земли, населенные мусульманами. Положение ислама в российской истории со времени появления первых мусульманских подданных и до падения империи в 1917 г. не было единым и неизменным. Изменения статуса ислама отражались в законодательстве и в государственной политике по отношению к мусульманам.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники IX–XV вв. позволяют сделать вывод о том, что правосознанию и ментальным установкам русского средневекового общества было присуще достаточно терпимое отношение к мусульманам и исламской культуре. Запрещения религиозного и бытового общения (употребление пищи, сожительство и брак и проч.) имели религиозную подоплеку, являясь прямым следствием влияния византийских норм канонического права на русскую церковно-правовую традицию. Средневековая Русь не знала антирелигиозных гонений и преследований. Проживающие на Руси иноземцы и иноверцы обладали следующими правами: приезда и выезда, свободного отправления веры и богослужения, вступления на княжескую службу, занятий всякого рода промыслами и торговлей, собственности и владения, вчинять иски и требовать удовлетворения в гражданских делах, а также обладали особыми правами касательно подсудности.

В XVI–XVII вв. начался переход значительного числа мусульман на московскую службу, который привел к появлению исламской проблематики и созданию законодательной и нормативной базы, регулирующей некоторые аспекты жизни мусульман в Русском государстве. В этот период ни ислам, ни его религиозные учреждения официально не запрещались. Однако переход в православие служилой элитой татар-мусульман приветствовался правительством. Размер вознаграждения за переход в православие зависел от социального статуса человека: чем выше было его место в социальной иерархии, тем значительнее были размеры дарения. Правительство стремилось в первую очередь стимулировать переход в православие высшего сословия мусульман. Поощряя распространение христианства среди приверженцев ислама, государство закрепляло за православной церковью исключительное право миссионерской деятельности в государстве. Проповедь ислама среди православного населения страны запрещалась.

В рамках существующих сословных категорий московские власти признавали за мусульманами основные права русского населения. Правовое положение служилых мусульман было сопоставимо с положением русских служилых людей. Так же, как и последние, служилые мусульмане освобождались от дорожных сборов, имели право владеть крепостными крестьянами, передавать свои поместья по наследству, а в случае смерти жена и дети умершего получали

«прожиток» в тех же размерах, что и семья русского служилого человека. В середине XVII в. государство инициировало создание особого земельного фонда, закрепленного за мусульманским служилым населением. Земли, входившие в этот фонд, не могли отчуждаться в пользу русских служилых людей. Ограничения свобод мусульман в основном касались некоторых частных сторон имущественного права. Так, например, с 1627–1628 гг. мусульманам было законодательно запрещено иметь собственных холопов-православных. Эта норма получила свое подтверждение в Соборном уложении 1649 г.

В первой половине XVIII в. государственная власть предпринимает шаги на пути к созданию системы государственного регулирования в области религии. В течение всей первой половины XVIII в. правительство официально запрещало политику насильственного крещения мусульман. Политика побуждения мусульман к переходу в православие осуществлялась с помощью предоставления новокрещенцам социально-экономических привилегий и льгот: денежных выплат, раздач земельных угодий, освобождения от уголовного преследования и рекрутской повинности, предоставления личной свободы крепостным мусульманского вероисповедания и др. Насильственные же меры были большей частью частной инициативой отдельных архиереев.

Необходимо отметить, что период царствования Петра I при проведении в целом христианизаторского курса был отмечен первыми шагами в направлении веротерпимости. В этот же период государством предпринимаются шаги на пути к созданию системы государственного регулирования и управления исламом. В указе 1736 г. мы впервые встречаем положение об утверждении ахунов государством и их присяге на верность власти. Вручая управление внутренними делами мусульманских общин ахунам, государство оставляло за собой право контроля их деятельности, а также санкции на строительство мусульманских школ, мечетей.

В середине XVIII в. во внутренней политике России намечается постепенное утверждение принципа веротерпимости в отношении представителей неправославных конфессий. Последовательная реализация этого принципа была связана с государственной деятельностью императрицы Екатерины II, что, с одной стороны, объясняется распространением идеологии Просвещения, а с другой — внешнеполитическими событиями того времени — русско-турецкими войнами и включением в состав России обширных территорий, населенных мусульманами. Указом 1773 г. юридически запрещалось насильственное крещение и провозглашался принцип веротерпимости. В 1774 г. по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору русское правительство гарантировало неприкосновенность всех религиозных свобод для мусульман.

Манифест 8 апреля 1783 г. о присоединении Крыма к России не только оговаривал сохранение для всех мусульман бывшего ханства

свободу вероисповедания, но и гарантировал соблюдение в отношении иноверцев всех прав и привилегий, которыми пользовалось православное население империи. Во второй половине XVIII в. интенсифицируется процесс уравнивания мусульман с русским православным населением по сословно-статусной градации, расширяется допуск мусульман к системе государственного управления.

Поскольку система государственной службы в России определялась «Табелью о рангах» 1722 г., положение человека в обществе определялось прежде всего чином, а не его конфессиональной принадлежностью. Поэтому на военных и гражданских служащих-мусульман распространялись практически все виды денежных и материальных выплат, которые были предусмотрены их чином и служебным положением. Указ 1784 г. распространял на мусульманских князей и мурз все привилегии российского дворянства, за исключением традиционного запрета на право владения крепостными-христианами. Однако и здесь правительство Екатерины II пошло на ряд уступок, разрешив, в частности, владеть крепостными христианами части мусульманской знати, проживавшей на территории бывшей Речи Посполитой. Правительство стремилось к инкорпорации мусульманской аристократии страны в состав российского дворянства.

Наибольший динамизм по части интеграции в сословную структуру Российской империи приходился на мусульманское купечество. С 70-х гг. XVIII в. было положено начало официальному признанию некоторых мусульманских служителей культа со стороны государства, что вело к сближению их правового статуса с правовым статусом духовенства христианских вероисповеданий. Этот процесс был тесно связан с установлением системы государственного регулирования духовной жизни российских мусульман, что, в свою очередь, привело к созданию в России Уфимского и Таврического муфтиятов. Новые институты «Русской Исламской церкви» получили право: рассматривать дела, связанные с организацией и порядком богослужения, строительством и ремонтом мечетей; осуществлять надзор за поведением и деятельностью мусульманских служителей культа; рассматривать жалобы мусульманского населения в сфере брачно-семейных отношений. При этом назначение муфтия было прерогативой «высочайшей власти».

Таким образом, Россия пошла по пути социальной интеграции мусульманского населения в структуру российского общества. Например, в Османской империи для немусульманских общин (православной у греков, католической или грегорианской у армян, иудейской у евреев и т.д.) были организованы так называемые миллеты, где глава общины выступал для своей паствы как вершитель правосудия и посредник в сношениях с высшей имперской администрацией (см. статью С.Ф. Орешковой).

Российские мусульмане, в отличие от населения восточных стран, столкнувшихся с католическими и протестантскими миссионерами, не

знали ни массовых расправ, ни гонений, вызванных «иноверием». Законодательно зафиксированным запретом являлся запрет для российских мусульман владеть холопами (а с начала XVIII в. — крепостными крестьянами) православного исповедания. Этот запрет не выделял в законодательстве мусульман: православными не могли владеть также и инославные христиане (католики, протестанты и проч.). Таким образом, мусульмане никогда не выделялись в отдельную конфессиональную категорию. Другим традиционным для российского законодательства запретом был запрет прозелитизма.

Авторский коллектив надеется, что книга вызовет интерес у специалистов-востоковедов различных специальностей — историков, политологов, экономистов и культурологов. Кроме того, с ней будет полезно ознакомиться студентам и аспирантам, а также всем, кто хотел бы больше узнать об истории взаимоотношений России и исламского мира, современных реалиях и тенденциях.

Раздел I

РОССИЯ И МУСУЛЬМАНСКИЙ АРЕАЛ

ИСЛАМСКИЙ МИР И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Под исламским миром имеют в виду обычно три различающихся категории — во-первых, мир мусульман, приверженцев определенной религии, во-вторых, мир мусульманских государств, т.е. государств, причисляющих себя к исламским или мусульманским, хотя и не обязательно только к ним и даже не обязательно в первую очередь к ним, и в третьих, мир, на который претендуют патриоты и пропагандисты ислама. Определение исламского мира будет, безусловно, наиболее полным, если использовать все три подхода. Но автор исходит прежде всего и главным образом из второго определения как наиболее актуального в политическом смысле. Итак, мир государств, причисляющих себя к исламским, на современном этапе состоит, скорее всего, из участников образованной в 1969–1970 гг. Организации Исламская Конференция (ОИК). Такое причисление предполагает движение навстречу друг другу как со стороны желающих вступить в эту организацию, так и со стороны ядра организации, ее основателей и главных спонсоров. В состав организации ныне входят 57 стран четырех континентов — Азии, Африки, Америки и Европы. Статус наблюдателей имеют еще 5 государств, в том числе и Российская Федерация. Она получила его в 2005 г., став первой крупной страной среди наблюдателей.

Мир исламских государств

Если считать, что исламский мир состоит из 57 государств, то его совокупная мощь как демографического региона измеряется, по данным на 2004 г., в 1 млрд. и 382 млн. человек, округленно — в 1,4 млрд. Это составляет около 22% мирового населения в 6,4 млрд. человек. Экономические параметры исламского мира существенно меньше. Валовой национальный доход (ВНД) исламских стран по обменному курсу составлял в 2004 г., согласно данным Доклада о мировом развитии Всемирного банка за 2006 г., примерно 2 трлн. долл. США, или около 5% от общемирового показателя. Для сравнения это столько же, сколько ВНД Франции, и на полмиллиарда меньше ВНД Германии. При пересчете национального дохода в систему паритета покупательной способности валют совокупный доход стран — членов ОИК равнялся уже

примерно 5 трлн., или почти 9% от общего для всего мира показателя. Это уже больше, чем в Японии, исламский мир пропускает вперед только Китай и США. Участие исламских стран в мировой торговле (т.е. агрегированная стоимость их товарооборота) равнялось в 2004 г. 1,3 трлн. долл. Что составляет приблизительно 7% от суммы мирового экспорта и импорта, несколько больше, чем торговый оборот Китая в 1,1 трлн., и меньше, чем Германии (1,6) и США (2,3).

Историческое ядро, центральный элемент исламского мира составляют арабские государства. Из 30 стран — основателей ОИК 18 были арабскими, и только одна из них, Ирак, присоединилась к ней в 1976 г. Если выделить арабский регион ОИК, то на него приходится почти 300 млн. человек, 753 млрд. долл. валового дохода по валютному номиналу, 1,5 трлн. по паритету валют и 500 млрд. по товарообороту, иначе говоря, это всего лишь 21%, т.е. всего лишь пятая часть демографического потенциала исламского мира, 40% — две пятых — номинального дохода, 31% — около трети — паритетного дохода и 39% товарооборота. Главные страны арабского региона демографически — Египет, а экономически — Саудовская Аравия.

В качестве второго региона выделяется азиатский. В него входят 15 государств — от Турции до Брунея. Это самый населенный исламский регион — 770 млн. человек (56%). Экономически он также опережает арабский. На него приходится 53% номинального дохода, 61% — паритетного дохода и 55% — общего товарооборота исламских стран. Крупнейшими по населению в этом регионе и вообще в исламском мире являются Индонезия, Пакистан и Бангладеш. Наиболее сильные в экономическом плане Турция, Индонезия, Иран. Крупнейшая страна по торговому обороту — Малайзия.

Самый многочисленный по представительству, но и самый молодой по стажу пребывания в ОИК — африканский регион. Он состоит из 20 государств. По количеству жителей этот регион чуть больше арабского — 315 млн., но мусульмане среди жителей этих стран составляют, как представляется, не более двух третей. Это исключительно бедный район мира с показателями дохода на душу населения в 400 долл. по номиналу и в 1200 долл. с учетом паритета покупательной способности местных валют. Над общей массой средних и малых стран региона выделяется Нигерия как крупнейшая в демографическом и экономическом плане. К массе малых государств примыкает единственная европейская страна Албания и две страны Центральной Америки — Суринам и Гайана — с очень небольшим процентом азиатского по происхождению мусульманского населения.

Итак, главными регионами мусульманского мира являются арабский и азиатский. Можно, несомненно, применять и другие таксономические единицы — Ближний и Средний Восток, Южная и Юго-Восточная Азия и т.д. Автор полагает важным выделить прежде всего арабский мир, который имеет свою более устоявшуюся, существующую с 1945 г. организацию — Лигу арабских государств и свою, хотя и не только арабскую,

корневую проблему в виде Палестины, спора вокруг Иерусалима, обострение которого и положило начало созданию ОИК.

Россия и исламский ареал

Как соотносится Россия с исламским регионом? По данным на 2004 г., ее население в 143 млн. человек уступало исламским странам в 10 раз, доход по номиналу был в четыре раза меньше, по паритетному доходу в 3,5 раза ниже, а по внешнеторговому обороту меньше в 4,3 раза. При этом внешнеэкономические связи Российской Федерации в относительно небольшой степени ориентированы на исламский ареал. Из оборота стоимостью в 278 млрд. долл. на экспорт в 2004 г. приходилось 66%, и основную его часть составлял вывоз сырьевых товаров, главным образом энергетических. Нефть и природный газ широким потоком направляются в западном направлении в Европу и отчасти на восток — в Китай. Южное, точнее, юго-западное направление представлено лишь поставками природного газа в Турцию, которые в немалой степени объясняют достаточно высокий уровень торгового оборота с этой страной в 2004 г. — 11 млрд. долл. Преобладание экспорта над импортом характерно и для торговли с Ираном, другим крупным партнером среди исламских стран дальнего круга. На торговлю с остальными странами условно «дальнего» исламского зарубежья приходится ориентировочно еще 2–3 млрд. долл.

Среди стран ближнего исламского круга (мусульманских государств — участников СНГ) выделяется как торговый партнер России Казахстан — более 8 млрд. долл., на втором месте в 2004 г. находился Узбекистан — почти 1,5 млрд. Имела тенденцию к увеличению торговля с Азербайджаном, да и с другими странами. Общий объем торговли с шестью ближними мусульманскими странами в 2004 г. составлял 11 млрд., а со всем исламским миром он равнялся ориентировочно 26–28 млрд. долл., составляя примерно десятую часть общего торгового оборота России.

Долю исламского мира можно расценить и как неожиданно высокую с учетом известного всем предпочтения Европы и Запада, а также Китая и Индии, и как низкую. Ведь в исламские государства включены бывшие советские республики. Снижение доли торговли с ними говорит о тех поразительно быстрых переменах, которые произошли за последние полтора десятилетия.

Несмотря на снижение геоэкономического значения ближнего исламского пояса для России, его геополитическая роль остается весьма значительной. Россия образует с исламским миром к югу от ее границ сплошное, не имеющее естественных барьеров культурно-гуманитарное пространство, территорию распространения русского языка и литературы, страты общих традиций в социальной, ментальной и политической сферах. К тому же Россия соприкасается с этим миром своими

мусульманскими ареалами — южным Предуральем, Поволжьем и Северным Кавказом. Все это придает особое значение ее связям с мусульманским миром вообще и кавказско-центральноазиатским ареалом в частности.

Усиление исламского мира и дилеммы России

Следует отметить, что на данный исторический момент Россия остается крупнейшей военно-технической и аэрокосмической державой, занимающей по экспорту вооружений одно из первых мест в мире. В последнее время Россия все более признается самостоятельным игроком на мировой политической арене, имеющим глобальные и региональные интересы, интересы экономические и военно-стратегические, а также своеобразные идеологические, связанные с основными чертами утверждающейся, как можно полагать, государственной идеологии, идеологии закрытой, управляемой или суверенной демократии. Главное место в ней отводится своеобразию традиций, социальных институтов и политической культуры, т.е. цивилизационной специфике России. Для такой идеологии исламский мир обладает существенным значением как сходный пример, исторически аналогичное явление. Иными словами, укрепление цивилизационной особенности исламского мира, как, впрочем, и китайского, и индийского, может усилить в России поиски своего места в политическом мире на покоем основании.

Следующий фактор состоит в наличии огромного людского потенциала. При тенденции к демократизации международно-политической жизни это имеет само по себе немаловажное значение. Речь идет и о количестве государств, которые голосуют в различных межгосударственных организациях, например в ООН, и имеют представительство в неправительственных общественных организациях. К исламским странам надо добавить государства со значительным, абсолютно или относительно, мусульманским меньшинством, поскольку в них не могут не учитывать исламский фактор благодаря активности этого меньшинства. Мусульмане ныне играют значительную роль в странах Западной Европы, их влияние заметно уже сегодня и будет увеличиваться в США. В Индии к мусульманам относится 13,4% населения, т.е. мусульман там больше, чем в соседней мусульманской Бангладеш. В Китае также имеется значительное мусульманское меньшинство, оценки которого варьируются в широких пределах, но при всем при этом исламский фактор также имеет немалое значение. В самой России к мусульманам относится, по данным переписи 2002 г., примерно 9% населения, или около 13 млн. человек. Но активность мусульманских организаций, как представляется, значительно превосходит удельный вес статистических мусульман.

Третий момент — наличие в огромном исламском море «штормовых» участков, которые делают беспокойной всю политическую «пого-

ду» на планете. Эти участки расположены на Ближнем Востоке, в Восточной Африке, в Западной и Южной Азии. Конфликты здесь возникли не сами по себе, а в результате сложного взаимодействия между миром ислама и внешними для него силами. Для России, как, впрочем, и для других стран, имеет значение не столько происхождение, историческая и геополитическая подоплека конфликтов, сколько их роль, настоящая и предстоящая, в свете проблем региональной и всеобщей безопасности и с позиции обеспечения своих политических и экономических интересов.

Наконец, четвертый фактор связан с демографическим будущим России. Известно, что с начала 1990-х гг. в стране наблюдается естественная убыль населения и миграционный приток стал единственным источником роста численности россиян. Возможности возвратной иммиграции, т.е. возвращения русскоязычного населения из бывших республик СССР, к рубежу столетий оказались исчерпаны. Перспектива снижения численности неотвратима, ибо аналогичные процессы происходят и в других экономически развитых странах. Остается возможность компенсировать это сокращение за счет иммигрантов и временных рабочих, которые и сегодня уже в большом количестве используются в национальном хозяйстве. Въезжающие в страну люди, как нынешние, так и будущие мигранты, в основном принадлежат мусульманскому миру, являются выходцами из Восточного Закавказья и Центральной Азии. По прогнозам, на середину нынешнего столетия в случае так называемого стабилизационного режима воспроизводства, иными словами, сохранения численности на нынешнем уровне, число эмигрантов и их потомков в России превысит половину населения. В результате Россия, по всей видимости, превратится к 2050 г. в наполовину или более чем наполовину мусульманскую страну. Если же осуществится не стабилизационный, а экстраполяционный сценарий, то население России к середине века сократится до 101 млн. человек, в то время как население Центральной Азии увеличится до 76 млн., а Южно-Центральной Азии (ЦА плюс Иран, Афганистан и Пакистан) — до 600 млн. Такие тенденции и перспективы существенно увеличивают значение исламского фактора для России, заставляя ее политические и общественные круги, в том числе академическое, экспертное сообщество, задумываться о проблемах исторического выбора, стоящих перед страной.

РОССИЯ И ТУРЦИЯ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ДВУСТОРОННЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Цель статьи — ретроспективный обзор экономических отношений России и Турции и выявление наиболее характерных тенденций их развития, которые важны и на сегодняшнем этапе. Отношения двух стран развивались под влиянием задач социально-экономического, внешнеполитического или иного характера, которые каждая из стран ставила для себя на определенном историческом этапе. Поэтому периодизация двусторонних экономических отношений неизбежно будет во многом совпадать с основными периодами в историческом и социально-экономическом развитии Турции и России.

Политика Советской России в отношении Турции начала 20-х гг. была четко определена турецким историком и публицистом Д. Авджиоглу, отметившего, что в руководстве Советской России возобладало мнение, что на советских границах следует приветствовать создание национальных государств, которые не окажутся орудием агрессии Великобритании и с которыми можно будет развивать дружественные отношения¹. Из факта подписания соглашения по восточным границам Турции именно на конференции в Москве, а не в Лондоне, как предлагали сделать западные державы в рамках пересмотра в пользу Турции Севрского договора от 1920 г., исходила решимость М. Кемалья и его сторонников избежать превращения нового турецкого государства «в инструмент агрессии английского империализма» и желание установить прочные партнерские отношения с Советской Россией. Но поскольку накануне и в процессе московских переговоров Турция действительно балансировала между Западом и Россией, то уже сделанный выбор означал не урегулирование всех внешнеполитических проблем страны, а лишь более или менее окончательное определение союзников и противников. Подписание договора в Москве в марте 1921 г. на самом деле имело своим следствием предотвращение для Турции вероятной борьбы на два фронта. Поэтому, выбрав Россию в качестве политического союзника, Турция настойчиво требовала от нее оказания финансовой и военной помощи для противостояния военному давлению со стороны западных держав. Россия предоставила Турции военную помощь, а также выделила 5 млн. руб. (по некоторым источникам —

4 млн. руб.) золотом из общей обещанной ею суммы помощи в 10 млн. руб.² Турецкие исследователи отмечают, что вслед за суммой, полученной Турцией сразу же после московских переговоров, в скором времени были получены еще 1,4 млн. руб. на покупку оружия в Германии³ Но впоследствии поступление помощи прекратилось из-за взаимного сомнения сторон в политических намерениях друг друга, в частности попытки Турции в дополнение к территориальным приобретениям по Московскому договору оставить за собой еще и Александрополь, воспользовавшись возвращением к власти в Армении дашнаков.

Ситуация, сложившаяся вокруг Александрополя, явилась одной из причин, побудивших Советскую Россию приостановить выделение туркам помощи. Развитие событий вокруг Александрополя усугублялось настораживавшими российскую сторону фактами, которые свидетельствовали о продолжавшемся сближении Турции и Франции.

В марте 1921 г. Россия подписала торговое соглашение с Англией. Прекращение российской помощи в этой ситуации было воспринято Турцией как жест России в пользу их общего на тот момент противника — Англии. Кроме того, некоторые турецкие исследователи упоминают факт начавшегося в этот же период установления контактов между Советской Россией и Грецией, ссылаясь на факт прибытия в западную Фракию советской делегации для ведения переговоров о подписании соглашения о дружбе и развитии торговли⁴

В апреле 1921 г. Красная Армия стремительно начала развивать наступление на территории Армении, находившейся под властью дашнаков. Советская сторона ясно дала понять Турции необходимость соблюдения Московского договора в новых условиях, когда в Армении была восстановлена Советская власть. Категорично прозвучало заявление Г. В. Чичерина, сделанное в ноте от 8 апреля 1921 г. на имя посла Турции в Москве Али Фуада: «Желать выполнения Александропольского договора* равносильно аннулированию Московского договора»⁵

5 июля 1921 г. началось наступление греческих войск на Анкару. Подобный поворот событий убедил Турцию окончательно принять положительное решение по поводу укрепления российского вектора своей внешней политики. В итоге в конце 1921 г. возобновилось предоставление финансовой помощи Турции со стороны Советской России: в декабре 1921 г. во время визита в Турцию М. В. Фрунзе был передан 1 млн. 100 тыс. руб. Последний «транш» в размере 3,5 млн. руб. турецкая сторона получила в мае 1922 г.⁶

Итак, уже в начальный период отношений Советской России и Турции были заложены традиции их экономической составляющей, которые впоследствии оставались неизменными на протяжении нескольких десятилетий: экономические отношения по своей сути пред-

* Александропольский договор был заключен между дашнакским правительством Армении и Турцией, предусматривавший сохранение Александрополя за Турцией.

ставляли различные формы финансово-экономической помощи со стороны Советской России, впоследствии СССР, обменивавшей на определенные политические уступки или общую политическую лояльность турецкой стороны. Подобный вектор развития отношений поначалу определялся стремлением Советской России к преодолению внешнеполитической изоляции, которое впоследствии сменилось более широкими планами по увеличению числа союзных государств. Следует отметить, что в случае с Турцией эффективность подобного «донорства», пожалуй, была наиболее низкой: принимая помощь, Турция всегда могла ограничить число предлагавшихся в обмен внешнеполитических дивидендов, используя выгоды своего стратегического положения между Востоком и Западом. Иными словами, финансово-экономическая помощь России дополнялась помощью Запада, что в конечном итоге снижало зависимость Турции как от первой, так и от второго.

Следует обратить внимание на еще одно обстоятельство: достаточно очевидная политическая обусловленность экономической помощи со стороны Советской России не всегда благоприятствовала ее принятию Турцией. Поэтому к началу 1922 г., когда отношения между странами, казалось бы, достигли своего пика, начался первый период их заметного охлаждения. М. С. Мейер отмечал, что изменившуюся в пользу Турции международную ситуацию М. Кемаль и его сторонники пытались использовать для укрепления независимости страны, в том числе от масштабных революционных планов Коминтерна, что исключало возможность сохранения союзнических отношений с Россией⁷

В 30-е гг. XX в. в Турции произошла смена курса экономического развития: на смену либеральной модели с использованием элементов государственной поддержки в развитии национальной частнопредпринимательской инициативы пришла модель этатизма. Она предполагала выход государственного вмешательства в экономику на новый, гораздо более масштабный уровень, и в том числе развитие государственного предпринимательства. В числе факторов смены модели экономического роста турецкие исследователи практически единогласно указывают на влияние СССР, который на фоне мирового экономического кризиса поражен успехами индустриализации. К тому же имевшая место в 1931 г. попытка турецких лидеров получить финансовую поддержку США в осуществлении проектов индустриализации Турции успеха не имела. В итоге стремление Турции использовать успешный опыт СССР приняло самые непосредственные формы. В 1932 г. в СССР с визитом прибыла делегация во главе с председателем совета министров Турции Исмет-пашой, которая побывала в Одессе, Москве и Ленинграде и посетила большое количество промышленных предприятий. По итогам визита была достигнута договоренность о том, что советская сторона предоставит Турции беспроцентный кредит в размере 8 млн. долл. золотом (16 млн. лир) сроком на 20 лет на условиях погашения поставками турецких товаров для закупки в СССР промышленного оборудования. Большинство турецких исследователей обращают внимание

на весьма благоприятные условия кредита для Турции, которая в тот период ввиду мирового экономического кризиса испытывала острый недостаток валюты. Для подготовки первого пятилетнего плана развития национальной экономики в Турцию была приглашена делегация советских специалистов. По итогам ее работы был составлен отчет о состоянии экономики Турции, включавший список промышленных предприятий, которые предполагалось построить в ближайшие годы. Была составлена и финансовая смета в 45 млн. лир. Приблизительно треть инвестиций предполагалось профинансировать за счет советского кредита.

Однако даже в первой половине 30-х гг., когда экономические контакты между двумя странами достигли небывало высокого уровня, СССР не удалось занять монопольное положение в системе внешних финансовых связей Турецкой Республики: стремясь подчеркнуть то важное обстоятельство, что Турцию интересовал экономический опыт СССР, но не его политическая система, турецкое руководство в начале 30-х гг. пыталось наладить связи с Италией. В мае-июне 1930 г. состоялся визит в эту страну большой турецкой делегации, итогом которого стало подписание соглашения о предоставлении Турции кредита в объеме 300 млн. итальянских лир. Треть суммы предназначалась для закупки в Италии оборудования⁸

Дальнейшее развитие экономического сотрудничества с СССР стало наталкиваться на все более ощутимые препятствия. Попытка свести модель этатизма к временному замещению государством частного сектора в наиболее капиталоемких отраслях хозяйства, требовавших безотлагательного развития, при одновременном создании властью для частного предпринимательства условий благоприятного роста, являлась явным упрощением сложной социально-экономической ситуации, в которой осуществлялась новая модель экономического развития Турции. Явно звучащие оправдательные интонации в публичных выступлениях М. Кемаля (Ататюрка) середины 30-х гг., который после провозглашения республики являлся ее бессменным президентом, свидетельствовали о достаточно высоком уровне напряжения в обществе, связанного с переходом государства от политики поддержки частного предпринимательства к его замещению собственной предпринимательской деятельностью: «Этатизм, проводимый в Турции, не является системой, напрямую позаимствованной из идей, которые пропагандируются теоретиками социализма. Этатизм означает следующее: отдать основное преимущество частному предпринимательству, но в то же время, памятуя о том, что в прошлом многое не было сделано для удовлетворения потребностей великой нации и большой страны, позволить государству взять экономику страны в свои руки, чтобы в кратчайшее время сделать то, что был до сих пор не в состоянии осуществить частный сектор»⁹ Об определенной борьбе внутри турецкого общества по вопросам государственного участия в экономике писал и отечественный исследователь А. Ф. Миллер, отмечая имевшие место уже в начале

30-х гг. попытки противодействия этатизму со стороны «компрадоров и сблизившейся с ними части анатолийской торговой буржуазии», а также со стороны «прогрессистов и либералов»¹⁰. Во второй половине 30-х гг. к сторонникам прежнего экономического курса, по мнению А. Ф. Миллера, «принадлежала лишь та часть турецкой буржуазии, которая не сумела или не успела занять позиций во внешнеторговых и банковских операциях (или же утратила их) и поэтому видела в развитии этатистской промышленности средство расширения внутреннего рынка и защиту от иностранного капитала». «К противникам этатизма, — писал он, — относилась прежде всего крупная буржуазия, занявшая место компрадоров и воспринявшая их интересы. Вмешательство государства в экономику и льготы, предоставляемые этатистской промышленности, рассматривались крупной буржуазией как препятствие на пути к “свободному” обогащению и более интенсивному привлечению иностранного капитала»¹¹. При этом уровень взаимоотношений Турции с СССР, по всей видимости, выступал своего рода индикатором глубины и последовательности этатистского курса. С учетом постепенного усиления оппозиционных настроений в среде турецкой буржуазии представляется вполне объяснимым такой шаг, как отставка министра экономики Мустафы Шерифа Озкана, радикальные шаги которого, по мнению турецких исследователей, вызывали беспокойство деловых кругов, и выдвижение на этот пост Дж. Баяра. Ранее он возглавлял Деловой банк, который являлся неформальным символом поддержки республиканскими властями частного предпринимательства¹². Одной из первых акций Дж. Баяра стало приглашение специалистов из США для оценки состояния турецкой экономики (в противовес подготовке пятилетнего плана делегацией специалистов из СССР). С середины 30-х гг. начался активный процесс англо-турецкого сближения, сопровождавшийся дальнейшим охлаждением в отношениях Турции и СССР. В 1936 г. состоялись переговоры о строительстве английской фирмой «Брассерт» металлургического комбината в Карабюке, завершившиеся подписанием контракта. Впервые о целесообразности строительства здесь металлургического комбината упоминалось в отчете советской делегации об итогах обследования экономики Турции.

В 1937 г. Дж. Баяр стал новым премьер-министром страны. В октябре того же года он принял участие в советско-турецких переговорах, итогом которых стало подписание договора о торговле и мореплавании. 9 октября 1937 г. состоялось открытие текстильного комбината в Назилии — одного из крупнейших предприятий, построенных при финансовом и техническом участии СССР. Тем не менее, в декларации нового правительства Турции оценка советской политики, вопреки ожиданиям СССР, не нашла своего отражения. «Баяр, — писал в этой связи заместитель наркома иностранных дел Б.С. Стомоняков, — должен был бы хотя бы из чувства такта упомянуть о традиционной турецко-советской дружбе. Если он этого не сделал, то тем самым вольно или невольно создал впечатление, что

новый кабинет не придает отношениям с СССР того значения, какое они имели прежде».

Вторая мировая война и последовавший затем рост напряженности в политических отношениях двух стран сделал возможным очередной подъем в их экономических отношениях лишь в середине 60-х гг. Когда в начале 60-х гг. во внешнеполитической ориентации Турции начала проследиваться более разноректорная направленность, СССР поспешил воспользоваться этим для развития отношений с Турцией — южным плацдармом НАТО, имевшим к тому же общую с СССР границу. Поэтому весьма важным представлялось создать своего рода стратегический противовес в турецкой внешней политике, который по мере сил и возможностей советской стороны уравнивал бы остававшееся по-прежнему тесным политическое и экономическое сотрудничество Турции с Западом. При этом в структуре советско-турецких отношений, как это повелось еще с 20-х гг., непременно должна была присутствовать экономическая составляющая в качестве залога их политического успеха.

В 1967 г. СССР и Турция подписали соглашение о поставках оборудования, материалов и оказании Советским Союзом Турции услуг по строительству некоторых промышленных предприятий и условиях их оплаты¹³ Что касается последнего пункта, то турецкой стороне были предоставлены целевые льготные кредиты на сооружение согласованных промышленных объектов. Льготный характер кредитов распространялся и на форму погашения: турецкая сторона должна была расплачиваться поставками своих экспортных товаров. Таким образом, СССР фактически вступил в экономическую конкуренцию с Западом, прежде всего США, за результативность политического сотрудничества с Турцией. Любопытно, что данный факт предопределил появление исследований турецких экономистов, в которых детально сопоставлялись преимущества и издержки технико-экономического сотрудничества Турции с каждой из двух сверхдержав¹⁴

В вопросе получения долгосрочных политических выгод посредством развития технико-экономического сотрудничества с Турцией СССР действовал, последовательно соблюдая принципы, лежавшие в основе идеологизированной концепции экономического сотрудничества с развивающимися странами. Поэтому соглашение 1967 г. предусматривало строительство крупных промышленных предприятий исключительно для государственного сектора турецкой экономики. Что касается их отраслевой специализации, то предпочтение отдавалось объектам, относившимся к тяжелой промышленности.

Подобный подход привел к тому, что выполнение соглашения 1967 г. приблизило достаточно ограниченный внутренний рынок страны, развивавшейся в рамках стратегии импортзамещения, к исчерпанию емкости по соответствующим видам продукции. Поэтому после реализации соглашения Турция нуждалась лишь в расширении некоторых из построенных объектов, но не в сооружении новых. К тому же наметив-

шееся ослабление интенсивности технико-экономического сотрудничества сторон неудачно совпало с периодом мирового нефтяного кризиса 70-х гг., весьма глубоко затронувшего экономику Турции, а принятие Турцией в начале 80-х гг. в рамках антикризисной программы новой стратегии экономического развития, нацеленной на расширение использования рыночных факторов, и в том числе на замещение в промышленности государственного сектора частным, сделало невозможным использование прежних форм сотрудничества. Таким образом, сложившийся экономический инструментарий, который в 60–70-е гг. довольно успешно использовался для стабилизации политических отношений с Турцией, за короткий период оказался устаревшим, однако осталась задача использования экономической заинтересованности партнера в советской стороне для повышения его политической лояльности. Поэтому сюжет, который мог бы экономически заинтересовать Турцию, предстояло найти заново. Это удалось успешно сделать, предложив долгосрочные поставки советского природного газа. Чтобы укрепить заинтересованность Турции в закупках энергосырья из СССР в текст соглашения была включена статья, в которой говорилось, что «советские внешнеторговые организации будут использовать выручку от экспорта в Турецкую Республику природного газа в основном на закупку на коммерческих условиях турецких товаров, исходя из возможностей турецкой стороны и потребностей советских внешнеторговых организаций»¹⁵, что и происходило на практике до распада СССР.

Таким образом, политический подтекст соглашения о газе, проявившийся в его нарочито выгодных для турецкой стороны платежных условиях, во многом объясняет, почему именно за счет советского газа, а не его запасов, которыми располагают другие страны региона, начали обеспечиваться потребности Турции в данном виде энергосырья.

Следующий этап действия соглашения о поставках газа начался с 1992 г. и характеризовался тем, что хотя Российская Федерация и подтвердила продолжение экспорта газа в Турцию, на практике она отказывалась предоставлять турецкой стороне упомянутые льготы по оплате газа¹⁶. Перестройка системы внешней торговли России, которая в значительной своей части сводилась к переориентации внешнеторговых связей с обслуживания политических интересов государства на преимущественно коммерческие цели конкретных предприятий и фирм, по мнению на тот момент полугосударственной организации ОАО «Газпром», лишило претензии турецкой стороны на оплату газа на компенсационной основе каких бы то ни было оснований. В конце концов, сложившиеся на практике новые платежные условия — нормальные, коммерческие, — на которых российская сторона продолжала осуществлять поставки газа в Турцию, были признаны де-факто, а затем и де-юре.

Таким образом, второй этап действия соглашения о газе теперь уже между Российской Федерацией и Турецкой Республикой ознаменовался попыткой его превращения из соглашения политико-стратегического в коммерческое.

В конце 1997 г. начался новый период в российско-турецком газовом сотрудничестве. В декабре 1997 г. в Турецкую Республику с визитом прибыл премьер-министр РФ В. Черномырдин. Официально цель визита состояла в подписании весьма обширного пакета экономических соглашений, в том числе и нового, в дополнение к уже действующему, соглашения о поставках российского природного газа в Турецкую Республику через акваторию Черного моря с выходом в перспективе на ежегодный объем поставок 16 млрд. куб. м в год¹⁷. С подписанием соглашения российская сторона пошла навстречу давнему желанию Турции о расширении объемов поставок газа.

Правомерно предположить, что и в данном случае программа широкого экономического сотрудничества была предложена Турции в обмен на определенные политические уступки России, прежде всего по вопросу о Черноморских проливах. Данное предположение подтверждалось активным обсуждением политических проблем двусторонних отношений. Показательно, например, заявление В.С.Черномырдина, сделанное уже в ходе визита, о том, что тесные экономические отношения между двумя странами сыграют свою роль в нормализации их политических отношений¹⁸.

Главное политическое требование Москвы состояло в пересмотре Турцией нововведений, которые сводились к дополнительным ограничениям на движение морского транспорта через Черноморские проливы. Одним из важнейших экономических средств его проведения в жизнь стало новое соглашение о поставках газа в Турецкую Республику.

Первоначально подписание соглашения мотивировалось целями расширения торгово-экономических отношений между двумя странами и обеспечения потребностей Турции в природном газе¹⁹.

То обстоятельство, что «Голубой поток» может и должен быть реализован как проект доставки российского газа на географически гораздо более широкие рынки, а именно рынки Южной Европы и даже Ближнего Востока, стало ясно в течение 1998–1999 гг. Поводом для подобной переоценки стал переход в реальную плоскость реализации проекта газопровода, который должен был обеспечить доставку газа в Турцию из Туркмении. Заявленные масштабные планы закупки газа турецкая сторона могла реализовать на практике лишь с учетом перспективы его перепродажи третьим странам. Председатель подкомитета Госдумы по топливным ресурсам В. Язев прямо заявил: «Экономическое присутствие на территории Турции предоставит нам широкие возможности для проникновения на рынки Южной Европы»²⁰.

С начала 2000-х гг. Россия перешла к проведению эффективной политики по нейтрализации своего конкурента на газовом рынке Турции — Туркменистана. В апреле 2003 г. сторонам удалось достичь договоренности и подписать соглашение сроком на 25 лет о поставках туркменского газа в Россию. Дочерняя компания «Газпрома» — «Газ-экспорт» планировала закупать весь туркменский газ, который не расписан по другим действующим договорам.

В итоге с началом действия нового газопровода из России в Турцию в политических отношениях двух стран, напротив, наступил довольно напряженный период, который характеризовался явным несовпадением интересов сторон: Россия стремилась к закреплению своего ключевого положения на газовом рынке Турции и его по возможности эффективному использованию в своих интересах, Турция же предпринимала шаги, направленные на то, чтобы расширить присутствие на своем рынке новых поставщиков и лишить Россию инструмента возможного давления.

На момент завершения реализации проекта «Голубой поток» газовые взаимоотношения России и Турции столкнулись с еще одной отчасти ожидаемой проблемой. Заложенные в первоначальные расчеты темпы роста потребностей Турции в первичных энергоносителях оказались слишком высокими. В итоге государственная газовая компания «Боташ» в 2003 г. пересмотрела свои оценки перспективных потребностей Турции в природном газе: долгосрочный прогноз оставался прежним, но существенно пересматривались в сторону снижения на 30% краткосрочные оценки потребностей Турции на 2003–2005 гг. При этом основными путями снижения импортных поставок являлись снижение объема подачи газа по трубопроводу «Голубой поток» вплоть до 2010 г., поскольку с 2007 г. за счет ожидавшегося роста поставок газа из Ирана, Туркменистана и Азербайджана предложение и без того обещало превысить спрос. Поэтому желание закрепить тенденцию отставания в поставках газа по «Голубому потоку» вполне можно было трактовать как нежелание насыщать потребности рынка за счет именно российского газа.

В марте 2003 г. Турция прекратила отбор газа по газопроводу «Голубой поток» и выдвинула России претензии по цене, которая использовалась как один из основных аргументов приостановки закупок. Многие российские обозреватели обращали внимание на крайнюю ограниченность способов действия для «Газпрома»: предстояло либо вступить в стадию длительного и чреватого значительными убытками из-за простоя газопровода судебного разбирательства, либо пойти на уступки турецкой стороне с тем, чтобы лишить ее намерений снизить закупки газа по новому газопроводу. В результате «Газпром» согласился на снижение цены со 115 до 75 долл. за тысячу куб. м²¹. «Речь идет не о том, по какой цене мы будем продавать газ в ближайшие несколько лет, — прокомментировал ситуацию заместитель начальника информационного департамента «Газпрома» И. Плотников. — Речь идет о том, по какой цене мы будем работать 20 лет. Кроме того, речь идет о том, придет ли на турецкий рынок газ из Ирана и Азербайджана или там все-таки будет продаваться российский газ, пусть и с небольшой прибылью»²².

В начале 2004 г. «Боташ» вновь пересмотрел свой прогноз по динамике спроса на газовом рынке Турции²³ Оценки компании свидетельствовали о признании того факта, что в стране складывается со-

вершенно новая ситуация. Во-первых, потребности Турции в газе, как краткосрочные, так и долгосрочные, были существенно скорректированы в сторону уменьшения: планировалось, что в 2004 г. Турция потребит газа на 40% меньше, чем это планировалось в 2003 г., потребление в 2020 г. должно было составить лишь 52% ранее планировавшегося. Во-вторых, по 2020 г. включительно не планировалось закупок газа из Туркменистана. Новый прогноз подтверждал выход газопровода «Голубой поток» на проектную мощность лишь в 2010 г. Планировалось незначительное снижение закупок газа из Ирана при одновременном росте закупок сжиженного газа из Нигерии и Алжира. Итак, оставалась неизменной общая стратегия Турции в вопросах объемов закупаемого газа, нацеленная на снижение закупок у наиболее крупных поставщиков и увеличение — у сравнительно мелких. На практике, однако, дифференциация поставщиков в зависимости от доли на рынке Турции оказалась не столь уж явно выраженной. Так, по итогам 2004 г. по «Голубому потоку» было закуплено всего 3,2 млрд. м³ против запланированных 4, по иранскому газопроводу — 3,5 млрд. запланированных против 5,7. При этом и из Алжира было закуплено 3,2 млрд. м³ против запланированных 4,4. Аналогичная картина наблюдалась и в 2005 г. Например, объем поставок по «Голубому потоку» составил около 5 млрд. против запланированных 6, из Ирана было закуплено 4,3 млрд. против запланированных 6,7 млрд.

Так или иначе, но осознание того, что Турция «недозакупает» природный газ не только в России по новому газопроводу, но и у прочих поставщиков, не могло повлиять на повышение эффективности использования и сокращение сроков окупаемости «Голубого потока». То есть проблема по-прежнему существовала и ждала своего разрешения.

В то же время за последние несколько лет Турция быстро адаптировалась к новой роли уже не только импортера энергосырья, но и его транзитного поставщика на рынки третьих стран, в том числе европейских. Крупнейший и растущий наиболее высокими темпами европейский рынок в настоящее время снабжается газом из трех основных источников — России, Северного моря и Северной Африки. При этом цель Турции — стать четвертым важнейшим источником, но не добычи газа, а его аккумуляции посредством соединения на своей территории нескольких транзитных маршрутов. До последнего времени считалось, что поскольку Россия имеет собственную газопроводную систему, связывающую ее напрямую с Европой, то она вряд ли окажется заинтересованной в маршрутах транспортировки через Турцию²⁴. Тем не менее, российская сторона согласилась на пересмотр статуса газопровода на определенных условиях, в частности, при удовлетворении своего интереса к поставкам природного газа на внутреннем рынке Турции непосредственно конечным потребителям. В ходе официального визита президента РФ В.В. Путина в Турцию в декабре 2004 г. был подписан рамочный договор о сотрудничестве в области энергетики между ОАО «Газпром» и АО «Боташ», который предусматривал воз-

возможность поставок газа в Турцию из России напрямую или через дочерние компании «Газпрома» вплоть до конечных потребителей.

В этой связи состоявшаяся в ноябре 2005 г. официальная церемония открытия газопровода «Голубой поток», спустя три года с момента начала его действия (по официальной версии, церемония была посвящена выходу газопровода на техническую проектную мощность), являлась в действительности не столько церемонией открытия, сколько важнейшим, с точки зрения реализации стратегических планов Турции, официальным признанием статуса газопровода не как двустороннего, а многостороннего международного проекта, с помощью которого российский газ пойдет в Южную Европу, в частности в Италию. О последнем обстоятельстве свидетельствовало участие в церемонии премьер-министра Турции Р. Т. Эрдогана, президента РФ В. Путина и премьер-министра Италии С. Берлускони, а также подготовка к подписанию меморандума о сотрудничестве между «Газпромом» и итальянской газовой компанией ЭНИ.

Итак, проект «Голубой поток» позволил России, начав с, казалось бы, довольно скромной задачи по созданию более благоприятного транспортного режима для российских судов в Черноморских проливах, обыграть своих конкурентов по торговле природным газом и закрепиться на турецком рынке, который в новых условиях приобрел статус стратегического. Однако экономически это закрепление обещало еще долго оставаться неэффективным в силу ограниченной емкости рынка самой Турции. В итоге актуализировалось использование ее транзитных возможностей. Реализацию своего транзитного потенциала Турция обменяла на более широкий доступ «Газпрома» на свой внутренний рынок. В итоге России, видимо, чуть ли не впервые в истории двусторонних экономических отношений удалось достичь эффективного компромисса, причем именно экономического. Свобода торговли энергосырьем от политических и экономических условий продавца, как того требуют лидеры стран Запада, очевидно, есть условие, обеспечивающее преимущественные выгоды покупателю. Но искусство компромисса состоит именно в том, чтобы, исходя из учета объективных интересов сторон, действовать более гибко и искусно в поисках эффективного инструментария обмена своих невоспроизводимых природных ресурсов на дополнительные дивиденды со стороны покупателей.

¹ Avcioğlu D. Milli kurtuluş tarihi 1838–1995. İkinci kitab. İstanbul, 1993, с. 808.

² Там же, с. 822.

³ Saray M. Atatürk'ün Sovyet politikası. İstanbul, 1990, с. 75.

⁴ Там же, с. 79.

⁵ Там же, с. 54.

⁶ Там же, с. 76.

⁷ Мейер М.С. Советско-турецкие отношения во время Лозаннской конференции в свете архивных документов. — Турция в XX веке. М., 2004, с. 21.

⁸ Altan M. Superler ve Türkiye. İstanbul, 1986, с. 64.

⁹ Ongun T., Seviğ V. The Story of Turkish Liberalization. Ankara, 1991, с. 8.

¹⁰ Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции. М. — Л., 1948, с. 159–161.

¹¹ Там же, с. 193.

¹² Часть уставного капитала банка была сформирована за счет личных сбережений М.К. Ататюрка, а также средств из партийной кассы находившейся в тот период у власти Народно-республиканской партии.

¹³ СССР и Турция (1917–1979). М., 1981, с. 246.

¹⁴ Altan M. *Op. cit.*, с. 65.

¹⁵ N.C. Resmi Gazete, 07.12.1984.

¹⁶ См.: Ульченко Н.Ю. Поставки газа из России в Турцию: ретроспектива отношений. — *Анналы*. Вып. II. М., 1995.

¹⁷ Соглашение между Правительством Турецкой Республики и Правительством Российской Федерации о поставках российского природного газа в Турецкую Республику через акваторию Черного моря. — Архив Аппарата советника по торговле при посольстве Турции в РФ.

¹⁸ Cumhuriyet, 16.12.1997.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Газета, 23.07.2003.

²² Независимая газета, 31.07.2003.

²³ Dođal Gaz Arz ve Talep Senaryoları — <http://www.botas.gov.tr>, 14.04.2004.

²⁴ Devlet N. Turkey's energy policy in the next decade. — *Perceptions. Journal of international affairs*. Ankara, Winter 2004–2005, с. 81.

ВЗАИМНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ И ИРАНА: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И НЫНЕШНИЙ ЭТАП

Отношения России с Ираном имеют многовековую историю. Еще раннесредневековые русские княжества поддерживали связи с Востоком не только через торговый путь «из варяг в греки», но и через магистраль Волга — Волжско-Каспийский путь, который являлся одним из древнейших транзитных путей, связывавших Северо-Восточную Европу с Ираном. Как правило, крупные купцы осуществляли не только торговую, но и дипломатическую миссию. Каждый из них или из государственных людей вез с собой грамоты от своих государей об установлении дружбы и о разрешении на торговлю. Каждая эпоха вносила свои коррективы в палитру складывавшихся отношений наших двух стран — от дружественных до враждебных.

С точки зрения выявления тех интересов, которые определяли характер русско-иранских отношений в исторической ретроспективе, наиболее целесообразным представляется их рассмотрение начиная с XV–XVI вв. Именно в этот период оба государства сформировались как политически независимые и централизованные. Иран становится политически независимым и централизованным государством с приходом к власти Сефевидов и принятием в 1501 г. шиизма как официальной религии, что обеспечило ему легитимную политическую независимость от халифата.

Русь к концу XV в. превращается из ордынского улуса в независимое Московское государство, сумевшее сохранить свою христианскую (православную) идентичность. Опыт политического и экономического развития русских княжеств в составе мусульманской Орды, особенно в сравнении с территориями, оказавшимися вне пределов Орды, нельзя считать позитивным. Положительным, пожалуй, было более тесное знакомство с исламским миром, ментальностью исламских народов, способами ведения дипломатических и экономических связей.

Безусловно, в попытках установить отношения с Ираном сначала преобладали торговые интересы, так как до монгольского нашествия достаточно эффективно действовал Волжский путь, по которому шла торговля между русскими княжествами и территориями, входившими в сферу влияния Ирана. В ответном посольстве Василия Панина, которое отправил Иван III в Шемаху в 1465 г., было много купцов, в том числе и Афанасий Никитин. Для крепнущего экономически молодого

Московского государства, лишенного выхода к морским портам на западе и юге, жизненно важным становится свободное использование Волжского пути для вывоза своих товаров. Казанское и Астраханское ханства также были заинтересованы в расширении торговли. Но в отношении Москвы с ними постоянно продолжает вмешиваться Крымское ханство, периодически добивавшееся перехода ханств под османский протекторат (как, например, по мирному договору с Казанью 1529 г.)¹. Василий III в 1526 г. даже предпринял экономическую блокаду Казани, запретив русским купеческим кораблям спускаться по Волге ниже села Макарьево, хотя эта мера одновременно ударила и по русскому купечеству. Правда, уже при его сыне Иване IV (1530–1584) эта мера привела к возникновению Макарьевской ярмарки как крупнейшего центра торговли с Ираном и другими восточными странами. Экономические интересы преобладают в отношениях Московского государства с Ираном при начавшемся территориальном расширении Русского государства за счет присоединения мусульманских земель при Иване IV. Русский государь был заинтересован в установлении постоянных отношений с Сефевидским государством для ведения торговли не только с Востоком, но и с Европой, особенно после установления в 1553 г. торговых связей с Англией. Начиная с приезда в 1586 г. в Москву посольства Анди-бека от шаха Ходабенде русско-иранские отношения приобретают регулярный характер. Страны начинают обмениваться большими посольствами, которые затрачивают на проезд и пребывание по году-два, иногда больше. Как правило, это одновременно и торговые миссии. Так, посольство Хаджи Хосрова (1592–1594 гг.) впервые получило письменное право на беспошлинную торговлю в пределах Московского государства иранскими купцами². Постепенное налаживание более или менее регулярных дипломатических и торговых отношений между обоими государствами повышало также и заинтересованность европейских стран к использованию Волжского пути в Иран и далее — в Индию.

Экономические интересы в налаживании отношений с Москвой доминируют в XVI–XVII вв. и в Иране. Сефевидский Иран дал пример, пожалуй, последнего всплеска «восточного способа производства» за счет повышения внутреннего экономического потенциала, а не за счет завоевания новых территорий, как это было в Османской империи, достигшей экономического подъема в период своего максимального расширения также в XVI в. — при Селиме I (1512–1520) и его сыне Сулеймане Великолепном (1520–1566). В этот период Иран был объективно заинтересован в транзите через Россию, да и в самой России как рынке сбыта своего главного экспортного товара — шелка.

Нельзя не обратить внимания на религиозную составляющую в формирующихся отношениях обоих государств. Как это ни парадоксально, она оказалась скорее объединяющим, нежели разъединяющим фактором.

Обе страны в этот период фактически оказались религиозными анклавами. Православная Москва, не признав Флорентийской унии, не только находилась в некоторой изоляции от остальной Европы, но при-

обретала и все большую религиозную самостоятельность. После падения Византии, признавшей Флорентийскую унию, московские митрополиты фактически назначались самостоятельно, а уже при Федоре Иоанновиче по инициативе Бориса Годунова (в 1589 г.) было введено патриаршество.

Шиитский Иран не признал права Османской империи (в 1517 г.) на халифат³, рассчитывая вернуть его потомкам Али. Противоречия Ирана с Османской империей перерастают не только в территориальные, но и в религиозные. Кстати, Московское государство, включив в свой состав суннитские ордынские ханства (правителей которого, как правило, поставляло Крымское ханство, фактически входившее в состав Османской империи), тем самым максимально снизило вероятность влияния на них халифата, хотя в полной мере своим статусом халифа султан пытался воспользоваться лишь в XVIII в. при вхождении Крыма в состав России. А подобных опасений в отношении Ирана у Москвы не могло быть. Интересно отметить, что в Европе, которая еще в XVI в. и даже XVII в. терпела поражения от османов, Иран, видимо, из-за его религиозных разногласий с османами и из-за кровительства иранских шахов христианам воспринимался как достаточно близкое по культуре, по организации городского хозяйства государство.

Став своеобразными религиозными анклавами, оба государства оказались связанными общими геополитическими интересами, определяемыми необходимостью отражения османской экспансии, что в первую очередь непосредственно касалось Ирана. Возможно, что в отношении Московского государства реальных планов по захвату поволжских ханств у Османской империи не было. Но не учитывать возможности их подчинения османами и того, что Москва останется практически отрезанной даже от Каспийского моря и Волжского пути, Московское государство не могло. При Иване IV Казанское (1552) и Астраханское (1556) ханства становятся территориями Московского государства, в 1557 г. зависимость от Москвы признала Ногайская орда, в конце XVI в. — Сибирское ханство. Известно, что московское духовенство выступало за борьбу с Казанью, однако целью государственной политики была не христианизация ханств, а главным образом вывод их из-под возможного влияния Османской империи, ставшей Османским халифатом. Началось расширение русского государства на восток взамен утерятных западных земель. Аналогичную политику проводили и Сефевиды, которые в 1519 г. завоевывают Грузию, Ширван, а в самом начале XVII в. — Бахрейн. На всем протяжении XVI–XVII вв. Иран ведет войны с Османской империей. Поэтому Иран проявлял заинтересованность в поставках вооружения, в том числе и из Москвы. Так, в сообщении крымского хана турецкому султану Сулейману I Кануни говорится о том, что в Москву в 1521 г. прибыло шахское посольство, которое получило от московского князя «много пушек, мастеров и доспехов». В 1569 г. Иван IV отправляет в Иран посольство Хозникова, которое везет 100 пушек и 500 ружей в качестве военной помощи Ира-

ну для борьбы с Османской империей⁴ Уже в конце XVI в. была предпринята попытка военного союза, когда Аббас I предложил Федору Иоанновичу выступить совместно против Османского государства, обещав взамен Дербент и Баку. Однако заключенный в 1590 г. ирано-турецкий мирный договор, который иранский посол Хаджи Хосров объяснял Борису Годунову как временный, был расценен Москвой как попытка втянуть ее в одностороннюю войну с османами. При этом Годунов выдвинул инициативу по созданию антитурецкого военного союза Ирана с европейскими государствами⁵ Для России более значимым с точки зрения национальных интересов является в этот период освоение вновь приобретенных земель, а вскоре наступило время Смуты и польского нашествия. Иран самостоятельно в начале XVII в. возвращает себе земли Азербайджана вместе с Тебризом.

Геополитическая ситуация в XVII в. изменяется. Включение Левобережной Украины в состав России территориально приблизило Россию к Османской империи, сделало актуальной проблему обеспечения безопасности этих земель, их выхода к южным морям, т.е. актуализировало решение главным образом геополитических задач, которые были тесно связаны с задачами общеевропейскими — уменьшением влияния Османской империи.

Новый этап цивилизационного развития европейских стран после промышленной революции сделал реальной задачей сначала экономического, а затем военного ослабления халифата. Османская империя пытается компенсировать утрату своих позиций в Европе за счет восточных земель, в том числе иранских и кавказских территорий. Это пытаются использовать и Россия в своих изменившихся геополитических интересах — выполнение этих задач, которые одновременно оказываются связанными с задачами ограничения мусульманской экспансии Османской империи, начинает осуществлять Петр I. Он впервые использует на официальном уровне религиозный аспект в отношениях с Ираном, который в значительной мере лишь «прикрывал» геополитические задачи новой империи. В манифесте 1722 г., предварившем Персидский поход, помимо целей закрепить на Каспийском море и обеспечить безопасность Волжско-Каспийского пути провозглашались задачи освобождения христианских народов Грузии и Армении. Они и стали причинами для начала войны против Ирана. Одним из факторов стало и ослабление Сефевидского государства, приведшее фактически к потере государственности.

С этого периода направленность и пути исторического и социально-экономического развития Ирана и России кардинально расходятся. При Петре I Россия делает окончательный выбор, встав на путь европейского типа развития, пусть и с большими отклонениями. Иран, который еще при Сефевидях, особенно в начале XVII в., воспринимался в Западной Европе не более «азиатским», а иногда даже менее азиатским, чем Россия, остается в русле развития восточных, а вернее — мусульманских стран Востока. В основе интересов в этот период

со стороны России преобладают геополитические, так как империя начинает развиваться по имперскому императиву — расширяться территориально. Со стороны Ирана эти интересы можно определить как национально-государственные, так как главными стали попытки сохранить, в том числе с помощью России, иранскую государственность.

По Петербургскому договору 1723 г. Россия должна была оказать помощь Ирану в борьбе против афганцев, получая взамен Дербент, Баку, Гилян, Мазендеран и Горган. Конечно, Иран уступал много, но у него не было сил бороться на два фронта — с гильзаями-афганцами и с османами. Османская империя не собиралась остаться без компенсации за потери тех иранских земель, которые находились в сфере ее интересов. Поэтому в Стамбуле в 1724 г. подписывается трактат, по которому Турция соглашается с условиями Петербургского договора, но получает взамен Восточное Закавказье и часть Западного Ирана.

Однако после смерти Петра I интерес России к иранскому направлению внешней экспансии, которая требовала значительных финансовых затрат, затухает и начинает ограничиваться главным образом поддержкой и сохранением в составе империи христианских территорий Закавказья. В этой связи интересно обратить внимание и на действие не только объективных, но и субъективных факторов. Объективно Российская империя вступила в фазу расширения, но с уходом такого личностного фактора, как Петр I, этот объективный фактор перестал действовать. Он заявил о себе, но не стал национальной задачей. И как только Россия столкнулась с сопротивлением усилившегося государства Надир-шаха, она отказалась от большинства завоеванных иранских территорий.

Но уже в XIX в. колониальная фаза развития капитализма, экспансия Великобритании в Южной Азии, экстенсивный по преимуществу тип развития российского капитализма способствуют тому, что так называемый имперский императив приобретает характер национальной задачи. Он проявляется в расширении территории, обеспечении безопасности христианских народов Закавказья путем включения их земель в состав России, в укреплении экономических позиций в Иране. На этом историческом этапе Россия поступает так, как и другие европейские страны. Более того, в XIX в. меняется и внешний фактор как побудительный фактор расширения. Место Османской империи все более занимает фактор расширения Британской империи, приближившейся к границам России. Кавказ и Закавказье включаются в состав России, как и часть среднеазиатских территорий. Иран становится полуколонией России и Англии. Как и при Петре I, в начале XIX в. интересы России решаются главным образом военным путем, но теперь уже более успешно для России. Необходимо отметить, что в отличие от западноевропейских стран территориальное расширение России являлось не просто военным завоеванием территорий. И расширение России на Запад не совсем адекватно расширению на восток и юг. Восточная политика России не только использовала национально-конфессиональные

противоречия для включения земель в свой состав, но часто ими и инициировалась. Россия оказалась втянутой по разным причинам в конфликтные отношения местных национально-территориальных элит (впрочем, как и сейчас). И именно этот фактор преобладал в отношениях между Россией и Ираном в этот период.

О совпадении национальных интересов Ирана и России в этот период говорить не приходится, поскольку расширение России на юге произошло за счет Ирана. Тем не менее, утверждение, что именно борьба России с Англией за влияние в Иране помогла ему избежать потери государственного суверенитета, практически никем не оспаривается. В конце XIX — начале XX в. в структуре интересов России в Иране отчетливо преобладают уже экономические, реализуемые через торговые договоры и концессионные соглашения. К этому времени Иран также все больше начинает извлекать выгоды от связей с Россией, особенно от внешней торговли, которая почти до конца XIX в. имела положительный баланс в пользу Ирана. Однако эти интересы как общенациональные еще не сформировались. Можно говорить отдельно об интересах купечества, связанного с российским рынком, тех иранских предпринимателей, которые ориентировались на российский рынок, об интересах огромной массы рабочей силы, ставшей «отходниками» и составившей весьма значительный процент занятых на нефтепромыслах и промышленных предприятиях Кавказа.

Ситуация меняется в первые годы после установления Советской власти, когда главными задачами для Советской России становятся идеологические. Советская Россия пытается «экспортировать» советскую революцию, в том числе и в Иран, введя свои войска в Гилян. Но более значимыми в этот период оказались интересы молодого российского государства, связанные с безопасностью из-за английской интервенции. Поэтому в обмен за отказ от претензий на собственность царской России РСФСР добилась включения в договор 1921 г. статьи 6, дававшей право на ввод войск в случае возникновения на территории Ирана угрозы для России.

Упрочение Советской власти, переход к НЭПу меняет направленность интересов Советской России к Ирану, поставив на первое место экономические. Нужно сказать, что концепция мирного и экономического воздействия на Иран победила не сразу, так как рассматривалась и другая (инициатором которой был зам. наркома иностранных дел России Л. Карахан) — свержение шаха и образование правительства социал-националистов⁶. К 1925 г. в обеих странах были решены проблемы с выбором формы государственности, в основном покончено с национал-сепаратистскими движениями, и главные проблемы переместились в область экономики как необходимого условия сохранения политической независимости. Россия первой признает и закон о монополии внешней торговли и о введении самостоятельного таможенного законодательства. Однако общность экономических интересов к концу 30-х гг. приносится в жертву идеологическим. Не последнюю роль

в отношениях СССР и Ирана играют изменения в характере власти обеих стран, все более тяготеющих к диктатуре, мировой экономической кризис, ориентация Ирана на расширение военно-экономического присутствия Германии.

В период Второй мировой войны наибольшую значимость для СССР имеют военные и идеологические интересы, результатом которых стало проведение иранской военной операции, практически единственной успешной военной акции в начальный период войны, и провозглашение в конце войны автономных республик в Иранском Азербайджане и Курдистане. После их падения и последующего разгрома коммунистических и демократических организаций отношения между нашими странами были фактически заморожены. Попытка реформирования советской экономики и начало проведения масштабных экономических реформ в Иране в 60–70-х гг. прошлого века приводят к пересмотру двусторонних отношений. Советская система находится на подъеме своих экономических возможностей, экономические интересы и Ирана, и СССР в этот период совпадают, но в определенной степени это и геополитические интересы. СССР демонстрирует Западу свои возможности в тех отраслях, от участия в которых последний отказался; Иран, в котором политически и экономически доминируют США, демонстрирует свою самостоятельность в проведении внешнеэкономического курса. Уже в 1962 г. Иран заявляет, что «никогда не разрешит, чтобы Иран был средством агрессии против территории Советского Союза»⁷

Новый этап взаимоотношений, а с ним и новый спектр интересов связан с появлением Исламской Республики Иран и Российской Федерации. В настоящее время своеобразной «визитной карточкой» наших взаимных интересов стала реализация Ираном с помощью России программы строительства первой АЭС. В данный сборник также включены статьи, касающиеся этой тематики. Но ядерной программой наши совместные интересы не начинаются и не заканчиваются. В самый напряженный период постсоветской истории Иран был в большей степени нашим сторонником, нежели противником. Иран, ставивший своей целью после исламской революции ее экспорт, в нашей стране не стал ее реальным проводником. Иран как член ОИК, возглавивший ее в период военной операции в Чечне, определил движение в Чечне не как исламское, а как сепаратистское. Таким образом, религиозный фактор не стал для двух стран разъединяющим. Есть совпадения и в таких геополитических интересах России и Ирана, как в отношении продвижения НАТО на Восток, присутствия военных сил США в регионе, присутствия третьих стран на Каспийском море. Россия и Иран не делают равенства между объективным процессом глобализации и монополией одной страны при решении международных и тем более национальных задач. Для обеих стран совпадают интересы по поддержанию безопасности границ, борьбе с наркотиками, поступающими из Афганистана. Для России и Ирана главная из геополитических задач приобрела ха-

рактик общенациональных интересов и связана с предотвращением сепаратизма и распада наших стран по религиозным причинам. Можно, например, по-разному оценивать идею проведения саммитов тюркских государств и создания Содружества тюркских государств, программу работы международного тюркского курултая. Но слова премьер-министра Турции Р. Эрдогана на последнем курултае в сентябре 2006 г. о том, что «создание Содружества позволит тюркоязычным государствам выступать на международной арене с единой позицией»⁸, могут усилить сепаратистские настроения среди тюркских народов как России, так и Ирана.

Необходимо отметить, что последние внешнеполитические концепции Ирана вполне укладываются в характер интересов и практических отношений с Россией. Это и концепция М. Хатами о «диалоге цивилизаций», и концепция М. Ахмадинежада о «справедливости и этике» (о неприемлемости диктата одной державы).

Экономические интересы двух стран в основном совпадают, несмотря на то, что обе страны являются экспортерами нефти и газа. На современном этапе мирового развития именно согласованные действия на мировом энергетическом рынке и являются взаимным интересом. Россия и Иран заинтересованы в реализации совместных энергетических проектов. Военное сотрудничество также взаимовыгодно. Для России оно выгодно в первую очередь экономически, так как Иран является одним из крупных импортеров российского вооружения (после Китая и Индии). Но этот аспект сотрудничества, на наш взгляд, в гораздо большей степени отвечает интересам Ирана, испытывающего трудности с закупками военной техники от западных стран. Это сотрудничество помогает решать и определенные геополитические задачи как России, так и Ирана. Неменьший интерес представляют и совместные транспортные проекты. Предложив строительство АЭС России в самый тяжелый для нее экономический период, Иран во многом содействовал поддержанию этой российской отрасли. Для России Иран — более привлекательный объект сотрудничества, чем другие страны региона, поскольку он обладает довольно значительным экономическим потенциалом и достаточно диверсифицированной экономикой. Поэтому Россия поддержала присоединение в 2005 г. Ирана к ШОС в качестве наблюдателя.

Однако говорить о полном совпадении интересов мы не можем. Сохраняются разногласия по делимитации морского дна и природных ресурсов Каспийского моря. (Иран остался верен до сих пор первоначальной идее России относительно статуса Каспийского моря.)

Пожалуй, кроме затянувшегося строительства АЭС крупных реальных проектов в Иране у России нет. Новых контрактов по АЭС тоже нет. Россию не может не настораживать использование Ираном атомной энергетики в качестве политического инструмента. Позиция Ирана, выявив слабости правовой основы режима нераспространения, в то же время сделала этот режим менее устойчивым. Убедительных доводов

целесообразности строительства более двадцати АЭС в таком сейсмоопасном регионе, как Иран, нет. В целом товарооборот российско-иранской торговли невысок: всего 2–2,5 млрд. долл. Российский капитал фактически не участвует в иранском бизнесе. При этом Россия, защищая право Ирана на его ядерную программу, рискует из-за позиции США и Европы по Ирану потерять с трудом завоеванные позиции в мировом сообществе — позиции не только экономические, но и политические (соглашения с ЕС, с НАТО). Хотелось бы, чтобы иранская сторона понимала интересы современной России, отказалась от игры на ее прежнем «имперском» синдроме и могла идти на тактические уступки, необходимые для реализации своих стратегических целей. Тем более что стратегические цели наших стран в целом совпадают.

¹ Похлебкин В.В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII–XVI вв. 1238–1598 гг. (От битвы на р. Сить до покорения Сибири). М., 2001, с. 105.

² Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 гг. М., 1976, с. 200–201.

³ После захвата Египта потомок аббасидских халифов был привезен в Стамбул, где был вынужден передать свой титул султану Селиму I. Религиозный мотив легитимности османской династии усиливался тем, что в руках османских султанов оказались священные города Мекка и Медина; Штайнбех У. История Турции. М., 2006, с. 23.

⁴ Мамедова Н.М. Российско-иранские экономические отношения. — Россия и Иран. Иранистика в Татарстане. М., 2001, с. 135.

⁵ Бушев П.П. Указ. соч., с. 201.

⁶ Персиц М.А. Застенчивая революция. М., 1999, с. 36.

⁷ Правда, 16.09.1962.

⁸ Корицкий С.А. Тюркский саммит в Анталье. — www.iimes.ru

**PAKISTAN-RUSSIA RELATIONS
Pre and Post-9/11 Perspective**

The 11 September 2001 terrorism incidents in New York and Washington, USA, and subsequent developments at international level made the epoch of the 21st century extremely fluid. A century, which was welcomed with great hopes for promoting peaceful coexistence, social justice, ethno-religious tolerance, human rights, and overall socio-economic development around the Globe, witnessed its very first year extremely unexpected with the happening of the 9/11 incidents. Expressing their solidarity, great and small countries, all were unanimous in their condemnation of these terrorism acts. Many saw it as an attack on the international order. The post 9/11 mood in the international affairs led analysts speak about a holy alliance similar to the post-Napoleon concert of Europe¹ Over thirty countries joined the coalition of the willing. Main developments around and after 9/11, 2001 included:

— The formation of a United Nations sanctioned International Coalition led by the US to combat terrorism.

— The launching of a military action (Operation Enduring Freedom) against Al-Qaeda and Taliban in Afghanistan.

— Dismantling of the Al-Qaeda network, and toppling of the Taliban regime and destroying its power.

— NATO's activating Article 5 of its charter for the first time in the history of the organization in the US defence and first time undertaking assignment outside of its area of responsibility.

— America's physically entering into Central Asia by securing military bases in the countries of the region, and

— International community's recognition of the gravity of the Afghan crisis and its coming to political, economic stability and infrastructure development of the country.

However as the time proceeded, a perception appeared that under the shadow of the War against Terrorism the US is striving for its international strategic objectives. A deep Euro-Atlantic crisis appeared in early 2003 over the US military action against Iraq. France opposed the action and was supported by Germany. Judging from their behaviour in the United Security Council, Russia and China also opposed the course adopted by the US administration on Iraq². A similar behaviour seems to be demonstrated by them over the ongoing US-Iran nuclear stand off.

Post 9/11 developments especially Afghanistan and Iraq issues have, and are considered to put deep impact on Asia geo-strategic and economic affairs in particular and global in general. A new paradigm seems to be appearing on the South and Eurasian geo-strategic canvas. The process of alignment and realignment of interest by global and regional actors has estranged friends and brought times old adversaries together.

There is no denying the fact that in the present-day international system it is impossible for country to live indifferent what is happening around its frontiers and in the overall international system. In this age of Globalization a small event may have its impact in a far corner of the World. Thus it becomes critically important for foreign policy practitioners of a country to define, protect and promote national interests of their country according to the changing environment. Basing on this phenomenon, the foreign policy of country cannot be static, rather highly dynamic. Nor, there can be permanent friends or foes in international system; the only permanent is the national interest and how to achieve it.

Viewing in light of the overstated facts and parameters, the dramatic improvement in Pakistan-Russia relations during the last five years reflects that they are very much cognizant of the developments around their frontiers and in the region and have reset their priorities according the new environment. Both these countries had a history of checkered relations. Throughout their relations, one notices, vicissitudes than continues theme or themes³ An extremely serious shortcoming of the Pakistan Foreign Policy has been its utter failure in giving due attention to improve relations with Moscow. Even after the end of the Cold War, there has been no attempt in this regard.

However, given dramatic geo-strategic developments in South and Central Asia after 9/11, where both of them have serious legitimate concerns, there was a strong realization in both capitals to forget the bitter past, improve bilateral relations, build confidence and work together to address bilateral as well as regional issues. In other words one can say that sharp developments in the region have pushed them to readjust in the changed paradigm, reassess their interests, and cooperate on the points of common interest, such as combating terrorism and extremism; working for the regional security, stability and cooperation; restoring stability in and reconstruction of Afghanistan; drugs control; arms proliferation; commerce and trade and so on. One should hope that this new beginning in Pak-Russia relations would strengthen and flourish, and would not be affected by shifts in interests and alliances.

Pakistan-Russia relations have impressively improved during the last 5–6 years; new ways and areas for enhancing mutual cooperation have been and are being identified. However, it should also be remembered that in international relations confidence building and strengthening relations is a time taking process and, of course, requires testing at crucial moments. Russia is a strong and important regional player and seems promising to regain its role in the international system. Under President Putin leadership,

Russia has remarkably overcome its economic and political problems that it faced immediately after the demise of the USSR. It is reasserting through its active role in regional and global organizations.

Pakistan, of course, is a key ally of the sole super power of the present-day unipolar world, but the history shows that most of the time their relations have been interest based. As has been happening in the past, Pakistan may again be left in lurch by its western allies for any reason. Therefore, in the changing environment he should try to keep its options open by strengthening its relations through confidence building and extensive interaction with other probable regional and global actors. In this context Pakistan will have to adopt a pragmatic approach in its foreign policy while setting discourses.

In this study, it has been tried to make an account of developments in Pak-Russia relations in their pre and post 9/11 perspectives. Since past cannot be de-linked from present and future and always has its impact, first a brief account of Pak-USSR relations has been discussed that is followed by post Cold War and post 9/11 Pak-Russians respectively.

The Cold War Era

The Period of Non-alignment

Pakistan's relations with the former Soviet Union, the predecessor of current Russia, feature sharp up and downs. Moscow did not look at the creations of Pakistan in August 1947 as a favourable development. The Soviet Union regarded the division of the Indian Subcontinent as 'the divide and rule' strategy of British policy in India, and had earlier labeled the Muslim League as a tool of the British, from its very inception. Moreover, it did not send any congratulatory message to the Governor General Mohammad AH Jinnah, the founder of Pakistan. Rather, it moved slowly in extending its diplomatic recognition to Pakistan. The first move to establish diplomatic relations between Pakistan and Russia was not made till April 13, 1948, when Pakistan's Foreign Minister, Zafarullah Khan, in New York proposed to Soviet Deputy Foreign Minister, Andrei Gromyko, that their countries should exchange ambassadors. Though, the Soviet agreement to establish diplomatic relations was announced within a month of the New York meeting, it was after another seventeen months that Pakistan named her first ambassador to the USSR. The nominee presented his credentials in Moscow in the last days of 1949. His counterpart from Russia took even longer to show up in Pakistan and assumed charge of his office on March 22, 1950⁴

At the time of the birth of Pakistan, the existing international system was characterized by the tight bi-polarity of the Cold War, which had its spheres of influence. Pakistan, as an embryonic state, was confronted with serious problems of its development and defence. The manner of partition, which brought Pakistan and India into being, had the worst adverse impacts

territorially, economically and financially on Pakistan, and it further faced the issues arising out of the Kashmir and river water disputes, the legacy of imperial duplicity of the out going imperial power. Britain could not be relied upon to arbitrate impartially in the solutions of the problems it had itself initiated. The Kashmir dispute could not find a place in the early agenda of the Commonwealth Conference, where, after a strong protest by the then Pakistani Prime Minister, Liaquat Ali Khan, it was only informally discussed. At this stage, namely the first few years (1947–1953) of the existence of Pakistan, it can be described as the era of non-alignment for the newborn nation state, faced with major internal and external problems.

By now, it had become clear that the policy of non-involvement in the power politics did not pay. On the Kashmir dispute, the Soviet Union maintained a neutral and non-committal attitude, while the Western members of the Security Council initially strove to have the Kashmir dispute settled. Since the status quo was acceptable to India, and not at all to Pakistan, the Soviet attitude in effect favoured India. In a session of the UN Economic Commission for Asia and Far East in 1948, Pakistan made it clear that she would accept aid from any source, but USSR did not respond to that request⁵

In 1949, two events caused Russia and Pakistan to give a new look to their relationship. The first was India's decision in April to remain within the Commonwealth. It was a clear sign that she was leaning towards the Western countries, which were allied in various post-World War II organizations in the US-led camp, and thus on the opposing side of the USSR. The second was Indian Prime Minister, Jawaharlal Nehru's announcement on May 7, 1949, that he had accepted an invitation to visit the United States in October the same year⁶ In reaction to this, the Soviet Union extended an invitation to Pakistan's Prime Minister, Liaquat Ali Khan, in 1949 to visit Moscow. The visit of the Pakistani Prime Minister, as accounts have shown, were on the cards, but circumstances so conspired that Liaquat Ali Khan went to United States instead, thus shelving his visit to Russia. No official explanation was given for this decision, to explain the preference to first visiting the US instead of USSR, from which it had received the prior invitation. However, it is generally believed that Pakistan was in need of economic and military aid for development and defence purposes. Moreover, Pakistan was striving for a resolution of Kashmir dispute with India, on which the Western countries were initially striving for a resolution in the United Nations' Security Council, in stark contrast to the position taken by the Soviet Union, which had maintained an indifferent and neutral stand, one that was more favourable to India. Since the US, along with its allies in the Security Council, was in a better position to help Pakistan in the Kashmir dispute and in providing the financial aid required, the fledgling Pakistan Government had to take the more expedient route. However, Pakistan had no intentions of having relations with the US at the cost of relations with the Soviet Union. While in the US, Liaquat Ali Khan repeatedly stated that Pakistan had much to gain in the agricultural field through better relations with the Soviet Union⁷

Pakistan's Joining Western Alliances (The Era of Alliances)

An abrupt change came Pakistan's earlier non-aligned foreign policy with its decision to join the Western security alliance system, SEATO in 1954 and CENTO in 1955. This phase of an alignment with the Western bloc led by the US is generally regarded as the Era of Alliances (1954–1962) in the Pakistan's Foreign Policy history. The following reasons can be forwarded for this change in Pakistan's foreign policy.

— Although the Western security alliance system was aimed to check the spread of communism, yet Pakistan hoped to acquire substantial economic and military aid to bolster its defences against India, with which it had an outstanding dispute over Kashmir and had fought a limited war in 1948.

— Pakistan felt that with its membership of the Western security alliance system, it could seek a solution of the Kashmir dispute through the help of partner Western countries.

— The elites of Pakistan were under the Western influence and were advocating Pakistan's joining of Western alliance system.

— Ideologically, Pakistan was more akin to the US than to the Soviet Union.

The USSR did not appreciate Pakistan's alliance within SEATO and CENTO, which it interpreted as a link in the containment strategy against it by the United States. Despite Pakistan's assurances that its own alliance partnership was intended to strengthen its defences against India, the Soviet Union looked at Pakistan with suspicion. With the intensification of global rivalry between the two super powers, as well as the growing rift between the two communist giants, Russia and China, Russia took a big swing towards India. It was indeed significant that relations between Pakistan and the Soviet Union remained satisfactory as long as Pakistan remained uncommitted in the Cold War. Before 1954, the Soviet Union maintained a neutral and a non-committal or indifferent attitude on Kashmir, when the Western countries were initially striving to find a settlement to the dispute. Though the Soviet initial indifference did not help Pakistan, it was when Pakistan joined the SEATO and CENTO, that Soviet Union became overtly pro-India. In one of his speeches during his visit to India in December 1955, the Soviet premier, Bulganin, declared that he regarded Kashmir as the northern part of India and the people of Kashmir as part of the Indian people⁸

Despite this background of suspicion, there were instances when both the Soviet Union and Pakistan took significant steps to improve bilateral relations. In March-April 1954, a delegation of the Soviet cultural troupe toured Pakistan and a festival of the Soviet films was held in Karachi. To reciprocate this, the Pakistani government also sent a delegation to study the Soviet industrial and agricultural development. In 1956, the Soviet Premier Bulganin, offered Pakistan technical know how for peaceful uses of atomic energy. Pakistan's Republic day (August 14) was attended in Moscow by the Soviet Foreign Minister, Molotov, who hinted that the Soviet government would be willing to construct a steel mill in Pakistan. The USSR announced

a gift of 16,500 tons of rice to help Pakistan tide over a food crisis. Also in the same month, both countries concluded a trade agreement, which accorded each other 'the status of the most favoured nation' regarding imports and exports. The Soviet government once again invited the Prime Minister of Pakistan to visit USSR, but the visit once again could not materialize because of internal political developments within the country.

Leader of Soviet Parliamentary delegation, I. A. Benedictov, paid a visit to Pakistan in February 1958. He expressed his country's willingness to give economical and technical assistance to Pakistan, mainly in agriculture, control of floods and desalination, control of pests and soil erosion. Following the change in government in Pakistan, Moscow once more renewed its offer of assistance in November 1958, to help explore natural resources, particularly oil. The two countries signed a barter deal in December 1959. However, it was the U-2 spy plane incident in May 1960, which brought the bilateral relations to its worst position⁹ Pakistan's acceptance in August 1960, of the Soviet offer of long term loan of US \$30 million for oil exploration helped in restoring the relations. The oil agreement was followed by another barter deal in August 1963 and an air link agreement in October 1963.

The Era of Bilateralism

Pakistan's policy of alignment with West faced a major litmus test after following the Sino-Indian border war in 1962. America, as part of its China containment policy, rushed military aid to India, to which Pakistan strongly objected. United States, however, ignored this protests. Pakistan, therefore, reviewed its policy and started normalising its relations with Russia and China. That era from 1963–1978 is generally known as the era of bilateralism. President Ayub Khan's visit to Moscow in April 1965, was the first direct personal contact in 18 years between the top leaders of Pakistan and USSR. The talks between the Russian leaders and President Ayub contributed to removing the misunderstanding, which had plagued relations between the two countries. The visit paved the way for signing three agreements on trade, economic cooperation and cultural exchanges. However during the India-Pakistan war of 1965, the Soviet position on the problem was consistent with its manifest support of India. Yet, following the cessation of hostilities. It was the Soviet Union which played the forefront role as both the Indian and Pakistani heads of government signed the 'Tashkent Declaration' on Soviet territory, which was assuaging to Pakistan. Pakistan-Soviet collaboration continued with another barter deal signed in January 1966, providing for the exchange of Pakistani rice for Russian vehicles and road building and engineering machinery. In May 1966, Soviet consular offices were opened in Dhaka and Karachi. The same year Soviet Union also offered Pakistan US \$80 million in aid and also agreed to grant a credit of Rs.600 million for constructing 15 broadcasting stations.

Russian Premier, Kosygin, visited Pakistan in April 1968. As an outcome of the visit, Moscow announced a limited quantity of arms supply to Pakistan. However, the Soviet military aid to Pakistan amounted to only \$5–10 million

as against \$600–700 million arms assistance to India. Even Afghanistan and Iran received much larger Soviet arms aid than Pakistan did, amounting to \$260 million and \$100 million respectively¹⁰ Pak-Russia relations once more deteriorated in 1971 with the signing the Indo-Russia friendship treaty, and Pakistan's successful efforts at rapprochement between China and US. Soviet Union played a decisive role in the dismemberment of East Pakistan, through its role both at the Security Council and in the military assistance it rendered to India during the December 1971 India-Pakistan war. It vetoed the Peking-supported US resolution in the UN Security Council on December 5, 1971, which called for the immediate cessation of hostilities, withdrawal of armed forces and stationing of observers on the India-Pakistan border. To the contrary, Soviet Union, in line with the Indian stand, demanded first for a political settlement in East Pakistan, followed by the cessation of hostilities. On December 6, 1971, the Soviet Union vetoed another resolution supported by the US, in which the Soviet Union's objections did not contain 'political settlement' of the East Pakistan crisis as a priority. Along with eight other socialist countries, the Soviet Union once more vetoed an Argentine-sponsored resolution asking for the cessation of hostilities and withdrawal of armed forces from each other's territory. On December 13, 1971, the Soviet Union used its veto for the third time to prevent the passage of a US sponsored resolution calling for an immediate cease-fire. To the contrary, it supported the Polish resolution, which urged Pakistan to take steps for a peaceful transfer of power in the 'eastern theatre of conflict' to the lawfully elected representatives of the people, headed by Sheikh Mujibur Rehman, as the 'correct approach'. Pakistan construed the Soviet stand as an interference in its internal affairs¹¹

Moscow's decision of sending its military forces into Afghanistan in the late 1979, to put in place a proxy regime and defend it against the rising mass resistance, and the resultant outright war against the Afghans, further worsened its relations with Pakistan. However, as Pakistan became a frontline state and along with other regional powers, feared that accepting the Soviet occupation of Afghanistan would endanger its own long-term security interests. Pakistan again found itself firmly entrenched in the Western camp, aligned against the Soviet Union in the Western strategy of defeating the Soviet aggression. By bolstering up the Afghan resistance, Pakistan played a pivotal role as a conduit to land-locked Afghanistan and eventually in the defeat of the Soviet ability to hold on to Afghanistan militarily, thus shattering its image of invincibility. Most political observers agree that the Soviet debacle in Afghanistan was a major contributory factor in the eventual demise of the Soviet Union and the fall of communism within Soviet Union itself¹².

The Post Cold War Milieu

At the end of the Cold War, the biggest challenge confronting both Pakistan and Russia was how to come out of the Cold-War legacy featured by mutual suspicions and hostility. Equally important was to open a new

chapter of bilateral relations in the changed scenario. About Pakistan an analyst wrote, while Pakistan must have friendly and Cooperative relationship with the world's only superpower, it should also know the hazards of excessively relying on any single power. America has its own interests to look after but they should not necessarily coincide with Pakistan's interests in South Asia and the Gulf region. Russia may not be Pakistan's neighbour, but it is very much present in Central Asia, which it calls its "near abroad". There it has vital economic and geopolitical interests. Common sense dictates that Pakistan should be on friendly terms with this Eurasian power. It is a time that the two countries looked forward instead of looking back and made efforts to develop a friendly and fruitful relationship¹³

The first high-level contact between Russia and Pakistan took place when then Pakistani Secretary General of Foreign Affairs, Akram Zaki, paid a four-day visit to Moscow from 27th September 1992. The Russian Vice President Alexander Rutskol received Mr. Zaki on 30 September and said, "We want to have close relations with Pakistan"¹⁴ Pakistani press commenting on the visit observed that the Pakistan foreign office has finally woken up to the need to develop better relations with Russia and the other non-Muslim Republics emerging from the disintegration of the Soviet Union. Given the fact that this visit comes at the time of Indian defence minister, Pawar's visit to Moscow, it should not be a purely reactive visit. For too long, Pakistan has tended to have a foreign policy that reacts to Indian initiatives, rather than being based upon, long term consistent national goals. While this approach may have found at least some minimal logic within a bipolar frame work, in the post bipolar international milieu the Pakistan Foreign Office must move out of its almost Cold War like psyche. Therefore, Pakistan can explore a number of military and economic options with Russia. Given the problems of weapon procurement from the West. Russia could be an attractive alternative-both in terms of prices and quality. The latest Russian land and air, hardware are technically comparable to those of the West. In addition, the Russians not only have this hardware readily available in terms of stocks, they need the sales to bolster their faltering economy. The huge military-industrial infrastructure of the Soviet Union can not be pulled down at once without causing the successor states population economic hardships.

In the final analysis of course, Mr. Zaki visit can only be of substantive use if it denotes change in the mind-set of the decision-making elites in relation to their perception of globe politics and their images of state like Russia¹⁵ Pakistani Minister of State for Economic Affairs, Sardar Assef Ahmad Ali, visited Moscow followed by his well-known tour of the Central Asian States in November 1992. It was the first ministerial level visit from Pakistan to the Russian Federation after the years of neglect by past governments and contributed significantly to the opening of a new chapter in Pakistan's relations with, Russian Federation¹⁶

The Russian Vice President Alexander Rutskoi arrived in Lahore on 19th December 1992. He met Prime Minister Nawaz Sharif at the Governor's

House, Lahore on 20th December and had a detailed discussion on bilateral relations in political, economic, commercial and cultural fields. The joint communique issued at the end of Mr. Rutskoi visit said that it was the policy of the Russian government to develop relations with Muslim states on new principles, devoid of ideological obstacles and based on mutual respect, good will and mutual benefit. The joint communique was significant in many ways. It reiterated Russia's support for the Pakistani proposal of a nuclear-free zone in South Asia. It also welcomed Pakistan's move for a five-nation conference on nuclear nonproliferation in the region. The Russian side acknowledged Pakistan's position on Kashmir and expressed the hope that the issue would be resolved peacefully through negotiations between Pakistan and India on the basis of international agreements. The Foreign Minister of Pakistan and Russia Federation, Muhammad Siddiqu Khan Kanju and Andrei Kozyrev, met at the United Nations in September 1992 and agreed to take steps for the rapid development of their ties that were strained by 1979 Soviet military intervention in Afghanistan¹⁷

During the first year after the break-up of the Soviet Union, the country's internal political disarray and economic difficulties virtually eroded India's special status since it had to pay in hard currency for the spare parts for the bulk of its sophisticated weaponry which was of Soviet origin. India also experienced a precipitous decline in exports owing to the disappearance of an assured market. The new regime, headed by Boris Yeltsin felt no obligation to continue the concession to India, and adopted a normal commercial approach in its transactions with that country. This had serious implications for New Delhi. In this connection Indian media wrote: "The interdisciplinary Group of the Government of India led by Foreign Secretary J.N. Dixit has failed to get any thing beyond assurances from the Russian officials on all the outstanding issues-be it the question of rupee-rouble exchange rate, supply of defence equipment or such delicate problems as the Russian approach to the Kashmir issue and the nuclear Non-Proliferation treaty (NPT)¹⁸. Pakistan has of course been working overtime to ingratiate itself with Moscow by displaying an awareness of Russian interests in dealing with Afghanistan. Islamabad has also sought Russian arms not only because of their intrinsic worth but to prove to the world that Moscow's indo-centric policy is now a thing of their past"¹⁹

Moscow's Policy shift

A new set of compulsions at the start of 1993 led President Yeltsin to move towards safeguarding, the goodwill build up in Russia's relations with India over the cold wars years. New complementarities emerged as both India and Russia were struggling to achieve success by a market oriented economy. The linkup between the rhetoric of an Islamic revival and the nationalistic urged among ethnic groups inhabiting several autonomous republics within the Russian Federation produced a common concern for both India and Russia over the "threat" from Islamic fundamentalists. Therefore, during President Yeltsin visit to India in January 1993, a dramatic shift in Russian-Indian relations

appeared. A number of significant agreements were also signed during this visit. Yeltsin found it expedient to infuse new life in to Indo-Soviet relations. Yeltsin declared that while Russian policy was "equally balanced between West and East, no strong Eastern policy is possible without India".

Yeltsin visit was marked by several developments that seemed to suggest that Moscow was keen to revive its close relations with India. President Yeltsin's utterances backed the Indian stance on Kashmir by stating categorically that it was an integral part of India. "Our policy on Kashmir is firm and clear, India must, keep its integrity it must stay united and undivided" he said. Through he also offered his good offices to help to resolve the differences over the Kashmir issue between India and Pakistan²⁰ While addressing the Indian parliament, Yeltsin declared, to the applause of India's elected representatives that "Russia would not give any military technical aid to Pakistan"

Thaw in Pakistan-Russia Relations 1993 and onwards

Following President Yeltsin's January visit to India, Russian sent its Foreign Minister, Mr. Kozyrev, to Pakistan in April 1993 to remove Islamabad's concerns and prepare grounds for the impending visit of the Pakistani Prime Minister to Russia later in the year. He conveyed a personal message from President Yeltsin that Russia would like to maintain balance in its relations with Pakistan and India, both of which were perceived as good and friendly neighbours. The Russian Federation offered full cooperation for development of Pakistan's energy resources and expressed willingness for supply of conventional and nuclear power plant to help Pakistan meet its growing energy requirements. The sources termed Russian Foreign Minister Andrei Kozyrev's talks with Pakistani leadership on all issues including the issue of nuclear non-proliferation in South Asia as very meaningful and constructive and said Russia highly supported Prime Minister Nawaz Sharif's proposal of five-nation consultations for achieving nuclear non-proliferation regime in South Asia²¹

The impression that Russia had made a commitment with India not to sell arms to Pakistan was also contradicted through an assurance that any specific proposal would be examined seriously. The visit of Kozyrev to Pakistan was also utilized to remove Russian misunderstandings. There had been concerns in Moscow over alleged Pakistan Support to "fundamentalist" elements in Tajikistan, which were in a state of confrontation with the regime in power. The discussions on the Kashmir issue, during which the indigenous character of the struggle of the Kashmiris for self-determination was pointed out by Pakistan, led the Russia acknowledge that this was a serious problem affecting relations between Pakistan and India. The foreign office spokesman in Moscow expressed a deep concern over the situation in Indian held Jammu and Kashmir in October 1993, and called for a dialogue between India and Pakistan to normalize the situation in and around the Kashmir valley. The spokesman stressed and appealed to the both sides to exercise restraint and to search for solutions by peaceful means²². Extensive

Russia-Pakistan exploratory conversations were held at the Russian Institute of Oriental Studies, Moscow, in June 1994 in order to establish a Russian Centre for Pakistan Studies. The Centre was to promote scholars exchanges between Russia and Pakistan in order to promote Russian and Pakistan Studies in the two countries. The funding was to be provided by Pakistan (50 percent) and Russia (50 percent).

The same year, a six member Pakistan military delegation comprising representatives from the three services, led by Defence Secretary, Major General Raja Muhammad Iqbal, left for Moscow on a week long visit as an exploratory mission in the context of foregoing close relationship in the military field between the two countries. The delegation received good offers from Russia for the sale of heavy and sophisticated weapons made under the latest technology²³

Sardar Asif Ahmed Ali, Pakistan's then Foreign Minister visited Moscow from 3-5 July 1994 where he held talks with his Russian counterpart, Andrei Kozyrev and other government functionaries. A protocol was signed on the holding of regular consultations between the foreign ministers of the two countries, and an agreement on the abolition of visas for the holders of diplomatic passports. After formal talks with his Russian counter part on July 4, Sardar Asif told the Russian press that a large area of cooperation between Pakistan and Russia was emerging and that he was confident that relations between the two countries would grow strong. On 27 November 1994, three Russian experts arrived in Islamabad for talks on the proposed sale of Sukhoi SU-27 fighter aircraft to Pakistan. The delegation had detailed discussions with Pakistani counterparts for almost four days²⁴. Alexander Vengerovsky, the leader of a visiting Russian parliamentary delegation to Pakistan, on 24 September 1995, disclosed that Russia was ready to supply military hardware to Pakistan and that Russian technology could find its way in to many fields of Pakistani markets.

Pakistani Foreign Minister, Gohar Ayub Khan's visit to Moscow in July 1997, was a worthwhile development in furthering bilateral relations. The real significance of his visit was his parleys with his Russian counterpart on a wide range of issues of mutual interest and signed accords signed to enlarge the areas of cooperation in culture, science, education and consular relation²⁵

Gohar Ayub, In a joint press conference following the signing ceremony spelt out in detail what he had discussed with the Russian Foreign Minister. The Afghanistan issue was obviously on top of his agenda for talks, but he said he briefed the Russians on the Pakistan-India dialogue and sought their support for peace and normalization with India, particularly for resolving the Kashmir dispute. The main purpose of this visit was to dispel Russian apprehensions about the rise of the Taliban and their 'Pakistani connections. Whether he succeeded in convincing the Russians that Pakistan had no ulterior motive in recognizing the Taliban or not, he made it a point to deny Islamabad's involvement in the Afghan Power-Struggle and to underline that Pakistan did not have a single soldier on Afghan soil. To seek Russian cooperation for holding on intra-Afghan dialogue in Islamabad was, in fact, the purpose of the visit²⁶

Russia's Policy after Indo-Pak Nuclear Tests of 1998

India conducted nuclear tests at Pokharan on 11 and 13 May 1998 that created a worldwide panic. Moscow, in its official response unequivocally criticized the tests. 'India has let us down' President Yeltsin lamented²⁷ When Pakistan reciprocated the nuclear tests on 28 May 1998, the security calculus in South Asia acquired a qualitatively shift. What had hitherto been Covert or a matter of speculation and guess work for political and defence analysts and the intelligence community, became evident for the public at large. The different views emanating from Russia following the Indian nuclear tests and Pakistan's response were symptomatic of the dilemma of the Russian state and strategic community. Official spokesman and commentators all emphasized that the tests placed Russia in a difficult situation.

Moscow, during the Soviet era, tried to reconcile apparently contradictory aspects of its policy by making a general appeal in favour of universal adherence to the 1968 Non-proliferation Treaty (NPT) but refraining from overtly criticizing India for not signing it. The Soviet leadership did take note of India's compulsions, refrained from criticizing India for its peaceful nuclear test in 1974 and consistently showed understanding for India's nuclear stance. Post-Soviet Russia's official line vis-a-vis India was that the differences over the NPT and the CTBT would not be allowed to conic in the way of their multifaceted cooperation. The task of putting pressure on India on the nuclear issue was largely left to the USA. Russia's Atomic energy Minister, Yevgeny Adamov, visited India in June 1998, to sign a supplement to the 1988 Indo-Russian agreement on the construction of an atomic power plant in Kudankulam in the Southern State of Tamil Nadu. Thus, Russia gave a clear signal that despite differences on the nuclear issue, it would be 'business as usual' with India²⁸

It has always been clear from the beginning that Russia's main worry, rather than the Indian tests themselves, was the threat of other threshold countries, especially Pakistan, also overtly 'going nuclear.' Russia urged Pakistan to show maximum restraint in connection with India's tests and adhere to all non-proliferation norms. It was concerned that the Indian tests could disturb the current fragile balance among the nuclear-weapon powers and open the floodgates of nuclear proliferation. The emergence of new-nuclear powers would destabilize the situation and lead to a new arms race in Asia. A number of 'threshold' states notably Iran, Iraq and Israel, are situated in close proximity to the Southern 'underbelly' of the former Soviet space and thus have a direct impact on Russian security²⁹

Russian Concerns over the Afghan Situation

The Taliban took the opposition-held town of Taloqan in August 1998 in Northern Afghanistan after a brief battle, prompting a warning form Russia that it might intervene to protect the Tajik border with Afghanistan. Russian and Tajik troops were put on high alert along the Tajik-Afghan as

Moscow warned Islamabad that its continued assistance to Taliban was a threat to international peace and security. Russian Foreign Ministry spokesman, Valery Nesterushkin, said in Moscow that the military advance of the Taliban in the Northern regions of Afghanistan took place with the direct assistance of Pakistani military forces, both for strategy planning and equipment supplies. Moscow stressed that peace must be restored in Afghanistan through negotiation between the Afghan participants in the conflict, without interference from other countries, but through the international community under the aegis of the United Nations³⁰

Russia once again expressed concern over Pakistan's interference in the internal affairs of Afghanistan. The envoy of the Russian embassy in Washington, Alexander Gorochev, said that Moscow has repeatedly conveyed its concern to the authorities in Islamabad about Pakistan's interference in the affairs of the war-ravaged Afghanistan. A. M. Gulyaev, the Russian ambassador to Pakistan, while commenting on the future prospective of Moscow-Islamabad ties said on December 18, 1998 that there is realization in Moscow that consistent efforts are needed by both Russia and Pakistan to make the existing relations between them more profound and developed in the interest of both states, as these ties have been tested by complex and uneven developments in the past³¹

Nawaz Sharif's visit to Moscow, April 1999

At the invitation of then Russian President, Boris Yeltsin, the Prime Minister of Pakistan, Muhammad Nawaz Sharif visited the Russian Federation from 10-13 April 1999. The visit was termed by diplomatic circles as a turning point in relations between the two countries. The visit, first in 25 years by a Pakistani chief executive, established a communication route between Islamabad and Moscow³².

"As of today, we leave our past behind and buried, and take a new step in our relations", Yeltsin said in his 45 minutes meeting with Prime Minister Nawaz Sharif at Karemlin³³ On the urge of Nawaz Sharif, the Russian leaders agreed to play a role as a facilitator in peaceful settlement of disputes with India. That meant that Russia might well press into service the strength of its relationship with India in resolving disputes with India including the festering Kashmir issue. And for sure there will be no Russian veto in the United Nation's Security Council (UNSC) in future. If nothing else, this alone will stand out as one major outcome of Nawaz Sharif's visit.

Regarding the Afghanistan issue, an affinity of perception emerged during the visit. Both countries converged on the view that only political and not military solution is possible to the problem. It was agreed that a broad based government made up of all ethnic groups be setup in the war-torn country. Russia virtually opened its arms to promote cooperation in the economic, trade, scientific, and technological spheres. Both countries considered the sectors of energy and metallurgy promising for such cooperation, said the joint statement for the press by both countries at the conclusion of the visit. Of no less significance

was the affirmation in the joint statement by the two sides "not to allow the use of their territory to destabilize the situation against each other or in the region or commit unfriendly acts against the other side"³⁴.

Nawaz Sharif's visit took place at a time when the two countries shared their perceptions over the negative fallout of a unipolar world order and the need to peacefully resolve conflicts ranging from Afghanistan, Kashmir, Kosovo to Tajikistan. The agreements, which have been signed between the two countries on promoting economic and trade relations on the basis of geo-economics, indicated a shift in approach on bilateral matters followed by both sides. The visit of Pakistan's Prime Minister managed to break the logjam because of three important agreements in the area of economic and trade cooperation.

— An agreement of trade Cooperation signed by the federations of the chamber of commerce and industry of the two countries to help bolster private trade between Russia and Pakistan.

— An agreement signed by the two governments whereby the two countries decided to grant Most Favoured Nation (MFN) status to each other.

— The creation of a joint ministerial commission to examine joint ventures between the two countries. Most important, through "Constructive engagement" in the field of trade and commerce as well as in the fields of science and technology, energy and infrastructure³⁵

Immediately after the Prime Minister's visit, the President of the Russian Duma, Mr. Gennady Seleznev, arrived in Pakistan on April 28 1999, at the invitation of the Speaker of the National Assembly of Pakistan, Illahi Buksh Soomro, to help continue the process of normalization of Russo-Pakistan relations³⁶. On the Kargil issue between Pakistan and India, Moscow took the same line as the other Group of Eight (G-8) countries urging the maintenance of the Line of Control (LOC) and peaceful bilateral settlement of Indo-Pak issues.

Moscow took an unequivocal stand that the Kargil conflict was caused by the "penetration of armed groups from Pakistan onto the territory of the Indian state of Jammu and Kashmir" A press release by the Russian Foreign Ministry on June 17, 1999, made an "earnest appeal" to Islamabad to "refrain from violations of the Pakistani-Indian accords on the location of the agreed Line of Control which separates India from Pakistan in Kashmir region. The press release added that any attempt to change this line may have the given consequences, and that the withdrawal of the armed groups beyond the Line of Control and the restoration of the status-quo would, to a considerable extent, serve to defuse the tension in the region"³⁷

Musharraf-Putin Era, 1999-Date

Owing to important internal developments an extensive and regular contact between both the countries could not be maintained after Nawaz Sharif's visit. Such as the military take over in Pakistan and removal of Nawaz Sharif Government, and the growing health problems of President

Yeltsin, his consequent resignation and the election of Vladimir Putin as the new President of the Russian Federation³⁸ Pakistan took the initiative to explore the possibility of a new relationship with Moscow. The Pakistan government set the ball rolling in August 2000 when it sent the chief of Inter-Services Intelligence (ISI), Lt. General Mahmood Ahmed, to Moscow to discuss issues of mutual concern. By all indications, the ISI chief had a fruitful visit as reported in the press. By sending the ISI chief, the military establishment was sending a clear signal to Moscow that it was willing to address the concerns of Russia on issues of terrorism and drug-trafficking³⁹

Lt. General Mahmood met his counterpart Nikolai Patrushev, chief of the Russian Federal Security Service (successor organization to KGB) and Russian Defence Minister, Igor Sergeyev. Islamabad's request of General Mahmood meeting with the Russian President Vladimir Putin was declined because Putin was an official visit to Japan, and also perhaps Moscow might have concluded that more confidence building steps should precede a meeting with their head of state. General Mahmood's visit was also the first high level Russian-Pakistani contact since Putin assumed power. This visit was followed by detailed reviews, in the General Head Quarters (GHQ) and the Foreign office, of the current status of Pak-Russia relations. Mahmood's visit was an acknowledgment by the Pakistani government of the need to arrest the downward spiral in which Russian-Pakistan relations have now been caught for a long time. From Moscow's perspective Islamabad has been directly and indirectly responsible for the three specific factors that have contributed towards Russia's deteriorating security environment. These were; The survival of the Taliban government; Taliban's alleged role in spreading so called Islamic militancy in Central Asia; and Taliban's alleged support for the Chechens fighting the Russian army. Pakistan was thus blamed for facilitating the birth of what Moscow claims is the destabilising nexus in Central Asia with its impact extending to the Russian territory the terrorism, Osama, drugs and Taliban nexus"⁴⁰

General Mahmood's discussions with Russian counterparts in Moscow paved the way for the one-to-one meeting between Chief Executive General Pervez Musharraf and Vladimir Putin on the sidelines of the United Nations Millennium Session in New York in September 2000. Musharraf-Putin meeting in New York was regarded as one of the happiest development in improving bilateral confidence⁴¹ After that meeting, hardly has a day gone by without some positive development in promoting bilateral relations. Firstly, then Foreign Minister Abdus Sattar had a meeting with his Russian counterpart in New York. As a follow up to the parleys, and on the specific request of Musharraf, Putin sent Mr. Yastrzhembsky as his special envoy to Islamabad. This raised a lot of hope in Islamabad. Yastrzhembsky was armed with special message from Putin to Musharraf. The special envoy's visit carried an added importance since it took place on the eve of Mr. Putin's India visit starting on October 2, 2002⁴²

The main focus of consultations was mainly the unstable conditions in Afghanistan and the Taliban issue. However, Kashmir issue and the escalat-

ing tensions on India-Pakistan border were likely to come under discussion. Mr. Yastrzhembsky described Pakistan as "an important player" in the region, Expressing his optimism he said that great opportunities were beginning to be seen for the expansion of relations between the two countries in various spheres. The immediate Russian concern was the security and stability of the Asian region, which in its view, was vulnerable to the threat of "religious extremism" emanating from the Taliban regime in Afghanistan. Moscow believed that Pakistan had the necessary influence on Kabul to check that rising tide⁴³ Pakistan's Interior Minister, Lt. Gen. (Rtd), Moinuddin Haider, briefed the visitor on the steps being taken by Pakistan to fight terrorism, drug trafficking, illegal migration and computerization of related databases.

Moscow has been accusing Afghanistan of sending trained fighters to trouble spots as far away as Chechnya. While back to Russia, Yastrzhembsky claimed that he had provided concrete data about Afghan training camps set up by the Taliban regime to send Islamic Volunteers into Chechnya and the Central Asian republics. According to him, a single camp in the vicinity of Mazar-i-Sharif was training as many as 350 fighters⁴⁴. Despite interest and keenness on both sides to establish a constructive and positive relationship, certain irritants continued to have their negative impact against the establishment of cordial relations. Such as; the Afghanistan situation, international terrorism, the threat of destabilization in Central Asia, transnational network of drug trafficking, Russian supply of arms to India and so forth. Pakistan had strong reservations about their military relationship and feels that the continued sale of military hardware to India by Russia will further aggravate the military imbalance in South Asia, which is already highly tilted favour of a hegemonistic India⁴⁵

In October 2000, the visit of Russian President Vladimir Putin to India, during which 12 agreements of bilateral cooperation were signed, included the showpiece pact for a "Strategic partnership". Ruling out any foreign interference, President Putin urged India and Pakistan to seek some 'Compromise' in their long-running dispute over Kashmir. He addressed the joint session of Parliament. In his 15-minute speech he asked India and Pakistan to resolve Kashmir issue on bilateral basis though compromise with an unconditional respect for the Line of Control (LOC) and preventing any foreign interference. He said it was unfortunate that the issue had been haunting peace in the region for over five-decades. "We know what is going on in Kashmir, the outbreak of violence, the failure to find a solution to the problem has been feeding tension for over five decades and contributing intension between India and Pakistan whose people have much in common" he said. He also asserted that 'foreign interference' in Jammu and Kashmir should be stopped. An Indian spokesman admitted that New Delhi was baffled at the repeated references to Kashmir issue in the Russian President's speech, but asserted that Russia stand on Kashmir was in complete conformity with Indian interests⁴⁶.

The Indian Kashmiri newspapers talked about visible shift in the Kashmir policy of Russia, the old close ally of India. The daily Wadi Ki

Awaz and Aftab editorial stated that Russia, which has been traditionally supporting India's stance on Kashmir being its integral part (Attoot Ang), now considers Kashmir as a disputed state. This is reflected from the Russian President's advice to Pakistan and India to settle the issue through talks. The former Soviet Union has always been vetoing resolutions on Kashmir in the UN Security Council, but now Russia has also joined the other four permanent members of the Security Council, the United States, France, Britain and China who have already been describing Kashmir as disputed territory. Russia's joining other four permanent Security Council members would further enhance international pressure on India to agree to a peaceful settlement of Kashmir issue through dialogue with Pakistan⁴⁷

Pakistan expressed its serious concern over the defence agreements between India and Russia. Pakistan's Federal Minister for Information and Media Development, Javed Jabbar, demanded in an interview on October 8th 2000 that India should ensure that its defence cooperation with Russia would not be used against Pakistan. "Pakistan is happy over bilateral relations of other countries but such relation should not pose danger to our interest and national security. Pakistan does not doubt the sincerity of Russia, however, New Delhi's record has not been good. Pakistan hopes that Russia will also ensure that its defence cooperation with India will not cause instability in South Asia", he added. Continued Indo-Russia cooperation, however, remained a source of concern for Pakistan.

In the wake of the growing civil strife in Afghanistan and given Pakistan's recognitions of the Taliban, the Russian Deputy Foreign Minister, Alexander Losyukov, urged Islamabad to use its influence in Afghanistan to pacify the Taliban militia. Russia expressed the hope that Islamabad would use its influence on the Taliban to change their approach to regulation in the country, the Foreign Ministry said in a statement after Losyukov held talks with Pakistan's Ambassador to Moscow⁴⁸. Losyukov, in his meeting with Pakistani Ambassador, Iftikhar Murshed, that a political solution to the Afghan problem would only be found when a coalition government was formed that would represent all ethnic sectors of Afghan society. The Taliban militia, despite holding over 90 percent of Afghanistan, was recognized only by the United Arab Emirates, Pakistan and Saudi Arabia. Though an ally of the Taliban, Pakistan always rejected claims that it is providing military backing to the Islamic militia. The first concrete development in Pakistan Russia ties was achieved in July 2001 when Islamabad concluded an agreement with Moscow for the purchase of 16 Russian Mi-17 helicopters in July 2001⁴⁹

The Post-9/11 Episode

There is no denying the fact that the 9/11 terrorism incidents in New York and Washington and subsequent developments led towards the creation of an environment highly conducive for both Pakistan and Russia in addressing each others concerns and bringing them under a common ambit of the coalition against terrorism. The antiterrorism factor has proved to be

a key element in the enhancing interaction between Moscow and Islamabad on all issues of bilateral agenda. These include fight against terrorism and extremism, stability, security and reconstruction in Afghanistan, drug control, regional security and stability, disarmament and non-proliferation, human rights, globalization and others. Political contacts become more active and frequent. This, of course, was a chance of mending fences and repairing the damaged relations. Above all, differences between Pakistan and Russia that existed due to Taliban and the Afghanistan crisis came to an end.

Moscow and Islamabad have repeatedly declared that there are no irritant left between them. Both sides have emphasised their rejection of terrorism in "all its forms and manifestations", which particularly refers to the situation in Chechnya. The present Pakistani Government has consistently declared its recognition of Chechnya as an integral part of Russia and the issue as an internal issue of the Russia Federation. When Chechen militants captured more than 1200 hostages in the North Ossetia, Islamabad officially condemned that barbaric act⁵⁰ The process of improving Pak-Russia Relations has constantly on the rise since early 2002. Strong voices have been heard in Islamabad and Moscow in support of the rapprochement between those countries. In Islamabad it has been declared as one of the "most urgent considerations". President Pervez Musharraf stated, "Russia is a great power and major international actor", and Islamabad aspires to have close and friendly relations with it. Both countries have been engaged in proactive diplomacy to improve bilateral ties. There has been an intense high-level interaction between the two countries with frequent exchange of delegations. Aziz Ahmed Khan, the Additional Secretary of the Ministry of Foreign Affairs, visited Moscow in January 2002 for consultations on Afghanistan and other matters⁵¹

Russian Deputy Foreign Minister, Anatoly Safonov, visited Islamabad in May 2002 to push forward Russian President Vladimir Putin's proposal to arrange face-to-face talks between the Pakistani and Indian leaders. The Summit, aimed at averting a looming conflict between the nuclear armed rivals, was to held on the sidelines of the Council of Cooperation on Confidence Measures in Asia (CICA) to be held in Almaty, Kazakhstan, on 2-5 June 2002⁵².

Amid Pak-India border tension early 2002, Pakistan welcomed and appreciated President Putin's announcement that he would invite the leaders of India and Pakistan to Kazakhstan for talks in early June same year to prevent escalation of their conflict. The most important was, the meeting between the President Vladimir Putin and Gen. Musharraf on the sidelines of the one-day Conference on Interaction and Confidence Building Measures in South Asia (CICA) in Almaty in which the Russian President Putin extended an invitation to President Musharraf and Indian Prime Minister Vajpayee for talks in Moscow⁵³ Another manifestation of the increased confidence between the two countries were the establishment of a major working group, The Joint Consultative Group on Strategic Stability, and an agreement between the two countries to forge an alliance by both the countries to tackle issues considered to threats to the regional stability.

Similarly, a Russian business delegation visited Pakistan in late 2002 as a consequence of which a "Pakistan-Russia Business Forum" was created. Reportedly, 30 Russian companies had shown readiness to invest in Pakistan and 300 more have shown keen interest for investment. The joint business council targeted a turnover of a billion dollars worth of trade and investment in the coming year that promised a significant growth in the low volume of trade between the two countries⁵⁴ Russian President Putin's visit to India in December 2002 underlined the re-emergence of the Cold War Indo-Russia nexus that rang alarm bells in Islamabad. The joint declaration issued at the end of the visit was virtually tailored to suit India's regional and global ambitions. The declaration endorsed India's condition for the resumption of Indo-Pakistan dialogue, namely the cessation of infiltration from Pakistan across the LOC and the Indian border. Russia and India voiced their common concerns over the rebellions they were facing in Chechnya and Kashmir respectively, and agreed to strengthen their cooperation in fighting Islamic fundamentalism and terrorism.

Their arms supply relationship entered a new phase as Russia agreed to provide a nuclear submarine to India, in addition to gifting an aircraft carrier, and selling other sophisticated weapons equipment. India rolled out a red carpet for the Russian leader who raised his popularity by adopting a tough line against the "Islamic extremists" in Chechnya, and has been vocal in highlighting the threat from "militant Islam" In the aftermath of the 9/11 events, the US is also committed to a war against terrorism, whose roots are stated to be in the Muslim Countries. It was in this context that India felt emboldened to step up its repression in Kashmir and its intransigence towards Pakistan⁵⁵

General Musharraf's visit to Moscow and afterwards

At the invitation of President Putin, President Musharraf visited Moscow in February 2003. This was their first one-to-one meeting. While commenting on the prospects of the President's visit, the military spokesman of Pakistan, Maj.Gen. Rashid Qureshi said, hopefully, new paths would be explored during the President's visit. "As we look at this visit, it will be certainly a defining moment for the two sides. Emphasis will be on the overall strategic issues of concern to both countries that will also take into account the changing geo-strategic realities in the region, in which Russia is a very important player, the broad aspects of Russian and Pakistani relations will also come under review", he said⁵⁶

Many observers of Pak-Russia relations remained cautiously optimistic about the outcome of this visit. According to them, this was the right step in the right direction but it would require to take more than on Presidential visit to improve the bilateral relations, to the level desired by Islamabad. A senior analyst and ex military officer, Lt Gen. (Rtd) Talat Masood, was of the opinion, "we need not raise too many expectations. It will definitely be a step forward for both countries to normalize relations and reduce past ten-

sions. Of importance is the fact that these two Presidents, both with a military background, give them good equation and this was apparent when they met briefly in the past". On the other hand, analysts in Moscow viewed Musharraf's decision to reach out to Russia as a logical move as Islamabad wanted to reduce its strategic reliance on the United States and contest New Delhi's overwhelming sway in Moscow. Pakistan has a clear interest in courting Russia and obtaining some understanding over its conflict with India. It was a very useful visit, said Andrei Pointkovsky, Director of the Centre for Strategic Studies, Moscow. It is difficult for Russia to shift the balance of its relationship with India and Pakistan when it is so unbalanced. The Pro-Indian lobby in Russia is very strong and Russia is India's main arms supplier, Piontkovsky pointed out⁵⁷

President Musharraf met with his Russian counterpart on February 5. Following a 130 minutes extended one-on-one meeting. The high-level meetings, between the visiting Pakistani delegations led by President Pervez Musharraf and the Russian team led by President Vladimir Putin at the Kremlin on February 5, remained largely exploratory with two sides seemingly making efforts to understand each other's point of view on various issues of bilateral interest. On the major issue of interest for Pakistan, President Putin advised Gen. Musharraf to resume dialogue with India on the basis of the Simla Accord and Lahore Declaration making it very clear that any warming up of relations with Pakistan would be without prejudice to Russia's relations with its traditional friends that in effect meant that Moscow would not develop relations with Islamabad at the cost of New Delhi.

Addressing a joint press conference with his Russian counterpart, President Musharraf characterized the talks as cordial, constructive, and forward looking. He hoped that the talks would impart a new depth and a new direction to the relations of the two countries. President appreciated Pakistan's contribution to the international war against terrorism, and hoped that President Musharraf would succeed in his efforts to neutralize the extremist militant organizations operating in Pakistan. He also wished Musharraf success in complying with all international obligations Pakistan has undertaken to neutralize the activities of militant organizations. President Putin said that there was a vast scope of cooperation between Pakistan and Russia, especially in the fields of trade, economy, telecommunications, energy, metallurgy and space⁵⁸

The two sides also expressed satisfaction at the signing of the Memorandum of Understanding (MOU) on cooperation between the Ministry of Petroleum and Natural Resources of Pakistan and Russian energy giant, Gazprom in November 2002. They reaffirmed their intention to cooperate closely in bilateral and international forums on strategic stability. The inaugural meeting of the Pakistan-Russia consultative group on strategic stability to be held in Moscow in January 2003, was therefore, considered to be of particular significance. The most important document signed during this visit was a memorandum of understanding for the expansion, balancing and modernization of the Pakistan Steel, Karachi, at the cost of \$100 million⁵⁹ For removing the existing impediments to the development of cooperation between Pakistani and Russian organizations,

it was agreed to work for early settlement of the issues of Pakistani debt restructuring, settlement of financial obligations, promotion of inter-bank relations, and establishment of most-favored-nation status in trade and investments. It was decided that the Pakistan-Russia Intergovernmental Commission on Trade, Economic and Scientific and Technological Cooperation would start functioning with the expected expansion of trade and economic interaction-between the two countries⁶⁰.

The February 2003 visit of the President Pervez Musharraf to Russia was the first one by a Pakistani head of state in more than three decades since Zulfikar Ali Bhutto visited Moscow in the 1970s. Russian Foreign Ministry Spokesman said the "Russia intends to carry on work jointly with the Pakistani side to eliminate remaining disagreements and to further develop ties in all fields, naturally with no detriment to our relations with our traditional partners." He also noted that Pakistan occupied an important place, played an independent role in Russia's foreign policy priorities determined by the its weight in the region neighboring the Commonwealth of Independent States (CIS) southern borders, and in the Islamic world as a whole⁶¹. A Pakistani newsmen, who covered the visit, said President Musharraf and President Putin struck a personal rapport and were together for five-and-a-half hours. "Putin has never been that long with any visiting dignitary and the fact that the one-to-one meeting with Gen. Musharraf was extended to two hours and 15 minutes from the Original one hour that clearly shows the interest of the Russian President in embarking upon new friendship with Pakistan", he added⁶².

As a follow up to President Musharraf visit to Moscow, Russian Foreign Minister, Igor Ivanov's visited Pakistan in June 2003. It helped to maintain the momentum of growing ties in different spheres including consultation on the issues of regional security and the renewed economic cooperation particularly in the steel industry as well as through the purchase of the Russian heavy equipment and machinery by Pakistan. The visit of the Russian foreign minister was followed by Pakistani ministers of information technology and of industries's visit to Russia the same year. These visits reflected growing bilateral cooperation in various Sectors with Russia⁶³.

President Vladimir Putin met President General Pervez Musharraf on the sidelines of the 10th Organization of Islamic Conference (OIC) summit. After meeting with President Musharraf, President. Putin said that we have discussed the situation in Kashmir and now I have better information to relate on behalf of President to our Indian colleague. He said Russia has always sought to play a positive role in the development of relations between Pakistan and India and "we will continue to play this role". Talking about Pakistan-Russia bilateral relations, Mr. Putin said after President Musharraf s visit to Moscow, the relationship had been developing positively. President Musharraf said he was "extremely satisfied" that the relationship between Pakistan and Russia was improving sine the time he met President Putin. There is a thaw in relationship and this is improving with passage of time⁶⁴.

Other important exchanges between Pakistan and Russia included an expert level meeting in Moscow from 14–16 March 2005. The delegation

that was led by Secretary Economic Affairs successfully concluded a debt rescheduling agreement with Russia for an estimated debt of US \$127 million in the context of Paris Club. Moscow agreed to a 23-year repayment period commencing from 1st August 2005 at the interest rate of 5%.

In the meeting of Foreign Ministers of Shanghai Cooperation Organization (SCO), held in Astana, Kazakhstan on February 2005, Russia supported granting of observer status to Pakistan in the organization. The Russian FM on this occasion stated that Russia recognized important role Pakistan was playing in international affairs. Russia requested Pakistan to for support to granting of observer status in the Organisation of Islamic Conference (OIC). Pakistan, Along with other Muslim countries, supported the Russian request that led to a unanimous adoption of a resolution allowing Russia the observer status in the 32 OIC Foreign Ministers meeting held in Sann'a Yemen On June 29, 2005. With Russia getting this status, a new chapter would open in relations between Russia and the Muslim world⁶⁵

To upgrade overall relations between Pakistan and Russia and to further cement the understanding reached between the two presidents, the Pakistani Foreign Minister, Khurshid Mahmood Kasuri, visited Moscow in July 2005 and held talk with his Russian counterpart Sergey Lavrov. Kasuri said, the relations between Pakistan and Russia were developing successfully. Pakistan wants to increase cooperation in the sphere of military technologies and equipment. Both countries have played an important role in ensuring stability in Afghanistan and Central Asia. Moscow, which has never had easy relations with Islamabad, is eager to boost economic relations, while Pakistan wants to increase cooperation in the sphere of military technologies and equipment. The Russian Foreign Minister, Lavrov told reporters that Russia was not planning to provide weapons to Islamabad. He also sought to reassure Pakistan that Russian-Indian cooperation was not a threat or a distortion to the region's stability⁶⁶

At the present moment, there are no concrete plans for such cooperation, Lavrov said when asked by a reporter if Russia planned weapons sales to Pakistan. But Russia is developing military and technical cooperation with India in the same forms and under the same conditions for military and technical cooperation with Pakistan and other countries. Besides, cooperation on regional issues, it is equally important to extensively work on promoting bilateral cooperation in maximum sectors; the following areas should be taken into consideration in this regard:

- Science and Technology
- Commerce and Trade Industrial Development
- Agriculture and Livestock
- Banking
- Energy
- Military
- Higher Education
- Tourism
- Cultural exchanges

Conclusion

The South and Central Asian regional in particular, and the world in general are passing through a massive transition after the end of the Cold War as well as the 9/11 events. The process of defining and redefining of national interest by all small and large nations and making alignments according to the emerging situation are underway. Thus arriving at definite conclusions regarding the current and future regional and global state of affairs is almost impossible in such a situation. However, Pakistan must have a close eye on developments in the areas of its immediate interest.

An important change in the Russian Foreign Policy has appeared in the sense that it is no longer driven by the Cold War parameters. Given Russia's role in the past few years in the regional and world affairs, Russia seems to have overcome the problems it faced immediately after the end of the USSR, and is setting to playing its due role among the international community. Pakistan, has taken a right start in confidence building and improving multi-faceted relations with Russia that will not only multiply Pakistan options which has the experience of being left in the lurch by its allies after their interests was served. Important to remember is that Russia has a strong influence in its former Central Asia states, and cordial relations with Russia would certainly be helpful in establishing relations with them. This is obvious from the fact that Pakistan efforts to establish contacts with Central Asian states in early 1990s did not bring the desired in the case of bringing stability, security and reconstruction of Afghanistan, they can work as good partners.

It is quite understandable that the past always has its impact on the future discourses, however forgetting the bitter past and building confidence and mutual understanding between the two is primarily in the short and long term interest of Pakistan. There is need of revitalizing the bilateral relations on pragmatic lines. In the prevailing circumstances there is a tremendous scope for cooperation in different sectors as identified above. Nawaz Sharif's 1999 visit to Moscow, no doubt, was a right step in the face of the changing geo-strategic environment and it helped in confidence building and restarting communication at the high level. The real breakthrough, however, was made in February 2003 when President Musharraf visited Moscow. Diplomacy is a zero sum game, and good relations with one country don't stop from having good relations with another. Close Indo-Russian ties don't stop Pakistan from establishing good relation with Moscow. If New Delhi can remarkably improve its relations with China, despite Beijing's exemplary relations with Islamabad, why can't Pakistan have improved relations with Moscow?

¹ Kenat R.E. *The New Security Environment: The Impact On Russia, Central Asia and Eastern Europe*. Burlington, 2001, c. 53.

² Ibid.

- ³ Naseem Ayaz. *Pak-Soviet Relations: 1947–1965*. Lahore, 1989, c. 31.
- ⁴ Burke S.M. *Pakistan's Foreign Policy. An Historical Analysis*. London, 1973, c. 98–99.
- ⁵ Ali Shah Adnan *Pak-Russia Relations: Post Cold War Era*. Strategic Studies, № 2, 2001.
- ⁶ Burke S.M. *Op. cit.*
- ⁷ Adnan Ali Shah. *Op. cit.*
- ⁸ *Ibid.*
- ⁹ The U-2 incident, took place in May 1960. The incident involved a US reconnaissance airplane, which took off from Peshawar's airbase, crossed into Soviet territory for spying purposes and was shot down by a Soviet rocket. The pilot was caught alive and was later on convicted for espionage by the Soviet military court. Soviet Union was incensed with Pakistan for allowing the US to use Pakistan's territory for subversive activities against the Soviet Union. According to one report, Soviet Premier, Khrushchev, even drew a ring around Peshawar as a bombing target on his strategic map of the world.
- ¹⁰ Arif K. *Pakistan's Foreign Policy, Indian Perspective*. Lahore, 1984, c. 259.
- ¹¹ *Ibid.*
- ¹² Adnan Ali Shah. *Op. cit.*
- ¹³ Fani M.I. *Russia-Pakistan Relations: Prospects and Constraints*. Monthly Currents Affairs Digest, Book 27. Lahore, March 2005, c. 1.
- ¹⁴ *Pakistan Russia to Expand Bilateral Relations*. The Dawn, Karachi, 1 October 1992.
- ¹⁵ *Ibid.*
- ¹⁶ *Ibid.*
- ¹⁷ Fani M.I. *Op. cit.*
- ¹⁸ *Ibid.*
- ¹⁹ *Ibid.*
- ²⁰ *Ibid.*
- ²¹ *A New Chapter Opens in Pak-Russia Relations*. The Muslim, Islamabad, 10 April 1993.
- ²² Fani M.I. *Op. cit.*
- ²³ *Ibid.*
- ²⁴ Adnan Ali Shah, *Op. cit.*
- ²⁵ *Pakistan, Russia Agree to Enhance Trade*. The News, Islamabad, 11 July 1997.
- ²⁶ *Mission to Moscow*, 11 July 1997.
- ²⁷ *Spotlight on Regional Affairs: Russia and South Asia*. Vol. XXIII, № 1, Institute of Regional Studies. Islamabad, January 2004, c. 20.
- ²⁸ Kamal M. *Pakistan's Relations with the Russian Federation: 1990–2004*. Pakistan Study Centre, University of Peshawar, c. 66.
- ²⁹ *Ibid.*
- ³⁰ *Russia warns Pakistan on Assistance to Taliban*. The Dawn, Karachi, 18 August 1999.
- ³¹ *Envoy hints at Possibility of Pak-Russia Summit*. The News, Islamabad, 18 December 1998.
- ³² *Prime Minister's Visit a Turning point in Pak-Russia Relations*. The Frontier Post, Peshawar, 26 April 1999.
- ³³ *Yeltsin Calls for a new Pak-Russia Relationship*. The News, Islamabad, 22 April 1999.
- ³⁴ *The Feontier Post*, Peshawar, 26 April 1999.
- ³⁵ *Moonis Ahnar. Implications of Nawaz Sharif's Visit*. The News, Islamabad, 10 May 1999.

- ³⁶ Dr. Maqbool Ahmad Bhatti. *Improving Ties with Moscow*. The Dawn, Karachi, 3 May 1999.
- ³⁷ Kamal M. Op. cit.
- ³⁸ Musa Khan Jalalzai. *The Foreign policy of Pakistan: Kashmir, Afghanistan and Internal Security: 1947–2004*. Lahore, 2004, c. 320.
- ³⁹ Kamal M. Op. cit.
- ⁴⁰ Ibid.
- ⁴¹ Ibid.
- ⁴² Ibid.
- ⁴³ M. Hasan Askari Rizvi. *The Russia Factor*. The Dawn, Karachi, 4 April 2000.
- ⁴⁴ Putin's Visit. The Nation, Islamabad, 5 October 2000.
- ⁴⁵ Fani M.I. Op. cit.
- ⁴⁶ Putin for Compromise on Kashmir. The Nation, Islamabad, 5 October 2000.
- ⁴⁷ Kamal M. Op. cit.
- ⁴⁸ Ibid.
- ⁴⁹ Ibid.
- ⁵⁰ Ibid.
- ⁵¹ Spotlight on Regional Issues. Op. cit.
- ⁵² Safanov Arrives on Peace Mission. The Dawn, Karachi, 28 May 2002.
- ⁵³ President Accepts Offer for Negotiation in Moscow. The News, 5 June 2002.
- ⁵⁴ Spotlight on Regional Issues, Op. cit.
- ⁵⁵ The Dawn, Karachi, 3 May 1999.
- ⁵⁶ Spotlight on regional Issues, Op. cit.
- ⁵⁷ Kamal M. Op. cit.
- ⁵⁸ Ibid.
- ⁵⁹ Spotlight on Regional Issues. Op. cit.
- ⁶⁰ Kamal M. Op. cit.
- ⁶¹ Ibid.
- ⁶² Musharraf very Fruitful Visit. The Dawn, Karachi, 8 February 2003.
- ⁶³ Moscow Supports Talks on Kashmir. The Dawn, Karachi, 16 June 2003.
- ⁶⁴ Putin to Take up Kashmir with Vajpayee. The Dawn, Karachi, 17 August 2003.
- ⁶⁵ Pakistan Ministry of Foreign Affairs Guidebook: 2004–5.
- ⁶⁶ Ibid.

РОССИЙСКО-ПАКИСТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ИСЛАМ — ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Отношения между Пакистаном и СССР/Россией всегда оставляли желать лучшего, и это при отсутствии каких-либо негативных моментов в структуре непосредственного двустороннего сотрудничества обоих государств. Практически все сферы сотрудничества — политические, финансово-экономические, торговые и др. — в пакистанско-российских отношениях не получили должного развития. На высшем политическом уровне взаимные контакты в основном имели односторонний характер — за 60 лет самостоятельного существования Пакистан ни разу не посетили первые лица СССР/РФ. При этом практически все руководители Пакистана — М. Айюб Хан, А. М. Яхья Хан, З. А. Бхутто, М. Зия-уль-Хак, П. Мушарраф нанесли визиты в Москву¹.

Разумеется, сфера двусторонних пакистанско-российских отношений не представляла собой целину. В позиции обоих государств не было какой-либо враждебности или агрессивности друг к другу. Между двумя странами не было коренных расхождений по глобальным международным проблемам; обе они выступали за мир и мирное сосуществование, разрядку международной напряженности, ликвидацию колониальной системы, международное сотрудничество, укрепление роли ООН и т.д. Дипломатические отношения между СССР и Пакистаном были установлены 1 мая 1948 г.; обмен послами состоялся в 1950 г. Советский Союз безоговорочно поддержал просьбу Пакистана о приеме его в Организацию Объединенных Наций. Советско-пакистанское соглашение от 4 марта 1961 г. о сотрудничестве в развитии нефтедобывающей промышленности стало отправной точкой в развитии экономического сотрудничества двух стран. В мае 1964 г. открылось прямое авиасообщение между Карачи и Москвой.

Важным событием глобального значения явилась состоявшаяся по предложению советского правительства встреча в начале января 1966 г. в Ташкенте премьер-министра Индии Л. Б. Шастри и президента Пакистана М. Айюб Хана. В переговорах принял участие председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин. Их результатом стало урегулирование проблем, возникших после вооруженного конфликта между Пакистаном и Индией осенью 1965 г., а также принятие кардинальных мер по установлению в регионе длительного и прочного мира (отказ от применения силы, мирное урегулирование споров, невмешательство

во внутренние дела друг друга, прекращение враждебной пропаганды). Эти положения были зафиксированы в итоговом документе встречи, вошедшем в историю как Ташкентская декларация².

В этот период определенное развитие получили торгово-экономические (особенно в сфере энергетики) и культурные контакты. Важным событием явилось подписание в январе 1971 г. Соглашения о содействии СССР Пакистану в строительстве металлургического завода.

В дальнейшем на отношениях двух стран негативно сказались события, связанные с острым кризисом в Пакистане в 1971 г., попытками военных властей подавить национальное движение в восточной части страны, а также вооруженный конфликт с Индией. Возобновившиеся контакты на высшем уровне (в частности, имели место два визита в Москву пакистанского руководителя З. А. Бхутто) способствовали нормализации пакистанско-советских отношений и развитию торгово-экономического сотрудничества; продолжалось строительство металлургического комбината, вступившего в действие в конце 70-х гг.³

В дальнейшем, однако, пакистанско-советские отношения вновь осложнились, и на довольно длительный период, из-за вовлеченности Пакистана во внутриафганский конфликт на стороне исламо-радикалистских сил. При этом надо отметить, что и в этот период отношения Пакистана и СССР не прерывались, хотя и находились на весьма низком уровне⁴

Лишь на рубеже двух столетий произошло улучшение и расширение пакистанско-российских отношений, увеличение всего объема двустороннего сотрудничества. При этом данный процесс приобрел поступательный и, по всей видимости, необратимый характер⁵

Возможность такого процесса возникла в рассматриваемый период, когда изменения глобального и регионального характера позволили уйти в прошлое многим ограничителям сотрудничества Пакистана и России. Прежде всего, здесь следует назвать совместное участие двух стран в борьбе с международным экстремизмом и терроризмом, наркобизнесом и контрабандой. В этих целях была создана и стала успешно функционировать совместная Рабочая группа по противодействию международному терроризму и другим вызовам международной безопасности. Чрезвычайно важным фактом является вхождение обоих государств (хотя и с разным правовым статусом) в евразийскую структуру — Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Первое за все время пребывание России и Пакистана в одной крупной региональной организации во многом содействует укреплению существовавших и налаживанию новых связей между двумя странами.

Оба государства поддерживают друг друга на международной арене. Пакистан постоянно заявляет, что Россия является великой державой и обладает всеми признаками государства такого ранга. Во время поездки по ведущим мусульманским странам в начале 2007 г. президент Пакистана П. Мушарраф неоднократно отмечал международный вес России, высоко оценивал ее роль в урегулировании ближневосточ-

ного конфликта, конструктивную позицию в отношении государств исламского мира. Обладая всеми весомыми позициями, Исламабад содействовал получению Россией статуса наблюдателя в Организации Исламская Конференция (ОИК). Пакистан неизменно выступает за принятие РФ в ВТО. Россия, в свою очередь, содействовала вступлению Пакистана в ШОС.

Россия, Китай и другие державы удержали Индию и Пакистан от столкновения в начале нового столетия, когда ситуация там была крайне опасной и оба ядерных государства вели масштабные приготовления к военным действиям. После этого индийско-пакистанские отношения начали улучшаться. Одновременно укреплялись пакистанско-российские связи. Оба эти процесса были взаимосвязаны и усиливали друг друга. В изменившейся геополитической обстановке Россия нашла возможным несколько ослабить прежнюю одностороннюю ориентацию на Индию и начать строить свою политику в отношении Индии и Пакистана по принципу «и — и», вместо прежнего «или — или».

Важную роль в происходящем процессе играют политические контакты на высшем уровне, прежде всего встречи президентов В.В. Путина и П. Мушаррафа, которые регулярно происходят во время различных международных форумов, например в кулуарах саммитов ШОС и СВМДА (Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии). В феврале 2003 г. состоялся официальный визит пакистанского президента в Москву. В апреле 2007 г. Исламабад посетил с визитом премьер-министр РФ М.Е. Фрадков (последнее посещение Пакистана главой правительства нашей страны имело место 38 лет назад). Происходили также взаимные визиты министров, видных политических деятелей, крупных бизнесменов.

Расширяются экономические связи России и Пакистана. По сравнению с 1999 г. торговый оборот увеличился в несколько раз. Достигнуты соглашения о сотрудничестве в различных сферах экономики (создание совместных предприятий, модернизация пакистанских железных дорог, телекоммуникаций, энергетики, участие российского капитала в строительстве высоковольтных ЛЭП из Таджикистана и Кыргызстана в Пакистан и др.)⁶

Краткий обзор основных проблем пакистанско-российского сотрудничества позволяет сделать вывод, что оно носило постоянный характер и никогда не прерывалось. В то же время это сотрудничество всегда оставалось на довольно низком уровне как по сравнению с другими странами, так и по абсолютным показателям (достаточно сказать, что объем двусторонней торговли составил в 2006 г. всего 520 млн. долл.)⁷

Во многом на состояние пакистанско-российских отношений значительное влияние (далеко не позитивное) и длительное время оказывали внешнеполитические позиции и действия обоих государств, существенно отличавшихся друг от друга.

В начальный период курс Пакистана характеризовался приверженностью блоковой политике, вхождением в военные союзы, созданные западными странами, и связанной с этим обстоятельством антикоммунистической риторикой. Естественно, что все это не могло не вызвать серьезного недовольства Москвы. В дальнейшем Пакистан развивал тесное сотрудничество с КНР, когда китайско-советские отношения переживали не лучший период своей истории. Затем Пакистан долгое время поддерживал исламских радикалов в Афганистане. Наконец, длительная враждебность в отношениях Пакистана с дружественной Советскому Союзу Индией также не способствовала пакистанско-советскому сотрудничеству.

С другой стороны, СССР в своей южноазиатской политике с самого начала придерживался курса на всестороннее сотрудничество с Индией. В отличие от Китая, который развивал отношения с обеими противостоящими странами, СССР, по сути, руководствовался принципом «или — или», который, естественно, осуществлялся в пользу Индии. Конечно, сотрудничество с этой страной несопоставимо по значимости и выгоде с аналогичным действием в отношении Пакистана. Но вряд ли следовало сбрасывать со счета и такую страну, как Пакистан, которого охотно «подбирали» тогдашние недруги Москвы, в результате чего он долгое время находился в зоне влияния, чуждого СССР. Односторонняя ориентация Советского Союза на Индию ограничивала ему свободу маневра в отношениях с этой страной. Наконец, поддержка одного из участников конфликта не способствовала его урегулированию.

Следует также отметить фактор, который мало стимулировал торгово-экономическое сотрудничество Пакистана и СССР. Различия между народным хозяйством обеих стран и в количественном, и в качественном отношении не предполагали быстрого и широкого сотрудничества, больших материальных выгод. Для всего этого имелись определенные потенциальные возможности, но для превращения их в реальность требовалось время и большие усилия. По политическим причинам последние предпринимались в незначительных размерах. Все внимание было обращено на Индию. С ней были установлены широкие многосторонние торгово-экономические связи, было оказано большое содействие в развитии материально-технической базы, что впоследствии стало важнейшим стимулом дальнейшего, уже на новом уровне, экономического сотрудничества Индии и России. На этом направлении был накоплен огромный опыт работы, трудятся многочисленные кадры специалистов, хорошо изучен индийский рынок и т.д. Что касается Пакистана, то в нынешнем, изменившемся к лучшему стратегическом курсе России в отношении этой страны, в торгово-экономической сфере существуют прежние проблемы и «потенциальные возможности», для превращения которых в реальность требуются большие усилия. Об этом справедливо подчеркнул М. Е. Фрадков во время своего визита в Пакистан⁸.

Как уже отмечалось выше, на рубеже двух столетий начался новый, более благоприятный период развития российско-пакистанских отно-

шений. Это стало результатом многих процессов периода после окончания «холодной войны»; процессов как на глобальном и региональном уровне, так и внутри самих стран. Вследствие этого произошли изменения в традиционных подходах Пакистана и России друг к другу и к южноазиатским проблемам. РФ несколько скорректировала свою политику в регионе в сторону определенного ослабления проиндийской односторонности всего курса и, соответственно, расширения связей с Пакистаном. Одновременно оба конфликтующих государства осознали необходимость, целесообразность и выгоду нормализации своих отношений. Особенно это, естественно, четко видно Исламабаду — в отличие от прежних времен ныне не конфронтация с Индией, а, наоборот, ослабление напряженности и мирный диалог с ней приносит материальные и моральные дивиденды в современном мире.

Экономические и политические факторы развития российско-пакистанского сотрудничества достаточно изучены и в целом ясны. Значительно меньше внимания уделялось проблемам идеологического, особенно конфессионального, характера и их влияния на общий процесс двустороннего взаимодействия.

В самой общей форме на данный вопрос можно ответить следующим образом. Идеологическая составляющая всегда имела место во взаимоотношениях двух стран и до самого последнего времени носила негативный характер. Однако сама эта составляющая не была значительным элементом процесса двустороннего сотрудничества и существенно уступала в этом плане экономическим и политическим факторам. Конфессионально-идеологическое влияние на отношения обеих стран не было постоянным, оно зависело от многих внешних и внутренних обстоятельств.

Пакистан и наша страна долгое время находились в разных, точнее, противоположных социально-общественных и политико-идеологических системах. Если СССР двигался от «развитого социалистического общества к коммунистическому», то Пакистан с самого своего возникновения строил рыночную экономику, не позволяя увлечься модными идеями «социалистической ориентации» и «некапиталистического пути развития». Заметим, что по сравнению с Пакистаном огосударствление экономики Индии было более масштабным, при этом ей искусственно придавался «социалистический» характер. В соответствии с 42-й поправкой к Конституции (август 1976 г.) к официальному названию Индии как «суверенная, демократическая республика» были добавлены слова «социалистическая и светская»⁹. Понятно, что такое название выгодно отличало Индию в сравнении с соседней Исламской Республикой Пакистан.

Идеологические разногласия между Пакистаном и СССР в основном касались отношения к собственности, формам организации труда и, конечно, к религии. Господствовавшая в СССР марксистско-ленинская доктрина, отрицающая право на частную собственность, была неблагоприятна для налаживания тесного взаимодействия двух стран, поскольку

ку не соответствовала традиционным принципам ислама. И конечно, очень важным было то, что подобная доктрина фактически угрожала богатствам, да и самому государственно-политическому положению правящего в Пакистане блока земельных магнатов и крупной торгово-промышленной буржуазии. Что касается организационных форм трудовой деятельности, прежде всего в деревне, то разного рода простейшие кооперации традиционно имели место в мусульманской умме. Однако для нее не были приемлемы формы колхозного строительства, которые внедрялись в странах «социалистической ориентации».

Непреодолимым было препятствие между двумя государствами и в религиозной сфере. Для государства, созданного на конфессиональной основе и руководствующегося в своей деятельности исламскими принципами, не просто было строить отношения с обществом, проводящим политику воинствующего атеизма. Для верующего человека именно неверие в бога является самым плохим. Представителя другой религии, т.е. верующего, но ошибающегося, можно обратиться в «истинную» веру (сколько перешло в ислам христиан и индусов!). Но атеист — противник любой религии. Как известно, именно это обстоятельство препятствовало развитию отношений СССР с другими мусульманскими странами.

Для некоторых из них Советский Союз представлял собой «шайтана» или «сатану», как и США (правда, по разным причинам). Вспомним, что во время известных событий в Афганистане повстанцы называли себя муджахедами, т.е. «борцами за веру». Иными словами, главным для них являлась борьба с безбожниками — как с чужими, так и со своими.

Для Пакистана конфессиональные проблемы в отношениях с нашей страной никогда не доходили до такой степени резкости. Особенно это касается первоначального периода развития двусторонних отношений. Это было время побед национально-освободительного движения, краха колониализма, создания независимых государств. Пакистан также был охвачен общей эйфорией. И несмотря на конфессиональный характер, он являлся «своим» государством для многих этнических групп и в этом смысле представлял национальное государственное образование для всех его жителей — пакистанцев.

В это время господствующей идеологической доктриной был государственный национализм. Исламизм носил довольно умеренный характер (некоторые исследователи даже считают, что в начальный период Пакистан являлся секуляристским государством, однако с этим утверждением трудно согласиться). Поэтому тогда конфессиональные расхождения между двумя странами не имели какого-либо существенного значения. В сфере идеологии большим раздражителем было противостояние социально-экономических и политических доктрин. Антикоммунизм в Пакистане подогревался его союзом с США: участием в военных блоках, созданных для борьбы с «коммунистической угрозой»; плохими отношениями с Китаем. Кстати, последнее, помимо от-

меченных выше причин, вызывалось дружественным сотрудничеством КНР с главным недругом Пакистана — Индией.

В эти годы Пакистан выступал против приема КНР в ООН и другие международные организации. На совещании стран Южной и Юго-Восточной Азии в декабре 1954 г. в г. Богоре (Индонезия), на котором обсуждался вопрос о созыве конференции стран Азии и Африки, Пакистан выступил против приглашения на эту конференцию Китая. Он активно участвовал в деятельности «Комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи», одно время пакистанский представитель был даже ее председателем. Пакистан осудил СССР и солидаризировался с позицией западных держав во время известных событий в Венгрии осенью 1956 г. На встрече в Коломбо весной 1954 г. премьер-министров пяти азиатских стран — Индии, Индонезии, Цейлона, Бирмы и Пакистана — последний активно стремился добиться принятия резолюции «Об угрозе международного коммунизма»¹⁰

Конечно, ислам играл роль в определении внешнеполитической стратегии Пакистана. Именно этим определялась его жесткая антиизраильская позиция. Но в целом религиозный фактор не имел главенствующего значения. Даже когда Пакистан выступал на стороне мусульманских стран (Египта во время Суэцкого кризиса в 1956 г., Индонезии по проблеме Западного Ириана, Алжира в период Сопrotивления и т.д.), делалось это прежде всего по мотивам борьбы с колониализмом¹¹.

Вскоре положение в Пакистане стало меняться — происходило усиление ислама во всех сферах общества. Определялось это рядом факторов. Прежде всего следует отметить, что в самый начальный период существования нового государства ушли из жизни руководители первого поколения (в сентябре 1948 г. умер М.А. Джинна, в октябре 1951 г. был убит его преемник Лиакат Али Хан). На смену им пришли более фундаменталистски настроенные лидеры¹².

В стране росло разочарование «своим» национальным государством, поскольку положение основных масс населения практически не изменилось к лучшему. Надежды людей все больше стали связываться с исламом, особенно с его эгалитаристскими принципами, ликвидацией пропасти между богатыми и бедными, всеобщим благоденствием и процветанием. В условиях растущего этно-национального сепаратизма привлекательными были интегристские положения ислама. Это особенно стало очевидным после отделения от государства его восточной провинции, населенной бенгальцами.

В мире в это время происходил исламский «бум», или «ренессанс» ислама, эпицентр которого находился в Западной Азии. С богатыми странами этого региона Пакистан усиленно развивал торгово-экономическое сотрудничество, миллионы пакистанцев работали в нефтедобывающих арабских государствах, широкие потоки нефтедолларов устремились во все сферы жизни пакистанского общества, прежде всего — в духовную. На поступающие средства строили новые мечети, открывались религиозные школы, исламские научные центры, тысячи

учащихся направлялись на учебу в мусульманские учебные заведения стран Ближнего Востока. Оттуда шел широкий поток возрожденческих и фундаменталистских идей, для восприятия которых в Пакистане уже были созданы благоприятные условия.

Совпадение и соединение всех отмеченных факторов существенно изменили ситуацию в духовной сфере Пакистана. Позиции ислама резко усилились. Положение главной идеологической силы было национализмом утеряно, это место прочно и надолго занял ислам. Третья Конституция Пакистана, принятая в 1973 г., объявила ислам государственной религией¹³. Естественно, все это отразилось на внешней политике Пакистана, курс которой во многом стал определять исламский фактор. Очень важно, что это событие форсировало процесс ослабления антикоммунизма во внешнеполитической деятельности. В широком смысле процесс этот явился результатом общего пересмотра международной стратегии Пакистана в 60-е гг. К этому времени, в силу ряда внутренних и внешних изменений, Исламабад отказался от предпочтительной ориентации на западный мир, от блоковой политики и, руководствуясь национальными интересами, стал на позицию, равноудаленную от двух противостоящих систем, что позволило ему использовать их соперничество. Учитывая прежнюю внешнеполитическую деятельность, это означало некоторый отход от западного блока и курс на развитие сотрудничества с противоположным лагерем. Началось улучшение отношений с Советским Союзом, социалистическими странами Восточной Европы и Азии.

Самым значительным из этих событий стало быстрое улучшение пакистанско-китайских отношений, которое шло параллельно с начавшимся ухудшением взаимоотношений Китая и Индии. В начале 60-х гг. Пакистан уже поддерживал КНР на международной арене, выступал за ее прием в ООН. На следующий год после китайско-индийского вооруженного конфликта осенью 1962 г., в Пекине в марте 1963 г., было подписано соглашение о демаркации границы между КНР и Пакистаном в Кашмире, благоприятное для китайской стороны. С этих пор развитие отношений Китая с Пакистаном носит постоянный и непрерывный характер, что так отличает его от процесса сотрудничества между Пакистаном и другими великими державами — СССР/РФ и, особенно, США.

Идеологический фактор в этот период не играл значительную, а тем более определяющую роль в выработке внешнеполитической стратегии. В ряде случаев, как в рассмотренном сюжете о пакистанско-китайских отношениях, он носил вторичный характер, зависел от других обстоятельств экономического, политического и межгосударственного порядка. Вспомним также, что вся история двух соседних мусульманских стран — Пакистана и Афганистана — была крайне сложной, противоречивой и напряженной, в которой имели место и нарушения традиционных связей, и разрыв дипломатических отношений, и вооруженные столкновения. Отметим наконец, что в первые годы своего существования крайне слабый Пакистан занимался поиском друзей,

на роль которых предполагались «братские» по религии страны. Пакистанские руководители предпринимали активные действия, чтобы создать союз мусульманских государств. Они совершили ряд поездок по этим странам, им удалось организовать несколько политических, экономических и чисто религиозных конференций представителей исламских государств. Однако усилия по созданию блока этих стран не увенчались успехом. Одна из причин этого — слабость тогдашних мусульманских стран, которые сами нуждались в «сильных друзьях» (и пошли потом на союзнические отношения с крупными и богатыми странами Запада). К тому же вступлением в какой-либо блок с Пакистаном его участники рисковали испортить отношения с крупнейшей азиатской державой — Индией. Некоторые пакистанские исследователи, по понятным причинам, стремились представить ислам как главного определителя внешней политики Пакистана. Так, известный пакистанский дипломат и ученый С. М. Бурки писал, что мусульманские страны — это «самая большая любовь Пакистана, верным которой он останется всегда»¹⁴ Однако реальная жизнь не подтверждает этот тезис; во всяком случае, с уверенностью можно считать, что если такая любовь и существует, то она далеко не платоническая.

Как отмечалось выше, в 80-е гг. в Пакистане начался процесс усиления ислама в целом, в том числе и в сфере внешнеполитической деятельности. Многие его шаги на мировой арене, подходы к международным проблемам, отношения с иностранными государствами, глобальными и региональными организациями в значительной степени зависели от конфессионального фактора. Поддержка мусульманских государств определялась уже не антиколониалистскими принципами, а религиозными. Именно поддержка «братьев по вере» против «сионистской агрессии» обусловила благоприятную позицию Пакистана в отношении мусульманских стран во время «шестидневной войны» в 1967 г. Пакистан оказал всестороннюю помощь ОАР, Сирии, Иордании, Ираку и другим странам, как дипломатическую, так и материальную. Был создан специальный президентский фонд помощи этим странам; сюда из Пакистана стали поступать медикаменты, обувь, палатки и т.д. В Иорданию была направлена пакистанская военная миссия. Исламабад постарался сделать более благожелательными отношения к арабским странам таких мусульманских стран, как Иран и Турция. Подобная позиция Пакистана приветствовалась на Ближнем Востоке. Лидеры государств региона (Г. А. Насер и др.) неоднократно выражали Пакистану благодарность за оказанную поддержку. Важно отметить, что позиции Пакистана и СССР по ближневосточной проблеме практически совпадали (хотя и по разным причинам). Это улучшало климат для двустороннего сотрудничества двух государств.

Пакистан активно действовал в исламском мире, его позиции здесь неуклонно укреплялись. В 1969 г. Пакистан участвовал в первом исламском совещании на высшем уровне в Рабате, в котором приняли участие лидеры 26 мусульманских государств (пакистанский представитель ра-

ботал в подготовительном комитете по организации этого мероприятия). Пакистан стал членом созданной в 1969 г. Организации Исламская Конференция. В 1970 г. в Карачи прошла конференция министров иностранных дел мусульманских стран, а в 1972 г. в Лахоре состоялась вторая встреча глав мусульманских государств. Думается, что, несмотря на всю горечь неудач в бурном 1971 г. и образование на месте Восточного Пакистана независимого государства Бангладеш, довольно быстрое примирение с этим фактом Исламабада и официальное признание им Народной Республики Бангладеш в феврале 1974 г. было обусловлено конфессиональным характером нового государства и воздействием на процесс примирения многих мусульманских стран. Примечательно также, что, когда в мире началось развитие регионального сотрудничества, Пакистан принял участие в нем с создания региональных организаций по конфессиональному признаку. В 1964 г. по этому принципу была создана организация Региональное сотрудничество ради развития (РСР), в которую вошли Пакистан, Иран и Турция; вскоре появилась Индонезийско-пакистанская организация экономического и культурного развития (ИПОЭКС).

Усиление исламского фактора во внешнеполитической деятельности Пакистана сопровождалось вытеснением из этой сферы антикоммунизма, хотя между двумя процессами не было полной связи и зависимости, и ослабление элементов антикоммунизма шло и по другим причинам. Поэтому точнее было бы сказать, что одна идеологическая доктрина — конфессиональная — занимала в сфере внешней политики Пакистана место другой — антикоммунистической, слабевшей в силу различных факторов, в том числе и от набиравшего силу исламизма.

Пакистан постепенно отходил от прозападных военных блоков, окончательный выход из которых в 70-е гг. носил уже достаточно формальный характер. После этого он вступил в Движение неприсоединения, участниками которого были очень многие мусульманские страны. Если на рубеже 50–60-х гг. Пакистан заявлял о готовности выполнить «свои обязательства по СЕАТО», то уже в 1962 г. он отказался участвовать «в мерах против коммунистической угрозы Таиланду». На сессиях Совета СЕАТО в 60-е гг. пакистанский представитель не подписывал заключительных коммюнике, в которых участники совещаний брали обязательства «усилить борьбу с подрывной деятельностью коммунизма в регионе». В отличие от своей первоначальной позиции по корейскому вопросу, в отношении конфликта в Индокитае Пакистан с самого начала придерживался благожелательного для Вьетнама, Лаоса и Камбоджи нейтралитета. В целом он выступал за мирное урегулирование проблемы и безусловное право народов стран Индокитая самим решать свою судьбу без вмешательства извне.

Существенно изменилась пакистанская позиция и по Корее. Пакистан перестал голосовать вместе с западными державами в поддержку их предложений по «корейскому вопросу». Пакистанский представитель прекратил участие в работе Комиссии по объединению и восстановлению Кореи, а впоследствии Пакистан объявил о выходе из состава этой комиссии.

Таким образом, очевидно, что смена идеологических приоритетов во внешней политике Пакистана создала более благоприятную обстановку для развития пакистанско-советских отношений. Ислам оставался довольно умеренным и в целом не препятствовал этому процессу. Ослабление антикоммунизма, а в тех условиях и антисоветизма, было довольно значительным. Например, в отличие от реакции на венгерские события 1956 г., в 1968 г. Исламабад придерживался нейтральной позиции и был против раздувания западными странами «чехословацкого вопроса» на международной арене. Пакистан приветствовал начавшийся в результате усилий Москвы процесс разрядки напряженности в Европе, договор между СССР и ФРГ, советско-американские переговоры об ограничении стратегических вооружений. В 1968 г. Пакистан закрыл американскую базу слежения, созданную десять лет назад в северной части его территории. Все это создало благоприятный идеологический климат для расширения пакистанско-советских отношений. Данный фактор, наряду с другими позитивными явлениями, сделал период 60-х — первой половины 70-х гг. одним из наиболее благоприятных для пакистанско-советского сотрудничества. В дальнейшем, по мере радикализации ислама в Пакистане, и в том числе в его внешнеполитической деятельности, идеологическая составляющая взаимоотношений двух стран заметно ухудшилась.

В 80-е и особенно 90-е гг. в Пакистане на основе общего роста и укрепления ислама быстро развивался исламорадикализм. Тяжелое материальное положение миллионов простых людей, жаждущих создания «подлинного исламского государства», содействовало данному процессу. Существенным было влияние и внешнего фактора. В 1979 г. произошла исламская революция в Иране. В Афганистане под лозунгом джихада развернулась вооруженная борьба против «неверных». В Кашмире этап довольно спокойного движения за самоопределение сменился периодом бурной борьбы под знаменем ислама.

В самом Пакистане появились военизированные экстремистские организации, вскоре ставшие террористическими. Их деятельность проходит под эгидой основных фундаменталистских партий Пакистана — «Джамаат-и-Ислам», «Джаимиат-ул-улама-и-Ислам» и др.; по сути, они являются военным крылом этих партий. Появлению и действию экстремистских организаций содействовали определенные пакистанские правительственные круги, спецслужбы, особенно Объединенная военная разведка (ОВР). Последняя помогала муджахедам воевать с советскими войсками, участвовала в создании и поддержке экстремистского движения «Талибан», оказывала помощь боевикам в Кашмире¹⁵

Военизированный исламизм, созданный для борьбы с «врагами ислама» за пределами государства и внутри него, скоро стал представлять опасность для самого этого государства. Интересно заявление бывшего министра иностранных дел С. Азиза о том, что «из каждых десяти муджахедов, которые здесь обучались воевать в Кашмире, туда отправлялся только один, а девять оставались в Пакистане и создавали нам проблемы»¹⁶. Действуя как ударная сила фундаментализма, экстреми-

стские группировки ставили целью ликвидацию существующей государственной системы, остатков секуляризма, установления «истинного правления ислама» и образование халифата. В стране развернулась террористическая деятельность, направленная против умеренных мусульман, либеральных и демократических кругов, оппозиции, официальных представителей, религиозных меньшинств. Участвовавшие теракты исламских боевиков в Кашмире и в самой Индии привели к резкому обострению пакистанско-индийских отношений.

В этот же период Советский Союз, а затем Россия столкнулись с проблемой исламского экстремизма и терроризма. Сначала за рубежом — в Афганистане, затем — в центральноазиатских республиках СНГ (прежде всего в Таджикистане) и, наконец, на собственной территории — в Чечне.

Что касается позиции Пакистана, то в первых двух случаях его вовлеченность была значительной посредством открытой поддержки им «борцов за веру» и «учащихся» (талибов). Сложнее обстояло дело с чеченской проблемой. Официально Пакистан придерживался нейтралитета; Исламабад заявлял, что эта проблема — внутреннее дело России и Пакистан не допускает никакого вмешательства. На деле Пакистан все-таки оказался вовлеченным в чеченские дела, хотя, конечно, значительно более опосредованно и зачастую без официального разрешения властей (правда, российской стороне от этого было ненамного легче). Следует иметь в виду и сильное давление на Пакистан со стороны наиболее исламизированных режимов мусульманского мира. Вовлеченность Пакистана осуществлялась через тех же талибов, а также арабских наемников, которые воевали в Чечне. Сообщалось, что в лагерях на пакистанской территории проходили подготовку наряду со «своими» боевиками и иностранные террористы, которые направлялись затем в Чечню. Имели место приезды в Пакистан «визитеров» из Чечни (наиболее значительным из них был З. Яндарбиев).

Естественно, что в таких условиях о прогрессе в сотрудничестве Пакистана и России говорить не приходится. Конфессиональная проблема, соединившись с политической и военной, превратилась в крайне неблагоприятный вопрос межгосударственных отношений. Следует отметить, что усилившаяся из-за исламского радикализма пакистанско-индийская конфронтация негативно отражалась на пакистанско-российских отношениях. Между тем обстановка в России складывалась довольно благоприятно для продолжения процесса развития сотрудничества с Пакистаном. Крах коммунистической доктрины, развитие рыночных отношений, отказ от воинствующего атеизма, свободное развитие всех конфессий, включая ислам, снимали многие прежние преграды на пути всестороннего развития отношений двух стран. Однако потребовалось много времени для того, чтобы пакистанское руководство осознало опасность исламского экстремизма и повело с ним решительную борьбу. Только после этого отмеченные выше благоприятные потенциальные факторы развития сотрудничества получили возможность претворения в жизнь.

На рубеже двух столетий руководство Пакистана впервые в истории страны повело решительную борьбу с исламским экстремизмом. Важнейшим шагом в этом направлении был отказ после сентябрьских событий 2001 г. в США от поддержки талибов и участие Пакистана в международной антитеррористической кампании. Официально было объявлено о невозможности использования ислама в политических целях, причем это положение распространено и на кашмирскую проблему. Руководители страны, представляя умеренные круги ее населения, никоим образом не выступали против ислама, но утверждали, что истинный ислам не имеет ничего общего с фундаментализмом, экстремизмом и терроризмом. Умеренные выступают «за подлинно творческий, динамичный ислам», против «превращения его в догму». Президент Пакистана П. Мушарраф, резко критикуя исламорадикалов, спрашивал: «Разве нам нужен талибанизированный Пакистан? Разве нам нужен ислам талибского толка? Радикально настроенное меньшинство не имеет права диктовать свою волю всему народу»¹⁷. П. Мушарраф критиковал экстремистов за то, что их деятельность подрывает представление о Пакистане как исламском, демократическом, умеренном и прогрессивном государстве, и тем самым наносит огромный ущерб его международному имиджу. Поэтому экстремизм и терроризм подлежат осуждению и искоренению. В стране им был объявлен джихад.

Были запрещены или взяты под контроль наиболее радикальные экстремистские организации, а их лидеры арестованы и некоторые из них приговорены к различным срокам тюремного заключения. Власти задержали несколько тысяч активистов этих организаций и закрыли сотни их штаб-квартир. Тщательно проверялись источники, в том числе иностранные, финансирования деятельности исламорадикальных группировок. Под государственный контроль были поставлены религиозные школы — медресе, с тем чтобы из рассадника исламского экстремизма превратить их в обычные учебные заведения (естественно, с религиозным уклоном). Контроль был установлен и над мечетями. Шла также чистка армейского состава, спецслужб и научно-технического персонала, связанного с ракетно-ядерным потенциалом страны. Некоторых из них обвинили в связях с местными исламистами и талибами.

Официальный Пакистан повел также борьбу с исламорадикализмом в идеологическом плане. Основные принципы этого курса изложены в широко распространенной внутри страны и за ее пределами концепции П. Мушаррафа «Просвещенная умеренность»¹⁸, принятой в 2004 г. Организацией Исламская Конференция в качестве ее официального документа. В ней провозглашена абсолютная несовместимость экстремизма, радикализма и терроризма с подлинным исламом. Реальные причины этого явления — социально-экономические проблемы, отсталость, неграмотность, бедность и т.д.; необходимо сделать упор на «гармонию и благоприятное сосуществование разнообразных культур и религий». Одновременно должны быть урегулированы конфликты в мусульманском мире, которые сопровождаются усилением экс-

тремизма и, по словам премьер-министра Ш. Азиза, «вызывают огромные страдания и являются причиной многих болезней исламской уммы»¹⁹ Естественно, что в борьбе с мировым злом — терроризмом, в искоренении его причин и урегулировании конфликтов должны принимать участие все страны мира.

На мировой арене Пакистан выступает активным участником борьбы с международным терроризмом. Крайне важным является его участие в антитеррористической кампании против движения «Талибан» и «Аль-Каиды» в Афганистане, которые представляют собой прямую угрозу центральноазиатским республикам СНГ, стабильности в западных районах Китая, населенных мусульманами тюркских этнических групп. Вступив в ШОС, Пакистан руководствуется основополагающим принципом организации — борьба против «трех зол» — сепаратизма, экстремизма и терроризма. Эти угрозы для Пакистана не являются пустым звуком или чем-то надуманным. Он в полной мере испытал на себе их разрушительное воздействие. С некоторыми странами — членами ШОС — Пакистан заключил двусторонние соглашения о сотрудничестве в антитеррористической борьбе. По словам П. Мушаррафа, Россия и Пакистан осуществляют двустороннее сотрудничество «в рамках резолюций ООН и международных договоров по борьбе с терроризмом»²⁰ С Узбекистаном он подписал соглашение об экстрадиции террористов. Пакистан активно участвует в работе созданной в ноябре 2005 г. Контактной группы ШОС — Афганистан. Работает совместная пакистано-иранская Рабочая группа по сотрудничеству в области безопасности; достигнут ряд соглашений о развитии двустороннего сотрудничества в борьбе с терроризмом, наркотрафиком и незаконной миграцией. Наряду с двусторонним сотрудничеством Пакистан подключился к работе Региональной антитеррористической структуры (РАТС). В Пакистане подчеркивается значение этой структуры в плане помощи ему «в институционализации антитеррористического сотрудничества в более объемном масштабе на широкой основе»²¹

Имеет место налаживание по этой проблеме контактов между Пакистаном и НАТО. Достигнуто соглашение об открытии в Пакистане представительства этой организации для координации сотрудничества в борьбе с терроризмом²². Осуществляется взаимодействие между пакистанскими и американскими военными в сфере антитеррористической деятельности. Налажено сотрудничество между пакистанскими спецслужбами и их коллегами из стран — участниц антитеррористической кампании в Афганистане, происходит обмен соответствующей информацией и отслеживание террористов. В результате совместных акций были обезврежены многие экстремисты. Большим успехом явилось задержание второго по значению человека в «Аль-Каиде» Абу Зубейди.

Вопросы борьбы с терроризмом занимают важное место во взаимоотношениях Пакистана и Индии. В качестве первоочередной задачи руководители обеих стран определили создание конкретного механизма взаимодействия с целью эффективного противодействия террориз-

му; основными элементами этой структуры являются обмен разведывательной информацией, согласование антитеррористических инициатив, планов и расследований, а также ознакомление с мерами, предпринимаемыми в каждой из стран, для противодействия подрывной деятельности террористических группировок. Такое отношение к весьма острой для двух соседних стран проблеме способствует развитию пакистано-индийских отношений, а это, в свою очередь, улучшает перспективу российско-пакистанского сотрудничества.

В целом в Пакистане осознают внутреннюю и внешнюю опасность экстремизма и терроризма и необходимость борьбы с ней. В официальных кругах считают, что Пакистан является «прифронтовым государством» в борьбе с международным терроризмом и что он играет важную роль в этой борьбе в регионе²³

Таким образом, в отношении основного вызова безопасности современного мира — терроризма Пакистан и Россия находятся по одну сторону баррикад. Это главный благоприятный фактор для всестороннего сотрудничества двух стран. В политико-идеологической сфере многие проблемы ушли в прошлое, существующие — немногочисленны и мелки. Этот момент отметил президент П. Мушарраф во время визита в Москву в 2003 г. на пресс-конференции после встречи с российским президентом: «Прежде наши взгляды находились под влиянием коммунизма, “холодной войны”, противостоящих друг другу военных блоков. Затем появилось движение “Талибан”, началась война в Афганистане. Но изменившиеся реалии диктуют нам необходимость заново формулировать отношения между Пакистаном и Россией. Мы должны избавиться от груза прошлого, взяв на вооружение только положительный опыт»²⁴

Не будет преувеличением сказать, что в нынешнем столетии сложились наиболее благоприятные условия за все предшествующее время для развития пакистанско-российских отношений. Впервые между обоими государствами практически нет конфессионально-идеологических препятствий: в России существует религиозный плюрализм, в Пакистане господствует умеренный ислам. Исламский экстремизм и терроризм — враждебные силы для обеих этих стран. Благоприятны для сотрудничества политическая ситуация, международные отношения, улучшение пакистанско-индийских отношений. Последнее серьезно ослабляет действия прежних ограничителей российско-пакистанских взаимоотношений. Наиболее значительным остается их влияние на проблему военно-технического сотрудничества (ВТС) Пакистана и России. Пакистанский премьер-министр Ш. Азиз назвал отсутствие ВТС своей страны с Россией проявлением «старого мышления»²⁵

Помимо благоприятных конфессионально-идеологических условий для развития пакистанско-российских отношений в настоящее время хочется отметить еще один момент. Крах в нашей стране коммунистической доктрины означал не только изменение положения религии, но и установление рыночных отношений, действие частного предпринимательства. Другими словами, содержание экономик обеих стран стало более однородным.

Есть еще один существенный момент. В советский период, когда политика была «концентрированным выражением экономики», вся экономическая деятельность нашей страны строго руководилась из единого центра и определялась прежде всего политическими, идеологическими, военными интересами; вопросы чисто хозяйственного плана и выгоды стояли в самом конце. Сейчас, конечно, государство сохраняет сильный контроль над экономикой, но, тем не менее, в условиях рынка и конкурентной борьбы частные концерны и компании имеют определенную свободу выбора, с точки зрения получения прибылей и выгод.

Примечательно, что во время упомянутого выше визита М.Е. Фрадкина в Исламабад в официальном порядке было подписано всего два документа — о сотрудничестве в борьбе с наркотрафиком и об обмене в области культуры, науки и образования. Одновременно были подписаны меморандумы о сотрудничестве по линии ОАО «Российские железные дороги», ЗАО «Камаз» и Агрономической корпорации «Азот». Прошли также переговоры с пакистанскими заинтересованными организациями экспертов делегаций ОАО «Газпром» и ЗАО «Интер РАО ЕЭС», в результате которых были намечены перспективы в ряде совместных проектов — техническом переоснащении, модернизации и развитии имеющейся в Пакистане советской производственной и технологической базы; комплексных геологоразведочных работах на нефть, газ и уголь; в области транспорта, участие российского капитала в строительстве на территории Пакистана газопровода Иран — Пакистан — Индия. Пакистанская сторона проявляет большой интерес к налаживанию транспортного сообщения по маршруту «Север — Юг» через территорию Ирана и Каспий. Конечно, в основном все это — соглашения о намерениях, и, чтобы превратить их в реальность, потребуется большая работа. Думается, что самые перспективные сферы экономического сотрудничества двух стран — это энергетика, где Россия выступает как крупнейший поставщик, а Пакистан как крупнейший потребитель, а также транспорт. По своему географическому положению Пакистан представляет соединительное звено различных частей азиатского континента. И создание сети магистральных дорог крайне важно для Пакистана, который пока не представляет особого интереса в экономическом плане. Важнейшим элементом торгово-экономической структуры, которая свяжет западную, восточную и южную части Азии, а также обеспечит центральноазиатским странам выход к теплым водам Индийского океана, явится сооружаемый ныне современный многоцелевой порт Гвадар на побережье Аравийского моря, недалеко от Ормузского пролива, по которому переправляется нефть с Ближнего Востока. Значение этого порта хорошо понимают в Китае и вкладывают в его строительство значительные средства. Думается, российскому капиталу нужно последовать этому примеру.

Еще раз отметим, что нынешний период российско-пакистанских отношений — самый благоприятный за всю их историю. Если не произойдет каких-либо непредвиденных и значительных событий, то эта ситуация сохранится и в будущем. В случае выхода на государственно-

политический уровень фундаменталистских сил заметные изменения вероятны во внутренней жизни страны. Во внешней политике они будут минимальны. Нынешний курс отвечает национальным, общегосударственным интересам Пакистана. И любая пришедшая к власти группировка будет вынуждена считаться с этим фактом. Поэтому какие-либо осложнения пакистанско-российских отношений вряд ли произойдут. Правда, нельзя исключить появления негативных моментов в пакистанско-индийских отношениях, а это может косвенным образом отразиться на взаимоотношениях Пакистана и России.

¹ СССР и Пакистан. М., 1984; Компанцев И.М. Пакистан и Советский Союз. М., 1970; Soviet Scholars View South Asia // Asian Survey. Berkeley, 1974; Asian in the 1990-s. Berkeley, 1991.

² Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. М., 2003; Лунев С.И. Дипломатия в Южной Азии. М., 1993; Москаленко В.Н. Внешняя политика Пакистана (формирование и основные этапы эволюции). М., 1984.

³ Энциклопедия Пакистана. М., 1998, с. 308.

⁴ Пакистан. Справочник. М., 1991, с. 161–162.

⁵ Pakistan Almanac. 2002–2003. Karachi, 2003, с. 43–44, 190–191; Two Year Performance of the Government. August 2004 — to August 2006. Islamabad, 2006, с. 17–27; Musharraf P. In the Lime of Fire, A Memoir. N.Y., 2006, с. 203, 211; <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/18-04-07a.htm>

⁶ Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен. М., 2006, с. 217–220; Пульс планеты. Ближний и Средний Восток. М., ИТАР-ТАСС, 05.02.2007, св. 12; www.rustrade.org/news; <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/121-04-07a.htm>

⁷ Business Recorder, 13.04.2007.

⁸ www.ruvr.ru. 12 апреля 2007.

⁹ Индия сегодня. М., 2005, с. 125.

¹⁰ Москаленко В.Н. Указ. соч., с. 36–39.

¹¹ Там же, с. 42.

¹² Плешов О.В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. М., 2003, с. 8–73.

¹³ The Constitution of the Islamic Republik of Pakistan. Karachi, 1973, с. 3.

¹⁴ Burke S.M. Mainspring of Indian and Pakistani Foreign Policies. Minneapolis, 1974, с. 23.

¹⁵ Белокреницкий В.Я. Исламский радикализм Пакистана: эволюция и роль в регионе // Центральная Азия и Кавказ. Лулеа (Швеция), 2000, № 6 (12), с. 123–126; Newline, September 2001, с. 36, 42.

¹⁶ Dawn, 21.02.2002.

¹⁷ Dawn, 10.06.2003.

¹⁸ Musharraf P. Op. cit., с. 295–297.

¹⁹ The Pakistan Times, 06.07.2005.

²⁰ www.lenta.ru/world/2003/02/03/musharraf.html

²¹ Pakistan and Shanghai Cooperation Organisation // Asia – Search for Security and Cooperation. Islamabad, 2006, с. 16.

²² Зарубежное военное обозрение. М., 2006, № 6, с. 75.

²³ Pakistan and Shanghai Cooperation Organisation..., с. 16–20.

²⁴ Известия, 07.02.2003.

²⁵ Коммерсантъ, 10.05.2007.

РОССИЙСКО-АФГАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВЫ

Более 100 лет назад, 5 марта 1905 г., в Санкт-Петербурге состоялось заседание «Комиссии по изучению Авганистана и Индии». В центре повестки дня был доклад члена постоянной индо-афганской комиссии П. А. Риттиха под весьма символическим для нашего времени названием: «Об Авганистане и его современном значении с точки зрения русских интересов»¹ (Впоследствии он был издан в виде книги «Афганский вопрос».) И в самом докладе и прениях рассматривался главный вопрос — политика России в отношении Афганистана с учетом политики Англии.

Спустя два месяца, 5 мая того же года, на очередном собрании комиссии вновь обсуждалась афганская проблема, но на этот раз акцент делался на характере отношений с Англией. Комиссии следовало решить, «какую политику должна проводить Россия в отношении Англии: миролюбивую и дружественную или враждебную»².

Вывод, к которому пришла комиссия, был образно сформулирован одним из ее участников М. П. Федоровым: «Ввиду явной враждебности Англии, мы должны по необходимости держать камень за пазухой, проявляя однако стремление к мирному разрешению наших несогласий с Англией»³ Более того, на том же собрании председатель индо-афганской комиссии генерал А. Е. Снесарев, указав на то, что «Афганистан всегда был ближайшей целью стремления России к распространению ее владений в Центральной Азии»⁴, процитировал слова лорда Дж. Керзона (1859–1925) о том, что «просвещенной стране постыдно не иметь в наше время торговых отношений с какой-либо соседней страной», и предложил России использовать в своей внешней политике такую же аргументацию⁵

История первых контактов России с Афганистаном берет начало с 1764 г., когда по указанию императрицы Екатерины II, с целью установления дипломатических отношений с Ахмад-шахом Дуррани (1721–1773), тогдашним правителем афганского государства, в Афганистан был направлен капитан императорской армии Богдан Асланов⁶

Однако существует мнение (И. Л. Яворский), что первые контакты произошли гораздо раньше и относились ко времени правления царя Алексея Михайловича (1629–1676), отправившего посольство в Бухарское ханство и Индию, которое по пути посетило Кабул⁷

Б. Асланову не удалось выполнить свою миссию: встретиться с Ахмад-шахом и пригласить афганское посольство в Россию. Тем не менее его путешествие в Афганистан — это исторический факт, свидетельствующий о стремлении России уже в те далекие времена наладить отношения с этой страной.

Особенно активизировались попытки правительств двух стран наладить добрососедские отношения в XIX в.

В 1836 г. афганский эмир Дост Мухаммад, борющийся за власть со ставленником англичан шахом Шуджой-уль Мульком, направил своих посланцев в Петербург. В письме на имя императора Николая I, в частности, говорилось, что Афганистан желал бы, чтобы между двумя государствами утвердились дружеские отношения⁸

В ответ российское правительство направило в Кабул поручика И. В. Виткевича, которому, в частности, поручалось выяснить возможности расширения прямых российско-афганских торговых отношений. Виткевичу удалось договориться с эмиром по этому вопросу. Более того, в своих сообщениях он подчеркивал, что Дост Мухаммад был склонен к «укреплению и развитию дружественных связей с Россией»⁹

Другим знаменательным событием в истории отношений двух стран явилась дипломатическая миссия во главе с генералом Н. Г. Столетовым, прибывшим в 1878 г. ко двору эмира Шер Али-хана (1863–1879). Доктор И. Л. Яворский, сопровождавший генерала Столетова, в своей книге «Путешествие русского посольства по Авганистану и Бухарскому ханству в 1878–1879 г.» сообщал, что эмир Шер Али-хан «просился приехать в Москву», но ему было в этом отказано и вместо Москвы было предложено посетить Ташкент. Таким образом, первая попытка афганского правителя посетить Россию окончилась неудачей.

В летописи российско-афганских отношений как-то в тени остался весьма любопытный факт, приобретающий в нынешних условиях роста исламизма определенное значение. Речь идет о пребывании в России основоположника доктрины панисламизма, известного мусульманского религиозно-политического деятеля Сайида Джамалуддина Афгани (1838–1897).

В 1887–1888 гг. Афгани покинул Иран и из Тебриза через Северный Кавказ, посетив по пути Тифлис, Баку и Владикавказ, прибыл в Москву. Согласно официальной версии биографов Афгани, в Россию он приехал по приглашению известного публициста и издателя журнала «Русский вестник» и газеты «Московские новости» М.Н. Каткова. По информации зарубежных печатных изданий того периода, главная цель визита Афгани в Россию состояла в следующем: добиться встречи с императором и попытаться уговорить его принять совместно с Ираном участие в антибританском союзе с тем, чтобы помочь «индийским мусульманам», а также участвовать в определении границ Афганистана.

Во время пребывания Афгани в Петербурге ему удалось с помощью К. П. Победоносцева, обер-прокурора Синода, человека, имевшего огромное влияние на императора, добиться аудиенции у Александра III.

Однако император отклонил предложение Афгани и через своих придворных дал понять ему, что его дальнейшее пребывание в России нежелательно. Биографы Афгани объясняли неудачу его поездки происками пробританских сил, однако подчеркивали, что к успеху миссии Афгани следует отнести то, что ему удалось убедить Александра III разрешить российским мусульманам впервые начать печатать Коран.

Значение поездки Дж. Афгани в Россию, на наш взгляд, было весьма знаменательным событием. Сам факт посещения России известным в мусульманском мире духовным лицом свидетельствует о том, что и в Афганистане, и в других мусульманских странах видели в России единственную силу, способную противостоять британской экспансии в Азию¹⁰

Нельзя отрицать того исторического факта, что новый этап установления добрососедских отношений между двумя странами приходится на 1919 г., когда Советская Россия первая в мире признала независимость Афганистана, объявившего об отказе от прежних договорных обязательств, связывавших его с Великобританией и последующим установлением дипломатических отношений между Советской Россией и Афганистаном, завершившимся заключением Договора о дружбе 1921 г. Для обеих сторон договор имел важное военно-политическое и экономическое значение.

На основе Договора о дружбе и последующих межправительственных соглашений Советский Союз оказал Афганистану действительно эффективную помощь.

Наиболее плодотворный период в советско-афганских отношениях наступил с начала 50-х гг. прошлого века. Именно в эти годы (1950–1979) с технико-экономической помощью СССР были заложены основы экономической инфраструктуры Афганистана.

Об этом времени сказано и написано достаточно много. На наш взгляд, особенно ценно признание этой помощи самими афганцами и ее значения. Сошлемся на журнал «Азад Афганистан», который в самый разгар междоусобной войны (1979–2001), оценивая экономическую ситуацию в разрушенном войной Афганистане, констатировал: «В период между 1950–1979 гг. США предоставили Афганистану финансовую помощь на сумму 532 млн. долларов. Вдвое больше предоставил Советский Союз»¹¹.

Начавшаяся в 1979 г. гражданская война, после прихода к власти в Афганистане Народно-Демократической партии (НДПА), усугубилась в результате ввода в страну (декабрь 1979 г.) советских войск, что вызвало резкий рост антисоветских настроений среди большей части населения.

С момента вывода советского военного контингента из Афганистана (1989 г.) прошло 18 лет. За это время в стране произошли значи-

тельные перемены: пал «прокоммунистический» режим президента Наджибуллы, власть перешла к победителям — моджахедам, однако междоусобица в стране не прекращалась. В 1994 г. на военно-политической арене появилась новая сила — движение «Талибан», и междоусобная борьба между силами моджахедов (Северная коалиция) и талибами разгорелась с новой силой.

Установление власти талибов на большей части территории Афганистана и их тесное сотрудничество с главой террористической организации «Аль-Каида» Усамой Бен Ладеном закончилось в 2001 г., когда режим талибов пал под ударами войск США и Северной коалиции.

В истории Афганистана наступил новый послевоенный этап.

Рассматривая российско-афганские отношения в историческом аспекте и их дальнейшие перспективы, следует остановиться, хотя бы вкратце, на одной особенности афганской внешней политики.

Основы внешней политики Афганистана были заложены еще эмиром Абдуррахман-ханом (1880–1901). Суть их состояла в сохранении равноудаленности от великих держав и поддержании баланса между двумя полюсами: Англией и Российской империей.

Разумеется, эмир не питал каких-либо иллюзий относительно намерений ни Англии, ни России по отношению к его стране. Как он любил выражаться, «белая собака (имея в виду Россию. — *Р. С.*) ничем не лучше рыжей (то есть Великобритании. — *Р. С.*)»¹².

И, тем не менее, как трезво мыслящий правитель и политик он хорошо понимал цели Англии и России и место Афганистана в их «Большой игре».

«Я не верю, — писал Абдуррахман в своей биографии, — чтобы Россия питала какие-нибудь враждебные чувства к Афганистану: они являются для нее исключительно в виде серьезного препятствия на пути в Индию, и если Россия когда-нибудь произведет нападение на Афганистан, то это будет сделано именно с этим единственным намерением»¹³

Своим наследникам он завещал придерживаться добрососедских отношений с северным соседом. Вот что он говорил по этому поводу: «Я не скажу, что мои сыновья и наследники должны относиться враждебно к России; совершенно напротив: они не только должны казаться, но и в действительности, в сердце своем, должны быть расположены к России дружелюбно, потому что Россия держава великая и может когда-нибудь оказать Афганистану помощь и услугу в дни тревоги. Со стороны афганцев будет чрезвычайной глупостью, если они будут вызывающим образом относиться к русским. Наиболее мудрая политика для Афганистана в отношении России заключается в том, чтобы избегать с нею тесных сношений, а держаться более безопасной стороны, т.е. золотой середины»¹⁴.

Более того, он прямо приказывал своим наследникам в случае если Англия совершит агрессию против Афганистана и «если афганцы будут совершенно разбиты, то им нужно будет тогда присоединиться к России»¹⁵.

Надо сказать, что все последующие правители Афганистана придерживались основ политики, сформулированной Абдурахманом, и пытались лавировать между сверхдержавами, разумеется, с учетом менявшихся условий международной ситуации. Так, в годы правления бывшего короля Мухаммад Захир-Шаха была сформулирована политика «активного и позитивного нейтралитета», позволившая Афганистану избежать участия во Второй мировой войне и различных военных блоках, создававшихся после войны.

Но стоило кому-нибудь из афганских правителей уклониться от пути, предначертанного эмиром Абдурахманом, и его внешняя политика приобретала односторонне ориентированный характер, как его постигала печальная участь, а в стране разгоралась междоусобная борьба. В истории Афганистана есть немало подобных примеров (шах Шуджа, президент М. Дауд, президент Наджибулла).

В сегодняшнем Афганистане, несмотря на демократические выборы президента и парламента, принятие новой Конституции, определенные сдвиги в восстановлении разрушенной войной инфраструктуры, внутривнутриполитическая ситуация остается сложной и взрывоопасной.

Стабилизации обстановки препятствует несколько основных факторов. По-прежнему сохраняются межэтнические противоречия. С появлением партий эпицентр политической борьбы переместился в межпартийные разногласия, особенно наглядно проявляющиеся в парламенте и публичных выступлениях в партийной прессе. Значительное влияние, особенно в провинции, сохраняют бывшие полевые командиры моджахедов, верхушка мусульманского духовенства, старейшины племен, которые продолжают противиться демократическим преобразованиям и сопротивляются волне «вестернизации», накатившей на Афганистан. Власть центрального правительства не распространяется в полной мере на всю территорию страны. Последняя активизация талибов во многом объясняется тем, что наряду с внешним вмешательством большая часть пуштунского населения юго-востока симпатизирует им, а правительство не располагает достаточно сильной армией, надеясь лишь на иностранные воинские части.

Даже такой сторонник прозападной политики Афганистана, как профессор Барнетт Рубин из Центра международного сотрудничества Нью-Йоркского университета, вынужден признать, что «ни одно государство не сможет долго продержаться, если его армия и полиция будут финансироваться иностранными силами»¹⁶ Не случайно, что и госсекретарь США К. Райс в своем выступлении прямо указала на необходимость создания сильной афганской армии.

Основным раздражителем для местного населения, независимо от его социальной или этнической принадлежности, остается пребывание в стране войск США и НАТО. Симпатиям местного населения к иностранному присутствию не способствуют такие факты, как гибель мир-

ного населения от «случайных» бомбовых ударов американской авиации. Например, в результате бомбежки в провинции Урузган в июле 2002 г. погибло 48 мирных граждан, 117 было ранено. Перечень подобных фактов можно было бы продолжить¹⁷ Президент Х. Карзай был вынужден призвать командование американского контингента в ходе контртеррористических операций не разрушать дома мирных граждан и избегать их убийства, ибо все подобные факты «лишь способствуют притоку новых боевиков в террористические группировки»¹⁸

Военные успехи талибов вынудили руководство НАТО поставить вопрос об увеличении воинского контингента дополнительно к нынешним 18 тыс. еще на 2,5 тыс. солдат. Однако они признают бесперспективность урегулирования ситуации в стране военным путем. Так, согласно конфиденциальному заявлению министра обороны Англии для достижения стоящих перед коалицией целей потребуется как минимум «не менее 20 лет».

Недавний взрыв у здания Посольства США в Кабуле — лишь одна из наглядных демонстраций растущих антиамериканских настроений.

Правительство Х. Карзая давно определило основные направления своей прозападной внешней политики. Они вновь были изложены министром иностранных дел Дадфаром Спанта. Суть их сводится к следующему. С учетом геополитического и стратегического положения Афганистана в мире в целом и в регионе в частности Д. Спанта указал на необходимость «безграничного дружественного сближения с соседними странами». Однако, как подчеркнул министр, приоритетным направлением афганской внешней политики становится развитие «долговременных и стратегических отношений с США», а также налаживание стратегических отношений с Европейским Союзом и Японией¹⁹. Вместе с тем Д. Спанта не преминул указать, что подобные ориентиры отнюдь не изменяют основ общей политики страны, базирующейся на принципах независимости, взаимного уважения, невмешательства в дела других государств, нейтралитете, неприсоединении и т.п.

Между тем подобная односторонняя ориентация правительства Х. Карзая на сотрудничество с США, которую президент назвал «жизненно важной» для страны, все чаще становится объектом критики его политических противников, которые обвиняют его в чрезмерных проамериканских настроениях.

Возможно, реальная обстановка в стране, сложившаяся за последние 5 лет, побуждает правительство к определенной переоценке своих внешнеполитических приоритетов.

Возвращаясь к теме российско-афганских отношений, полагаем отметить следующее. Как нам представляется, в последнее время наметились симптомы к сближению с Россией и хотя бы частичному восстановлению тех некогда мощных и эффективных технико-экономических отношений, существовавших между странами до начала гражданской войны в Афганистане.

Мы далеки от того, чтобы впасть в эйфорию, однако определенные подвижки в афганской политике вселяют некоторый оптимизм. Назовем лишь факты. В 2005 г. Институт востоковедения РАН посетила делегация афганской академии наук «Пашто толына» во главе с ее президентом Абдуррашидом Бари, где провела переговоры с руководством Института о возможном налаживании сотрудничества между двумя научными учреждениями.

В 2006 г. в Москве прошла Международная научная конференция, на которой обсуждались вопросы участия международного сообщества, включая Россию, в восстановлении национального хозяйства Афганистана. Примечательно, что афганскую сторону представляла солидная делегация во главе с Залмаем Хивадмалем — советником президента Х. Карзая по вопросам культуры.

Наконец, следует указать на первые ростки возрождения технико-экономического сотрудничества в реконструкции и модернизации ряда объектов, построенных в свое время Советским Союзом. Речь идет об участии России в восстановлении гидроэлектростанции Наглу, обеспечивающей столицу энергией; о ремонте автомагистрали и тоннеля «Саланг», восстановлении Политехнического института. Подобные факты вселяют надежду на то, что со временем Россия займет вполне заслуженное место в деле возрождения Афганистана. Видимо, настало время, чтобы Россия, правильно оценив нынешнюю ситуацию, предприняла бы нужные шаги в нужном направлении, чтобы восстановить нормальные отношения с этой страной, которая начинает демонстрировать готовность к этому.

¹ Протоколы комиссии по изучению Афганистана и Индии за 1905 г. С.-Пб., 1906, с. 8.

² Там же, с. 30.

³ Там же, с. 44.

⁴ Там же, с. 54.

⁵ Там же, с. 44.

⁶ Ганковский Ю.В. Миссия Богдана Асланова в Афганистан в 1764 г. — Советское востоковедение, 1958, № 2.

⁷ Яворский И.Л. Путешествие русского Посольства по Афганистану и Бухарскому Ханству в 1878–1879 гг. Т. I–II. С.-Пб., 1883.

⁸ Масон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. Т. II. М., 1965, с. 72.

⁹ Там же, с. 181, 183.

¹⁰ Риштия С.К. Сайид Джамалуддин ва Афганистан (на языке дари). Кабул, 1977, с. 72–84.

¹¹ Азад Афганистан, июль — сентябрь 1999, № 2, с. 45.

¹² Рейснер И.М. Независимый Афганистан. М., 1929, с. 63.

¹³ Автобиография Абдурахман-хана. Т. 2. С.-Пб., 1901, с. 333.

¹⁴ Там же, с. 378.

¹⁵ Там же, с. 379.

¹⁶ Rubin V. Peace Building and State-Building in Afghanistan constructing sovereignty for whose security. Third World Quarterly, vol. 27, № 1, с. 175–185, 2006-09-26.

¹⁷ Кабул, 11 июля 2002.

¹⁸ Газета, 6.06.2006.

¹⁹ Ангиза, апрель-май 2006, № 7, с. 14.

МЕЖПАРЛАМЕНТСКИЕ СВЯЗИ РОССИИ И ИРАНА (1997–2006 гг.)

Межпарламентские связи между Россией и Исламской Республикой Иран за последние десять лет поднялись на достаточно высокий уровень и являются важным показателем усиливающихся взаимных интересов к укреплению и развитию двусторонних отношений российских и иранских законодателей. Благодаря усилиям высших органов законодательной власти Россия и Иран смогли обрести устойчивость во взаимоотношениях и найти правильные решения сложных проблем в чрезвычайно сложной международной обстановке. Эти связи устанавливались в период, когда Россия и Иран переживали важные этапы реформирования государственных структур власти, вызванных глобальными вызовами времени. Иран вступил в новую фазу модернизации своей экономики, поменяв вектор внешней политики и сделав ставку на развитие своей национальной ядерной программы. Россия также претерпела целый ряд внутренних и внешних конфликтов, вовлекших ее в бурный поток общественно-социальных и политических перемен, многие из которых были обусловлены выполнением международных обязательств, возложенных на нее как преемницу бывшего СССР.

Несмотря на трудности во внутренней политике России в 90-х — начале 2000-х гг., сохранение партнерских отношений с Ираном стало одним из приоритетных направлений внешней политики Москвы в регионе Ближнего и Среднего Востока. С начала 90-х гг. Иран был традиционным политическим партнером России в сдерживании радикальных суннитских группировок, в первую очередь на Северном Кавказе, в положительном решении вопроса коммуникационных связей с внешним миром Армении, мирного урегулирования в Таджикистане, в свержении режима талибов в Афганистане.

Развитие межпарламентских связей между Россией и Ираном приходится на конец 90-х гг. прошлого века. Первый важный визит в нашу страну из Ирана на высоком уровне после смены политического строя в России состоялся в апреле 1997 г. Российское руководство решило пригласить в Москву (в то время как Запад свертывал свои связи с Ираном) председателя меджлиса Али Акбара Натег-Нури, который рассматривался как вероятный победитель очередных президентских выборов. Приезду иранской делегации противились достаточно авторитетные силы в антииранском лобби в руководстве России, которым

не нравились высказывания Натег-Нури о том, что Иран готов сотрудничать со всеми странами, кроме Израиля. Спикер иранского меджлиса был гостем председателя Госдумы РФ Г. Н. Селезнева. Придавая большое значение визиту высокопоставленного иранского государственного и религиозно-политического деятеля, А. Натег-Нури приняли президент России Б. Н. Ельцин, премьер-министр В. Н. Черномырдин, министр иностранных дел Е. М. Примаков¹. Такой высокий уровень приема свидетельствовал о том, что Россия, вопреки враждебному отношению к Ирану со стороны Запада, и прежде всего США, сделала смелый шаг для выстраивания независимой политики в отношении своего ближайшего южного соседа, который до его распада граничил с Советским Союзом. В ходе визита стороны обсудили широкий круг политических и экономических проблем: от расширения НАТО до строительства российских специалистами АЭС в Бушере. Москва и Тегеран подписали соглашение о научно-техническом сотрудничестве, об избежании двойного налогообложения, а также протокол о парламентском сотрудничестве. Отказ новой демократической России от коммунистической идеологии, которая была главной причиной расхождения во взглядах советского и шиитского руководства Ирана на проблемы двусторонних и многосторонних отношений, однополярного мира во главе с США, стал прочной основой для координирования внешней политики в Центральном-Азиатском регионе. У России и Ирана наладилось плодотворное сотрудничество в решении афганской, карабахской и таджикской проблем. Хотя последняя была осложнена арестом 11 представителей объединенной таджикской оппозиции, выступавшей против центральной власти с исламских позиций. Из-за ареста оппозиционеров в Тегеране были отложены переговоры по урегулированию в Таджикистане.

Международная обстановка была не совсем благоприятной для успешного пребывания иранского спикера в российской столице. Из Германии пришло известие о вынесении приговора террористам, обвиненным в убийстве четырех представителей иранской оппозиции в 1992 г. в Берлине. Последовавшие затем обвинения на государственном уровне в адрес руководства Ирана в причастности к этой акции привело к резкому обострению отношений между Ираном и Европейским союзом, прежде всего Германией. Многие послы стран ЕС были вызваны в свои страны для консультаций, что наводило на мысль о применении самых жестких санкций в отношении Ирана вплоть до разрыва дипломатических отношений. Соединенные Штаты — наиболее жесткие противники исламского режима — максимально использовали все свое влияние на европейских союзников, чтобы извлечь из антиизраильского выступления Натег-Нури и решения германского суда по уголовному делу об убийстве представителей иранской оппозиции максимальную выгоду с целью изолировать Иран на международной арене. Естественно, что в этой обстановке прием иранского спикера на столь высоком уровне грозил неблагоприятными последствиями для имиджа России. Однако, несмотря на это, российское руководство продемонстрировало

своим западным партнерам независимость в проведении политики в отношении шиитского Ирана².

Важным шагом для расширения и укрепления межпарламентского сотрудничества России и Ирана стал визит в Тегеран делегации Госдумы во главе с лидером парламентской группы «Народовластие» Н. И. Рыжковым по приглашению члена президиума меджлиса ИРИ, председателя комитета по бюджету и планированию Амлаши³. Парламентарии обеих стран должны были решить две задачи. Первая — расширение и углубление межпарламентских отношений между Государственной Думой РФ и меджлисом ИРИ; вторая — изучение возможности придания нового импульса российско-иранским торгово-экономическим отношениям. В ходе переговоров обсуждался вопрос о создании российско-иранского центра экономического и научно-технического сотрудничества с представительствами в Москве и Тегеране. Предполагалось, что эта структура напрямую станет координировать деятельность российских и иранских предприятий и деловых кругов, обслуживать государственные и бизнес-структуры обеих стран информацией на базе современных технологий в режиме реального времени. Члены российской делегации провели ряд полезных встреч со своими коллегами из меджлиса, а также с другими представителями государственных и общественных ведомств Ирана: советником президента Ирана М. Хатами, руководителем отдела науки и высоких технологий администрации президента Саджади, заместителем министра иностранных дел ИРИ Ваязи, заместителем министра иностранных дел Ирана Сармади, вице-президентом Фонда обездоленных Али Исхаком, министром нефти Ирана Зангани и другими деятелями⁴.

В ходе переговоров членов российской делегации с иранскими коллегами законодатели согласились, что серьезным тормозом на пути развития торгово-экономических и научно-технических связей России с Ираном служат односторонние обязательства России перед США в рамках комиссии «Гор — Черномырдин». Эти ограничения сдерживают экономические отношения России с Ираном, который является ключевой страной в зоне Персидского залива и от которого во многом зависят решения региональных и глобальных проблем. Как иранские, так и российские парламентарии пришли к заключению, что достигнутый уровень связей между Россией и Ираном в сфере двусторонних отношений абсолютно не соответствует тем потенциальным возможностям, которые имеют эти страны. Без участия Ирана и России ближневосточный мирный процесс обречен на неудачу. В решении этого вопроса Иран пока не участвует, поскольку не верит в формат переговоров, который был предложен Западом во главе с США. Россия была фактически заблокирована Западом. Но и Россия, и Иран являются теми ключевыми странами, от позиций и решений которых во многом зависит окончательное решение ближневосточного мирного процесса. В ходе рабочих встреч парламентариев обеих стран было подтверждено, что имеется широкое поле для более плодотворных российско-

иранских экономических связей с использованием потенциалов двух стран. Однако успех этого сотрудничества тормозится несовершенством правового статуса российско-иранской Комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, что не позволяет ей принимать эффективные решения. Это подтвердилось результатами нескольких ее заседаний в 1997 г. в Москве, а в 1998 г. — в Тегеране. Члены Комиссии обсуждали различные вопросы и проекты, но не смогли принять окончательного решения, поскольку еще не был разработан механизм осуществления этих проектов. Члены российской делегации предложили создать по инициативе бывшего тогда председателя Российской торгово-промышленной палаты А. И. Вольского новую структуру с современной информационно-аналитической базой. В ней могла бы аккумулироваться информация о наличии данных для российских и иранских предпринимателей малого и среднего бизнеса о рынках сбыта своей продукции, партнерах в создании совместных предприятий, путях взаимного инвестирования и кредитования и т.д. В ходе дискуссий участники встреч убедились в том, что деловые круги России и Ирана совершенно не информированы о возможностях друг друга. Общаясь с официальными иранскими лицами и представителями деловых кругов, российская сторона нашла понимание и поддержку своей инициативы; со своей стороны, Н. Рыжков согласился взять на себя инициативу по поводу создания подобной структуры в России⁵

Конец 90-х гг. был нелегким для Ирана как в экономическом, так и политическом плане. Последние годы пребывания у власти Хашеми Рафсанджани характеризовались спадом в экономике и нарастанием напряженности в обществе со стороны молодежи, требовавшей снятия жестких ограничений в области личных свобод и нормализации отношений с Западом. На стране висел груз десятилетней международной изоляции, вызванный вынесением смертного приговора имамом Хомейни британскому писателю Салману Рушди за роман «Сатанинские стихи»⁶ Вскоре после провозглашения смертного приговора С. Рушди, вызвавшего кризис в отношениях Ирана с США и Европой, аятолла Хомейни скончался, и по прошествии десяти лет приговор продолжал иметь силу обязательного исполнения как фетва, изданная высшим духовным авторитетом мусульман-шиитов. Пришедший в 1997 г. к власти М. Хатами поставил в центр своего внешнеполитического курса скорейший выход Ирана из политической изоляции, заявив 23 сентября 1998 г. в Нью-Йорке на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, что правительство Ирана не будет стремиться его исполнить. «Дело Салмана Рушди следует считать окончательно закрытым», — сказал Хатами⁷ Это заявление значительно смягчило позицию Запада в отношении Ирана, чему в немалой степени способствовала Россия.

Ровно за месяц до сенсационного заявления М. Хатами в Нью-Йорке, выступая 23 августа 1998 г. в иранском меджлисе, председатель Госдумы РФ Г. Н. Селезнев заявил, что Россия готова развивать сотрудничество с Ираном во всех областях, «несмотря на противодейст-

вие извне»⁸. Иранские парламентарии приветствовали его речи бурными аплодисментами: они услышали то, что хотели услышать. Спикер Госдумы подтвердил готовность России развивать сотрудничество с Ираном во всех областях, включая ядерную, «несмотря на оказываемое на Россию давление»⁹. Аплодисментами парламентарии встретили и слова Селезнева о том, что с приходом к власти правительства Е. М. Примакова отношения России с Ираном получают новый импульс к развитию. Следует сказать, что слова спикера Госдумы не оказались неожиданностью для иранских парламентариев: к этому времени иранцы стали воспринимать Россию как надежного партнера в преодолении международной изоляции. С приходом к власти президента Мохаммада Хатами Иран открыто стремился к тому, чтобы скорее нормализовать отношения с Западом. Лидеры США и Европы положительно отреагировали на заявление Хатами, а премьер-министр Великобритании Тони Блэр даже заявил, что прогресс в отношениях Европы и Ирана — дело уже ближайшего времени¹⁰.

5 марта 2001 г. состоялась встреча заместителя председателя Госдумы В. В. Жириновского с парламентской делегацией меджлиса Ирана во главе с лидером фракции «Соучастие» Армином. Во встрече также принял участие Чрезвычайный и Полномочный Посол ИРИ в Российской Федерации Мехди Сафари¹¹.

В ходе беседы с высокой иранской делегацией из Кремля позвонил помощник президента России В. В. Путина С. Приходько и сообщил, что обращение В. Жириновского о переносе сроков визита президента М. Хатами в Россию рассмотрено на высшем уровне и вопрос решен положительно. Речь шла о переносе визита президента ИРИ М. Хатами на более поздний срок, поскольку приглашение российской стороны посетить Москву совпадало с днями празднования общенационального праздника иранцев Нооруза — Нового года. Глава иранской делегации сердечно поблагодарил В. Жириновского за оказанную оперативную помощь, оказанную им в решении этой проблемы. В. Жириновский отметил, что фракция ЛДПР готова содействовать дальнейшему укреплению добрососедства и сотрудничества между Российской Федерацией и Ираном в самом широком диапазоне: «От глобальных проектов — поставки в Иран зенитно-ракетных комплексов последнего поколения, до совместных чаепитий». Затронуты были проблемы раздела шельфа и пространства Каспийского моря, вопросы сотрудничества в разведке нефтяных месторождений Ирана в этом районе.

Чрезвычайный и Полномочный Посол ИРИ в России Мехди Сафари, который за пятилетний срок пребывания на посту посла имел многочисленные визиты в Госдуму РФ, отметил обширные контакты фракции ЛДПР с политическим руководством и представителями деловых кругов Ирана. Это свидетельствует, отметил он, что время прохладных взаимоотношений между нашими странами проходит и появилась реальная перспектива к взаимовыгодному сотрудничеству. Иранская сторона готова подписать многомиллиардные контракты на поставку

крайне необходимой хозяйству Ирана российской техники, материалов, станков, оборудования, товаров народного потребления.

Глава иранской делегации поблагодарил Госдуму и лично В. Жириновского за те усилия, что были приложены для восстановления полноценных отношений между Ираном и Ираком, прерванных войной, и пригласил В. Жириновского и депутатов фракции ЛДПР посетить Иран для решения более конкретных вопросов в области межпарламентских связей и развития ирано-российских экономических контактов¹².

В истории межпарламентских связей России и Ирана особое место занимает визит в Госдуму 14 марта 2001 г. президента Исламской Республики Иран Мохаммада Хатами. Председатель Госдумы Г. Селезнев, принимая иранского гостя, заметил, что его визит «носит исторический характер»¹³. В эти слова была вложена не только приличествующая такому случаю дань вежливости, присущая протоколу высшего законодательного органа России. Этот визит занял особое место в истории российско-иранских отношений, поскольку публично, пожалуй, ни один высокий гость из Ирана такого ранга не сказал столь теплых слов в адрес новой демократической России. В своей пространной речи, длившейся почти час, М. Хатами отметил, что он рассматривает визит в Россию как большую честь и хорошую возможность познакомиться со страной, имеющей глубокие исторические корни, отличающейся своими красотами, идеями и делами.

Обращаясь к российским депутатам, М. Хатами подчеркнул, что в настоящее время перед миром раскрываются новые перспективы и возникают новые проблемы, ответственность за решение которых лежит на каждом представителе международного сообщества. У человечества нет другого выхода, как вести эффективный диалог на различных уровнях. Хотя практика диалога древняя, в наше время она обрела новый язык и новое содержание. В процессе диалога оформляется общий язык выражения мысли и понимания общих проблем. Результат диалога не ограничивается обеспечением справедливых интересов только двух сторон — им могут воспользоваться и другие. Для этого необходимо искать новые формы проведения диалога в мировом масштабе. М. Хатами коснулся важной роли, которую играет ООН в создании благоприятной атмосферы сотрудничества стран в области культуры. Иран стал инициатором важной инициативы гуманитарного характера, которая прозвучала с трибуны ООН, получившей поддержку всего мирового сообщества. По инициативе Ирана 2001 г. был объявлен Годом диалога между цивилизациями и культурами. Масштабность этой инициативы, исходившей от страны, давшей миру всемирно известных писателей, поэтов, философов, богословов, была по достоинству оценена мировым сообществом, которому еще предстояло пережить и сентябрьскую трагедию в Нью-Йорке, и оккупацию войсками союзников Ирака в 2003 г. Эти два события одного и того же года как нельзя лучше иллюстрируют коренное различие в подходе к фундаментальным ценностям современного мира: одна страна так называемой

«оси зла» выступает с призывом к познанию и сохранению своего древнего цивилизационного наследия, а другая — самая мощная и богатая страна западной цивилизации — США под надуманным предлогом посылает солдат и бронетехнику в один из ее очагов, где каждый квадратный метр культурного слоя земли хранит в себе тайну ее зарождения.

В зале заседаний Госдумы из уст иранского президента прозвучал призыв создать благоприятную атмосферу для расцвета и совершенствования нынешних цивилизаций, чтобы отвечать национальным, региональным и международным потребностям и запросам. Особые отличительные черты, сказал М. Хатами, не мешают искать общую сущность и опыт во имя жизни в современном мире, что достижимо только при помощи диалога, поскольку он опирается на общее прошлое и общие перспективы. Можно сказать, что цивилизационные различия у народов не только не способствуют их взаимному отдалению, а, наоборот, делают их ближе друг к другу. Наличие культурных и цивилизационных границ и различий устанавливает связь между человеческими сообществами, но при этом не смешивает их, не нарушает их внутренней организации и не отдаляет их друг от друга¹⁴.

В трудных поисках на пути взаимопонимания М. Хатами призвал российских парламентариев использовать возможности меджлиса и Госдумы РФ, являющиеся ареной диалога и принятия важных решений, в которых отражены символы различных взглядов и воли своих великих и могущественных наций. Он подчеркнул, что современная Россия стоит на твердых основах цивилизации и способна в нынешнем динамичном и разнообразном мире внести основной вклад в осуществление диалога между культурами и цивилизациями. Он также отметил достижения России в мировой литературе, культуре и искусстве, ее вклад в научно-технический прогресс. Трудности и лишения, которые претерпел российский народ во время двух мировых войн, в столкновении с иностранной интервенцией, ее нынешние усилия в выборе национальной модели развития и противодействие установлению однополярного мира со стороны США свидетельствуют о возможности России сыграть в этом процессе достойную и эффективную роль. Такая роль России осознанно и надежно способствует развитию взаимопонимания и сотрудничества на международном и региональном уровнях. Диалог цивилизаций с опорой на эффективные и реалистичные политические, экономические, научные и культурные формы сотрудничества способен создать реальную и надежную базу для активизации полезных идей и ресурсов¹⁵.

М. Хатами обратил внимание на то, что отношения между Ираном и Россией берут свое начало из глубины веков и обладают общими цивилизационными и историческими чертами. Соседство двух стран в течение веков способствовало установлению между ними разносторонних связей. В России мусульмане всегда находили общий язык с представителями других конфессий. Сближение исламского Ирана и демократической России прежде всего отвечает интересам народов

двух стран, идет на пользу региону, а также расширяет горизонты сотрудничества на обозримую перспективу. Всесторонний диалог и сотрудничество между Ираном и Россией не представляют угрозы для других, но углубляют и активизируют национальные и международные связи обеих стран, играют важную роль в регионе и вносят значительный вклад в обеспечение его безопасности. Политическое, экономическое и культурное сотрудничество Ирана и России выходит далеко за рамки региональных интересов и служит установлению мира и стабильности между Западом и Востоком. Они могут придать еще больший динамизм и необходимую силу для решения общих задач урегулирования межнациональных и межконфессиональных конфликтов в Центральной Азии¹⁶

Говоря о созидательном потенциале Ирана в решении региональных и мировых проблем, М. Хатами указал на особую роль исламской революции 1979 г., которая привела к установлению религиозно-народного строя, в основе которого заложены три основополагающих принципа: свобода, независимость и народовластие. В результате на карте мира появилась независимая и обладающая твердой волей страна, которая намерена навсегда покончить с насилием и угнетением собственного народа. Сегодня Исламская Республика Иран считает неизбежной необходимостью диалог и сотрудничество со всеми странами, которые думают о своих и общих интересах и правах, и именно на этой основе она стремится к устранению любой напряженности на региональном и мировом уровнях¹⁷

В поистине историческом выступлении иранского президента в Госдуме РФ отчетливо прозвучала концептуальная идея имама Хомейни, положенная в основу современной внешней политики Исламской Республики Иран, корнями уходящая в основной лозунг исламской революции — «Ни Запад, ни Восток — исламская республика». Этот лозунг объединил миллионные массы в мощное антишахское движение иранского народа, направленное не только на освобождение от финансового и политического вмешательства США во внутренние дела Ирана, но и указывал другим странам и народам, в том числе и российскому, путь к отказу от авторитаризма и гегемонии в мировом масштабе. По словам Хатами, основатель ИРИ имам Хомейни «выступал за обеспечение величия и достоинства народа России посредством избрания независимого пути и выработки новой воли и решимости в современном мире»¹⁸ Подобная позиция имама Хомейни позволяет руководству Ирана, опираясь на решимость народа и свою древнюю цивилизацию, значительные людские и природные ресурсы, развивать региональное и международное сотрудничество. С этой точки зрения, по словам Хатами, «наши отношения с Россией носят глубокий, укорененный, исторический характер. Отношения между Исламской Республикой Иран и Россией берут свое начало в серьезных размышлениях и решимости, основываясь также на национальных, региональных и мировых потребностях. Эти отношения сотрудничества не являются огра-

ническим тактическим шагом, они не мешают сотрудничеству с другими странами региона и мира»¹⁹

М. Хатами отметил, что современный мир до сих пор не смог освободиться от тяжелой атмосферы холодной войны, экспансионистской политики и двойных стандартов, но он может заменить ее взаимопониманием и диалогом, миром, где будет обеспечено успешное сосуществование народов. Рационально используя наличие такого поля, народы должны приложить усилия к устранению корыстолюбивых подходов, насилия, вмешательства и господства на всех уровнях. После победы исламской революции и выхода Ирана из орбиты американского влияния ирано-российские отношения можно охарактеризовать как обнадеживающие и конструктивные для осуществления важного политического, экономического, научного, образовательного и промышленного сотрудничества, а также для взаимодействия в области безопасности. Это будет способствовать продвижению процесса многостороннего регионального сотрудничества и увеличит возможности более широкого взаимодействия двух стран в решении региональных и глобальных проблем. Уважая независимость, свободу, национальный суверенитет и территориальную целостность независимых государств, Исламская Республика Иран рассматривает осуществление широкомасштабного и глубокого сотрудничества и взаимодействия между странами региона в качестве неизбежной необходимости исключения из международной жизни политической напряженности и военного насилия. Опасность для регионального и мирового сосуществования представляет присутствие в регионе иностранных держав, вмешивающихся в его жизнь. С другой стороны, развитие справедливого и свободного сотрудничества между соседними странами является залогом стабильности и развития. Этнические и религиозные противоречия и конфронтация на этой почве, которая превращается в широкомасштабные разрушительные конфликты, большей частью происходят именно из этих гегемонистских устремлений и вмешательства. Поэтому во имя установления мира и стабильности и распространения культуры диалога и взаимопонимания среди этносов, правительств и целых народов следует бороться с теорией и практикой вмешательства²⁰

С учетом этих обнадеживающих перспектив, сказал М. Хатами, мы думаем о развитии плодотворного двустороннего сотрудничества, которое за последние годы получило значительный импульс. Проведение в 1997 г. третьей сессии смешанной комиссии по экономическому сотрудничеству между Россией и Ираном, переговоры высокопоставленных делегаций, подписание важных документов по культурному, научному, образовательному, сельскохозяйственному и промышленному сотрудничеству, а также в области здравоохранения, безопасности, международного автомобильного транспорта — все это стало результатом совместных усилий и плодотворной деятельности парламентов обеих стран. В настоящее время реализация совместных проектов, в частности завершение строительства АЭС в Бушере и создание транспортного

коридора Север — Юг, рассмотрение проекта строительства новых очередей атомной и тепловой электростанций, развитие нефтяных проектов и научно-промышленных связей — все это закладывает практические основы для развития отношений между двумя странами. Успешное выполнение этих проектов может очертить национальные и региональные перспективы долгосрочного сотрудничества между двумя странами. «Я не сомневаюсь в серьезности намерений, воле и решимости наших народов и правительств, — сказал М. Хатами, — развивать сотрудничество между двумя странами и создать атмосферу мирового и регионального взаимопонимания, сосуществования и стабильности. Об этой политической воле и решимости свидетельствует положительный и достойный всяческого одобрения подход правительства России к попыткам помешать сотрудничеству между двумя нашими странами, особенно в области мирного использования атомной энергии. Исламская Республика Иран делает большой упор на участие России в планах всестороннего развития Ирана и в международном сотрудничестве». На основе этого опыта он подчеркнул необходимость развития сотрудничества между Ираном и Россией, которое предполагает активное участие в диалоге между цивилизациями и культурами с учетом богатств культур Ирана и России; повышение уровня регионального сотрудничества с независимыми странами Закавказья, Центральной Азии, Каспийского бассейна, Ближнего и Среднего Востока; развитие двустороннего экономического, научного, промышленного, социального и культурного сотрудничества в различных областях, в том числе и в выполнении третьего плана развития Исламской Республики Иран²¹

Официальная часть визита президента Ирана Мохаммада Хатами завершилась встречей с министром иностранных дел России И. Ивановым, в ходе которой выявилось совпадение или близость позиций России и Ирана практически по всем вопросам²². Пребывание иранского президента в Санкт-Петербурге было посвящено посещению Ижорского завода, где производится оборудование для АЭС в Бушере. После завершения визита в северную столицу России М. Хатами отправился в мусульманскую Казань — один из центров российской авиационной и военной промышленности. Этот старинный российский город активно сотрудничает с Ираном в области исламского религиоведения и изучения истории и культуры ислама. Иран отводит России место лидера в реализации 25-летней программы перевооружения вооруженных сил страны, разработанной в 2000 г. На первом этапе Россия поставила вооружение и военную технику, недопоставленные в рамках четырех соглашений, заключенных еще в 1989–1991 гг. Из-за меморандума комиссии «Гор — Черномырдин», действовавшего с 1995 г., эти контракты были выполнены лишь частично. После отказа России от военнотехнического сотрудничества с Ираном в 1995 г., когда был подписан меморандум «Гор — Черномырдин», Россия едва не потеряла не только выгодного партнера, но и стратегический рынок вооружений. По мнению экспертов, в частности бывшего председателя Комитета Госдумы

РФ по обороне Андрея Николаева, военно-техническое сотрудничество с Ираном может в перспективе приносить 5–7 млрд. долл. ежегодно. В течение ближайших лет Иран намерен истратить на закупки вооружений 10 млрд. долл. Даже если учесть, что первоначально прибыль от торговли оружием будет составлять около 300 тыс. долл., то и в этом случае Иран войдет в тройку основных импортеров российского вооружения после Китая и Индии²³. Летом 2001 г. планировалось заключить с Ираном пятое по счету соглашение о военно-техническом сотрудничестве. В список российских вооружений и техники входили зенитно-ракетные системы С-300ПМУ-1 и С-300ПМУ-2 «Фаворит», а также «Бук-М1» и «Тор-М1», а также радиолокационные станции, БМП-3, модернизированные самолеты МиГ-29 и Су-27, ракетные, десантные и патрульные катера. К подписанию был готов контракт на сумму 100 млн. долл. на поставку 550 БМП-3, выпускаемых Курганским машиностроительным заводом²⁴.

В апреле 2002 г. председатель Госдумы РФ Г.Н. Селезнев встретился с министром иностранных дел Ирана Камалем Харрази²⁵. Приветствуя высокого гостя, он отметил, что российская сторона крайне заинтересована в продолжении политического диалога с Ираном. Свидетельством тому были хорошо налаженные межпарламентские связи между Госдумой РФ и меджлисом. Перед этим в Иране побывала делегация депутатов Госдумы РФ во главе с председателем Комитета по международным делам Д. Рогозиным. В беседе с К. Харрази Г. Селезнев отметил также, что он с удовлетворением относится к инициативе проведения саммита руководства прикаспийских государств, на котором можно было бы обсудить все актуальные проблемы каспийского региона. Он подчеркнул, что эта проблема жизненно важна для всех прикаспийских государств и пусть не так быстро, как хотелось бы, все же путем переговоров достижение взаимных компромиссов между участниками переговоров будет возможно²⁶.

В конце октября 2002 г. по приглашению меджлиса состоялся визит в Исламскую Республику Иран делегации депутатов Госдумы во главе с заместителем Председателя Госдумы РФ В. В. Жириновским, который по разделению полномочий заместителей Госдумы РФ являлся куратором азиатского направления работы Госдумы, в который входит и Иран²⁷. Делегация была принята председателем меджлиса М. Кяруби и вице-президентом Ирана М. А. Абтахи. Состоялись встречи с председателем Комиссии меджлиса по национальной безопасности и внешней политике М. Мирдамади, членами депутатской группы меджлиса по сотрудничеству с Госдумой РФ, министром информации А. Юнесси, министром нефти Б. Зангене, генеральным директором иранского МИД по странам СНГ М. Сафари, руководителями администрации свободной экономической зоны на о. Киш. Была отмечена общность подходов двух стран к большинству современных международных и региональных проблем, в том числе к урегулированию в Афганистане и на Ближнем Востоке. Стороны были едины во мнении, что

военный вариант развития ситуации вокруг Ирака способен серьезно дестабилизировать обстановку в регионе и создать серьезные проблемы как для России, так и для Ирана.

Иранская сторона подчеркнула необходимость противостоять попыткам США диктовать свою волю всему мировому сообществу, повышать роль ООН в решении сложных международных проблем. Иранские представители осудили захват заложников в Москве, выразили готовность к сотрудничеству с Россией в борьбе с международным терроризмом и заверили членов российской делегации в том, что Иран и впредь будет занимать взвешенную позицию по проблеме Чечни²⁸. В ходе бесед отмечалась близость долгосрочных интересов России и Ирана. Иранские представители подчеркивали, что российско-иранские отношения рассматриваются ими как стратегические. По словам М. Кяруubi, это мнение превалирует «не только в публичных заявлениях иранских политиков, но и в частных беседах». Официальные иранские лица выразили надежду на то, что намечавшийся в то время визит президента России В.В. Путина в Иран станет важным шагом в укреплении двусторонних связей. Как известно, этот визит пока не состоялся, но его актуальность, по мнению автора, не только не уменьшилась, а, наоборот, приобрела более чем настоящий характер, учитывая нешуточные военные приготовления США в зоне Персидского залива и открытые угрозы в адрес Ирана.

Во время встреч В. Жириновского в меджлисе указывалось на необходимость более активного сотрудничества наших стран не только в политической, но и в экономической и культурной областях. Российские и иранские парламентарии договорились активнее способствовать развитию совместных транспортных проектов, туризма, научных, культурных и спортивных связей. Члены российской делегации выдвинули ряд конкретных предложений в этом направлении, в том числе о создании российского культурного центра в Тегеране и проведении в Иране совместных семинаров с участием российских ученых-иранистов. В. Жириновский дал интервью иранским журналистам, а также выступил перед сотрудниками российского посольства в Тегеране с разъяснением основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации на современном этапе. Касаясь отношений России и Ирана, В. Жириновский назвал их стратегическими, способными стабилизировать обстановку на Среднем Востоке и оказать благотворное влияние на решение многих важных задач укрепления добрососедства на всем постсоветском пространстве бывших центральноазиатских республик²⁹.

14 октября 2004 г. на Охотном ряду прошла встреча председателя Госдумы Б. В. Грызлова с делегацией Комиссии по внешней политике и национальной безопасности Собрания исламского совета Исламской Республики Иран во главе с ее председателем Алаэздином Боруджерди³⁰. Во время переговоров стороны обсудили широкий круг вопросов. В частности, речь шла и о международном терроризме. В связи с этим Б. Грызлов высоко оценил позицию Ирана в противодействии этому

мировому злу и поблагодарил А. Боруджерди за поддержку России и соболезнования, выраженные спикером парламента Ирана Г. Хаддад Аделем в связи с терактом в Беслане. По словам Грызлова, «...можно констатировать: двусторонние отношения России и Ирана вышли на уровень политической стабильности, активно развиваются и углубляются наши межпарламентские связи». Также на встрече затрагивался и вопрос торгово-экономического сотрудничества. При этом Б. Грызлов особо подчеркнул, что Россия является одним из крупнейших торговых партнеров Ирана. Причем товарооборот между нашими странами в 2003 г. достиг 1,4 млрд. долл. «Мы рассчитываем на поддержку меджлиса в реализации таких крупных проектов регионального сотрудничества, как международный транспортный коридор “Север — Юг”, а также строительство газопровода “Иран — Пакистан — Индия”», — заявил председатель Госдумы, отметив также, что, кроме этого, при разработке газовых месторождений Ирана может быть использован опыт России. В ходе встречи стороны обменялись и мнениями о ядерной программе Ирана и его сотрудничестве с МАГАТЭ. В связи с этим Б. Грызлов отметил готовность Ирана к открытому взаимодействию с мировым сообществом — соблюдению всех имеющихся в этой сфере международных соглашений³¹

Говоря о российско-иранских межпарламентских связях, необходимо подчеркнуть важную работу, проводимую российскими и иранскими парламентариями в решении одной из злободневных проблем нынешней международной обстановки, какой является национальная программа Ирана в области ядерной энергии. В марте 2006 г. состоялся визит депутатов Госдумы РФ в Иран во главе с вице-спикером Ю. Волковым, которые обсудили ядерную проблему в Иране в ходе переговоров с председателем меджлиса Голямали Хаддадом Аделем³². Говоря о перспективах переговоров по созданию совместного предприятия по обогащению урана на территории РФ, Ю. Волков указал, что «в ходе консультаций главы Росатома Сергея Кириенко в Тегеране в конце прошлой недели были достигнуты серьезные подвижки по этому вопросу». Он также подчеркнул, что Россия по-прежнему выступает против передачи иранского «ядерного досье» в СБ ООН. «Российские дипломаты предпринимают все необходимые шаги для того, чтобы досье Ирана не было передано в Совет Безопасности», — заявил депутат³³. По его словам, «на Россию оказывается большое давление для того, чтобы она согласилась с передачей «иранского досье» в СБ ООН, однако этого пока не произошло». В то же время Волков признал, что «сейчас все зависит от иранской стороны, Россия предприняла все возможные действия». Касаясь ядерной программы Ирана, Волков сообщил, что Голямали Хаддад Адель заверил российских депутатов, что иранцы рады проекту создания совместного предприятия по обогащению урана. В то же время, по словам вице-спикера Госдумы, Иран не намерен отказываться от права самостоятельно производить урановое топливо в мирных целях при полном соблюдении всех требований Договора о нераспространении ядерного оружия³⁴.

Отказ Ирана на определенном этапе сотрудничать с Россией в области ядерных исследований вызвал глубокую озабоченность среди российских парламентариев, входящих в различные партийные фракции. Она была обнародована во время работы круглого стола, организованного в Госдуме РФ 13 марта 2006 г. с участием членов профильных комитетов Госдумы³⁵ Председатель Комитета Госдумы по международным делам, член фракции «Единая Россия» К. И. Косачев выразил сожаление неготовностью Ирана идти на договоренности с международным сообществом. Несмотря на уверения Ирана о том, что его деятельность в области исследования и обогащения урана находится в рамках Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), отметил К. Косачев, в чем российская сторона не сомневается, Иран в то же время полностью проигнорировал озабоченность, существующую в международном сообществе по поводу возможного получения ядерного топлива в военных целях. Конфликтная ситуация, по его мнению, не в последнюю очередь связана с несовершенством самого ДНЯО, который такие пограничные ситуации не регулирует. Однако Иран в этой сложной ситуации не продемонстрировал готовности проявить добрую волю идти на компромисс, навстречу международному сообществу в его озабоченностях. И это означает, что со стола переговоров убрано единственное находившееся там приемлемое предложение, как выйти из этой тупиковой ситуации. Поэтому у российских парламентариев есть опасение того, что характер обсуждения данного вопроса на Совете Безопасности ООН будет существенно более радикальным, поскольку международное сообщество выступает по этому важному вопросу с достаточно консолидированных позиций. Естественно, что и Россия не останется в стороне, хотя эти позиции не будут означать решения о применении прямых санкций в отношении Ирана. Эти санкции в отношении государства, которое формально не нарушает свои международные обязательства, не могут рассматриваться как адекватная реакция на действия иранских властей и не могут решить проблемы³⁶

С аналогичных позиций выступил депутат А. В. Островский, заместитель председателя Комитета Госдумы по информационной политике, член фракции ЛДПР³⁷ Он отметил, что руководство Ирана не в полной мере отдает себе отчет о той угрозе, которую несет в себе отказ от сотрудничества с Россией. Предложение России поставлять обогащенный уран для нужд атомной энергетики Ирана является идеальным для иранской стороны. Больше всего обидно, сказал депутат, что Россия выразила готовность помочь Ирану и урегулировать возникший конфликт, а Иран, декларируя крайне позитивные речи, поставил руководство России в крайне неудобное положение и тем самым загнал себя в угол. Россия сделала все, чтобы обезопасить иранский народ от той угрозы, которую несет в себе рассмотрение ядерного досье в Совете Безопасности ООН³⁸

Заместитель председателя Комитета Госдумы по безопасности В.И. Илюхин, член фракции КПРФ, выразил убеждение, что Иран не окон-

чательно отказывается сотрудничать с Россией в области обогащения урана³⁹. При этом он сослался на слова министра иностранных дел России С. В. Лаврова, который не исключает возможность сотрудничества России и Ирана в ядерной области. Иранские специалисты прекрасно понимают, что атомную электростанцию в Бушере им самостоятельно не достроить. В. И. Илюхин подчеркнул, что Иран, как и любое независимое государство, имеет право использовать атом только в мирных целях. По его словам, Иран никаких других далеководящих целей и задач не ставит. Поэтому в этом смысле позицию Ирана можно понять: он ищет новые источники энергии и считает себя независимым в их выборе. Он также считает возможным вести поиски других источников энергии и одновременно заявляет, что с территории Ирана на протяжении всего времени военная угроза никогда не исходила. Что касается, как он выразился, «экстравагантных заявлений президента», то они больше рассчитаны на публику. Надо хорошо понимать, что Иран претендует на роль лидера в арабском мире, и не только на Ближнем Востоке. Он исходит из того, что наличие ядерной энергии позволило бы ему занять такое главенствующее положение⁴⁰

Подводя итоги, следует отметить, что в наше столь непростое время, когда в зоне Персидского залива сложилась очень сложная обстановка и она, к сожалению, имеет тенденцию к обострению по вине нынешней администрации США, межпарламентские связи России и Ирана являются важным фактором сдерживания США решать вопросы с позиции силы. Контакты и встречи парламентариев обоих государств, которые имеют полезный опыт обмена мнениями по международным делам, способствуют консолидации региональных сил в поисках разумных решений в интересах живущих в этом регионе народов.

¹ Независимая газета, 12.04.1997.

² Там же.

³ Независимая газета, 20.06.1998.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Коммерсантъ-daily, 24.09.1998.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ ЛДПР, 05.03.2001.

¹² Там же.

¹³ Стенограмма заседания Государственной Думы, 14.03.2001.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

- ²¹ Там же.
²² Коммерсантъ, 15.03.2001.
²³ Там же.
²⁴ Там же.
²⁵ Парламентская газета, 05.04.2002.
²⁶ Там же.
²⁷ ЛДПР, 12.11.2002.
²⁸ Там же.
²⁹ Там же.
³⁰ Парламентская газета, 15.10.2004.
³¹ Там же.
³² Парламентская газета, 07.03.2006.
³³ Там же.
³⁴ Там же.
³⁵ Парламентская газета, 14.03.2006.
³⁶ Там же.
³⁷ Там же.
³⁸ Там же.
³⁹ Там же.
⁴⁰ Там же.

**ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА
НА ТУРЕЦКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
(1992–2006 гг.)**

Название статьи в известной степени условно, поскольку невозможно рассмотреть в полной мере указанную тему. Тем более что религиозная составляющая отношений РФ и Турции ранее не исследовалась. Именно поэтому статья ограничена определенными историческими рамками — речь будет идти о постсоветском периоде.

Одна из особенностей исторического развития Турции — не ликвидация халифата и секуляризация, а выбор светского режима. В межвоенный период религия преднамеренно и тщательно отделялась от политики. Начиная с 50-х гг. с переходом к многопартийности религия постепенно вернулась в политику. Существенные изменения в этом вопросе произошли после военного переворота 12 сентября 1980 г. Чтобы обеспечить реализацию январских решений 1980 г., нацеленных на экономическую интеграцию в мировую капиталистическую систему, военному руководству требовалось некое подобие «религии», обладающее свойствами «опиума», которое помогло бы преодолеть социально-политические проблемы, которые неизбежно возникли бы в ходе осуществления запланированных общественных изменений. После распада СССР позиции ислама в Турции окрепли благодаря, с одной стороны, экономическим проблемам, а с другой — политической дестабилизации, порожденной курдским кризисом. В конце 1990-х гг. фундаменталистский ислам был объявлен «угрозой национальной безопасности», а в конце 2002 г. политическая власть перешла в руки партии «умеренного ислама».

Анализируя внешнюю политику Турции, едва ли можно говорить о влиянии религии на нее до 1980 г. Причин тому несколько. До начала «холодной войны» Турция не могла забыть, что народы арабского мира, тогда — в большинстве своем — колонии, в Первой мировой войне сотрудничали с Антантой и выступали против Османской империи. В период «холодной войны» Турция стала открыто следовать блоковой политике, причем вовлечь в нее арабский мир ей не удалось. США со своим «проектом зеленого пояса» приступили к действиям, дабы предупредить распространение советского влияния. На границах района распространения активными участниками политики сдерживания стали Турция и Пакистан; Саудовская Аравия выполняла функцию финанси-

рования данного проекта. В 80-е гг. широкое признание получил «турецко-исламский синтез»; Турция, державшаяся ранее вдали от Организации Исламская Конференция, стала представлять в ее высших органах и расширила связи с воевавшими Ираном и Ираком, а также с Ливией и другими арабскими странами.

90-е гг. для турецкой внешней политики отмечены тремя важными событиями, произошедшими под воздействием религии. Первое. В этот период Турция вспомнила о «старой родине» в бывших советских республиках Средней Азии и на Балканах и вскоре потерпела неудачу с призывами к созданию «Тюркского мира от Адриатики до Китайской стены». Второе. Турция получила от мусульманских диаспор в Европе радикальный ислам. Третье. С конца 90-х гг. Турция стала следовать политике международного сотрудничества против радикального исламистского терроризма.

Что же касается Российской Федерации, то в ней 12–15 млн. мусульман, что составляет 10% ее населения. После распада СССР мы стали свидетелями возрождения Ирана, чему есть несколько причин. Прежде всего, это обвал экономики и распад коммунистической идеологии. В 90-е гг. события в Чечне стали угрожать территориальной целостности страны. Можно наряду с этим говорить и об иностранном вмешательстве. Поддерживаемый извне вахабизм и созданный США в Афганистане механизм террора, связанный с наркотрафиком, воспрепятствовали в первое десятилетие существования Российской Федерации созданию ею надежных связей со своими гражданами-мусульманами.

В этой сфере, как и во многих других, мы являемся свидетелями положительных перемен, происходящих в период президентства В. В. Путина. В турецком языке есть пословица — «Мясное отделять от молочного» (возможно, это свидетельство еврейского влияния в Турции, так как евреи мясное с молочным не употребляют). Представляется, что путинское руководство старается реализовать этот принцип — отделять ориентирующиеся на терроризм элементы радикального ислама от большинства мусульман, не поддерживающих терроризм, и относиться к последним более позитивно. Для реализации данного принципа В.В. Путин прежде всего поддерживает отношения дружбы и сотрудничества с руководством тех субъектов Федерации, где мусульмане составляют большинство.

Внешняя политика РФ также находится под влиянием этой тенденции. Прежде всего, Россия сыграла важную роль, воспрепятствовав принятию Советом Безопасности ООН решения об оккупации Ирака в 2003 г. В последние годы она в одиночку выступает против давления на Иран, с которым имеет особые связи. РФ с симпатией относится к организации Хамас, выигравшей выборы в оккупированной Израилем Палестине. Она способствовала прекращению агрессии Израиля в отношении Ливана. Присоединившись в 2006 г. в качестве наблюдателя к Организации Исламская Конференция, РФ подняла свою конструктивную политику на глобальный уровень. Такая политика России,

с одной стороны, является поддержкой исламского мира против гегемонии США. С другой стороны, воспользовавшись ростом цен на нефть, она сумела обеспечить себе дополнительный доход, сопоставимый как минимум с доходами нефтяного лобби США.

Каково же воздействие религии на отношения между нашими странами? При ответе на этот вопрос необходимо выделить общие тенденции их развития. Наряду с развитием связей в 90-е гг. сохранялся и ряд проблем. С началом третьего тысячелетия эти проблемы исчезли, а по некоторым — открылась возможность сотрудничества. Пример тому — энергетика. Вызывавшая много шума проблема Абдуллаха Оджалана после урегулирования открыла возможность сотрудничества против терроризма. В этих рамках следует оценивать и влияние религии. В 90-е гг. среди стран, поддерживавших радикальный исламистский терроризм на Северном Кавказе, и особенно в Чечне, упоминалась и Турция. Если отложить в сторону спор — справедливо или нет такое упоминание, — мы можем с уверенностью сказать, что в нынешний период такое невозможно. Даже теоретически невозможно, чтобы светская Турецкая Республика проводила политику экспорта фундаментализма либо его поддержки.

При освещении темы влияния религии обсуждается и такой вопрос, как принадлежащие Фетхуллаху Гюлену школы, действующие в бывших советских среднеазиатских республиках, в том числе в Российской Федерации. Согласно информации, появившейся в 2006 г., в период 2001–2006 гг. в России было закрыто 16 таких школ, а в отношении 50 работавших в них преподавателей утверждалось, что они занимались шпионажем, после чего были высланы из России. Несомненно, Российская Федерация должна принимать необходимые меры по обеспечению своей безопасности, и такие школы необходимо периодически инспектировать. Деятельность Фетхуллаха Гюлена и джемаата Нурдже, точнее, того направления нурджизма, к которому он себя причисляет, и в самой Турции вызывает широкую озабоченность. В Турции были проведены серьезные мероприятия, направленные на предотвращение распространения подобных влияний в среде высшего чиновничества. Эта проблема может стать темой сотрудничества между Российской Федерацией и Турцией.

Общая для двух стран проблема — борьба с фундаменталистским террором и сотрудничество в этой борьбе. Ее следовало начать еще до 11 сентября. Расширив такое сотрудничество, его можно распространить на Центральную Азию и Кавказ.

Российская Федерация является мостом между Европой и Азией. Турция также в этом смысле считает себя, как и в других сферах, мостом. Свидетельством этого является сопредседательство премьер-министра Турции Р.Т. Эрдогана в организации «Взаимодействие цивилизаций». Как РФ, так и Турция остаются евразийскими государствами, и религия может стать одной из сфер их сотрудничества. В некоторых измерениях это уже происходит, но может и должно происходить более широко.

TÜRK-RUS İLİŞKİLERİNDE DİN ETKENİ (1992–2006)

Doç. Dr. Erel Tellal
Ankara Üniversitesi
Siyasal Bilgiler Fakültesi

İzin verirseniz bir tanım ve bir saptamayla başlamak istiyorum. 20. yüzyılda bu salonlarda her konuşmada adı anılan birinden alacağım tanımı. Kari Marx "din"i şöyle tanımlıyor: "Din, ezilen bir varlığın iç çekmesi, ruhsuz bir dünyanın ruhudur. Din kitlelerin afyonudur." Saptamam ise Sovyetler Birliği üzerine olacak. 20. yüzyılda yaşanan Sovyet deneyimi daha önceki yüzyıllardan süregelen dinler arası çatışmaya son verme önerisidir ve bunu bir ölçüde başarmıştır. Son on yılda uluslar arası sistemde gündeme gelen "dinler arası çatışma" Sovyetler Birliği'nin sona ermesinin olumsuz sonuçlarından biridir.

Konuşmanın başlığı, bu denli kısa sürede ele alınamayacak kadar iddialı. Üstelik Rusya Federasyonu ile Türkiye arasındaki ilişkilerin din boyutu, genel bir çerçeve içerisinde daha önce incelenmemiş. Bu nedenle konuşmamı öncelikle "zaman" açısından sınırlandırmam gerekecek. Ben Sovyet sonrası dönemden söz edeceğim. Ardından, Rus kimliğine damgasını vurmuş Ortodoks dinini bir kenara koymam gerekecek. Fener Rum Ortodoks Kilisesi ile ilişkileri hiç kuşkusuz çok önemli, ama konferansımızın çalışma alanı dışında kalıyor. Bu sınırlamalar içerisinde konuşmamda çok kısaca Türkiye'de ve Türk dış politikasında dinin etkisine yer verip, sonra aynı şeyi Rusya Federasyonu ve Rus dış politikası için yapacağım. Ardından, sonuç olarak ikili ilişkilerde din etkenini sorgulayacağım. Amacım, bu tartışma konusuna son noktayı koymaktan çok, bunun için gerekli bir çerçeve önerisi sunmaktır.

Cumhuriyet Türkiye'si'ne baktığımızda ilk göze çarpan özelliklerden biri hilafeti reddetmesi ve seküler değil, ama laik bir yapıyı benimsemesidir. İki savaş arasındaki kuruluş sürecinde din siyasetten özenle ve neredeyse tamamen uzak tutulmuştur. 1950'lerden başlayarak çok partili yaşama geçişle birlikte din siyasete adım adım geri dönmüştür. Asıl sıçrama ise 12 Eylül 1980 askeri darbesiyle olmuştur. 24 Ocak 1980'de alınan ve kapitalist ekonomik sistemle bütünleşmeyi hedefleyen bir dizi kararın uygulanabilmesi için sivil olmayan bir yönetim; bu uygulamalardan doğacak toplumsal/siyasal sorunların üstesinden gelebilmek için "afyon" niteliğinde "din" gerekmiştir.

Sovyet sonrası dönemde ise, bir yandan ekonomik sorunlar ve öte yandan Kürt sorunu nedeniyle yaşanan siyasal istikrarsızlıklar ülkede köktendinci İslam'ı güçlendirmiştir. 1990'ların sonunda köktendinci İslam ülkede resmen "ulusal güvenliğe yönelik bir tehdit" olarak ilan edilmiş ve sonunda 2002'de siyasal iktidar "ılımlı İslam"ın eline geçmiştir.

Türkiye'nin dış politikasına bakıldığında din etkeninden 1980 öncesinde neredeyse söz edemeyiz. Bunun çeşitli nedenleri vardır. Soğuk Savaş öncesinde zaten çoğu sömürge yönetimi altında olan Arap dünyasının I. Dünya Savaşı'nda Osmanlı'ya karşı emperyalistlerle işbirliğini Ankara uzun süre unutamamıştır. Soğuk Savaş'la birlikte Türkiye açık ve net biçimde blok politikası izlemiş, Arap dünyasını bu çizgiye çekmeye çalışsa da becerememiştir. Din etkeninin dış politika üzerinde ağırlık kazanması 1980 darbesiyledir. ABD "yeşil kuşak projesi'yle sözde Sovyet yayılmasını engellemek için harekete geçmiştir. Yayılmanın gerçekleştiği bölgenin sınırındaki Türkiye ve Pakistan bu çevreleme politikasının etkin katılımcıları olurken, Suudi Arabistan finansör rolü oynamıştır.

1980'lerde Türkiye'de "Türk-İslam sentezi" yaygın biçimde benimsenmiş; Türkiye, daha önce uzak durduğu İslam Konferansı Örgütü'nde üst düzeyde temsil edilmeye başlanmış ve başta savaş halindeki İran ve Irak olmak üzere, Libya ve diğer İslam ülkeleriyle ilişkilerini geliştirmiştir.

Din etkeni çerçevesinde 1990'larda Türk dış politikasında üç önemli gelişmeden söz edebiliriz. İlki, eski Sovyet coğrafyasında ve Balkanlar'daki "eski akrabalar"ın anımsanması ve "Adriyatik'ten Çin Seddi'ne Türk dünyası" söyleminin başarısızlıkla sonuçlanmasıdır. İkincisi, Türkiye bu dönemde Avrupa diasporasından radikal İslam ithal etmiştir. Üçüncüsü, 1990'ların sonundan başlayarak (11 Eylül'den sonra değil) Türkiye radikal İslamcı terörizme karşı uluslararası işbirliği politikası izlemiştir.

Rusya Federasyonu'na gelince... Dün konuşmalarda vurgulandığı gibi Rusya Federasyonu'nda 12-15 milyon Müslüman yaşamaktadır ve bu, toplam nüfusun % 10'unu oluşturmaktadır. Sovyet sonrası dönemde dinin genel olarak yükselişine tanık olundu. Bunun çeşitli nedenleri var. Ekonomik ve ideolojik çöküntü bunların başında geliyor. 1990'larda Çeçenya'da yaşananlar ülkenin toprak bütünlüğünü tehdit eder hale geldi. Bunun yanında dış müdahalelerden söz edilebilir. Dış destekli Vahabizm ve ABD'nin Afganistan'da yarattığı uyuşturucu bağlantılı terör makinesi Rusya Federasyonu'nun ilk on yılda Müslüman vatandaşlarla sağlıklı ilişkiler kurmasını engelledi.

Diğer pek çok alanda olduğu gibi bu konuda da Putin döneminde değişime tanık oluyoruz. Türkçe'de bir deyim vardır: "Etliyi sütlüden ayırmak" (belki de Türkiye'deki Yahudi etkisini gösterir; çünkü onlar etliyi sütlüyle yemezler). Putin Yönetimi'nin bunu yapmaya çalıştığı görülüyor. Yani, teröre yönelen radikal İslami unsurlarla böyle olmayan çoğunluğu birbirinden ayrı tutmak ve onlara daha yapıcı yaklaşmak. Bunu yapabilmek için Başkan Putin özellikle Müslümanların çoğunlukta olduğu federe birimlerin yöneticileriyle yakın dostluk ve işbirliğine gidiyor.

Rusya Federasyonu'nun dış politikası da bu eğilimden etkilenmiş görünüyor. Önce 2003'te ABD'nin Irak'ı işgalinde Birleşmiş Milletler Güvenlik Konseyi'nden karar çıkmasını engellemede Rusya önemli rol oynadı. Ardından, son yıllarda İran üzerindeki baskılara, özel ilişkileri dolayısıyla neredeyse tek başına göğüs geriyor. İsrail'in işgali altındaki Filistin'de seçimi kazanan Hamas'a sempati ile bakıyor. Yine, İsrail'in Lübnan'a düzenlediği

saldırının sona ermesinde Rusya etkili oldu. 2005'te ise İslam Konferansı Örgütü'ne gözlemci sıfatıyla katılarak izlediği yapıcı politikaları kurumsal düzeye taşıdı. Putin Yönetimi izlediği bu politikayla bir yandan ABD hegemonyasına karşı İslam dünyasının desteğini arkasına aldı. Öte yandan, petrol fiyatlarındaki artıştan en az ABD'deki muhafazakar petrol lobisi kadar kazanç sağladı.

Peki, iki ülke arasındaki ilişkilerde din etkeninin rolü nedir? Bu soruyu yanıtlarken ilişkilerdeki genel gidişatın altı çizilmelidir. Şöyle ki, 1990'lı yıllarda ilişkilerdeki gelişmenin yanı sıra bir dizi sorun yaşanmıştır. 2000'lere gelindiğinde ise, bu sorunların ortadan kalktığını ve bazılarının işbirliğine yol açtığını görüyoruz. Enerji konusu buna bir örnektir. Ya da, yaşandığında büyük ses getiren Abdullah Öcalan sorunu, çözüme kavuştuktan sonra terörizme karşı işbirliğinin önünü açmıştır. Örnekler çoğaltılabilir. Din etkeni de bu çerçevede değerlendirilmelidir. 1990'larda özel olarak Çeçenya'da, genel olarak Kuzey Kafkasya'da yaşanan radikal İslamcı terörizmin destekçilerinde biri olarak Türkiye'nin de adı anılmıştır. Bunun böyle olup olmadığını tartışmasını bir yana koyarsak, günümüzde böyle bir şeyin olmadığını rahatlıkla söyleyebiliriz. Zaten teorik olarak laik Türkiye Cumhuriyeti'nin köktendinciliği ihraç etmek ya da desteklemek gibi bir politikası olamaz.

Din etkeni söz konusu olduğunda, özellikle Türkiye medyasında gündeme gelen bir başka konu eski Sovyet coğrafyasındakilerin yanı sıra Rusya Federasyonu'nda bulunan Fethullah Gülen'e ait okullardır. 2006 başında çıkan bir habere göre, 2001-2006 arasında Rusya'da Fethullah'a ait 16 okul kapatılmış ve bu okullarda çalışan 50 öğretmen ajanlık yaptıkları öne sürülerek sınır dışı edilmiştir. Hiç kuşkusuz Rusya Federasyonu kendi güvenliği için gerekli önlemleri alacaktır ve bu okullar sürekli olarak denetlenmektedir. Fethullah Hoca ve Nurcu cemaati Türkiye'de de yaygın bir kaygı konusudur. Eğitimden sağlığa üst düzey bürokraside bir virüs gibi yayıldığı konusunda ciddi araştırmalar yapılmaktadır. Bu konu Rusya Federasyonu ile Türkiye arasında işbirliği haline dönüştürülebilir.

İki ülke arasındaki başka bir benzerlik de köktendinci teröre karşı savaşa ve bu konuda işbirliğine 11 Eylül^Aden önce başlamış olmalarıdır. Bu işbirliği genişletilerek Orta Asya ve Kafkaslar'da da yaygınlaştırılabilir. Aslında, bunu için gerekli çerçeve Avrasya'da İşbirliği Eylem Planı'nda çizilmiştir.

Konuşmama Marx'la başlamıştım, Yevgeni Primakov'la bitireyim. Mart ayında Moskova'da yapılan bir toplantıda, "Rusya Federasyonu'nun Avrupa ile Asya arasında bir köprü" olduğunu söylemişti. Türkiye de kendisini, her alanda olduğu gibi, bu alanda da bir körü gibi görüyor. Başbakan Erdoğan'ın eşbaşkanlığını yaptığı "Medeniyetler Arası Uzlaşma" girişimi bunun bir göstergesi. Gerek Rusya Federasyonu ve gerek Türkiye başka devletlerin (ve toplumların) anlayamayacağı kadar Asya ile Avrupa arasında sıkışıp kalmıştır: Avrasyalıdır. Din de bu iki Avrasya devletinin işbirliği alanlarından biri olabilir. Bu zaten bir ölçüde böyledir. Geliştirilebilir; geliştirilmelidir.

Hepinize saygılarımı sunarım.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ И ТУРЦИИ

Старая Европа меняет свой образ и в начале XXI столетия стремится играть значительно большую роль в мире, главным образом через Европейский Союз (ЕС). Его население насчитывает 450 млн. человек — больше, чем в США и России, вместе взятых. ЕС производит четверть мирового богатства и является привлекательным торговым партнером. Повышается роль Евросоюза в области безопасности и сохранения мира, в решении конфликтов. Это тем более важно после окончания «холодной войны» и распада биполярного мира. Притом ЕС стремится к согласованию разных аспектов его внешней политики в единую политику, для чего лидеры ЕС в принципе согласились учредить пост министра иностранных дел. В последние 15 лет Евросоюз предпринимает усилия, чтобы играть активную роль в международной политике и системе безопасности, в большей степени соответствующую его экономическому статусу.

Трансатлантическое партнерство с Соединенными Штатами Америки занимает центральное место во внешнеполитической деятельности ЕС. Вашингтон поддерживает европейскую интеграцию и расширение Союза¹

В 2004 г. в ЕС были приняты 10 стран, что явилось самым большим расширением со времени существования Европейского Союза. До 2007 г. 5 стран Юго-Восточной Европы являлись кандидатами на вступление в Союз — Турция, Хорватия, Болгария, Румыния, Македония, причем Турция является одним из старейших партнеров ЕС, соглашение об ассоциации с ней было подписано в 1963 г. Болгария и Румыния вступили в ЕС в январе 2007 г. В июне 2004 г. Хорватия получила статус страны-кандидата на вступление, а в марте 2004 г. подала заявку Македония, что является первым шагом к получению статуса страны-кандидата.

Европейский Союз заявил о своем намерении сделать так, чтобы все последующие присоединения не создавали барьеров между расширяющимся Союзом и его соседями. Россия — самый крупный ближайший сосед ЕС. Именно поэтому он развивает программу широкого сотрудничества с Россией. Для него также очень важно укреплять связи и с другими восточноевропейскими соседями — Украиной, Молдовой, в перспективе — с Беларусью, а также с южными соседями — странами Средиземноморья. Россия, Украина, Молдова и большинство стран

Закавказья и Центральной Азии имеют соглашения с ЕС по вопросам торговли и политического сотрудничества, защиты окружающей среды, а также сотрудничества в области науки и культуры. Эти страны являются бенефициентами Программы сотрудничества Европейского Союза, в рамках которой финансируются проекты институциональных реформ, развития инфраструктуры и частного сектора, сельского хозяйства и охраны окружающей среды. За период 2000–2006 гг. по ней было выделено 3,14 млрд. евро².

Очевидно, что ЕС на современном этапе можно рассматривать как некий «гравитационный» центр, к которому особо сильно тяготеет европейская «периферия», составленная в большей мере из маленьких и средних государств с переходной экономикой, полагающим присоединение как своеобразную «панацею» решения экономических и социальных проблем. Цель настоящей статьи — проанализировать «европейские перспективы» двух соседей — России и Турции — и характер их отношений с ЕС.

Турецкий путь к евроинтеграции начался в 60-х гг., когда был подписан Анкарский договор об ассоциировании с ЕС, а первую «заявку» на вступление она подала в 1987 г. С 1999 г. Турция официально считается страной-кандидатом. И хотя она все еще «на пороге» ЕС, можно констатировать, что сегодня страна ближе к заветной цели, чем когда бы то ни было. При этом никогда со времени начала расширения Евросоюза ни одна кандидатура не вызывала таких ожесточенных споров и никогда прежде руководство ЕС не давало понять, что хотя 17 декабря 2004 г. был дан официальный старт началу переговоров, но их благополучное окончание далеко не гарантировано и они могут завершиться неудачей. Европейская Комиссия (ЕК) заявила, что она оставляет за собой право рекомендации «приостановить переговоры в случае серьезного нарушения (Турцией. — *Й.Б.*) принципов свободы, демократии, соблюдения прав человека и правового государства, на которых основан Союз», а тогдашний председатель ЕК Романо Проди подчеркнул, что «любая приостановка процесса эволюции Турции к правовому государству повлечет за собой немедленное прекращение переговоров. Начало переговоров не гарантирует автоматического вступления Турции»³ Многочисленные социологические опросы показывают, что противники приема Турции составляют большинство во Франции, Австрии, Германии, Нидерландах, Дании и на Кипре. Во Франции эта перспектива не устраивает 75% опрошенных, в Австрии — 76, в Германии — 57%.

Возражения сводятся главным образом к тому, что Турция — мусульманская страна, культура которой чужда европейской и которая всегда будет тяготеть к Востоку. В случае ее интеграции непосредственными соседями ЕС станут Ирак, Иран, Сирия, Азербайджан, Армения и Грузия, т.е. ЕС будет граничить с одним из самых нестабильных регионов планеты. С другой стороны, сторонники интеграции Турции

видят в присоединении вестернизированной Ататюрком страны, избравшей «западный путь развития», возможность преодоления раскола между христианским и мусульманским миром, который в последние годы начинает приобретать пугающие масштабы. Они опасаются, что в случае отторжения от Европы Турция переориентируется на «восток», что, при наличии происламского правительства, может толкнуть ее на путь дальнейшей исламизации общества, тогда как прием в «европейскую семью» может превратить ее в символ совместимости христианской и исламской цивилизаций.

При всем этом Европа, очевидно, остается разделенной в вопросе членства Турции, равно как и довольно отчетливо проявляется несовпадение общественного мнения с политическим курсом лидеров некоторых европейских стран. Даже высокопоставленные чиновники ЕС занимают противоречивую позицию в отношении Турции, а в отдельных странах открыто высказывались сомнения, совместима ли ее исламская принадлежность с общеевропейскими ценностями. Нежелание многих стран — членов ЕС допустить членство Турции дало основание обвинениям, что ЕС хочет остаться «христианским клубом». Здесь Турции «не повезло» и с новым Папой Римским, который, еще будучи кардиналом Йозефом Ратцингером, являлся одним из последовательных противников турецкого членства, мотивируя это именно тем, что Европа основана на христианских ценностях. Он не поколебался заявить французской «Фигаро», что в случае «если Турция будет принята в ЕС, это будет ужасной ошибкой» и что во всей истории «Турция всегда представляла собой противостоящий Европе континент»⁵, как и предупредить, что «идентифицирование этих двух континентов будет означать потерю богатства и поражения культуры во имя экономики». По его словам, «Европа — не географический, а культурный континент»⁶. При всем при этом неоспорим факт, что с принятием Турции границы Старой Европы перенесутся «на порог» Ирака, Ирана и Сирии, не говоря уже о том, что членство Турции может привести к расширению круга средиземноморских держав, заявляющих о своей европейской идентичности и желающих стать членами ЕС. Негативные высказывания Бенедикта XVI в сентябре 2006 г. тоже вызвали турецкую реакцию и дали основания некоторым авторам утверждать, что «какими ни были бы политические, геополитические и стратегические соображения, турецкое членство в ЕС дает толчок христианско-историческому мышлению в Европе»⁷. По мнению же членов Европейской Комиссии, являющейся высшим исполнительным органом ЕС, принятие Турции приведет к исламизации Евросоюза и фактически превратит его в Австро-Венгерскую империю времен распада⁸.

Оспаривание принадлежности Турции к Европе вызвало споры о самих границах расширяющейся Европы: какими они являются — географическими, культурно-историческими, цивилизационными, «подвижными»? И, таким образом, сделало необходимым найти определение самого проекта европейского объединения, которое дало бы

ответ сомнениям относительно его деформации с включением страны с преобладающим мусульманским населением, которое, согласно демографическим данным, в перспективе будет больше населения самой большой европейской державы — Германии, достигнув к 2050 г. 100 млн. Демографический фактор «пугает» как европейский «центр», так и периферию, особенно в балканском регионе, где страхи подпитываются и историческим синдромом. Население Болгарии переживет настоящую демографическую катастрофу, сходя с 7,726 млн. в 2005 г. на несколько больше 5 млн. в 2050 г. Больше чем на миллион ожидается уменьшение населения Греции. То же самое относится и к другим, небалканским, соседям Турции. Так, население Армении, которое в 2005 г. составляло больше 3 млн., по прогнозам, в 2050 г. уменьшится на 2,5 млн. Согласно им, почти вдвойне уменьшится и население Грузии, тогда как в окружающих мусульманских странах ожидается его увеличение.

Принадлежность Турции к Европе определяется в основном, но не только тремя признаками — географическим, культурно-историческим и ценностным. Но сама европейская история и культура тесно связаны с Турцией, что историкам отлично известно. На это же было обращено внимание в докладе представителя ЕС, бывшего финского президента Марти Ахтисаари, подчеркнувшего, что Османская империя, в результате распада которой родилась современная Турция, наследница Византийской империи и в некоторой степени — греко-византийской и иудео-христианской культуры.

Турецкий опыт проиллюстрировал, что возможно, чтобы мусульманское общество восприняло западные ценности, но в то же самое время показал, что всякое движение за культурную трансформацию, инициированную и проведенную «сверху вниз», путем использования только институциональных шагов для социального строительства, всегда будет ограниченным. В этом, наверное, причина того, что Турцию ставят «посередине» между Востоком и Западом. Все же турецкая модернизация на сегодняшнем этапе создала возможную модель для других мусульманских стран, и ее опыт позволяет заявить, что у нее уже есть что дать Западу именно благодаря своей «вестернизации». Поэтому в процессе евроинтеграции Турция не только демонстрирует готовность исполнения разных критериев, но и ставит вопрос о необходимости более ясного озвучивания вопроса об отношении к ее культуре, предупреждая, что в случае недостатка чуткости к ее культурному своеобразию есть весьма большая вероятность «долгожданному межкультурному диалогу превратиться в монолог»⁹ Сама же Турция избегает обсуждать вопрос о собственной мультикультурности, об отношении к меньшинствам и их культуре (армянской, еврейской, болгарской, курдской), равно как и к некоторым религиозным меньшинствам, как алевиты, бекташи и др. Доминирующей остается концепция одной нации, одной культуры, одного государства, сформировавшаяся в первые годы основания Республики. Хотя в ходе реформ курды получили некоторые права, все же еще в турецком обществе сильны страхи сепара-

тизма, инициируемые и развитием событий в Ираке. Предпринятые в последние несколько лет реформы, направленные на демократизацию страны, хотя и являются беспрецедентным явлением за весь период истории Республики, все же считаются частью образованного турецкого общества «реформами на бумаге». Необходимо время, чтобы они превратились в основу ценностной системы турок. А именно на этом ставит ударение ЕС. Является ли Турция европейской? Это вопрос, на который может дать ответ сама Турция, именно исходя из того, насколько в ней совмещаются обе ценностные системы.

Все же «турецкий вопрос» не является только предметом какой-то «несовместимости» религий. В выведении на передний план культурно-религиозных аспектов, по мнению некоторых турецких авторов, проявляется стремление к подмене сущности проблемы, которая имеет и другие, прежде всего материальные, причины. Аляаддин Дикер, например, указывает на настоящие, по его мнению, причины европейского нежелания «принять» Турцию, а именно:

1. Быстрорастущая безработица в Европе.
2. Неудача Европы интегрировать находящиеся там турецкие меньшинства¹⁰.
3. Быстрый рост турецкого населения, что превысит число протестантов, и поэтому нельзя позволить разрушение демографической структуры Европы¹¹.

Европейцы опасаются того, что при сегодняшней демографической ситуации ко времени, когда Турция будет присоединяться, она будет самым крупным государством — членом ЕС. Таким образом, у нее будет больше всего голосов в Европейском Совете и больше всего депутатов в Европейском парламенте¹². Озабоченность вызывает и перспектива расширения границ — прием Турции расширит границы ЕС до Ирака, Ирана и Сирии¹³

Особенно негативные настроения против турецкого членства наблюдаются в Германии. Канцлер Ангела Меркель утверждает, что намного предпочтительнее членства является «привилегированное партнерство» Турции, что, в сущности, по ее словам, она и приветствует¹⁴

Защитники же турецкого членства ставят ударение на успех реформ и перемен. Если десять лет назад существовало постоянное напряжение в отношениях с Грецией, инфляция казалась неудержимой, на юго-востоке бушевала война с курдами, нарушения прав человека и полицейское насилие были обычной практикой, то теперь коррупция значительно уменьшилась, постоянное сотрудничество с Европейской Комиссией и Международным валютным фондом (МВФ) способствовало экономической стабилизации и преодолению банковских и финансовых кризисов¹⁵. За очень короткое время после победы в выборах в 2002 г. происламистская Партия справедливости и развития (ПСР) успела провести масштабные реформы в области законодательства, направленные на демократизацию страны, внесла поправки в Конституцию. Был принят новый Уголовный кодекс, отменена смертная казнь,

расширены права курдского меньшинства. Прежние «табуированные» темы — курдская проблема, геноцид армян — постепенно стали входить в общественную жизнь.

В самой Турции, однако, как раз «на пороге Европы», усиливаются явления, как бы отдаляющие ее от европейских ценностей и европейского образа жизни. Прежде всего это связано со все более расширяющим свое влияние исламом, стремящимся навязать свои нормы всему обществу и приобрести больше «видимой и невидимой власти», выйти из сферы чисто личного выбора и превратиться в образ жизни всех социальных слоев современной Турции. К примеру, западногерманский журнал «Шпигель» обращает внимание на появление религиозной моды даже в купальных костюмах, которые больше «соответствуют» религиозному поведению, на отделение женщин в социальной сфере (отдельные бассейны на курортах, отказ от светского приветствия и подавания руки), на инциденты, связанные с нападением на людей, чье поведение не соответствует религиозным нормам ислама¹⁶. Журнал приводит выдержки из турецкой прессы, которая полагает, что Турция уже «осаждена мерами, вводящими религиозную одежду». Даже главнокомандующий турецкой армией Илькер Башбуг публично заявил об «опасности фундаментализма» в Турции, которая достигла «тревожных размеров»¹⁷

По иронии, ЕС требует от Турции принять новый пакет законодательных мер, ограничивающих роль армии и военных, и призывает правящую партию — АКП — «создать новый баланс между секуляризмом и религией». Длительная «война с тюрбаном» началась пока только в государственных университетах и учреждениях, но она может оказаться эфемерной на фоне все более чувствительной перемены социального поведения. Некоторые университетские профессора обращают внимание на опасность бурного развития этих процессов, по примеру Ирана, до такой степени, когда жалующиеся на ограничение свободы женщины в покрывалах принудят остальных воспринять религиозную одежду¹⁸

Проблема кроется в степени и в границах толерантности в турецком обществе, как справедливо отмечал бывший посол США в Турции Марк Гроссман, подчеркивая, что одно дело, если покрытая женщина войдет в президентский дворец (очевидно, имея в виду супругу премьера), и совсем другое дело, если когда-нибудь правящая Партия справедливости и развития объявит, что только покрытыми женщины могут входить в государственные учреждения¹⁹. С другой стороны, утверждает профессор Бари Рубен, «война с тюрбаном» может довести до того, что крайне исламская группировка в Партии могла бы пойти на «культурную войну», в результате которой исламское начало стало бы ведущим, а секуляристы оказались бы вытесненными²⁰

Именно вопрос о роли ислама тревожит также и европейское общественное мнение, да и некоторых политиков, о том, насколько ему позволено будет выйти из сферы личного и войти в публичное пространство; о том, насколько возврат к религиозным символам в одежде и ношению покрывал является признаком свободного волеизъявления

или же, наоборот, давлением со стороны религиозного фанатизма, способного постепенно изменить светский характер общества религиозными установками и практикой? Есть ли «скрытая повестка дня», предвещающая возврат к религиозному устройству общества в следующие 50 лет? Насколько эти процессы совместимы с модернизацией и вестернизацией страны? Будут ли военные, по традиции являющиеся защитниками светского начала, «загнаны в угол», по иронии, теми же самыми реформами демократизации, которые ЕС стремится ввести в Турции? Озабоченность усиливается тем, что на недавних переговорах с ЕС об очередном девятом пакете законодательных реформ от Турции было потребовано уменьшить роль военных и даже упразднить Совет Национальной Безопасности, являющийся единственным серьезным защитником светских устоев Турецкой Республики.

Экономический анализ показал бы и еще один важный аспект в отношении Турции и ЕС — ее растущую роль «коридора» между Востоком и Западом по отношению к каспийской нефти и природному газу²¹. Западные политологи опасаются как десекуляризации страны со стороны происламского правительства Реджеба Таййипа Эрдогана, так и дискриминации религиозных меньшинств — мусульманских, христианских, еврейских; курдского вопроса, бесконечного затягивания кипрской проблемы, но не меньше этого — и процесса явного российско-турецкого сближения²². Хотя в российско-турецких отношениях имеются проблемные «поля»²³, они давно вышли из рамок обычного торгового сотрудничества, все более превращаясь в «структурный фактор региона». Углубляющиеся связи обуславливаются не только экономическими причинами, но и прагматизмом турецкой внешней политики, которая избегает общих фраз об установлении демократии в недемократических странах. Их еще можно рассматривать и в свете известного дистанцирования от Европы и США (в отношении, например, позиции США и Турции к Иракской войне). Партнерство России и Турции приобретает и позитивный характер как перед лицом нестабильности непосредственных соседей на традиционно взрывоопасном Ближнем Востоке, так и перед новым европейским конструктом, проявляющим тенденции к исключению обеих стран²⁴. Как видно, не только степень сотрудничества двух стран с ЕС, но и взаимоотношения между ними влияют на перспективы общеевропейских процессов. Если Европа отвернется от Турции, то это будет чревато риском ущемленной турецкой гордости искать утешения в исламе и внезападном мире, желание в некоторых слоях общества большей самостоятельности во внешней политике и даже поиска региональных решений. Подобное развитие будет иметь высокую политическую и экономическую цену и может серьезно ослабить юго-восточный фланг Европы²⁵.

Развитие отношений России с ЕС обуславливается очевидным фактом, что они, несомненно, два самых больших субъекта на старом кон-

тиненте, что и «обрекает» их на самое близкое сотрудничество. Вне всякого сомнения, что «Россия и ЕС нуждаются друг в друге»²⁶. Их отношения, как известно, строятся на Соглашении о партнерстве и сотрудничестве (СПС)²⁷, подписанном главами государств и правительств стран — членом ЕС, председателем Европейской Комиссии и президентом Российской Федерации в июне 1994 г. на острове Корфу. Оно вошло в силу 1 декабря 1997 г. и изначально имело срок действия 10 лет, который после 2007 г. будет автоматически продлен, если только одна из сторон не выйдет из соглашения. Можно сказать, что СПС устанавливает институциональную основу для диалога между Россией и Европейским Союзом.

Обе стороны сознают роль сотрудничества, но их понимание о его содержании различается. Может быть, и оттого их усилия до сих пор не дают значимых результатов, независимо от заключения СПС и созданного в 2003 г. Постоянного партнерского совета, на котором было достигнуто согласие о «четырех пространствах сотрудничества»²⁸. В мае 2005 г. после двухлетних переговоров стороны согласились о подробной «дорожной карте» («road maps») для этих пространств.

Несмотря на обилие документов и деклараций, многие наблюдатели с обеих сторон констатировали определенную стагнацию в отношениях ЕС и России или, по меньшей мере, недостаточно эффективное и динамичное их развитие. К примеру, по оценке бывшего министра иностранных дел Польши Бронислава Геремека, ныне члена Европейского парламента, отношения Евросоюза с Россией не продвинулись дальше риторики о добрых намерениях²⁹. Он считает, что политики ЕС должны вновь вернуться к «чертежной доске» и перечертить картину своей «российской политики», и обращает внимание на негативное влияние исторических стереотипов, часто ведущих к непониманию и противоречиям между Россией и Европой. С одной стороны, современная Россия воспринимает не европейскую, а американскую модель модернизации как модель экономического и технологического успеха, к тому же считая Европу нечто несколько большим, чем «бедного родственника» Америки. С другой стороны, Европейский Союз показал себя неспособным на последовательную политику по отношению к России. Договор о партнерстве и сотрудничестве, принятый 8 лет тому назад, и Декларация на саммите в Санкт-Петербурге в мае 2003 г. говорят о «четырех общих пространствах», но они так и не продвинулись дальше фраз о добрых намерениях³⁰. У некоторых наблюдателей даже создалось впечатление, что оба партнера стремятся «скрыть» отсутствие реальных результатов за постоянным потоком новых и новых деклараций и документов о сотрудничестве³¹. С российской стороны тоже была констатирована «утрата динамики отношений», появилось стремление проанализировать причины заметного «топтанья на месте» и даже «балансирования на грани холодного мира»³². Среди причин — расхождение в оценках по отношению к событиям на Украине, недовольство направленностью российских внутривластных реформ, обвинения

в «двойных стандартах» ЕС, затягивание решения проблем на годы, трудные переговоры, включая условия вступления России в ВТО, проблема Калининградского анклава (транзита), мучительное согласование «дорожных карт» общих пространств³³

В то же самое время доклад Сесилии Малмстрем, одобренный Европейским парламентом в июне 2005 г., тоже отражает растущее осознание того, что ЕС необходимо пересмотреть свою политику по отношению к России. Уже начало формироваться мнение, что «Европейский Союз постоянно непоследователен в своей политике к России»³⁴. С российской стороны тоже все громче озвучивается идея, что СПС, хотя является ядром правового регулирования отношений между Россией и ЕС, «писалось в другое время, а сейчас оно морально устарело». В то же время потенциал СПС далеко не исчерпан. Решения саммитов Россия — ЕС о создании «четырех пространств», в сущности, «продолжают» или «надстраивают» СПС, полагая основы совместного «открытого и интегрированного рынка» к сближению и постепенной интеграции социальных и экономических структур. Все же нелишне отметить, что «отличительной чертой СПС является отсутствие в нем перспективы вступления России в Европейский Союз»³⁵

Экономические отношения между ЕС и Россией хотя и не являются единственно важным приоритетом, приобретают все большее значение. Европейский Союз — основное место назначения российского экспорта — более 50% общего объема внешней торговли России (особенно после расширения в мае 2004 г.), в то время как Россия для ЕС — четвертый по объему торговый партнер. ЕС также является главным источником технологий, ноу-хау и инвестиций для России. В свою очередь, Россия имеет огромные природные ресурсы и квалифицированную рабочую силу. Кроме того, поставки энергоносителей из России в ЕС могут помочь обеспечить энергетическую безопасность Европы. ЕС одобряет интеграцию России в глобальную экономическую систему, в частности ее вступление в ВТО.

Экономические связи России и ЕС уже сейчас довольно широки и разнообразны, хотя российский экспорт имеет в основном сырьевую направленность. Необходимо отметить, что не существует никаких количественных ограничений на экспорт российского углеводородного сырья в ЕС. Россия была и остается традиционным, надежным и важным поставщиком энергоносителей в Европейский Союз. В ЕС поступает 53% российского экспорта нефти, что составляет 16% всего потребления нефти в ЕС, и 62% российского экспорта природного газа, что составляет 20% общего потребления природного газа в ЕС. Союз серьезно заинтересован в сохранении и повышении роли России как верного и надежного поставщика нефти и природного газа³⁶ Для устойчивого развития энергетического сектора России необходимы инвестиции. Для успеха энергетического диалога необходимо создать условия для поощрения инвестиций и передачи технологий в энергетический сектор России. Это касается производства, транспортировки и

потребления. Масштаб инвестиций значителен. В соответствии с Энергетической стратегией России на 2001–2020 гг., требуется инвестировать около 450–600 млрд. евро для обновления стареющих производственных мощностей и поддержания запланированного ежегодного экономического роста на уровне 4–5%. Около 150 млрд. евро из этой суммы требуются на период до 2010 г. (ожидается, что 30% из них придется на иностранные инвестиции)³⁷. Достигнута договоренность о продолжении подготовительной работы в отношении инфраструктурных проектов, представляющих взаимный интерес, а именно: Северо-Европейский трансбалтийский газовый трубопровод, освоение Штокмановского месторождения природного газа, объединение газопровода «Ямал — Европа», объединение нефтяного трубопровода «Адрия — Дружба», объединение электросетей ЕС и России. В рамках энергетического диалога ряд проектов финансирует Программа сотрудничества ЕС и России (ТАСИС)³⁸.

Все же преувеличивать «магнетизм» европейской экономики для России, по некоторым оценкам, неправильно, так как, особенно в области энергетики, вместо того чтобы «обнять внутриевропейскую зависимость», она стремится к диверсификации экспорта энергии, в частности в страны Дальнего Востока³⁹. Важность этой проблемы можно проиллюстрировать графиком роста энергетических нужд в мире, особенно развивающихся стран, в перспективе до 2030 г.⁴⁰

**Рост энергетических нужд больше всего
в развивающихся странах**

Некоторые аналитики полагают, что, если сотрудничество между Россией и ЕС развивается медленно, это происходит по причине того, что Россия воспринимает партнерство прежде всего как экономический процесс, позволяющий более свободный доступ на европейские рынки.

В политическом плане оба партнера разделяют озабоченность о мире и стабильности на европейском континенте. Но они неодинаково смотрят на положение, сложившееся на постсоветском пространстве после распада Советского Союза. Аналитики придерживаются мнения,

что приближение постсоветских государств к Европе будет гораздо сложнее, чем процесс интеграции Центральной и Восточной Европы, главным образом из-за того, что связи этих стран с Россией намного прочнее. Так появляется возможность столкновения интересов России и ЕС на постсоветском пространстве⁴¹. Со своей стороны Европейский Союз не может принять территории бывшего СССР как «естественное пространство влияния России», угадывая в этом какие-то «имперские стремления». Критически относится Европа и к проблеме демократии в России, считая, что она сильно ограничена «авторитарным управлением» президента В. Путина, подчиненным положением средств массовой информации, активным участием армии в формировании «новой идеологической амальгамы» с довлеющей долей национализма и ностальгии о прежнем режиме и т.д.⁴² В том же духе ряд аналитиков защищают тезис о том, что отношения ЕС с Россией должны строиться «не на торговле, а на ценностях». Сандра Калниете, бывший министр иностранных дел Латвии, считает, что демократические ценности должны стать краеугольным камнем этих отношений⁴³. В этой связи обычно подчеркивается, что восточноевропейские страны показали себя более подготовленными для развития диалога с ЕС не только о практических трудностях реформ, но и о «фундаментальных принципах» демократии и ее сущности, в то время как Россия в этом не вполне успела⁴⁴. «Отставание» России, по мнению автора, превратилось в своеобразную «неоидеологию», которая широко используется в риторике евробюрократов. На это обращают внимание и некоторые более критично настроенные аналитики, для которых нереалистично ожидать «совершенную демократию от России, поскольку демократия — это не что-то раз и навсегда данное, а, скорее, процесс в развитии»⁴⁵. Хотя в принципе можно согласиться, что у Европейского Союза и России разное понимание и разный подход к «нормам и ценностям», все же будет преувеличением считать, что Европе интересуют одни только «ценности». «Дорожная карта» и «четыре общих пространства» постепенно пополняются «списком» возможных действий, основанных на общих интересах, и это можно оценить положительно. На них возлагаются надежды вывести двустороннее сотрудничество на новый уровень⁴⁶. Уже банально утверждать, что Евросоюз и Россия имеют разные цели и разные восприятия, что российский подход, основанный на прагматических интересах, противоположен подходу ЕС, базирующемуся на «ценностях», и что в этом и состоит причина отсутствия конкретного прогресса во взаимоотношениях⁴⁷.

Европейский Союз выглядит вполне подготовленным для осуществления этих аспектов сотрудничества, но при этом настаивает на том, что партнерство есть и открытый диалог о ценностях, включая права человека, свободу СМИ, событий, связанных с различными продолжающимися конфликтами. Россия же отвергает «идеологический фундаментализм ЕС» и «не допускает вмешательства во внутренние дела»⁴⁸. Отсюда и призывы о придерживании баланса между экономическими целями и «европейскими ценностями». При всем при этом раз-

даются призывы «не жертвовать демократическими ценностями во имя прагматизма» или *realpolitik*⁴⁹

Тогда как официальная политика ЕС ориентирована на укрепление и расширение СПС и стратегического партнерства, особенно в широком поясе союзных стран, граничащих с ЕС, или так называемой «Большой Европой», уже раздаются голоса о членстве России. Некоторые даже настаивают об отказе «от устаревших концепций, продиктованных другим временем и другими обстоятельствами», указывают на необходимость коренного перелома в мышлении европейских политиков, которое не исключало бы даже и российское членство, если таковой выбор будет сделан на каком-то этапе развития. Как отмечает бывший посол Великобритании в России Родерик Лайн, «...настаивать, что Россия должна принять правила нашего клуба, но никогда не будет принята в нем — не выглядит политикой с большим шансом на успех»⁵⁰. Рассматривая идею о возможном членстве России, он подчеркивает, что «отвергать ее — это плохая политика и нелепость»⁵¹ Р. Лайн выразил также свое несогласие с некоторыми европейскими лидерами, полагающими, что Россия «обречена навечно остаться отдельным полюсом в многополюсном мире», признавая в то же время, что только несколько лет тому назад ставить вопрос о членстве России казалось бы «печально незрелым» и могло бы привести только к резкому отпору.

Можно сказать, что российское членство не находится на повестке дня ни с позиций сегодняшнего состояния Российской Федерации, которая, по мнению ЕС, не отвечает Копенгагенским критериям и не может выполнить *acquis communautaire* — что бы это в конкретности своей ни значило, — ни с позиций самого Евросоюза, которому предстоит все еще прояснить для себя свое будущее и который по-настоящему переживает глубокий кризис идентичности⁵². Сама Россия тоже на современном этапе не захочет принять «супранациональные аспекты членства в ЕС», иными словами — ограниченный национальный суверенитет. Впрочем, нет и малейших признаков, что российское правительство стремится к подобному «долгому пути». Все же, если рассматривать явления в перспективе, можно было бы согласиться, что нет причины «объявлять, что дверь раз и навсегда заколочена и закрыта»⁵³

Несмотря на то что на сегодняшний день Российская Федерация охватывает территории вне «европейской географии», часть которых в Азии, на Кавказе, даже на Дальнем Востоке, на которых проживает этнически разнородное население, никто не может отрицать ее европейской идентичности, по подобию проблем, стоящих перед Турцией. Наоборот, «европейскость» России не порождает никаких сомнений или возражений. Притом и общество — хотя не вполне, может быть, осознает все аспекты европейского членства, стоит за то, что считается европейскими ценностями — стабильность и высокий уровень жизни. С другой стороны, власть тоже подчеркивает свою приверженность европейским ценностям: «Идеалы свободы, прав человека, справедливости и демократии, достигнутые европейской культурой ценой многих страда-

ний, столетиями были определяющими ценностями нашего общества», — сказал в своей речи президент В. Путин⁵⁴. Хотя критики могут возразить, что в этой сфере есть чего желать, в сущности, озвучены те же ценности, которые выдвигает и сама Европа почти что с эпохи Просвещения. Р. Лайн убежден, что даже если в настоящий момент, очевидно, ЕС не может «вместить» Россию, то на следующие 30 лет нельзя исключать перспективу присоединения и Турции, и, вероятно, всех балканских стран, и России, и Украины, и Беларуси⁵⁵. Близка к этому и позиция российских деловых кругов, которые считают, что членство, хотя оно все еще не на повестке дня, — стратегическая цель и перспектива сотрудничества ЕС и России, особенно после вступления Болгарии и Румынии, а также устремленности Украины, кандидатура которой определенно поддерживается Польшей⁵⁶. Кажется, стоит подумать заранее и над вопросом Р. Лайна — если Россия выберет членство, имеют ли право европейские политики налагать ей «вечное вето»? Не в интересах Европы, стремящейся к расширению партнерства, заявлять, что вопрос о российском членстве «не стоит». Подобные утверждения, считает он, сделают смешными утверждения, что Евросоюз не собирается «выдвигать новую раздельную линию через всю Европу»⁵⁷.

Особенно значим в этом отношении несколько затянувшийся вопрос о визовом режиме. Все же 25 мая 2006 г. в Сочи между Россией и ЕС было подписано Соглашение об упрощении выдачи виз и о реадмиссии⁵⁸, значительно облегчающее процесс получения краткосрочных виз на однократный или многократный выезд (до 90 дней в течение шестимесячного периода) для частных поездок. Все же Россия заинтересована прежде всего в продолжении диалога об установлении безвизового режима, хотя и в более долгосрочной перспективе.

В развитии отношений между Россией и ЕС, в общем, намечаются несколько сценариев: интеграция на этом этапе исключается, конфронтация считается маловероятной, а сотрудничество — абсолютно необходимым. По оценке евродепутатов Р. Андре и Ж.-Л. Бианки, существует множество путей развития — от интеграции до партнерства. Самым вероятным кажется своеобразная «смесь» между стратегическим партнерством, ограниченным такими сферами, как энергетика, наука, образование и т.д., и сотрудничеством в других областях. Ожидаемое в 2008 г. вступление России в ВТО приведет к углублению экономической интеграции, но прогресс возможен только в случае проведения серьезных реформ в области экономики, энергетики, власти, образования⁵⁹. При всем при этом некоторое удивление вызывает несколько назидательный тон депутатов и предупреждение, что равновесие в отношениях все еще «хрупкое» и было бы чересчур идилическим рассматривать будущие отношения между ЕС и Россией, которые никогда не были простыми, и что, несмотря на то что они основываются на взаимных интересах, объединяющие их ценности слишком малочисленны⁶⁰.

Нельзя не отметить и интерес болгарских аналитиков к теме отношений ЕС с Россией и Турцией, причем эвентуальное турецкое членство

недвусмысленно связывается с возможностью повышения роли России на Балканах. Высказываются серьезные опасения, что включение Турции в ЕС чревато демографическими, экономическими, культурными последствиями для Европы в целом, но особенно для Балкан, не говоря уже о самой Болгарии⁶¹. Несмотря на все аргументы «против» турецкого членства, все же Запад в лице Брюсселя и Вашингтона не готов заплатить политическую цену непринятия Турции в европейский «клуб», как сильно ни было бы общественное недовольство и негативная реакция в европейских обществах. Во-первых, из-за возможных стратегических последствий в двух направлениях — возрастание и «цементирование» стратегического партнерства России и Турции с целью «недопущения» стратегического присутствия Запада в Черноморском регионе, на Кавказе, Каспийском море и Центральной Азии. Во-вторых, из-за опасений, что превращение Балкан в границу ЕС с самым нестабильным районом на Ближнем Востоке может усилить стремление Турции увеличить свое влияние с целью дестабилизировать его, имея в виду, что на сегодняшний день Анкара имеет влияние на многочисленные мусульманские общины на Балканах⁶². Притом стремления Болгарии, Румынии и других стран Юго-Восточной Европы к европейскому членству мотивированы как раз их долгосрочным интересом оторваться от своей исторической зависимости от двух «восточных империй» — России и Турции. По иронии, считает автор, Балканы могут вновь оказаться в руках своих бывших «имперских владетелей», особенно если Турция будет принята полноправным членом ЕС. Ей вообще нетрудно будет осуществить свой проект «возвращения» или гегемонии на Балканах, и в этом смысле ее принятие расценивается как триумф России и прогнозируется «геополитическое возвращение России в регион на белом коне». Турецкое членство может задействовать исторический рефлекс общей православно-христианской идентичности и исторически сложившейся роли России как освободителя балканских народов от исламской Османской империи⁶³. Цель Турции — возвратиться в Европу авторитетной европейской страной, от которой в немалой степени будет зависеть и будущее самой Европы, и в особенности — юго-восточной ее части. Но в этом случае, по словам болгарского политолога О. Минчева, это будет означать и возвращение России на Балканы: «Европа, потерявшая харизму своего интеграционного проекта и оставившая своих стран-членов на Балканах, в руках возрожденного турецкого экспансионизма будет самым прямым и самым эффективным приглашением Москвы в регион, что будет особенно интересно ввиду нового и, по всей вероятности, долгосрочного партнерства России и Турции в Черноморском регионе»⁶⁴. Вопрос об отношении России к этому региону связывается с развитием отношений России и ЕС. Например, О. Минчев подчеркивает, что от выбора России и ее поведения может зависеть будущее стран Центральной и Восточной Европы⁶⁵. Ожидается, что Россия усилит свое влияние на Балканах. Хотя и нет вероятности, чтобы она стала членом ЕС, Россия будет развивать активные отношения со странами ЕС⁶⁶.

Недвусмысленно в этом отношении и высказывание бывшего министра иностранных дел России Игоря Иванова, подтверждающего прогноз политологов, а именно: «Россия не только не собирается уходить с Балкан, напротив, активно расширяет свое присутствие в регионе на принципиально новой основе — на основе экономического, политического, научно-технического и культурного сотрудничества»⁶⁷

Что же касается российско-болгарских отношений, то все еще предстоит преодолеть образовавшуюся в них «асимметрию» после распада бывшей социалистической системы. Ее результатом стал постоянно растущий дефицит в торговом сальдо Болгарии — 1,245 млрд. долл. за 2003 г.⁶⁸ Болгарии и России предстоит заняться не только поиском потерянного времени, но и восстановлением доверия и взаимного интереса в экономическом сотрудничестве, не исключая и политические, и культурные аспекты. В этом отношении встречи на высшем уровне между президентами сыграли, можно сказать, самую положительную роль⁶⁹ Решающее начало было положено в 2003 г., когда болгаро-российский диалог начал принимать регулярный характер. В этом же году была восстановлена традиция культурного общения с проведением дней болгарской культуры в России и дней русской культуры в Болгарии⁷⁰. Интересно высказывание болгарского президента Г. Пырванова во время чествования 60-летия Победы в мае 2005 г. о том, что развитие диалога между Россией и ЕС в контексте «четырех пространств» раскрывает новые перспективы перед болгарско-российским сотрудничеством и после присоединения Болгарии к ЕС⁷¹.

Сознавая, что рассматриваемая тема включает сложный узел проблем — региональных, общеевропейских, даже глобальных, — все же можно заключить, что как Россия, так и Турция являются значимыми странами для ЕС, поскольку являются его «входом» в стратегически важном районе Ближнего и Среднего Востока. В условиях глобальных геополитических изменений, после распада СССР и Варшавского договора, Турция приобрела большее значение как форпост НАТО в этом беспокойном и раздираемом конфликтами регионе. И Россия, и Турция имеют важное — хотя неодинаковое — геостратегическое место по отношению к сосредоточенным в этом регионе энергетическим ресурсам, в которых все больше и больше нуждается современный индустриализированный мир. Вступление Турции в ЕС может существенно повлиять на политику ЕС в регионе «Большого Ближнего Востока» (пространство от Средиземного моря до Афганистана). Вновь растет влияние Турции на Балканах, где она пытается играть роль ведущей силы. В то же самое время эвентуальное турецкое членство в ЕС, возможно, усилит несколько утраченное влияние России на Балканах.

Здесь, кажется, и кончаются сходства и начинаются различия. Самое главное из них — в характере отношений к Европейскому Союзу. Хотя в последнее время из-за противоречивых сигналов и поведения Европы, даже после решения 2004 г., популярность ЕС в Турции значительно снизилась (если прежде около 75% турок стояли за членство, то теперь —

едва только около 30% опрошиваемых)⁷² и все более звучат националистические нотки в среде интеллектуалов и университетских профессоров, все же Турция всеми силами стремится в ЕС и негативно реагирует на стремление ограничить ее будущий европейский статус до какого бы то ни было «привилегированного партнерства». Наоборот, Россия — как сверхдержава в еще не так отдаленном прошлом — не спешит к подобному «членству», суть которого — хотя очень многие и воздерживаются это признать — состоит в частичном отказе от национального суверенитета. Нельзя не согласиться с некоторыми российскими аналитиками, которые считают, что среди объективных причин невозможности полноправного членства России в ЕС — ее «несовместимость с брюссельской конструкцией» Союза. Россия не должна сама стремиться к полноправному членству в ЕС, «ибо это предполагает последовательную утрату национального суверенитета при одновременном повышении роли наднациональных органов ЕС», что сковало бы свободу ее действий по отношению к исключительно важным для нее восточным и южным соседям⁷³

Россия исходит прежде всего из своих прагматически определенных экономических интересов и отклоняет обвинения в «запоздавшем прогрессе», т.е. приложении европейских ценностей. Но при этом Россия поддерживает постоянный диалог на всех уровнях с ЕС, что особенно важно в сегодняшней динамично меняющейся и трудно предвидимой среде. Попытки европейского давления ускорить реформы внутри страны в отношении расширения демократии нередко воспринимаются как «вмешательство во внутренние дела». Это вызывает неодинаковые реакции в среде аналитиков и политиков, одни из которых стремятся дать приоритет экономическому партнерству, тогда как другие акцентируют на подходе, основанном на «фундаментальных ценностях» демократии как эмблеме общего европейского дома. Что, по мнению автора, тоже является чем-то средним между красивой метафорой и новой идеологемой.

На современном этапе развития интеграционных процессов в различных регионах мира нельзя не учитывать и особую роль, которую может иметь Россия, находящаяся в том месте, где опасность «разлома современной цивилизации» наиболее велика — Кавказ, Средняя Азия, Китай. Тогда как политическая и экономическая интеграция со странами этого региона не представляется возможной, союз с объединенной Европой, который в долгосрочной перспективе сможет укрепить восточные границы России, позволил бы ей «взять на себя историческую миссию преодоления межцивилизационного разлома, угрожающего миру в целом и западной цивилизации в частности»⁷⁴.

Все же процессы расширения оказывают влияние на развитие отношений и подходов ЕС как к России, так и к Турции. Последняя является «особым случаем» — хотя уже два столетия переживает свою европеизацию, она все еще не воспринимается «принадлежащей» к европейской культуре. Принадлежность Турции к исламу всегда утверждала за ней исторически сформировавшийся стереотип «другого» или «чужого» и исключала априори «европейскую принадлежность». Вот

почему присоединение Турции к Евросоюзу толкуется в самой стране как недвусмысленное и окончательное признание за ней европейской идентичности, порождая в то же время дискуссии о будущей аутентичности самой «европейской идентичности» перед лицом многомиллионного мусульманского присутствия в самом «сердце» Европы.

Совсем иначе стоит этот вопрос для России. Никто не может отрицать ни ее европейскую «географию», ни ее европейскую культурно-цивилизационную идентичность. «Принадлежность» России к современной Европе дискутируется в силу соблюдения «европейских ценностей», включая права человека, свободу СМИ, функционирования демократических структур и гражданского общества. То есть в чисто политическом, а не в культурном смысле. Все же нельзя отрицать, что позиции ЕС эволюционируют и что после многолетнего «топтания на месте» в сфере общего определения «четырех пространств» и подчеркивания роли России в «широком пространстве соседей» речь уже идет о членстве России. Но для этого требуется обоюдное решение. Только будущее покажет, изменит ли Россия радикально свой подход к Европейскому Союзу, ставясь его членом, или сохранит более независимую позицию стратегически важного партнера, за кем всегда нужно «ухаживать». В конечном счете нет сомнений, что она сама будет решать свою судьбу.

Если же для сторонних наблюдателей вопрос об европейской идентичности не подвергается сомнению, нельзя не отметить, что современная ситуация снова поднимает внутри самой России проблему ее самоидентификации не по цивилизационному признаку, по какому она, несомненно, принадлежит Европе, а по географическому. Историческое развитие России на просторах Евразии привело к «взаимопереплетению русской культуры с культурой больших и малых народов тюркского, монгольского и иного происхождения», но в настоящий момент вопрос стоит о ее сохранении в существующих границах и, соответственно, сохранении «своей многонациональной и многоконфессиональной природы». Этот богатый опыт и нужно сохранить. Как отмечает директор Института Европы академик Н.П. Шмелев, в случае дальнейшего распада на несколько независимых или квазизависимых государств «вполне вероятно в относительно недалеком будущем постепенное втягивание ее (а скорее всего, ее собственно европейской части) в Евросоюз или по меньшей мере в систему “Большой Европы...”»⁷⁵ Так или иначе, все больше подчеркивается мысль, что речь идет о встречах, «параллельных и относительно автономных процессах интеграции на Западе и Востоке» и что в перспективе возможно дальнейшее «вращение» России в них. Причем все же не надо забывать, что России при ее соседстве и роли в Азиатско-Тихоокеанском регионе, возможно, «сугубо европейская идентичность» окажется тесной⁷⁶ Так или иначе, к дате эвентуального, но все еще негарантированного турецкого членства в 2015 г. или позже, возможно, Россия тоже изменит позицию, и обе страны — пока теоретически — могут оказаться в одном сообществе. Современное динамическое развитие процессов пока-

зывает, что нельзя не учитывать европейские перспективы обеих стран в среднесрочном плане. На настоящем этапе они включают перспективу турецкого членства, но не российского, хотя самые смелые прогнозы не отрицают вероятности в более долгосрочной перспективе перерастания «стратегического партнерства» с Россией в реальную интеграцию. Но тогда, через 30 или 50 лет, наверняка ни Европейский Союз, ни Россия, ни Турция не будут такими, как сегодня. Что касается ближневосточного региона и все растущей роли Китая, Индии и дальневосточных стран, то еще труднее прогнозировать их влияние на будущие интеграционные процессы в мире. Все эти разносторонние и противоречивые факторы определяют, осуществится ли европейский проект как *Magna Europe*⁷⁷ или же состоится просто как один расширенный вариант торгового и таможенного союза.

¹ Внешние связи Европейского Союза. Издание Европейской комиссии. Сер. «Европейская документация», 2006. Эту и другие краткие публикации о ЕС можно найти на: <http://europa.eu.int/comm/publications>

² Внешние связи Европейского Союза, с. 18–19.

³ Шашков В. Турция на пороге Союза. — Европа, № 44, ноябрь 2004. Полный текст статьи можно прочитать на: http://www.delrus.cec.eu.int/em/48/eu44_07.htm

⁴ Там же. Нельзя забывать, впрочем, что в Германии очевидна партийная заинтересованность в голосах 600 000 турок, имеющих немецкое гражданство.

⁵ Цит. по: Alaattin Diker. Avrupa Birliği Yolunda Türk Kimliği. — http://www.infoland.gen.tr/ab_yolunda_turk_kimligi.htm

⁶ Соколовская О. Из Азии в Европу и обратно. — Европа, № 3 (48), март 2005, с. 11.

⁷ Alaattin Diker. Там же.

⁸ Соколовская О. Из Азии в Европу и обратно, с. 10–12.

⁹ Alaattin Diker. Avrupa Birliği Yolunda Türk Kimliği.

¹⁰ Вопрос о том, кто не успел интегрировать или кто не успел интегрироваться, довольно сложен и выходит за рамки настоящей статьи, но, несомненно, представляет особый интерес перед перспективой турецкого членства и ожиданий, что в Европу устремится миллионная масса бедных турок в поиске пропитания.

¹¹ Alaattin Diker. Avrupa Birliği Yolunda Türk Kimliği: http://www.infoland.gen.tr/ab_yolunda_turk_kimligi.htm

¹² Данные взяты из статьи: «За» и «против» членството на Турция в ЕС. Анкара, 28 сентября 2004 г. (Агенция Ройтерс).

¹³ Там же.

¹⁴ Joachim Fritz-Vannahme. Germany's Turkish Angst. — In: Europe's World, Autumn 2005, с. 127. Автор — европейский редактор газеты «Ди Цайт».

¹⁵ Tonge D. How Western is Turkey? — In: Europe's World, Autumn, 2005, с. 120.

¹⁶ Spiegel Online, November 2, 2006.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Spiegel Online, November 2, 2006.

¹⁹ Выступление М. Гроссмана на семинаре, проведенном 20 июня 2006 г. в Вашингтоне Департаментом международных информационных программ совместно с Центром глобальных исследований международного положения (GLORIA).

²⁰ Высказывание проф. Барри Рубена, директора центра GLORIA в Херзлии и редактора журнала Middle East Review of International Affairs (МЕРИА) и журнала турецких исследований (Turkish Studies Journal).

- ²¹ Tonge D. How Western is Turkey?..., с. 120.
- ²² Tonge D. How Western is Turkey?..., с. 120–121.
- ²³ Егоров В.К. Россия и Турция: линия противоречий. — Ближний Восток и современность. Вып. 9. М., 2000, с. 320–339.
- ²⁴ Kınıklioğlu S. The Anatomy of Turkish-Russian Relations. — *Insight Turkey*, April-June 2006, vol. 8, number 2, с. 81–96.
- ²⁵ Tonge D. How Western is Turkey?..., с. 123.
- ²⁶ Почему Россия и ЕС нуждаются друг в друге (министр иностранных дел Королевства Нидерландов Бернард Бот). — *Европа*, № 10 (44), ноябрь 2004, с. 4–5. Та же статья опубликована в газете «Известия» от 18 октября 2004 г.
- ²⁷ Текст Соглашения о партнерстве и сотрудничестве опубликован в Интернете: http://www.delrus.cec.eu.int/ru/p_318.htm
- ²⁸ Более подробно о «четыре пространствах» см.: Европейский Союз и Россия. Издание Представительства Европейской Комиссии в России, 2005.
- ²⁹ Why Europe still lacks a Russia policy. — In: *Europe's World*. Autumn, 2005, с. 16.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ EU Relations with Russia must focus on values, not trade. — *Europe's World*. Autumn, 2005, с. 24.
- ³² Энтин М., Келлерман А. Новое вино в старых добрых мехах. — *Европа*, № 4 (49), апрель 2005, с. 8–10.
- ³³ Там же, с. 8.
- ³⁴ Kaukala H. Russians have a point about their burden on history. Commentary. — *Europe's World*, Autumn, 2005, с. 27. (Автор является исследователем в Университете в Турку, а также в Финляндском Институте Международных отношений.)
- ³⁵ Энтин М., Келлерман А. Новое вино в старых добрых мехах, с. 8.
- ³⁶ Обобщающие доклады по прогрессу энергетического диалога можно найти на: <http://www.europa.eu.int/comm/energy/russia/progress/>
- ³⁷ Европейский Союз и Россия, с. 12–13.
- ³⁸ Там же, с. 14.
- ³⁹ Kaukala H. Russians have a point about their burden on history. Commentary, с. 27.
- ⁴⁰ Таблица опубликована в статье: Sharing more to use less. — *Europe's World*, Autumn, 2005, с. 121. Вычисления сделаны на основе эквивалента миллиона баррелей нефти в день.
- ⁴¹ Лукьянов Ф. Пряники для соседей. Отношения ЕС с ними выстраиваются непросто. — *Европа*, № 4 (38), апрель 2004, с. 25.
- ⁴² Why Europe still lacks a Russia policy, с. 17.
- ⁴³ EU Relations with Russia must focus on values, not trade, с. 24.
- ⁴⁴ Там же, с. 25.
- ⁴⁵ Kaukala H. Russians have a point about their burden on history. Commentary, с. 25.
- ⁴⁶ Нижегородцев А. Сбудутся ли пророчества? Или о том, как идет работа над планом формирования четырех общих пространств. — *Европа*, № 4 (49), апрель 2005, с. 6–7; Ермаков В. «Дорожные карты» укажут направление по пути к активизации сотрудничества. — *Европа*, № 4 (49), апрель 2005, с. 5.
- ⁴⁷ Kaukala H. Russians have a point about their burden on history. Commentary, с. 25.
- ⁴⁸ EU Relations with Russia must focus on values, not trade, с. 26.
- ⁴⁹ Там же, с. 29.
- ⁵⁰ Lyne R. Russia in the EU? We should never say never. — *Europe's World* Spring 2006, с. 41. Автор — бывший посол Великобритании в Москве.
- ⁵¹ Там же, с. 38.
- ⁵² Бибина Й. Европейските граници: стремежи и съмнения (Турция в Европейския съюз). В печати.

- ⁵³ Lyne R. Russia in the EU? We should never say never, с. 39.
- ⁵⁴ Там же, 41.
- ⁵⁵ Там же, с. 41.
- ⁵⁶ ЕС — РФ: курс на сближение. Интервью журнала «Европа» с вице-президентом Российского Союза промышленников и предпринимателей (РСПП) Игорем Юргенсом. — Европа, № 7 (41), июль-август 2004, с. 8.
- ⁵⁷ Roderic Lyne. Russia in the EU? We should never say never, с. 41.
- ⁵⁸ Полный текст можно найти на: http://www.delrus.ec.europa.eu/ru/p_317.htm
- ⁵⁹ Выдержки из доклада депутатов Р. Андре и Ж.-Л. Бианко. — Европа, № 8, сентябрь 2005, с. 11.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Минчев О. България и членството на Турция в ЕС.
http://www.iris-bg.org/Bulgaria%20and%20Turkey%20Membership%20in%20the%20EU_Part%202_bg.pdf
- ⁶² Минчев О. Турция в ЕС.
http://www.iris-bg.org/The%20Case%20of%20Turkey%20in%20the%20EU_Part%201_bg.pdf;
Он же: Членството ни в ЕС вече не зависи от нас. Турция иска да се върне като суперсила в Югоизточна Европа. — <http://www.obshtestvo.net/?p=158>
- ⁶³ Минчев О. Турция в ЕС.
- ⁶⁴ Минчев О. Турция в ЕС.
- ⁶⁵ Минчев О. Членството ни в ЕС вече не зависи от нас...,
<http://www.obshtestvo.net/?p=158>
- ⁶⁶ Николов С. Промените на външнополитическата среда за русия и актуално състояние на руско-българските отношения. Доклад пред Клуба на приятелите на руската военна наука: <http://www.expert-bdd.com/statiq.php?id=156>
- ⁶⁷ На том же сайте.
- ⁶⁸ Кючуков Л. България и Русия в търсене на изгубената взаимност на интереси. — Эксперт, октомври 2006 г. Текст статьи можно прочитать на:
<http://www.expert-bdd.com/statiq.php?id=224>
- ⁶⁹ Только за один год было проведено пять таких встреч, которые явились серьезным толчком в двухсторонних отношениях.
- ⁷⁰ Дни на българската култура в Руската федерация (29-09-2003 22:00):
<http://www.president.bg/viziti.php?type=1&id=976&st=70>
- ⁷¹ Интервью на президента Георги Първанов за РИА «Новости»:
<http://www.president.bg/news.php?id=1981&st=0>
- ⁷² Spiegel Online, November 2, 2006. Данные по материалам газеты «Миллийет».
- ⁷³ Гринберг Р.С. Россия и ЕС: от сотрудничества к партнерству. — Европа перемен. Концепции и стратегии интеграционных процессов. М., 2005, с. 252.
- ⁷⁴ Чернышев С.В. Европейская интеграция и торгово-политический выбор России. — Европа перемен. Концепции и стратегии интеграционных процессов, с. 296–297.
- ⁷⁵ Шмелев Н.П. Россия и современная Европа: взгляд с двух сторон. — Европа перемен. Концепции и стратегии интеграционных процессов, с. 18–19.
- ⁷⁶ Там же, с. 23, 25–31.
- ⁷⁷ Santagostino A. A Magna Europe for solidarity between Civilizations Program, Project and Symbol. — In: Marmara Journal of European Studies. VI. 12, 2004; Тот же текст:
http://ec.europa.eu/education/programmes/ajm/organisation/people_culture/contributions/angelo_santagostino_en.pdf; Idem. The EU's Borders and Enlargement in Perspective. — Insight Turkey. April-June 2006, vol. 8, number 2, с. 28–38.

КИПР — ТУРЦИЯ — РОССИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Кипрская проблема является одним из наиболее сложных конфликтов XX — начала XXI в., в разрешении которого стараются принимать участие (естественно, в разных аспектах) не только греческая и турецкая общины острова, но и Турция, Греция, ООН, а в последние годы — ЕС и Россия.

В чем же суть столь запутанного на первый взгляд кипрского вопроса? С XVI в. Кипр находился под властью Османской империи. В 1878 г. после поражения в русско-турецкой войне султан Абдул-Хамид II заключил оборонительный союз с Великобританией, по которому Кипр перешел под ее протекторат, формально оставаясь частью Османской империи. В начале 1914 г. Кипр был официально аннексирован Великобританией. В 1925 г. остров получил статус колонии. С момента перехода Кипра под управление Великобритании на острове началось движение греков-киприотов за эносис, т.е. присоединение Кипра к Греции. Английское правительство, использовавшее остров в качестве «непотопляемого авианосца», не хотело выпускать его, но под давлением кипрской общественности было вынуждено постепенно сдавать власть. Так, в 1943 г. на острове были проведены муниципальные выборы.

После окончания Второй мировой войны требования о предоставлении Кипру самоуправления зазвучали с новой силой. В 1954 г. к решению вопроса подключилась Греция, подав на рассмотрение ООН требование о предоставлении Кипру права на самоопределение. Великобритания, понимая, что потери острова не избежать, созвала в августе 1955 г. конференцию по этому вопросу, на которую была приглашена и Турция, чтобы создать противовес Греции. На начальных этапах обсуждения кипрского вопроса на переговорах Турция занимала пробританскую позицию¹.

По итогам длительного переговорного процесса в феврале 1959 г. было подписано соглашение между Грецией, Турцией, Великобританией и представителями греческой и турецкой общин Кипра. Оно предусматривало предоставление Кипру независимости и исключало передачу острова Греции. Великобритания получала право на размещение на острове двух военных баз. Греция, Турция и Великобритания выступили в качестве стран-гарантов нового государства.

Кипр был провозглашен независимым государством 16 августа 1960 г.² Чтобы соблюсти права обеих общин Кипра, вся властная структура на острове была построена так, чтобы общины были представлены в ней пропорционально. Однако этот строй, при котором соотношение турок-киприотов и греков-киприотов в органах власти на острове должно было составлять 30:70 соответственно, не разрешил имевшихся противоречий между общинами, а, скорее наоборот, усилил их. Деятельность органов власти фактически зашла в тупик.

Первым шагом к разделению острова стали беспорядки и обострение межобщинных отношений, начавшиеся в 1963 г. Для нормализации обострения обстановки на Кипр были введены английские войска, и остров разделила так называемая «зеленая линия». Кипр был разделен на северную часть, большинство населения которой составляли турки, и южную, население которой состояло в основном из греков-киприотов. В 1964 г. было принято решение о введении на остров миротворческого контингента ООН³

Разделение Кипра «зеленой линией» стало серьезной предпосылкой для размежевания общин и создания самостоятельных анклавов. Турция одобрила территориальное размежевание общин.

В 1967 г. размежевание пошло еще дальше — турецкая община Кипра объявила о создании «временной администрации республики Кипр»⁴

В 1974 г. обстановка на Кипре вновь обострилась. Президент Кипра архиепископ Макариос был свергнут национальной гвардией греков-киприотов по приказу военного правительства Греции. Опасаясь того, что в результате переворота Кипр будет присоединен к Греции, Турция начала планировать проведение военной операции. Первоначально Турция предложила Великобритании как одной из стран-гарантов провести эту операцию для наведения порядка на Кипре совместно. Великобритания ответила отказом, и Турция 20 июля 1974 г. в одностороннем порядке ввела свои войска на Кипр⁵. Военные действия продолжались два дня, и турецкие войска закрепились на Кипре. В августе военные действия на острове возобновились. В результате турецкие войска заняли 37% территории Кипра. Линия, на которой они остановились, стала границей между двумя общинами. 13 февраля 1975 г. было объявлено о создании «Турецкой федеративной республики Кипр», было сформировано выборное правительство. Таким образом произошло окончательное размежевание общин.

Введение турецких войск на Кипр вызвало отрицательную реакцию мировой общественности. ООН отреагировала резолюцией, призывавшей уважать суверенитет, независимость, территориальную целостность и политику неприсоединения Кипра. Однако Турция проигнорировала эту резолюцию.

Негативная реакция последовала не только со стороны ООН. Западные союзники Турции также осудили военную операцию, причем США ввели против Турции санкции.

Вплоть до 1983 г. положение на Кипре не претерпело серьезных изменений. Был проведен ряд переговоров в попытке урегулировать статус кипрских общин, однако все они оказались безрезультатными. В 1981 г. на Кипре прошли выборы в парламент — сначала в греческой части, а затем и в турецкой. В турецкой части также прошли выборы президента. Раздел острова становился реальностью.

15 ноября 1983 г. руководство турецкой общины Кипра заявило о создании «Турецкой республики Северного Кипра». Турция не была готова к такому шагу турок-киприотов, но признала это государство⁶. В то же время ООН отреагировала резолюцией от 18 ноября 1983 г., в которой потребовала отмены одностороннего решения турок-киприотов. Греческая община Кипра обратилась в ООН с просьбой принять на себя ответственность за мир и спокойствие на острове. ООН призвала все государства не признавать ТРСК.

В то же время в самопровозглашенной республике налаживалась политическая жизнь. Был проведен референдум, одобдивший конституцию, состоялись президентские и парламентские выборы. Турция же, в свою очередь, способствовала укреплению ТРСК путем отправки на остров турецких переселенцев. К середине 80-х гг. на Кипр перебралось 50 тыс. человек⁷. Требования греческой стороны по их отправке назад не были удовлетворены.

С начала 90-х гг. в процессе урегулирования кипрского вопроса все активнее принимает участие ООН, уже не ограничиваясь посредничеством в организации переговоров со сторонами. С 1992 г. основной для переговоров становится пакет предложений, разработанных лично Генеральным секретарем ООН. Однако переговоры не принесли желаемых результатов из-за непримиримости обеих сторон.

С середины 90-х гг. начинается процесс активного диалога между Кипром и ЕС. Причем поскольку признанным мировым сообществом был только греческий Кипр, во всех контактах с ЕС от имени всего кипрского народа выступали именно власти Южного Кипра. В июне 1995 г. Ассоциативным советом ЕС были проведены переговоры по вопросу перспективы вступления Кипра в ЕС. А в июле 1995 г. было принято решение начать конструктивный диалог по вопросу сближения Кипра с ЕС⁸.

Активное участие ЕС в переговорном процессе начинается на рубеже 1997–1998 гг. 13 декабря 1997 г. в Люксембурге прошла конференция стран ЕС, на которой было принято решение о возможном вступлении Кипра в ЕС. Однако Европейский Союз законным правительством Кипра признавал только правительство его греческой части, а представителям турецкой общины предлагал войти в состав делегации от этого правительства. Логическим продолжением подхода ЕС к решению кипрской проблемы стала резолюция от 10 марта 1998 г., в которой говорилось, что Турецкая республика Северного Кипра является «фактом, который невозможно признать»⁹, и ее признание как государства является препятствием к достижению мирного решения во-

проса. Кроме того, было принято решение о том, что переговоры между представителями обеих общин могут проходить только на территории Южного Кипра.

Ответом на это стала совместная декларация президентов Турции и ТРСК, в которой они заявили, что такое решение ЕС подрывает все усилия по мирному урегулированию вопроса, а существование Турецкой республики Северного Кипра является необходимым.

31 августа 1998 г. турецко-кипрская сторона выступила с предложением о создании конфедерации. Оно основывалось на равенстве обеих сторон, призывало провести конструктивные переговоры, нацеленные на достижение окончательного решения вопроса. Однако греческо-кипрская сторона, вдохновленная перспективой вступления в Евросоюз, решительно отвергла этот план¹⁰. Возобновить переговоры удалось только в 1999 г.

Очередной попыткой решения вопроса стал план Генерального секретаря ООН Кофи Аннана. Он предполагал создание единого государства Кипр, включая весь остров (за исключением британских военных баз). По своему государственному устройству объединенный Кипр должен был напоминать модель Швейцарской конфедерации, т.е. стать свободной конфедерацией двух государств — греков-киприотов и турок-киприотов, соединенных минимальным аппаратом федерального правительства. Представители греческой и турецкой общин поочередно становились бы президентами страны.

План включал принятие федеральной конституции, конституций для каждого государства, ряд конституционных и федеральных законов и предложений о флаге Объединенной республики Кипр и национальный гимн. Он также предлагал создание комиссии по примирению для сближения двух общин и разрешения спорных проблем прошлого. План устанавливал ограниченное право возврата беженцев между территориями обеих общин, а также позволил бы Греции и Турции сохранить постоянное военное присутствие на острове, правда, при значительном снижении числа войск.

План Аннана был представлен сторонам в ноябре 2002 г. и являлся основой переговоров до 2004 г. За это время он неоднократно претерпевал изменения, в него включались всевозможные поправки.

Последние переговоры по этому плану начались 19 февраля 2004 г. Все противоречия необходимо было уладить до 1 мая, поскольку на этот день была назначена дата официального вступления Кипра в ЕС. 24–31 марта в Швейцарии прошли новые переговоры, по результатам которых было принято решение о дате референдума на острове — 24 апреля 2004 г.¹¹ В этот день «план Аннана» был представлен на референдум. Его итоги оказались достаточно неожиданными: более трех четвертей греков-киприотов отказались от создания единой модели государства по «плану Аннана» (за — 24%, против — 75,8% при 88%-ной явке). Турки-киприоты проголосовали: за — 64,9%, против — 35,1% при 87% участвовавших в голосовании¹².

Греков-киприотов в данном документе не устроили следующие пункты: 1) недостаточные гарантии безопасности общин; 2) отсутствие четкого механизма применения плана; 3) сохранение турецкого военного присутствия на острове; 4) предоставление права проживания на острове всем переселенцам из Турции; 5) квоты, ограничивающие количество греков-киприотов, которым позволено вернуться на север острова и вернуть собственность, потерянную после ввода турецких войск¹³

1 мая, как и планировалось, Кипр вошел в состав ЕС. Однако поскольку руководство Европейского Союза не изменило своей позиции относительно ТРСК, сложилась деликатная ситуация. Так как ЕС отрицал существование ТРСК, а правительство греческой части Кипра претендовало на то, чтобы представлять все население Кипра, включая турецко-кипрскую общину, формально в состав ЕС вошла вся территория Кипра. Однако поскольку турецкая община не желает подчиняться решениям правительства Южного Кипра и на севере острова находятся турецкие войска, законы ЕС на эту территорию не распространяются. Фактически с 1 мая 2004 г. Турция оккупирует часть территории ЕС.

В то же время попытки прийти к окончательному урегулированию проблемы не прекращаются. В конце мая 2004 г. Генеральный секретарь ООН К. Аннан сделал доклад о результатах переговоров по Кипру и его миссии доброй воли. Он заявил, что вина за столь медленный прогресс в переговорном процессе лежит на представителях Южного Кипра, которые должны проявлять свою приверженность принципам партнерства и равенства не только на словах, но и на деле¹⁴

На данный момент разделение острова сохраняется. Попытки воссоединения общин остаются безрезультатными. Турецкая сторона настаивает на том, что решение вопроса достаточно проработано в «плане Аннана», и если Южный Кипр не устраивают какие-либо его пункты, то надо разрабатывать поправки к ним, а не отклонять весь документ.

Греческая сторона в целом готова принять замечания турок-киприотов. Кроме того, наметилось некоторое смягчение позиций Южного Кипра по отношению к ТРСК и Турции. Однако на переговорах о вступлении Турции в ЕС Кипр планирует выдвинуть пять условий, без выполнения которых он не поддержит ее кандидатуру:

1. Турция должна признать Республику Кипр как суверенное государство.

2. Турция должна прекратить практику наложения вето на членство Кипра в различных международных организациях.

3. Турция должна прекратить расселение своих граждан на оккупированных территориях острова.

4. Кипр требует от Турции компенсации за незаконно используемое имущество греков-киприотов на оккупированных территориях, захваченных в 1974 г.

5. Никосия категорически возражает против присутствия на острове турецкого оккупационного корпуса¹⁵

На момент вступления в Евросоюз Кипр по-прежнему оставался разделенным на две части. Все законы ЕС и льготы от членства в союзе распространились лишь на греческий сектор, а слабо развитая турецкая часть Кипра осталась за пределами ЕС. Генеральный секретарь ООН опубликовал доклад, в котором подчеркнул, что «в результате голосования положение турок-киприотов требует внимания со стороны мирового сообщества в целом, включая Совет Безопасности», и указал, что «голосование турок-киприотов перечеркнуло все основания для давления на них и их изоляции». Исходя из этого, К. Аннан настоятельно рекомендовал всем государствам сотрудничать как на двусторонней основе, так и в международных организациях в деле устранения ненужных барьеров, которые ведут к изоляции турок-киприотов и препятствуют их развитию.

Вскоре после референдума ЕС, учитывая положительное голосование турок-киприотов, пообещал выделить Северному Кипру 260 млн. евро в качестве экономической помощи, а также ослабить эмбарго на импорт товаров из непризнанной ТРСК. Переговоры по этим вопросам продолжаются свыше полутора лет, а желаемые результаты так и не достигнуты. На встрече министров иностранных дел Евросоюза в Брюсселе в ноябре 2005 г. некоторые из его участников подчеркивали: «Мы дали слово снять изоляцию, но ничего не смогли сделать. Подобную ситуацию надо менять»¹⁶

Турецкие дипломатические источники указывают, что обещанная туркам-киприотам помощь так и не была предоставлена, что оценивается как «бессилие ЕС перед лицом греков-киприотов». А что касается прямой торговли с Северным Кипром, то «Европейское сообщество демонстрирует свою решимость пока забыть эту проблему»¹⁷

Как представляется, роль Евросоюза в решении кипрской проблемы весьма ограничена.

По мнению европейских политических кругов, кипрская проблема должна решаться в рамках ООН. В этой связи заслуживает внимания статья, появившаяся в английской газете «Файнэншел Таймс» в конце 2006 г., посвященная Кипру и озаглавленная «Раскол представляется все более стойким». Специалист по Кипру, грек по национальности, Филлипос Саввидис пишет, что «зеленая линия» на Кипре практически превратилась в международную границу, а обе общины острова проживают самостоятельно, отдельно друг от друга. Он подчеркивает следующее: «ЕС — это не организация для разрешения конфликта, необходимо снова передать кипрский вопрос для решения в ООН. Между тем греки-киприоты потеряли доверие в глазах европейских партнеров»¹⁸ Комментируя это заявление, известный турецкий политолог Сами Кохен указывает, что оно отражает точку зрения, все более распространяющуюся в мировом сообществе. Конечно, по его мнению, под воздействием лидера греков-киприотов Пападопулоса ЕС может выдвигать все новые условия на пути членства Турции в этой организации. Так, например, пока Турция не откроет свои порты для Кипра,

вопросы членства обсуждаться не будут. И так может продолжаться до 2009 г., при сохранении прежних проблем и напряженности. И даже если предположить, по мнению Кохена, что порты будут открыты, греки-киприоты могут поставить на повестку дня новые вопросы, связанные с признанием ТРСК¹⁹

Основная цель турецкой дипломатии, подчеркивает Кохен, вновь вынести кипрскую проблему на рассмотрение ООН. Даже греческий эксперт, вышеупомянутый Ф. Саввидис, разделяет эту точку зрения.

Однако включение кипрского вопроса в повестку дня ООН пока осложнено некоторыми моментами. Во-первых, архитектор плана кипрского урегулирования, отдавший ему столько труда, Кофи Аннан уже не Генеральный секретарь ООН. И требуется время, чтобы его южнокорейский преемник Пан Ги Мун включился в данный процесс.

Во-вторых, греки-киприоты считают «план Аннана» «слабым». И таким образом, будет обсуждаться вопрос, на какой основе будут проводиться переговоры. Кроме того, Пападопулос в пику туркам-киприотам намерен «тянуть к себе план Аннана и получать все более компенсаций».

И в-третьих, процедуры в ООН проходят не всегда так, как того ожидают. Так, доклад Аннана по Кипру, который должен был быть вынесен на обсуждение Совета Безопасности ООН, из-за противодействия Франции и России так и не был обсужден. Хотя у греков-киприотов и нет права вето в ООН (как и в ЕС), они могут обеспечить поддержку других стран, обладающих таким вето²⁰

После референдума кипрский вопрос стал инструментом давления на Турцию по вопросу ее вступления в Евросоюз. Так, заместитель министра иностранных дел Греции Э. Стилианидис в интервью Афинскому агентству новостей 19 июня 2004 г. заявил, что возможность принятия Турции в ЕС значительно зависит от того, признает ли она Южный Кипр единственным государством на острове, объединяющим всю его территорию²¹.

Вместе с тем после референдума по «плану Аннана» инициативы по разрешению кипрской проблемы все более «откладывались в долгий ящик», и Турция, озабоченная сложившейся ситуацией, выступила с новыми предложениями. Их озвучил министр иностранных дел А. Гюль 24 января 2006 г., и они получили название «План действий». Он предусматривал проведение в жизнь следующих шагов:

— проведение до июня 2006 г. встречи на высшем уровне, в которой должны принять участие Греция, Турция, представители греческой и турецкой общин Кипра, а также ООН;

— в случае принятия плана Турция готова открыть свои порты для греков-киприотов;

— устранение всех препятствий для торговли на острове;

— открытие для международного сообщения порта Магосы и аэропорта Эрджан (Северный Кипр);

— достижение до конца 2006 г. решения проблем острова в рамках ООН;

— участие Северного Кипра в международных спортивных и общественных мероприятиях;

— практическое включение экономики Северного Кипра в рамки Европейского таможенного союза;

— помощь ООН и Европейской Комиссии по претворению в жизнь данных предложений и оказание поддержки туркам-киприотам. Гюль подчеркнул, что «План действий» ни в какой форме не наносит ущерб правовым и политическим позициям заинтересованных сторон²².

Таким образом, в рамках данных предложений Турция выразила желание как можно скорее начать переговоры по урегулированию и продолжить переговоры о членстве с ЕС, которым не должна препятствовать кипрская проблема. Предлагается снятие изоляции Северного Кипра и начало прямой торговли с ним.

Хотя план получил поддержку в американском конгрессе, в ряде европейских стран существенных действий по его претворению в жизнь на протяжении 2006 г. предпринято не было.

Не оправдала надежд встреча в Никосии М.А. Талата и Пападопулоса, проведенная по инициативе заместителя Генерального секретаря ООН И. Гамбари 6 июня 2006 г. Таким образом, была предпринята еще одна попытка провести переговоры под эгидой ООН и вывести ситуацию из тупикового состояния, что вполне отвечало бы интересам турок-киприотов. Однако важно и согласие лидера греков-киприотов на данные переговоры, и оно объясняется рядом причин: Пападопулос не хочет выглядеть в докладе ООН как сторона, препятствующая переговорам. Известно также, что в последнее время на руководство греков-киприотов оказывается давление со стороны США и ЕС. Существует также мнение, что и Афины недовольны позицией Пападопулоса, и в этой связи ему высказывается ряд соображений²³. По некоторым из 5 пунктов, согласованных на встрече, наблюдается расхождение взглядов сторон. Для ТРСК очень важна формулировка первого пункта, где идет речь о «принципе политического равенства», основанного на «двухзональной двухобщинной конфедерации». С другой стороны, в положениях не определяется круг обязанностей созданных технических комитетов.

В целом Турция посчитала, что начало нового переговорного процесса по Кипру принесло «некоторое облегчение» ее отношениям с ЕС и «устранило возможный кризис с Евросоюзом по кипрской проблеме»²⁴.

Как показало дальнейшее развитие событий, подобные надежды для Анкары оказались временными. «План действий» не был претворен в жизнь, греки-киприоты «отодвинули в сторону ООН и заставили ЕС взять проблему под свое покровительство», т.е. переговоры под эгидой ООН, о которых было сказано выше, не дали никаких результатов, а на повестку дня был поставлен вопрос о портах²⁵. Осенью 2006 г. кипрский вопрос стал основным камнем преткновения в переговорном процессе Турции с Евросоюзом о членстве. Европейская Комиссия требовала, чтобы Турция открыла грекам-киприотам свои воздушные и морские порты, иначе к Анкаре будут применены санкции и 8 пунктов

переговоров будут заморожены, а все другие пункты будут увязаны с условиями по Кипру²⁶. В ответ Турция, утверждавшая, что «до тех пор пока не будет снята изоляция ТРСК, порты грекам-киприотам открыты не будут», заявила следующее: «Мы можем открыть один порт грекам-киприотам без предварительных условий. Но в случае открытия аэропорта Эрджан (Северный Кипр. — *И.И.*) для международных полетов»²⁷. Это заявление вызвало резкую реакцию в самой Турции. Так, заместитель генерального секретаря Народно-республиканской партии О. Оймен подчеркнул, что кипрский вопрос нельзя решить «политикой рассрочек», т.е. торгуясь «порт за порт». Оймен утверждал следующее: Европейский Совет 24 апреля 2004 г. принял решение прекратить изоляцию турок-киприотов, поскольку они сказали «да» «плану Аннана». И выполнение этого решения было возложено на Европейскую Комиссию. Греки-киприоты воспрепятствовали этому. А сейчас ЕС и руководство греков-киприотов требуют от Турции новых уступок. В подобных условиях Турция никак не должна рассматривать вопрос об открытии портов и аэропортов для греков-киприотов. Кипрская проблема не может быть решена такими «рассрочками»²⁸. В ЕС также не наблюдается единодушия по вопросу увязывания членства Турции и Кипра. Так, группа стран, среди которых Великобритания, Швеция, Италия и Испания, считает, что рекомендация комиссии очень сложная и необходимо сократить количество пунктов переговоров, которые предполагается заморозить. Эта группа также отмечает, что удаление Турции от ЕС в связи с Кипром противоречит долгосрочным интересам Союза. Участники группы также полагают, что решение кипрского вопроса надо передать в ООН²⁹.

Вместе с тем другая группа стран ЕС во главе с Францией и Германией, которые «прохладно» относятся к членству Турции, стремится оттеснить Анкару, используя кипрский вопрос. Эти страны настаивают на том, чтобы Турция исполнила обязательство по портам в течение 18 месяцев, и только после его выполнения можно будет вновь вернуться к рассмотрению членства Турции в ЕС³⁰.

Таким образом, Кипр является «kozyрем» для тех, кто не хочет членства Турции. Условие, которое канцлер Германии и президент Франции выдвинули Турции, следующее: выборы в Турции состоятся в 2007 г., в Европейском парламенте — в 2009 г. И если за этот период Турция не откроет порты грекам-киприотам, «Еврокомиссия специальным докладом оценит ситуацию»³¹. Сам факт увязывания членства Турции в ЕС с выборами очень любопытен. И нельзя не согласиться с турецким политологом С. Кохеном о том, что «порты — это лишь предлог»³². Такие страны, как Франция и Германия, выступающие против членства Турции в ЕС, «скрытно используют Пападопулоса в этой игре». Кохен пишет: «Если бы не было вопроса о портах, эти страны выдвинули бы другие основания и постарались бы помешать закрыть переговорный процесс. А в общем у немцев и французов нет особого интереса к самой кипрской проблеме»³³.

На саммите ЕС в Брюсселе в декабре 2006 г., где решался вопрос о продолжении переговорного процесса с Турцией о вступлении в Ев-

росоюз, вновь всплыла кипрская проблема. Еще до начала саммита канцлер Германии Ангела Меркель выставила ультиматум Анкаре: если через 18 месяцев Турция не откроет свои порты и аэропорты для греческого Кипра, то переговорный процесс будет заморожен³⁴. Председатель Европейской Комиссии Жозе Мануэль Баррозу также указал на необходимость открытия Турцией портов и аэропортов грекам-киприотам и предупредил, что в противном случае переговоры о членстве не могут быть продолжены³⁵.

По мнению турецких политологов, придирки европейцев уже привели к снижению популярности идеи вступления в ЕС среди турок. Если в 2004 г. за это выступали 67% турок, то к концу 2006 г. их число снизилось до одной трети³⁶. На саммите ЕС была одобрена рекомендация Совета министров иностранных дел ЕС приостановить переговоры, которые велись с Турцией с октября 2005 г., по восьми пунктам: передвижение товаров, услуги, капиталы, рыболовство, сельское хозяйство, транспорт, таможенный союз и внешние связи. Этот шаг мотивировался тем, что Турция не открыла свои морские и воздушные порты для Южного Кипра³⁷.

Советник премьер-министра Турции Р. Эрдогана по международным вопросам Э. Багыш следующим образом озвучил ситуацию вокруг Кипра: «Еще рано говорить о двух государствах, федеральная структура рассматривается как наиболее приемлемая, и единственной основой для решения кипрской проблемы является ООН». Багыш указал, что греки-киприоты хотят перевести решение этой проблемы от ООН к ЕС, а «используя свое право вето в Евросоюзе, они все более осложняют ситуацию и держат всех членов ООН в заложниках»³⁸.

Как справедливо подчеркивает уже упомянутый выше турецкий политолог С. Кохен, предполагается, что 2007 г. будет «годом застоя» с точки зрения отношений Турции с Евросоюзом. И здесь свою роль играет ряд факторов: решение ЕС о замораживании ряда статей переговоров, которое стало причиной того, что «турецкое общественное мнение лишилось прежнего интереса к переговорному процессу». Кроме того, на повестку дня в Турции вышли следующие первоочередные проблемы: Северный Ирак, отношения с США, армянский вопрос и новые моменты в кипрском вопросе. Тот фактор, что 2007 г. — «год выборов», также в известной степени ослабляет внимание к турецко-европейским отношениям. Вместе с тем нельзя допускать, чтобы 2007 г. стал для этих отношений «потерянным годом». «Нельзя допустить, чтобы Турция потеряла тот импульс, который реформы приобрели в последние годы, и Турция продолжила свой курс на вступление в Евросоюз»³⁹. В этой связи правительство полно решимости выстраивать «дорожную карту», при которой до 2013 г. будут определены политические, экономические, социальные реформы в стране⁴⁰.

В начале 2007 г. возникли новые проблемы, которые могут негативно сказаться на межобщинных отношениях на Кипре и на всем переговорном процессе. Дело в том, что в международных водах вблизи кипрского побережья открыты богатые нефтяные месторождения. По

предварительным данным, на расстоянии 170–180 миль имеются залежи 6–8 млрд. баррелей нефти на общую сумму 400 млрд. долл. Греко-кипрское руководство заключило соглашение с Египтом, Ливаном и Сирией о совместной деятельности по разведке и добыче этой нефти⁴¹.

По мнению турецких политологов, греко-кипрская сторона преследует здесь следующие цели: объявить суверенитет Республики Кипр над всем островом и заставить забыть о существовании ТРСК; представить себя в глазах мирового сообщества в качестве важного производителя нефти; взять Турцию «в тиски», т.е. противопоставить Анкаре ее арабских партнеров, таких как Ливан, Сирия, Египет.

Турецкая сторона уже заявила свой протест греко-кипрскому руководству и потребовала, чтобы Египет и Ливан не ввязывались в подобные авантюры. Лидер Народно-республиканской партии Д. Байкал считает, что турецкая нефтяная компания ТПАО должна заключить соглашение с ТРСК и совместно проводить поиски нефти⁴².

В целом можно утверждать, что в обозримом будущем Турция не отойдет от своей поддержки ТРСК. Вместе с тем представляется разумной и оправданной линия турецкого руководства на то, чтобы кипрский вопрос решался в рамках ООН.

Давая характеристику отношений Россия — Кипр, следует подчеркнуть, что остров Кипр в различные периоды СССР, а затем и Российской Федерации представлял важное значение для России с точки зрения усиления влияния в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Россия как постоянный член Совета Безопасности ООН и как государство, заинтересованное в ситуации в Восточном Средиземноморье, стремилась принимать участие в кипрской проблеме. Однако ей не удалось участвовать в миротворческих силах ООН, размещенных на острове с 1964 г., и, несмотря на выдвигаемые ею различные предложения о путях разрешения кипрской проблемы, фактор влияния в регионе ЕС и США не позволял России играть активную роль в данном вопросе.

Однако с конца 90-х гг. произошла известная активизация подхода к кипрской проблеме. Еще более проявился тот фактор, что в своей традиционной внешней политике Россия была сторонником Греции и греков-киприотов. Главными причинами этого, на наш взгляд, были религиозные (православные) и традиционные союзнические связи. Греция была единственной страной НАТО, закупавшей российское вооружение. В 1997–1998 гг. греки-киприоты поставили на повестку дня вопрос закупки из России ракет «Ф-300» (которые впоследствии были размещены на Крите). Все это демонстрировало, что взаимные интересы носили военный и политический характер. Можно также говорить и об экономическом их содержании. Так, после распада СССР Южный Кипр стал важным центром «узаконивания» российских капиталовложений⁴³. В этот период здесь появилось свыше 30 тыс. российских офшорных компаний и 30 офшорных банков⁴⁴. Такого количества российских офшорных компаний больше не было ни в одной стране мира, и, таким образом, Южный Кипр приобрел для россиян особый характер. Однако после того как

1 мая 2004 г. Кипр (вернее, Южный Кипр) стал членом ЕС, для России создалась затруднительная ситуация, поскольку законодательство ЕС и Кипра препятствовало свободному движению российских капиталов. В свою очередь, греко-кипрское руководство придавало большое значение развитию отношений с Россией, поскольку они являлись своего рода альтернативой США и ЕС, а российские капиталовложения во многом способствовали развитию экономики. И Россия, как правило, старалась выступать в интересах греко-кипрского руководства.

Вместе с тем, проводя подобную политику, Россия не могла не учитывать своих отношений с Турцией, активно развивающихся в последние годы. Известно, что за последний период турецко-российская торговля и экономические связи развивались быстрыми темпами, турецкие строительные фирмы вкладывали в России большие капиталы, а сотрудничество в области энергетики приобрело новые масштабы. И хотя позиция России по кипрской проблеме не претерпела коренных перемен, она «в известной степени смягчилась в отношении Турецкой Республики Северного Кипра (ТРСК)»⁴⁵ Одним из первых проявлений «смягчения» российской политики в отношении Северного Кипра стал тот факт, что министр иностранных дел Российской Федерации С. Лавров, присутствовавший на конференции министров иностранных дел Организации Исламская Конференция в Стамбуле 14–16 июня 2004 г., имел встречу с главой ТРСК М.А. Талатом и министром иностранных дел С. Денкташем. На переговорах, которые Лавров провел в ходе конференции с министром иностранных дел Турции А. Гюлем, он подчеркнул, что «не будет оказываться никаких препятствий российским компаниям, желающим направлять капиталовложения в ТРСК»⁴⁶

Во время визита в Турцию президента России В.В. Путина 5–6 декабря 2004 г. был затронут и кипрский вопрос. В ходе переговоров Путин подчеркнул, что Россия не будет выступать против «плана Аннана», и сказал премьер-министру Турции Р. Эрдогану, что об этом он лично сообщит Генеральному секретарю ООН.

В последнее время проблема Кипра постепенно начинает играть важную роль в отношениях между Россией и Турцией. Это стало очевидным в рамках заявлений, сделанных премьер-министром Р. Эрдоганом во время его визита в Москву 10–12 января 2005 г. В ходе визита Р. Эрдогана В.В. Путин сказал, что он позвонил Генеральному секретарю ООН Кофи Аннани и сообщил ему о своей поддержке усилий, предпринимаемых для разрешения кипрской проблемы в рамках ООН. Знаменательно, что в составе делегации Эрдогана был и председатель промышленной палаты Северного Кипра С. Тунар. Он подчеркнул, что хотел бы пригласить к сотрудничеству российских предпринимателей, отметив также, что туризм — наиболее быстро развивающийся сектор экономики Северного Кипра и, когда будет снято эмбарго, капиталовложения в туризм имеют большой потенциал⁴⁷

Вместе с тем российский президент отметил, что процесс выведения Северного Кипра из изоляции не должен быть поспешным. «В кипр-

ском вопросе долгие годы прослеживаются шекотливые и шепетильные проблемы», — подчеркнул Путин. Поэтому здесь необходимо действовать «очень тактично и точно»⁴⁸ Еще раз подчеркнув поддержку «плана Аннана», он отметил, что по этому вопросу Россия имеет общую точку зрения с Турцией⁴⁹

В последние годы Россия стремится упрочить свои позиции в ОИК, и в исламском мире и здесь она ищет поддержку у Турции. А это может непосредственно сказаться на турецких оценках кипрской проблемы. Так, не без турецкой поддержки Россия получила статус наблюдателя ОИК на встрече министров иностранных дел организации 28–30 июня 2005 г.⁵⁰

Надо сказать, что в академических и дипломатических кругах России в последние годы все чаще стали раздаваться голоса в пользу пересмотра российской политики по Кипру, и в этой связи заслуживает внимания высказывание Чрезвычайного и Полномочного Посла РФ А.С. Зайцева по проблеме: «Наша позиция: как постоянный член СБ ООН, связанный решениями по кипрскому вопросу, мы по-прежнему поддерживаем “план Аннана”, считаем его основой, я хотел бы отметить, основой не решения кипрской проблемы, а основой для дальнейших переговоров, для ее решения. Россия, как нам представляется, не должна упускать, при всем понимании сложностей нашей проблемы, этот регион, который традиционно находится в зоне национальных интересов России. Россия получает возможность выступать в кипрской проблеме аналогично американцам, которые стараются быть с обеих сторон конфликта, т.е. играть и с одной и с другой стороны. С одной стороны, мы с греками-киприотами связаны общей культурой, православием и, в значительной степени, тем, что мы в общем-то всегда были с этой стороны, т.е. греков-киприотов, в том числе и поставки оружия, и лоббирования энозиса в той или иной степени с Грецией. Но благодаря евразийской ориентации Турции у нас есть возможность подойти к этой проблеме с другой стороны, что, по-моему, тоже нельзя упускать. Это не значит, что мы оказываем приоритетную поддержку Анкаре в данном вопросе, и здесь нас бы никто не понял. Но возможность играть с двух сторон, двумя руками в кипрской проблеме у России появляется только сейчас, так как она всегда играла с одной стороны. И в этом отношении действительно существуют параллели между Россией и Турцией. На самом деле, если мы пойдем навстречу Анкаре в этом вопросе, мы получим много стратегических дивидендов.

При этом я хочу подчеркнуть, что нельзя отказываться от того, что сближает нас с Грецией, от нашего влияния на Южном Кипре. Оно есть, и мы должны использовать его позитивно и конструктивно; другое дело, что самый главный момент — это новая оферта Турции.

Мы должны выработать свою проблему по Кипру, более активно включиться в процесс с двух сторон и воспользоваться данной ситуацией для усиления нашего собственного статуса, точно взвесив международные, политические, геополитические региональные риски»⁵¹

В этом высказывании, хотя и не все бесспорно, есть определенное рациональное зерно, которое постепенно начинает все более осознавать-

ся российским руководством. Турецкие политические и деловые круги высоко оценили результаты переговоров в Москве министра иностранных дел Турции А. Гюля с его российским коллегой С. Лавровым. Они состоялись 3 ноября 2006 г. в рамках заседания стран — участниц Организации Черноморское экономическое сотрудничество. По словам А. Гюля, в Москве удалось обсудить весь спектр динамично развивающихся российско-турецких отношений и ряд важных международных проблем. Турецкий министр с удовлетворением отметил, что запланированный на 2006 г. объем торговли между двумя странами в 15 млрд. долл. уже досрочно выполнен, а также констатировал уверенность Москвы и Анкары в том, что поставленная на 2008 г. цель — 25 млрд. долл. товарооборота будет достигнута. А. Гюль подчеркнул, что объем работ, выполняемых в России турецкими фирмами, составляет 18 млрд. долл., а объем прямых инвестиций турецких компаний приблизился к 4 млрд. долл. «Это очень высокие показатели и они демонстрируют высокий уровень российско-турецких отношений», — заявил он⁵².

А. Гюль обратил особое внимание на динамично развивающиеся двусторонние отношения России и Турции и на продуктивное взаимодействие двух стран по вопросу региональных и глобальных проблем. Он с удовлетворением отметил, что Москва, как и Анкара, полагает, что всеобъемлющее решение кипрской проблемы может быть достигнуто только в рамках ООН. Как подчеркнул А. Гюль, радует тот факт, что Россия продемонстрировала решимость развивать торговые отношения с Северным Кипром, и подтверждением этого является визит представителей промышленной палаты турок-киприотов и успешные переговоры с российскими предпринимателями⁵³.

Подытоживая высказанное, можно утверждать, что в целом российская политика по Кипру пока не претерпела серьезных перемен. Параллельно развивая отношения с Турцией, Россия продолжает оставаться «классическим сторонником» Греции и греков-киприотов и лишь осторожно формулирует свои новые подходы к туркам-киприотам. Таким образом, произошло «смягчение» российской политики по вопросам, кардинально не затрагивающим сущность проблемы.

Однако для турецкой стороны чрезвычайно важно, что Россия рассматривает ООН в качестве главного действующего субъекта в разрешении кипрской проблемы, а не ЕС (как того хочет греко-кипрская сторона).

Новым элементом является и тот факт, что после референдума 2004 г. на Кипре и вокруг него сложилась новая ситуация, при которой необходимо снять эмбарго и экономические санкции в отношении турок-киприотов, а это может рассматриваться как одно из условий «частичного решения проблемы»⁵⁴.

¹ Fuat Aksu, Kibris sorunu, www.turkishgreek.org.

² Республика Кипр. Справочник. М., 1992, с. 58.

³ Там же, с. 63.

⁴ Там же, с. 67.

⁵ <http://www.trncpresidency.org>.

- ⁶ Республика Кипр, с. 79.
- ⁷ Fuat Aksu. Kibris sorunu, www.turkishgreek.org.
- ⁸ The status of the two peoples in Cyprus. Legal opinions. 2nd edition. Turkish Republic of Northern Cyprus Ministry of foreign affairs and defense, Public relations department, с. 158.
- ⁹ <http://www.trncpresidency.org>.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Фонд стратегической культуры 3.10.2005 (<http://fsk.rustrana.ru>).
- ¹³ <http://greek.ru>.
- ¹⁴ Fuat Aksu. Kibris Konusundaki son gelişmeler, www.turkishgreek.org.
- ¹⁵ <http://greek.ru>.
- ¹⁶ Milliyet. 05.12.2005.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Financial Times. 19.12.2006.
- ¹⁹ Milliyet. 20.12.2006.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ AB' den Türkiye'ye Kıbrıs Baskısı, <http://grtrnews.com.tr>.
- ²² <http://haber-detay.asp>. PID = 319 haber ID.
- ²³ Milliyet. 12.07.2006.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Milliyet. 29.12.2006.
- ²⁶ Milliyet. 05.12.2006.
- ²⁷ Milliyet. 08.12.2006.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Milliyet. 05.12.2006.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Milliyet. 07.12.2006.
- ³² Ibid. 05.12.2006.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Коммерсантъ-Власть. 11.12.2006.
- ³⁵ <http://bbc.co.uk/turkis.cu.report.update>.
- ³⁶ Коммерсантъ-Власть. 11.12.2006.
- ³⁷ <http://www.yenisafak.com.tr/yorum> 31.01.2007.
- ³⁸ <http://www.trncpio.org>.
- ³⁹ Milliyet. 14.02.2007.
- ⁴⁰ Milliyet. 06.01.2007.
- ⁴¹ Milliyet. 08.02.2007.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ www.asam.org.
- ⁴⁴ Avrasya Stratejik Arastirmalar Merkezi. Ankara. 20 aralık, 2006.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Zaman. 20.06.2004.
- ⁴⁷ Kibrispostasi.com/forum.
- ⁴⁸ Aksam. 12.01.2005.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ [Asam.org](http://www.asam.org).
- ⁵¹ <http://www.evrasia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=1635> 26.12.2006.
- ⁵² Globustop. ru. 03.11.2006.
- ⁵³ Там же; Cumhuriyet. 07.11.2006.
- ⁵⁴ Türkiye Uluslararası İlişkiler ve Stratejik Analizler Merkezi. 26 aralık 2006.

РОССИЯ И АРАБСКИЕ ГОСУДАРСТВА ЗАЛИВА: ВОЗМОЖНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Отношения между Россией и арабскими странами, расположенными в регионе Персидского залива и являющимися членами региональной организации Совет сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ), не достигли высокого уровня. В чем причина такого положения? Ответ на этот вопрос и является основной темой данной статьи.

Начальный этап взаимодействия

В начале 1990-х гг. Российская Федерация как новое независимое государство, возникшее после распада СССР, стала определять свои приоритеты в арабском и мусульманском мире. Богатые нефтедобывающие государства Залива представляли для нее интерес прежде всего из-за их финансовых возможностей. В период кризиса в регионе Залива 1990–1991 гг., возникшего в связи с иракской агрессией против Кувейта, СССР получил кредит от Саудовской Аравии, ОАЭ и Кувейта в размере 2 млрд. долл., а также саудовский кредит в размере 759 млн. долл.¹ Эти кредиты были предоставлены в знак благодарности за поддержку, оказанную Кувейту. Позиция неприятия иракской агрессии со стороны СССР стала фактором, содействовавшим восстановлению отношений между ним и Саудовской Аравией, а также установлением дипломатических связей с Бахрейном. Таким образом, Россия в начале становления своей внешнеполитической деятельности уже обладала унаследованными от своего советского предшественника дипломатическими отношениями со всеми странами, входящими в ССАГЗ². Кроме того, она могла опираться и на тот опыт взаимодействия с некоторыми из этих стран, накопленный еще в советский период. Речь шла о контактах с двумя государствами — Саудовской Аравией и Кувейтом.

Дипломатические отношения между Советским Союзом и Саудовской Аравией были установлены в 1926 г. Советский Союз стал первой иностранной державой, признавшей вновь созданное королем Абдель Азизом Аль Саудом государство. Однако по причинам идеологического и политического характера эти отношения не получили развития и в 1938 г. были заморожены.

Другой страной был Кувейт. СССР в 1961 г. поддержал Ирак — своего ближайшего идеологического союзника в регионе Ближнего Востока, когда тот выдвинул притязания на получившее независимость кувейтское государство. Он дважды применил право вето, блокируя вступление Кувейта в ООН. Однако отношения между двумя странами поступательно развивались после взаимного дипломатического признания в 1963 г. Эти отношения охватывали сферу как торгового, так и военного сотрудничества. Хотя взаимный товарооборот между обеими странами и не был велик, а объемы поставок вооружения из СССР в Кувейт были ограниченными, тем не менее кувейтская сторона стремилась к их сохранению, потому что рассчитывала на политическую поддержку в случае обострения отношений с Ираком.

В период «перестройки» советское руководство попыталось изменить характер своих отношений с арабскими странами и исправить тот дисбаланс, который их характеризовал. Опора на идеологические установки во внешней политике СССР привела к тому, что Советский Союз развивал связи с так называемыми «прогрессивными» арабскими странами «социалистической ориентации», тогда как государства ССАГЗ относились, в соответствии с советской терминологией, к «консервативным» прозападным государствам. Однако с началом «перестройки» была сделана попытка изменить сложившееся положение. В 1985 г. были установлены дипломатические отношения с Оманом, в 1986 г. — с ОАЭ и в 1988 г. — с Катаром. В конце 1987 — начале 1988 г. К. Н. Брутенц, занимавший пост заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС, как специальный представитель М. С. Горбачева в ходе своего визита на Ближний Восток посетил Саудовскую Аравию, Кувейт и Объединенные Арабские Эмираты, передав их руководителям послания от советского руководителя. СССР стремился наладить контакты с этими странами, исходя из того, что они, как отмечал К.Н. Брутенц, обладали экономическим потенциалом и политическим влиянием в арабских странах³. Однако эти стремления не удалось реализовать.

Опыт взаимодействия между СССР и странами — членами ССАГЗ не мог стать серьезной опорой для налаживания связей между двумя сторонами уже в российский период. Внешнеполитическому ведомству России приходилось начинать почти с чистого листа, хотя позиция СССР в период иракской агрессии против Кувейта в 1990 г. была по достоинству оценена государствами — членами Совета сотрудничества. Они выразили признательность советскому руководству за безусловную поддержку Кувейта — одного из членов этой региональной организации — и резкое осуждение агрессивной политики Ирака. Тот факт, что Советский Союз поддержал резолюцию Совета Безопасности ООН, которая санкционировала проведение военной операции против Ирака, направленной на освобождение Кувейта и восстановление его суверенитета и независимости, также сыграл положительную роль и создал благоприятный климат для развития межгосударственных отношений.

В 1992 г. министр иностранных дел Российской Федерации А. В. Козырев совершил официальный визит во все государства, входящие в ССАГЗ. В оценке этого визита со стороны российского Министерства иностранных дел была подчеркнута роль, которую играют эти государства в обеспечении региональной стабильности. В то время директор департамента информации и прессы МИД РФ С. Ястржембский заявил: «Мы считаем, что визит нашего министра в Саудовскую Аравию, Кувейт, Катар, Бахрейн, ОАЭ и Оман был очень важным. Он подтвердил намерение России проводить более сбалансированную политику в этом регионе и развивать отношения с этими государствами в интересах их народов для поддержания стабильности и безопасности в регионе Персидского залива, потому что их политика была всегда умеренной и здравомыслящей»⁴

Кроме того, официальные российские представители подчеркнули свое понимание того факта, что эти государства имеют тесные связи с США и другими западными государствами, и не стремились конкурировать с ними, учитывая характер отношений, который связывал в тот период Россию со странами Запада, и ее зависимость от западной финансовой помощи. В своих выступлениях А. В. Козырев отмечал, что Россия действует как партнер США, потому что «только совместными усилиями можно создать надежную систему региональной безопасности»⁵

В период с 1992 по 1994 гг. состоялся ряд встреч между представителями России и государств Залива. В них принимали участие ответственные лица с обеих сторон. По мнению автора статьи в официальном органе МИД РФ журнале «Международная жизнь», эти встречи подтверждали активизацию контактов между Россией и странами Залива⁶.

В ноябре 1994 г. состоялся визит премьер-министра Российской Федерации В. С. Черномырдина в страны Залива. Это был первый официальный визит российского руководителя такого высокого ранга. В. С. Черномырдин провел переговоры с главами государств Совета сотрудничества, обсудив вопросы, представляющие взаимный интерес. В тот период обе стороны были озабочены проблемой развития мирного процесса на Ближнем Востоке, ситуацией в регионе Залива после освобождения Кувейта от иракской оккупации и режимом международных санкций, введенных против Ирака. Важность взаимодействия двух сторон для решения региональных проблем уже в тот период была подчеркнута представителями и России, и государств ССАГЗ. Кроме того, российский премьер обсудил со своими коллегами проблему развития двусторонних отношений. Он подчеркнул необходимость развивать связи в различных сферах, прежде всего в экономической области⁷

Результатом визита В. С. Черномырдина стало заключение нескольких соглашений между Россией и странами Залива. Так, Россия и Саудовская Аравия подписали Генеральное российско-саудовское соглашение, предусматривавшее развитие сотрудничества между двумя странами в области экономики, торговли, инвестиций, культуры и спорта. Соглашение предусматривало предоставление на двусторонней

основе режима наибольшего благоприятствования и создание межправительственной комиссии по торговле, экономике, научному и техническому сотрудничеству. Россия и Кувейт, в свою очередь, создали межправительственную комиссию по поощрению капиталовложений и кооперации в информационной области. Был подписан также протокол о консультациях между министерствами иностранных дел обеих стран и разработан оперативный план культурного сотрудничества. Россия и Оман подписали соглашение, целью которого было развитие сотрудничества между двумя странами в области экономики, торговли и технологий. В статье, опубликованной в журнале «Международная жизнь» в 1994 г., отмечалось, что в период с 1992 по 1994 гг. число контактов между официальными представителями России и стран Залива значительно возросло⁸. Причем, как правило, эти представители занимали руководящие посты в правительствах соответствующих стран, что свидетельствовало о том значении, которое придавала Россия развитию отношений с государствами ССАГЗ.

В этот период Россия попыталась наладить и военно-техническое взаимодействие со странами ССАГЗ. В конце 1993 г. Россия и Кувейт заключили соглашение о военном сотрудничестве сроком на десять лет, и оно предусматривало закупку Кувейтом российского вооружения, стажировку и обучение кувейтских офицеров в российских военных академиях, проведение совместных российско-кувейтских военных учений и маневров. Первые совместные маневры с участием военных кораблей обеих стран прошли в акватории Персидского залива в декабре 1993 г. Однако дальнейшая реализация этого соглашения, по сути дела, была заморожена. Российская сторона в то время не располагала достаточными финансовыми средствами для того, чтобы полностью претворить его в жизнь.

На фоне масштабных закупок странами — членами ССАГЗ оружия западного производства поставки российского вооружения и техники в Кувейт и ОАЭ были крайне незначительными. Россия заключила в 1992 г. контракт на поставку в ОАЭ 330 БМП⁹. В 1994 г. она заключила соглашение с Кувейтом, которое предусматривало поставку 100 БМП, а также 30 установок ПВО¹⁰.

Сотрудничество в военно-технической области было продолжено и в дальнейшем, однако оно не стало масштабным и не имело тенденций к быстрому росту¹¹.

Влияние исламского фактора

В первой половине 1990-х гг. государства, входящие в ССАГЗ, начали активно действовать в регионах России с преимущественно мусульманским населением. Они оказывали помощь в возрождении исламских традиций и создании системы мусульманского образования. Кроме того, страны Залива предоставляли стипендии тем мусульманам, кото-

рые хотели получить религиозное образование за рубежом, в частности в саудовском Университете имама Мухаммеда бен Сауда в Эр-Рияде.

Десятки благотворительных фондов, созданных представителями государств — членов ССАГЗ, начали активно действовать на территории России, причем не только в ее мусульманских регионах, но и в Москве, Санкт-Петербурге и других крупных городах страны. При посольстве Саудовской Аравии в Москве был создан специальный исламский департамент для координации деятельности различных исламских организаций в России. Главным направлением деятельности этих организаций было просветительство: распространение Корана и другой религиозной исламской литературы, перевод и составление брошюр, в которых разъяснялись основные положения ислама. Кроме того, они оказывали помощь в организации паломничества по святым местам в Саудовской Аравии, принимали участие в строительстве и реконструкции мечетей.

Процесс исламского возрождения в России привел к созданию политических партий и организаций исламской направленности, которые могли представлять угрозу внутривластной стабильности государства. Вновь возникшие исламские структуры соперничали с традиционными исламскими институтами, существовавшими еще в советский период и сотрудничавшими с властями. Как отмечал известный российский специалист по проблемам ислама А. В. Малащенко, «создание Исламской партии возрождения (наиболее влиятельная исламская организация в России. — *Е.М.*) стало примером того, что ислам стал играть независимую роль в российском обществе». Он также подчеркивал, что «главными критиками ее деятельности стали не официальные структуры, а мусульманская духовная власть, которая опасалась утратить свой престиж»¹².

Благотворительные фонды, главным образом из Саудовской Аравии, а также из Кувейта и ОАЭ, вели свою деятельность среди мусульман России, не принимая во внимание особенности ситуации в стране, а также того факта, что российские мусульмане на протяжении всего советского периода не имели контактов со своими единоверцами в других странах и в значительной степени утратили исламские нормы и ценности. Как отмечал российский исследователь К.И. Поляков, занимавшийся проблемами возрождения ислама в России, «практика исламских благотворительных организаций и фондов из Саудовской Аравии в первой половине 90-х годов XX века приводила к появлению многочисленных проблем. Они не понимали реальностей России, они доверяли бесчестным людям, которые были как-то связаны с исламом. Многие факты подтверждают, что огромные суммы денег, получаемых от саудовских фондов, использовались этими «исламскими активистами» для собственного обогащения»¹³.

В сложной внутривластной ситуации того времени российские власти, особенно региональные, крайне негативно воспринимали активность зарубежных исламских организаций, расценивая ее как вмешательство во внутренние дела России. Кроме того, Русская Православная Церковь также высказывала опасения по поводу усиления связей российских мусульман с международными исламскими организациями и активизации

их роли в российском обществе. Различные политические силы в России стали поднимать вопрос о том, что поддержка исламских организаций из-за рубежа является угрозой дезинтеграции российского государства.

Конфликт в Чечне серьезным образом осложнил отношения между Россией и странами Залива. Политическая элита и общественное мнение в России негативно восприняли контакты между первым президентом провозгласившей независимость Чеченской республики Д. Дудаевым и саудовскими официальными лицами, хотя Саудовская Аравия официально не признала независимый статус Чечни. Кроме того, Саудовская Аравия начала оказывать гуманитарную помощь Чечне и чеченским беженцам в соседних республиках, что также вызывало подозрительность и недовольство в российском обществе. На 7-м саммите Организации Исламская Конференция в декабре 1994 г. представитель Азербайджана при поддержке саудовского представителя инициировал обсуждение чеченской проблемы. В заключительном коммюнике саммита было заявлено: «Мусульмане всего мира с огромным беспокойством следят за развитием ситуации в Чечне». ОИК обратилась к международному сообществу с требованием помочь в достижении мирного решения чеченской проблемы¹⁴. В июле 1995 г. саудовское правительство призвало Россию «воздержаться от применения силы против Чеченской республики» и обратилось к ООН с просьбой вмешаться в эту конфликтную ситуацию¹⁵. Российские власти квалифицировали саудовские действия как вмешательство во внутренние дела страны и угрозу ее территориальной целостности.

В 1995 г., когда началась первая чеченская война, саудовское королевство расширило масштабы помощи, предоставляемой Чечне. Указом короля Фахда бен Абдель Азиза была создана специальная программа по оказанию помощи этой российской республике. Эта программа финансировалась из благотворительных взносов самого короля и возглавлялась влиятельным представителем правящей семьи принцем Абдель Азизом бен Фахдом Аль Саудом. В течение 1995–1997 гг. исполнители этой программы, которые открыли свой офис в Москве, направляли помощь беженцам и жертвам военных действий. Начиная с 1998 г. помощь Чечне осуществлялась под контролем со стороны саудовского Комитета помощи Косову и Чечне, которая была создана по специальному указу короля Фахда и возглавлена принцем Наифом бен Абдель Азизом. Она начала сбор средств по всей стране.

На территории же России Комитет действовал в соответствии с протоколом, подписанным между ним и Министерством по чрезвычайным ситуациям РФ. Согласно условиям этого соглашения, саудовские представители открыли свой офис во Владикавказе. Все поставки гуманитарных грузов осуществлялись под контролем со стороны российских властей. Саудовцы снабжали нуждающихся в помощи граждан Чечни медикаментами, питанием, необходимым оборудованием. Однако активность Саудовской Аравии вызывала недовольство в российском обществе. Появились публикации в прессе, в которых говорилось о негативном саудовском влиянии на мусульманские республики Рос-

сии¹⁶ Кроме того, саудовские благотворительные фонды обвинялись в том, что они оказывают финансовую помощь чеченским боевикам. В статье, опубликованной в газете «Завтра», в частности, Саудовская Аравия была названа виновной в дестабилизации ситуации на Северном Кавказе. В ней говорилось, что главную роль играет ваххабизм — официальная идеология саудовского королевства. На Кавказе экспансионистские действия боевиков финансируются, координируются и регулируются с помощью денег, предоставляемых странами Залива, возглавляемыми Саудовской Аравией¹⁷ Подобная точка зрения получила большое распространение в российском общественном мнении. Образ стран Залива, созданный средствами массовой информации России, конечно же, препятствовал расширению контактов со странами ССАГЗ.

После подписания Хасавюртских соглашений, положивших конец первой войне в Чечне, президент А. Масхадов в 1997 г. и 1998 г. трижды посещал Саудовскую Аравию. Он пытался, но безуспешно, заручиться политической поддержкой со стороны этой влиятельной мусульманской страны. Саудовская Аравия не пошла на признание независимости Республики Ичкерия, она также не поддержала ее стремления стать членом Всемирной мусульманской лиги. Другие государства — члены ССАГЗ также отказались от политической поддержки Чечни. Их умеренная позиция может быть объяснена тем, что они не хотели вступать в открытую конфронтацию с Россией. В то же время религиозные круги этих стран проводили активную пропагандистскую деятельность против России. Они квалифицировали чеченский конфликт как «войну против мусульман». Средства массовой информации России доводили до сведения своих читателей эти оценки. Так, например, в статье, опубликованной в газете «Известия», говорилось, что, с точки зрения саудовского общественного мнения, Россия — это страна, чья армия убивает мусульман в Чечне¹⁸

Негативное влияние чеченской проблемы на развитие отношений между Россией и странами ССАГЗ, конечно же, было очевидным. Это еще раз подтвердила пропагандистская кампания, развернутая в странах Залива в связи с убийством одного из лидеров чеченских боевиков З. Яндарбиева в Катаре в феврале 2004 г., который был направлен в арабские страны для сбора средств для боевиков. По обвинению в совершении убийства были арестованы два представителя спецслужб России. Они были осуждены, но затем, после переговоров между президентом В.В. Путиным и эмиром Катара Хамадом бен Халифой Аль Тани, были переданы российской стороне. В прессе обоих государств появились резкие статьи, обвиняющие политику противоположной стороны. Этот инцидент стал лишним подтверждением того, насколько проблема Чечни имела существенное значение для развития отношений между Россией и странами-членами ССАГЗ.

Неблагоприятный климат для развития двусторонних контактов был также создан из-за того, что Россия приобрела репутацию страны, где широкое распространение получил преступный бизнес, связанный с торговлей наркотиками и проституцией. В ОАЭ преступные россий-

ские группировки действовали достаточно активно, потому что этому способствовали либеральные законы этого транзитного центра между Европой, Ближним Востоком, Северной Африкой и Азией. Аресты преступников из России, скандалы, связанные с деятельностью нелегальных российских компаний, создавали в ОАЭ отрицательный образ России — страны, где власти не способны контролировать внутривнутриполитическую ситуацию. Ослабление внешнеполитической роли России, по сравнению с советским периодом, также было препятствием для налаживания с ней плодотворных контактов. Тем не менее главным в восприятии России общественным мнением стран Залива было представление о ее враждебном отношении к мусульманам.

Основные сферы взаимодействия

Активизация отношений между Россией и странами — членами ССАГЗ наметилась только в 2000 г. Это связано с изменениями внешнеполитической стратегии нового российского президента В. В. Путина. Ее основой стало расширение числа экономических партнеров России и обеспечение ее экономических интересов. В Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной В. В. Путиным 28 июня 2000 г. в отношении региона Ближнего Востока, включая зону Персидского залива, приоритетной задачей России было обозначено «восстановление и укрепление ее позиций, особенно экономических, в этом богатом и важном для наших интересов районе мира»¹⁹ В ноябре 2000 г. российский президент направил своего специального представителя, заместителя директора департамента МИД РФ В. Срединина, с официальными посланиями к лидерам Бахрейна и Катара. В них говорилось о готовности России более эффективно использовать имеющийся потенциал для развития сотрудничества между ней и этими государствами. Затем последовал рабочий визит министра иностранных дел России в Кувейт и Саудовскую Аравию. Его целью было налаживание контактов с этими государствами. Между представителями государств — членов Совета сотрудничества и России происходили регулярные встречи в ООН. В ноябре 2002 г. состоялся визит Генерального секретаря ССАГЗ в Москву для подготовки протокола о политическом диалоге между Россией и ССАГЗ. Эти контакты свидетельствовали о взаимной заинтересованности сторон в развитии сотрудничества. Для российской стороны приоритетными были контакты в экономической сфере, однако развитие ситуации в мире изменило направление ее политики в отношении государств Персидского залива. На первый план вышли задачи координации позиций по актуальным международным и региональным проблемам. Основное внимание российская сторона уделяла отношениям с Саудовской Аравией как влиятельным региональным центром и признанным лидером Совета сотрудничества.

Новый этап во взаимоотношениях Королевства Саудовской Аравии и Российской Федерации начался только после того, как обе страны

стали активными участниками международной кампании по борьбе с терроризмом. 13 мая 2003 г. президент России В. В. Путин, комментируя террористические акты, происшедшие на территории Саудовской Аравии, отметил: «Трагические события в Чечне и Саудовской Аравии могут иметь схожие последствия»²⁰

Контакты между двумя странами налаживались постепенно. Одним из важных стимулов для развития отношений стало стремление России быть представленной в качестве наблюдателя в ОИК. Россия рассматривала Саудовскую Аравию как одно из ключевых государств в мусульманском мире, которое может способствовать реализовать это стремление. Россия стала проявлять интерес к деятельности ОИК, объединяющей 57 мусульманских государств и выражающей интересы мусульманского сообщества, с одной стороны, из-за ее растущего влияния в мире, а с другой — руководствуясь необходимостью улучшить ситуацию в мусульманской среде в России. В конце 2002 г. в Министерстве иностранных дел РФ была создана специальная группа по связям с ОИК. В апреле 2003 г. во время визита в Таджикистан В.В. Путин заявил, что в России живут около 20 млн. мусульман, «они не иммигранты, а граждане нашей страны», и поэтому в известной степени Россия может считаться частью мусульманского мира²¹. Во время официального визита в Малайзию в августе 2003 г. В. В. Путин объявил о желании России быть представленной в ОИК. При этом он еще раз подчеркнул многочисленность российской мусульманской общины. «Я полагаю, — заявил российский президент, — что Россия должна быть представлена в организации Исламская Конференция на первом этапе — хотя бы на уровне наблюдателя»²².

В 2003 г. российский министр иностранных дел И. С. Иванов выступил с заявлением, в котором он подчеркнул: «Мы заинтересованы в том, чтобы наши отношения с Саудовской Аравией развивались в атмосфере взаимопонимания и в интересах обеих сторон». Он также добавил: «Откровенный диалог между двумя сторонами может помочь найти решение любых проблем, если они возникнут»²³

Официальная позиция России в отношении помощи саудовских организаций повстанческим группировкам на Северном Кавказе изменилась. В сентябре 2004 г. нынешний российский министр иностранных дел С. В. Лавров, отвечая на вопрос о возможной причастности Саудовской Аравии к трагическим событиям в Беслане, заявил: «Саудовская Аравия, в свою очередь, является объектом террористических атак. Мы сотрудничаем с Саудовской Аравией в области обеспечения безопасности и борьбы с терроризмом. Она приняла официальное решение запретить какую-либо поддержку террористической активности со своей территории, включая чеченских террористов. Мы не имеем информации о том, что эта позиция изменилась»²⁴

В этой связи принципиально важно подчеркнуть, что позиция Саудовской Аравии в отношении проблемы Чечни также подверглась кардинальным изменениям. В интервью газете «Известия» в начале сентября

2003 г. в то время наследный принц Саудовской Аравии Абдалла бен Абдель Азиз заявил, что «урегулирование затянувшейся чеченской проблемы должно осуществляться мирным путем, через конституционные процедуры в рамках Российской Федерации, исходя из нашего убеждения, что чеченский вопрос — внутреннее дело России»²⁵

Серьезные подвижки во взаимоотношениях двух стран подготовили почву для официального визита в Москву наследного принца (нынешнего саудовского короля) Абдаллы бен Абдель Азиза Аль Сауда. Этот визит состоялся в начале сентября 2003 г. Визиту фактического руководителя саудовского государства (король Фахд был тяжело болен и не способен был исполнять свои обязанности) было придано большое значение и со стороны российских политических кругов, и официальных лиц в саудовском королевстве. Это был первый визит официальной делегации такого высокого уровня после восстановления в 1990 г. саудовско-советских дипломатических отношений.

Необходимость развития взаимодействия между Россией и Саудовской Аравией рассматривалась представителями обеих стран как признание того, что обе они играют важную роль в системе международных отношений и могут рассматривать себя в качестве центров, оказывающих существенное воздействие на решение актуальных проблем мирового развития. В выступлениях саудовских руководителей не раз подчеркивалось, что «Россия остается важным государством в системе международных отношений, и в будущем ее роль на международной арене будет еще более влиятельной»²⁶ В свою очередь, прежний министр иностранных дел России И.С. Иванов называл Саудовскую Аравию страной, которая пользуется большим авторитетом не только в регионе, но и в мире²⁷ Тем не менее вновь возникавшая устремленность обеих держав к развитию взаимодействия ни в коей мере не означала, что каждая из этих держав будет действовать в направлении изменения баланса сил в мире или создания нового блокового объединения, которое будет, в частности, противодействовать деятельности США в качестве единственной сверхдержавы. Эти идеи не раз четко и последовательно выражались и в заявлениях саудовских руководителей, и в комментариях саудовской прессы.

Для саудовской стороны этот вопрос представлял принципиальную важность в свете тех осложнений, которые возникли в отношениях между Саудовской Аравией и США после 11 сентября 2001 г., в частности, потому, что среди 19 террористов, принимавших участие в террористических актах на территории США, 15 были гражданами Саудовской Аравии. Однако призывы к свертыванию отношений с саудовским королевством, прозвучавшие в выступлениях отдельных политических деятелей США и в американских средствах массовой информации, не были поддержаны американской администрацией.

Саудовские руководители отрицали связь между визитом саудовской делегации во главе с наследным принцем Абдаллой в Москву и ухудшением отношений между Саудовской Аравией и Соединенными Штатами. Саудовский министр иностранных дел Сауд Аль-Фейсал на

пресс-конференции, проходившей в Джидде 12 сентября 2003 г., заявил, что «не стоит смотреть на отношения с Россией, как на причину, влияющую на развитие отношений с другой страной». Он подчеркнул значимость России в системе международных отношений и ее растущее влияние на принятие решений по актуальным проблемам мировой политики²⁸ Подходы саудовских руководителей к оценке саудовско-российских связей отталкивались от их понимания нового качества, присущего современному этапу в развитии системы международных отношений. Этот этап, по их мнению, характеризуется не стремлением государств к созданию новых блоков или противоборствующих группировок, а осознанием общности стоящих перед всем мировым сообществом проблем, которые должны решаться при тесном взаимодействии всех акторов мировой политики.

Особое внимание, которое в ходе переговоров между представителями России и Саудовской Аравии в сентябре 2003 г. уделялось актуальным вопросам мировой политики, подтверждает, что согласование позиций обеих стран необходимо рассматривать в контексте развития международных отношений на глобальном уровне, а не пытаться ограничить их только двусторонними отношениями. В центре внимания двух стран было рассмотрение проблемы Ирака как одной из основных проблем мировой политики в тот период. В Совместном российско-саудовском заявлении было отмечено, что «Россия и Саудовская Аравия твердо и последовательно выступают за сохранение независимости, суверенитета и территориальной целостности Ирака»²⁹ Необходимо также подчеркнуть совпадение точек зрения России и Саудовской Аравии по вопросу о необходимости усиления роли ООН в урегулировании иракской проблемы³⁰ Этот подход отразил общность позиций обеих стран по вопросу о характере современных международных отношений.

Поддержание безопасности как на глобальном, так и на региональном уровне является актуальной задачей, решением которой занимаются все ведущие центры мировой политики, поэтому не случайно эти вопросы занимали центральное место в переговорах между официальными представителями России и Саудовской Аравии и в период визита наследного принца Абдаллы. Особое внимание было уделено проблеме международного терроризма, которая в современных условиях представляет собой основную угрозу глобальной безопасности. В Совместном российско-саудовском заявлении отмечалось, что, обсудив угрозу, которую представляет международный терроризм для мирового сообщества, стороны осудили все его формы и проявления. Обе страны выразили решимость наращивать борьбу с терроризмом в соответствии с Уставом ООН и международным правом, включая коллективные усилия, являющиеся эффективным средством противодействия и искоренения терроризма³¹ Они также договорились о создании двусторонней рабочей группы, которая будет заниматься всем комплексом вопросов по противодействию международному терроризму и координации усилий двух стран в этом направлении.

Среди проблем региональной безопасности Саудовская Аравия и Россия уделили особое внимание проблеме ближневосточного урегулирования. Россия и Саудовская Аравия поддержали необходимость достижения справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке на основе резолюций № 242, 338 и 1397 Совета Безопасности ООН, принципа «земля в обмен на мир», принятой на совещании в верхах в Бейруте арабской инициативы, основой которой стала инициатива принца Абдаллы, а также плана «Дорожная карта»³². Они также высказались за полную реализацию международных решений, относящихся к палестинско-израильскому конфликту, и подтвердили право палестинцев на создание независимого суверенного государства со столицей в Восточном Иерусалиме³³. Совместная позиция по ближневосточной проблеме отличалась умеренностью и носила компромиссный характер.

Впрочем, Россия и страны Совета сотрудничества уделяют ближневосточной проблеме особое внимание и ныне, так как они заинтересованы в ее скорейшем разрешении. В ходе рабочего визита президента России В.В. Путина в Катар, который состоялся 12 февраля 2007 г., ситуация на Ближнем Востоке была одной из центральных тем двусторонних переговоров. Эмир Катара Хамад бен Халифа Аль Тани поддержал предложение России о проведении мирной конференции по Ближнему Востоку. Он заявил: «Мы считаем, что наш регион нуждается в помощи, тем более в этой нестабильной обстановке в Ираке и в Палестине, а также в Ливане. Мы считаем, что эти конфликты уже много времени существуют. Мы приветствуем сотрудничество в этом направлении и надеемся, что это найдет отклик у других стран. Мы уверены, что в России будет успех в этом направлении»³⁴.

В то же время во время визита наследного принца Саудовской Аравии в Москву особо была выделена проблема нераспространения оружия массового поражения. В итоговом документе была выражена поддержка идеи превращения ближневосточного региона в зону, свободную от оружия массового поражения, в том числе ядерного³⁵.

Важной сферой взаимодействия России и государств ССАГЗ является нефтегазовое сотрудничество. Среди соглашений, заключенных между Россией и Саудовской Аравией во время визита наследного принца в 2003 г., первостепенное значение имело Межправительственное соглашение о сотрудничестве в области нефти и газа сроком на пять лет. Оно явилось отражением развития процесса глобализации, характерной чертой которой стало создание единого мирового рынка нефти и усиление взаимозависимости между всеми производителями и потребителями этого важнейшего энергетического сырья. Саудовская Аравия и Россия являются крупнейшими производителями и экспортерами нефти, поэтому они заинтересованы в координации своих действий на нефтяном рынке. В Соглашении о сотрудничестве в области нефти и газа предусматривалось в первую очередь обеспечение стабильности мирового нефтяного рынка. Для выполнения этой задачи была подтверждена необходимость постоянных контактов, обмена информацией, взаимодействия

в целях активизации диалога между государствами — производителями и потребителями углеводородных ресурсов, в том числе по линии Международного энергетического форума³⁶. Это — структура, созданная по инициативе Саудовской Аравии для того, чтобы наладить сотрудничество между членами Организации стран — производителей нефти (ОПЕК) и нефтяными государствами, не являющимися членами этой организации, с одной стороны, и потребителями нефти — с другой. Россия не входит в ОПЕК, но активно сотрудничает с этой организацией. Принц Абдалла, в частности, отметил положительную роль, которую сыграла Россия, поддержав инициативы ОПЕК по сохранению умеренных цен на нефть для обеспечения стабильности и равновесия на мировом рынке нефти³⁷

Вопросы координации политики между странами — экспортерами газа рассматривались и во время визита президента России В.В. Путина в Катар, когда эмир Катара внес предложение о создании газового картеля. Он заявил, «что разница между организацией ОПЕК и газовым картелем заключается в том, что ОПЕК может поднять и понизить цены, а газовые контракты — они долговременные, долгосрочные: на 20 лет и больше»³⁸. Реакция российской стороны была достаточно осторожной. Президент Путин подчеркнул: «Я бы не сказал, что мы отвергли предложение о создании картеля. Мы ничего не отвергали — наоборот, я бы сказал, что это интересное предложение. А нужен ли этот картель, будем ли мы его реализовывать — это отдельный разговор»³⁹ Россия не уверена в том, какое положение она может занять в этой планируемой структуре, тем более что с инициативой о создании организации, объединяющей производителей газа, выступил также и Иран.

Нефтегазовая сфера сотрудничества имеет перспективное значение для России и стран Совета сотрудничества, являющихся крупнейшими поставщиками энергетического сырья на мировой рынок.

Соглашение о сотрудничестве в области нефти и газа между Россией и Саудовской Аравией предусматривало, в частности, совместное инвестирование в нефтегазовой отрасли и связанных с ней отраслях двух государств, а также третьих стран. С этой целью стороны обязались содействовать упрощению процедур создания совместных предприятий для реализации проектов в области нефти и газа, согласованных между заинтересованными организациями и предприятиями⁴⁰

Это соглашение может создать условия для более активного участия российских компаний в нефтегазовом комплексе Саудовской Аравии. В то же время некоторые российские компании уже работают на территории королевства. Проекты, которые они начали выполнять, связаны с геологоразведочными работами, а также с участием в финансировании предприятий нефтегазовой отрасли как в Саудовской Аравии, так и в других странах. В январе 2004 г. «ЛУКОЙЛ» выиграл тендер на разработку газовых месторождений на севере Саудовской Аравии. Было создано совместное предприятие ЛУКСАР, 80% акций которого принадлежат «ЛУКОЙЛу» и 20% — саудовской компании АРАМКО. ЛУКСАР подписал с саудовским правительством контракт на 40 лет⁴¹

Расширение деятельности российских нефтегазовых компаний в странах ССАГЗ является перспективным. Подписанный меморандум о взаимопонимании между компаниями «ЛУКОЙЛ» и «Катар-петролеум» является одним из подтверждений этого⁴².

Официальные лица государств ССАГЗ рассматривают Россию в качестве важного стратегического партнера по производству, переработке и экспорту энергоносителей. Они рассчитывают на то, что совместные согласованные действия двух сторон должны способствовать планомерному развитию нефтегазовой отрасли и удовлетворению потребностей мировой экономики в углеводородах.

Во время визита саудовского наследного принца были подписаны также Меморандум о сотрудничестве между Российской академией наук и Центром научно-технических исследований Саудовской Аравии, Меморандум о взаимопонимании между Госкомспортом России и Государственной организацией Саудовской Аравии по делам молодежи в области спорта, Меморандум о сотрудничестве между Торгово-промышленной палатой Российской Федерации и Советом Торгово-промышленных палат Саудовской Аравии. Сфера деятельности этих соглашений касается двустороннего уровня российско-саудовского сотрудничества. Однако содержание этих документов свидетельствует о том, что их значение для обеих стран не представляет первостепенной важности, что подтверждает вывод о том, что развитие контактов между Саудовской Аравией и Россией следует рассматривать прежде всего в контексте их участия в решении проблем, имеющих глобальное измерение.

Состоявшийся 11–12 февраля 2007 г. визит российского президента в Саудовскую Аравию подтверждает это предположение. Список документов, подписанных во время поездки В.В. Путина в Эр-Рияд, включает в себя соглашение об отмене двойного налогообложения, меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в сфере культуры, меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве между Внешэкономбанком, Росэксимбанком и Саудовским фондом развития. Кроме того, было подписано соглашение о сотрудничестве между Саудовским информационным агентством и агентством РИА-Новости, а также межправительственное соглашение о воздушных перевозках. Эти соглашения никак не означают коренного прорыва в экономических связях между двумя странами.

Разумеется, обе стороны подчеркивали и накануне, и в ходе визита российского президента в Эр-Рияд насущную необходимость углубления двусторонних экономических связей. Выступая 12 февраля 2007 г. в саудовской столице на встрече с представителями саудовских деловых кругов, российский президент отмечал, что «в королевстве активно работают компании «ЛУКОЙЛ» и «Стройтрансгаз»». Он призывал расширить «палитру возможностей» двустороннего сотрудничества «за счет металлургической промышленности, атомной энергетики, высоких технологий, за счет совместного участия в развитии транспортной инфраструктуры». Речь шла и об уже существующем российско-саудовском

взаимодействии в космической сфере. Кроме того, российский президент подчеркивал российскую заинтересованность «в притоке инвестиций из Саудовской Аравии»⁴³ Саудовская сторона выразила свою готовность к интенсификации двусторонних взаимодействий в различных сферах. Особую заинтересованность Саудовская Аравия проявила к российскому предложению об ее участии в совместной ядерной программе стран — членов ССАГЗ, о предстоящей разработке которой было объявлено на последнем, состоявшемся в декабре 2006 г. Эр-Риядском саммите этой организации. По заявлению министра иностранных дел королевства С. Аль-Фейсала, эта программа должна стать «образцом того, как ядерная энергия может быть использована в соответствии с условиями и протоколами о нераспространении ядерного вооружения, а также недопущения гонки вооружений»⁴⁴

В свою очередь, в период посещения В.В. Путиным Катара было подписано соглашение о создании Российско-Катарского делового совета. Подобные организации работают в 13 арабских странах, в том числе в ряде стран региона Залива.

Визиты В.В. Путина в Саудовскую Аравию и Катар вновь подтвердили, как это подчеркивалось выше, что вопросы, касающиеся взаимодействия между Россией и странами Залива, не могут быть сведены к проблеме расширения двустороннего торгово-экономического сотрудничества. Для них более принципиален вопрос координации их взаимодействия по проблемам регионального и международного характера.

Позиции России и стран ССАГЗ в отношении Ирака, палестинской проблемы, путей окончательного решения арабо-израильской конфронтации, безопасности в регионе Залива, как и сохранения стабильности в сфере поставок энергоносителей на мировой рынок, совпадают. Вместе с тем это совпадение ни в коей мере не скрывает существования порой глубоких расхождений. Государства ССАГЗ вовсе не считают, например, необходимым немедленный вывод американских войск из Ирака, прекрасно понимая, к каким необратимым последствиям может привести этот шаг не только с точки зрения развития внутрииракской ситуации, но и ее осложнения в связи с неминуемым усилением внешнего вмешательства в эту ситуацию. Высказанная секретарем российского Совета Безопасности И.С. Ивановым в ходе его визита в Иран, состоявшегося в канун поездки российского президента в Эр-Рияд, инициатива России о создании новой, включающей и Иран системы безопасности в Заливе⁴⁵ не встретила какого-либо отклика со стороны государств Совета сотрудничества, которые в обеспечении региональной безопасности опираются на США и страны Западной Европы, опасаясь военного усиления Ирана и, особенно, превращения его в ядерную державу.

Среди государств ССАГЗ особую заинтересованность в развитии отношений с Россией проявляет Саудовская Аравия, которая, учитывая ее внешнеполитическую миссию, направленную на укрепление мусульманской солидарности, стремится к развитию связей с российскими мусульманами. Не случайно, что во время визита официальной российской

делегации в Саудовскую Аравию президенту Республики Татарстан М. Ш. Шаймиеву была вручена «Международная премия им. короля Фейсала за его неустанное служение делу ислама и мусульман»⁴⁶

Оценивая итоги развития взаимоотношений между Россией и государствами — членами ССАГЗ, необходимо отметить, что они находятся на начальной стадии сотрудничества, хотя между ними и существует заинтересованность в расширении взаимодействия, прежде всего в области решения проблем регионального и международного характера, как и мировой экономики.

¹ Брутенц К.Н. Тридцать лет на Старой площади. М., 1998, с. 439.

² Дипломатические отношения с Кувейтом были установлены в 1963 г., Оманом — в 1985 г., ОАЭ — в 1986 г., Катаром — в 1988 г., Саудовской Аравией — в 1990 г. и Бахрейном — в 1990 г.

³ Брутенц К.Н. Указ. соч., с. 368.

⁴ Дипломатический вестник. 1992, № 9–10, с. 18.

⁵ Дипломатический вестник. 1992, № 6, с. 29.

⁶ Касаткин А. Станет ли Ближний Восток российским приоритетом? // Международная жизнь. 1994, № 9, с. 69–72.

⁷ Дипломатический вестник. 1994. № 23–24, с. 9–10.

⁸ Касаткин А. Станет ли Ближний Восток российским приоритетом, с. 70–72.

⁹ The Military Balance 1996/97. The International Institute for strategic studies. L., 1996, с. 127.

¹⁰ Там же, с. 126.

¹¹ По данным SIPRI за 2006 г., ОАЭ заключила контракт с Россией на поставку 50 ракетных систем САМ, однако поставки были перенесены с 2003–2005 гг. на 2005–2006 гг. — SIPRI. Oxford University Press, 2006, с. 352.

¹² Малашенко А.В. Исламское возрождение в России. М., 1998, с. 136.

¹³ Поляков К.И. Исламская составляющая процесса формирования российско-саудовских отношений в 90-е годы XX века. // Король-реформатор. Видение российской интеллигенции. М., 2002, с. 60.

¹⁴ The OIC Declaration. December 29, 1995. — <http://www.oic-oci.com>.

¹⁵ Малашенко А.В. Указ. соч., с. 183.

¹⁶ Так, в газете «Известия» за 3 сентября 2003 г. появилась статья, в которой указывалось, что Саудовская Аравия как родина ваххабизма может создать массу проблем мусульманам России.

¹⁷ Завтра. 4 февраля 2004 г.

¹⁸ Известия. 3 сентября 2003 г.

¹⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации. — <http://www.In.mid.ru>. 12.10.02

²⁰ Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation. — <http://www.In.mid.ru>. January 28, 2003.

²¹ Статья посла по особым поручениям МИД России по связям с ОИК В.В. Попова, опубликованная в «Российской газете» 20 августа 2003 г. под заголовком «Мини-ООН для исламского мира». — <http://www.In.mid.ru>. 28.08.2003.

²² Выступление на встрече с вице-премьером Малайзии А. Бадави. — <http://www.kremlin.ru>, 15.08.2003.

²³ Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation. — <http://www.In.mid.ru>. January 25, 2003.

²⁴ <http://www.kremlin.ru>. May 13, 2003.

²⁵ Известия. 6 сентября 2003.

²⁶ Выступление министра иностранных дел Саудовской Аравии принца Сауда Аль-Фейсала. — Аш-Шарк Аль-Аусат. 3 сентября 2003. — <http://www.asharqalawsat.com>.

²⁷ Стенограмма выступления министра иностранных дел России И.С. Иванова на совместной пресс-конференции по итогам переговоров с министром иностранных дел Саудовской Аравии С. Аль-Фейсалом. Москва, 8 мая 2003 г. — <http://www.In.mid.ru>. 01.07.2003.

²⁸ <http://www.elaph.com>. 14.09.2003.

²⁹ Переговоры с Наследным принцем Королевства Саудовская Аравия Абдаллой ибн Абдель Азизом Аль Саудом. Совместное российско-саудовское заявление. — <http://www.kremlin.ru>. 07.09.2003.

³⁰ Там же.

³¹ <http://www.kremlin.ru>. 07.09.2003.

³² Совместное российско-саудовское заявление. — <http://www.kremlin.ru>. 07.09.2003.

³³ Там же.

³⁴ <http://www.kremlin.ru>. 12.02.2007.

³⁵ Там же.

³⁶ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Саудовская Аравия о сотрудничестве в области нефти и газа, ст. 1. — <http://www.kremlin.ru>. 07.09.2003.

³⁷ <http://www.elaph.com>. 06.09.2003.

³⁸ <http://www.kremlin.ru>. 12.02.2007.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Саудовская Аравия о сотрудничестве в области нефти и газа, ст. 2.

⁴¹ <http://www.mideast.ru>. November 28, 2004.

⁴² Там же.

⁴³ Выступление на встрече с представителями деловых кругов России и Саудовской Аравии. 12 февраля 2007 года, Эр-Рияд. — <http://www.kremlin.ru>.

⁴⁴ Здесь и далее см.: Аль-Амир Сауд Аль-Фейсал: бахасна маа Русия аттаваун фи аль-маджаль ан-нававий ас-сильмий ва ат-таслих (Принц Сауд Аль-Фейсал: мы обсуждали с представителями России вопросы сотрудничества в сфере мирного атома и вооружений). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 15 февраля 2007. — <http://www.asharqalawsat.com>.

⁴⁵ См.: Стенограмма заявления и ответов на вопросы СМИ секретаря Совета Безопасности Российской Федерации И.С. Иванова по итогам переговоров с секретарем Высшего Совета национальной безопасности Исламской Республики Иран А. Ларинджани. Тегеран, 28 января 2007 года. — <http://www.scrf.gov.ru>.

⁴⁶ См.: Аль-Амир Халед Аль-Фейсал юаккид джадара раис Татарстан. Хадим Аль-Харамейн ярья хафль таслим джаиза аль-малик Фейсал аль-алямий (Принц Халед Аль-Фейсал подтверждает, что президент Татарстана достоин. Служитель Двух Святынь руководит церемонией вручения Международной премии им. короля Фейсала). — Аль-Ватан, Эр-Рияд, 12 февраля 2007. — <http://www.alwatan.com.sa>.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЭТНИЧЕСКОГО КУРДИСТАНА

В развитии отношений России и Курдистана можно выделить несколько этапов. Первый из них относится к периоду укрепления российских позиций на Кавказе в XIX в.

После присоединения Закавказья к России в первые десятилетия XIX в. Российская империя стала непосредственно граничить с Курдистаном, ареалом компактного проживания курдов, разделенным между владениями Османской и Иранской империй. Этот этап взаимоотношений России и Курдистана связан с активизацией торговых отношений. Российские купцы были заинтересованы в Курдистане не только как в рынке сбыта, но и как транзитной территории на пути из Закавказья в Переднюю Азию и Иран.

Наиболее успешно русско-курдская торговля велась в Восточном и Северо-Восточном (Иранском) Курдистане, входившим в состав Ирана. К началу XX в. район, расположенный вокруг оз. Урмия и г. Соуджбулака (совр. Мехабад), превратился в крупнейший торгово-распределительный центр русских товаров. Здесь проживало немало курдских купцов, которые посещали Макарьевскую ярмарку (в Нижнем Новгороде) и имели тесные связи с Россией. На базарах г. Сенендеджа свыше 30% всех торговцев имели дело с Россией. Мехабад представлял собой важный перевалочный пункт на торговом пути из Азербайджана в Ирак. Это был центр оптовой торговли. На базаре было сооружено несколько сот складских и торговых помещений и контор для оптовой торговли, а также жилые помещения для купцов и их представителей. Сюда свозились товары, которые скупщики закупали в деревнях. Здесь эти товары перепродавались оптовым торговцам, закупавшим товары для дальнейшей перепродажи купцам по специальности. Большинство курдских купцов были предпринимателями средней руки, имевшими капитал от 500 до 5 тыс. туманов.

Мехабадская торговля была тесно связана с Россией. В 1912 г. из России было вывезено 52% всех экспортных товаров и ввезено 25% мехабадского импорта. Многие из мехабадских купцов бывали в России, близко соприкасались с русской культурой и даже давали своим детям образование в российских учебных заведениях¹

Купцы из России активно действовали в Иранском Курдистане. С каждым годом рос вывоз из Курдистана в Россию местного сырья — адраганта, чернильного орешка, шкур, изюма и пр. Этому способствовало

наличие в Закавказье удобных путей, в том числе и железных дорог. В Иранском Курдистане русские купцы владели крупными земельными участками на правах собственности или долгосрочной аренды. Так, например, в Миандоабе находились поместья предпринимателей Назарбекова и Нагибова. Оживлению русской торговли в Иранском Курдистане содействовали десятки тысяч паломников-шиитов, направлявшихся через Сыккыз, Сенендедж и Керманшах в Кербелу и Наджаф.

В Турецком Курдистане русская торговля была значительно слабее, но и здесь Россия была одним из главных экспортеров. Она вывозила керосин, сахар, железо и изделия из него, посуду, обувь, кожи и т.д.

Итак, к началу XX в. между курдами Иранского и Турецкого Курдистана и Россией установилось обоюдовыгодное торговое взаимодействие. В России начинает проявляться интерес к культуре, верованиям, обычаям и образу жизни курдов, а также важности географического и стратегического положения Курдистана. Туда устремляются многочисленные советники, курдские области усиленно изучаются. В России появляется большое число работ по географии Курдистана: сочинения таких авторов, как А. Жобер, И. Н. Березин, В. Диттель, Н. Ханыков, Ю.С. Карцев и др. Издаются труды, в которых определенное место уделяется истории и этнографии курдов (И. Н. Березина, Х. Абояна, В. Диттеля, П. И. Лерха и др.).

Русский востоковед В. В. Вельяминов-Зернов в 1860–1862 гг. впервые в России осуществил издание персидского текста «Шарафнаме», истории курдов, написанной автором-курдом на персидском языке в XVI в. Он состоял из двух томов: первый том содержал историю курдов, вернее, курдских династий, второй — заключение автора, представляющее летописное изложение событий конца XIII–XVI вв.

Следовательно, на протяжении XIX в. Россия отдавала предпочтение межгосударственным отношениям с Турцией и Ираном, устранившись от вмешательства в борьбу курдов за автономный Курдистан на территории этих империй. В то же время между Россией и Курдистаном развивалось культурное взаимодействие и торговые отношения.

В начале XX в. в России усиливается внимание к исследованию Курдистана. Российская академия наук становится организующим центром изучения истории, этнографии, языка и литературы курдского народа. Важную роль в формировании ее рукописного фонда сыграли консулы, работавшие в Курдистане. Некоторые из них внесли важный вклад в изучение курдов и Курдистана (В. Никитин, В. Минорский и др.). Так, например, вице-консул в Ване С. П. Олферьев считал целесообразным привлечь к России симпатии верховных курдских ханов и дать им возможность «ближе знакомиться с русскими людьми и с политикой России на Востоке»². Вместе с тем географическое расположение этнического Курдистана, его стратегическое положение, а также попытки некоторых недружественных России иностранных держав укрепить свои позиции на его территории побуждали российские политические круги задумываться об определении интересов России в этом регионе.

Российская политика в Курдистане в первой половине XX в. определялась заботой русского правительства о том, чтобы Курдистан не стал плацдармом для агрессивных замыслов Турции и ее возможных западных союзников против русских владений на Кавказе.

В российских дипломатических кругах высказывались различные точки зрения по курдскому вопросу. Одни из них предупреждали об опасности для России создания у самого Кавказа автономного Курдистана, полагая, что «курдские племена — оружие и средство обоюдострое... России выгодно сохранение статус-кво в этом регионе. Другие, напротив, считали более отвечающим интересам России создание автономного Курдистана из всех областей, населенных курдами, входивших в то время в состав Турции и Ирана³. Вместе с тем Курдистан и курдские движения находились в сфере пристального внимания Турции и европейских держав (Великобритании, Франции, Германии).

Турция стремилась к распространению своего влияния в районах компактного проживания иранских курдов. Ее политические деятели пропагандировали идеи объединения Иранского и Турецкого Курдистана. Но это противоречило интересам России. В. Ф. Минорский писал, что «всякая пядь земли, отходящая от Персии к Турции, ускользает от нашего (российского. — *О.Ж.*) экономического влияния»⁴.

Великобритания, США, Германия и Франция стремились создать там барьер на пути проникновения их потенциальных политических и экономических конкурентов в регион и зону Персидского залива, способный обеспечить контроль над региональными и межрегиональными экономическими отношениями. Особенно остро это противоборство наблюдалось между Великобританией и Россией, пытавшимися занять преобладающие позиции в Османской империи и контролировать выход к Персидскому заливу. Одной из важных целей для англичан являлось установление контроля над Мосульской нефтью. Одновременно строились проекты создания на этой территории разветвленной инфраструктуры, позволившей Великобритании осуществлять широкую связь из Индии в метрополию. Поэтому не случайно она старалась закрепиться в Месопотамии и Мосуле, разрабатывая проекты создания «независимого» Курдистана. Однако реализацию ее планов тормозило присутствие в этом же регионе Российской империи, также стремившейся к портам Персидского залива. В связи с этим англичане намеревались создать ей барьер на севере и на востоке Османской империи, препятствующий продвижению России в сторону турецких пределов. Буфером мог служить Иранский (Восточный) Курдистан, который по замыслу англичан предполагалось объединить с Турецким Курдистаном под покровительством Великобритании. Поэтому англичане всячески поощряли стремление курдов к самоопределению.

Иранский Курдистан между тем не представлял собой единого социально-политического целого, поскольку курды сохраняли территориально-племенной принцип расселения. Он состоял из конгломерата курдских ареалов, различавшихся по религии, разговорным диалектам,

жизненному укладу, определявшемуся способом ведения хозяйства. Однако усилия англичан укрепить здесь свои позиции наталкивались на сопротивление России, обладавшей веским политическим и экономическим влиянием на севере Ирана. Российская политическая элита не планировала использование курдов в качестве инструмента своей политики. Ситуация изменилась лишь к 1915 г.

В разгар Первой мировой войны Россия попыталась использовать совпадение своих и курдских интересов для осуществления плана «независимого» Курдистана под протекторатом России. Он должен был стать как бы заслоном на пути европейских держав, стремившихся к нефтяным запасам Кавказа и ресурсам Средней Азии, находившимся в зоне влияния России, испытывавшей серьезные затруднения на фронтах мировой войны. Этим в определенной степени объясняется то, что российское военное командование согласилось на привлечение курдских вооруженных формирований для участия их на стороне России против действий сил германо-турецкого блока на территории Ирана. Так, будучи начальником Экспедиционного корпуса, генерал Н. Баратов заимствовал у англичан и германо-турецкого блока практику использования курдских вооруженных подразделений в военных операциях. К 1917 г. ситуация еще более осложнилась, но Временное правительство не собиралось прекращать войну. Оно намеревалось перейти к решительному наступлению и на Персидском фронте. Российские военно-политические круги усложнили задачу с целью перетянуть курдов, оказывавших поддержку германо-турецкой коалиции, на сторону России. Затем они могли быть использованы в совместных операциях с русскими войсками. Это согласовывалось с представлениями министра иностранных дел Временного правительства П. Н. Милюкова. Он считал, что Россия могла победить в мировой войне и завоевать Константинополь. Поэтому на Персидском фронте было решено объединить курдов любой ценой и использовать их вооруженные силы для борьбы с Турцией. А «независимый» Курдистан на территории Ирана под протекторатом России уже не мог стать плацдармом для экспансии в сторону Кавказа и России.

В Петрограде был разработан план объединения курдов провинций Курдистан и Керманшах в одну административную единицу, возглавляемую губернатором из числа авторитетных представителей курдского народа. Для реализации этой цели сначала требовалось объединение курдов в каждой из упомянутых провинций. Это согласовывалось с заявлениями Временного правительства России о том, что во внешней политике оно будет руководствоваться принципом свободного определения народов и признания требования местного самоуправления⁵

В течение марта 1917 г. после упорных боев с русскими войсками в Иране турки были вынуждены оставить Хамадан и Керманшах и отступить. Русские войска продолжали наступление на турецкой территории южнее Ханакина до Кызыл-Рабата. Временное правительство направило в Иран дополнительные военные силы. Вместе с тем в курд-

ских племенах, враждебно настроенных к России и выступавших на стороне германо-турецкого блока, начал свою работу полковник Г. Захарченко, ранее состоявший при Русской императорской миссии в Тегеране. Его действия были согласованы с персидским правительством, которое направило своему представителю (каргузару) в Керманшах предписание об оказании всевозможного содействия полковнику Захарченко при исполнении возложенной на него миссии.

Тем временем Захарченко готовил съезд курдских вождей. Он вел переговоры с ильхани племени сенджаби-челеби Али-Акбер-ханом и его союзниками, которые поддерживали германо-турецкий блок. Полковник обещал ему, что Россия признает его главенство над всеми керманшахскими курдами и выведет войска из Касре-Ширина, вотчины племени сенджаби. Это вызывало недовольство тех курдских племен, которые ранее сотрудничали с царской Россией. Они обратились к российскому генеральному консулу в Керманшахе барону А. А. Черкасову за разрешением участвовать в съезде племен, организуемом полковником Захарченко. Несмотря на то что Черкасов сомневался в успехе задуманного предприятия, курды (и русофилы, и русофобы) как будто согласились на съезд, но распри между ними не прекращались.

Курдские междоусобицы служили срыву проводимой полковником Захарченко миссии. Этому способствовала и турецкая, и немецкая агентура, стремившаяся усилить межплеменные распри. Они старались щедро одаривать курдских вождей.

Постепенно деятельность полковника Захарченко стала приносить положительные результаты. Вожди племен сенджаби, кальхани, горанкеренди и джаф провели совместный сход, на котором было решено просить российского консула передать персидскому правительству свое послание, в котором они выражали свою любовь и преданность персидскому правительству, готовность постоянно защищать родину и повиноваться всем приказам правительства. В нем также содержались уверения в дружбе к России и обещания помогать ей, так как они «верят, что свободной России не нужны завоевания в Персии»⁶.

Итак, в результате усилий полковника Захарченко и генконсула в Керманшахе А. А. Черкасова курдские племена выразили готовность объединиться под покровительством России.

Важную роль в процессе объединения курдских племен под гарантии России сыграли, очевидно, известия из Петрограда о народном понимании Февральской революции 1917 г. как миротворческой силы, которой вменялось положить конец безумию войны. У курдов поэтому затеплилась надежда на близость вывода русских войск из курдских земель. Действительно, после провала июньского наступления на европейском фронте войны в России все громче стали звучать требования немедленного мира. Но пока ситуация в Юго-Западном Иране оставалась на волосок от столкновений с русскими войсками. Так, Захарченко прилагал максимум усилий для предупреждения таковых, способных снова восстановить курдов против русских, хотя курды использовали

дружбу с русскими в корыстных целях и зачастую игнорировали интересы России.

Несмотря на сложность ситуации в провинции Керманшах, полковник Захарченко решил устроить в начале июля 1917 г. съезд всех курдских племен в селении Чига-Белек в Махидештской долине в присутствии каргузара, исполнявшего обязанности губернатора провинции Керманшах, российского и британского генконсулов и командира корпуса генерала Баратова.

Однако германо-турецкая агентура прилагала усилия, чтобы сорвать программу полковника Захарченко. Это было связано с известиями о том, что германские войска стали теснить русских на Юго-Западном фронте и 6 июля атаковали их в районе Тернополя. Русские армии беспорядочно отступали. Это развзвывало немцам руки и на Персидском фронте. Немцы активизировали свою агитацию среди лояльных курдов, снабжали их оружием, золотом, давали им указания о вооруженных выступлениях против англичан и русских. Курдские племена балансировали между сторонами. Однако вожди племени сенджаби-челеби все-таки согласились участвовать в съезде племен, перенеся место его проведения в селение Биндар.

После проведения огромной работы среди курдских племен Захарченко все-таки удалось добиться от них согласия примириться на основе равенства всех примкнувших к соглашению. Затем были рассмотрены вопросы об организации постоянной комиссии (Русско-курдский комитет) в Керманшахе для разбора недоразумений как между племенами, так и между курдами и русскими войсками; об условиях, на которых племена могли бы взять на себя охрану дороги Керманшах — Касре-Ширин; несколько мелких вопросов, в том числе связанных с распрями между верховными ханами и т.д. Были также выработаны условия взаимодействия и с русскими войсками: курдские ханы выразили желание разработать такие русско-курдские соглашения, которые давали бы право свободного передвижения как русских войск, так и курдского населения. При этом генерал Баратов выразил надежду на стабилизацию взаимоотношений курдов с русскими войсками. Население и ханы за плату по рыночным ценам обязались продавать русским солдатам продовольствие и фураж. Ханы дали согласие выдать 500 курдам средства для охраны дорог.

Аналогичный съезд состоялся и в г. Сенне (Сенендедже) с целью объединения курдских племен провинции Курдистан, в котором участвовали российский и британский консулы.

Между тем началось формирование Русско-курдского комитета. Однако полковник Захарченко, приложивший так много усилий для подписания с курдами мирного соглашения, отказался возглавить работу Русско-курдского комитета и передал эти функции назначенному российским представителем в нем войсковому старшине Шахрох-Дарабу-мирзе, который не обладал необходимыми организационными способностями. Работа этого органа была сорвана из-за распрей курд-

ских ханов по вопросу представительства в нем. Кроме того, иностранная агентура настраивала курдов против сотрудничества с Россией.

В целом проект создания «независимого» Курдистана под протекторатом России во главе с курдским вождем, угодного русским, оказался неприемлемым для курдов. Они выдвинули альтернативный план, согласно которому намеревались объединить зону расселения курдских племен провинций Курдистан и Керманшах под главенством ими избранного вождя. Это территориальное объединение должно было функционировать в рамках иранского государства в условиях максимальной децентрализации и при условии дружественных отношений с Россией, но без ее патронажа. Однако эта программа оказалась несбыточной из-за распри курдских племен, подогреваемых иностранной агентурой. Вместе с тем русские представители все еще тщетно пытались объединить курдов. Вскоре вся эта деятельность была прекращена, поскольку Первая мировая война была завершена, закончились боевые действия на территории Ирана, и иностранные войска были выведены.

После окончания Первой мировой войны судьба Курдистана оказалась в руках стран Антанты. По Севрскому мирному договору 1920 г. Османская империя была расчленена на три части, а курдское население стало составной частью населения Ирака, Сирии и Турции, часть населенных курдами земель отошла к Армении.

Позиции курдов, однако, были достаточно четки: они искали пути обретения собственной независимости без иностранной опеки. Идеи свободы и национального самоопределения полностью совпадали с традиционными по своей сути представлениями курдских наследственных вождей и находившихся под их диктатом простых курдов о курдской независимости без иностранного вмешательства. Любая сила, поддерживавшая эти взгляды, рассматривалась ими как их потенциальный союзник и друг. В числе последних оказалась и Советская Россия, поскольку решение большевиков вывести русские войска из курдских земель, признание права наций на самоопределение вплоть до отделения импонировали курдам.

Политика Советского Союза по курдскому вопросу была особой и специфичной. Признание Советским Союзом права наций на самоопределение вплоть до образования независимого государства, а также ленинские принципы национального строительства, поддержка национально-освободительных движений и некоторые иные принципы выработали у курдов положительное восприятие Советского Союза⁷. Тем не менее отношение к национальным движениям, в том числе и курдскому, ставилось советским руководством в прямую зависимость от государственных интересов страны и ее безопасности. Так, например, во время Второй мировой войны, когда Германия рассчитывала использовать курдов против Великобритании и СССР, немцам не удалось убедить иранских курдов племен милан и джелали действовать против Советского Союза. Советское правительство поддержало курдское национально-освободительное движение, ослаблявшее правящий режим в Иране.

Оно становилось надежным союзником в укреплении позиций СССР на Ближнем и Среднем Востоке. Подавляющее большинство курдов Северо-Западного Ирана, заняв четкие антифашистские позиции, выражали дружественное отношение к Советскому Союзу. Они помогали продвижению советских войск в Иране — предоставляли проводников, разоружали иранские жандармские и армейские подразделения и пр. Просоветской ориентацией отличался популярный вождь шеккаков Сартиб-ага. Он неоднократно жертвовал крупные суммы в фонд победы над Германией, открыто заявлял, что опыт СССР должен служить примером в борьбе курдов за достижение независимости. Узнав о разгроме немецких войск под Сталинградом, Сартиб-ага переименовал в честь победы Красной Армии свою родную деревню в окрестностях города Резайе в «Сталинград»⁸

Дислокация советских и британских войск в Иране во время Второй мировой войны служила гарантом стабильности региона. У курдов забрезжила надежда на создание в Иранском Курдистане очага курдской государственности. И действительно, в 1946 г. на территории, вблизи которой находились советские войска, была создана свободная от контроля иранских властей зона, так называемая Мехабадская республика, в которой началось формирование местных органов власти и управления. Однако вывод из Ирана советских войск летом 1946 г. под нажимом США и Англии решил судьбу первой в истории курдской автономии: она была раздавлена правительственными войсками. Возглавлявший мехабадскую гвардию легендарный курдский полководец Молла Мустафа Барзани перешел со своим отрядом на советскую территорию⁹

Начавшаяся «холодная война» не благоприятствовала развитию курдского движения. Естественным союзником курдов был «социалистический лагерь» во главе с Советским Союзом, но его возможности на ближневосточном направлении были ограничены: в то время ему приходилось занимать оборонительные позиции.

Молла Мустафа Барзани, вернувшись после революции 1958 г. в Ирак из СССР, куда он в свое время эмигрировал, вновь встал во главе иракских курдов, а в 1961 г., после того как конфликт с пришедшими к власти в Багдаде арабскими националистами стал необратимым, поднял вооруженное восстание, которое продолжалось с перерывами до 1975 г.¹⁰ Начавшийся в эти годы кризис советской власти способствовал тому, что курдская проблема вышла из поля внимания советских политических кругов. Москва заняла инертную позицию в курдском вопросе, несмотря на призывы научных и общественных кругов СССР уделить зарубежным курдам какое-то внимание.

Итак, Россия и при царизме, и в советский период всегда стремилась ладить с курдами. Дружественные отношения курдов как для царской, так и для советской России были нужны в основном для обеспечения безопасности закавказской границы и для воздействия на Турцию и Иран, особенно в периоды обострения региональных и глобальных конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке.

Ситуация в Западной Азии стала существенно меняться в 90-е гг. XX в., когда Соединенные Штаты воспользовались распадом Советского Союза для перехвата политического приоритета в ряде регионов, в том числе и на Ближнем и Среднем Востоке. Они обещали иракским курдам предоставить независимый статус Курдскому автономному району (КАР). При этом бывший СССР потерял свое влияние на курдское национальное движение.

Вместе с тем внешняя политика новой демократической России основывается на уважении суверенитета и территориальной целостности Ирака, максимальном учете прав всех населяющих его народов независимо от их вероисповедания. Она выражает свое негативное отношение к иностранному вмешательству в дела КАР в Ираке, высказывается за политическое решение курдского вопроса в регионе в целом через общенациональный диалог, который способен обеспечить национальные права и самобытность курдов, их полновесную автономию в составе единого иракского государства.

После распада СССР Россия перестала непосредственно граничить с Курдистаном. Кроме того, нестабильная ситуация в Ираке, застой процесса федерализации страны, отсутствие Федеративного соглашения между субъектами федерации, наличие «горячих точек» вблизи территории КАР (неразрешенность проблемы Киркука, пограничных сложностей с Турцией и Ираном и др.) существенно осложняет установление широкомасштабных связей между Россией и КАР как одним из стабильных регионов Ирака. Вместе с тем наличие обширной курдской диаспоры в России не может оставить ее безучастной к судьбе курдского народа стран, поделивших этнический Курдистан. Между курдами и народом России существует взаимное расположение и обоюдное желание расширения разнообразных контактов между Россией и Курдистаном.

Таким образом, отношения России и Курдистана прошли несколько этапов своего развития. Их начало связано с установлением торговых взаимоотношений. Их развитию способствовал ряд благоприятных факторов — наличие общих границ, хорошие подъездные пути к центрам торговли, функционирование железной дороги на кавказской территории, взаимоприемлемые таможенные и ценовые условия и пр. Эти контакты способствовали установлению культурного взаимодействия между Россией и Курдистаном. Российские интеллектуальные круги обратили внимание на наличие богатой и разнообразной культуры курдов и приступили к ее изучению. Было также обращено внимание и на положение российских курдов (переселившихся из Турции после русско-турецкой войны 1877–1878 гг.), от чего во многом зависели отношения с их зарубежными сородичами. В то же время активность иностранной агентуры в курдских районах Турции и Ирана, а также замыслы Османской Турции завоевать области, граничащие с владениями России, пробудили в российских военно-политических кругах политический интерес к Курдистану. Однако российские дипломаты, работавшие в начале XX в. в Турции и Иране, справедливо предупреждали,

что недооценка в России курдской проблемы используется западными державами.

Действительно, вплоть до Первой мировой войны в России не было четкой и определенной линии в курдском вопросе. Политика в завоеванных русской армией районах Курдистана, взаимоотношения с курдскими племенами и крупнейшими вождями были предоставлены отдельным воинским начальникам и консулам. Только в конце декабря 1915 г. великий князь Николай Николаевич, наместник на Кавказе, издал директиву об общих основах политики по отношению к курдам, согласно которой поощрялось установление связей с ними с целью заручиться поддержкой виднейших курдских вождей. В конце Первой мировой войны была предпринята попытка активизации «курдской политики» России в Иране в связи с операциями на Кавказе и оборонительной тактики против турецких захватов иранской территории. Однако попытки объединить две провинции Ирана с компактным курдским населением под эгидой России не увенчались успехом как из-за распрей курдских вождей, так и из-за принципиальных расхождений в подходе по вопросу о курдской независимости.

Важным был этап взаимоотношений курдов с Советским Союзом, который, однако, не проявлял политической активности в Курдистане, несмотря на то, что сами зарубежные курды выражали симпатии и питали надежды на покровительство и помощь СССР в решении курдской проблемы. Это определялось убежденностью курдов, что Советский Союз (а ранее и царская Россия) не имел корыстных замыслов относительно Курдистана. Они высоко ценили ту моральную поддержку, которую оказал СССР иранским курдам в создании Мехабадской республики в 1946 г. Несмотря на краткосрочность ее существования, курды до сих пор ежегодно отмечают ее годовщину. Современные курдские авторы подчеркивают, что ее феномен был и остается предметом изучения многих курдских историков и исследователей, ищущих ответы на вопросы о будущем Курдистана сквозь призму истории. Они рассуждают о его будущем как о независимом суверенном государстве, которое может быть образовано путем консенсуса с режимами стран региона и путем мирного переговорного процесса¹¹.

Следует также отметить, что иракские курды не ставили вопрос об отделении Иракского Курдистана после установления в 1991 г. решением Совета Безопасности ООН «зоны безопасности» севернее 36-й параллели, свободной от присутствия иракских войск и администрации. Там курды приступили к выборам демократическим путем новых органов власти. Все это происходило под лозунгом «Курдистану — полную автономию» в составе иракского государства. Такая линия курдского движения поддерживалась Советским Союзом, а затем и Российской Федерацией, хорошо понимавшими, к каким негативным последствиям для Ближнего Востока мог привести в то время территориальный развал Ирака¹².

После американской военной операции в Ираке в 2003 г. в курдском движении стали наблюдаться сильные сепаратистские настроения.

Вашингтон встал перед дилеммой: либо поддерживать такие настроения и тем самым расчленить Ирак на части, либо, на что и нацелились США, сохранить Иракский Курдистан в составе иракского государства в расчете на то, что удастся опереться на курдов в отстаивании своих интересов. К тому же поддержка настроений по созданию самостоятельного курдского государства могла бы привести США к серьезным противоречиям с их союзником по НАТО Турцией.

Несмотря на то что население Иракского Курдистана высказалось в поддержку независимости Курдистана, опора курдов на США, как представляется, не означает решения курдской проблемы.

После того как перестал существовать Советский Союз, роль его преемницы — Российской Федерации — на Ближнем и Среднем Востоке сократилась, но события последних лет показывают нацеленность Москвы на более активное участие в решении ближневосточных проблем, в том числе и курдской проблемы. Курдские общественно-политические круги осознают неконструктивность своей ориентации только на один центр в складывающемся многополярном мире. Они сохраняют выработанный веками в их сознании позитивный имидж России, не замышляющей агрессивных действий на Ближнем и Среднем Востоке, и склонны развивать с ней многосторонние отношения.

¹ Вильчевский О.Л. Курды Северо-Западного Ирана. Тифлис, 1944, с. 42–43.

² Лазарев М.С. Курдистан и курдская проблема. М., 1964, с. 164.

³ Там же, с. 165.

⁴ АВПРИ, ф. 144, оп. 488, д. 4640, 1911, л. 2.

⁵ АВПРИ, ф. 194, оп. 528в, д. 51, 1917, л. 42.

⁶ АВПРИ, ф. 194, оп. 528в, д. 39, 1917, л. 23.

⁷ Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос (1923–1945). М., 2005, с. 246.

⁸ Жигалина О.И. Национальное движение курдов Ирана 1918–1947 гг. М., 1989.

⁹ Eagleton W. The Kurdish Republic of 1946. L., 1963.

¹⁰ Примаков Е.М. Ближний Восток на сцене и за кулисами. М., 2006, с. 324–338.

¹¹ Mufid Abdulla. Republic of Mehabad 61st Anniversary: many lessons to learn. — <http://kurdistanobserver.servehttp.com/jan2007/23-1-07-opinion-mufid-republic-of-mehabad.html>

¹² Примаков Е.М. Указ соч., с. 335.

РОССИЯ И ИРАКСКИЕ КУРДЫ

Политика России по отношению к Иракскому Курдистану в 1990-х гг. во многом совпадала с позицией США, направленной на бессрочное замораживание «иракской проблемы», и определялась до свержения Саддама Хусейна нефтяными интересами России. Россия, для которой цены на нефть являются жизненно важными, не заинтересована в выходе иракской нефти на мировые рынки. Цена же российской нефти Uralс («Юралс») зависела в значительной степени от политики Ирака. Российская высокосернистая нефть сходна по качеству с иракским сортом Kirkuk. Между тем высокосернистое сырье ни в Европе, ни в Америке по экологическим соображениям широко не используется. Поэтому экспорт иракской нефти влияет главным образом на цену российской нефти.

Этот фактор обуславливал заинтересованность России в ограничении поставок иракской нефти на мировые рынки. Поэтому, заключив «выгодные контракты», используя политическую позицию России, направленную якобы на избавление Ирака от «несправедливых санкций», крупные российские нефтяные компании не спешили приступать к разработке месторождений, ссылаясь на существующий в отношении Ирака режим эмбарго. Главным для них было за столбить за собой иракские месторождения. Все это вызывало возмущение иракских властей, грозивших на протяжении нескольких лет аннулировать контракты с российскими компаниями. Так, например, еще в середине 1999 г. иракские власти устами министра нефти страны Амера Рашида пригрозили «ЛУКОЙЛу» пересмотром соглашения, «так как российская сторона не выполняет взятых на себя обязательств». Ведь контракты с российскими нефтекомпаниями были подписаны в первую очередь для того, чтобы Россия предприняла политические усилия для снятия системы санкций против Ирака, так как было хорошо известно, что российские технологии не могли конкурировать с западными и могли прижиться в Ираке лишь благодаря политическим факторам.

Ирак надеялся, что заключение крупных контрактов с российскими компаниями вынудит Россию защищать его интересы. В Багдаде считали, что санкции — вещь преодолимая. Как заявлял в феврале 2003 г. и.о. министра нефти Ирака Самир Абдельазиз Эн-Неджим, «Россия может воспользоваться ст. 50 Устава ООН, если санкции ограничивают развитие ее экономики». Однако совершенно очевидно, что такая крупная и ведущая международную деятельность компания, как

«ЛУКОЙЛ», вряд ли пошла бы на нарушение режима санкций ООН, чтобы попасть в американские «черные списки». Понимая, что «ЛУКОЙЛ» так и не начнет реально работать в Ираке, Багдад не разрешал участвовать этой компании в 11-й и 12-й фазах программы «Нефть в обмен на продовольствие», хотя «ЛУКОЙЛ» подавал заявки на участие в программе.

Кроме того, именно режим санкций и программа «Нефть в обмен на продовольствие» предоставили России возможность активно участвовать в продаже иракской нефти. Выбор иракскими властями российских нефтекомпаний в качестве партнеров по программе обуславливался в первую очередь именно политическими мотивами. В других условиях российским компаниям было бы сложно выдержать конкуренцию со стороны западных гигантов-нефтекомпаний.

Старший сын Саддама Хусейна Удэй, являвшийся одним из влиятельнейших иракских политиков, заявлял даже, что российские нефтяные фирмы являются «прикрытием» американских и британских нефтекомпаний и работают «на их фронте». Он считал, что в немалой степени это обусловлено еврейским происхождением владельцев этих нефтекомпаний. А вице-президент Ирака Таха Ясин Рамадан заявил даже: «Эту компанию («ЛУКОЙЛ». — *Н.М.*) мы считаем американской, она только по названию российская».

В то же время наивно полагать, что в российском МИДе не понимали, что за щедрыми предложениями Багдада стояло желание спровоцировать американо-российскую конфронтацию для возможной игры на противоречиях. Руководители России ни в коей мере не ставят под сомнение отношения с США из-за иракской проблемы. В этом смысле весьма примечательно сделанное 28 января 2003 г. президентом России В.В. Путиным заявление во время визита в Киев: «Мы не со всем согласны и выступаем против некоторых решений США. Но качество наших отношений не позволяет нам скатиться до конфронтации».

Россия понимала также, что получить 7 млрд. долл. долга с одного из самых милитаристских режимов не совсем реально, поэтому действовала ради реальной выгоды на нефтяных рынках. А после свержения баасистского режима ситуация с российским долгом Ирака и вовсе стала запутанной. США предложили России списать этот долг, сделав жест доброй воли, и внести таким образом свой вклад в восстановление Ирака. В итоге значительная часть долга была списана.

Следует отметить, что иракские власти понимали нефтяную логику российской политики. Заместитель министра нефти Ирака Фаиз Шахин в июле 2001 г. признавал, что «...многим, России тоже, выгодно прекращение иракского (нефтяного. — *Н.М.*) экспорта — цены-то растут. Иракская нефть Kirkuk похожа на российскую Urals», хотя и утверждал, что «из-за санкций против нас Россия больше теряет... Однако при росте цен на нефть Россия получала реальные деньги, а так называемые «потери», о которых говорили иракцы, больше напоминали химеру, являясь инструментом политической пропаганды.

Поэтому, поняв, что «ЛУКОЙЛ» так и не начнет разработку иракских нефтяных месторождений, в конце 2002 г. иракские власти под предлогом невыполнения российской нефтекомпанией взятых на себя обязательств и проводимых ею переговоров с США о соблюдении своих интересов после свержения режима Саддама Хусейна окончательно расторгли контракт с ней. Более того, заявив, что это решение бесповоротно, Багдад одновременно заявил о готовности допустить к своей нефти английские и американские компании, если США и Великобритания прекратят давление на Ирак.

Таким образом, политика США, направленная на отгорожение иракской нефти от мирового рынка, отвечала интересам других стран-нефтеэкспортеров, в том числе и России. Поэтому неудивительно, что российские власти ограничивались заявлениями об удовлетворенности «уровнем контактов с Ираком» и заверяли иракских партнеров, что «Россия последовательно будет отстаивать позицию Ирака, в том числе в ООН», и «делать все возможное» для снятия санкций. Однако на деле Россия как постоянный член Совета Безопасности ООН регулярно поддерживала их продление, а США проводили нужные им резолюции. В Москве прекрасно понимали, что Багдад не может быть препятствием на пути российско-американского партнерства или альтернативой ему, а может быть лишь фактором торга с США. Так было и при «сверхпрозападном» Козыреве, и при «патриотичном» Примакове, и при «прагматичном» Иванове, и будет продолжаться всегда. Менялась лишь риторика МИДа, но не содержание реальной политики. «Иракская политика» России определялась не геополитическими, а экономическими, главным образом нефтяными, интересами. Что же касается громких заявлений известных российских популистов, то они вписывались в контекст политики МИДа как средства пропаганды для поддержания интереса Багдада к Москве. Даже один из лидеров ЛДПР А. Митрофанов заявлял: «В свое время Советский Союз ставил на арабов... Теперь все изменилось. СССР нет, социалистического лагеря нет, *арабы — наши конкуренты на рынке энергоносителей* (курсив наш. — Н.М.)». Совершенно очевидно, что в немалой степени это относится к Ираку.

Министр финансов России А. Кудрин в январе 2003 г., когда в ожидании военной акции против Ирака цены на нефть держались выше 30 долл. за баррель, совершенно открыто признал, что Россия «снимает сливки» с цен на нефть. Почти все в России убеждены, что перманентный рост доходов бюджета и Стабилизационного фонда, о чем так часто говорит правительство, обусловлен высокими ценами на нефть. Последние же в некоторой степени были обусловлены и «иракским фактором».

В этом смысле южнокурдистанский лидер Джалал Талабани совершенно справедливо сетовал, что политика Москвы обусловлена «коммерческими интересами»¹, можно добавить — нефтяными интересами, в которых курдам не было места.

Поэтому вызывают удивление заявления Джалала Талабани и Масуда Барзани об игнорировании Москвой курдов. Так, Масуд Барзани

в интервью «Независимой газете» в конце 2001 г. отмечал, что курдам «все-таки хотелось бы, чтобы Москва больше учитывала нынешние реалии страны»² (Ирака. — *Н.М.*), хотя, в общем-то, довольно-таки сомнительно, что в Москве и в МИДе не понимали сложившихся «иракских реалий». Почти то же самое заявлял глава Демократической партии Курдистана (ДПК) ранее в интервью «Известиям»: «Несмотря на свою поддержку Ирака, Россия может и *должна* (курсив наш. — *Н.М.*) смотреть на курдский вопрос, учитывая факт десятилетнего существования курдской администрации на севере Ирака»³ Не менее бесполезными являлись и утверждения Масуда Барзани, что Россия «не уделяет никакого внимания курдской проблеме, полностью игнорирует Курдистан»⁴ и «курдский вопрос»⁵, хотя «это не в интересах России (как будто курды понимают, в чем состоят интересы России, лучше российских властей. — *Н.М.*), ведь мы рядом»⁶ или: «...в высшей степени в интересах России — не отказываться от поддержки курдов»⁷ То же самое можно сказать о Джалале Талабани, заявлявшем: «Российское правительство проводит неправильную (*wrong*) (?! — *Н.М.*) политику, игнорируя курдский народ»⁸ или: «...сотрудничая только с Саддамом, Москва игнорирует иракский народ. Сегодня российская политика в Ираке очень недальновидна. (...) Это повредит интересам России»⁹

Россия проводила именно *такую* «курдскую» политику, причем *осознанно*. Тем более Россию, впрочем, как и все другие страны, не беспокоило положение *иракского народа*. В этом контексте невозможно не отметить, что подобные оценки курдских лидеров ни в коей мере не способствовали возникновению интереса России к курдам. В Москве, по-видимому, не могли не вызывать раздражение (а может быть, и смех над наивностью курдов) поучения курдов об интересах России. Создавалось впечатление, что курдские политики считали, что они более осознают и заботятся об интересах России, чем российские дипломаты, МИД и президент страны, осуществляющие именно *такую* политику.

В этой связи весьма примечательны заявления курдских политиков нового поколения, ведущих активную дипломатическую деятельность, в частности председателя правительства Курдистана Нечирвана Барзани. Он не «поучает» Россию, как часто любят делать традиционные курдские лидеры, об ее интересах и о том, как она должна себя вести. С сожалением отмечая факт безразличия постсоветской России к курдам, воздавая должное помощи Советского Союза и выражая готовность делать все для налаживания российско-курдистанских отношений, молодой курдский премьер вполне конкретно дает понять о вполне официальных отношениях иракских курдов с Западом и столицами Ближнего и Среднего Востока. Новые курдские лидеры не просят Россию «обратить внимание на курдский вопрос», понимая, что их призывы в Москве будут проигнорированы. Для иракских курдов безразличие России, безусловно, является крайне прискорбным фактом, однако они не делают из этого трагедию. Они готовы разговаривать с российскими коллегами языком цифр и совместных взаимовыгодных экономических проектов.

К сожалению, миф и вера в то, что Россия обязательно «вернется» (в качестве мировой державы) в Курдистан, широко распространен и среди российских курдоведов.

По-видимому, в Курдистане многим представляется, что единственной позицией курдских политиков, особенно южнокурдистанских лидеров, имеющих более или менее определенные позиции среди западных стран и проводящих переговоры на самом высоком уровне с лидерами США, европейских и ближневосточных государств, в отношении Москвы может быть «ответное безразличие».

Разговоры о «традиционном участии России в курдском вопросе и исторической дружбе русского и курдского народов», возможно, для некоторых курдских политиков действительно являются искренними, однако у прагматической современной российской дипломатии они не вызывают никакого сочувствия. Курды должны перестать «учить Россию понимать собственные интересы». Возможно, ответное безразличие курдов к России может способствовать действительно некоторому повороту к ним Москвы (что мы наблюдаем в последнее время). В международной политике, помимо очевидных глубинных стратегических интересов, немалое значение, как и в личных отношениях, играет психологический момент. Назойливые и поучающие «предложения о сотрудничестве» имеют лишь раздражающий эффект. Сегодня иракским курдам есть с кем сотрудничать, а их определенная легитимность в международном масштабе несомненна.

Кроме того, еще одним важнейшим фактором являются личные пристрастия российских дипломатов. Специалисты по Ближнему и Среднему Востоку, как правило, являются арабистами, туркологами и иранистами. Получая образование и формируясь в подобных условиях, они рассматривают курдский вопрос сквозь «арабскую, турецкую и иранскую (персидскую) призму». Связи с изучаемой страной, которая не признает курдов, ограничивают их отношения с курдами. Дипломат никогда не сделает никаких осуждающих (даже справедливых) заявлений в отношении тех стран, куда он может поехать представлять свою страну. Поэтому единственным реальным способом формирования хотя бы на гуманитарном уровне, условно говоря, прокурдского дипломатического лобби в России может стать подготовка дипломатов-курдоведов. Российское курдоведение же, как известно, «подкармливается остатками с барского стола» туркологии, арабистики и иранистики. Если упомянутые отрасли российского востоковедения довольно динамично развиваются в немалой степени благодаря полноценной системе подготовки кадров с 1-го курса университетской скамьи, то российская курдология, олицетворением которой является Сектор курдоведения Института востоковедения РАН (преимущественно исследующий социально-политические аспекты курдского вопроса) и Группа курдоведения Санкт-Петербургского отделения ИВ РАН (в основном специализирующаяся в области филологии и литературоведения), подпитывается выходцами из смежных, а иногда и далеко не смежных наук. В ны-

нешней ситуации «безразличия» России к курдам талантливым молодым востоковедам неинтересен курдский вопрос, что может обернуться крахом курдологии в России. Ведь, как известно, наиболее интенсивно развиваются те направления регионо- и страноведения, которые интересны внешнеполитически, что, кстати, и подтверждает взлет курдоведческой науки в 60-х и 70-х гг. XX в. Поэтому не исключен упадок российского курдоведения при весьма радужных перспективах развития курдологии на Западе (особенно в США).

Более 40 лет назад один из основоположников отечественного курдоведения К. Курдоев писал: «Курдоведение из подчиненной отрасли иранистики выделилось в самостоятельную область востоковедения, которая ставит своей целью решение больших проблем языка, литературы, истории и этнографии курдского народа и подготовку соответствующих кадров по этим областям науки»¹⁰. Однако не исключено, что в недалеком будущем курдоведение лишится уровня самостоятельной области в российском востоковедении и будет представлено в основном одиночками, да и то, возможно, преимущественно патриотически настроенными курдами, позиция которых нередко прокурдски ангажирована. Если в СССР статус ученого любого направления автоматически означал высокий уровень жизни, то в современной России уровень доходов и, соответственно, жизни ученых значительно ниже. Поэтому популярными являются именно те направления, в которых можно сделать карьеру и по которым можно налаживать официальные связи. Российской курдоведение может иметь перспективы лишь в случае предоставления этой отрасли востоковедения возможности сделать карьеру, т.е. если курдский вопрос будет интересен руководству страны внешнеполитически.

Хотя возможно, что для России совершенно неадекватно не иметь базу подготовки дипломатов-курдоведов, хорошо знающих курдскую проблему и многомиллионный народ (что совсем не означает необходимости поддержки Россией курдов), этот вопрос, очевидно, решается исходя из предпочтений российского МИДа. Между тем практическое применение на первых порах вновь подготовленным дипломатам-курдоведом могло бы найтись в Иракском Курдистане, где еще в конце 1990-х гг. предполагалось открытие российского дипломатического представительства (с разрешения Багдада).

Следует отметить, что российская дипломатия еще в 90-е гг. имела все возможности для налаживания отношений с курдами, и иракские власти не противились этому. В апреле 1998 г. тогдашний посол России в Ираке Н. Каргузов провел в Южном Курдистане трехдневные политические консультации с лидерами ДПК и Патриотического союза Курдистана (ПСК). А несколькими месяцами ранее, в конце 1997 г., в Москве политические консультации с членами Политбюро ДПК Сами Абдурахманом и Хошияром Зибари проводил зам. министра иностранных дел России. Отмечались также контакты представителей ДПК и ПСК с российскими дипломатами в сопредельных странах. Так, напри-

мер, 4 августа 1998 г. в Тегеране состоялась встреча Джалала Талабани с дипломатом российского посольства в Иране, а представитель ДПК в Дамаске Гази Зибари в июне 2001 г. принял первого секретаря посольства России в Сирии.

Важно, что эти контакты не вызвали раздражения в Багдаде, который приветствовал бы усилия России в процессе арабо-курдского урегулирования в Ираке. Поездка Н. Каргузова в Курдистан, очевидно, происходила с ведома и согласия центральных властей, которые, традиционно осуждая представителей США, посещающих Иракский Курдистан, не сделали в адрес российской делегации никаких негативных заявлений.

Однако, и это следует подчеркнуть, нередко курды выдавали желаемое за действительное в российской политике. Так, в середине 2001 г. на сайте ПСК было размещено сообщение, в котором говорилось, что «представитель РегПК (Регионального правительства Курдистана. — Н.М.) в Москве Шорш Халид на встрече с депутатом Госдумы С. Митрохиным обсудил роль России в усилиях по приостановлению этнических чисток, насильственной депортации и политики арабизации, осуществляемых иракским режимом ...Г-н Митрохин выразил... солидарность с курдским народом». Это короткое сообщение о встрече «представителя РегПК» с «рядовым» депутатом Государственной Думы России сопровождалось совершенно неуместным заголовком, что якобы Россия выступает против арабизации Киркука. Хотя, как уже известно, и это прекрасно знает, например, нынешний премьер в Сулеймании Бархам Салих, являвшийся с 1991 по 2000 г. представителем ПСК в США, тогдашний постоянный представитель России в ООН С.В. Лавров всячески противился осуждению ООН арабизации Киркука и Ханекина. Странно, что представители ПСК за российскую позицию принимали заявления одного из депутатов Госдумы, а не действия и заявления, например, представителя России в ООН.

Кроме того, следует отметить также крайне отрицательные заявления в адрес России Джалала Талабани. Лидер ПСК неоднократно критически оценивал политику России по отношению к Багдаду и иракским курдам. Так, например, после вторжения в августе-сентябре 1996 г. иракских войск по «приглашению» Масуда Барзани в Эрбиль и отказа России (вместе с Китаем и Францией) поддержать проект резолюции ООН, предложенной США и Великобританией, осуждающей вторжение правительственных войск на территорию «зоны безопасности», Талабани в интервью агентству Франс Пресс из Дубая (ОАЭ) заявил, что «политика России основывается на безнравственных принципах и определяется лишь коммерческими интересами». Соглашаясь с тем, что политика России «определяется коммерческими интересами», трудно назвать эту политику «безнравственной», скорее наоборот — это и есть (с точки зрения российских властей, которые преследуют собственные интересы, а не интересы Талабани) самая правильная политика. Заявление лидера ПСК, что «Россия находится под влиянием иллюзий, что,

поддерживая Саддама Хусейна, она сможет вернуть свои иракские долги»¹¹, вряд ли соответствует действительности. Просто Россия предпочитала Ирак курдам, а США Ираку. Позднее Джалал Талабани также неоднократно заявлял, что «российское правительство ведет ошибочную политику в отношении курдов»¹², видимо так и не сумев смириться с курсом России, в котором курдам нет места.

Трудно согласиться также с Масудом Барзани, который в интервью газете «Время новостей» в мае 2003 г. (т.е. уже после свержения Саддама Хусейна) заявил, что Москва ошибалась, делая «ставку только на режим Саддама»¹³. В любом случае не Масуду Барзани учить российские власти, какую политику должна проводить Россия, ее президент и МИД по отношению к Ираку, и в частности к иракским курдам.

В том же интервью Масуд Барзани, отвечая на вопрос корреспондента: «Разве представители России не встречались с оппозицией, в том числе и с курдскими партиями?», метко отметил: «Это были пустые, несерьезные встречи»¹⁴. Эта фраза весьма точно характеризует взаимоотношения курдов с Россией.

Начавшиеся после завершения «антитеррористической кампании» в Афганистане разговоры о ее распространении на Ирак не могли не затронуть вопроса о месте курдов в предполагаемых операциях. Своё отношение к этому выразили и российские спецслужбы. В начале февраля 2002 г. «Независимая газета» опубликовала статью¹⁵, в которой заявлялось, что, по прогнозу «источников в российской военной разведке», «в роли Северного альянса выступит курдское меньшинство в этом регионе».

В том же ключе российские «дипломатические источники» спустя несколько недель сделали «вброс» информации в газету «Аль-Хайят», которая сообщила (со ссылкой на них), что США направили 40 военных инструкторов на территорию курдской администрации. При этом, как писала арабская газета, российские дипломаты выражали надежду, что оба курдских лидера — Барзани и Талабани — будут действовать разумно, чтобы не ввязываться в военную акцию против Саддама Хусейна, хотя США и уговаривают их (вместе с Турцией) принять участие в операции¹⁶. Хотя месяцем раньше российские «военно-дипломатические источники» сообщали, что американцы уже договорились с «курдскими коммунистами», на которых они и сделают ставку.

Представитель информационного бюро ПСК резко и категорично опроверг напечатанную в «Аль-Хайят» информацию российских источников о присутствии в Курдистане 40 американских военных советников, назвав ее «полностью фальшивой». При этом он выразил удивление «ролью российских государственных источников в распространении сведений, которые являются чистой дезинформацией, нанося вред интересам народа Курдистана и традиционно дружеским отношениям между российским народом и Курдистаном». По словам представителя ПСК, «к сожалению для нас, российские правительственные источники пытаются фабриковать новости для удовлетворения Багда-

да». По мнению ПСК, «нынешняя российская политика полностью игнорирует справедливые интересы народа региона Курдистан и Ирака. Вместо этого она (российская политика. — *Н.М.*) является циничной и оппортунистической и направлена на поддержку тоталитарного багдадского режима в обмен на большие коммерческие контракты, подаренные иракским правительством»¹⁷

В декабре 2002 г. Иракский Курдистан посетил посол России в Ираке В. Титоренко, который провел переговоры с премьерами Нечирваном Барзани и Бархамом Салихом. Российский посол в очередной раз осудил попытки США осуществить свержение Саддама Хусейна, а также назвал решения Лондонской конференции иракской оппозиции заговором, направленным на «свержение легитимного правительства Ирака». На встрече с Бархамом Салихом Титоренко высказал опасение по поводу возможной гражданской войны в Ираке. В ответ на это Б. Салих пригласил его в лагерь беженцев с территорий, контролируемых иракскими властями, и сказал, что «гражданская война уже идет». Более того, Б. Салих призвал Россию вместе с США и Великобританией патрулировать север от 36-й параллели и участвовать в построении демократического Ирака.

Подобная позиция российской дипломатии не могла найти понимания у лидеров Южного Курдистана. Фактически российский посол обвинял их в участии в заговоре против «легитимного правительства Ирака» и выражал недовольство политикой иракских курдов.

В начале 2003 г. Москву посетил сопредседатель парламента Иракского Курдистана Рож Нури Шавеш, прошедший встречи в Госдуме, МИДе и МЧС. Он просил оказать курдскому региону гуманитарную помощь. По-видимому, курды пытались хотя бы как-то вовлечь Россию в иракские дела. Однако Россия осудила политику США в отношении Ирака и военную кампанию.

Подобная политика вызывала недовольство США и не нашла поддержки у южнокурдистанских лидеров, которые после отказа Турции предоставить свою территорию американским войскам для осуществления военной операции против Ирака стали важнейшими военными союзниками американцев.

По-видимому, с подачи США тогдашний премьер-министр сулейманийского РегПК Б. Салих во время своего визита в середине марта 2003 г. в Вашингтон, непосредственно перед началом переговоров с американскими официальными лицами, заявил, что нефтегазовые контракты Франции и России, подписанные с Ираком, не останутся в силе. «Новое иракское правительство не будет признавать эти контракты, подписанные вопреки интересам иракского народа. Новое иракское правительство не должно уважать тех, кто поддерживал диктатора», — подчеркнул он¹⁸.

7 июля 2003 г. с рабочим визитом в Москву прибыл лидер ПСК Дж. Талабани. Он был принят министром иностранных дел России И. Ивановым. На встрече обсуждалась преимущественно иракская проблема-

тика. Как сообщал веб-сайт МИД России, «в ходе беседы с обеих сторон была подчеркнута необходимость обеспечения суверенитета и территориальной целостности Ирака, уважения прав всех его этноконфессиональных групп, становления демократии и политического плюрализма. Талабани заявил на встрече, что «ПСК и другие общественно-политические силы Иракского Курдистана выступают за весомый вклад России в политическое и экономическое возрождение Ирака» А министр иностранных дел России «подтвердил неизменную позицию России в поддержку справедливого демократического решения курдского вопроса в рамках единого иракского государства»».

После свержения баасистского режима позиция России в целом не изменилась. В Ираке были созданы новые органы власти, принята конституция. Однако все решения по Ираку принимались в Вашингтоне, даже несмотря на то, что некоторые из них одобрялись в ООН. Российские представители время от времени делали не имеющие никакого значения заявления, поскольку для российской внешней политики Ирак имел периферийное значение. Еще более периферийное, если не сказать никакого, значение имели для России курды. Хотя, начиная с формирования новых органов власти в Ираке, российские официальные лица не раз встречались с видными курдскими деятелями (Дж. Талабани, Х. Зибари), переговоры шли преимущественно лишь об Ираке, так как эти курдские лидеры являлись иракскими официальными лицами. Так, можно упомянуть о встречах Дж. Талабани и Х. Зибари с официальными лицами России во время их визитов в Москву соответственно в качестве председателя Временного управляющего совета и министра иностранных дел Ирака, о встрече Дж. Талабани с президентом России В. В. Путиным на сессии Генассамблеи ООН в Нью-Йорке и т.д.

29 марта — 2 апреля 2004 г. во время пребывания в Багдаде по поручению министра иностранных дел России посол по особым поручениям С.В. Кирпиченко встретился с рядом ведущих иракских политиков, в том числе и с курдами. Российский дипломат «имел беседы с председателем Временного управляющего совета Ирака М. Барзани и его членами — А. Хакимом, Дж. Талабани, А. Аляуи, А. Пачачи, Ю. Канной. Состоялась также встреча с представителем Временной коалиционной власти (ВКВ)». При этом в сообщении МИД России отмечалось, что «в ходе бесед были рассмотрены вопросы политической обстановки в Ираке и возможные пути ее стабилизации», а также «с российской стороны подчеркивалась заинтересованность в скорейшем восстановлении суверенитета Ирака при ведущей и самостоятельной роли ООН, обеспечении его территориальной целостности, формирования органов власти, выражающих законные интересы всех иракцев»¹⁹

В июле 2005 г. после формирования органов власти Иракского Курдистана (начало работы парламента, избранного 30 января 2005 г., и президента Курдистана) Курдистан посетил посол России в Ираке В. Чамов. Он посетил Дохук и Эрбиль. Выступая 20 июля в Дохукском университете, российский посол заявил, что Россия готова установить

с курдской администрацией тесные взаимоотношения, особенно в сфере образования, науки и экономики. В. Чамов и ректор Дохукского университета доктор Эсмет Мухамед Халид выразили готовность установить обмен студентами между Курдистаном и Россией. Кроме того, посол заявил о желании России открыть в Эрбиле консульство²⁰. 21 июля В. Чамов посетил Эрбиль, где также заявил о желании России открыть в курдской столице консульство²¹. Следует отметить, что курдские информационные агентства, в частности близкое к ДПК агентство Reuampeg, сообщали, что якобы российский посол заявил о готовности России открыть в Эрбиле «посольство»²², хотя опытный российский посол не мог заявить такое, прекрасно понимая, что в одной стране не может быть два посольства.

На встрече с членами политбюро ДПК В. Чамов заявил, что «российское правительство желает установить тесные отношения с народом Курдистана во всех областях». Высокопоставленный представитель ДПК Фазыл Мирани высоко оценил значение исторических связей курдов с Россией и выразил благодарность за списание 90% долга Ирака²³.

24 июля В. Чамов встретился с министром реконструкции эрбильского РегПК. Курдский министр предложил российским фирмам начать активно работать в Курдистане, который, с точки зрения безопасности, весьма выгодно отличается от остальной части Ирака. Российский посол заверил курдского министра, что дипломаты проинформируют российских бизнесменов и инвесторов об экономических достижениях в Курдистане²⁴. Примечательно, что ничего не сообщалось, был ли принят В. Чамов президентом Курдистана Масудом Барзани.

С одной стороны, визит российского посла в Курдистан, как и любого другого высокопоставленного лица, имеет позитивное значение для курдов, с другой стороны, значение этого визита не стоит переоценивать. Это был не первый визит посла России в Курдистан, однако и на этот раз никакого прорыва в отношениях фактически не произошло. Точно так же Курдистан посещали и посещают послы других стран, и курдские информационные агентства даже с большим интересом передают сообщения о посещении Курдистана, например, послами Сенегала или Чехии, которых принимает президент Курдистана Масуд Барзани, нежели России. Поскольку в Курдистане прекрасно понимают, что поездка российского посла в Курдистан фактически ничего не изменит в южнокурдско-российских отношениях, в то время как, например, посол Сенегала на встрече с Масудом Барзани передал ему официальное приглашение сенегальского руководства посетить эту африканскую страну, а Чехия предполагает осуществить в Курдистане различные экономические проекты. В конце ноября 2005 г. Масуд Барзани принял посла Чехии в Ираке Петра Возницу, который объявил о том, что в 2006 г. Чехия предполагает открыть в Эрбиле консульство для установления прямых отношений с курдским правительством. Кроме того, П. Возница заявил о желании чешских компаний принять участие в реализации инфраструктурных проектов в Курдистане. Для этого Чехия предполагает открыть в Эрбиле отделение своего торгового представительства.

Российские дипломаты не устают повторять, что позиция России по отношению к ситуации в Ираке, точнее — «иракскому кризису», почти полностью совпадает с позицией Турции. Не вдаваясь здесь в подробности турецкой позиции по отношению к проблеме Ирака, нельзя не отметить, что в Южном Курдистане эта позиция рассматривается как антикурдская.

В одном из своих выступлений в начале 2004 г. посол России в Турции П. Стегний заявил, что «в целом российская сторона с удовлетворением констатирует близость или совпадение основных позиций Москвы и Анкары по вопросам иракского урегулирования и решения ключевых региональных проблем»²⁵ При этом российский посол имел в виду последовательное выступление «против применения силы без соответствующих санкций Совета Безопасности ООН». По мнению П. Стегния, свержение баасистского режима разрушило два треугольника стабильности — внешний (баланс во взаимоотношениях регионального трио: Саудовской Аравии, Ирана и Ирака) и внутренний, под которым имелся в виду «слом второго, внутрииракского треугольника стабильности, основанного на этноконфессиональной структуре, веками складывавшегося баланса сил и интересов между шиитами, суннитами и курдами». П. Стегний полагает, что слом «внутрииракского треугольника стабильности» может иметь весьма «серьезные последствия» и лишь «время покажет, насколько эффективно удастся решить в новых условиях программу обеспечения внутренней стабильности в Ираке»²⁶ Безусловно, российский посол абсолютно прав в том, что позиции России и Турции в части озабоченности «сломом внутрииракского треугольника стабильности» совпадают. Однако совершенно очевидно, что в Южном Курдистане эта позиция рассматривается как антикурдская. Поскольку так называемый «внутрииракский треугольник стабильности» (по крайней мере, для курдов) представлял собой тотальное господство суннитов, отсутствие возможности равномерного (пропорционального) представительства основных этноконфессиональных групп, которое обеспечивалось военной диктатурой, жесточайшим применением силы, уничтожением сотен тысяч мирных жителей, позиция приверженцев такой стабильности не может найти понимания у курдов. В новом Ираке курды являются одними из основных победителей и ни за что не согласятся на восстановление стабильности «по Стегнию» или «России и Турции».

В выступлении перед турецкими аналитиками российский посол почти полностью солидаризировался с региональным антикурдским фронтом. По словам П. Стегния, «мы понимаем озабоченности Турции, Сирии и Ирана в отношении нарастающих центробежных сил в самом Ираке. Хочу еще раз подчеркнуть, Россия всегда выступала за незыблемость территориальной целостности Ирака и исходит из того, что любые проявления сепаратизма могут привести к непоправимым последствиям и цепной реакции в регионе»²⁷ Как известно, «озабоченности Турции, Сирии и Ирана» состоят в разворачивании антикурдской

истерии и попытках воспрепятствовать демократическому эксперименту в Южном Курдистане (по крайней мере, с точки зрения курдов).

Курдские лидеры считают, что изменение российской позиции по отношению к Ираку и курдам вряд ли возможно. Поэтому время от времени они выступают с резкой критикой позиции России. Так, в сентябре 2005 г. Дж. Талабани в интервью российским СМИ заявил следующее: «Я считаю, что сегодня Россия смотрит на Ирак сквозь призму отношений с США, а вам нужно выстраивать хорошие отношения непосредственно с этим правительством, с этим парламентом, с легальными партиями, с политическими группами. Например, Россия заявляет: “Американские войска должны быть выведены из Ирака”. Представьте себе, что завтра они уходят. И что дальше — гражданская война. Кто помешает Ирану захватить юг Ирака? Кто помешает Турции под лозунгом защиты туркоманского меньшинства в Киркуке войти на север страны? Кто помешает Сирии? Нет, Россия проводит нереалистическую политику, отражающую недружественное видение ситуации в Ираке... Это заставляет нас смотреть на вас с подозрением.

Россия должна пересмотреть свою политику в Ираке. Пусть Россия будет другом новому режиму... Я считаю, что российская политика должна быть пересмотрена»²⁸.

Интервью Талабани примечательно по следующим причинам. Фактически курды признали, что Ирак, в том числе и иракские курды, сам по себе России неинтересен. Россия — не Советский Союз и не страдает глобальным мессианизмом. Для России Ирак является одним из аспектов во взаимоотношениях с США и с точки зрения состояния мировых нефтяных рынков. И сколько бы курдские лидеры ни советовали России выстраивать хорошие отношения с новым правительством Ирака и быть «другом новому режиму», Россия вряд ли изменит свою политику. Примечательно, что хотя Талабани в данном случае выступал в качестве иракского лидера, фактически он выражал точку зрения иракских курдов. Ведь арабские руководители Ирака с подобными заявлениями не выступают.

Примечательно, что 21 января 2006 г. на церемонии подписания в парламенте Курдистана соглашения между Масудом Барзани и Джалалом Талабани о создании единого РегПК присутствовали послы всех стран — членов Совета Безопасности ООН, за исключением России, и Ирана.

Однако подобная политика России не исключает, что в связи с желанием многих стран налаживать связи с Южным Курдистаном, ставшим одним из важнейших центров иракской политики, в том числе и открытием представительств либо даже дипломатических миссий, Россия также решит примкнуть к этому процессу.

19 апреля 2006 г. Масуд Барзани в своей резиденции в Салахэддине принял высокопоставленную делегацию МИД России — посла по особым поручениям Сергея Кирпиченко и посла России в Ираке Владимира Чамова. Согласно сообщению Kurdistan TV, впервые рос-

сийские дипломаты заявили о желании открыть в Курдистане (в Эрбиле) российское консульство. С. Кирпиченко заявил на встрече, что целью визита является рассмотрение вопроса о возможности открытия российского консульства в Эрбиле, что откроет новую страницу во взаимоотношениях между Курдистаном и Россией. Курдский президент обещал оказать всю необходимую помощь для открытия в столице Курдистана российского консульства и призвал российские компании активнее действовать в Курдистане. В сообщении говорилось также, что российский посол по особым поручениям заявил о якобы изменении политики президента Путина по отношению к Курдистану и выразил надежду, что Масуд Барзани окажет содействие в этом процессе²⁹

Вызывает сомнение, что якобы российские послы заявили об изменении политики Путина. Зная курдские СМИ и их свойство нередко выдавать желаемое за действительное, можно легко предположить, что некоторые заявления российских дипломатов по меньшей мере преувеличены. Примечательно также, что на сайте МИД России информации о встрече российских дипломатов с Барзани не было.

Следует отметить, что Россия планирует также открыть консульство в Басре.

Некоторое изменение политики России (желание открыть два консульства — в Курдистане и на шиитском юге) свидетельствует о желании Москвы играть более важную роль в иракской политике, а возможно, и быть готовым к самому разному развитию ситуации в Ираке (например, его распаду).

Однако курдские власти весьма скептически относятся к роли России в Ираке. По словам президента Курдистана М. Барзани, «Россия сегодня не играет никакой роли в Ираке. У России нет никакого влияния на ситуацию». При этом Масуд Барзани отметил следующее: «Я бы посоветовал россиянам выбрать эффективную силу, на которую они могли бы опереться в Ираке. Не надо делать ставку на тех, у кого нет влияния на будущее страны»³⁰ По-видимому, М. Барзани пытается намекнуть России сделать ставку на курдов для усиления своего влияния в Ираке. Примечательно, что, несмотря на то что «Россия выступала против войны в Ираке и поддерживала хорошие отношения с Саддамом, мало общаясь с пришедшей сейчас к власти оппозицией», М. Барзани считает, что это не должно сказаться на интересах российских компаний и не надо «сводить счеты за прошлое»³¹. При этом президент Курдистана признает, что главными друзьями курдов являются сегодня американцы³².

В своем интервью газете «Время новостей» Масуд Барзани в апреле 2006 г. заявил, что при подходящих условиях и соответствующем приглашении он «с удовольствием бы посетил» российскую столицу³³ Однако пока президент Курдистана получает приглашения лишь из других мировых и региональных столиц.

¹ Talabani condemns Russia, France, China for defeat of UN resolution // Dubai, September 7, 1996 (AFP).

² См. интервью с Масудом Барзани. Спиридонова Н. Иракские курды устали от войны. Они стремятся к созданию федерации с Багдадом // Независимая газета, 02.11.2001.

³ Дунаев В. Мой отец встречался с Никитой Хрущевым // Известия, 8.02.2001.

⁴ См. интервью с Масудом Барзани. Супонина Е. Масуд Барзани: Ни к чему провоцировать Ирак // Время новостей, 15.11.2001.

⁵ Спиридонова Н. Иракские курды устали от войны // Независимая газета, 02.11.2001.

⁶ Супонина Е. Масуд Барзани: Ни к чему провоцировать Ирак // Время новостей, 15.11.2001.

⁷ Дунаев В. Мой отец встречался с Никитой Хрущевым // Известия, 8.02.2001.

⁸ Talabani to Russian newspaper: «Russia should remember that there is no future for dictatorship» // Kurdistan Newline, # 12, November 23, 1999.

⁹ Супонина Е. Джаляль Талабани: «Россия потеряет в Ираке всё» // Время новостей, 02.08.2000.

¹⁰ Курдоев К.К. Развитие советского востоковедения // Ученые записки Института востоковедения. Т. XXV. М., 1960, с. 67.

¹¹ Talabani condemns Russia, France, China for defeat of UN resolution // Dubai, September 7, 1996 (AFP).

¹² См. интервью Дж. Талабани. Супонина Е. Иракские курды отблагодарят друзей. «России неплохо бы вспомнить, что диктатуры не имеют будущего» // Время МН, 10.11.1999.

¹³ Супонина Е. Масуд Барзани: «Ирак останется единым» // Время новостей, 07.05.2003.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Георгиев В. Война в Ираке начнется в сентябре. Союзниками США в борьбе против стран-изгоев выступят курдские коммунисты // Независимая газета, 06.02.2002.

¹⁶ См. по: Russia claims US military personnel are in Kurdistan // The Kurdistan Observer, March 2, 2002; Джаляль аль-Машта. Россия подстрекает Ирак «спутать карты» США // Восточная политика. Дайджест «восточной прессы». 28.02.2002; «Аль-Хайят». www.eastclub.ru.

¹⁷ PUK Spokesman Rebuts Russian Disinformation Story // Kurdistan Newline, March 3, 2002, Sulaimani.

¹⁸ Walker M. Barham Salih in Washington for Talks With Senior Bush Administration. Kurd PM: French, Russians to lose Iraq oil // Washington, March 14, 2003 (UPI).

¹⁹ О поездке посла по особым поручениям С.В. Кирпиченко в Багдад // Сообщение для печати [на сайте МИД России] 02.04.2004.

http://www.in.mid.ru/Brp_4.nsf/ark/B9256799A9E47117C3256E6A002FE171?OpenDocument

²⁰ Balyozê Rûsîya serdana bajarê Duhokê dike (Посол России выступил в городе Дохуке) // Peyamner.com, 20.07.2005.

<http://www.peyamner.com/article.php?id=16785&lang=latin>.

²¹ Russia to open embassy in Kurdish capital // Peyamner.com, 21.07.2005.

²² Об этом говорилось, например, и в сообщении Peyamner и на курдском языке (Balyozê Rûsîya serdana bajarê Duhokê dike // Peyamner.com, 20.07.2005. <http://www.peyamner.com/article.php?id=16785&lang=latin>), и на английском языке (Russia to open embassy in Kurdish capital // Peyamner.com, 21.07.2005).

²³ Russia to open embassy in Kurdish capital // Peyamner.com, 21.07.2005.

²⁴ Russian companies invited to Kurdistan // Hewler Globe, 26 July 2005, no 16.

²⁵ Выступление посла России в Турции П.В. Стегния на тему «Развитие ситуации в регионе и российско-турецкие отношения» в ходе заседания Центра стратегических исследований «POL SAR». Анкара, 23 января 2004 г. //

<http://www.turkey.mid.ru/hron/hronika17.html> (веб-страничка посольства России в Турции). О совпадении «российских и турецких оценок нынешней ситуации в Ираке» см. также, например, интервью официального представителя МИД России А.В. Яковенко корреспонденту Московского бюро турецкой газеты «Hurriyet» Н. Хаджиоглу, 21 февраля 2004 г. на веб-страничке посольства России в Турции: <http://www.turkey.mid.ru/hron/hronika22.html>. Глава российского внешнеполитического ведомства И.С. Иванов также отмечал, что «позиции России и Турции» по ситуации в Ираке «практически совпадают». (Интервью ИТАР-ТАСС заместителя премьер-министра, министра иностранных дел А. Гюля. Москва — Анкара: Многогранное партнерство // Агарков В., Тихонова И. ИТАР-ТАСС, Анкара, 11.03.2004. См. по: <http://www.turkey.mid.ru/hron/hronika36.html>).

²⁶ Выступление посла России в Турции П.В. Стегния на тему «Развитие ситуации в регионе и российско-турецкие отношения...».

²⁷ Там же.

²⁸ Кудряшов Н. Политика России отражает недружественное видение ситуации. Президент Ирака — специально для «Ъ» // Коммерсантъ, 12.09.2005; Serokê Iraqa Federal: Rûsya siyasetekî dostayetî sebareta Iraqê pêre nake (Президент Ирака: Россия не проводит по отношению к Ираку дружественную политику) // Peyamner.com, 13.09.2005.

<http://www.peyamner.com/article.php?id=21640&lang=latin>.

²⁹ См. по: Ambassadorê Rûsyayê dibêje welatê wî dê konsolosxaneyê xwe li Hewlêrê veke (Российский посол заявил, что его страна откроет в Эрбиле консульство) // Nefel.com, 19.04.2006.

http://www.nefel.com/articles/article_detail.asp?RubricNr=1&ArticleNr=1167 (курд. яз.); President Barzani welcomed Russian Foreign Ministry delegates. // Kurdistan TV, 20.04.2006. <http://www.kurdishaspect.com/doc420107.html>.

³⁰ Супонина Е. Масуд Барзани: Курдистан стоит на море нефти // Время новостей, 21.04.2006.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

КУРДСКИЙ ВОПРОС В РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ

С развитием событий вокруг Ирака и изменением политической ситуации на Ближнем Востоке в целом курдский вопрос в Турции перерос из узкострановедческого интереса в проблему, которая становится одной из определяющих на этом геополитическом пространстве. Она имеет первостепенную важность и для внутренней жизни Турции, ибо неясная перспектива создания независимого Курдистана беспокоит руководство страны, и особенно ее генералитет, возможностью развития центробежных тенденций в курдском этноареале Турции. В 1993 г. на заседании Совета Европы в Дании были приняты так называемые «Копенгагенские критерии», выполнение которых для Турции открывало двери для возможного вступления в ЕС. «Курдский вопрос» занимал в этих условиях особое место. Следование Турцией «Копенгагенским критериям» способствовало выполнению важных социально-политических преобразований в деле снятия напряженности в межэтнических отношениях в стране. В отличие от стран Евросоюза, которые последовательно критикуют Турцию за промедление в вопросе нормализации отношений в межэтнической сфере, США использовали и продолжают использовать «курдский фактор» в стране для достижения своих стратегических целей в этом регионе. Достаточно сказать, что проблема турецких курдов мало интересовала США вплоть до 2002–2003 гг., когда их эмиссары стали активно проводить консультации с представителями Партии рабочих Курдистана (ПРК), встречаясь с ними в Кандильских горах на иракской границе. Этот факт заметно сказался на охлаждении отношений Турции и США, что и выразилось в отказе Турции предоставить американцам свою территорию для проведения операции против Ирака.

Что же касается России, то ее официальные круги считают эту проблему внутренним делом самой Турции. Во многом на нерешительности формулировок сказывается и тот факт, что в России имеется большая курдская диаспора. Несмотря на это, позиция России в отношении курдского вопроса в Турции никогда не отличалась последовательностью, а сам «курдский фактор» нередко использовался для достижения тех или иных сиюминутных политических целей.

Очевидным остается тот факт, что с развалом СССР сторонники Партии рабочих Курдистана потеряли мощного союзника. Их апелляция к классовой солидарности, представлявшая идеологический симбиоз на-

ционализма и социализма, перестала быть актуальной. Отсутствие мощного идеологического партнера заставило апочистов искать новые ориентиры для создания платформы своего движения. Однако идея так называемого «демократического федерализма», предложенная А. Оджаланом и подразумевающая создание некоего надгосударственного образования в районе компактного проживания курдов, представляется достаточно идеалистической.

Отношение в России к курдской проблеме неоднозначное. В прессе ПРК зачастую называется террористической организацией. Но в общественном сознании россиян достаточно крепко укоренился образ «пламенных борцов за освобождение своего народа», который сформировался еще в советское время. При этом среди проживающих в России курдов имеется часть, ориентированная на ПРК, занимающихся политической пропагандой. В свое время контакты представителей политической элиты России с руководством ПРК носили неофициальный характер. Связи апочистов с Россией в 90-е гг. ограничивались в основном контактами с представителями ряда политических сил, таких как КПРФ и ЛДПР, и не выходили на государственный уровень, тем более что как таковой «курдской политики» у современной России никогда не было.

В 1992 г. между Россией и Турцией был подписан договор о дружбе, где признавалась территориальная целостность двух государств. Однако с начала 90-х гг. Москва была довольно обеспокоена тем, что сразу после распада СССР Турция начала активно форсировать распространение своего политического влияния на страны Средней Азии и Закавказья, становясь новым геополитическим конкурентом России на этом пространстве, находящемся к тому же на перекрестке основных энергетических «трафиков». Турция, которая занимала откровенно проазербайджанскую позицию в карабахском конфликте, активно поддерживала идеи осуществления проектов строительства альтернативных энерготранспортных магистралей. Принятый в 1993 г. проект строительства трубопровода Баку — Тбилиси — Джейхан вызвал неоднозначную оценку России. Этот проект подразумевал транспортировку азербайджанской и казахской нефти на Запад и рассматривался в России как вызов ее статусу в прикаспийском регионе и препятствие на пути торговли российской нефтью. Хотя главный конфликт в связи с проектом возник у России с соответствующими постсоветскими государствами, он косвенно затронул и российско-турецкие отношения. С другой стороны, действовавшие на востоке Турции курдские повстанцы являлись мощным фактором дестабилизации в этом регионе, и в Анкаре отчетливо понимали, что реализация важного для Турции экономического проекта будет невозможна без обеспечения стабильности в этом регионе. Это заставило президента Т. Озала искать пути политической легализации курдской оппозиции. Возможно, это была первая попытка цивилизованно договориться с повстанцами, выступавшими за создание на востоке страны курдского государства. При посредничестве Джалала Талабани, руководителя Патриотического союза Курдистана, действующего в Ираке, проводились секретные переговоры гражданских

властей с представителями повстанцев. Видимо, результатом таких переговоров стала договоренность об отказе от создания независимого Курдистана на востоке страны. В ответ на эту уступку Озал предложил робкую (с оглядкой на военный генералитет страны) попытку легализовать курдскую оппозицию. Была создана партия, куда вошли умеренные сторонники ПРК, которые в коалиции с социал-демократической партией вошли в парламент. Однако смерть Озала в 1993 г. приостановила переговорный процесс. Пришедшие к власти после его смерти политические элиты в лице представителей Партии верного пути, таких как Сулейман Демирель и Тансу Чиллер, занявший пост премьер-министра страны, по-прежнему предпочитали разговаривать с курдами на языке пушек.

1993 г. стал переломным в отношениях курдских повстанцев с властями страны. Реальная возможность перемирия была упущена, и Абдулла Оджалан принялся активно искать союзников за рубежом. Очень непростые отношения ПРК с иракским Патриотическим союзом Курдистана, возглавляемом Талабани, заставили его искать поддержки в европейских странах. Во многих странах Европы к этому времени действовали и вели активную пропагандистскую деятельность курдские организации, ориентированные на ПРК. При этом 1993 г. стал годом и начала полномасштабной войны с повстанцами на востоке страны. Властями Турции ставилась задача полной ликвидации апочистов.

В России в этот период в политических кругах активно обсуждалась проблема курдов, высказывались мнения о возобновлении отношений с ПРК и укреплении таким образом влияния России в регионе. А что касается отношений с Турцией, то нужно сказать, что наряду с интенсификацией торгово-экономических связей геополитические интересы Турции и России в конце XX в. диаметрально не совпадали. Турецкие спецслужбы активно поддерживали сепаратистов в Чечне, а в российских политических кругах, как уже было сказано, стали отчетливее звучать призывы к сотрудничеству с Партией рабочих Курдистана как геополитического союзника России для противодействия осуществлению невыгодного для России нефтяного проекта. Россия периодически сигнализировала Анкаре о своем недовольстве попытками турецкой разведки МИТ заслат в Чечню турецких боевиков, а также распространить среди мусульман Татарстана, Башкирии, Якутии радикальную религиозную идеологию «Нурждулар» через школы, существующие на средства турецкого бизнесмена Фейтуллаха Гюлена.

В российском политическом истеблишменте с середины 90-х гг. все чаще начинают звучать голоса о необходимости активного использования курдского вопроса и как фактора давления на Турцию. Это было связано не только с геополитическими интересами России, но и рассматривалось в качестве инструмента политического противодействия активности Турции в Закавказье, Средней Азии и тюркоязычных регионах России. В основном такие предложения исходили от представителей Либерально-демократической партии России.

Конкретным проявлением этой стратегии стало проведение в 1996 г. в Государственной Думе заседания так называемого «Курдского парла-

мента в изгнании», созданного несколькими годами ранее «представительства» апочистов в Европе.

В октябре 1998 г. Турция ультимативно выдвинула Сирии требование депортировать А. Оджалана из Дамаска. Президент Сулейман Демирель заявил, что Анкара примет ответные меры против Сирии в связи с поддержкой Дамаском ПРК, а премьер Месут Йылмаз заявил тремя днями позже, что турецкая армия ожидает политического решения о проведении вооруженной акции против Сирии. К концу октября Сирия также обязуется ликвидировать лагерь курдских сепаратистов на своей территории. Фактически это означало, что апочисты лишились единственного союзника в регионе.

По информации турецких, а также ряда западноевропейских СМИ, лидер ПРК Оджалан в ночь с 20 на 21 октября 1998 г. тайно перебрался из Сирии в Россию и скрывался на даче в подмосковном Одинцово. Косвенным свидетельством тому служит тот факт, что через два дня после официального обращения Турции к Москве премьером Е. Примаковым было дано поручение ФСБ и МВД выяснить местонахождение Оджалана. Российские власти тянули время для выяснения возможных последствий предоставления Оджалану политического убежища, а также занимались поиском возможных вариантов разрешения сложной дипломатической ситуации. В то же самое время Госдума при активном лоббировании ЛДПР поддержала просьбу Оджалана и обратилась к президенту Б.Н. Ельцину с предложением предоставить лидеру курдских повстанцев политическое убежище. Но в ответ на это последовала неожиданная реакция США, которые обратились в МИД России с просьбой скорейшего выяснения местонахождения Оджалана. Еще через неделю посол РФ в Турции передал М. Йылмазу послание Е. Примакова, в котором говорилось, что Оджалана на территории России нет. Возможно, именно в это время Оджалан покинул Россию и вылетел в Италию. России было крайне невыгодно ссориться с Турцией, именно исходя из экономических причин. Принятое решение Москвы было крайне негативно оценено как апочистами, так и представителями многочисленной курдской диаспоры в России. Таким образом, после отказа России (не без нажима США) в предоставлении политического убежища А. Оджалану и подписания в ноябре 1999 г. российско-турецкого соглашения о борьбе с терроризмом на таких отношениях можно было ставить крест.

Нынешняя политическая элита Турции, находящиеся у власти представители Партии справедливости и развития (ПСР), или так называемые «исламские демократы», являются своеобразным политическим проектом, который отвечал бы чаяниям религиозно настроенных избирателей, с одной стороны, но и не отпугнул бы либерально настроенные слои общества. При этом ПСР, оставаясь в целом на либеральных позициях, выгодно дистанцировалась от довольно радикальных, по турецким меркам, исламистов в лице Партии Благоденствия. Достаточно сказать, что сразу после вступления в должность премьера Реджеп Эрдоган подтвердил, что интеграция Турции в ЕС является приоритетным направлением ее политики. Это также означало, что Турция не отказывалась от выполнения «Копенгагенских критериев» при урегулировании межэтнических отношений в стране.

В последние годы российская внешняя политика представляет собой своеобразный «маятник», колеблющийся между Европой и Азией в зависимости от баланса сил, сложившегося в данный момент. Сегодня для внешней политики России характерно более критическое отношение к Западу и склонность к так называемой «евразийской» ориентации. Тем же самым характеризуется и нынешняя политика Анкары. Турция начала активную интенсификацию политических и экономических отношений с мусульманскими странами, а также со своими соседями. Анкара резко выступила против ввода войск в Ирак и отказала в прохождении войск союзников по своей территории. Это обстоятельство существенно охладило турецко-американские отношения. Например, уже сейчас, учитывая «строптивую» позицию Турции, Америка не дает гарантии, что в результате возможного распада Ирака не будет образовано государство Курдистан. С другой стороны, 8 ноября 2006 г. Евросоюз опубликовал отчет о степени выполнения странами-кандидатами условий вступления в ЕС. Как и прогнозировали эксперты, в отношении Турции ЕС высказался достаточно холодно. Старые проблемы по-прежнему остаются нерешенными. Анкара так и не признала факт геноцида армян и независимость Кипра, а также не в полной мере выполнила требования Евросоюза по реформированию внутреннего законодательства. Недавние процессы против критически настроенных писателей Орхана Памука и Элиф Шафак лишь подлили масла в огонь. Одновременно и в самой Турции, как показывают социологические опросы, проевропейские настроения идут на убыль. Если в 2004 г. за вступление в Евросоюз высказались около 70% населения, то уже год спустя — лишь 54%. Сегодня эту идею поддерживают около 34% турок.

На фоне охлаждения отношений с ЕС Анкара занялась поиском других сильных внешнеполитических союзников. Трения между Турцией и ЕС по поводу таких тем, как курдский вопрос и геноцид армян, вызывает все большее раздражение у турецких властей. И как следствие, Анкара ищет альтернативу своим давним связям с Западом.

В этих условиях не исключаются возможности стратегического политического сотрудничества России и Турции. Имеются предпосылки для того, например, чтобы Россия, которая является к тому же одним из крупнейших торговых партнеров Турции, занимала посредническую позицию в деле нормализации отношений Турции и Армении. Однако подобное политическое сближение Анкары и Москвы опосредовано многими политическими условиями. В этой связи выработка отношения России и к проблеме курдов носит достаточно актуальный характер.

В нынешних условиях наряду с превращением Турции в одного из самых важных экономических партнеров России в двух странах постепенно начинает формироваться мнение об их возможном политическом сотрудничестве, особенно в свете перемен, происходящих на Ближнем Востоке в целом. При возможном сближении политических позиций для возможного сотрудничества становится ясным, что курдский вопрос, так же как, например, и армянская проблема, должен будет решаться на основе взаимных уступок и согласованности позиций двух стран.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ЕВРАЗИИ

Процессы экономической интеграции на глобальном и региональном уровнях являются наиболее характерной особенностью развития современной мирохозяйственной системы. Накопленный многими странами опыт сотрудничества в рамках региональных объединений, ныне действующих на всех континентах, свидетельствует о его позитивном влиянии на экономическое развитие. В развивающихся странах и в странах с переходными экономиками такие объединения благодаря координации экономической политики и совместному использованию имеющихся ресурсов стимулируют экономический рост и модернизацию, повышают эффективность внешнеэкономических связей, расширяя возможности извлекать выгоды из глобализации, смягчать ее негативные последствия.

В евразийском регионе в силу особенностей его формирования интеграционные процессы все еще находятся на начальной стадии. Созданное в конце 1991 г. после распада СССР Содружество независимых государств (СНГ), первоначально предполагавшее налаживание в первую очередь экономического сотрудничества на постсоветском пространстве, не справилось с этой задачей. И это было невозможно в условиях разрыва существовавших прежде производственных, финансовых и иных связей, базировавшихся на централизованном планировании и администрировании, развития глубокого социально-экономического кризиса как в России, так и в остальных новых государствах.

На протяжении 90-х гг. XX в. велся поиск путей и моделей экономической интеграции, которые бы отвечали национальным особенностям и устремлениям отдельных стран-участниц и региона в целом. Интеграционные инициативы выдвигались как постсоветскими, так и соседними странами, было создано не одно региональное и субрегиональное объединение. В настоящее время наиболее устойчивыми и перспективными считаются Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Организация Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС). В последние два объединения наряду с некоторыми странами СНГ входят соседние и сопредельные государства*.

* Основными странами — членами ШОС являются: Казахстан, Киргизия, Китай, Россия, Таджикистан, Узбекистан (с 2001 г.), а статус наблюдателей имеют Афганистан,

Несмотря на достаточно продолжительные сроки существования, конкретная деятельность данных объединений пока еще не вышла за рамки деклараций и организационных мероприятий, большая часть принимаемых решений остается нереализованной. Не создано реально действующих таможенных союзов, наперечет совместно выполненные проекты, отсутствуют свободные торговые и валютные зоны. Замедленность и малая результативность интеграционных процессов во многом обусловлены объективными причинами: незавершенностью перехода стран региона к открытым рыночным системам, их неоднородностью по уровню развития и в то же время — сходством экономик, имеющих преимущественно сырьевой характер и промышленность невысокого технологического уровня, наконец, слабостью финансовой базы — ВВП — при ограниченных возможностях привлекать средства из-за рубежа. Помимо экономических причин, сдерживающих интеграционные процессы в Евразии, существуют и политические причины субъективного характера.

Торгово-экономические отношения между государствами региона строятся преимущественно на двусторонней основе. В большинстве случаев они не согласовывают свою экономическую и внешнеторговую политику, свое участие в международных проектах, далеко не всегда отвечающих критериям экономической эффективности и требованиям экологии. Эта несогласованность нередко вызывает нездоровую конкуренцию, политизированность оценок экономических решений, порождая конфликты и трения в межгосударственных отношениях. В 90-е гг. наибольшей остротой характеризовались разногласия, связанные с формированием транспортных трансконтинентальных коридоров и особенно — с определением маршрутов нефте- и газопроводов. Характерным примером может служить нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан, сооружение которого было инициировано Турцией и профинансировано на средства консорциума западных нефтяных компаний. Этот проект подвергался резкой критике российской стороны, так как впервые речь шла о доставке углеводородного сырья на мировой рынок из СНГ в обход России. Этот и другие подобные примеры были результатом не только несогласованности, но и разнонаправленности геополитических и геоэкономических позиций прежде всего двух ведущих интеграторов региона — России и Турции, являющихся в полном смысле евразийскими государствами, поскольку их территории находятся и в Европе и в Азии. В само понятие Евразия, также как в цели ее интеграции, ими вкладывалось разное содержание, предусматривались противоположные подходы. В годы президентства Б. Н. Ельцина в официальных российских документах Евразия представлялась как территория бывшего Советского Союза. В принятой в апреле 1993 г. концеп-

Индия, Иран, Монголия, Пакистан; в ОЧЭС входят Азербайджан, Армения, Албания, Болгария, Греция, Молдавия, Россия, Румыния, Турция, Украина; статус наблюдателей имеют Египет, Израиль, Тунис, Польша, Сербия, Словакия, Черногория.

ции внешней политики Российской Федерации на первый план были вынесены отношения с бывшими союзными республиками, «без налаживания которых на новой основе РФ не сможет нормально развиваться»¹. Далее говорилось, что «интересам России отвечает проведение курса на достижение максимально возможной степени интеграции бывших союзных республик во всех областях их жизнедеятельности на принципах строгой добровольности и взаимности»². А в опубликованной в июне 1996 г. концепции государственной национальной политики Российской Федерации содержалось положение о том, что основной целью и задачей внешней политики страны является «содействие процессу реинтеграции на новой основе государств — бывших республик СССР в политической, экономической и духовной сферах»³. Подразумевалось, что Евразия — это некий особый путь, альтернативный сотрудничеству с Западом. Но уже с конца 90-х гг. с приходом к руководству страны В. В. Путина утверждается обновленный подход, рассматривающий Евразию в контексте глобализации, как в наибольшей степени отвечающий интересам России и позволяющий ей использовать преимущества своего господствующего положения на континенте. Согласно Концепции внешней политики Российской Федерации, обнародованной в июле 2000 г., «... главным приоритетом внешней политики Российской Федерации в сфере международных экономических отношений является содействие развитию национальной экономики, которое в условиях глобализации немыслимо без широкого включения России в систему мирохозяйственных связей», и «в своих региональных приоритетах Россия будет делать упор на развитие добрососедских отношений и стратегического партнерства со всеми государствами СНГ»⁴. Кроме того, в этом документе говорилось о намерении России активизировать свое участие в основных интеграционных структурах Азиатско-Тихоокеанского региона, а также проводить целенаправленный курс на превращение Большого Средиземноморья, которое является связующим узлом таких регионов, как Ближний Восток, Черноморский регион, Кавказ, бассейн Каспийского моря, в зону мира, стабильности и добрососедства, «что будет способствовать продвижению российских экономических интересов, в том числе в вопросе выбора маршрутов прохождения важных потоков энергоносителей»⁵.

Расширенный подход к участию России в интеграционных процессах на евразийском континенте был закреплен созданием Шанхайской организации сотрудничества — «трансконтинентального объединения, органически связующего евроатлантический и восточноазиатский фланги международной жизни»⁶.

Что же касается Турции, где известие о распаде СССР и образовании на его месте независимых государств, в том числе пяти — турецких, было встречено с огромным воодушевлением, евразийская идея была воспринята как реальная возможность мирного осуществления вековой мечты объединения тюрок под своей эгидой. Не только крайние националисты, но и первые лица государства, говоря о Евразии,

имели в виду территорию от Адриатического моря до Китайской стены, на которой расселены тюркские народы, имеющие с турками общие исторические и культурные корни. Наряду с подготовкой к вступлению в полноправные члены Евросоюза, объединение тюрков Евразии заняло место одного из наиболее важных приоритетов внешнеполитической стратегии страны. Взяв на себя роль объединительницы «тюркского мира», Турция, с одной стороны, игнорировала традиционные исторические связи и интересы России в Центральной Азии и на Кавказе, а с другой — взяла на себя обязательства активно содействовать его включению, и в первую очередь — его экономической интеграции, в западное сообщество. Тем самым она рассчитывала усилить свое геополитическое значение для Запада, которое с утратой ее роли в качестве южного фланга НАТО было серьезно ослаблено после распада Советского Союза и окончания «холодной войны». В правительственной программе кабинета Т. Чиллер, зачитанной 30 июня 1993 г. в турецком парламенте, говорилось: «Появление новых независимых государств, в первую очередь России и тюркских республик в результате распада Советского Союза, положило начало чрезвычайно важному для Турции развитию. В 2000-х годах Турция должна стать центром притяжения в этом обширном регионе. Турция, имеющая близкие отношения с тюркскими республиками, несет особые обязательства и ответственность в процессе их интеграции в международное сообщество и открытия их миру. Осознав этот факт, мы намерены придать особую важность развитию экономических, социальных, культурных отношений с тюркскими республиками»⁷

С начала 90-х гг. Турция прилагает максимум усилий для налаживания политических и торгово-экономических отношений с вновь образованными тюркскими государствами, выдвигает интеграционные инициативы. В 1992 г. турецкие руководители — премьер-министр С. Демирель и президент Т. Озал — во время своих визитов в страны Центральной Азии, а затем Т. Озал в том же году на первом саммите глав тюркских государств в Анкаре предложили программу создания ассоциации тюркских государств, включающую создание общего рынка, банка, единой денежной единицы, но эта инициатива не получила поддержки их лидеров. В том же году, также по инициативе Турции, поддержанной Россией, была создана Организация Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС). Одновременно Турция содействовала включению тюркских республик СНГ в Организацию экономического сотрудничества (ОЭС), а затем в ОИК. Но наиболее далекоидущие последствия имели ее усилия, связанные с посредничеством при установлении связей между государствами Центральной Азии и Кавказа с США и странами Западной Европы. Важную роль в этом сыграла активная деятельность турецких строительных и других компаний, поощряемых налоговыми и кредитными льготами, по созданию и реконструкции транспортной и коммуникационной инфраструктуры, современного гостиничного хозяйства, а также программы правительствен-

ного Турецкого агентства сотрудничества и развития (ТИКА) по подготовке и переподготовке местных кадров, формированию и финансированию поездок делегаций из турецких чиновников и бизнесменов, в том числе и для ознакомления представителей иностранных компаний с местными условиями, установления контактов на правительственном и деловом уровнях. Пришедшим в этот регион западным компаниям это помогло в короткие сроки освоиться в непривычной среде с ее высокими рисками и, воспользовавшись разрывом производственных связей новых государств с Россией, занять позиции в их хозяйстве, особенно в промышленности, в первую очередь — в добывающей, связанной с разработкой месторождений углеводородов — нефти и газа, определять способы и маршруты их доставки на мировые рынки.

Со второй половины 90-х гг. корпорации США, стран Евросоюза и Японии, а также некоторых новых индустриальных стран становятся ведущими деловыми партнерами государств Центральной Азии и Кавказа, конкуренция с которыми для турецких, преимущественно мало-мощных компаний была непосильной. Отпала и нужда в посреднических услугах Турции — контакты Запада со своими новыми азиатскими партнерами стали осуществляться напрямую.

Будучи не в состоянии выполнять свои обещания обеспечивать необходимую помощь этим государствам, Турция во второй половине 90-х гг. оказалась фактически оттесненной (так же, как и Россия, из-за переживаемого экономического кризиса) от участия — или оно сводилось к минимальному уровню — в наиболее важных предпрятиях и проектах в странах Центрально-Азиатского региона и Закавказья. Теперь уже западные структуры (Всемирный банк, МВФ, Евросоюз, Азиатский банк развития (АБР) и др.) взялись продвигать свои интеграционные идеи и предложения. Повышенную заинтересованность в решении региональных проблем Евразии проявляют европейские структуры, и в частности Европейский Банк реконструкции и развития (ЕБРР). Прежде всего, речь идет о создании условий для выхода стран Евросоюза на азиатские рынки. Для реализации этой идеи осуществляется проект ТРАСЕКА по созданию трансконтинентального транспортного коридора из Европы в Азию через Турцию, Кавказ и Центральную Азию с выходом в Китай. Проводятся и другие совместные мероприятия. В качестве примера можно привести состоявшуюся в апреле 2006 г. в Алматы конференцию на тему «Политика Евросоюза по региональному сотрудничеству в Центральной Азии», в которой приняли участие представители всех центральноазиатских государств. По словам организатора конференции от Евросоюза Ганса Винклера, на конференции наряду с вопросами о противодействии терроризму, наркотрафику обсуждались водные и экологические проблемы, возможности развития сотрудничества в торговле и энергетике⁸

На рубеже XX–XXI вв. торгово-экономические отношения Турции со странами региона оказались в серьезном кризисе — на треть сократился турецкий товарооборот с тюркскими республиками: с 1306 млн. долл.

в 1997 г. он снизился до 873 млн. долл. в 2001 г.⁹, значительно уменьшилась численность турецких строительных фирм, промышленных и прочих предприятий. Причинами резкого спада деловой активности турецкого бизнеса были финансово-экономические кризисы 1998–1999 гг. и 2001 г., усиление политической нестабильности в самой Турции. Предельно сократились ее и без того скромные возможности оказывать поддержку своим зарубежным предприятиям, вследствие чего многие турецкие фирмы были вынуждены свертывать свою деятельность, другие обанкротились и были иногда вынуждены спасаться бегством от судебного преследования.

Государственная политика Турции в регионе, в том числе деятельность Турецкого агентства сотрудничества и развития, Эксимбанка, других государственных и частных структур, стала объектом серьезной общественной критики, в том числе и в связи с тем, что она вызывала трения и напряженность в отношениях с Россией. В начале текущего десятилетия, особенно после прихода к власти правительства Партии справедливости и развития (ПСР), евразийская политика Турции подверглась существенному пересмотру. В нее были внесены изменения, «раздвигавшие» региональные границы Евразии и выводившие их за пределы «тюркского мира», в то же время были скорректированы направления дальнейшего развития сотрудничества с государствами Центральной Азии и Кавказа. К этой деятельности были подключены многие министерства и ведомства, а также общественные объединения, ее координация была возложена непосредственно на правительство, в котором в этих целях была создана специальная структура.

В программе правительства ПСР, утвержденной турецким парламентом в конце 2002 г., говорилось, что «Турция будет продолжать развивать сотрудничество в рамках нашей культурной близости со странами Центральной Азии и Кавказа», но «без нанесения ущерба интересам Российской Федерации, с которой у нас добрососедские отношения»¹⁰ (курсив наш. — Е.У.). Среди факторов, с которыми связаны позитивные изменения в региональной политике турецкой стороны, одним из наиболее значимых является происходящее в последние годы расширение и углубление ее политических и торгово-экономических связей с Россией, которая, преодолев кризис, перешла к набирающему силу экономическому росту. За период с 2001 по 2005 г. российско-турецкий товарооборот возрос с 3,8 до 15,2 млрд. долл., прямые инвестиции Турции в России и России в Турции в 2005 г. достигали около 3 млрд. долл. в каждой из стран соответственно¹¹, возрастали объемы подрядных работ, выполняемых на территории РФ турецкими строительными фирмами, росла численность российских туристов, отдыхающих на турецких курортах, существенно умножая валютные доходы Турции. После ввода в эксплуатацию газопровода «Голубой поток» Турция превращается в потенциально важного транзитера российского природного газа в страны Средиземноморья, Центральной и Южной Европы.

Существенным вкладом в сближение сторон явилось установление прямых контактов между государственными лидерами обеих стран. В декларации, принятой в Анкаре 6 декабря 2004 г. и подписанной президентами В.В. Путиным и А.Н. Сезером, было отражено намерение сторон развивать как двустороннее, так и региональное сотрудничество. Как говорилось в разделе 6-м декларации, «стороны намерены содействовать развитию экспортного и транзитного потенциала Каспийско-Черноморского региона, включая его углеводородные источники. Стороны заявляют о готовности проводить консультации по изучению возможностей развития взаимовыгодного сотрудничества с учетом принципов экономической целесообразности и экологической безопасности. Они также подтверждают свою поддержку евразийским транспортным коридорам»¹². Данную декларацию можно считать документом, конкретизирующим принятый в ноябре 2001 г. «План действий по развитию сотрудничества между Российской Федерацией и Турецкой Республикой в Евразии (от двустороннего сотрудничества к многоплановому партнерству)».

Как и Россия, которая отошла от прежней ограниченной установки своей региональной политики, с нацеленностью преимущественно на реинтеграцию постсоветского пространства, Турция рассматривает себя в Евразии уже не только в качестве наиболее продвинутой составной части «тюркского мира», но, как и Россия, с позиций заинтересованной участницы процессов региональной интеграции и глобализации. Нынешняя позиция турецкой стороны относительно роли наших двух государств в евразийском регионе достаточно ясно сформулирована председателем турецкого парламента Бюлентом Арынчем: «У Турции и России особые отношения со странами Евразии... у обеих стран существует историческая и географическая ответственность перед ними. Турция рассматривает Россию как одно из ключевых государств региона Евразии с точки зрения его стабильности и благосостояния»¹³. Развернутое изложение задач и целей интеграционной стратегии Турции содержит доклад комиссии Государственной плановой организации (ГПО), подготовленный в связи с принятием очередного, 9-го, плана развития (2007–2013 гг.) и получивший в нем отражение. Оно начинается с перечисления существующих в настоящее время ограничителей полного раскрытия интеграционного потенциала страны. Это — ее макроэкономическая несбалансированность, низкая конкурентоспособность на мировом рынке, неудовлетворительное состояние сотрудничества государства с частным сектором и гражданским обществом в целом. «Страна имеет хроническое отрицательное сальдо по текущим статьям платежного баланса и находится под огромным бременем долговых платежей; внедрение достижений НИОКР и высоких технологий остается ограниченным, качество производимой продукции во многих случаях неудовлетворительно и имеет высокую себестоимость; не отвечает требованиям подготовка рабочей силы; высокими остаются бюрократические барьеры, которые должны преодолевать предпринима-

тели; недостаточна координация между отдельными государственными ведомствами»¹⁴. В докладе отмечается, что региональную активность страны сдерживает вмешательство МВФ, «который диктует правительству многие экономические решения»¹⁵. В то же время Турция обладает рядом преимуществ для активного участия в интеграционных процессах в Евразии. В их числе: приверженность демократии и свободному рынку; наличие предпринимательского класса с большим опытом работы на внутреннем и зарубежных рынках и восприимчивым к происходящим переменам и новациям в мире; выгодное географическое положение в центре треугольника, образуемого Евросоюзом, мусульманскими странами и Центральной Азией; наличие институциональной и законодательной базы для внешнеэкономической деятельности на глобальном и региональном уровнях; членство в ВТО и таможенном союзе ЕС. Эти, а также ряд других позитивных факторов уже теперь до достижения макроэкономической сбалансированности и стабилизации позволяют Турции способствовать ускорению интеграционных процессов в регионе, повышению общего уровня торгово-экономического сотрудничества между входящими в него странами¹⁶. Как считают эксперты ГПО, для повышения своей региональной роли в решении интеграционных задач Турции необходимо в предстоящие годы:

- повышать свое влияние при решении вопросов внешнеэкономических отношений на основе конструктивного диалога и тем самым вносить вклад во внешнеэкономические глобальные и региональные связи. Наряду с углублением интеграции с Евросоюзом... необходимо развивать модели многостороннего сотрудничества с соседними и сопредельными с Турцией странами, расширять региональную безопасность и повышать уровень торговых связей с ними;

- принять в качестве стратегии государственной политики необходимость развития отношений с Россией, Китаем, тюркскими республиками Центральной Азии и Кавказа, Индией и АСЕАН;

- установить сотрудничество с Россией по добыче и транспортировке на мировой рынок нефти Каспия;

- вступить в качестве наблюдателя в ШОС;

- содействовать укреплению и активизации деятельности других региональных объединений — Организации Черноморского экономического сотрудничества, Организации экономического сотрудничества, а также таких объединений, как Комитет по развитию исламских стран (ИСАДАК) при Организации Исламская Конференция, «Исламская восьмерка»;

- завершить проекты региональной транспортной инфраструктуры — участок железной дороги Карс — Тбилиси, переправа через оз. Ван и др.;

- решить задачи, связанные с созданием региональной энергораспределительной системы и превращением Турции в региональный энергораспределительный центр;

- участвовать в создании региональных координирующих и технических институтов, таких как Евразийский статистический союз, Евразийский институт стандартов, Региональный совет по туризму и др.¹⁷

Таковы основные цели региональной политики Турции на предстоящие годы. Они основываются на широком подходе к задачам экономической интеграции в Евразии и в этом отношении идентичны установкам нынешней интеграционной стратегии России; они достаточно обоснованы и реалистичны, так как намечены с учетом наличия финансовых ресурсов и других факторов. Важно то, что по ряду позиций, в том числе по такому направлению, как добыча и транспортировка нефти Каспия на мировой рынок, они предполагают сотрудничество с Россией.

Происходящий в последние годы рост двусторонних торгово-экономических связей между Россией и Турцией, сближение их позиций по вопросам экономической интеграции в евразийском регионе, нацеленность сторон на взаимодействие, опирающееся на тесные политические контакты, позволяет говорить о наступлении качественно нового этапа в российско-турецких отношениях. Это, в свою очередь, должно способствовать разрешению существующих региональных проблем и противоречий, ускорению процесса интеграции в Евразии на новой расширенной концептуальной основе.

¹ Независимая газета, 29.04.1993.

² Там же.

³ Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. — Независимая газета, 21.06.1996.

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации. — Независимая газета, 11.07.2000.

⁵ Там же.

⁶ Лузянин С. Российско-китайское взаимодействие в XXI веке. — Мировая экономика и международные отношения. 2005, № 5, с. 64.

⁷ Turkish Review. Quarterly Digest. Ankara, 1993, vol. 7, № 31, с. 96.

⁸ Eurasian Bulletin. Ankara, May 2006, № 46, с. 3.

⁹ DPT. Temel ekonomik göstergeler. Ankara, 1996, с. 57, 68; 2002, с. 49, 60, 69.

¹⁰ Başbakan Abdullah Gül tarafından TBMM'ne sunulan 58'inci hükümet Programı, 23 kasım 2002, с. 26.

¹¹ Коммерсант, 26.09.05.

¹² Совместная декларация об углублении дружбы и многопланового партнерства между Российской Федерацией и Турецкой Республикой. — Перспектива. 2004, № 40, с. 12.

¹³ Компас, 2004, № 8, с. 8–9.

¹⁴ DPT. Dokuzuncu kalkınma planı (2007–2013) Dış ekonomik ilişkiler özel ihtisas komisyonu. Ön raporu 1. Ankara, 2005, с. 23–24.

¹⁵ Там же, с. 36.

¹⁶ Там же, с. 25–26.

¹⁷ Там же.

ИНВЕСТИЦИОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И ТУРЦИИ

Экономическое и инвестиционное сотрудничество России и Турции началось в 30-е гг., когда Турция делала первые шаги по пути развития собственного промышленного производства. Очень большую поддержку в этом ей оказал именно Советский Союз. Особо значительным был его вклад в становление текстильной отрасли. С помощью СССР были построены ткацкие фабрики в Назилли и Кайсери¹. Первые деревообрабатывающие, стекольные и спичечные фабрики, предприятия по изготовлению древесно-стружечных плит также были построены при содействии Советского Союза. Советские инженеры и рабочие сумели в короткие сроки наладить производство на этих фабриках. В финансировании проектов на взаимовыгодных условиях использовался бартер.

С началом Второй мировой войны сотрудничество было приостановлено и возобновлено в 60-е гг., когда Турция приступила к новому этапу индустриализации. На этот раз ставилась задача создания крупных комбинатов с полным производственным циклом, начиная от переработки сырья и кончая выпуском готовой продукции. Сотрудничество с СССР существенно продвинуло развитие турецкой тяжелой промышленности.

При этом возникла и использовалась приемлемая модель финансирования: кредиты на строительство гигантских заводов Турция должна была оплачивать в течение длительных сроков, за счет средств от продажи производимой на них продукции, некоторых видов руды и продуктов сельского хозяйства. Определение продукции, подлежащей продаже, было основано на принципе взаимной выгоды.

В результате экономика Турции пополнилась такими важными объектами тяжелой индустрии, как алюминиевый комбинат в Сейдишехире, металлургический комплекс в Искендеруне, нефтеперерабатывающий комбинат в Алиага, а также такими предприятиями, как завод по производству соляной кислоты в Бандырме и фабрика по производству флотильного стекла. Следует отметить, что все эти предприятия создавались без участия Запада в технологическом оснащении или финансировании проектов.

Большой вклад в дальнейшее развитие экономического сотрудничества между Турцией и СССР был сделан в 1984 г., когда было подпи-

сано соглашение о поставках природного газа. В соответствии с этим соглашением был проложен трубопровод через Украину, Молдавию, Румынию и Болгарию и принято решение о продаже Советским Союзом Турции ежегодно 6–8 млрд. кубометров природного газа. Именно эта формула обеспечила дальнейшее развитие подрядных и торговых отношений между двумя государствами.

Либерализация экономической политики в Турции, рост частного предпринимательства и выход его за пределы страны, так же как и экономические реформы новой России, внесли существенные изменения в характер и формы российско-турецкого инвестиционного сотрудничества. Оно утратило односторонний характер. Большой размах приобрела в России подрядно-инвестиционная деятельность турецких строительных компаний.

В 90-х гг., зарекомендовав себя в строительстве жилья для военнослужащих, выехавших из Германии, турецкие строительные фирмы получили подряды почти во всех республиках бывшего СССР, включая Россию. В дальнейшем такими строительными компаниями, как ТЕКСЕР, ЭНКА, БАЙТУР, ГАМА, АЛАРКО, ТЕКФЕН, УРБАН, на территории России были построены: многочисленное жилье, туристические и рекреационные комплексы, торговые центры, фабрики и заводы.

Со своей стороны, начиная с 90-х гг. российские строительные фирмы совместно с турецкими компаниями реализовали немало проектов развития инфраструктуры в Турции. В качестве примеров можно привести электрификацию железной дороги Капыкуле — Черкезкёй, строительство мостов в Анкаре, газопровод «Голубой поток».

Строительные фирмы и России и Турции заинтересованы в очередных выгодных предложениях по строительству дамб, каналов, железных дорог, аэропортов, морских и речных портов, автомагистралей, водоочистительных сооружений, электростанций и других объектов инфраструктуры.

Немалую роль в плодотворном развитии российско-турецких отношений сыграли переговоры на высшем уровне. Визит президента России В. В. Путина в Турцию и визиты президента Турции Сезера и премьер-министра Р. Эрдогана в Россию дали «моральную поддержку» бизнесменам обеих стран.

Во время визита в Турцию в декабре 2004 г. президент В. В. Путин заявил, что российские компании заинтересованы в более полном участии в строительстве в Турции объектов энергетики, транспортной инфраструктуры, в развитии нефтегазового сектора: «В наших планах — участие в тендерах на сооружение гидро- и теплоэнергостанций, линий электропередач, на модернизацию металлургического завода (в Искендеруне) и алюминиевого комплекса (в Алиага). Мы готовы также инвестировать в строительство, в том числе вашей газораспределительной инфраструктуры, что связано с дальнейшей реализацией крупнейшего проекта “Голубой поток”». Заявление прозвучало, можно сказать, всеобъемлюще: президент затронул энергетическую, газовую, металлур-

гическую и строительную сферы². Соответствующее соглашение было подписано сторонами в декабре 2004 г.

Российские бизнесмены принимали участие в приватизации турецких Государственных экономических организаций (ГЭО), хотя в силу ряда причин, одна из которых — сильнейшая конкуренция, пока безуспешно. Летом 2004 г. структурам «Татнефти» не удалось взять под контроль нефтехимический концерн Turgas. А в октябре провалились попытки «Северстали», Новолипецкого металлкомбината (НЛМК) и «Газметалла» купить 49% акций турецкого металлкомбината ERDEMİR. Весной 2005 г. «Альфа Телеком» заявила о желании приобрести 27% акций крупнейшего в Турции сотового оператора TURKCELL. На этот раз помогла поддержка В. В. Путина. В июле президент России, встречаясь с турецким премьером Реджепом Эрдоганом, поделился с ним планами «Альфы» вложить в отрасль связи Турции свыше 3 млрд. долл. На встречу был приглашен президент «Альфа-банка» Петр Авен. Эта встреча и решила судьбу сделки.

«Альфа-Групп» получила официальное разрешение на покупку пакета акций TURKCELL, которая обслуживает 26,7 млн. абонентов. Оборот компании в 2004 г. составил 3,2 млрд. долл., чистая прибыль — 511,8 млн. долл. Владельцами акций TURKCELL были TURKCELL Holding, находившийся в собственности турецкой Çukurova Group (53%) и шведско-финской TeliaSonera (47%). Немного ранее финско-шведская TeliaSonera (TeliaSonera контролирует 43,8% акций ОАО «МегаФон») договорилась приобрести этот пакет у Çukurova за 3,1 млрд. долл., однако россияне перебили их предложение. «Альфа» договорилась о следующей схеме. Она купит за 1,59 млрд. долл. облигации 100%-ной «дочки» Çukurova Group — Çukurova Telecom Holding и может конвертировать эти бумаги в акции Çukurova Telecom Holding. Последняя, в свою очередь, владеет контрольным пакетом в компании TURKCELL Holding, а та — 51% непосредственно в самом операторе TURKCELL. «Альфа», которая первоначально заявляла, что ее пакет в Çukurova Telecom Holding будет эквивалентен доле в 13,22% TURKCELL, приобрела его полностью после напряженной конкурентной борьбы со скандинавскими компаниями. В конце июня 2005 г. Çukurova и «Альфа-Групп» заключили окончательное соглашение о сделке на сумму в 3,3 млрд. долл.³

TeliaSonera не хотела сдаваться и боролась за свой сотовый бизнес. В конце октября 2005 г. она подала иск в Международный арбитражный суд в Женеве, на это был запрет на смену собственников турецкого сотового оператора TURKCELL, который продержался ровно месяц. Через месяц суд отменил запрет на сделки с 27% акций TURKCELL, за право владения которыми спорили финско-шведская корпорация TeliaSonera и российский холдинг «Альфа-Групп»⁴.

Несмотря на протесты скандинавской TeliaSonera, российская «Альфа Телеком», которая переименовалась в «Altimo», и турецкая группа Çukurova провели в совет директоров крупнейшего турецкого

сотового оператора TURKCELL двух представителей «Altimo» и независимого директора Колина Уильямса, чьи кандидатуры не были согласованы со скандинавами. TeliaSonera голосовала против всех трех, но не смогла помешать их избранию.

Акционеры TURKCELL выбрали членов совета директоров компании. В его состав вошли представители Çukurova Мехмет Эмин Карамехмет и Мехмет Бюлент Эргин, от «Altimo» — Олег Малис и Алексей Худяков, от TeliaSonera — Андерс Игель и Эрдаль Дурукан, а также независимый директор Колин Уильямс⁵

Турецким сотовым рынком интересуется и российская Акционерная финансовая корпорация (АФК) «Система». В конце лета президент корпорации Владимир Евтушенков заявил, что АФК собирается участвовать наравне с Vodafone и France Telecom в приватизации второго сотового оператора страны — Telsim. Также Российская телекоммуникационная компания «Мобильные ТелеСистемы» (МТС) намерена участвовать в тендере на покупку второй крупнейшей сотовой компании Турции Telsim Mobil Telekomunikasyon Hizmetleri AS⁶

В настоящее время «ЛУКОЙЛ» рассматривает возможность строительства в Турции нефтеперерабатывающего завода. Ориентировочно завод будет построен в Зонгулдаке или в Самсуне. Турецкое правительство готово оказать содействие для успешной реализации данного проекта. Помимо этого в ближайшее время ожидается положительное решение по вопросу строительства нового газопровода параллельно «Голубому потоку». Также многие российские компании уже приобрели или намереваются приобрести объекты недвижимости в Средиземноморском районе Турции.

По данным Торгового представительства Турецкой республики в Москве, общая сумма прямых турецких инвестиций в российскую экономику на конец 2006 г. составила 2,9 млрд. долл. Турецкие инвестиции распределились по таким отраслям экономики, как строительство бизнес- и торговых центров, пищевая промышленность, телекоммуникации, производство керамики, стекла и товаров из нее, электроника и бытовая техника, строительные материалы, мебельная, текстильная (включая производство готовой одежды), кожевенная и обувная отрасли, банковское дело и некоторые др.

Строительная фирма ЭНКА является самой большой турецкой строительной компанией, а также первой иностранной фирмой, которая вложила инвестиции в рынок российской недвижимости. Имея в собственности 130 тыс. кв. км офисных помещений, ЭНКА владеет 25% рынка аренды офисов первого класса Москвы. Общая сумма инвестиций компании ЭНКА в России составляет более 700 млн. долл.

Супермаркеты РАМСТОР принадлежат компании РАМЭНКА, которая образовалась в результате совместных инвестиций компании ЭНКА и Коч Холдинга. Первый РАМСТОР в России появился в 1997 г. в Москве, он был построен на кредит турецкого Эксимбанка. На сегодняшний день количество супермаркетов РАМСТОР в России достигло 55, они

расположены в Казани, Нижнем Новгороде, Ростове, Санкт-Петербурге, Самаре, Волгограде и в других городах России. Общая сумма инвестиций компании РАМЭНКА насчитывает более 600 млн. долл.

Компания ЭФЕС является одним из первых турецких инвесторов в России. Результатом первых инвестиций ЭФЕС было строительство в 1996 г. завода по разливу безалкогольного напитка «Кока-Кола». За этим последовало строительство в Москве в 1999 г. завода «Эфес Бревери» по производству пива. Компания ЭФЕС в 2003 г. реперофилровала завод «Кока-Кола» на производство пива. В 2005 г. она построила в Уфе завод по производству пива, и общее количество мощностей по производству пива ЭФЕС в России достигло 600 млн. л. В 2006 г. ЭФЕС купил 98% акций фабрики и пивоварни известной российской марки «Красный Восток» за 400 млн. долл. ЭФЕС в России разливает пиво под марками «Эфес Пилснер» и «Старый мельник» и владеет 8% рынка производства пива. Общая сумма инвестиций данной компании в России достигло 660 млн. долл.

Компания ШИШЕДЖАМ в 2005 г. положила начало строительству в Уфе своего третьего завода по производству стекла. Первая домна была запущена в 2005 г., а вторая — в сентябре 2006 г. Компания ШИШЕДЖАМ первый завод построила в городе Гороховец в 2002 г. В 2003 г. эта компания купила 76 % акций Покровского стеклозавода. В России турецкая компания ШИШЕДЖАМ, обеспечивающая 20% рынка изделий из стекла, известна под названием РУСДЖАМ. Предприятие РУСДЖАМ обеспечивает 15 тыс. рабочих мест. Ее инвестиции в российскую экономику составляют 170 млн. долл.

Группа компаний ЗОРЛУ, вложив 15 млн. долл., в 2003 г. в городе Александрове открыла завод по производству телевизоров, который является первым иностранным заводом по производству телевизоров в России. Рядом с телевизионным заводом компания ЗОРЛУ в 2006 г. построила завод по производству холодильников и стиральных машин, общая закрытая площадь которого 50 тыс. кв. м. Таким образом, сумма ее инвестиций в российскую экономику возросла до 65 млн. долл. В ближайшее время будет построен новый телевизионный завод. Другие члены холдинга ЗОРЛУ (Денизбанк, Тач Текстиль) также показывают высокие результаты. Строительство в Москве двух электро- и теплоподстанций стоимостью в 700 млн. долл. поставит ЗОРЛУ Групп в один ряд с крупнейшими турецкими инвесторами.

В 2006 г. турецкая компания АРЧЕЛИК открыла завод по производству бытовой техники под маркой ВЕКО LLC, которая выпускает в год 900 тыс. холодильников и стиральных машин. Ее инвестиции составили 70 млн. долл.

Есть еще множество мелких и крупных компаний, которые также вносят вклад в увеличение объема турецких инвестиций в Россию. Союз палат и бирж Турции, вложив 60 млн. долл., построил в центре Москвы турецкий торговый центр площадью в 38 600 кв. м. Растет фабрика компании АДОПЕН — производителя пластиковых окон. Строи-

тельство завода по производству керамической плитки компанией ЭДЖЗАДЖИБАШЫ обойдется в 25 млн. долл. Строительство обувной фабрики «Рокланд» обошлось в 7 млн. долл. КАЛЕ Групп, производитель химических реагентов для строительства, намеревается решить вопрос об открытии собственного производства в России.

В России были в разное время созданы отделения крупнейших государственных и частных банков (Финансбанк, Япыкредитбанк, Гарантибанк, Зираатбанк и Денизбанк).

По данным Торгпредства Турции, с учетом инвестиций в розничные магазины, складские помещения и офисы общая сумма турецких частных прямых инвестиций в России достигнет 3,5 млрд. долл.⁷

Всего же в настоящее время в России насчитывается около 500 предприятий с турецким капиталом. Масштабы инвестиционной деятельности в Турции российских предприятий уступают турецким в России. В Турции с российским капиталом работает около 125 фирм. По данным Казначейства Турции на 2003 г., сумма российских инвестиций в Турцию составляла чуть более 62 млн. долл., ныне она приближается к 4 млрд. долл.⁸

В заключение хотелось бы отметить, что инвестиции как в Турцию, так и в Россию особенно возросли в 2006 г. Турецкие компании в России продолжают стратегию наращивания собственных производственных мощностей. Ожидается, что объемы российских инвестиций в Турцию в 2007 г. будут соразмеримы с турецкими капиталовложениями в Россию. Российские проекты обычно требуют крупных инвестиций и часто связаны с реализацией энергоносителей. Поэтому равновесие все-таки возможно.

Турецкие инвестиции в России

Название фирм	Сумма инвестиций, млн. долл.	Отрасль	Год	Город
Банк Япы-Креди	40	Банковские услуги	1995	Москва
Гарантибанк	45	Банковские услуги	1995	Москва
Зираатбанк	3	Банковские услуги	1993	Москва
Денизбанк	25	Банковские услуги	1998	Москва
Финансбанк	70	Банковские услуги	1995	Москва
Эфес Пилсен	150	Производство пива	1999	Москва
Эфес Пилсен	80	Производство пива	2005	Уфа
Эфес Пилсен	35	Производство пива	2003	Ростов
Эфес Пилсен	400	Производство пива	2006	Казань
Русджам	56	Производство стекла и товаров из него	2001	Владимир

...окончание таблицы

Название фирм	Сумма инвестиций, млн. долл.	Отрасль	Год	Город
Русджам	35	Производство стекла и товаров из него	2004	Покровский
Русджам	78	Производство стекла и товаров из него	2006	Уфа
Пашабахче	5	Производство товаров из стекла (стаканы)	2004	Н. Новгород
ТОББ-ТИМ	60	Торговый центр	2005	Москва
Вестель	15	Производство цветных телевизоров	2002	Владимир
Вестель	50	Производство холодильников и стиральных машин	2004	Владимир
Арчелик (БЕКО)	70	Производство холодильников и стиральных машин	2005	Владимир
Муя	5	Производство обуви	2002	Владимир
Зорлу Текстиль	20	Производство домашнего текстиля	2004	Москва
Зорлу Энержи	100	Производство электроэнергии в 150 MW	2005	Москва
Зорлу Энержи	600	Производство электроэнергии в 170 MW	2006	Москва
Обувная фабрика «ROCKLAND»	7	Производство обуви	2003	Серпухов
Энка	600	Торговые центры РАМСТОР	1990	Россия
Энка	300	Строительство	1997	Москва
Химический завод «Левент»	2	Производство чистящих средств	2004	Клин
Адопен	11	Производство алюминиевых дверей и окон	2005	Серпухов
Эджзаджибашы	25	Производство керамики	2005	Серпухов
ИТОГО	2 886			

Источник: Торговое представительство Турецкой Республики в Российской Федерации.

¹ Киреев Н.Г. Советский Союз и Турецкая Республика: первые этапы экономического сотрудничества (1920–1937) (II) // Перспектива, март-апрель-май, 2004, с. 30–31.

² Турецкий вояж. <http://www.interfintrade.ru> // 07.12.2004.

³ Ведомости. www.vedomosti.ru И. Цуканов, И. Резник, 25.10.2005, № 200 (1481).

⁴ <http://www.comnews.ru/>. Леонид Коник, 28.11.2005.

⁵ Ведомости. www.vedomosti.ru Р. Дорохов, И. Цуканов, 24.05.2006.

⁶ <http://www.ibk.ru>. Е. Соев, 28.11.2005.

⁷ Торгпредство Турции. www.dtmos.ru

⁸ Türkiye Hazine Müşavirliği. www.hazine.gov.tr

Литература

1. Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспектива. М., 2003.

2. Турецкая Республика. М., 2000.

3. Киреев Н. Г. Советский Союз и Турецкая Республика: первые этапы экономического сотрудничества (1920–1937) (II) // Перспектива, март-апрель-май, 2004.

4. Коптевский В.Н. Россия — Турция: этапы торгово-экономического сотрудничества. М., 2003.

Интернет-ресурсы

1. www.vedomosti.ru

2. www.interfintrade.ru

3. www.comnews.ru

4. www.dtmos.ru

5. www.hazine.gov.tr

РОССИЯ — ПАКИСТАН: ПОТЕНЦИАЛ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО, ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Формирование целостного социального пространства в современном глобализирующемся мире базируется на основополагающем принципе его единства во всем присущем ему многообразии. При этом диалог и партнерство всех членов международного сообщества выступают в качестве главного инструмента его успешного построения в нашем взаимозависимом и взаимосвязанном мире, стремящемся к гармонии и стабильности. Современная Россия и Пакистан также включились в этот процесс многогранного диалога. И хотя отношения двух государств в прошлом из-за существовавшей тогда биполярности мира и общей расстановки сил на международной арене были отмечены главным образом взаимным недоверием и настроенностью, препятствовавшими развитию двустороннего взаимовыгодного сотрудничества, они все же смогли накопить определенный положительный опыт. Прежде всего это касается советско-пакистанского, а затем и российско-пакистанского экономического сотрудничества, в частности в области электроэнергетики, металлургии и торговли.

Данная тема нашла отражение в многочисленных работах советских и российских востоковедов, пакистанских ученых и аналитиков, посвященных проблемам российско-пакистанских отношений и тенденциям их развития¹. Однако вопросы научно-технического, образовательного и культурного сотрудничества двух стран остались фактически за рамками этих исследований². И это не вина авторов, а результат того, что двусторонние контакты в этой области были практически сведены до минимума. Вместе с тем в современных условиях именно они способны активизировать рост взаимопонимания и взаимодействия между Россией и Пакистаном по всем направлениям. Это могло бы содействовать не только укреплению российско-пакистанских отношений в целом, но и включению двух государств в глобальный процесс межкультурного диалога, ставшего императивом для всего человечества в связи с необходимостью устранения всеобщей угрозы международного терроризма и достижения мира на земле.

Следует отметить, что с момента образования независимого государства Пакистан в 1947 г. и установления им дипломатических отношений с СССР в 1948 г. оно было сориентировано на союз с западными

государствами, и прежде всего с США — главным соперником Советского Союза в годы «холодной войны». Соответственно, прозападная позиция Пакистана препятствовала развитию его сотрудничества с СССР, стремившегося, в свою очередь, укрепиться в южноазиатском регионе с помощью налаживания добрососедских отношений с Индией и Афганистаном, у которых имелись значительные территориальные разногласия с Пакистаном. Последний вскоре осознал утерянные им самим политические выгоды из-за своей односторонней ориентации на США и отчужденности, дистанцированности от ближайшего соседа — СССР, игравшего немаловажную роль в региональной политике. Спыхватившись, он попытался наверстать упущенное³

Некоторое охлаждение американо-пакистанских отношений в начале 60-х гг. XX в. сопровождалось стремлением Пакистана улучшить свои отношения с Советским Союзом. Именно в данный период снижения политической напряженности в советско-пакистанских отношениях между двумя государствами, по оценке авторитетного американского историка и политолога Хафиза Малика (пакистанца по происхождению), начинают складываться «реалистичные взаимоотношения»⁴. Они нашли свое проявление в налаживании двусторонних торгово-экономических связей и развитии культурного сотрудничества.

В Советском Союзе наблюдался заметный рост интереса к изучению истории, экономики, культуры и языков Пакистана. Преподавание государственного языка Пакистана — урду, а также урдуязычной литературы вводилось на восточных факультетах советских вузов, прежде всего таких, как Институт стран Азии и Африки при МГУ, Московский государственный институт международных отношений, Ленинградский государственный университет и др., которые занимались подготовкой востоковедных кадров. Это само по себе свидетельствовало о стремлении СССР к долговременному сотрудничеству с Пакистаном.

Одновременно Советский Союз начинает оказывать помощь Пакистану в подготовке квалифицированных кадров различной специализации. Так, в рамках подписанного в 1961 г. двустороннего соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве в области геологоразведки советская сторона взяла на себя обязательства осуществить профессиональную подготовку соответствующих специалистов, столь необходимых для этой развивающейся отрасли пакистанской промышленности⁵

Позднее, после подписания между двумя странами в 1968 г. соглашения о создании и финансировании Карачинского металлургического завода, Советский Союз оказал Пакистану значительную помощь в организации профессионально-технического образования и подготовке квалифицированных специалистов различного звена в области металлургического производства и строительства. В учебном центре при металлургическом заводе в г. Карачи, созданном при содействии СССР и Международной Организации Труда ООН, ежегодно обучалось до 1500 учащихся по 78 специальностям. Это способствовало постепен-

ному устранению зависимости Пакистана от иностранных специалистов в новой для молодого пакистанского государства металлургической отрасли⁶. Автор данной статьи, находясь в Пакистане в служебной командировке (1983–1984 гг.), принимала непосредственное участие в реализации совместного советско-пакистанского проекта Карачинского завода, сыгравшего важную роль в установлении взаимопонимания и взаимодействия между народами двух стран. Этот металлургический гигант и поныне остается главным символом плодотворного, взаимовыгодного российско-пакистанского сотрудничества.

Сближению государств на человеческом уровне, несомненно, способствовало и подписание в г. Равалпинди в июне 1965 г. первого двустороннего культурного соглашения. Уже в 1966 г. в Москве создается Общество советско-пакистанской дружбы. Вся его деятельность была направлена на укрепление дружбы и взаимопонимания, расширение всестороннего сотрудничества и доверия между общественностью Советского Союза и Пакистана через ознакомление их с историей, культурой, экономикой и современной жизнью населяющих оба государства народов. Общество пакистано-советских культурных связей было соответственно создано и в Пакистане. Ежегодно ими проводились торжественные мероприятия, посвященные различным знаменательным датам и национальным праздникам СССР и Пакистана, в первую очередь таким, как День Октябрьской социалистической революции (7 ноября) и День независимости Пакистана (14 августа). Основу этих общественных организаций составляла научная и творческая интеллигенция двух стран.

Активное участие в деятельности всесоюзного Общества советско-пакистанской дружбы принимали научные сотрудники созданного еще в 1964 г. сектора Пакистана Института востоковедения Академии наук СССР (Ю. В. Ганковский — с 1966 г. вице-президент, а затем и бессменный президент Общества СССР — Пакистан, В. Н. Москаленко, В. Я. Белокреницкий, С. Н. Каменев и др.). Ими, а также учеными других подразделений данного института (Л. Р. Гордон-Полонской, Р. М. Мукиджановой и др.) проводилась большая научно-исследовательская работа по проблемам истории, политики и экономики Пакистана, велась подготовка специалистов-пакистановедов. Литературоведами института изучались к тому же языки и литература, философия и культура данной страны, осуществлялась сложная и кропотливая работа по переводу творческого наследия пакистанских поэтов, философов и писателей (М. Икбала, Ф. А. Фаиза, С. Х. Манто, Х. Джаландхари, А. Н. Касми, А. Х. Шинвари и др.) на русский язык⁷. Для ознакомления пакистанских читателей с русской классикой делались переводы произведений Л. Толстого, А. Чехова, М. Горького на урду и другие языки Пакистана.

Исследования по Пакистану осуществлялись и в других учебных и исследовательских институтах Москвы (Институте этнологии, Институте философии, Институте географии и т.д.). Востоковедные школы, занимавшиеся изучением проблем Пакистана, переводом разнообраз-

ной пакистанской литературы на различные национальные языки Советского Союза (украинский, узбекский, таджикский, казахский, киргизский и др.), создавались также в отдельных городских и республиканских центрах СССР — Ленинграде, Ташкенте, Душанбе, Самарканде, Коканде, Баку и др.

Подписание в 1968 г. соглашения о научно-техническом и культурном сотрудничестве между Советским Союзом и Пакистаном способствовало активизации контактов ученых, журналистов и деятелей культуры. Показательно, например, что научные достижения выдающегося пакистанского ученого-физика Абдус Салама (1926–1996) были высоко оценены его советскими коллегами, и в 1971 г. он стал иностранным членом Академии наук СССР по специальности «ядерная физика». Государственный комитет СССР по использованию атомной энергии и Комиссия по атомной энергии Пакистана приступили к совместной деятельности в области мирного использования атомной энергии, рассчитанной на десятилетний период (1970–1980 гг.)⁸.

Расширялись двусторонние культурные связи. Пакистан неоднократно представлял свои творческие работы на международных кинофестивалях в Москве и Ташкенте. В 1974 г. на гастроли в СССР впервые приехал Национальный ансамбль песни, танца и музыки Пакистана, созданный в 1971 г. Огромным успехом у пакистанских зрителей пользовались выступления советского цирка, театра кукол и фольклорного ансамбля, побывавших на гастролях в Пакистане в 1974–1975 гг. Большую роль в расширении двусторонних культурных контактов играли Министерство культуры СССР и Национальный Совет Пакистана по делам искусств.

Между отдельными городами двух стран начинают завязываться побратимские, партнерские связи. Так, в 1976 г. столица Таджикской ССР — Душанбе и административный центр пакистанской провинции Пенджаб — Лахор стали городами-побратимами. В рамках образовательных программ их сотрудничества (1976–1981 гг.) ежегодно осуществлялся обмен студентами и преподавателями между Таджикским государственным университетом и Пенджабским университетом.

Следует отметить, что советская сторона оказывала Пакистану значительную помощь в подготовке инженеров, врачей, экономистов, юристов, физиков, преподавателей русского языка и литературы, а также других специалистов высшей квалификации. Пакистанские студенты получали высшее образование в советских вузах бесплатно. Кроме того, им ежемесячно выплачивалась студенческая стипендия. В целом к 1979 г. в высших учебных заведениях Советского Союза обучалось более 300 пакистанских студентов⁹. Но все же эта цифра была несоизмеримо мала по сравнению с числом пакистанских студентов, продолжавших по-прежнему получать образование в основном в западных странах и прежде всего в США и Великобритании, что не в последнюю очередь предопределяло прозападные настроения среди «вестернизированных» кругов правящей пакистанской элиты.

Начавшийся было процесс узнавания друг друга, постепенного взаимного сближения двух стран был, однако, заторможен обострением внешнеполитической ситуации, связанной с конфликтом в соседнем с Пакистаном Афганистане и вводом на территорию последнего ограниченного контингента советских войск в 1979 г. Пакистан также оказался вовлеченным в эпицентр глобального противостояния двух мировых сверхдержав — СССР и США. Традиционно заняв проамериканскую позицию, он тем самым подорвал и без того хрупкие советско-пакистанские отношения.

При этом нельзя не отметить, что запущенные ранее Советским Союзом и Пакистаном крупные совместные проекты все же не были приостановлены. Они продолжали реализовываться и во время правления военной администрации (1977–1988 гг.). Примером тому может служить, в том числе, и работа советских специалистов, включая автора данной статьи, на строительстве и эксплуатации упомянутого выше Карачинского металлургического комбината. В то трудное в истории двусторонних отношений время здесь не прекращались не только рабочие, но и культурные контакты советских специалистов с их деловыми партнерами и представителями пакистанской общественности. В культурном центре, функционировавшем при металлургическом заводе, по-прежнему проводились совместные встречи, выставки, концерты, посвященные национальным праздникам и знаменательным датам в общественной и культурной жизни двух стран. Однако эти мероприятия все же не были массовыми и носили уже эпизодический характер.

Только после отмены военного режима в Пакистане (1988 г.) и вывода советских войск из Афганистана сложились благоприятные предпосылки для улучшения советско-пакистанских, а с распадом СССР — российско-пакистанских отношений. Но сохранявшаяся у России и Пакистана инерция стереотипных внешнеполитических подходов периода «холодной войны» в отношении друг друга не позволила им в полной мере воспользоваться такой возможностью. Краткосрочный официальный визит премьер-министра Пакистана в Российскую Федерацию в апреле 1999 г. также не способствовал выводу двусторонних отношений из состояния застоя.

Между тем даже в этих условиях российская и пакистанская общественность, академические круги двух стран не прекращали попыток налаживания конструктивного диалога для выявления оптимальных путей взаимного сближения и сотрудничества. Проблемы двусторонних отношений России и Пакистана в свете новой геополитической обстановки в южноазиатском регионе и в мире в целом обсуждались, например, российскими и пакистанскими учеными, а также представителями заинтересованных министерств и ведомств, дипломатических и деловых кругов двух стран на состоявшихся в Москве международных конференциях и семинарах (1991, 1992, 1994, 1995, 1998 гг.).

Большое внимание участники этих представительных международных форумов уделяли необходимости расширения и укрепления

российско-пакистанских политических и экономических связей, а также сотрудничеству двух стран в области науки, культуры и образования. Российская сторона, в частности, неоднократно выходила с предложениями об оказании помощи Пакистану в подготовке высококвалифицированных специалистов широкого профиля, в том числе инженерных и научных кадров в области новейших технологий на базе отдельных технических вузов России, которые ранее были закрыты для иностранных студентов.

Кроме того, пакистанской стороне предлагалось развивать научно-техническое сотрудничество в области новейших технологий для создания на их основе новых высокоэффективных производств. Рекомендовалось также развивать двустороннее сотрудничество в области востоковедных исследований¹⁰

Высокая оценка усилиям российских пакистановедов и востоковедов, направленных на развитие многогранных двусторонних отношений, неоднократно давалась Чрезвычайным и Полномочным Послом Исламской Республики Пакистан в РФ Танвиром Ахмад-ханом (1994–1997 гг.) в его многочисленных выступлениях как на представительных международных научных форумах, так и на страницах пакистанской прессы, а также в личных беседах с автором этой статьи. Он постоянно призывал пакистанскую сторону использовать российские востоковедные научные изыскания, представляющие собой, по его оценке, «поистине золотой кладезь знаний», при разработке стратегии двустороннего сотрудничества, указывая одновременно на необходимость осуществления совместных российско-пакистанских научных исследований в этом направлении¹¹

Подписание в 1997 г. соглашения о научно-техническом и культурном сотрудничестве между Россией и Пакистаном (хотя его проект был согласован обеими сторонами еще задолго до этого события — в июле 1994 г. во время визита министра иностранных дел Пакистана в РФ) в определенной степени способствовало решению этой задачи. Оно заметно оживило двусторонние научные контакты. Получило развитие научно-техническое сотрудничество двух стран в области космической связи и технологий. Российские и пакистанские ученые приступили к выполнению ряда совместных проектов по исследованию космического пространства и использованию спутниковых телекоммуникаций¹².

В 1997 г. российскими учеными-пакистановедами совместно с Ассоциацией друзей Пакистана (правопреемницей Общества СССР — Пакистан) и посольством Исламской Республики Пакистан в РФ была разработана обширная программа мероприятий, посвященных 50-летию создания государства Пакистан. Она была направлена на ознакомление широкой российской общественности с положением дел в этой суверенной мусульманской стране¹³. К юбилейной дате академическим коллективом авторов была подготовлена, в частности, первая в мире «Энциклопедия Пакистана», охватывающая все основные стороны жизни пакистанского общества (ее вариант на английском языке под

редакцией Ганковского Ю. В. и Хафиза Малика был опубликован в 2006 г.). Вышел в свет сборник «Каид-и азам Мухаммад Али Джинна (1876–1948)», посвященный 120-летию со дня рождения основателя пакистанского государства. К данному юбилею было приурочено и первое издание на русском языке его биографии «Джинна — творец Пакистана», написанной известным американским историком С. Уолпертом¹⁴.

Вместе с тем следует с сожалением констатировать, что двустороннее соглашение о научно-культурном сотрудничестве не было реализовано в полной мере. Это, по мнению пакистанской стороны, тормозило процесс «наведения прочных мостов дружбы и сближения с Россией», которая по-прежнему оставалась для большинства пакистанцев «загадочным евроазиатским “тяжеловесом”», играющим важную роль не только в регионе Южной и Центральной Азии, но и на макромировом уровне¹⁵.

Нависшая над миром в начале XXI в. всеобщая угроза международного терроризма внесла значительные коррективы во внешнеполитические ориентиры большинства стран, объединив их в совместной борьбе с этим главным злом современности. Россия и Пакистан также присоединились к международной антитеррористической коалиции, что открыло возможности для налаживания ими двустороннего взаимодействия и по другим направлениям политического, экономического и культурного сотрудничества.

Официальный визит в Российскую Федерацию президента Пакистана Первеза Мушаррафа в феврале 2003 г. вывел отношения двух стран на новый уровень «реалистичных взаимоотношений». Выступая на итоговой пресс-конференции по результатам своего визита в РФ, президент Пакистана Первез Мушарраф, в частности, заявил, что между двумя странами начинается «новая эра дружбы» и для ее развития оба государства «должны взять из прошлого все полезное и похоронить все плохое»¹⁶.

Важным шагом в достижении широкого взаимопонимания и взаимодействия между двумя странами, несомненно, стало принятие ими Программы сотрудничества в области науки, культуры и образования на 2003–2006 гг. Практическая реализация конкретных положений этой программы способствовала развитию в последние годы сотрудничества между Академиями наук двух стран, Министерствами культуры и образования РФ и Пакистана¹⁷. Обмен научными и культурными делегациями, совместные научные, образовательные и культурные проекты постепенно становятся реалиями российско-пакистанских отношений. Они подпитываются неиспользованными в полном объеме ресурсами «народной дипломатии» и «человеческого капитала», способными преодолеть негативные стереотипы и предубеждения, существовавшие у народов двух стран по отношению друг к другу в прошлом.

Установлению реального межкультурного, общественного диалога между Россией и Пакистаном не в последнюю очередь способствует и появление в них смешанных российско-пакистанских семей. Этот со-

циально значимый феномен был, в частности, отмечен в литературном творчестве российской поэтессы, журналиста и филолога-искусствоведа Л. Е. Авдеевой, которая долгие годы занималась культурно-просветительской работой в Пакистане, заведя библиотекой в российском Доме дружбы в г. Карачи и одновременно преподавая пакистанским студентам русский язык в 1993–1998 гг. В своем поэтическом произведении «Пакистан и Россия» она в связи с этим утверждает следующее:

Пакистан породнился с Россией.
Из России не в новость жена.
Русы косы и очи сини.
А улыбка сама весна.
На урду говорит россиянка.
Пакистанец танцует гопак,
Христианка и мусульманка
Одинаково счастья хотят
Пакистан породнился с Россией.
Породнились они не зря.
Как шатер — одно небо синее.
Одни звезды глядят в глаза¹⁸.

Без преувеличения можно сказать, что новое подрастающее поколение детей-метисов, имеющих одновременно и российские, и пакистанские корни, выступает в качестве своего рода культурных посредников в налаживании межгосударственного диалога на долгосрочной основе. Ведь социокультурный мир родителей детей-метисов определяет специфику всей их жизнедеятельности и миропонимания, которые формируются на стыке различных культур и вероисповеданий, взаимодополняя и взаимообогащая друг друга. Это в конечном итоге, несмотря на определенные сложности социализации и самоидентификации детей-метисов в смешанных российско-пакистанских семьях, несомненно, способствует укреплению взаимопонимания и взаимодействия между народами России и Пакистана, сотрудничеству двух стран по всему периметру российско-пакистанских отношений¹⁹

Таким образом, в настоящее время существуют благоприятные возможности для развития всестороннего диалога между Российской Федерацией и Исламской Республикой Пакистан. И здесь представляется важным задействовать в полной мере имеющийся научно-технический, образовательный и культурный потенциал двух стран, базирующийся на неисчерпаемых ресурсах «человеческого капитала», который способен внести свой вклад не только в укрепление многогранного межгосударственного диалога, но и в плавное интегрирование обоих государств в единое общемировое социально-культурное пространство.

При этом стоит не только опираться на уже накопленный у России и Пакистана опыт социально-культурного сотрудничества, но и стремиться одновременно находить и использовать новые формы двусто-

ронного взаимодействия в этой области. Среди них можно выделить, например, следующее:

— создание российско-пакистанского аналитического центра для проведения комплексных научных исследований с целью выработки конкретных оценок и рекомендаций государственным, торгово-экономическим и общественным структурам Российской Федерации и Исламской Республики Пакистан по вопросам развития двустороннего сотрудничества;

— возрождение деятельности Обществ дружбы двух стран для сближения народов России и Пакистана;

— активизация прямых контактов народов двух стран в области науки, культуры, образования, туризма и спорта, в том числе через средства массовых коммуникаций и информации, а также различные неправительственные организации (Ассоциацию пакистанских выпускников советских и российских вузов, Ассоциацию пакистанских бизнесменов, молодежные, религиозные и женские объединения двух стран и т.д.).

Все это могло бы способствовать выведению российско-пакистанских отношений на новый уровень диалога и партнерства.

¹ Среди многочисленных трудов по данной теме можно выделить, например, работы следующих авторов: Компанцев И.М. Пакистан и Советский Союз. М., 1970; Жмуйда И.В. Внешнеэкономические связи Пакистана. М., 1981; Якунин В. Понять партнера // Азия и Африка сегодня. № 8. М., 1997; Белокреницкий В.Я. Российско-пакистанские отношения в свете новой ситуации в регионе // Ближний Восток и современность. № 19. М., 2003; Каменев С.Н. Российско-пакистанские экономические отношения // Пакистан в современном мире. М., 2006; Шах Наваз. Пакистано-российские отношения: общие тенденции, главные препятствия и перспективы развития. — Там же; Рудницкий А.Ю. О российских подходах к развитию отношений с Индией и Пакистаном. — Там же; Ramzan Ali. Pakistan-Russia Relations: Economic Dimensions. — Там же; и др.

² Проблемы культурно-образовательного сотрудничества двух стран рассматриваются отчасти в следующих работах отечественных востоковедов: СССР и Пакистан. М., 1984; Васильева Л.А. Пакистанская поэзия на языке урду в российском контексте // Кайд-и Азам Мухаммад Али Джинна (1876–1948). М., 1996; Сухочев А.С. Фаиз Ахмад Фаиз о проблемах пакистанской культуры. — Там же; Ганковский Ю.В. Столетний юбилей Кайд-и-Азама Мухаммада Али Джинны и пакистановедение в СССР // Бюллетень Общества востоковедов. Вып. 11: М.А. Джинна, Пакистан, отечественное востоковедение. М., 2002.

³ Подробный анализ эволюции российско-пакистанских отношений см.: Икбал В. Пакистано-российские отношения // Пакистан, страны Южной Азии и Среднего Востока: история и современность. Сборник статей памяти Ю.В. Ганковского. М., 2004.

⁴ Hafeez Malik. Pakistan's Troubled Relations with the Soviet Union // Domestic Determinants of Soviet Foreign Policy towards South Asia and the Middle East. London, 1990, с. 170.

⁵ Об этом подробнее см.: СССР и Пакистан, с. 72–79; Каменев С.Н. — Там же, с. 75–77.

⁶ Об опыте профессионального обучения в учебном центре Карачинского металлургического комбината см.: Серенко И.Н. Система образования в Исламской Республике Пакистан. М., 2006.

⁷ Более подробно см.: Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. Взгляд на развитие отечественного пакистановедения // Бюллетень Общества востоковедов. Вып. 11. М., 2002, с. 89–97.

⁸ О научно-техническом и образовательном сотрудничестве двух стран в данный период см. подробнее: СССР и Пакистан, с. 203–209.

⁹ Hafeez Malik. Указ. соч., с. 173.

¹⁰ Об этом см., например: Ганковский Ю.В. Международная конференция, посвященная проблемам российско-пакистанских отношений // Восток. 1992, № 6, с. 146–147; Ганковский Ю.В., Веселов В.Т. Международная конференция «Российско-пакистанские отношения» // Восток. 1996, № 1, с. 152–153; Серенко И.Н. Международный семинар «Пакистан и Южная Азия на пороге XXI века» // Восток. 1998, № 4, с. 176.

¹¹ Tanvir Ahmad Khan. Russian Orientalism. — The News. Islamabad, 27.08.1997, с. 7.

¹² О российско-пакистанском сотрудничестве в области исследования космического пространства см. подробнее: Каменев С.Н. — Там же, с. 90–92; Шах Наваз. — Там же, с. 113–114.

¹³ Подробнее об этом см.: Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. — Там же, с. 93–97.

¹⁴ Энциклопедия Пакистана. М., 1998; The Encyclopedia of Pakistan /ed. Hafeez Malik and Yuri V.Gankovsky/. Oxford University Press, 2006; Каид-и-Азам Мухаммад Али Джинна (1876–1948). М., 1996; Уолперт С. Джинна — творец Пакистана. М., 1997.

¹⁵ Walid Iqbal. The Road Ahead. — The Nation. Islamabad, 02.02.2003, с. 1, 10.

¹⁶ Итоговая пресс-конференция президента Пакистана Мушаррафа состоялась в Москве 6 февраля 2003 г. На ней среди многочисленных приглашенных присутствовали также и сотрудники Института востоковедения РАН, включая и автора данной статьи, цитирующей отдельные высказывания пакистанского президента. Об итоговой пресс-конференции см. также: The Moscow Times. 07.02.2003.

¹⁷ См также: Каменев С.Н. — Там же, с. 100–102; Шах Наваз. — Там же, с. 115–116.

¹⁸ Авдеева Л.Е. Ветер странствий (стихи из пакистанской тетради) // Серия «Восточный калейдоскоп». М., 2004, с. 29.

¹⁹ По данным посольства Исламской Республики Пакистан в РФ, пакистанская община в Российской Федерации пока незначительна. Она представлена в основном бизнесменами, получившими образование в советских или российских вузах и состоящими в смешанных браках с российскими гражданками. Пакистанская община в РФ насчитывает около 1000 человек. Практически половина из них проживает в российской столице — Москве. Эти данные были озвучены пресс-секретарем посольства Исламской Республики Пакистан в РФ А. Эджем на праздновании религиозного праздника Ид ул-фитр в Московском Доме Национальностей, где пакистанская община была впервые официально принята в многонациональное сообщество российской столицы, став ее полноправным 67-м по счету членом (24 октября 2006 года).

РОССИЯ И КАШМИРСКИЙ ВОПРОС

Более полувека прошло с момента возникновения кашмирской проблемы в отношениях между Индией и Пакистаном, однако и сегодня она продолжает быть источником напряженности в отношениях двух стран. Несмотря на то что в настоящий момент Нью-Дели и Исламабад переживают период нормализации отношений и следуют пути «комплексного диалога», включающего в том числе и обсуждение вопроса Кашмира, пока стороны остаются далеки от окончательного решения этой наболевшей проблемы. В последние годы внимание международного сообщества обращено в основном на напряженную ситуацию на Ближнем Востоке, в Ираке и Афганистане, аналитики обеспокоены развитием иранской ядерной программы, и южноазиатский регион как бы отошел на второй план мировой политики. Между тем ситуация в этом регионе далеко не так однозначна, и при определенных обстоятельствах маятник отношений может качнуться в противоположную от политического диалога сторону. И, как это было неоднократно прежде, своего рода отражением общих процессов станет противостояние в Кашмире, которое является, по мнению многих специалистов, основной причиной индийско-пакистанских противоречий.

На фоне нынешнего общего потепления отношений и налаживания конструктивного диалога Нью-Дели и Исламабад, вероятно, сочли более приемлемым на некоторое время заморозить кашмирский вопрос, с тем чтобы он не являлся препятствием на пути двустороннего диалога по другим аспектам отношений. Тем не менее это не означает, что «кашмирская карта» не может быть разыграна вновь. В большей степени это относится к Пакистану, в котором поддержка «кашмирских братьев» является одним из основных способов консолидации общества, а для руководства страны — это краеугольный камень внешней политики. Недаром за последние годы президент Пакистана генерал Первез Мушарраф неоднократно выступал с предложениями конкретных мер и шагов по урегулированию этого конфликта.

В начальный период возникновения индо-пакистанского конфликта большое значение имел военно-стратегический фактор, определенный географическим положением княжества Джамму и Кашмир на стыке границ Индии, Пакистана, Афганистана, СССР и Китая. Советский Союз как великая держава не мог оставаться в стороне от событий, происходивших в Южной Азии, в том числе в Кашмире. В 50-е гг. про-

исходит окончательная расстановка сил в регионе, с точки зрения вписывания его в глобальное биполярное противостояние «холодной войны». Пакистан присоединился к военно-политическим блокам СЕНТО и СЕАТО, Индия, сохраняя большую независимость, становится ближе к СССР. Стратегическое ориентирование Москвы на Дели определило и позицию по кашмирскому вопросу. Советский Союз занял благоприятную, с точки зрения индийских интересов, позицию признания решенности в принципе этой проблемы, т.е. принадлежности Кашмира Индии и незаконности оккупации Пакистаном части ее территории. США поддержали позицию Пакистана, т.е. признания проблемы в целом нерешенной и необходимости предоставления кашмирскому народу права на самоопределение путем проведения плебисцита под международным контролем. Таким образом, противостояние «холодной войны» дало о себе знать и в Кашмире. Этот конфликт, хоть и косвенно, оказался вписанным в отношения Восток — Запад. Каждая из великих держав поддерживала в Южной Азии позиции своих союзников.

Следует отметить, что СССР никогда не играл роль посредника в урегулировании кашмирского конфликта. Даже проходившие после индо-пакистанской войны 1965 г. в Ташкенте переговоры при участии председателя Совета министров СССР А. Косыгина нельзя назвать посредничеством в чистом виде. Основная цель третьей стороны (в данном случае СССР) заключалась в организации переговорного процесса между конфликтующими сторонами. СССР фактически создал условия для того, чтобы представители Индии и Пакистана имели возможность провести встречу, завершившуюся подписанием Ташкентской декларации.

Аналогичные усилия прилагала уже Россия, когда в 2002 г. в Алма-Ате на Совещании по взаимодействию и мерам доверия в Азии президент В. В. Путин пригласил руководителей Индии и Пакистана провести встречу. Переговорную площадку для конфликтующих сторон представляют собой и встречи в рамках Шанхайской Организации Сотрудничества, в которой Пакистан и Индия получили статус наблюдателей.

Позиция Москвы по кашмирскому вопросу до конца 80-х — начала 90-х гг. прошлого века не претерпевала сильных изменений. Однако 90-е гг. ознаменовались не только крупными изменениями в самой России (и как следствие, в ее внешнеполитическом курсе), но и появлением новых факторов, влияющих на ситуацию внутри Кашмира (захлестнувшая его волна исламского радикализма и экстремизма). Незначительное охлаждение российско-индийских отношений в начале 90-х гг., вызванное тем, что внешнеполитические приоритеты России сместились в сторону Запада, сказались и на позиции Москвы по Кашмиру.

Ее позиция утратила былую однозначность. Так, например, в российско-индийском Договоре о дружбе и сотрудничестве 1993 г. вообще не предусматривалось какого-либо участия в конфликте на стороне другого партнера. Отказ России от традиционной поддержки Индии в спорных вопросах вызывал беспокойство в Дели. Особенно болезненно индийское руководство воспринимало такие заявления россий-

ских официальных лиц, как, например, слова министра иностранных дел А. Козырева, что обострение ситуации в Кашмире связано в том числе и с действиями Индии и права человека должны соблюдать обе противоборствующие стороны. Дели счел, что таким образом российский представитель возложил часть ответственности и на индийскую сторону. Еще большую обеспокоенность вызвал тот факт, что в коммюнике по итогам визита вице-президента России А. Руцкого в Пакистан в 1991 г. (еще до распада СССР) отсутствовала формулировка о том, что Кашмир является неотъемлемой частью Индии, что могло быть воспринято как фактическая поддержка Пакистана. Впоследствии, в частности во время визита в январе 1993 г., президенту России Б. Ельцину пришлось заверять руководство Индии, что Москва выступает за сохранение целостности Индии.

Новую международную роль конфликт приобрел, когда в Кашмире появилась новая сила — исламский радикализм. Из-за этого и сегодня сохраняется большая опасность для региона. В последние годы Кашмир оказался частью глобальной международной террористической сети, террористический панисламизм пустил глубокие корни на его территории. Безусловно, не являясь глобальным конфликтом, тем не менее противостояние в Кашмире представляет собой большую угрозу как один из очагов международного терроризма. В связи с этим ведущие мировые державы, в том числе и Россия, занимают крайне жесткую позицию в отношении инфильтрации исламских боевиков и выражают серьезную озабоченность по поводу возможной эскалации конфликта.

Особую тревогу вызывает также и то, что Индия и Пакистан де-факто являются ядерными державами, в связи с чем конфликт в Кашмире становится еще более опасным.

На сегодняшний день позиция России по кашмирскому вопросу заключается в следующем. Россия исходит из того, что этот спор должен решаться мирными средствами на двусторонней основе, заложенной Симлским соглашением, без вмешательства извне. Кашмирский вопрос — часть крупномасштабного переговорного процесса, идущего в духе Лахорской декларации (1999 г.). Россия приветствует продолжение содержательного диалога Нью-Дели и Исламабада по всем ключевым двусторонним проблемам, включая кашмирскую. Об этом заявляли официальные представители России, подчеркивая при этом, что посредничество Москвы в индийско-пакистанском споре вокруг Кашмира (с предложением чего неоднократно выступала, в частности, пакистанская сторона) возможно лишь в случае обращения с этой просьбой обеих стран — и Индии, и Пакистана. На сегодняшний день такая позиция России представляется наиболее взвешенной и адекватной той ситуации, которая сложилась в южноазиатском регионе. Она позволяет Москве развивать двусторонние отношения с каждой из участниц конфликта. Исходя из интересов России в Южной Азии, в частности необходимости развивать самостоятельные пакистано-российские отношения независимо от стратегического партнерства России и Индии, отно-

шение Москвы к одной ключевой и наиболее деликатной проблеме — кашмирской — является оптимальным. Россия стремится к тому, чтобы Кашмир не становился камнем преткновения в ее сотрудничестве ни с Дели, ни с Исламабадом. И пока это ей удастся. Позиции России в Южной Азии не настолько сильны, чтобы откровенно, подобно США, вмешиваться в этот по сути двусторонний, но крайне сложный, многоуровневый конфликт. Комплексный характер и нынешнее состояние кашмирского спора, реалии сегодняшнего дня, изменившаяся роль самого конфликта для региона и мира в целом (ядерный статус Индии и Пакистана; втягивание Кашмира в международную исламистскую террористическую сеть; нестабильные отношения между странами — участниками конфликта и т.д.) требуют от России адекватной и взвешенной позиции.

ПАКИСТАНСКИЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ КОМБИНАТ И РОССИЙСКИЙ БИЗНЕС

1984 г. ознаменовался вступлением в строй «гиганта» металлургии Пакистана, на строительство которого ушло более десятилетия. Этот завод явился краеугольным камнем, примером благоприятного сотрудничества СССР и Пакистана. Соглашение об оказании экономического и технического содействия Пакистану в строительстве государственного металлургического завода мощностью 1,1 млн. т стали в год было подписано 22 января 1971 г. СССР предоставил кредит, который погашался пакистанской стороной товарами традиционного экспорта: хлопком, шерстью, рисом, кожей, хлопчатобумажными тканями, обувью и т.д. Помимо подготовки технической документации, поставки основной части оборудования и материалов, советская сторона оказала техническое содействие в подготовке квалифицированных кадров.

Пакистанская же сторона для обеспечения нормальной эксплуатации завода, достижения проектной мощности и технико-экономических показателей старалась укомплектовать завод квалифицированными специалистами, обеспечить планомерную загрузку производственных мощностей, сбыт готовой продукции и т.д.

Завод расположен в 40 км от Карачи, территория превышает 7 кв. км, для соединения завода с портом Касим (вблизи Карачи) было проложено 47 км железнодорожных путей. Пакистанская фирма «НЕСПАК» построила жилой городок со школами, колледжами, детскими садами. Строительство комбината обеспечило работой более 50 тыс. человек, а вместе с семьями средства существования получили более 150 тыс. человек¹.

В 1989 г. между СССР и Пакистаном было подписано новое соглашение о предоставлении пакистанской стороне на расширение КМК кредита в 100 млн. долл. Он был рассчитан на 13 лет с трехлетним льготным периодом и низким (всего 5) процентом. Кредит, как и первый, предоставлялся на бартерной основе: пакистанская сторона должна была поставлять отобранные товары, советская — обеспечивать чертежи и дизайн запасных частей, которые должны были производиться для КМК в Пакистане, поскольку ежегодный импорт запчастей стоимостью в 1 млрд. рупий ложился тяжелыми затратами на экономику Пакистана. Согласно условиям соглашения льготный кредит должен был состоять из коммерческого кредита (70% суммы) и государственного кредита (30%) с 5%. Причем соглашение предусматривало отсутствие каких-либо ограниче-

ний на закупку Пакистаном оборудования в третьих странах. К сожалению, распад СССР не позволил претворить в жизнь этот проект².

Завод находится в государственном секторе. Однако за 21 год существования его мощность не достигала запланированной в 1,1 млн. т, а в последнее время завод нес большие убытки из-за плохого управления, избытка управленческого персонала и устаревшего оборудования. Количество рабочих на заводе было явно завышено и составляло 25 тыс. человек. К моменту принятия решения о приватизации число работающих было решено сократить до 13 тыс., однако и это количество было оценено как излишне большое. Наиболее оптимальное количество должно составлять не более 6 тыс. человек. На многих форумах, где решался вопрос о количестве работающих, было определено их число в 3,5–4,5 тыс. человек. Именно столько рабочих требовалось, если бы подобный завод находился где-нибудь на Западе.

О значимости завода говорят такие данные: он удовлетворяет ежегодно от 20 до 22% общих потребностей в стали, которые составляют 4,5 млн. т в год. 1 млн. т ввозится из-за рубежа, около 1 млн. производится на заводе и более 2 млн. — в частном секторе.

За время существования завода его почти всегда возглавлял оставший военный высокого ранга, но никогда на нем не производились специализированные сорта стали для стратегических целей.

Следует отметить, что душевое потребление стали в год составляет в Пакистане всего 30 кг, тогда как мировой уровень превышает 162 кг. Экономисты считают, что пакистанский уровень потребления должен возрасти благодаря индустриализации страны, однако, если Карачинский завод не будет модернизирован и не увеличатся инвестиции в производство, доля его будет снижаться.

Учитывая важность завода для страны, ему предоставлялись налоговые льготы, тарифные скидки, составлявшие первоначально до 65% стоимости продукции, которые затем были снижены до 5–10%. Несмотря на столь высокий протекционистский уровень, завод нес большие потери, вызванные уровнем производства, устаревшим оборудованием, нерадивым управлением и избытком управленческого персонала. В результате до 1992–1993 гг. правительство страны выплатило 14 млрд. рупий для ликвидации различного рода обязательств и еще предоставило заводу беспроцентный заем в 825 млн. рупий. В 1999–2000 гг. оно провело финансовую реорганизацию комбината, ликвидировав все его долги, однако, несмотря на эти меры и предоставление займа в 7,8 млрд. рупий, правительству пришлось выплатить еще и проценты, которые к июню 2000 г. составили 3,4 млрд. рупий³.

В 2002–2004 гг. финансовое положение предприятия улучшилось благодаря росту цен на сталь и ее производные на мировом рынке на 13–28% и 32% — в 2004–2005 гг. (см. табл. 1). Но уже в последующие годы та же мировая конъюнктура и снижение использования мощностей привели к убыткам завода на 1,64 млрд. рупий только за 10 месяцев 2006 г.

Таблица 1*

Годы	Текущие доходы, млрд. рупий
2002	2,27
2003	4,00
2004	6,60
2005	9,76

* The News, 03.07.06.

По оценкам пакистанских специалистов, завод, построенный по советскому проекту, не отвечает ныне современным технологиям, оснащению, автоматизации, требует значительных капиталовложений, и только когда его мощность будет увеличена с 1,1 млн. до, по крайней мере, 3 млн. т в год, он станет экономически целесообразным. Инвестиции оцениваются в 1,2 млрд. долл.

Нерентабельность предприятия, находящегося в государственном секторе, потребовала включить его в список предприятий, подлежащих приватизации. Причем было решено продавать акции завода по наиболее высоким ценам: 17,43 рупии за акцию по требованию Приватизационной комиссии, 16,18 — Комиссии кабинета министров и по окончательному решению — по 16,80 рупий за 75% всего пакета акций завода. Именно из-за стоимости пакета акций возникло много проблем, главная из них — приватизация.

Правительство Пакистана объявило в марте 2006 г. аукцион по продаже завода. В нем приняло участие несколько фирм из разных стран, в том числе Магнитогорский металлургический комбинат, который, несмотря на то что в 2005 г. уже поставлял 38% своего проката в южноазиатский регион, решил утвердиться на рынке пакистанского проката, приняв участие в объявленном аукционе по продаже госпакета акций Карачинского металлургического завода (Pakistan Steel Mills Corporation) в консорциуме с Аль-Туваиркви из Саудовской Аравии (Al-Tuwairqi) и Ариф Хабиб энд Сидики Санс Секьюритиз из Пакистана (Arif Habib and Sidique Sons Securities). Эти три компании выиграли конкурс по приватизации завода, заплатив за 75% акций 362 млн. долл. Однако победа оказалась «пирровой», поскольку 23 июня 2006 г. Верховный суд Пакистана на основании иска главы местной партии «Ватан» Зафаруллы Хана аннулировал сделку по продаже госпакета, посчитав стоимость ее заниженной и оцененной в 1 млрд. долл.⁴

После победы на аукционе ММК и его партнеры согласились выполнить все требования властей и вложить 12 млн. долл. в реконструкцию, доведя мощности комбината до 1,55 млн. т. Это первая очередь расширения, а всего мощности должны были быть увеличены до 3 млн. т⁵

Нехватка металла в стране неоднократно поднимала проблему расширения металлургического завода. Так, в январе 1989 г. впервые план расширения комбината был представлен правительству, одобрен в 1990 г. и

оценен в 1,5 млрд. пак. рупий. План расширения поднимался, кроме СССР, представителями Великобритании, Китая и других стран в 80–90-е гг. Во время визита П. Мушаррафа в Москву в 2003 г. между В/О «Тяжпромэкспорт» и пакистанской стороной был подписан Меморандум понимания, однако до сих пор вопрос о реконструкции завода остается открытым⁶.

Следует напомнить, что аукцион по продаже пакета акций КМК планировался еще в 2005 г., но провести его не удалось, так как между правительством Пакистана и властями провинции Синд, где расположен завод, возникли разногласия из-за отвода больших участков земли вокруг комбината, оцениваемых в 90–92 млрд. рупий. Ныне эта земля по мере освоения поделена на 4 части, каждая из которых разделена на участки и предоставляется персоналу⁷.

После неудачи с покупкой акций КМК Магнитогорский комбинат отказался от намерения участвовать в реконструкции завода. Как заявили в руководстве ММК: «Мы решили, что надо отнестись к этой неудаче без фанатизма и пробовать другие варианты. Приоритетным проектом сейчас является строительство завода мощностью 10 млн. т плоского проката в индийском штате Орисса»⁸. ММК, несмотря на то что КМК не имеет собственного сырья и получает уголь и руду по длинным контрактам из Индии и Китая, считал, что покупка завода даст ему возможность утвердиться сначала на пакистанском, а в будущем и на азиатском рынке.

Потерпевшая фиаско в приватизации Карачинского металлургического комбината саудовская фирма «Туваиркви» предложила пакистанской стороне построить металлургический завод по производству заготовок мощностью 1 млн. т и стоимостью 300 млн. долл., который должен располагаться на площади 220 тыс. акров на территории порта Касим⁹. В случае завершения строительства завод займет монопольное положение на местном рынке.

Судьба Пакистанского металлургического комбината в г. Карачи еще раз показала, что предприятия, находящиеся в государственном секторе, часто оказываются нерентабельными, особенно в развивающихся странах, страдают из-за излишка управленческого персонала и рабочих, неэффективности производства, не используют достижения современной техники и технологии. Все это заставляет передавать их из государственного в частный сектор, причем эта передача сопровождается трудностями вплоть до публичных скандалов.

¹ Financial Times, 23.03.1979; Business & Finance Review, 10.07.2006.

² Business Recorder, 25.08.1989.

³ Business & Finance Review, 10.07.2006.

⁴ The Nation, 24.06.2006; The News, 03.07.2006.

⁵ Там же.

⁶ Dawn, 01.04.2004; The News, 22.03.2003.

⁷ The News, 17.08.2006; Newline, May, 2006.

⁸ Коммерсант Business Guide, № 12. 14.11.2006.

⁹ The News, 03.07.2006.

РОССИЯ И ИРАНСКАЯ ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА

С момента распада СССР и образования Российской Федерации (РФ) Россия имеет свои естественные национальные интересы в отношениях с Исламской Республикой Иран (ИРИ). Эти интересы имеют исторические корни, которые сложились еще во времена СССР и шахского режима. Затем, после исламской революции в Иране и горбачевской перестройки и гласности в СССР, эти интересы постепенно сложились в то сотрудничество между Ираном и Россией, которое мы наблюдаем в настоящее время. Соответственно, оба крупных в военно-политическом отношении государства являются естественными партнерами друг для друга. Их взаимные интересы включают внешнеэкономические и внешнеторговые отношения, политическое взаимодействие по многим международным вопросам современных глобальных и региональных международных отношений, сферу военно-технического сотрудничества, партнерство в осуществлении в Иране крупных коммерческих проектов в нефтегазовой отрасли (например, возможное участие российских фирм в строительстве трансрегионального газопровода Иран — Пакистан — Индия), а также сотрудничество в области мирного использования атомной энергии (строительство АЭС в Бушере при непосредственном участии российских государственных компаний). Россия также имеет важные внешнеполитические интересы в Иране: ИРИ — крупная региональная держава в регионе Среднего Востока, оказывающая значительное влияние на политические процессы не только в своем регионе, но и в сопредельных регионах Ближнего Востока, районе стран Персидского залива и Центральной Азии, а также Закавказья — новых независимых странах — Азербайджане, Армении и Грузии и бассейне Каспийского моря. Это говорит о значимости Ирана как внешнеполитического партнера не только в региональных отношениях, но и в глобальном смысле.

В российско-иранских отношениях нет крупных противоречий, если не считать сохраняющиеся различия в подходах обеих стран к вопросу освоения углеводородных запасов Каспия (ИРИ претендует на ббльший сектор Каспийского моря с разработкой его углеводородных месторождений) и позицию России по отношению к ядерной деятельности Тегерана, претерпевшую некоторые изменения после 2004 г., когда ИРИ запустила полным ходом программу обогащения урана и создание предприятий полного (закрытого) ядерного топливного цикла, мотивируя это насущными нуждами развития ядерной энергетики

страны. При этом Россия, продолжая сотрудничать с Ираном в строительстве Бушерской АЭС, выступает за исключительно мирное использование Ираном энергии атома — поскольку после 2004 г. у международного сообщества, и прежде всего ООН и МАГАТЭ, имеются определенные сомнения в характере и направленности ядерной деятельности ИРИ. А Иран не может с полной определенностью подтвердить, что его ядерная программа служит исключительно мирным целям. И здесь уместно в самом начале этой статьи повторить вынесенный в ее заголовок вопрос, несколько видоизменив его: насколько совместимы российские национальные интересы с иранской ядерной программой? Ответ, на наш взгляд, состоит в том, что возможное создание ИРИ ядерного оружия, в чем подозревает ее международное сообщество и в чем не до конца уверена Россия, однозначно противоречит национальным интересам России. Это было неоднократно отмечено самыми высокопоставленными российскими политиками; об этом недвусмысленно высказывался тогдашний министр обороны РФ Сергей Иванов. Поскольку в непосредственной близости от границ РФ появится крупная региональная ядерная держава, имеющая на своем вооружении баллистические ракеты средней и меньшей дальности, радиус действия которых покрывает южный фланг России. Который к тому же будет опоясан так называемым «исламским ядерным поясом» — в связке ядерный Пакистан — ядерный Иран, с возможным подключением Саудовской Аравии, как того опасаются многие международные аналитики. Этот «пояс» станет далее частью «ядерной дуги нестабильности», которая будет пролегать от Израиля — де-факто ядерного государства, через ядерные Иран и Пакистан до ядерной Индии и оканчиваться признанной ядерной державой — Китаем и новым ядерным неформалом — Северной Кореей. И все это в основном вдоль южных и юго-восточных границ РФ.

Что же касается непосредственно ядерной программы ИРИ, то упорное нежелание Тегерана прекратить обогащение урана и даже начало его промышленного обогащения превратило ядерную программу этой страны в ядерную проблему для всего международного сообщества. С весны 2006 г. так называемое «ядерное досье» Ирана находится на рассмотрении Совета Управляющих МАГАТЭ — международной организации ООН, призванной неукоснительно следить за мирным характером ядерной деятельности стран — членов Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и пресекать попытки переключения ядерных материалов и технологий на их немирное использование. В последнее время «ядерное досье» Ирана рассматривается в Совете Безопасности ООН, который в своей последней резолюции № 1696 от 31 июля 2006 г. потребовал от Ирана до 31 августа 2006 г. прекратить все работы по обогащению урана и вернуться в правовое поле ДНЯО. Формально Иран не нарушает основополагающие принципы ДНЯО, однако, как свидетельствует МАГАТЭ в своих регулярных отчетах о соблюдении Ираном гарантий МАГАТЭ, ядерная деятельность Ирана

не может дать возможность МАГАТЭ заверить международное сообщество и ООН в том, что ядерная программа Ирана носит исключительно мирный характер. Наоборот, согласно последним данным экспертов МАГАТЭ, ИРИ вдвое увеличила каскад центрифуг на предприятии в Натанзе (со 164 до 328), на которых осуществляется обогащение урана, правда со степенью обогащения в 3%. Начиная от степени обогащения в 20% этот радиоактивный материал становится пригодным в качестве «начинки» для ядерного оружия. ИРИ также ввела в действие завод по производству тяжелой воды в Араке, который является одним из ключевых объектов по переработке отработавшего ядерного топлива и выделению плутония — еще одной ядерной «взрывчатки».

Для «шестерки» государств (Россия, США, Китай, Великобритания, Франция и Германия), обсуждающих ядерную проблему ИРИ на всех уровнях (совещаниях министров иностранных дел, в СБ ООН и на уровне экспертов), так же как и для большинства международного сообщества, остается без ответа вопрос о целесообразности создания Ираном полного ядерного топливного цикла, притом что собственных запасов урановых руд Ирану едва хватит на обеспечение работы АЭС в Бушере. А Тегеран объявил об амбициозном плане, который был выдвинут еще при шахском режиме — строительстве 20 АЭС для развития своей ядерной энергетики. И это в то время, когда страна занимает второе место по разведанным запасам природного газа и является одним из ключевых экспортеров нефти на мировом рынке. И природный газ и нефть являются дешевыми альтернативными источниками энергии для страны. Но нынешнее руководство ИРИ в лице президента М. Ахмадинежада упорно заявляет о необходимости создания полного ядерного топливного цикла и объявило весной 2006 г. о том, что Иран вошел в «избранный клуб ядерных держав», овладев технологией обогащения урана. Это мотивируется нуждами развития иранской ядерной энергетики. При этом остается открытым вопрос о конечном использовании чувствительных ядерных технологий и оборудования, которые, как свидетельствуют эксперты МАГАТЭ, были поставлены Ирану подпольной сетью пакистанского ученого атомщика и «ядерного бизнесмена» А.К. Хана в 2003–2004 гг.

Между тем на сегодняшний день рассмотрение иранской ядерной проблемы на международном уровне, и прежде всего в СБ ООН, находится в некотором тупике. После отказа Ирана ответить положительно на требования, содержащиеся в вышеупомянутой резолюции СБ ООН, и на пакет побудительных предложений «шестерки» Тегеран в лице главного «ядерного» переговорщика Лариджани продолжает вести переговоры с «евротройкой», которую представляет Х.Солана, правда без особого успеха. Власти ИРИ, по последним сообщениям, собираются допустить инспекторов МАГАТЭ на ядерные объекты страны для проведения тестов на наличие расщепляющихся материалов на этих установках, а президент М. Ахмадинежад осудил проведение ядерных испытаний Северной Кореей в октябре 2006 г. и призвал ее руководите-

лей отказаться от ядерного оружия. Наконец, Тегеран не вышел из Дополнительного протокола 1997 г. МАГАТЭ, хотя до сих пор отказывается ратифицировать его. Что это? Попытка ИРИ доказать всему миру, что его ядерная программа является мирной и не направлена на создание ядерного оружия, или тонкий ход иранской дипломатии? В любом случае, иранцы могут, с некоторым для себя основанием, обвинять международное сообщество в том, что оно осуществляет давление на Иран, который является полноправным участником ДНЯО и членом МАГАТЭ. Однако, как представляется, это все же очередные маневры иранской дипломатии, призванные предотвратить неблагоприятное развитие ситуации вокруг иранской ядерной проблемы, выражающейся в принятии СБ ООН согласованной резолюции, содержащей конкретные санкции против ИРИ. А принятие такой резолюции «буксует» из-за отсутствия консенсуса среди его постоянных членов как раз по вопросу об этих самых санкциях. Россия и Китай считают принятие санкций против Ирана преждевременным и выступают за дальнейшие дипломатические переговоры с Тегераном в рамках МАГАТЭ. Насколько санкции против ИРИ соответствуют национальным интересам РФ? Думается, что любая резолюция СБ ООН, предусматривающая полное свертывание сотрудничества в ядерной области с ИРИ, неприемлема для России, которая строго выполняет все свои международные обязательства в том, что касается строительства АЭС в Бушере (в феврале 2005 г. между ИРИ и РФ было даже подписано соглашение о возврате отработавшего ядерного топлива с Бушерской АЭС в РФ). Такая резолюция, которую энергично пытаются протолкнуть в СБ ООН США, выглядит как попытка ущемить коммерческие интересы России в Иране и в перспективе лишить ее доступа на иранский «ядерный» рынок. Похоже, это прекрасно понимает «евротройка»: не случайно она выдвинула свой «смягченный» проект резолюции, содержащий санкции против Тегерана, учитывая особые интересы России в Бушере. Однако это связано не с желанием Великобритании, Франции и Германии отдать иранский «ядерный» рынок России, а с их попыткой найти консенсус по санкциям против ИРИ.

Представляется, что российским национальным интересам противоречит любая резолюция СБ ООН, содержащая ссылку на применение военной силы против ИРИ, как и ее применение вообще. Кстати, этого очень опасается Иран. По словам ведущих американских аналитиков Совета по международным отношениям, с которыми автор встречался летом 2006 г. в Нью-Йорке, иранцы опасаются, что США предпримут военное нападение на Иран уже в ближайшем будущем, поэтому он продолжит свою ядерную программу в интересах своей безопасности. Так вот, любое применение военной силы против ИРИ, будь то со стороны США или Израиля, под эгидой ООН или без нее, чревато быстрым перерастанием в крупный региональный конфликт, прежде всего между Ираном и Израилем, де-факто ядерной державой, против которого в первую очередь в конечном счете и направлено будущее иран-

ское ядерное оружие. А между тем ИРИ — мощная региональная военная держава, имеющая вторые после Израиля отобилизованные вооруженные силы на Большом Ближнем Востоке. Такой конфликт заставит Россию пересмотреть свою политику обеспечения безопасности на южном направлении, в том числе и ядерную политику, и грозит втягиванием в него и других государств Большого Ближнего Востока.

Что же можно ожидать в нынешней сложившейся ситуации вокруг ядерной проблемы Ирана и как повести себя России? Как представляется, возможные варианты дальнейшего развития событий, связанных с иранской ядерной программой и реакцией России, можно условно разделить на три основных сценария.

Первый. СБ ООН в ближайшем будущем принимает согласованную резолюцию о «мягких» санкциях против ИРИ. Речь идет о поэтапной эскалации санкций против Ирана со стороны международного сообщества, начиная от замораживания иранских авуаров в западных финансовых организациях и прекращения поставок Тегерану высоких технологий, в том числе и в ядерной области, и кончая эмбарго на поставки некоторых видов промышленной продукции ИРИ. Здесь важно отметить, что речь не идет о нефтяном эмбарго ИРИ, поскольку Запад (прежде всего европейские страны), а также Китай не пойдут на это. Думается, что при непримиримой позиции Ирана в том, что касается продолжения его программы обогащения урана, Россия могла бы присоединиться к этим «мягким» санкциям, конечно, не в ущерб сотрудничеству с Ираном. Это дало бы сигнал Тегерану, что существует некая «красная черта», которую он перешел, и что он не может и дальше играть на разногласиях между Россией и Западом по вопросу санкций. И такая позиция не противоречила бы национальным интересам России, пытающейся таким образом со своей стороны предотвратить появление ядерного оружия у своего соседа. И думается, что Ирану будет совсем небезразлична такая позиция России (вполне вероятно, поддержанная Китаем).

Второй. Принятие согласованной резолюции СБ ООН все еще затягивается, иранская ядерная проблема вновь и вновь возвращается к своему обсуждению в рамках МАГАТЭ и «шестерки» и на переговорах Тегерана с «евротройкой». Это менее вероятный сценарий по сравнению с первым, но все же возможный, учитывая уже упомянутый выше «тупик» в рассмотрении ядерной проблемы ИРИ. Эта ситуация благоприятна для Ирана, поскольку позволяет ему как можно дольше оттягивать угрозу санкций и продолжать программу обогащения урана без особых для него последствий. Для России — это не самая лучшая ситуация, поскольку дипломатические переговоры с Тегераном, на чем она настаивает, фактически заходят в тупик, а Тегеран продолжает разыгрывать «российскую карту» в своем торге с Западом. Кроме того, такая ситуация не может длиться бесконечно долго. Так или иначе, России придется выбирать между партнерскими отношениями по иранской ядерной проблеме с западными странами и бесплодными ууще-

ваниями Тегерана свернуть свою программу обогащения, имеющую немирный аспект. Думается, что здесь очень своевременно выглядит предложение президента В.В. Путина о международном центре по переработке плутония и обогащению урана на территории РФ для нужд ядерных энергетических программ таких стран, как Иран. Только при этом нужно учесть отрицательный опыт российского предложения о создании российско-иранского СП по обогащению урана на территории РФ и иранскую дипломатическую игру с этим предложением. Для Ирана обогащение урана в таких международных центрах (для того, чтобы иметь ядерное топливо для своих АЭС) — это выход из тупика вокруг его программы обогащения. Для России — это хорошая дипломатическая инициатива, позволяющая сбалансировать интересы Ирана и западных партнеров по его ядерной проблеме и вновь выступить в качестве посредника между ИРИ и Западом. Думается, что к этому со стороны России можно было бы добавить и инициативу по репатриации обогащенного урана и переработанного отработавшего топлива АЭС обратно в Иран под гарантиями МАГАТЭ, если ИРИ твердо намерено реализовать свой план по строительству 20 АЭС. Что касается политико-дипломатических инициатив со стороны РФ при этом сценарии, то целесообразно полномасштабное подключение России к переговорам Ирана с «евротройкой». При этом необходимы гарантии содействия в развитии на территории ИРИ объектов ядерной энергетической программы — коммерческих реакторов и объектов применения ядерной энергии в исследовательских и медицинских целях, при соблюдении всех необходимых гарантий МАГАТЭ. Наконец, разумно предложить Ирану в обмен на необогащение урана на установках в Натанзе и Исфагане выше уровня 3–5% (что является пригодным в качестве топлива для энергетических реакторов Ирана) гарантировать поставку новых коммерческих энергетических реакторов совместно со странами «евротройки» и осуществление дополнительных инвестиций в иранский нефтегазовый сектор, включая новейшие высокие технологии.

Третий сценарий. СБ ООН под давлением США принимает резолюцию о применении военной силы против ИРИ, согласно статье VII Устава ООН. При этом Россия голосует против такой резолюции, но без вето. То же самое делает и Китай. Такой сценарий развития ситуации вокруг иранской ядерной проблемы менее вероятен, чем первые два. Более вероятно начало применения военной силы против Ирана со стороны Израиля (военный или военно-воздушный рейд против ключевых иранских ядерных установок при полной поддержке США, но без участия американских военных и военно-воздушных сил). Это — крайняя ситуация, которая выглядит весьма отдаленной перспективой, хотя и не невозможной. В этих условиях РФ будет резко возражать против таких ходов со стороны Израиля и США, и это соответствует ее национальным интересам, как уже было отмечено выше. Если это будет иметь место с санкции ООН, Россия (так же, как и Китай) вправе применить вето при голосовании такой резолюции в СБ ООН (в отличие

от резолюции СБ ООН, содержащей общие положения о применении силы против ИРИ). Здесь от России потребуются дипломатические усилия по переговорам с США и Израилем с целью не допустить такой ситуации. Кроме того, Россия могла бы настаивать на прямых переговорах между США и Ираном с целью предоставления американских гарантий безопасности ИРИ, с подключением переговорного потенциала «евротройки» и МАГАТЭ. При этом от Ирана Россия вправе потребовать гарантий того, что обогащение урана, как и вся иранская ядерная деятельность, не носит немирного характера. И в качестве жеста доброй воли со стороны Ирана — полностью распространить действие Дополнительного протокола 1997 г. МАГАТЭ (о внезапных инспекциях), даже без ратификации его иранским меджлисом. Кроме того, в этих условиях «шестерка», по инициативе РФ, могла бы предоставить ИРИ гарантии ненападения на его ядерные установки при доброй воле Ирана приостановить промышленное обогащение урана и допустить инспекторов МАГАТЭ на все ключевые ядерные установки для слежения за процессом приостановки обогащения урана, что уже имело место в прошлом. Иран при этом обязуется неукоснительно выполнять рекомендации МАГАТЭ и «шестерки», и это не выглядело бы как диктат развитых стран Ирану, а только как рекомендации. На фоне этого «шестерка» в рамках МАГАТЭ проводит интенсивные дипломатические переговоры с ИРИ с предоставлением гарантий мирного развития ядерной деятельности Тегерана при его полной отчетности перед МАГАТЭ по процессу обогащения урана на его ключевых установках. Для Ирана при этом соблюдается возможность обогащения урана на его территории под полноохватным контролем МАГАТЭ. Все эти инициативы и действия полностью соответствовали бы национальным интересам как России, так и Ирана.

Основной вывод, который следует после рассмотрения возможных сценариев, состоит в том, что даже в нынешней, почти тупиковой ситуации вокруг иранской ядерной проблемы все еще имеется «окно возможностей» для Ирана, с учетом вышеупомянутых дипломатических инициатив со стороны РФ, США и «евротройки», при условии своевременного ответа со стороны ИРИ в духе доброй воли. При этом Иран должен проводить переговоры с «шестеркой» стран и МАГАТЭ в конструктивном плане для разблокирования тупиковой ситуации вокруг его ядерной проблемы, что соответствовало бы его национальным интересам и снижению уровня напряженности в отношениях ИРИ с ведущими западными странами, включая США. Это также полностью соответствует национальным интересам России для сохранения конструктивного сотрудничества с этим южным соседом, в том числе и в области мирного использования атомной энергии. Важным представляется здесь то обстоятельство, что все заинтересованные стороны должны действовать без диктата, даже в случае принятия резолюции СБ ООН о «мягких» санкциях против ИРИ, если она проявит дальнейшую неуступчивость в вопросе о приостановке обогащения урана.

Кроме того, важно не допустить перерастания иранского ядерного кризиса в ситуацию, когда Иран, загнанный в угол, действует импульсивно и неконструктивно в ответ на неограниченное давление международного сообщества. Таким образом, можно очень скоро получить вторую Северную Корею в регионе Большого Ближнего Востока. И как представляется, Россия, для того чтобы избежать этого, должна сыграть успешную посредническую роль в конструктивном плане. Поскольку она еще не исчерпала все рычаги воздействия на Иран в силу продолжающихся периодических консультаций высших чиновников Ирана с высокими официальными лицами РФ в Министерстве иностранных дел РФ, Совете Безопасности РФ и на уровне встреч с президентом РФ. Только последовательные шаги России в иранском ядерном кризисе будут способствовать тому, что национальные интересы России (прежде всего по сохранению доброго сотрудничества с ИРИ) будут совместимы с его ядерной программой.

ШИИТСКАЯ ОБЩИНА РОССИИ И ИСЛАМСКАЯ РЕСПУБЛИКА ИРАН

Сегодня большое количество исследований и публикаций в прессе посвящено процессам, происходящим в исламской умме России. На фоне обилия информации о деятельности суннитских организаций и ее достаточной открытости шиитская община остается на периферии общественного внимания. Такое положение сложилось под воздействием нескольких причин, одной из которых является относительная чужеродность шиизма на территории традиционного исповедания суннитского ислама.

Шиизм пока еще нельзя назвать традиционной для России формой бытования ислама. До распада СССР численность этнических последователей этого направления в исламе, представленных азербайджанцами, лезгинами, татами и некоторыми другими народами, была крайне незначительной¹. Ситуация изменилась в 90-е гг., когда нелегальная трудовая миграция увеличила численность постоянно проживающих в России азербайджанцев в несколько раз. По данным последней переписи населения в Российской Федерации, в 2002 г. здесь проживало 2,16 млн. азербайджанцев². Самый большой массив выходцев из Азербайджана сосредоточился в Москве (около 800 000 человек), второй по численности массив располагается в Санкт-Петербурге (около 200 000 человек)³. Необходимо учесть, что в этот период, вместе с количественным ростом этнических мусульман-шиитов, существенно возрос уровень их религиозности, что придало шиитскому фактору дополнительное значение.

С другой стороны, в этническом самосознании азербайджанцев, среди которых лишь около 65–75% являются шиитами, религиозная идентичность занимает одно из последних мест. Поэтому шиизм не играет ключевой роли в самосознании большинства российских азербайджанцев, уступая языковому и земляческому признакам. Возможно, именно этим следует объяснить некоторую индифферентность азербайджанцев к суннито-шиитским различиям внутри ислама. Согласно исследованиям, проведенным в сентябре 1997 г. в Азербайджане, подавляющее большинство верующих азербайджанцев (87–92%) не соблюдают всех обязательных предписаний ислама и обладают достаточно аморфными представлениями как о вероучении ислама вообще, так и о догматических расхождениях между его шиитской и суннитской ветвями⁴. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что большин-

ство азербайджанцев слабовосприимчивы к ирано-шиитской пропаганде. Сильнейшее противодействие попыткам Ирана задействовать шиитский фактор в Азербайджане оказало правительство Гейдара Алиева, пришедшее к власти в 1993 г. и предпринявшее все усилия для нейтрализации иранского религиозного и идеологического влияния в республике.

На протяжении 90-х гг. шиитские общины в городах РФ формировались достаточно стихийно. Большинство из них так и не получило какой-либо организационной оформленности, оставаясь в ведении азербайджанских национально-культурных центров и земляческих обществ. Шииты не располагают такими официальными структурами, как освященный более чем двухсотлетней историей взаимодействия с государственной властью институт духовного управления, ориентированный на религиозные нужды мусульман-суннитов. Более того, на территории России существуют только две шиитские мечети, которые находятся в Москве⁵. Точная численность шиитов на территории РФ до сих пор не установлена. Представителями шиитских организаций часто указывается цифра 4–6 млн., однако их реальная численность не должна намного превышать численность азербайджанского населения в России.

В 1996 г. в Москве было основано общество мусульман-шиитов «Ахль-аль-Бейт», возглавляемое М. Курбановым. В его состав входят две аффилированные организации — молодежное общество «Сахибу аз-Заман» и женское общество «Фатима-Захра», а также десятки «Хосейние» по всей Москве⁶. Усилиями этого общества ведется религиозно-просветительская, культурная и иная общественная работа с мусульманами-шиитами в столице России. Достаточно активной и организованной является шиитская община Екатеринбурга (руководитель Э. А. Самедов), создавшая свой информационно-аналитический ресурс в Интернете, предназначенный для нужд «исламского просвещения в Уральском регионе»⁷.

Появление шиитских религиозных общин на территории РФ и активизация их деятельности связана не только с миграционными процессами, но и с популярностью шиизма среди новообращенных мусульман Москвы. По сообщению «Интерфакса», «90% русских-мусульман, живущих в Москве, являются шиитами»⁸, в то время как по стране шииты составляют, по оценочным данным, около 3% от общего количества мусульман. Заместитель председателя и глава шиитской секции Национальной организации русских мусульман (НОРМ) Тарас-Абдолкерим Черниенко объяснил это притягательностью мистической стороны шиизма, который, по мнению некоторых новообращенных мусульман, по своим ментальным установкам ближе к православию и поэтому больше соответствует духовным запросам русского человека.

Второй причиной такого парадоксального всплеска интереса к нетрадиционному в России исламскому течению можно считать изменение роли шиитского фактора на глобальном уровне. После исламской революции 1978–1979 гг. в Иране политический шиизм стал одним из

ярких символов антиамериканизма и антиглобализма и начал, по сути, оказывать решающее воздействие на многие процессы в исламском мире. И когда политический ислам для многих представителей западных альтернативных политических движений стал универсальной протестной идеологией, со своим политическим дискурсом, политической философией, шиизм, будучи наиболее политизированным течением, нашел большое количество последователей на Западе, в том числе и в России. То есть распространение шиизма в русской среде часто зиждется на уже существующих в определенных кругах симпатиях к Ирану как борцу с имперскими поползновениями США.

Так или иначе, численность русских-шиитов растет, и уже наметилась определенная тенденция к занятию ими интеллектуальной ниши в руководстве шиитской общины России. Этому способствует высокий образовательный уровень русских членов шиитской общины, их склонность к общественно-политической активности и более высокая степень религиозности по сравнению с основной массой этнических мусульман-шиитов. И если шииты-азербайджанцы, как правило, индифферентны к политическим аспектам шиизма, то их русские единоверцы проявляют интерес к политической доктрине шиизма, сформулированной в трудах аятоллы Р. Хомейни.

Русские-шииты представляют собой наиболее активную прослойку в НОРМ, в том числе и в ее руководящих органах. На сегодняшний день взаимоотношения шиитской и суннитской секций организации становятся все более напряженными и грозят вылиться в открытый конфликт. Среди претензий, которые предъявляют шиитам в НОРМ, это «информационно-идеологическая экспансия», «воинствующий прозелитизм», «попытка представить НОРМ как шиитскую организацию», «стремление разрушить суннитскую идентичность исламского пространства России», а также навязывание другим членам НОРМ иранских симпатий⁹. Определенную роль в дестабилизации положения в НОРМ и нагнетании антишиитских настроений сыграли суннито-шиитские столкновения в Ираке, давшие повод для выдвижения новых взаимных претензий.

Можно также говорить об экспансии русских-мусульман в шиитской общине России. Под началом русских-шиитов уже созданы такие структуры, как Теологический центр мусульман-шиитов, тесно связанный с иранскими шиитскими богословами, и Шиитский координационно-аналитический центр, в функции которых входит «ознакомление широких слоев российской общественности с научным, философским и культурным наследием джафаритской школы»¹⁰. Оба центра «осуществляют тесное взаимодействие со всеми официальными шиитскими организациями в стране и в мире».

В аналитических материалах, публикуемых этими центрами, открыто выражается приверженность доктрине «веляят-е факих», положенной в основу государственного строя Исламской Республики Иран, правда, часто оговаривается, что «данная концепция эффективна в го-

сударствах с шиитским большинством, где возможно формирование государственного строя на основе шиитского мировоззрения»¹¹ В российских условиях шиитская община, по их мнению, является не революционной силой, а «естественным союзником государства».

Шиизм становится проводником и совершенно противоположных настроений, о чем красноречиво свидетельствует деятельность шиитского ядра так называемого Исламского комитета. Его основатель Г. Д. Джемаль, этнический азербайджанец-шиит, и несколько его сторонников, также примкнувших к шиитскому направлению в исламе, создав организацию на общеисламской основе, продвигают в мусульманской среде различные идеи политического ислама, коренящиеся в иранских шиитских концепциях (Али Шариати). Они также открыто декларируют свой разрыв с традиционным шиизмом имамитской школы, который, как считает Г. Д. Джемаль, был клерикализован и теперь имеет мало общего с «подлинной» шиитской традицией. Критически высказываясь о современном состоянии ИРИ, Научная группа Исламского комитета последовательно развивает идеи исламской революции, реинтерпретируя их в свете исламо-модернистских идей Г. Д. Джемала.

Шиитская община не может обходиться без всесторонних связей с шиитским Ираном, обеспечивающим ее религиозные нужды. Исламская Республика Иран, самое влиятельное шиитское государство, полноправный лидер всего шиитского мира, с самого начала своего существования проводила политику объединения шиитов, оказывая моральную, дипломатическую поддержку шиитским общинам, разбросанным по всему миру. В 1990 г. для этих целей была учреждена Всемирная Ассамблея «Ахль-аль-Бейт», подчиненная Организации исламской культуры и связей, осуществляющей культурно-пропагандистскую деятельность за рубежом¹². Ассамблея «Ахль-аль-Бейт», формально являясь крупнейшей официальной шиитской организацией в мире, фактически выполняет роль института, обслуживающего интересы внешней политики Ирана, а именно осуществляющего культурно-идеологическое взаимодействие с шиитами как потенциально проиранскими силами в мусульманских странах. Членами Ассамблеи «Ахль-аль-Бейт» являются и представители российской шиитской общины (Т. Черниенко, В. Фатхолла-заде, А. Багиров, М. Курбанов)¹³. В рамках «Ахль-аль-Бейт» установлены тесные информационные, культурные, идеологические, богословско-правовые, образовательные связи между шиитской общиной России и Ираном.

В Иране располагается Кумский богословский центр, обладающий непрерываемым авторитетом во всем шиитском мире. Российская шиитская община еще очень молода и не располагает своими собственными кадрами духовенства, обладающими необходимым уровнем богословской компетенции, поэтому в вопросах шариата следует за влиятельными шиитскими факихами Кума и Неджефа. Самыми популярными в России муджтахидами считаются иранский аятолла аль-озма Хаджи Шейх Мохаммад Фазиль Ленкорани и иракский аятолла Али Систа-

ни. Кроме того, каждый год для получения религиозных знаний в Иран отправляются на учебу группы молодых людей. В Куме действует переводческо-издательский центр Ассамблеи «Ахль-аль-Бейт», выпускающий религиозную литературу на русском и азербайджанском языках, которая затем распространяется в России.

В Москве научное и культурное взаимодействие с российскими мусульманами, в частности с шиитами, осуществляет Культурное представительство при Посольстве ИРИ, входящее в сеть иранских культурных центров, подконтрольных Организации исламской культуры и связей Ирана. Проводятся конференции, семинары, круглые столы, посвященные религиозно-философским аспектам ирано-шиитской культуры и направленные на утверждение позитивного образа ИРИ в глазах российских мусульман.

Очевидно, что шиитский фактор не имеет первостепенного значения в политических, общественных и культурных связях ИРИ с Россией. Шиитская община в России относительно малочисленна, не имеет автохтонного характера и еще не интегрирована до конца ни в исламскую умму России, ни в российский социум. Поэтому Россия не входит в число тех стран, где Иран пытается мобилизовать шиитов на активную и открытую политическую деятельность, применяя различные меры информационно-идеологического воздействия. В своих контактах с российскими мусульманами официальные лица Ирана отдают предпочтение Совету муфтиев РФ и подчиненным ему региональным муфтиятам, следуя заявленной Ираном политике укрепления исламской солидарности. Связи с шиитскими организациями обычно лежат за пределами этих официальных контактов.

Нельзя обойти стороной и нелегальную деятельность тесно связанной с Ираном исламистской организации «Хезболла» на территории РФ, в «сферу влияния которой попали тысячи азербайджанцев, проживающих в России». Известно, что первые эмиссары этой шиитской организации появились в России в 1993 г., когда их деятельность была направлена в основном на приезжих из Ливана, Палестины, Иордании и других арабских стран. К концу 90-х гг. представители «Хезболлы» в стране обзавелись развитой инфраструктурой, необходимой для вербовки и переброски бойцов в тренировочные лагеря за границу. Согласно данным международного сетевого издания «Jihad Watch», общество «Ахль-аль-Бейт» было создано представителями «Хезболлы» именно для содействия этой нелегальной деятельности под прикрытием религиозно- и культурно-просветительских проектов¹⁴

Как было сказано вначале, некоторые представители шиитской общины России стремятся к установлению интеллектуальной гегемонии на всем исламском пространстве России и навязыванию ирано-шиитских ориентиров российским мусульманам. Такая стратегия вполне соответствует методам деятельности иранских спецслужб, опирающихся на малочисленные шиитские общины в странах с преимущественно суннитским населением (Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт, Катар, Афганистан и т.д.).

Здесь не ставится напрямую задача «экспорта исламской революции», а реализуется стратегия постепенного возвышения шиитов, перехвата ими инициативы в организационно-политических вопросах и установления контроля над разобщенной, фрагментарной, поделенной между джамаатами суннитской общиной. Подобная модель сегодня может быть апробирована и на российской территории. Во всяком случае, основные контуры такой стратегии просматриваются в словах шиитского публициста, сотрудничающего с Кавказ-центром и Исламским комитетом, Данияла Туленкова, предлагающего «дефрагментацию суннитской общины по различным политическим и национальным швам», ее «децентрализацию» и «подрыв ее опорных структур» вместе с «созданием шиитского координационного центра», о котором мы уже упомянули ранее. Он же заявляет о том, что первейшей задачей шиитской общины России является «распространение идеологии исламской революции»¹⁵, что однозначно свидетельствует о наличии в шиитской общине РФ иранских лобби. При этом Д. Туленков — не просто отдельно взятый представитель шиитской общины, выражающий только свою личную точку зрения, а одна из ключевых фигур интеллектуальной верхушки российской шиитской общины.

Шииты, по сути оставаясь на обочине государственно-исламских отношений, не имея таких традиционных и легитимных в России структур для диалога с государством, как духовные управления, вынуждены ориентироваться на Иран, который создает необходимые организационные структуры для шиитов и обеспечивает их религиозные запросы. Пока такое положение будет сохраняться, российские мусульмане-шииты не смогут стать традиционной для России религиозной общиной.

Существование на территории РФ шиитской общины с всевозрастающим интеллектуальным потенциалом, экономическими и организационными возможностями, и к тому же лоббирующей интересы другого государства, может иметь для нее самые серьезные последствия. В связи с этим российскому руководству следует особенно внимательно подойти к деятельности шиитской общины, которая призвана изменить «политико-религиозный расклад» в российском исламском пространстве в пользу контролируемых Ираном сил. Шиитская община пока еще не способна оказывать решающее влияние на процессы, происходящие в мусульманской среде, однако ее потенциал растет, и деятельность ее лидеров в данном направлении может создать прецеденты для дестабилизации суннито-шиитских отношений в российской умме (в том числе развитию событий по иракскому сценарию), создав тем самым угрозу межконфессиональному миру и государственной безопасности РФ.

Можно сделать вывод, что формирующаяся и набирающая вес шиитская община России является проводником иранского влияния в российском обществе и политическом истеблишменте. Поэтому российскому государству необходимо научиться использовать «шиитский

фактор» себе во благо, для чего следует отказаться от привычных суннитоцентристских стереотипов во взаимоотношениях с российскими мусульманами и принять меры для более полной интеграции шиитов в российскую умму на основе традиционных для России мусульманских институтов. Тогда можно будет направить деятельность шиитских организаций на укрепление российско-иранских отношений, предупредив все исходящие от нее потенциальные угрозы внутренней безопасности нашей страны.

¹ Народы России: энциклопедия. М., 1994, с. 433.

² <http://www.materik.ru/print.php?section=analitics&bulsectionid=4938> (27 сентября 2003).

³ Юнусов А.С. Миграция населения постсоветского Азербайджана. М., 2002 (<http://www.auditorium.ru/books/987/yunusov.pdf>)

⁴ Information of FAR CENTRE (Centre of Economic and Political Research, Baku) (http://www.ehess.fr/centres/ceifr/assr/N115/006.htm#_ftnref7#_ftnref7)

⁵ Окулова Г. Минареты у «Олимпийского». История шести московских мусульманских храмов (<http://www.religare.ru/article20122.htm>)

⁶ <http://www.ahlibeyt.ru/index.php?area=1&p=static&page=about>

⁷ Официальный информационно-аналитический сайт шиитской общины г. Екатеринбург «Ахли-бейт» (<http://www.ek-shia.org/>)

⁸ Большинство московских мусульман — шииты. 9 февраля 2005 г. (<http://www.ccir.ru/russian/Tazeha/News266.htm>)

⁹ Харун ар-Руси. Шиитский вызов российской умме, 2006-07-27 (http://zamanaonline.com/rel_life/shiiti.htm)

¹⁰ <http://www.shiacenter.ru/ru.php?d=ab&p=hdf>

¹¹ Шиитский фактор в современном мире (http://www.shiacenter.ru/ru.php?d=conf&p=acad_ak)

¹² <http://www.icro.ir/?m=1079&c=1066&t=3>

¹³ О шиитском учении «Ахль-аль-Бейт» в России. 13.10.03 11:33 (http://iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=13450)

¹⁴ «Хезболла» переманивает азербайджанских шиитов в России. 23.07.2005 (<http://www.demaz.org/cgi-bin/ecomms/vis/vis.pl?s=001&p=0035&n=000282&prfr=1&g=&prev=>)

¹⁵ Цит. по: Харун ар-Руси. Шиитский вызов российской умме, 2006-07-27 (http://zamanaonline.com/rel_life/shiiti.htm)

Раздел II

**ИСЛАМ
И СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ**

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИСЛАМСКИЙ МИР: ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ

Термин «глобализация» стал настолько употребителен в политической и политологической лексике, что, казалось бы, не нуждается в каких-либо дополнительных объяснениях. Однако при рассмотрении проблем, возникающих в исламском мире в связи с его вовлечением в процесс глобализации, выяснилось, что, по крайней мере, часть российской востоковедческой аудитории, по-видимому, не усматривает принципиальной разницы между ним и более привычным понятием «интернационализация», хорошо знакомым ей по обязательному для обществоведов в недалеком прошлом курсу марксизма, и склонна рассматривать его лишь как более «модное» обозначение того же явления.

Не только в связи с этим, но и для более отчетливого представления о процессах и явлениях, имеющих место сегодня, в том числе и в исламском мире, представляется необходимым начать изложение данного материала с выявления наиболее характерных отличительных черт глобализации, и в особенности тех из них, которые имеют непосредственное отношение к предмету рассмотрения.

Так же, как и понятие «интернационализация», термин «глобализация» изначально имел экономический смысл, причем, пожалуй, более утилитарный, чем первое. Он появился в 1983 г. в статье «Глобализация рынков», которая принадлежала перу скончавшегося в июле 2006 г. профессора Гарвардской школы бизнеса Теодора Левитта и описывала процессы складывания глобальных рынков для глобально стандартизированных продуктов, т.е. явления такого масштаба, которые раньше просто трудно было себе представить.

В этом отношении, впрочем, глобализация действительно выглядела как логическое продолжение процесса интернационализации в том виде, как это было описано уже в «Капитале» К. Маркса, где были четко выявлены тенденции складывания мирового рынка, а также в работах К. Каутского и В. Ленина, посвященных империализму, где анализировались процессы складывания мирового рынка, международного разделения труда и т.д., а также их политические последствия, такие как «раздел мира»¹.

Эту логику (разумеется, с другими политическими акцентами) продолжал и ряд первых работ, посвященных глобализации, появившихся в 80-е гг. XX столетия. Так, в книге японского ученого Кеничи

Омаэ «Тройственная власть»² рассматривался глобальный рынок технологий, на котором господствовали в тот период США, Япония и Западная Европа.

Однако более поздние работы того же автора, опубликованные уже в 90-е гг., представляют собой не только расширение понятия «глобализация» с политэкономической на политологическую сферу, но и выявление в этом процессе ряда аспектов, которые не отмечались в ходе шедшего ранее (с середины XIX в. до последней четверти XX в.) процесса интернационализации. Так, если основной тенденцией в рамках этого процесса было складывание и укрепление национальных государств (начиная с итогов Первой мировой войны и кончая крушением колониальной системы и, в конце концов, распадом СССР, Чехословакии и Югославии), а все международные организации, начиная от ООН и военных блоков и кончая региональными экономическими союзами, носили наднациональный характер, не меняя принципиально политической структуры государственных образований, глобализация уже в последней декаде XX в. стала подвергаться сомнению, более того, подрывать и снаружи, и изнутри сами, казалось бы, незыблемые основы национального государства как первичной основы существующего миропорядка³. Государство, замечает К. Омаэ, превращается в «ностальгическую фикцию»⁴.

Как бы ни относиться к тому, насколько национальные государства сохранили свою способность к дальнейшему поступательному развитию, зафиксированная тенденция глобализации к их ослаблению, если не подрыву, является одной из ее принципиально новых политических черт, оказывающих воздействие как на структуру и характер государственных образований, так в конечном итоге и на те явления и процессы, которые имеют непосредственное отношение к структуре миропорядка в целом.

Отметим — это хотя и очень важная, но лишь одна из черт процесса глобализации, и сама по себе констатация этой тенденции еще не раскрывает внутренних механизмов этого процесса.

Появление понятия «глобализация» и расширение его толкования уже сами по себе указывают, во-первых, на то, когда исследователи фиксируют начало этого процесса, а во-вторых, на то, что его расширительное переосмысление совпадает с процессом его развертывания.

Отсюда следует ряд промежуточных выводов.

1. Глобализация — продукт развития постиндустриального общества, возникающий на определенном, относительно развернутом его этапе, когда постиндустриальные черты становятся определяющими, по крайней мере, для стран и районов мира, где складывается основной вектор его исторического движения в финансово-экономическом и, хотя бы отчасти, в структурно-политическом отношении (в конце 80-х — начале 90-х гг. это, несомненно, были США, Западная Европа и Япония).

2. Развертывание глобализации, превращение ее из в основном экономического процесса в процесс политический совпадает по времени с завершением мирового процесса становления национальных госу-

дарств, которое происходило в форме распада мировой социалистической системы и СССР, на развалинах которых произошло становление исключительно национальных государств (лишним подтверждением чего служат в том числе и так называемые «непризнанные республики»). После завершения этого процесса количество наций и крупных этнических групп, лишенных политического оформления в виде национального государства, сводится к историческому минимуму. За исключением Тропической Африки, где значительная часть обществ продолжает находиться на доиндустриальной стадии развития, в основном это нации и этнические группы, находящиеся в рамках описанной З. Бжезинским «дуги нестабильности», простирающейся от Балкан до Индии, что и является одним из главных источников политических потрясений в этом большом регионе, составляющем сердцевину исламского мира.

3. Совпадение разворачивания процесса глобализации с процессом крушения мировой социалистической системы как одной из двух основных подсистем бинарной организации миропорядка (так называемого «ялтинского мира», просуществовавшего с 1945 по 1991 гг.) не могло не придать мироустройству этого периода глобализации (1991–2006 гг.) вида «однополярного мира», руководимого США.

4. Вместе с тем коренная, первичная причина того, что США стали лидером или, если угодно, вершиной мироустройства на этом промежутке времени, заключается не в распаде СССР (явившегося, в свою очередь, следствием других, как внутренних, так и международных, причин и неспособностью советской политической системы эволюционировать в соответствии с реалиями постиндустриальной эпохи), а в том, что именно США первыми вступили в постиндустриальную эпоху и первыми сумели воспользоваться ее преимуществами, поэтому именно от них в первую очередь и исходили наиболее сильные импульсы глобализации на первых ее этапах. Эта фора, данная Соединенным Штатам историей, впрочем, кажется, подходит к концу.

Вернемся, однако, к первому выводу, поскольку именно он, на наш взгляд, и является ключевым для понимания основных черт глобализации и векторов ее действия.

Среди главных свойств постиндустриального общества, отличающих его от предшествующей, индустриальной, стадии развития, его теоретики³ выделяют в первую очередь такие, как интеллектуализация процесса производства и управления, а также выпускаемого продукта; внедрение принципиально новых технологий, которые отличает гибкость и способность тиражировать не только количества, но и качества; превращение информации в ведущий фактор производства и других сфер общественной жизни; соединение информации с новейшими технологиями превращает медийную сферу (СМИ, Интернет) в один из важнейших системообразующих факторов общественной, экономической и политической жизни.

Утверждение принципиально новых — гибких и «умных» — технологий, органическое соединение их с каналами распространения ин-

формации превратили коммуникационную сферу в ведущий и определяющий фактор мирового развития.

Именно это дало основание З. Бжезинскому назвать постиндустриальную эпоху «технотронной»⁶, а О. Тоффлеру — «информационной»⁷

На это обратил внимание и Т. Левитт, указавший на «новые технологии» в качестве основной предпосылки складывания глобальных рынков. Стоит, однако, упомянуть и о том, что еще за полтора десятилетия до него понятие «глобальный» в странном на первый взгляд сочетании «глобальная деревня» («Global village») было впервые использовано Г. М. Маклуэном в книге «Понимая СМИ»⁸ в совершенно определенном контексте: он «понял» мировые коммуникационные системы (в тот период это было телевидение, позже этот эффект еще более усилился за счет факсимильной связи, копировальной техники, Интернета, мобильных телефонов и пр.) не только как «мирового посредника», но и как фактор, преобразующий мир, взрывающий межгосударственные, региональные и другие перегородки, снимающий разницу между странами и регионами во времени и пространстве и превращающий любое значимое событие в любом уголке Земли в моментальное достояние всего мира. В этом смысле все жители земного шара, участвующие в коммуникационном процессе, становятся непосредственными свидетелями всего, что происходит в мире, снимаются любые преграды непосредственного общения между людьми — это и есть, в описании Г. М. Маклуэна, «глобальная деревня».

Вследствие этого именно мировые коммуникационные системы следует рассматривать и как важнейшую предпосылку, и как главный фактор глобализации.

Последствия этого для политической жизни трудно переоценить.

— Любое политическое действие происходит и реализуется в медийном поле. Хотя бы в этом смысле понятие «четвертая власть» перестает быть метафорой: любой политический деятель и политический институт осуществляет свою деятельность через средства массовой коммуникации, в первую очередь электронные. Но тем самым последние существенным образом преобразуют сферу политики, превращая политиков и политические институты в акторов (т.е. и в действующие лица, и в акторов одновременно) медийного поля, тем самым устраняя абсолютность иерархий в политическом устройстве — как личностных, так и институциональных.

— Нетрудно заметить, что одним из главных эффектов действия глобальных коммуникационных систем стало существенное снижение веса и значения вертикальных коммуникационных связей при одновременном, не менее существенном усилении роли и значения горизонтальных.

В политической сфере это нашло самое непосредственное выражение. Уже первичный этап становления глобальных коммуникационных систем (конец 60-х гг.) совпал с появлением и бурным развитием массовых молодежных движений, имевших слабовыраженную («плавающую») иерархичность, но обладавших гибкими и быстрорастущими горизонтальными связями. Культурная трансграничность этих движе-

ний имела, среди прочего, и эффект политической транснациональности, причем и то и другое стало возможным в условиях чрезвычайно быстрого, практически мгновенного тиражирования их активности через системы глобальной коммуникации.

Все это не могло не актуализировать проблематики форм «прямой демократии», каковыми являются структуры с преобладающими горизонтальными связями, т.е. прежде всего органы местного самоуправления и структуры гражданского общества, роль и значение которых, начиная именно с этого периода, неизмеримо возросли. Причем последние наполнились новым содержанием за счет массовых движений и организаций (экологических, правозащитных, потребительских и пр.), воспринявших структуру и принципы активности молодежных движений 60-х гг. и приобретающих во многих случаях транснациональный характер.

Перечисленные явления и тенденции наряду с транснационализацией производства и потребления, новой ролью монетарных факторов, при которых изменение курсов мировых валют и направления финансовых потоков способны оказывать огромное и мгновенное воздействие на ход мировых событий и, наоборот, любое важное политическое событие в периферийной, но в том или ином отношении значимой стране (такое, как свержение Саддама Хусейна в Ираке или смерть Сапармурата Ниязова в Туркмении) способны оказывать спонтанное воздействие на мировой финансово-экономический климат — все это слилось в единый поток современной фазы интернационализации мировых отношений, которую называют глобализацией.

Глобализация и конфигурация миропорядка

На первый взгляд может показаться, что моноцентрическое, однополярное мироустройство соответствует основному вектору и внутренней логике глобализации: ломая страновые и региональные барьеры, создавая единую мировую систему коммуникации и рынка, обрекая всякую политическую, экономическую и духовную замкнутость на стагнацию, она тем самым должна закладывать основы единого миропорядка. К тому же процесс глобализации сопровождался беспрецедентным и практически бесконкурентным распространением либеральных ценностей и демократических форм политической организации общества, что проявляло себя и как тенденция гомогенизации политических структур и, на этой основе, как предпосылка к унификации глобальной структуры миропорядка. При этом простейший логический ход мысли подсказывал достаточно линейный вывод о том, что такое единое мироустройство должно базироваться на моноцентризме, т.е. управляться из одного центра, и что именно такая конфигурация миропорядка является наиболее прочной, устойчивой и долговечной.

Такой вывод, казалось бы, подтверждался и ходом политических событий.

После крушения мировой социалистической системы или, если угодно, мировой советской империи, включая и сам СССР, США самым ходом истории выдвинулись на роль «мирового управляющего», оказавшись в положении единственного глобального центра силы, обладающего бесконкурентной суммарной технологической, экономической, финансовой, военной и политической мощью, включая и наличие в его распоряжении таких глобальных инструментов, как НАТО, основные ключи к управлению ООН, система двусторонних и многосторонних союзов практически на всех континентах и, наконец, системообразующую роль в создании и управлении мировыми коммуникационными системами.

Вместе с тем уже ряд первых теоретиков постиндустриального общества увидели в нем, наряду с упомянутой тенденцией к унификации, единообразию и моноцентризму, антиномичную ей тенденцию дискретности глобальных и локальных процессов, мозаичности, пуантилистичности картины современного мира.

Уже в ходе начального этапа развертывания глобализации обе эти тенденции стали проявлять себя во всей своей взаимной противоречивости: сквозь фасад становящегося глобального «Pax Americana» явственно просматривались и контуры многополярного мира.

Особенно отчетливо видится противоречивость и конфронтационность этих двух тенденций сквозь призму конфликтных ситуаций, имеющих или приобретающих глобальное измерение.

В течение последних полутора десятилетий таких наиболее крупных конфликтных ситуаций было три: 1) балканский кризис; 2) события 11 сентября и последовавшая за ними афганская экспедиция; 3) оккупация Ирака.

Исход балканского кризиса выглядел как безусловная победа линии США, НАТО и Евросоюза, причем все три компонента этой линии, если не считать отдельных нюансов, просматривались как достаточно солидарные между собой; четко просматривалась также и лидирующая роль в этой линии Соединенных Штатов. Однако, если обратить внимание на то, что во многом именно в результате такого исхода балканского кризиса, Китай и Россия выпали из общей картины однополярного мира, впрочем Китай превратился вскоре во второй по значению после США мировой центр силы, а Россия стала быстро восстанавливать свое значение в качестве одного из мировых центров, картина не выглядит столь однозначной. Нельзя не отметить и то, что именно после балканского кризиса (а точнее, уже на его исходе) произошло существенное укрепление Евросоюза, явное размежевание его интересов с интересами Соединенных Штатов и превращение его в самостоятельный мировой центр силы, гораздо менее чем когда-либо прежде зависимый от США и уж, во всяком случае, гораздо менее склонный к тому, чтобы неизменно следовать в фарватере американской политики.

События 11 сентября вызвали широкую волну солидарности с Соединенными Штатами, в стороне от которой не осталась практически ни одна из значимых стран мира. Благодаря этой солидарности оказал-

ся столь успешным первый этап экспедиции в Афганистане, завершившийся разгромом талибов и созданием коалиционного правительства при поддержке международных вооруженных сил. Вряд ли стоит забывать при этом о ключевой роли, которую сыграла Россия и союзные с ней страны Центральной Азии не только в тыловом обеспечении операции в Афганистане, но и в прямой помощи, оказанной Северному альянсу, без ведущего участия которого взятие Кабула и разгром талибов были бы невозможны. Менее акцентировалась мировыми СМИ тыловая поддержка, оказанная международным силам со стороны Китая, и тем не менее вряд ли стоит обходить ее вниманием в качестве одного из факторов, сыгравших немаловажную роль в успехе операции.

При этом и Россия, и Китай, и страны Центральной Азии исходили не только (а в китайском и центральноазиатском случаях, пожалуй, и не столько) из позиций солидарности с США, но и из национальных интересов противостояния международному терроризму, главным очагом которого был Афганистан, руководимый талибами и «Аль-Каидой».

Ирония первых трех лет третьего миллениума, ознаменовавшихся трагедией 11 сентября, разгромом талибов, изоляцией «Аль-Каиды» и относительным умиротворением Афганистана, заключается в следующем.

С одной стороны, формально лидерство США в однополярном мире еще более укрепилось, возросло почти до абсолюта, что как раз подчеркивалось афганской операцией, планирование и проведение которой осуществлялось под никем не оспариваемым руководством США и при гармоничном участии подавляющего большинства крупных и значимых стран и регионов мира: помимо стран НАТО, России, Китая, Центральной Азии, Пакистана, то или иное место в урегулировании событий в Афганистане и вокруг него нашлось и Японии, и Индии, и ряду арабских государств, и даже разделенному с США непростыми отношениями Ирану.

С другой стороны (и это вполне можно расценивать как один из важных эффектов глобализации), события 11 сентября впервые после Пёрл-Харбора продемонстрировали уязвимость США, а фактор уязвимости уже сам по себе подтачивал и подвергал сомнению абсолютность их мирового лидерства.

С учетом этого фактора гармонизация ответственности в ходе афганской операции не выглядит столь уж однозначно. Как было показано чуть раньше на примерах России, Китая и Центральной Азии, наряду с солидарностью здесь имел место и фактор совпадения интересов, который не только был, но по-прежнему остается стратегическим в отношении феномена глобального терроризма, является лишь тактическим в своем абсолютном выражении — проявлении солидарности с США.

Иначе говоря, контуры многополярности здесь ситуативно почти не просматривались, но внутреннее их присутствие лишь усилилось.

Из этой ситуации были сделаны разные выводы.

Республиканское руководство Соединенных Штатов, явно переоценив глубину фактора глобальной солидарности с США, решило ис-

пользовать этот фактор и для нанесения следующего (упреждающего, как оно полагало) удара по терроризму, и для закрепления своих лидирующих позиций в мире. Именно эти мотивы, а вовсе не утилитарно понимаемый «нефтяной фактор», надо полагать, были решающими при разработке и осуществлении стратегии операции в Ираке.

Но тут-то и обнаружилась глубина вовсе не солидарности, а стратегического расхождения интересов США и других мировых центров, которые, накопив значительный потенциал самодостаточности, не испытывали более потребности ни в абсолютном (как Западная Европа периода «холодной войны»), ни в относительном — как гармонизатора международных отношений (как, скажем, Россия, Индия и в известной мере Китай периода 90-х гг.) — лидерстве США.

В этом смысле вряд ли будет преувеличением сказать, что мир вступил в иракскую войну, будучи однополярным, а выходит из нее (если, правда, выходит) в многополярной конфигурации.

Если согласиться с тем, что события в Ираке стали и катализатором, и фокусом этой глобальной метаморфозы, саму иракскую операцию с целью политического анализа описываемой мировой перестройки удобно разделить на два этапа. 1. Этап вторжения в Ирак международных сил во главе с США и свержение режима Саддама Хусейна. 2. Этап попыток конструктивного решения наступившего затем «хаоса».

Еще до начала иракской операции многие мировые политики, включая и российских, пытались отговорить американское руководство от вторжения в Ирак, предупреждая, что оно будет «ошибкой» и может обернуться стратегическим поражением Соединенных Штатов. Этот же лейтмотив превалировал в заявлениях и ряде конкретных действий некоторых мировых лидеров, не исключая и ближайших союзников США, в течение первого этапа иракской операции.

Самое любопытное заключается в том, что оба этих утверждения подтвердились на втором этапе иракской операции, но подтвердились весьма парадоксальным образом и вовсе не в том контексте, который звучал в заявлениях критиков американской позиции.

Непосредственно в Ираке США вовсе не потерпели поражения, а, напротив, добились военно-стратегического успеха (свержения режима Саддама Хусейна, причем без ожидавшегося многими «упорного сопротивления») в ходе первого этапа операции. Весьма сомнительно говорить о поражении США и на втором ее этапе, поскольку такие факты, как полный демонтаж структур баасистского режима, относительное умиротворение шиитского большинства, практически полная солидарность местной власти и населения с оккупационными войсками в курдских районах, неуклонно сужающийся ареал суннитского присутствия в стране, создание пусть слабых, но все же иракских выборных структур власти с демократическим камуфляжем, постепенное перекладывание военно-политической ответственности за наведение и поддержание порядка на слабые, но все же существующие иракские военизированные структуры — все это скорее свидетельствует об об-

ратном. И если при этом людские потери в Ираке оккупационных войск США и их союзников оказываются неприемлемыми для общественного мнения этих стран, то это — внутренняя проблема США и других стран — участниц вторжения в Ирак. Она — лишнее свидетельство тому, что политика республиканского руководства США терпит поражение вовсе не в Ираке, а совсем в других местах, включая и внутривнутриполитическую арену самих Соединенных Штатов.

Ошибки США при планировании операции в Ираке действительно были, и они носили методологический, стратегический характер. Таких ошибок, на наш взгляд, было две.

Первая — неверная оценка роли (а отсюда и стратегических потенциалов) глобального терроризма, и в частности «Аль-Каиды». Американские специалисты слишком приземленно и однозначно трактуют понятие «Аль-Каида» — как «базы» (по аналогии с понятиями «военная база», «наземная база» и т.п.), в то время как это прежде всего «базовая организация» (идейно-политическая и организационная основа, т.е., выражаясь по-современному, «матрица»). Отсюда — недооценка самостоятельности «Аль-Каиды» и исходящий из этого неверный вывод, что она всегда будет искать патронов в лице диктаторских, репрессивных режимов и, следовательно, ее роль — быть лишь инструментом в их руках.

Из этого был сделан и следующий вывод о том, что оказавшийся в изоляции иракский режим, несмотря на личную вражду между С. Хусейном и У. бен Ладеном, может в дальнейшем договориться с «Аль-Каидой» и использовать ее в качестве своего орудия в борьбе с США.

Эта ошибка, которая в дальнейшем может оказаться для США действительно роковой (о чем речь впереди), не сыграла, впрочем, отрицательной роли для их интересов в период подготовки и осуществления иракской операции.

Напротив, то, что сделала республиканская администрация США, разрушив один из самых прочных и устойчивых ближневосточных режимов и фактически искусственно создав на контролируемой ранее им, а теперь самими США территории анклав международного терроризма в не очень удобном для него месте, стало своеобразным выполнением обещания, данного президентом Дж. Бушем американскому народу после 11 сентября: оттянув силы «Аль-Каиды» и связанного с ней международного террористического фронта, помимо района афгано-пакистанской границы, еще и на иракскую территорию, американское руководство сняло (по крайней мере, на какое-то время) непосредственную угрозу с их стороны территории Соединенных Штатов.

О второй ошибке — переоценке глубины солидарности с США и, главное, своей лидирующей роли в мире — уже здесь упоминалось. Однако в том-то и дело, что стратегический характер этой ошибки вскрылся именно в ходе иракской операции.

Нередко приходится слышать о том, что иракская операция выявила пределы роли США в качестве единственной мировой сверхдержавы. На одну из сторон этого фактора обратили внимание экономисты, за-

метив, что финансовое бремя двух экспедиций — в Афганистане и в Ираке — становится все более тяжелым для американского бюджета, а при условии еще и нападения на Иран станет и вовсе невыносимым (это в случае блицудачи подобной операции).

Но дело не только в этом и даже не в военно-стратегических аспектах возможного «расползания» американского военного присутствия в исламском мире, о чем достаточно много материалов, принадлежащих перу военных экспертов.

Главное, пожалуй, состоит в том, что успех первой фазы операции в Ираке породил в правящем классе США или, по крайней мере, в республиканской его части доходящее до эйфории самоутверждение в роли мирового лидера, гармонизатора миропорядка, в то время как в других мировых центрах те же действия и, не в меньшей мере, следующие за ними далекоидущие намерения порождали растущий дискомфорт, сомнения в способности США быть подобного рода гармонизатором и ощущение исходящей от них нарастающей угрозы своим коренным стратегическим интересам.

Эта разница в оценках быстро перерастала в пропасть; она породила открытый антиамериканский бунт в виде тройственного (франко-германо-российского) демарша против политики США в Ираке, де-факто поддержанного Китаем.

За этими событиями, происходившими на поверхности мировой политики, просвечивался глубокий и становящийся все более осознанным факт: конструкции многополярного мира стали прорывать ставшую неудобной для них оболочку однополярного мира.

Прошедшие осенью выборы в Конгресс США, ставшие поражением прежде всего курса республиканской администрации в Ираке, можно в то же время расценивать и как признание американскими избирателями факта многополярности мира и пределов роли в нем Соединенных Штатов: лозунги, под которыми победили демократы, явно основывались на этих принципах.

Принцип многополярности, правомерность которого в течение длительного времени отстаивают Россия, Китай и ряд других стран, связан с тем, что современный этап глобализации выявил наличие в мире целого ряда глобальных центров, суммарный вес каждого из которых в комплексе международных отношений позволяет говорить о них не как о региональных державах (как это еще недавно звучало в трактовках ряда политологов применительно к Китаю, Японии, Индии и некоторым другим странам), а как о странах или регионах, имеющих мировое значение.

В качестве таких центров все чаще называют, наряду с США, Евросоюз, Китай, Индию, Японию, Россию и Бразилию. В качестве восьмого полюса этой многополярной конфигурации нередко можно встретить и упоминание исламского мира.

Разумеется, это в какой-то мере лишь «стоп-кадр» глобальной многополярности, далеко не исчерпывающий всех ее параметров,

не учитывающий веса региональных держав, таких как Мексика, Канада, Пакистан, Индонезия, Аргентина, Египет, Нигерия, Иран, Турция, Южная Африка, Австралия и др.

И все же именно перечисленные ранее страны и регионы не только претендуют на роль мировых центров, но и содержат в себе суммарный потенциал количественных и качественных параметров, составляющих основу их глобального магнетизма. Это и размер территории, и количество населения, и экономическая, финансовая и военная мощь, и уровень технологического развития, и интеллектуальный и духовный потенциал, и, наконец, способность произвести собственный цивилизационный продукт, имеющий глобальное измерение.

Разумеется, речь идет о сумме этих параметров, при которой относительная слабость или даже отсутствие одного или нескольких из них компенсируется усилением других. Но наиболее важным, на наш взгляд, в какой-то мере результирующим является последний, наименее поддающийся количественному определению и наиболее открытый для вопросительного знака, содержащегося в самой постановке вопроса: а способны ли (и если способны, то насколько) те или иные державы или регионы, претендующие на роль глобального центра, произвести такой продукт?

Ответ на этот вопрос будет разным в каждом случае. Он представляется достаточно очевидным для США в той мере, в какой и само постиндустриальное общество и сама глобализация исходно являются их национальным цивилизационным продуктом, и в этом основа их по-прежнему сохраняющейся претензии на мировое лидерство.

Он достаточно очевиден и для объединенной Европы, которая, несмотря на продолжающиеся уже столетие разговоры о «загнивании» и «умирании», демонстрирует адаптируемость своей цивилизационной глубины к новейшим реалиям жизни, результируя ее в таких феноменах, как европейское качество жизни, да и сам политический объединительный процесс, хотя и не заверченный, но тем не менее уже производящий мировой эффект.

Быть может, чуть иначе, но не менее убедительным он будет и для Японии, от которой исходят многие ведущие импульсы постиндустриального технологического развития и которая продемонстрировала иной, отличный от Европы, пример адаптации самобытных цивилизационных основ в качество жизни как предмет внутреннего потребления и мирового экспорта. Как, впрочем, и для Китая, превратившегося в глобальную мастерскую постиндустриального мира.

Менее определенным этот ответ выглядит для Индии, Бразилии и России, хотя динамика их развития свидетельствует о том, что их глобальный потенциал начинает реализовываться, причем в убыстряющемся темпе.

Дело в том, что все три державы начали входить в постиндустриальную эпоху, по крайней мере, на три десятилетия позже, чем США, Западная Европа и Япония, и не менее чем на десятилетие позже, чем

Китай. При этом период начальной адаптации этих стран к реалиям глобализации был в силу ряда причин сложнее, острее и болезненнее.

Особенно это относится к России, где период начальной адаптации составил два десятилетия и сопровождался столь беспрецедентной для этого периода ломкой — начиная от распада СССР и кончая дефолтом 1998 г., — что аналог подобного процесса можно найти разве что в самой российской истории — периода ее перехода в индустриальную эпоху (1905–1939 гг.). Собственно, пока лишь восстановив уровень своего общего экономического потенциала советских времен, Россия уже, кажется, обрела свою нишу мирового игрока — образ глобального энергетического гиганта, сохранившего также потенциал второй военной и космической державы мира, с перспективой собственной глобальной роли в мировых коммуникационных системах.

Этого пока явно недостаточно для определенного результирующего ответа, но достаточно для определения исходного (на сегодняшний день) потенциала дальнейшего развития, если к этому прибавить геополитические параметры страны, не оставляющие ей места для роли только региональной державы и ставящие ее перед объективной дилеммой: либо дальнейший распад, либо динамичное доразвитие до параметров полноценного глобального центра.

А что же исламский мир? В том-то и дело, что это еще более «особый случай».

Исламский мир в потоке глобализации

Здесь уже отмечалось, что некоторые аналитики относят исламский мир к разряду одного из мировых центров. Что само по себе означает, что другие — не относят.

Для такой разницы во мнениях существует ряд причин. Прежде всего, если вернуться к обозначенным параметрам мирового центра, в отношении исламского мира они выглядят во многих случаях более сомнительно, чем в отношении какого-либо другого. Причем дело не в количестве. Человеческий потенциал огромен: 1 млрд. 400 млн. человек — не меньше, чем население Китая. Геополитический — тоже. Финансовый потенциал: если взять не только суммарные денежные ресурсы, но также учесть роль экономической элиты региона в контроле над распределением мировых финансовых потоков, результат будет достаточно убедительным для того, чтобы по этому параметру отнести исламский мир в разряд одного из мировых центров. Страны исламского мира (за исключением Пакистана) не производят пока стратегических видов вооружений, но по суммарным закупкам различных видов оружия в течение длительного времени занимают ведущее место в мире.

В области энергетических ресурсов, коль скоро речь идет о нефти, исламский мир является безусловным лидером в ее добыче и экспорте, составляющем треть мирового вывоза жидкого топлива.

Однако суммарного эффекта от этого не происходит. По многим причинам. Не в последнюю очередь и по той причине, что может ли быть какой-либо суммарный эффект от того, что само по себе никакой суммой не является?

Речь идет о том, что, по мнению многих специалистов, исламский мир — настолько неопределенное понятие, что говорить о нем как о едином центре вообще бессмысленно.

Это, конечно же, так, если подходить к исламскому миру с позиций классических критериев традиционной политологии: это конгломерат совершенно разных по характеру и уровню развития государств, не имеющих между собой ничего общего, кроме религии и некоторых традиций. При этом в отличие от других регионов, скажем Европы, Азиатско-Тихоокеанского и южноазиатского регионов, а в последнее время и Латинской Америки, здесь не наблюдается столь интенсивных интеграционных процессов, которые бы охватывали не только торгово-экономические и финансовые отношения, но затрагивали и правовую сферу и в конечном итоге приобретали бы политическое измерение. Даже в рамках наиболее близких друг другу стран арабского региона все интеграционные проекты до сих пор заканчивались неудачей. Более того, по уровню конфликтогенности межгосударственных отношений исламский мир занимает одно из ведущих мест в мире (косвенным подтверждением чего является и высокий уровень закупок вооружений).

Вместе с тем возможен и другой ракурс рассмотрения проблем исламского мира, который отнюдь не исключает перечисленных факторов, тем не менее учитывает и другие явления и тенденции, которые не вписываются в обычный страновой и региональный подход.

Если рассматривать исламский мир как ойкумену обитания мусульман (а именно так он рассматривается далеко не только идеологами исламизма, но значительным числом, если не подавляющим большинством, самих мусульман), тогда факторы религиозного и цивилизационного единства уже не покажутся столь незначительными, как они представляются при обычном региональном подходе.

Более того, тут представляется уместным отметить многозначность русского понятия «мир», осознаваемого и как универсум («весь мир»), и как «социум» (община, да еще с оттенком соборности в данном контексте). В этом своем двузначии русское понятие «мир» во многом совпадает с арабским понятием «умма»: в этом случае исламский мир выглядит не только и не столько как место обитания, сколько как само мировое объединение мусульман, имеющее, разумеется, в том числе и геополитическое измерение: в рамки исламского мира попадают не только те страны, где большинство населения исповедует ислам, но и те районы мира, где они вообще обитают, не исключая места их традиционного расселения (в том числе Россию, Балканы, страны Тропической Африки и Южной Азии вплоть до Филиппин), но включая также и регионы новой и новейшей мусульманской диаспоры (Западную Европу, Северную и Южную Америку, Австралию). При такой трактовке

понятия «исламский мир» — как «исламской уммы», как мы видим, существенно меняется не только его мировоззренческий смысл, но и политологическое содержание: в этом контексте его уже невозможно рассматривать лишь как сумму мусульманских государств.

При таком взгляде становится ясным и еще одно отличие. При всей полицентричности политических (государственных, партийных и пр.) и хозяйственных (национальных экономик) структур исламского мира социально-психологическое измерение в смысле осознания своей общей принадлежности к «арабской умме» является достаточно осязаемым, особенно на низовом уровне, на уровне «исламской улицы», и эта имеющая прежде всего горизонтальное измерение взаимосвязь, совпадающая по своему значению с традиционным пониманием ислама как «аль-урва аль-вуска» («прочной связи»), значительно усилилась в последние десятилетия, но вместе с тем в известной мере модифицировался ее первоначальный смысл, приобретает в том числе и вполне реальное современное содержание. Причем и это усиление, и эта модификация практически совпали по времени с вхождением мира в постиндустриальную эпоху и в процесс глобализации.

В таком контексте становится понятным, почему исламский мир все же можно рассматривать в качестве одного из глобальных центров: несмотря на отсутствие многих важных компонентов постиндустриального (да и индустриального) развития, наличие мощнейших солидаристских тенденций, имеющих в конечном счете не только религиозные, но и цивилизационные истоки, создает феномен его мирового магнетизма.

Именно на эту идущую снизу и имеющую в основном горизонтальное измерение солидаристскую тенденцию в свое время отреагировали руководители исламских государств, создав Организацию Исламская Конференция (ОИК), которая и по сей день является международной структурой, координирующей деятельность исламского мира на уровне политической власти.

Кроме упомянутых тенденций на восприятие исламского мира в качестве одного из мировых центров не может не наталкивать и то обстоятельство, что в течение последних десятилетий значительная часть знаковых глобальных событий, влияющих на ход мировой истории и в какой-то мере определяющих векторы всего политического развития универсума, происходит либо непосредственно в исламском мире, либо вокруг него, либо в связи с ним. Так, из отмеченных здесь мировых конфликтных ситуаций, через которые происходило изменение конфигурации миропорядка, только одна — балканская — не имела в своем эпицентре основного элемента, связанного с исламским миром, однако и в ней эта связь была значительной, учитывая не только наличие исламского фактора в эпицентре конфликтов в Боснии и Косово, но и прямую причастность к этим событиям «Аль-Каиды» и ее дочерних структур — как в финансировании боснийских мусульман и албанских вооруженных формирований в Косово, так и в направлении в эти части бывшей Югославии боевиков из различных стран исламского мира.

Что же касается событий 11 сентября и последовавшей за ними волны терактов в различных частях мира, а также афганской экспедиции и операции в Ираке, то вряд ли нужны дополнительные разъяснения по поводу их отношения к исламскому миру и роли в них «исламского фактора» во всей неоднозначности этого понятия. Стоит лишь заметить, что эта цепь событий имеет продолжение — и в виде непрекращающихся бесплодных попыток палестино-израильского урегулирования, и в ходе последней ливанской войны, и в развитии ситуации вокруг Ирана, и в последнем раунде сомалийского конфликта, и в тенденции распространения афганского противостояния на территорию Пакистана.

Одним из наиболее болезненных проявлений глобализации является ломка устоев национальной хозяйственной, социальной, политической и духовной жизни, сложившихся в условиях как доиндустриального, так и индустриального общества. Для обществ, недавно перешедших или только переходящих к индустриальному развитию, она дает эффект «двойной ломки», а социальный дискомфорт при этом многократно усиливается, в том числе и под воздействием мировых массмедиа.

На самом деле все без исключения мировые центры, упомянутые здесь, не только пережили, но и продолжают переживать процесс адаптации к глобализации, причем в каждом случае с не вполне ясным итогом.

Однако если в отношении всех остальных мировых центров проблема адаптации, как правило, носит характер дилеммы, более или менее понятны условия и цели, которых требуется достичь, обозначены и ниши, которые они занимают или могут занять, понятно и каким образом складываются компоненты дальнейшего развития, то в отношении исламского мира эта проблема — со многими неизвестными, поэтому она и обозначена в заглавии плюралистично — как «проблемы адаптации».

Несомненно, что все компоненты вхождения в постиндустриальное общество присутствуют: наличие природных, финансовых, людских, интеллектуальных ресурсов и пр. Однако эти ресурсы дисперсны именно в силу политической, хозяйственной и прочей полицентричности и вряд ли разрешимой в обозримом будущем проблемы их концентрации в каком-то одном центре.

Попытки же радикально-утопических способов решения этой задачи (как свидетельствует, например, опыт Талибан — «Аль-Каиды») являются тупиковыми и кроме «успеха в разрушении» вряд ли способны произвести какой-либо иной продукт.

При этом целый ряд стран (Турция, Малайзия, Иран, отчасти Индонезия) демонстрируют образцы любопытных постиндустриальных достижений и достаточно динамичного развития, но каждая из них пока что не обнаруживает при этом видимых потенций дотягивания в будущем до статуса центра мирового значения.

Одной из наиболее существенных проблем является проблема совмещения глубины перехода и динамики развития с сохранением цивили-

лизационной идентичности (в результате чего, собственно, только и может сложиться современный цивилизационный продукт, востребованный как исламским обществом, так и остальным миром).

Существенной проблемой является усиление конфронтационных аспектов во взаимоотношениях исламского мира практически со всеми другими мировыми центрами, прежде всего, конечно, с США и Европейским Союзом. Определенные мотивы конфронтационности присутствуют и во взаимоотношениях с Индией, Китаем, Россией. Что касается последней, то этими мотивами ее взаимоотношения с исламским миром отнюдь не исчерпываются (о чем свидетельствует хотя бы вступление России в Организацию Исламская Конференция в качестве наблюдателя), но фактор террористической деятельности исламистов по достаточно понятным причинам является для России весьма чувствительным и рассматривается российской властью и обществом в качестве одной из наиболее существенных угроз национальной безопасности.

Если прибавить к этим проблемам собственную индустриальную и технологическую вторичность стран исламского мира, даже включая наиболее развитые из них, их, кажется, постоянную обреченность на догоняющее развитие в духе парадокса Зенона, ощущаемые к тому же на уровне массового сознания через постоянное отставание в качестве жизни (именно поэтому собственная политическая и финансовая элита, позволяющая себе уровень и качество жизни, сопоставимые с западными, а иногда в чем-то и превосходящие их, воспринимается этим массовым сознанием как «чужеродный элемент»), — все это позволяет усомниться в принципиальной адаптируемости исламского мира к глобализации и уж, во всяком случае, в его возможности стать полноценным мировым центром, способным обрести в нем собственную постиндустриальную нишу. В таком случае значение исламского мира как глобального центра превращается в фантом, в виртуальную реальность, а сам он обречен на то, чтобы быть лишь объектом, но отнюдь не субъектом глобализации.

Как-то, однако, этот портрет немощности и обреченности не вяжется с тем, что именно представители исламского мира бросили вызов главному мировому центру с тем, что именно в его зыбких песках продолжает вязнуть и растворяться военно-политическая мощь США, парадоксальным образом не потерпев военного поражения, но растративая и теряя потенциал мирового лидера.

При этом стоит обратить внимание на то, что брошенный Америке вызов был чрезвычайно эффективен и сам по себе стал отчетливым феноменом глобализации. Чудовищность терактов 11 сентября приобрела глобальный характер именно благодаря тому, что была сфокусирована в линзе мировых коммуникационных систем и повсеместно транслируема ими. Причем нет сомнений в том, что именно на такой эффект рассчитывали те, кто организовывал и осуществлял использование гражданских самолетов с пассажирами на борту в качестве оружия массового поражения и средства нападения на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке и главные политические и военные объекты в Вашингтоне.

Это не может не натолкнуть на мысль о поисках в самой структуре исламского мира таких элементов, которые оказываются адекватными реалиям постиндустриального общества и, если угодно, реалиям постмодернизма.

Методология мышления в рамках дихотомии «архаичность — модернизация», превалирующая по-прежнему в подходах к исламскому миру со стороны многих как российских, так и западных востоковедов и специалистов-политиков, в таких поисках оказывается тупиковой и бесплодной.

Десятилетия модернизации в таких странах, как Египет, Сирия, Тунис, Ирак, Алжир, затронувшей такие сферы, как индустриализация, аграрная реформа, урбанизация, антиархаичная реструктуризация общества, создание (по меркам второй половины XX в.) политических структур, реформа правовой системы и при этом отнюдь не страдавшей отсутствием эффективности, породившей периоды высоких темпов роста и относительного процветания, натолкнулись в дальнейшем на упомянутый парадокс Зенона. Монархические государства, такие как Иордания, Марокко, княжества Персидского залива, представлявшие, по крайней мере, до середины 80-х гг. XX в. более архаичными, во многих отношениях слишком медленно модернизирующимися, а в ряде случаев (Иордания, Марокко, Оман) — и стагнирующими, оказались более подготовленными к вхождению в постиндустриальное общество и приспособлению к глобализации. Не в последнюю очередь этому способствовала постепенная эволюция их политических структур в направлении большей гибкости и плюрализма.

Мысль, высказанную недавно профессором Тауфиком Ибрагимом: «Если вы хотите, чтобы мусульмане обновляли свою религию каждое столетие, как завещал Пророк, просто не мешайте им этого делать», представляется уместным распространить не только на религиозную сферу. Ведь монархические государства исламского мира были в гораздо меньшей степени полем модернизаторских экспериментов, совершавшихся не без воздействия извне. Раньше основным источником импульсов такого рода был СССР. Теперь его роль в этом отношении, кажется, переходит к Соединенным Штатам и Евросоюзу.

Впрочем, глобализация подвергает усиливающемуся тесту на эффективность все государственные структуры исламского мира независимо от их политического устройства.

Две страны, где еще недавно политические режимы казались достаточно устойчивыми — правление талибов в Афганистане и режим Саддама Хусейна в Ираке, — превратились в несостоятельные государства в буквальном смысле: и Ирак, и Афганистан находятся сегодня на грани государственного и этноконфессионального распада. Если к этому прибавить Сомали, Судан, а также Мавританию и Пакистан, где призрак государственной несостоятельности витает не одно десятилетие, Ливан и Алжир, где последствия гражданских войн продолжают порождать всполохи, чреватые их возобновлением, Индонезию, где власть и порядок подвергаются постоянным испытаниям со стороны внесистемной политической оппозиции, прежде всего исламистской,

страны Центральной Азии, где, как показали события минувших двух лет в Киргизии и Узбекистане, запас устойчивости и гибкости государственно-политических структур не столь незыблем, как казалось до этого, список реально или потенциально несостоятельных государств возрастает в геометрической прогрессии и несет в себе явный оттенок угрозы существующему государственно-политическому устройству исламского мира в целом. Причем сам этот список, может быть, с уменьшающейся, но все же отчетливо присутствующей степенью угрозы можно и продолжить.

Может показаться парадоксальным, но отмеченная тенденция возрастания неустойчивости государственно-политических структур исламского мира, представляющаяся живой иллюстрацией к отмеченной в начале материала общей тенденции глобализации к ослаблению роли и устойчивости национально-государственных образований, совпадает с традиционалистскими исламистскими представлениями о роли и значении светской власти вообще и существующего государственного устройства мусульманских стран в частности.

Согласно этим представлениям, нашедшим, в частности, отражение в сочинениях идеологов панисламизма XIX–XX вв. (Джалал ад-Дина аль-Афгани, Сайеда Кутба и др.), а также в книгах, статьях и высказываниях современных исламистов, первична исламская умма, что же касается современных политических режимов, то они сомнительны, если не нелегитимны с точки зрения религии, в конечном счете неустойчивы, коррупционны и нуждаются в замене на правильное исламское правление.

Сегодня, когда со стороны Запада — как США, так и Евросоюза — выдвигаются проекты демократизации исламского мира или, по крайней мере, такой существенной его части, как Ближний Восток, вектор воздействия этих проектов тактически совпадает с направлением мысли и политической деятельности исламистов: и то и другое ведет к ослаблению существующих режимов, углублению неустойчивости политического порядка.

Известен урок демократизации в Палестинской автономии, приведшей к власти правительство ХАМАС, что отдалило возможности палестино-израильского урегулирования, а само палестинское общество привело к грани тотального вооруженного противостояния. Памятна и попытка демократизации в Алжире в начале 90-х гг.: она привела к полномасштабной гражданской войне. Главный итог прошедших недавно выборов в египетский парламент, при которых политический плюрализм впервые за многие годы не подвергался ограничениям, таков: «Братья-мусульмане» легализовали себя в качестве крупнейшей оппозиционной силы и единственной реальной альтернативы существующей власти, став второй по значению парламентской партией страны.

При рассмотрении характера политических режимов в исламском мире нельзя не заметить, что подавляющее число их носит авторитарный характер, демократии же здесь, как правило, хрупки и неустойчивы,

подвержены угрозе авторитарных переворотов или авторитарного перерождения. Но и существующий авторитаризм тоже, как правило, не имеет достаточного запаса прочности хотя бы потому, что не содержит в себе механизма преемственности власти.

Уже в силу этих причин переход к устойчивой демократии представляется при внешнем взгляде не только предпочтительным, но едва ли не единственным путем дальнейшего политического развития стран исламского мира. Тем более что именно демократические системы показали в глобальном масштабе наиболее эффективную адаптируемость к условиям постиндустриального мира и глобализации, доказательством чему служит не только опыт Северной Америки, Западной Европы и Японии, но и утверждение демократических норм в Восточной Европе, Латинской Америке, ряде стран Азиатско-Тихоокеанского региона в конце XX — начале XXI в.

Однако в отношении исламского мира такой переход, по крайней мере, в ближайшей исторической перспективе представляется весьма сомнительным.

По двум видимым обстоятельствам. Первое заключается в том, и об этом свидетельствуют приведенные уже примеры, что попытки демократизации — и это скорее правило, чем исключение, — приводят к усилению исламистских тенденций, конечный вектор которых — приход к власти исламистских партий и организаций. А исламисты последовательно и убежденно (и по-своему убедительно) доказывают несовместимость демократии как традиции западной с исламской религиозной, цивилизационной и социально-политической традицией.

Это могло бы оставаться делом их личных политических пристрастий и вкусов, если бы не второе обстоятельство. А оно заключается в том, что в марксистской традиции было принято называть «социальными корнями». Речь в данном контексте идет о низовых горизонтальных структурах первичной политической организации, на которые опираются исламистские движения.

Для Запада такими структурами являются структуры гражданского общества. Вопрос, однако, заключается в том, являются ли аналогичные по своему фундаментальному значению низовые структуры в исламском мире элементами гражданского общества?

Вопрос этот сегодня носит далеко не только теоретический характер хотя бы потому, что западные аналитические центры, занятые проблемами демократизации исламского мира, разумеется, осознают взаимосвязь гражданского общества и представительной демократии, а общественные организации ряда западных стран занимаются поисками элементов гражданского общества в мусульманских государствах с целью установления контактов с ними и активизации их деятельности.

Ближайшее и несколько более отдаленное будущее, конечно, покажет, насколько эффективной окажется такая работа. Результат, впрочем, представляется довольно сомнительным, поскольку сомнительны методологические основы такого поиска.

Дело в том, что даже нахождение аналогичных, сходных и сравнимых элементов вовсе не гарантирует выстраивания их в аналогичную систему. Тем более эффект будет совершенно иным, когда элементы лишь кажутся аналогичными, а на самом деле таковыми не являются, и когда они существуют не в вакууме, а уже встроены в определенную систему общественных взаимосвязей, существенно отличающуюся от западной модели гражданского общества.

О чем идет речь?

На самом деле, если исключить страны Тропической Африки, в мире можно увидеть, по меньшей мере, четыре модели низовой (горизонтальной) социально-политической организации общества, имеющие универсальное значение в рамках крупных региональных сообществ, сложившихся на разных стадиях развития цивилизации, подвергшихся той или иной модификации на стадии индустриального общества и сохраняющих полную или частичную актуальность в постиндустриальном обществе, на данном этапе глобализации.

Гражданское общество является лишь одной из этих четырех моделей. Возникнув в западноевропейском ареале и развившись также в «чистом поле» североамериканского ареала, оно сохраняет полноценную актуальность реально присутствующего фактора как для Западной, так и для Восточной Европы (за исключением России и других стран СНГ), Северной и лишь частично Южной Америки.

Другие три модели — тоталитарная (советская), дальневосточная (японская) и исламская. В этом материале вряд ли уместно подробное рассмотрение и полный сравнительный анализ всех этих моделей. Здесь имеет смысл лишь более детально остановиться на сравнении гражданского общества с существующей исламской моделью.

Гражданское общество, как известно, стало формироваться в Европе на этапе перехода от доиндустриального общества к индустриальному. Его англоязычное название («civic society»), как, впрочем, и его аналоги в ряде других европейских языков, раскрывает его генетическую связь с урбанизацией, а точнее, с формированием низшей части городского социума за счет массового переселения в города представителей сельской культуры. Именно это рядовое население городов («бюргеры» — «буржуазия») неминуемо воспроизводило на новой для себя городской почве формы общинной солидарности в виде корпораций, гильдий, трестов (trust=доверие), синдикатов; эти и другие формы усложнились и мультиплицировались с усложнением и усилением разнообразия форм городской жизни — не только производственных, но и духовных, зрелищных и прочих, и в результате каждый человек становился участником различных объединений либо прямо или опосредованно сталкивался с ними, что и придавало жизни ту многомерность, которая и характеризует сегодня гражданское общество, являясь одновременно питательной основой представительной демократии и политического плюрализма.

В процессах формирования существующих сегодня форм низовой политической организации в исламском мире можно усмотреть немало

аналогов с процессами складывания гражданского общества, однако не менее важно установить и различия.

Понятие «цивилизация» на арабский язык может переводиться двояко — «хадара» и «тамаддун». Первое из этих слов исходно связано с сельским хозяйством и тем самым этимологически близко латинскому «cultura». Второе семантически связано со словом «мадина» — «город» и, таким образом, с образованием городов и поселением в них. И то и другое имеет значение в данном контексте.

При формировании гражданского общества исходный человеческий материал был достаточно гомогенен: исходно оседлые и в той или иной степени парцелльные крестьяне.

В становлении низовой организации исламского общества исходной формой организации была исламская община («умма»), сформировавшаяся изначально при переходе Мухаммеда из Мекки в Медину. Эта община отличалась двумя особенностями. Во-первых, она не была социально гомогенной в том отношении, что в ней изначально присутствовал как крестьянско-общинный, так и бедуинско-племенной элемент. Во-вторых, именно религиозная общность стала главным социально организующим фактором в этой общине, обусловившим синтез первоначально разнородных элементов.

Крестьянский элемент придавал ей эффект оседлости и закрепления на месте пребывания, рассмотрения этого места в качестве «своего», бедуинский — динамику и представления о прозрачности, если не отсутствия, естественных границ между различными политическими образованиями и, соответственно, взгляд на любые существующие границы как «неестественные».

При взрывоподобном расширении арабского халифата в VII–VIII вв. (всего за несколько десятилетий были завоеваны огромные территории от южных границ Франции на Западе до Памира и Индии на Востоке) эти принципы низовой организации и связанные с ними формы социально-политического мироощущения распространились на завоеванные территории, население которых с той или иной степенью быстроты исламизировалось.

XX в., и особенно его вторая половина, стал периодом столь динамичной и тотальной урбанизации стран исламского мира, когда многие, если не большинство, наиболее развитые и населенные его государства стали странами с преимущественно городским населением, что по скорости и значению этого переворота не только в месте, но и характере жизни его вполне можно сравнить с периодом арабских завоеваний.

Городская культура, таким образом, стала формально преобладающей. Но привело ли это к такой трансформации низовых форм общественной организации, которые если не создали здесь полноценного гражданского общества, то, по крайней мере, породили его элементы и тем самым обусловили эволюцию в его направлении?

В определенном смысле, да. Многие элементы того, что пришло с модернизацией и воздействием общемировых тенденций развития —

всякого рода общества, объединения, профсоюзы, ассоциации, движения, политические партии, — все это присутствует и занимает свое место в общественной структуре. Налицо, казалось бы, тот уровень плюрализма, который свидетельствует о наличии гражданского общества.

Однако, если приглядеться к стержневым принципам и характеру механизма низовой общественной организации, вывод будет иным.

Тут уместно сравнение из области музыки. Когда Арнольд Шенберг изобрел двенадцатитоновую музыкальную систему, он установил принцип равноправия всех двенадцати тонов: только при непременном соблюдении этого правила система работала. При любом отклонении от него неминуемо возникало доминирование какого-либо одного тона и, таким образом, возвращение в рамки традиционной музыкальной системы.

Точно так же и гражданское общество функционирует и остается существенным элементом всей общественно-политической организации только при условии равенства внутри него всех его компонентов.

Следует отметить, что в течение 60–70-х гг. XX в., в период наиболее бурной динамики урбанизации, в исламском мире за влияние среди этой общественной страты шла отчаянная борьба между левыми националистами, неомарксистами и исламистами. Последние выиграли эту борьбу, по-видимому, не в последнюю очередь потому, что им удалось, опираясь на традицию и модифицируя в определенной степени эту традиционную взаимосвязь с учетом новейших реалий и потребностей простых граждан, в том числе наиболее обездоленной их части, создать такой симбиоз традиционного и современного, который и является, пожалуй, наиболее гибким и динамичным элементом и хозяйственной, и социальной, и политической жизни исламского мира.

Можно сколько угодно сомневаться в принципах исламской экономики или иронизировать по поводу них, но нельзя не увидеть таких фактов, как успех экономических проектов бен Ладена в Судане, которые были не только эффективными в собственно экономическом смысле, но и смогли быстро поднять уровень жизни задействованных в них представителей обездоленного населения этой одной из самых бедных и отсталых арабских стран. Растущей популярностью пользуются исламские банки, общества по предоставлению беспроцентных кредитов, организуемые «Братями-мусульманами» в Египте или «Хезболлой» в Ливане.

Опираясь на традицию, исламисты создали такую систему гибких связей по всему исламскому миру, по сути дела сетевых организаций, которые, будучи в своей основе традиционными, в то же время соответствуют критериям глобализации. Именно в этом заключается секрет их эффективности.

Из этого можно сделать вывод, что именно исламистские организации и прямо или косвенно связанные с ними хозяйственные, социальные и политические структуры оказались в состоянии в наибольшей степени адаптироваться к процессу глобализации и использовать многие его реалии в своих интересах.

¹ См., в частности, работу В.И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма», где описываются известные признаки империализма, в числе которых отмечается «завершение раздела мира и борьба за его передел». Ленин В.И. ПСС, т. 16.

² Ohmae K. Triad power. N.Y., 1985.

³ См.: Ohmae K. The Borderless World. Power and Strategy in Interlinked Economy. N. Y., 1990; Ohmae K. The End of the Nation State. The Rise of Regional Economies. L., 1995.

⁴ Ohmae K. The End of The Nation State, с. 12.

⁵ На этом акцентировал свое внимание Уолт Ростоу в книге «Стадии экономического роста» (The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. L., 1960).

⁶ Впервые понятие «технотронная эпоха» З. Бжезинский сформулировал в своей книге «Между двумя веками» (см.: Brzezynsky Z. Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era. Harper, 1971).

⁷ В основных произведениях О. Тоффлера — «Шок будущего» (1970 г.), «Культурные потребители» (1973 г.), «Третья волна» (1980 г.) — понятие «информационного общества» занимает центральное место.

⁸ См.: McLuhan Marshal. Understanding Media. The extensions of Man. 1964; The Medium is the Massage. 1964; War and Peace in the Global Village, 1968.

ПРОБЛЕМЫ ИСЛАМСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

В настоящее время в мире по отношению к концептуальным установкам ислама сложились два парадоксальных мнения. С одной стороны, все официальные мусульманские иерархи, а также значительное число руководителей различных государств неустанно утверждают, что ислам — самая миролюбивая и наиболее толерантная религия в мире. В доказательство они приводят ряд сур Корана и многочисленные примеры веротерпимости мусульман за 14 веков истории существования ислама.

С другой стороны, отдельные мусульманские деятели цитируют воинственные постулаты Корана, проповедующие насильственное распространение мусульманского вероисповедания и устранение немусульман. Исламисты призывают забыть про толерантность и любым путем создать всемирное исламское государство — халифат, в котором не будет места для иноверцев. От них звучат призывы к экстремизму и даже к терроризму.

В этих условиях на ученых ложится ответственная задача поиска истины. При этом следует учесть, что о толерантности ислама сейчас много пишут и говорят, тогда как о его нетерпимости иноверия предпочитают умалчивать, преимущественно по политическим причинам. В то же время быстрое распространение ислама и повторяющиеся акты мусульманского экстремизма требуют тщательного исследования установочных и практических сторон исламского вероучения.

Вытеснение соперника — историческое условие самоутверждения каждой религии

Зарождение и распространение любой новой религии, бесспорно, связано с отрицанием и борьбой возникшей религии с существующей. Фактически это — непреложный закон самоутверждения каждой религии, что убедительно прослеживается на примере истории всех трех авраамистских (авраамистических) религий — иудаизма, христианства и ислама, — возникших на Ближнем и Среднем Востоке (БСВ).

Иудаизм, зародившийся в X в. до н.э., как первая монотеистическая религия повел решительную борьбу против языческого многобо-

жия. Поскольку Бог Яхве провозгласил евреев «богоизбранным народом» (Втор., 7:6,7), то самоутверждение иудаизма носило моноэтнический характер, наталкиваясь на неприятие большинства других многочисленных народов сначала на БСВ, а затем и в других регионах мира.

Христианство вышло из лона иудаизма в I в. н. э. путем его значительной реформации. Считается, что Богочеловек Иисус Христос родился от Бога Яхве и матери-еврейки, поэтому, в соответствии с иудейскими обычаями, был обрезан на 8-й день. Его проповедь новой религии с ее идеей воздаяния (богопослушный христианин обретет счастье в царстве небесном) была подхвачена учениками-апостолами, которые, как и Иисус Христос, были казнены иудеями или язычниками. «Искупительная жертва» Иисуса, принявшего смертную муку на кресте за «грехи человеческие», содействовала распространению христианства, заметно потеснившего как язычество, так и иудаизм. В последующие годы христиане использовали не только «пастырское служение», но и силовые методы борьбы*

Напомним, что в Библии (т.е. в Ветхом завете, признаваемом иудеями и христианами, и в Новом завете, признаваемом только христианами) содержится множество призывов к терпимости других вероисповеданий и мирному сосуществованию с иноверцами. Но там же записаны и призывы к устранению неверия или неполной веры (т.е. сектантства) во имя «единственно верной религии». Такие «разночтения», необходимые на все случаи жизни, характерны для большинства религий мира.

Ислам зародился лишь в VII в. н.э в Аравии в период образования там арабского государства. Вероучение ислама, вобравшего в себя ряд постулатов иудаизма и христианства, было изложено в Коране, который был ниспослан Аллахом пророку Мухаммеду через ангела Джебраила (Гавриила). В отличие от иудаизма и христианства, культ ислама опирается на 5 «столпов веры» при обязательном повторении формулы: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — посланник Его»**

Важно отметить, что в Коране присутствует такое понятие, как «джахилия» (по-арабски — неведение), которым обозначалось все время до начала миссии Мухаммеда. Таким образом, ислам четко противопоставил себя периоду язычества, иудаизма и христианства как царству тьмы, грубости и невежества. Естественно, что новая религия как свет гуманизма, кротости и знаний была призвана одержать победу над темным прошлым.

* В этой связи довольно убедительно звучит вывод российского ученого, что «исначально основной движущей силой террора как раз и являлась религия, которая с конца XIX века и особенно в годы “холодной войны” заменялась идеологическими, революционными, национально-освободительными, националистическими, сепаратистскими и тому подобными императивами» [2, с. 52].

** В Ветхом завете записано аналогичное наставление Бога Яхве: «Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим» (Втор., 5:7).

Тем не менее наличие общих и совпадающих постулатов позволило некоторым представителям авраамистических религий — раввинам, патриархам и муфтиям — утверждать, что «мы все поклоняемся единому Богу». Но не приходится говорить, что мусульмане поклоняются Богу Яхве, что Яхве и Аллах — это один и тот же Всевышний. Точно так же никто из современных иудеев или христиан не скажет, что он молится Аллаху.

Более того, в Коране присутствует множество аятов, которые не только провозглашают Аллаха единственным Богом, но предусматривают полное неприятие, категорическое отторжение иных богов. Эти постулаты требуют от всех правоверных мусульман постоянной борьбы с иноверием и иноверцами. Так, в Священной книге мусульман записано: «Верующие — только те, которые уверовали в Аллаха и Его посланника» (24:62). Отсюда наставление: «Обрадуй же их (неверующих. — Г.С.) наказанием мучительным» (84:22,24). И далее призыв: «Сражайтесь с теми, кто не верует в Аллаха и в последний день... и не подчиняется религии истины» (9:29). При этом ответственность за расправу над неверными берет на себя сам Всевышний: «Не вы их убивали, но Аллах убивал их» (8:17). Отсюда — признание самого Аллаха: «И сколько Мы погубили поколений после Нуха» (Ноя. — Г.С.) (17:18). И все эти убийства совершаются во имя того, что «религия вся будет принадлежать Аллаху» (8:40). Любой верующий или атеист сам может определить, насколько ислам пропитан толерантностью.

В Коране действительно есть немало призывов к мусульманам быть веротерпимыми, особенно это касается «людей писания», т.е. иудеев и христиан. Но нельзя игнорировать и вышеприведенные аяты. А кто может сказать, какие постулаты Священной книги являются самыми истинными?

Конечно, далеко не все рядовые мусульмане внимательно читали Коран (до сих пор большая их часть остается неграмотной), как большинство иудеев и христиан до конца не ознакомились с Библией. Обычно содержание Священных книг верующим доносят раввины, священники и имамы. Но делают они это в соответствии с политической (внутренней и внешней) конъюнктурой, готовя таким образом свою паству к толерантности или ксенофобии, к миру или войне. В этом смысле рассмотрение практики жизни современных мусульман может дать не меньшее представление об исламе, чем цитирование отдельных аятов из Корана. Тем более что верующие, как правило, придерживаются далеко не всех постулатов Священных книг.

БСВ: от толерантности к нетерпимости и экстремизму

История стран БСВ знает периоды мирного сосуществования и кровавых войн, в осуществлении которых важную, а порой решающую роль играли авраамистические религии. Опубликованы тысячи

книг о крестовых походах или захватнических войнах Арабского халифата и Османской империи, проходивших под зеленым знаменем ислама. Однако по различным причинам крайне мало публикаций о негативном воздействии религий на ход исторических событий. Попробуем хотя бы частично восполнить этот пробел в отношении современного ислама.

Конечной целью «Братьев-мусульман» было создание Первой крупной организацией, отвергнувшей толерантность и вступившей на путь конфронтации, стала ассоциация «Братья-мусульмане», созданная в 1928 г. в Египте шейхом Хасаном аль-Банной. Эмблемой ассоциации был выбран Коран с двумя скрещивающимися мечами. Братство приняло активное участие в национально-освободительной борьбе египтян против английских колонизаторов. Хасан аль-Банна заметно политизировал ислам, разработал идеи панисламизма и концепции джихада. Основная посылка идеологии «братьев» заключалась в тезисе: «Аллах — наша цель, Пророк — наш вождь, Коран — наша конституция, джихад — наш путь, смерть на пути, предназначенном Аллахом — наше высшее желание» [12, с. 151].

в исламских государствах общества, построенного на принципах «исламской справедливости» при строгом соблюдении мусульманских норм жизни, сформулированных в Коране и шариате. По их убеждению, к этой цели ведет исламский путь развития, отличный как от капитализма, так и от социализма. После смерти Хасана аль-Банны в 1949 г. организация раскололась на группировки правозэкстремистского толка, широко применявшие террор.

В это время на БСВ произошли кардинальные перемены. После Второй мировой войны евреи, ссылаясь на Холокост, поставили вопрос о создании еврейского государства на территории Палестины (родине иудаизма), бывшей подмандатным владением Англии. Они создали здесь боевые отряды (из числа местных и приехавших евреев) и, памятуя распоряжение Бога Яхве, предприняли военные действия против англичан, постоянно прибегая к террористическим актам.

Обстановка на БСВ еще больше обострилась, когда в 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла решение о создании в Палестине двух самостоятельных государств — еврейского и арабского. Иерусалим предлагалось объявить самостоятельным городом трех религий. В 1948 г. евреи провозгласили независимое государство Израиль, в котором иудаизм был объявлен государственной религией. Соседние арабские страны, возражавшие против создания еврейского государства в центре арабского и мусульманского мира, начали войну, в ходе которой они потерпели первое поражение. Палестинское государство так и не было создано. В результате последовавших новых войн, носивших не столько межрелигиозный, сколько межнациональный характер, Израиль расширил территорию, изгнал значительную часть палестинского населения с мест традиционного проживания, а позже объявил захваченный Иерусалим своей «неделимой» столицей.

Еще одно обстоятельство взбудоражило БСВ. В 1960 г., по предложению СССР, ГА ООН приняла Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Население ряда мусульманских территорий активно включилось в политическую и вооруженную борьбу против тех метрополий, которые пытались тем или иным способом сохранить свои позиции в освобождающихся странах. Подавляющее большинство мусульманских народов смогло провозгласить независимость своих государств, сохранив при этом значительные экономические или политические связи с бывшими метрополиями. Все ближневосточные арабские государства своей государственной религией объявили ислам (а Ливан еще и христианство). Вектор противостояния с Израилем стал еще больше склоняться в сторону межрелигиозной конфронтации.

Из всех мусульманских народов БСВ только курды и проживающие в Ливане друзья (одна из шиитских общин) нейтрально восприняли самоутверждение иудаистского государства. Поэтому израильское правительство стало высказывать друзьям свое доверие и даже вербовать их в свою армию. Исламское единство арабов было нарушено.

Позже после ряда побед над арабами Израиль смог установить дипломатические отношения с Египтом, Иорданией и некоторыми другими исламскими государствами. Но поскольку он не освободил палестинские и сирийские земли, не вернул изгнанных палестинцев на их родину, не восстановил независимый статус Иерусалима, опасность вооруженной конфронтации постоянно сохранялась, а периодически даже резко возрастала.

Тем временем в мире и на БСВ происходили события, которые, с одной стороны, укрепляли ислам, а с другой — провоцировали отдельные исламские группировки, игнорируя установки на толерантность, прибегать к экстремизму. Таких событий было достаточно много, остановимся на следующих трех.

После Второй мировой войны все западноевропейские государства испытывали острую нехватку трудовых (особенно мужских) ресурсов, необходимых для восстановления разрушенного хозяйства и для нормализации процесса воспроизводства населения (начиналась депопуляция из-за больших потерь мужчин). Поэтому государства решали эти проблемы сначала с помощью демобилизованных воинов, набранных в азиатских и африканских колониях, а затем путем импорта иностранных рабочих из развивающихся стран. Основной костяк гастарбайтеров составили выходцы из мусульманских государств.

В послевоенный период индустриальные государства Запады приняли демократические конституции, которые предусматривали «свободу передвижения товаров, капиталов и рабочей силы». Более того, они предусматривали право иммигрантов (с некоторыми ограничениями) на получение нового гражданства. Конституции гарантировали также свободу вероисповеданий. Так, в толерантном христианском сообществе, без вооруженного нашествия, мирным путем утвердилась

и разрослась исламская диаспора. К концу XX столетия ислам стал в Западной Европе второй религией, усиливающей свое воздействие на христианское окружение.

Второе событие связано с началом очередной арабо-израильской войны 1973 г. Нефтедобывающие страны БСВ объявили временное эмбарго на поставки «черного золота» в США и Голландию, активно поддержавших захватнические устремления Израиля, и тотчас же стали повышать цены на экспортируемую нефть. Дополнительный толчок этому процессу придала исламская революция в Иране в 1979 г. К 1982 г. мировые цены на жидкое топливо возросли почти в 20 раз. Нефтеэкспортирующие страны БСВ использовали полученные сверхдоходы не только для модернизации своих хозяйств, но и для оказания помощи некоторым бедным исламским странам, а также ряду мусульманских организаций, обустроившихся за рубежом. К концу столетия мусульманские уммы (общины) в странах Западной Европы заметно окрепли, получая финансовую и идеологическую подпитку от Саудовской Аравии, ИРИ, Ливии и других стран региона.

Становление уммы проходило по «закону крупных чисел». На первых порах малочисленные мусульманские рабочие просили у местных властей и предпринимателей лишь работу и место проживания. По мере численного роста и материального обеспечения они просили разрешить им построить мечеть, открыть медресе (для приехавших или родившихся детей, поскольку нередко разрешалось воссоединение семей) или оформить какое-либо мусульманское общество с сугубо гуманитарной целью: сохранить родной язык, культуру, связи с родиной и т. п. Затем они стали настаивать на предоставлении им различных пособий (в первую очередь по безработице) и субсидий, на праве мусульман прерывать работу для молитвы и не приходиться на работу во время исламских праздников, а для девочек — на праве ходить в светскую школу в платках. Правительства западноевропейских государств, рассчитывавшие на ассимиляцию новых граждан, предоставляли бывшим иммигрантам все новые права и привилегии. К концу столетия почти все мононациональные христианские государства Западной Европы превратились в многонациональные и поликонфессиональные, в которых ислам теснит христианство.

Некоторые окрепшие уммы породили экстремистов, которые не только нарушали конституции принявших их стран, но и попирали толерантность, ориентируясь на крайние призывы Корана. Например, в Англии имамы в своих регулярных проповедях призывали к исламизации новой родины. Призывы к установлению исламских порядков раздаются во Франции, Германии и других странах. Причем некоторые коренные жители, отрекаясь от христианства (католичества, протестантизма, англиканства), принимают ислам (подробнее см. [10]).

Мусульманские экстремисты перестали ограничиваться рамками своей новой родины. В Англии и Германии, например, действуют «гуманитарные» общества, которые с 80-х гг. истекшего столетия гото-

вят командиров-моджахедов, призванных нести зеленое знамя ислама в различных частях света. Так, оказалось, что против советской армии в Афганистане и российских войск в Чечне воевали граждане западноевропейских государств. Такая же ситуация с иммигрантами-моджахедами возникла недавно в Ираке.

Речь теперь пойдет о третьем событии, которое надолго изменило военно-политическую конфигурацию БСВ. Точнее, о двух событиях, но связанных с одной страной — Ираком и его президентом Саддамом Хусейном, развязавшим две войны: с Ираном (1980–1988 гг.) и Кувейтом (1990–1991 гг.). Первая агрессия не смогла выявить победителя, хотя Ираку тайно помогали США, а вторая — вызвала противоположную реакцию США, которые вместе со своими союзниками высадили войска в Саудовской Аравии, ОАЭ, Омане и Катаре, откуда освободили Кувейт, нанеся поражение иракским воинским соединениям.

Важнейшим результатом интервенции западных держав стало установление «зонтика» над Курдским автономным районом (КАР), формально созданным еще в 1974 г. Иракским войскам было запрещено вторгаться в КАР, который получил вождеденный шанс превратиться в независимое государство. По окончании операции США вывели свои войска из Ирака, но оставили их в четырех арабских странах, включая Саудовскую Аравию. Так они создали религиозную основу (или предлог?) для исламистов, которые начали критиковать Саудовскую Аравию и усиливать выпады против США.

Все описанные события происходили на фоне политических или этнических конфронтаций, тогда как религиозный фактор, находясь на втором плане, редко вырывался вперед. Однако с началом нового столетия ситуация стала заметно изменяться, и исламский фактор уже в большинстве ближневосточных районов вышел на передовые позиции.

Конфронтация американского глобализма и исламского экспансионизма

К началу XXI в. распространение ислама в христианских странах, а также повсеместное наступление глобализма по-американски заметно отразились на политико-религиозной ситуации в странах БСВ. США, разместив свои войска в ряде арабских государств, подготовили себе опорную базу для установления «нового мирового порядка». В этих условиях некоторые ближневосточные страны начали выступать против засилья США, используя исламские призывы. А отдельные мусульманские организации осуществили полный переход от толерантности к экстремизму, что можно проследить по динамике событий в Афганистане, Ираке, Иране, Палестине и Ливане. Создается впечатление, что это уже не просто политическая «дуга нестабильно-

сти», а первые всполохи грозящего иудейско-христианского и мусульманского столкновения.

1) Афганистан. За исторически короткий период ситуация здесь радикально изменилась. США, в ответ на ввод советских войск в Афганистан в 1979 г., оказали всестороннюю помощь моджахедам, воевавшим как против правительственной мусульманской армии, так и против советских воинских частей. США и их союзники не только поставляли современное оружие моджахедам, но и всячески провоцировали их религиозный фанатизм против советских войск.

Более того, США на территории соседнего Пакистана финансировали и вооружали исламских фанатиков организации «Талибан», которая уже после вывода советских войск в 1989 г. вторглась в Афганистан и затем свергла просоветское мусульманское правительство. Новая власть во главе с Д. Омаром приютила саудовского миллионера Усаму Бен Ладена, который быстро пополнил ряды своей исламистской боевой организации «Аль-Каида». Омар и Бен Ладен открыто провозгласили обоюдное намерение создать исламское государство — халифат сначала в новосуверенных республиках Центральной Азии, а затем — во всем мире. При этом они резко осуждали христианские государства Запада и те мусульманские страны, правительства которых сотрудничают с «неверными». Так, выпестованная США организация «Талибан» и примкнувшая к ней «Аль-Каида» бросили вызов недавнему спонсору. Подобная ситуация не могла долго продолжаться.

11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке были взорваны два небоскреба — символы американского могущества, под обломками которых погибло свыше 3 тыс. человек. Президент США Джордж Буш-мл. возложил вину за террористический акт на «Аль-Каиду», укрывавшуюся в Афганистане, но имевшую свою разветвленную сеть (не без помощи США) в различных странах мира. Президент использовал это трагическое событие для реализации своих глобалистских притязаний под предлогом борьбы с «исламским терроризмом». Формируя «антитеррористическую коалицию» (в первую очередь из участников НАТО), Буш опрометчиво призвал своих сторонников предпринять «новый крестовый поход». Затем президент добавил библейское выражение: «кто не с нами, тот против нас». Практически никто не осмелился выступить против единственной супердержавы, и почти 200 государств, включая большинство исламских стран, поддержали «антитеррористическую акцию». Даже ИРИ заявила о поддержке американских военных действий, правда при условии, что они будут проводиться под эгидой ООН.

Видимо, президент США понял, что «перегнул палку», поэтому тут же после своего призыва пошел в нью-йоркскую мечеть, где уточнил, что война ведется не против ислама, а только против исламских террористов. Но это уже не могло исправить стратегический просчет, и многие мусульмане почувствовали себя потенциальной жертвой.

После бомбардировок и ракетных обстрелов коалиционные силы разгромили передовые части «Аль-Каиды» и талибов, тогда как остальные моджахеды скрылись в горных пещерах, откуда их не удалось выкурить.

Исламисты, оправившись от понесенных потерь, стали предпринимать нападения на вооруженные силы «крестоносцев» и их местных пособников. В стране появились первые шахиды, которые взрывали себя вместе с «неверными». Затяжная афганская война приобрела зримые черты межрелигиозных сражений.

Очевидное превосходство коалиционных воинских частей не принесло ожидаемых результатов. Бен Ладен многократно выходил на экраны Интернета, призывая мусульман к джихаду и опровергая успехи США и их союзников, а в начале 2006 г. объявил о создании на границе Афганистана и Пакистана исламского государства Вазиристан, покоящегося на базе Корана и шариата. Руководство новым государством взяли на себя «Аль-Каида» и «Талибан» [16, 16.2.2006]. Религиозное противостояние исламистов и «крестоносцев» получило новый импульс.

Конечно, США как супердержава преследовали более масштабные цели, чем простое наказание исламских террористов. Оккупировав Афганистан, они договорились о размещении союзных войск в Таджикистане, Узбекистане и Киргизии, а затем дополнительно в Грузии. Теперь с гор Памира и Кавказа они взяли под контроль огромные территории России, Индии и Китая. Они обосновались рядом с нефтегазовой кладовой Каспийского моря. Но, как говорят, аппетит приходит во время еды. США решили установить «новый порядок» над всем нефтеносным районом БСВ. Наиболее «ценным призом» они посчитали Ирак с его богатейшими запасами дешевой нефти.

2) Ирак. По мнению американских стратегов, в качестве очередной жертвы больше всего подходил именно Ирак, президент которого С. Хусейн достаточно вызывающе вел себя по отношению к США, сумел испортить отношения со всеми соседями и учинял массовые репрессии против этноконфессиональных группировок. Госдепартамент США обвинил Ирак в производстве оружия массового поражения и ракетных угрозах Израилю. Все эти номинальные причины в купе послужили обоснованием для того, чтобы США и их союзники, в первую очередь Великобритания, напали на Ирак, не получив необходимого мандата СБ ООН. Нападение можно квалифицировать как чистую агрессию, которую не поддержали некоторые европейские государства, а также Россия и КНР.

Союзные войска быстро разгромили иракскую армию и пленили С. Хусейна. Управление страной взяла на себя назначенная американская администрация во главе с Полом Бремером. Организованные тщательные поиски оружия массового поражения, особенно атомного, не увенчались успехом, и США лишились главного предлога для вторжения и дальнейшей оккупации. Тем не менее американская ад-

министрация, наводя «демократический» порядок, организовала принятие новой конституции, в которой было записано: «Ислам — официальная религия государства и она является источником законодательства» (см. [4, с. 134]). Затем администрация организовала и провела выборы в иракский парламент, который сформировал первое проамериканское правительство.

Следует отметить, что сунниты, на которых опирался С. Хусейн и которые составляют около четверти населения Ирака, первоначально отказались принимать участие в выборах, «организованных оккупантами». Власть перешла в руки шиитов, а также курдов, большинство которых исповедует ислам суннитского направления*. Небольшое представительство в парламенте получили и туркоманы (туркмены), также в основном придерживающиеся суннизма. А в 2004 г. президентом страны был избран курд Джалал Талабани, как наиболее компромиссная фигура между шиитами и суннитами арабского происхождения.

В последующие годы внутривластная и межрелигиозная борьба начала усиливаться. Многие суннитские и часть шиитских группировок предприняли вооруженные нападения на оккупационные войска, особенно американские. Под их огонь попадали и те иракцы, которые нанимались в местные вооруженные силы или органы власти. Причем все чаще взрывы осуществляли шахиды, которых практически не было во времена С. Хусейна.

Кроме того, усилилась борьба между суннитами и шиитами, вплоть до нападения на «враждебные» мечети и убийств молящихся. Периодически происходили нападения и на курдов, в том числе в КАР. Такие акции нередко оправдывались появлением проектов разделения Ирака на три самостоятельных государства, когда суннитам может достаться центральная часть, лишенная запасов нефти и газа, т.е. главного ресурса предстоящего развития. В то же время шиитов и суннитов объединяло лишь недоверие к оккупантам и курдам.

У курдов действительно сложились весьма напряженные отношения со всеми соседними народами. Они издревле компактно проживали и проживают на территории, которой ныне владеют Турция, Ирак, Иран и Сирия. Любые попытки курдов мирным или вооруженным путем добиться создания независимого государства встречали согласованный отпор всех четырех государств. Даже провозглашение формальной автономии в 1974 г. в Ираке было негативно встречено в упомянутых государствах. Еще большее неприятие вызвало американское решение, проведенное через СБ ООН от 1991 г., о создании «зоны безопасности» севернее 36-й параллели, которая с 1992 г. стала

* Курды получили 75 мест в парламенте из 275. Кроме того, Исламская партия Курдистана отдельно получила 2 места. Всего курды получили 77 мест (28% от общего числа) [5, с. 13].

называться Курдский автономный район (КАР) со всеми демократическими атрибутами [9, с. 64]. Под американским «зонтиком» автономия быстро стала укреплять экономику, общественный строй и собственные вооруженные силы — пешмерга. В то же время на БСВ постоянно нагнетались слухи о том, что «курды — не мусульмане» или «курдский ислам — не коранический» и т. п.

В основе таких утверждений лежит специфическое обстоятельство, на которое обратил внимание известный курдский ученый Ш. Мгои. Он писал: «Ведение освободительной борьбы против своих единомышленников в регионе, где ислам имеет господствующие позиции, а один из его основных постулатов — мусульманская “умма”, ставит исламский фактор выше национального (в данном случае курдского)», то в этом случае курдские устремления «по существу конфронтуют с идеями и программными задачами исламизма» [6, с. 11, 12]. Такая внутрисламская конфронтация достаточно четко просматривается в XX столетии.

Несмотря на внешние угрозы и частые внутренние разногласия, КАР успешно развивался в 90-е гг. Его положение еще более упрочилось после американо-английского вторжения в Ирак весной 2003 г. Коалиционные войска, ранее рассчитывавшие на безоговорочную поддержку угнетенных С. Хусейном шиитов, вскоре лишились их признательности и натолкнулись на стену отчужденности. Еще дальше пошли сунниты, которые инициировали партизанское движение против оккупантов и их пособников. И хотя в этой обстановке суннитские и шиитские экстремисты, включая моджахедов «Аль-Каиды», нередко нападали на видных курдских деятелей (независимо от их религиозной принадлежности), тем не менее КАР стал единственной стабильной зоной безопасности в Ираке, фактически подготовленной к суверенному существованию.

Академик Е. М. Примаков, характеризуя эту чрезвычайно сложную ситуацию, писал: «После операции США эта арабская страна погружена в хаос. Началась гражданская война на религиозной основе. Все контрастнее обозначается опасность развала Ирака на части. Ирак превратился в основной плацдарм “Аль-Каиды”» [18, 16.1.2007]. Такой хаос может не только расколоть Ирак, но и породить этноконфессиональные конфликты в ряде стран БСВ.

К концу 2006 г. США потеряли в Ираке около трех тысяч своих солдат и офицеров. Даже Дж. Буш признал, что коалиционные войска не выигрывают войну. Американское общественное мнение все больше осуждало деятельность президента, не способного положить победный конец кровопролитию. Во время ноябрьских выборов Республиканская партия потеряла большинство мест в обеих палатах Конгресса. А двухпартийная комиссия предложила вывести американские войска в 2008 г. и провести переговоры с Сирией и Ираном, имеющим влияние на «Хезболлу», чтобы обеспечить коалиционным войскам «достойный уход» из Ирака [13, Дипкурьер, 22.1.2007].

Как только пошли разговоры о выводе оккупационных войск, король Саудовской Аравии Абдалла неожиданно заявил, что в таком случае его страна окажет финансовую и военную помощь суннитским организациям Ирака. Это решение было объяснено тем, что после вывода коалиционных войск в стране образуется вакуум, который немедленно заполнят шииты, поддерживаемые Ираном. Тогда политическая карта Ирака и всего БСВ кардинально изменится [13, 25.12.2006].

В условиях нарастающего межгосударственного суннитско-шиитского противостояния появились другие сообщения, что США не выведут, а переведут свои войска в КАР [13, Дипкурьер, 25.12.2006]. Новый проект вызвал немедленное отторжение соседних государств — Турции, Ирана и Сирии, поскольку концентрация американских воинских соединений в автономии приведет, по их убеждению, к укреплению, а затем и полной независимости курдского анклава. Появление же независимого Иракского Курдистана неизбежно активизирует курдское национально-освободительное движение и поставит под угрозу целостность сопредельных государств.

Напряженная обстановка еще более обострилась после того, как в канун мусульманского праздника Ид-аль-Адха 30 декабря 2006 г. был повешен С. Хусейн. Причем казнь сопровождалась надругательствами палачей-шиитов над своей жертвой, что позволило суннитам отнести С. Хусейна к числу «мусульман-мучеников». Казнь была совершена без соответствующего разрешения президента Ирака Талабани при возражении ряда руководителей исламских и христианских государств и даже Папы Римского. Тем не менее Дж. Буш одобрил «заслуженное наказание». Ликовали многие шииты, пострадавшие от правления С. Хусейна. Довольны были и курды, хотя суд не успел рассмотреть их обвинения. В то же время экстремистские суннитские организации призвали своих сторонников «к возмездию». Также к «отмщению» призвала мусульман «Аль-Каида». Казнь С. Хусейна, а затем и двух его сподвижников привела к новому витку противостояния в исламском мире и отходу ряда западных государств от полной поддержки ближневосточной политики США.

В таком тугом узле внутрииракских и внутриисламских противоречий Дж. Буш объявил 14 января 2007 г. о своей «новой стратегии». Казалось, что поражение Республиканской партии на ноябрьских выборах, охлаждение отношений с рядом союзников, неудачи в Афганистане и Ираке вынудят президента пересмотреть политику США на БСВ. Однако Буш хотя и признал некоторые ошибки, но утверждал, что «неудача в Ираке обернется бедствием для США», ибо «радикальные исламские группировки окрепнут», а это «ободрит Иран в его стремлении заполучить ядерное оружие». «Наши враги обретут убежище», откуда «будут нападать на американцев». Поэтому президент предложил: 1. Дополнительно направить в Ирак 21,5 тыс. американских солдат (общая их численность там составит 153,5 тыс. человек) «для оказания помощи иракским властям»; 2. Укрепить вооруженные силы США на Ближнем Востоке в целях «противодействия

иранскому и сирийскому влиянию внутри Ирака». Для этого в район Персидского залива будет направлен авианосец с самой современной военной техникой [13, 15.1.2007]. Намеченные меры Е. М. Примаков назвал «бездарным и бесперспективным решением» [18, 16.1.2007].

План Буша все-таки получил поддержку премьер-министра Ирака Нури аль-Малики, а также части шиитов и курдов. Но он был отвергнут иракскими суннитами, большинством исламских стран, а также большей частью мировой общественности. Даже в самих США новая инициатива президента была критически воспринята Демократической партией и частью Республиканской партии. Не помогли и ссылки Буша на то, что им «движет провидение».

Конечно, американским президентом двигало не мифическое провидение, а конкретные глобалистские устремления супердержавы. Для ее тотального господства на БСВ главным препятствием оставались Иран и Сирия, отнесенные Бушем к «странам оси зла». Поэтому президент США санкционировал еще параллельную агрессию Израиля против Палестинской автономии и Ливана, где активно действовали шиитские экстремистские организации. США и Израиль рассчитывали, что в военные действия ввяжется Иран или Сирия, что позволит нанести смертельный удар по этим странам и поставить в их руководство лояльных политиков, как это сделали США в Афганистане и Ираке. Но и здесь события стали развиваться не по американо-израильскому сценарию.

3) Палестина и Ливан. На страны Передней Азии, где когда-то зародились три авраамистические религии, в течение трех тысячелетий набегали волны то кровопролитных сражений, то периоды мирного этноконфессионального сосуществования. А после Второй мировой войны ее отзвуки вновь всколыхнули этот регион, поставив его в эпицентр «дуги нестабильности».

В 1947 г. ГА ООН приняла решение о создании на территории Палестины двух независимых государств: еврейского и арабского (палестинского), тогда как Иерусалим предлагалось сделать независимым городом — центром трех религий. В 1948 г. евреи провозгласили свое государство Израиль, а арабское государство так и не было создано. Арабские страны, возражавшие против появления еврейского государства в центре арабского мира, начали войну, в которой они потерпели первое поражение. В ходе последующих войн, в которых религиозный фактор находился на втором плане, Израиль расширил выделенную ему территорию, изгнал значительную часть палестинского населения, а в 1980 г. объявил Иерусалим своей «неделимой столицей». Максимум, чего добились палестинцы, это — провозглашение автономии на подконтрольной Израилю территории. Мирные переговоры, вооруженные столкновения, интифада (палестинская «революция камней») — все это разбивалось об упорство Израиля, которого в экономическом, политическом и военном плане поддерживают США и другие страны Запада.

Российский исследователь Л. И. Медведко, специалист по БСВ, писал: «Поставив религию на службу политике, сионизм фатально обрек Израиль на нескончаемую борьбу с другими цивилизационными мирами. Он вступил в войну не только с арабами, но и со всем миром ислама. Радикальные его течения, может быть, именно поэтому и взяли на вооружение воинствующий экстремизм и исламский терроризм» [8, с. 364]. Действительно, хотя отказ ряда мусульманских организаций от толерантности произошел намного раньше, но сам факт возникновения Израиля с его аннексионистской политикой, бесспорно, усилил тенденции к радикализму во всем исламском мире.

Палестинцы, не смирившиеся со своим положением, объединились в Организацию Освобождения Палестины (ООП), которую возглавил руководитель наиболее многочисленной группировки «ФАТХ» Ясир Арафат — умеренный политик и толерантный мусульманин. За свои попытки мирным путем добиться создания независимого палестинского государства он даже был удостоен Нобелевской премии. Он умер, так и не приблизившись к целям своей борьбы.

В 2004 г. президентом Палестинской автономии (ПА), руководителем ООП и одновременно «ФАТХ» стал Махмуд Аббас, также придерживающийся умеренных взглядов. Однако при нем набрала политическую силу экстремистская организация ХАМАС, не признававшая право Израиля на существование. В 2005 г. путем легитимных и демократических выборов (проведенных по рекомендации США) к власти в ПА пришла ХАМАС, а ее лидер Ханийе сформировал коалиционное правительство. Новый премьер-министр заявил, что полувековой поиск мирного решения освобождения палестинских территорий и создания Палестинского государства исчерпали себя, поэтому следует готовиться к вооруженной борьбе. Такой подход вызвал жесткую критику М. Аббаса и экономические санкции со стороны США и стран ЕС.

Тем не менее хамасовцы начали обстреливать самодельными ракетами и совершать нападения на приграничные израильские территории. ХАМАС впервые широко использовала шахидов для убийства израильских военнослужащих и гражданских лиц. Ее боевики смогли взять в плен израильского капрала, ставшего заложником. ХАМАС предложила его обменять на тысячу палестинских узников в израильских тюрьмах [16, 6–9.10.2006].

Премьер-министр правительства Израиля Эхуд Ольмерт, намереваясь освободить капрала и уничтожить боевую инфраструктуру ХАМАС, в августе 2006 г. отдал приказ (не без санкции США) о вторжении израильской армии в ПА, включая город Газу. Были разрушены опорные пункты палестинцев и дома активистов ХАМАС. Восемь министров ПА были взяты в плен, но вскоре отпущены. СБ ООН, опасаясь разрастания конфликта, принял резолюцию о прекращении огня и выводе израильских войск из ПА. Израиль, не сумев освободить военнослужащего, вынужден был подчиниться.

Еще продолжались выстрелы в ПА, когда экстремистская арабская организация «Хезболла», созданная на территории Ливана в качестве филиала иранской организации того же названия [16, 3.8.2006], усилила ракетные обстрелы близлежащих израильских городов. Во время очередного рейда ее боевики взяли в плен двух израильских военнослужащих, ставших заложниками. Тотчас же израильский раввинат призвал свою паству молиться за их освобождение. Затем и еврейские общины всего мира (включая общины России) совершили аналогичную всеобщую молитву. Вслед за этим Израиль осуществил вторжение своих войск на ливанскую территорию.

В то время как христианское руководство Ливана не предпринимало никаких мер по защите родины, «Хезболла», возглавляемая шейхом Насруллоу, организовала отпор израильским войскам. Видимо, шиитская организация ожидала такой поворот событий, поэтому смогла нанести израильтянам ощутимые потери в технике и живой силе. И здесь под давлением ООН Израиль, не сумев освободить своих заложников и разрушить «инфраструктуру террористов», вынужден был в канун иудейского «дня смирения» вывести свои воинские соединения из Ливана. Это позволило «Хезболле» провозгласить себя «победительницей» и повысить авторитет среди ряда исламских стран, особенно экстремистских организаций. Важно отметить, что даже в официальных сообщениях воюющих сторон религиозный фактор впервые вышел на первый план [13, 2.10.2006].

Боевые операции израильской армии на ливанской территории вызвали неоднозначную реакцию во всем мире. Если США и ряд стран Европы поддержали израильскую акцию, то большинство населения этих стран отнеслось к ней более чем сдержанно. А ОИК расценил их весьма критически. Особенно резко осудили израильское вторжение шиитские организации Ирана и Ирака [13, 4.8.2006].

В самом Израиле неудача военной кампании вызвала раскол в обществе. Впервые израильская армия, считающаяся самой сильной на БСВ, не смогла достичь провозглашенных целей. Пошли разговоры, что Бог Яхве отвернулся от евреев. Неудачи в палестинской и ливанской военных кампаниях были возложены на премьер-министра Э. Ольмерта, которого оппозиция тут же стала упрекать и в других грехах.

К концу 2006 г. израильское правительство обвинило Россию в организации поставок современного вооружения Сирии и Ирану, которые передавали его боевикам ХАМАС и «Хезболлы». Оно упрекало Россию в оказании помощи Ирану в строительстве атомной электростанции в Бушере, что якобы приведет к появлению иранской атомной бомбы. Правительство постоянно настраивало США на военное вмешательство в Иран, поскольку тот фактически отвергает право Израиля на существование. А в начале 2007 г. появились сообщения, что Израиль хочет сам подвергнуть бомбардировке строящуюся АЭС и ряд военных объектов. Израильское правительство это опровергло, но напряженность в отношениях между Израилем и Ираном, между США и Ираном приблизилась к своему «пику».

4) Иран — единственное государство исламского мира, где подавляющая часть населения исповедует ислам шиитского толка и где после исламской революции 1979 г. руководство в стране осуществляют религиозные лидеры — аятоллы. Правительство ИРИ и шиитские иерархи, опираясь на доходы от продажи нефти, не скрывали намерения экспортировать свою революцию. В повседневной деятельности они ориентировались не на исламские постулаты толерантности, а на наступательные аяты Корана.

Аятоллы, свергнув проамериканский шахский режим, развернули мощную кампанию против США, называя их «большой сатаной». В свою очередь, США спровоцировали нападение на ИРИ Ирака, обеспечивая ему политическую поддержку и негласную помощь вооружением. После ирано-иракской войны отношения между руководством Ирана и США оставались весьма напряженными.

Следует отметить, что после распада СССР Иран сделал попытку внедрить ислам шиитского вероисповедания в новосуверенные республики Центральной Азии и Азербайджан. Все эти республики вступили в ОИК, но остались светскими. Не принесли заметных результатов и попытки «экспорта исламской революции» в страны БСВ. После этого Иран сосредоточил внимание на антиамериканской деятельности, не упуская возможности критиковать арабские правительства за их тесное сотрудничество с США и НАТО. Одновременно он усилил материальную помощь шиитским организациям Ирака, ведущим партизанскую войну против коалиционных войск, а также ПА и Ливану, борющимся за освобождение Палестины от оккупантов, «незаконно созданного Израиля» [13, Дипкуррьер, 22.1.2007].

В 2004 г. президентом ИРИ был избран М. Ахмадинежад, который резко осудил США за вторжение в Ирак, за всестороннюю поддержку Израиля, за навязывание исламскому миру своего «нового мирового порядка», за игнорирование исламских ценностей. Он существенно модернизировал армию. Ахмадинежад постоянно критиковал Таджикистан, Узбекистан, Киргизию и Грузию за размещение на своей территории американских войск под предлогом борьбы с «исламским терроризмом» и предупреждал Азербайджан от повторения подобной ошибки.

Активная антиамериканская политика, разносторонняя помощь «силам сопротивления», а также неспособность коалиционных войск справиться с растущим партизанским движением — все это повысило готовность президента Буша напасть еще и на Иран. Пока РФ и КНР смогли его удержать в 2006 г. от новой агрессии и снизить накал напряженности путем переговоров. Однако не исключено, что провидение еще раз толкнет Буша к новой войне на БСВ.

После Второй мировой войны на БСВ постоянно (с небольшими перерывами) возрастала политическая напряженность, в которой все

более важную роль приобретали три авраамистические религии: иудаизм, христианство и, особенно, ислам. Нередко США, опирающиеся на свои и натовские вооруженные силы, использовали религиозные постулаты, чтобы прикрыть предпринимаемые акции по установлению «нового мирового порядка». Подобным образом действовал и Израиль, захвативший ряд арабских территорий.

После оккупации США и их союзниками Афганистана и Ирака, а также после вторжения израильских войск в Палестинскую автономию и Ливан на пути их дальнейшего продвижения стал ислам в его экстремистской форме. В борьбу против оккупантов вступили мусульманские смертники-шахиды. Кровопролитные сражения все чаще приобретают характер межрелигиозных столкновений, хотя в ряде случаев иудео-христианским странам удалось спровоцировать внутрисламские стычки между суннитами и шиитами. Приверженцы всех трех религий напрочь забыли о толерантности, заповеданной в Ветхом завете и Коране.

Нарастающий хаос межгосударственных, межрелигиозных и внутрисламских сражений может остановить лишь ООН, которую в последние годы все чаще игнорируют США. Только она может усадить за круглый стол все противоборствующие стороны (включая иерархов трех религий), чтобы добиться компромисса, вывода всех оккупационных войск и восстановления мирного сосуществования государств с различным общественным строем и конфронтующими религиями. ООН также в состоянии предотвратить новую войну США против ИРИ. Если это не удастся сделать, то не только БСВ, но и весь цивилизованный мир будет отброшен на многие десятилетия назад.

Литература

1. Библия. Книги священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. М., 1994.
2. Ермаков С. М. Понятийные аспекты терроризма. — Терроризм. Угроза человечеству в XXI веке. М., 2003.
3. Коран. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. М., 1986.
4. Бадерхан Ф. Постоянная иракская Конституция и интересы курдов. — Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века. М., 2006.
5. Жигалина О. И. Курдский вопрос и проблема стабильности в Западной Азии. — Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века. М., 2006.
6. Мгой Ш. Х. Исламские экстремисты в современном Курдистане. — Курдский вопрос на рубеже тысячелетий. М., 2004.
7. Мгой Ш. Х. Курдский фактор (современное состояние и перспективы). — Курдский вопрос на рубеже тысячелетий. М., 2004.
8. Медведко Л. И. Россия, Запад, ислам: «столкновение цивилизаций»? Жуковский — М., 2003.

9. Старченков Г. И. Межконфессиональное столкновение: миф или реальность? — Политическое просвещение. 2003, № 6.
10. Старченков Г. И. 11 сентября 2001 года — новый этап геополитики США. — Терроризм — угроза человечеству в XXI веке. М., 2003.
11. Старченков Г. И. Христианство и церковь глазами ученого-атеиста. М., 2002.
12. Федоров В. А. Международный терроризм и страны Азии. — Терроризм — угроза человечеству в XXI веке. М., 2003.
13. Независимая газета (с продолжениями).
14. Парламентская газета.
15. Политическое просвещение.
16. Правда.
17. Религия и мусульманский мир.
18. Российская газета.

ДЕМОКРАТИЯ И ИСЛАМИЗМ В АРАБСКИХ СТРАНАХ (АЛЖИР, ТУНИС, ЕГИПЕТ)

Процесс демократизации в арабском мире является важным элементом мировой политики. От результатов этого процесса во многом зависит дальнейшее развитие социально-политической ситуации на Ближнем Востоке и в мире в целом. Способен ли мусульманский мир, и в частности арабские страны, к демократизации? Может ли демократия развиваться, в том числе на основе мусульманской культуры, в мусульманском обществе, где исламские морально-этические нормы, традиции и обычаи являются образом жизни большинства населения? В какой степени принципы демократии коррелируются с исламом, который в той или иной форме действует практически в каждой арабской стране? Не претендуя на всеобъемлющие ответы, мы попытаемся ответить на эти вопросы, проанализировав социально-политическую ситуацию, сложившуюся в начале XXI в. в Алжире, Тунисе и Египте, т.е. в тех арабских странах, где наиболее осязаемыми результатами демократизации государственно-политической системы и в то же время существенным образом проявило себя исламистское движение.

Общеизвестно хрестоматийное определение демократии как формы государственного устройства, при котором осуществляется власть народа (*demos* — народ и *kratos* — власть — греч.). Классической античной демократией считается государственно-политическое устройство древнегреческих полисов. В то же время античные авторы (Платон, Аристотель, Геродот) рассматривали демократическую форму правления как государственную систему, при которой только свободные граждане полиса имеют равные права. Также известно, что в полисах проживало большое количество рабов, число которых иногда превышало число свободных граждан, но которые тем не менее не пользовались такими правами. В XVIII в. идеи демократии и свободы, выдвинутые великими мыслителями-гуманистами эпохи Просвещения, легли в основу американской «Декларации независимости» от 4 июля 1776 г. и французской «Декларации прав человека и гражданина» от 26 августа 1789 г., в которых провозглашались как «неотчуждаемые права человека — право на жизнь и свободу»¹ и «равенство в правах всех людей»². Принципы демократии как государственно-политического устройства общества разрабатывались многими философами и общественно-политическими и государственными деятелями. Одной из наиболее из-

вестных и распространенных в современных западных социально-политических исследованиях является концепция французского политолога и общественно-политического деятеля А. Токвиля (1805–1859), согласно которой демократия — это не только определенная форма организации общества, но и соответствующий процесс, происходящий в нем. Философской основой демократии и в то же время одним из вопросов, дискуссии по которому продолжаются до сих пор, является соотношение свободы и равенства граждан как социально-политических ценностей. Их реальное воплощение происходит в соответствующих демократических институтах государства: прямых, когда граждане лично участвуют в осуществлении государственной власти (выборы, референдум), и представительных, т.е. когда участие граждан в управлении государством происходит через избранные ими органы и избранных представителей — депутатов. Гарантией прав граждан является разделение функций власти — законодательной, исполнительной и судебной; децентрализация в социально-экономической и культурной сферах. В то же время защиту прав граждан берут на себя демократические ассоциации — гражданские и политические, которые становятся посредниками между центральной властью и различными слоями общества, представляя интересы последних. Видные социологи XX в., такие как Д. Шумпетер и У. Ростоу, дополнили и уточнили концепцию А. Токвиля, подчеркнув, что все эти черты развитой демократии наполняются реальным содержанием только в условиях сложившегося гражданского общества, т.е. при активном и осознанном участии граждан в общественно-политической жизни. Это достаточно важное уточнение, так как подлинная демократия возможна только при достижении обществом определенного уровня цивилизационного развития. Только в этом случае функционирует развитое гражданское общество и имеется своеобразная «критическая масса» граждан, обладающих определенным уровнем интеллектуально-духовного развития, а именно: гражданским самосознанием, образовательным уровнем, соответствующим менталитетом и политической культурой, а также достаточной экономической обеспеченностью (средний класс). Если таких условий не имеется в обществе, то при формальном наличии всех государственно-демократических институтов (всеобщие выборы, многопартийная система, разделение властей и т.д.) за такой «фасадной» демократией вполне может существовать режим, ничего общего не имеющий с подлинной демократией.

Еще один важный фактор, а именно религию, в формировании определенной формы социально-экономической системы, в частности западноевропейской, отметил известный философ и социолог XX в. М. Вебер (1864–1920). Он выделял роль христианской, а именно протестантской, религии в становлении западноевропейского капитализма и соответствующей ему «хозяйственной этике», т.е. «коренящиеся в психологических и прагматических религиозных связях практические импульсы к действию»³ Данный фактор, наряду с другими, способст-

вовал формированию определенного менталитета, стиля взаимоотношений между людьми и соответственно развитию современного западного гражданского общества и присущего ему демократического государственно-политического устройства.

Что касается феномена исламизма, то имеется ряд его определений. Однако прежде всего, на наш взгляд, следует разделить понятия «исламский фундаментализм» и «исламизм». Исламский фундаментализм можно рассматривать как явление религиозное, означающее обращение к истокам ислама и строгое соблюдение правил и норм, изложенных в Коране и Сунне, в повседневной жизни и общественной практике. Наряду с термином «исламский фундаментализм» более точно и адекватно объясняет данное явление такое определение, справедливо предлагаемое известным отечественным арабистом В. В. Наумкиным, как *салафизм* (от араб. *салаф* — праведный предок)⁴. Как известно, главной идеей приверженцев салафизма является постулат о том, что на протяжении веков в ислам вносились новшества (*бид'а* — араб.), которые зачастую искажали изначальное мусульманское учение. Для того чтобы возродить первоначальный «правильный» ислам, необходимо, согласно салафизму, обратиться к эпохе Пророка Мухаммеда и четырех «праведных халифов» (*аль-хулафа' ар-рашидун* — араб.) — Абу Бакра, Умара, Усмана и Али.

Исламизм, или политический ислам, т.е. использование ислама в политических целях, в отличие от салафизма представляет собой в большей степени политическое явление, и по определению видного отечественного исследователя Р. Г. Ланды, «есть определенная стадия социополитического развития мира ислама, последовавшая вслед за панисламизмом XIX в. и национализмом первой половины XX в.»⁵ Исламизм выражает идеологию исламистского движения, лозунгом которого является: «Ислам — есть решение» и приверженцы которого ратуют за создание «исламского государства», построенного на основе «вечных и справедливых» законов Корана, в котором восторжествует «исламская социальная справедливость» (*аль-адль аль иджтимаий* — араб.). Необходимо отметить, что идея справедливого миропорядка, отраженная в Коране (4:135)^{*}, до определенной степени присуща мусульманской традиции и зафиксирована во Всеобщей исламской декларации прав человека, принятой ОИК в 1981 г., в которой, в частности, заявляется, что «любой человек не только имеет право, но и обязан протестовать против несправедливости»⁶ Исламизм в то же время является направлением в арабской общественной мысли, отражающим стремление определенной части общества в арабских странах сохра-

* Сура 4 (Жены — *ан-ниса'*): О вы, которые уверовали! Будьте стойки в справедливости, свидетелями перед Аллахом, хотя бы и против самих себя, или родителей, или близких; будь то богатый или бедный — я *эйуха аллязина аману куну каввамин бил-кыст шухада' ли-лах ва ляу аля анфусикум ау аль-уалидейн ва ль-акрабин ин якун ханийн ау факиран* (араб.).

нить свои исторические традиции, религию, культуру, т.е. национальную самоидентификацию в условиях вызовов современного мира, прежде всего процесса глобализации. В то же время салафизм и исламизм можно рассматривать как явления взаимосвязанные и коррелирующие. Исламистское движение имеет умеренное и радикальное направления. Умеренный исламизм существует практически во всех арабских странах либо в форме политических партий, либо в виде общественно-просветительских или благотворительных организаций, выступающих за сохранение «исламских ценностей». Радикальный исламизм, или, по определению профессора Р. Г. Ланды, «исламо-экстремизм»⁷, представлен фундаменталистскими группировками, провозглашающими вооруженный джихад как единственный путь построения исламского государства. Их лидеры оправдывают свои террористические акции, в частности, против тех арабских режимов, которые, по их заявлениям, являются «тираническими и неверными», также ссылаясь на суры Корана, в которых правители, «которые не судят по тому, что ниспослал Аллах, те — законопреступники (*ва мен лям яхкум бима анзаля ллах фа уляйка хум аз-залимун* — араб.)» (Сура «Трапеца — аль-маида»; 5:49). При этом радикальные исламисты причисляют к «неверным» также умеренных исламистов, которые не разделяют их концепций.

Исламизм как интегральная часть общественно-политической жизни, естественно, влияет на демократические процессы, происходящие в исследуемых в данной статье арабских странах. Это влияние имеет свои особенности в силу конкретных социально-политических условий и исторических традиций каждой страны, и тем не менее в нем прослеживаются некоторые общие закономерности.

Алжир, отказавшись в конце 80-х гг. XX в. от политики социалистической ориентации, приступил к широкой демократизации социально-политической и экономической жизни. В этой связи необходимо подчеркнуть, что период конца 80-х — начала 90-х гг. характеризовался таким уровнем политической свободы в Алжире, который не имел аналогов в арабском мире. Правительство распустило чрезвычайные суды государственной безопасности, разбиравшие дела политического характера, и отменило систему так называемых «синих карточек»⁸ — анкет, заполнявшихся гражданами, баллотировавшимися на выборные должности, и затем визировавшихся службой безопасности. В 1989 г. была принята новая конституция и законодательные акты, в соответствии с которыми был создан двухпалатный парламент, вводилась многопартийность, система свободных альтернативных выборов на всех уровнях, сформировалась свободная пресса. В апреле 1990 г. был принят новый закон о СМИ, в результате чего к концу 1991 г. в Алжире появилось 169 новых газет и журналов. Алжирские журналисты, объединенные с 1967 г. в подконтрольное властям Национальное издательское и рекламное агентство (АНЕР), создали свою независимую организацию «Движение алжирских журналистов» (МЖА). Кроме того, в соответствии с новым законом, те журналисты, которые хотели создать

свое собственное издание, имели право в течение трех лет получать довольно значительное пособие. Таким образом, были созданы одни из наиболее популярных в настоящее время независимых газет: «Аль-Ватан» («Родина»), «Le soir d'Algerie» («Алжирский вечер»), «Аль-Хабар» («Новости»). Леводемократическая, берберская и исламистская оппозиции, находившиеся ранее на полулегальном положении, получили право участвовать в общественно-политической жизни и иметь доступ к национальным СМИ. Пребывавшие в эмиграции оппозиционные лидеры, в том числе бывший президент Алжира Ахмед Бен Белла, смогли возвратиться в Алжир и продолжить политическую деятельность. Тем не менее, наряду с поистине грандиозными демократическими преобразованиями, социально-экономическая ситуация в Алжире в этот период ухудшалась. Продолжался рост цен, в том числе на продукты и предметы первой необходимости, прогрессировала инфляция и девальвация алжирского динара. Одними из самых острых проблем оставались жилищный кризис и безработица, которая в 1989 г. охватила более 20% трудоспособного населения (среди молодежи до 25 лет этот процент был еще выше). Жизненный уровень значительной части населения снижался, что провоцировало усиление социальной напряженности в обществе. В то же время в условиях нарастания системного кризиса и на волне демократизации в алжирском обществе возникло и получило широкое распространение массовое исламистское движение в лице возглавлявшимся видными исламистскими лидерами Аббаси Мадани и Али Бенхаджем «Исламского фронта спасения» (ИФС). Легитимный приход к власти исламистов, за представителей которых на муниципальных и парламентских выборах в 1990–1991 гг. проголосовало почти 50% избирателей⁹, предотвратил вмешательство армии. Это, в свою очередь, привело к радикализации исламистского движения, экстремистские силы которого развязали многолетнее вооруженное противостояние с властями (1992–1999 гг.) и поставили страну на грань гражданской войны. Однако алжирское руководство сумело, с одной стороны, подавить радикальных исламистов, и с другой — инициировать процесс восстановления гражданского согласия. Президент Абд аль-Азиз Бутефлика, переизбранный в 2004 г. на второй мандат (на президентский пост вместе с ним претендовали еще пять кандидатов), выдвинул программу, определившую основные направления экономического, социального и политического развития Алжира до 2009 г. и нацеленную в том числе на закрепление демократических преобразований. Программа, ставящая перед собой достаточно амбициозные цели, среди которых разрешение жилищного кризиса^{*} и существенное сокращение безработицы, представляет собой важный шаг в дальнейшем

^{*} В настоящее время в Алжире не хватает примерно 1,3 млн. единиц жилищ, в то же время согласно программе к 2009 г. должно было быть построено почти 1 млн. единиц жилищ¹⁰.

развитии алжирского общества. Предусматривается, в частности, завершение новой редакции гражданского, уголовного и семейного кодексов и претворение в жизнь «Национального плана по соблюдению прав человека», принятого парламентом в 2003 г. Наряду с этим планируется существенным образом повысить роль местных органов власти и совершенствовать процесс демократизации общественно-политической жизни, в связи с чем вносятся изменения и дополнения в законы о местном самоуправлении, политических партиях и СМИ. При разработке программы был учтен трагический опыт противостояния с радикальным исламизмом в 90-х гг., и в настоящее время уделяется большое внимание политике по отношению к той части населения, которая считает необходимым сохранение мусульманских исторических традиций и «исламских ценностей». В программе, в частности, провозглашалось, что «алжирский народ, внесший огромный вклад в развитие и распространение ислама, и впредь будет прилагать все усилия для сохранения и дальнейшего процветания великой арабо-мусульманской цивилизации»¹¹. Наряду с этим планируется дальнейшее развитие системы мусульманского образования и совершенствование подготовки имамов с целью повышения роли мечетей в достижении полного гражданского согласия и недопущения превращения мечетей в инструмент пропаганды радикального фундаментализма (как это произошло в конце 80-х гг.). Дальнейшим шагом в восстановлении гражданского согласия стало одобрение на общенациональном референдуме «Хартин за мир и национальное примирение»¹², которая предусматривала конкретные шаги по интеграции в общество тех алжирцев, которые участвовали в исламистском движении, но «чьи руки не запятнаны кровью». В начале XXI в. внутривнутриполитическая ситуация в Алжире значительно стабилизировалась по сравнению с 90-ми гг. XX в., когда целые районы страны находились под контролем радикальных исламистов. Большинство алжирцев и политического истеблишмента страны поддерживают правительственный курс. Наиболее влиятельными фракциями в парламенте — Национальной народной ассамблеи (ННА), входящими в правительственную коалицию, являются представители партий «Фронт национального освобождения» (ФНО) и «Национально-демократическое объединение» (НДО), которые обладают подавляющим большинством мест в ННА — соответственно 199 и 48 из общего числа депутатов — 388. Необходимо отметить, что алжирские умеренные исламисты, которые, согласно их заявлениям, разделяют демократические принципы, достаточно полно представлены в ННА — тремя политическими партиями. Две из них — «Движение общества за мир» (*Харакат аль-муджтамаа ли-с-силм*), имеющая 38 депутатских мест и руководимая Бугеррой Солтани, и «Возрождение» (*Нахда*), обладающая одним местом и во главе которой стоит Ляхиб Адами, — входят в правительственную коалицию и поддерживают президентский курс. Необходимо отметить также, что сам руководитель «Движения общества за мир» (ДОМ) Бугерра Солтани и два члена его партии являются министрами

в нынешнем алжирском правительстве и эффективность их работы (согласно рейтингу, определяемому президентом) оценивается довольно высоко¹³. Третья партия — «Движение за национальную реформу» (*Харакат аль-ислах аль-ватаний*), завоевавшая 43 места в парламенте и возглавляемая видным исламистским лидером Абдаллой Джабаллой, состоит в оппозиции правительственному курсу. В программе «Движения за национальную реформу» (ДНР) не фигурирует пункт о создании исламского государства (использование религии в политических целях запрещено алжирской конституцией). Тем не менее ДНР выступает против правительственной программы широкомасштабной приватизации, ратует за сохранение «мусульманских морально-этических норм», требует проведения социально ориентированной экономической политики и усиления борьбы с коррупцией и преступностью. ДНР является наиболее многочисленной и достаточно влиятельной исламистской партией. Наряду с 43 местами в парламенте, ДНР имеет большинство депутатских мест более чем в ста *бальядийях* (областных выборных органах власти) из общего числа в 1539. Абдалла Джабалла в настоящее время считается одним из наиболее известных лидеров легальной исламистской оппозиции. Он примкнул к алжирскому исламистскому движению еще в 70-е гг. XX в., но всегда был идеологом умеренного исламизма, заявляя, что исламские каноны не противоречат демократическим принципам. Абдалла Джабалла участвовал в двух президентских кампаниях — в 1999 и в 2004 г. — и на последней занял третье место (среди 6 претендентов на президентский пост) после нынешнего президента Бутефлики и бывшего премьер-министра Али Бенфлиса, получив 4,8% голосов избирателей.

Особое место в современном Алжире занимают исламистские организации, официально не обладающие статусом политической партии, но тем не менее играющие довольно значительную роль в общественно-политической жизни страны. Это прежде всего такие организации, как «Верность» (*Вафа*) и бывший ИФС. «Вафа», несмотря на то что власти отказались зарегистрировать ее как политическую партию, тем не менее активно участвовала в муниципальных и парламентских выборах 2002 г., выставляя своих кандидатов в качестве независимых. Руководитель «Вафа» Ахмед Талеб Ибрагим, известный государственный и общественный деятель, дважды занимавший пост министра, поборник политики «арабизации», участвовал в президентской кампании 1999 г. и, по неофициальным подсчетам, занял второе место после президента Бутефлики. А. Ибрагим пытался принять участие в президентских выборах 2004 г., но не сумел пройти все предусмотренные законом юридические формальности. В то же время А. Ибрагим не пошел на какой-либо союз с Абдаллой Джабаллой, хотя их идеологические и политические позиции во многом схожи. В то же время руководство бывшего ИФС пытается добиться отмены судебного решения о его роспуске (принятого в 1992 г.) и вновь выйти на политическую авансцену. Надо признать, что большинство руководителей бывшего

ИФС, в том числе бывший командующий «Исламской армией спасения» (ИАС), военного крыла ИФС, Мадани Мезраг, а также те из бывших лидеров ИФС, которые находятся за пределами Алжира, отказались от радикальных взглядов и перешли на позиции умеренного исламизма. Однако алжирские власти подтвердили запрет на участие в политической жизни для бывших руководителей ИФС, в частности в отношении Али Бенхаджа, бывшего заместителя председателя ИФС, который после двенадцатилетнего заключения вновь захотел заняться политической деятельностью (он был арестован в июле 2005 г., тем не менее освобожден в марте 2006 г.).

В Алжире действует также радикальное течение исламизма, которое представлено в основном двумя вооруженными группировками — «Салафитская группа для проповеди и борьбы» (*Джамаа салафия лид-дава ва ль-кыталь*) и «Вооруженные исламские группы» (*Джамаат исламийа мусалляха*), насчитывающие в своих рядах, по разным оценкам, от 650 до 1 тыс. боевиков¹⁴. Причем «Вооруженные исламские группы» (ВИГ) в настоящее время распались на несколько враждующих между собой группировок, а их бывший лидер отказался от вооруженной борьбы. В то же время «Салафитская группа для проповеди и борьбы» (СГПБ), возглавляемая «национальным эмиром» (полевым командиром) Абд аль-Ваххабом Друкделем и базирующаяся в основном в горном районе Большой Кабилии (300 км к востоку от г. Алжира), продолжает террористические акции. Наиболее известной из них стало нападение в апреле 2006 г. на автоколонну на юго-востоке Алжира (700 км к югу от г. Алжира), перевозившую алжирских таможенников, в результате которой погибло 13 человек. Тем не менее можно констатировать, что алжирскому руководству удалось подавить радикальный исламизм, который уже не представляет собой (как это было в середине 90-х гг.) угрозы для существующего режима и способен совершать лишь отдельные террористические акты в отдаленных районах страны. Наряду с этим умеренный исламизм интегрируется в государственно-политическую систему, в которой идет процесс демократизации.

В Тунисе проходили в достаточной степени идентичные алжирским социально-политические процессы. Тем не менее здесь не имело места, как это произошло в Алжире, длительного вооруженного противостояния радикального исламизма с властями. Однако Тунис во второй половине 80-х гг. XX в., как и Алжир, переживал социально-экономический и политический кризис. Чтобы понять причины кризиса и последовавшего за ним подъема исламизма, необходимо провести некоторый ретроспективный анализ и отметить, что тунисское общество после завоевания страной независимости испытало радикальную секуляризацию, каковой не знала ни одна другая арабская страна. По инициативе первого президента Туниса Хабиба Бургибы (1903–2000) был принят «Кодекс гражданского состояния», который оценивается тунисскими историками как «революционный закон, круто изменивший традиционный уклад, положивший начало женской эмансипации,

и являвшийся социально-правовой реформой с долговременными и необратимыми последствиями»¹⁵ Коренным образом была реформирована система брачно-семейных отношений — запрещалось многоженство, учреждалась гражданская регистрация брака, вводилось равенство обеих сторон при разводе. В рамках реформ были отменены шариатские суды и установлена единая система судопроизводства. Наряду с такими впечатляющими успехами в социальном развитии общества, Тунис демонстрировал довольно стабильный рост экономики — 7,1% среднегодового прироста ВВП в 80-е гг. Однако основная часть получаемой в условиях экономического подъема прибыли перераспределялась внутри привилегированной прослойки крупного и среднего бизнеса, имевшей связи с правящей политической группировкой, в то время как уровень жизни большинства населения оставался достаточно низким. В 80-е гг. в Тунисе нарастало социальное напряжение, чему способствовало также то, что престарелый восьмидесятилетний президент Хабиб Бургиба (провозглашенный в 1975 г. пожизненным президентом) уже не контролировал ситуацию в стране, чем пользовались для личного обогащения члены его семьи и приближенные к ним кланы. Сложную социально-экономическую ситуацию использовало быстро набиравшее силу исламистское движение, выдвигавшее известный лозунг создания исламского государства. Необходимо подчеркнуть, что становлению исламизма в Тунисе (как и в Алжире) в какой-то степени способствовала противоречивая политика властей. С одной стороны, широкая секуляризация, не подкрепленная повышением уровня жизни основных социальных групп, вызывала сопротивление части населения, склонявшегося к поддержке исламистов. С другой стороны, власти, стремясь ослабить левое движение, особенно усилившееся в студенческой среде, пытались противопоставить ему исламистов. С этой целью было разрешено создание «Ассоциации в защиту Корана» и постройка мечети на территории столичного университета, которая стала одним из опорных пунктов исламистов. Уместно отметить, что на территории университета неоднократно происходили стычки между студентами — сторонниками исламистов — и членами леводемократических организаций, что также повторяло ситуацию в Алжире. С конца 80–90-х гг. левое движение в Тунисе (как и во всем арабском мире) испытывало кризис, и образовавшийся идеологический вакуум быстро заполняла исламистская доктрина, ставшая в арабо-мусульманском мире в значительной степени идеологией социального протеста и заменившая в известном смысле левую идеологию. В этой связи показательно звучит определение, данное одним из участников исламистского движения, заявившего, что «исламист — это тот, которого не удовлетворяет состояние современного мусульманского общества и который хочет, чтобы оно стало лучше»¹⁶

В 80-х гг. в Тунисе сформировалась организация «Исламская группа», трансформировавшаяся затем в исламистскую политическую партию «Движение исламской направленности», впоследствии переимено-

ванную в «Возрождение» (*ан-Нахда*). Ее председателем стал известный (также за пределами Туниса) идеолог исламизма Рашид Ганнуши, закончивший философский факультет Тунисского университета и получивший звание профессора философии. В числе руководителей партии были видные исламисты Абд аль-Фаттах Муру, Хасан Годбани, юристы по образованию, а также Салах Каркар, выпускник экономического факультета Тунисского университета. Исламисты издавали две газеты и журнал, а также имели свое издательство «Знамя» (*ар-Рая*), что во многом способствовало распространению фундаменталистской идеологии в Тунисе. Наряду с внутренними факторами, на подъем исламизма в Тунисе влияли такие внешние факторы, как гражданская война в Афганистане, где среди моджахедов, воевавших с афганским просоветским режимом, было немало тунисских граждан, которые впоследствии, вернувшись на родину, примкнули к исламистскому движению. Немалую помощь тунисским исламистам оказывал алжирский «Исламский фронт спасения» (ИФС), с которым руководители «Возрождения» поддерживали постоянные связи и, в свою очередь, посылали тунисских исламистов для участия в антиправительственных манифестациях, организуемых ИФС в Алжире.

В 1986–1987 гг. в Тунисе исламисты проводили многочисленные демонстрации с лозунгами создания исламского государства, а также, согласно опубликованным впоследствии тунисскими властями материалам, создали вооруженные группы, совершившие ряд террористических актов и готовившиеся к захвату власти. В такой напряженной социально-политической обстановке 7 ноября 1987 г. премьер-министр и глава правящей «Социалистической дустуровской партии» (СДП) Зин аль-Абидин Бен Али с помощью своих сторонников отстранил Х. Бургибу от власти, мотивируя свои действия статьей 56-й тунисской конституции*, и объявил о временном взятии на себя обязанностей президента.

Президенту Бен Али во многом удалось, с одной стороны, подавить исламоэкстремистов, представленных радикальным крылом партии «Возрождение», и, с другой стороны, существенно продвинуться как в плане экономического развития, так и по пути демократизации (хотя некоторые исследователи дают по этому поводу неоднозначные оценки). В то же время тунисское руководство сумело интегрировать часть умеренных исламистов в государственно-политическую систему, в частности предложив наиболее известным деятелям исламистской оппозиции войти в состав Высшего исламского совета и Социально-экономического совета (совещательный орган при правительстве). Наряду с этим по инициативе президента был выработан «Национальный

* Статья 56-я конституции Туниса предполагает, что «в случае временной неспособности Президентом осуществлять свои полномочия возможно делегирование им своих полномочий премьер-министру».

пакт», в котором были подтверждены основные реформаторские законы, принятые в период правления Х. Бургибы, в том числе «Кодекс гражданского состояния», и в то же время подчеркивалась принадлежность Туниса к арабо-исламской цивилизации. «Национальный пакт», который подписали руководители наиболее значимых общественных и политических организаций страны, в том числе лидер умеренных исламистов Нур эд-Дин Бхири, во многом способствовал достижению национального консенсуса. В то же время в конце 90-х гг. многие тунисские исламисты, осужденные заочно и проживавшие в Англии, были амнистированы и получили возможность вернуться в Тунис с условием не заниматься политической деятельностью. В числе вернувшихся был Хашеми аль-Хамди, известный исламистский идеолог, главный редактор издающейся в Лондоне газеты «Независимая» (*аль-Мустакылля*).

Важно подчеркнуть, что тунисское руководство значительное внимание уделяло социально-экономическим вопросам. В результате реализации плана подъема экономики среднегодовой прирост ВВП в Тунисе составляет свыше 5% (в 2003 г. — 5,6%), инфляция, составлявшая в период с 1980 по 1988 гг. в среднем 7,7% в год, к 2003 г. сократилась до 2,7%¹⁷. Наряду с этим процент населения, живущего за чертой бедности (доход которых составляет менее 2 долл. США в день), сократился с 7% в 1987 г. до 4% в 2004 г. Этот же показатель на тот же год в Алжире составлял 15,1%, в Марокко — 14,3, в Египте — 43,9%. Процент молодежи в возрасте от 19 до 24 лет, обучающейся в вузах, вырос с 6% в 1987 г. до 31% в 2004 г. В процентном отношении к населению по числу студентов Тунис занимает одно из первых мест в арабских странах. Достигнут также существенный прогресс в борьбе с неграмотностью. Так, число неграмотных среди взрослых старше 15 лет в 2003 г. в Тунисе составило 17% (мужчины) и 37% (женщины). Среди стран-соседей Тунис в этом отношении уступает только Ливии — 8% (мужчины) и 29% (женщины). В Алжире этот показатель составляет соответственно 22 и 40%, в Египте — 33 и 56%, в Марокко — 37 и 62%¹⁸. В этой связи необходимо подчеркнуть, что повышение образовательного уровня населения является важным элементом становления подлинной демократии, причем не только в мусульманской, но и в любой другой стране. Значительным политическим событием в Тунисе стали проходившие в 2004 г. президентские и парламентские выборы. Им предшествовали проведенные в 2002 г. и одобренные на национальном референдуме изменения в тунисской конституции, согласно которым была сформирована нижняя палата тунисского парламента и упразднены ограничения на переизбрание действовавшего президента на следующий мандат. Вместе с тем с 2004 г. в Тунисе были отменены ограничения для пользователей Интернета и большую свободу для своих публикаций получила пресса оппозиционных партий. Лидеры легально действующих политических партий отныне могут официально проводить собрания и митинги своих сторонников и имеют больший доступ к СМИ. В настоящее время в Тунисе действует девять политических пар-

тий, в том числе шесть из них представлены в парламенте и имеют право участвовать в президентских, парламентских и муниципальных выборах. Тем не менее говорить о реальном плюрализме в Тунисе еще преждевременно, так как доминирующую роль в общественно-политической жизни играет правящая партия «Конституционно-демократическое объединение» (КДО) — правопреемница «Социалистической дустуровской партии». Политическая платформа КДО близка программам социал-демократических партий Западной Европы, с которыми она поддерживает активные связи, являясь также членом Социнтерна и Африканского социалистического демократического интернационала (АСДИ), штаб-квартира которого находится в Тунисе. Председателем КДО является президент Туниса Зин аль-Абеддин Бен Али, который, как и ожидалось, с триумфом (94,49% поданных за него голосов) победил на президентских выборах трех своих оппонентов и получил четвертый президентский мандат (2004–2009 гг.). В результате парламентских выборов, в которых участвовали семь партий, 152 депутатских места (из общего числа — 189) получила правящая партия КДО. Необходимо отметить, что, согласно новому закону о политических партиях (принятому в 1988 г. и заменившему соответствующий закон 1959 г.), политическим партиям запрещено использовать религию в политических целях, получать любую форму помощи от зарубежных организаций и физических лиц. Важной особенностью нового закона является закрепленная в нем обязанность министра внутренних дел обращаться в судебную инстанцию в случае принятия решения о роспуске политической партии, в то время как предыдущий закон такой процедуры не предусматривал. Тунисские умеренные исламисты не имеют своей политической партии и соответственно не представлены в парламенте. В то же время видные исламистские лидеры умеренного направления, как уже отмечалось, участвуют в работе Высшего исламского совета и Социально-экономического совета. Однако необходимо отметить, что исламистская организация «Возрождение», отказавшаяся от радикальных концепций, продолжает существовать, хотя она во многом потеряла свое влияние среди тунисцев. Наряду с «Возрождением» в стране действуют еще несколько немногочисленных исламистских организаций, находящихся на полуправильном положении. Наиболее известной из них является «Партия исламского освобождения», руководство которой находится за пределами Туниса. Можно констатировать, что исламизм в значительной степени потерял свое влияние в тунисском обществе, подтверждением чего может служить амнистия и досрочное освобождение в 2005 г. из заключения 73 исламистов, осужденных за участие в антиправительственных манифестациях.

Египет имеет достаточно давние, по сравнению с другими арабскими (и не только) странами, демократические традиции. Так, например, история египетского избирательного права начинается с 1866 г. учреждением по инициативе хедива (правителя) Египта Исмаила Палаты депутатов, обладавшей правами законосовещательного органа и из-

бировавшейся шейхами провинций и представителями городских слоев населения. Уже в начале XX в. в Египте действовали такие политические партии, как «Родина» (*Хизб аль-Ватан*) во главе с поборником идей панисламизма Мустафой Кямилем, «Партия конституционной реформы», «Партия нации», «Рабочая» и «Благословенная» социалистические партии¹⁹, в 1919 г. была сформирована политическая партия «Вафд» («Родина»), до сих пор являющаяся одной из наиболее влиятельных политических партий. Наряду с этим в Египте существует своя интеллигенция, которая считается одной из самых многочисленных и образованных в арабском мире (в Египте в настоящее время насчитывается 12 университетов, 4 из них — в Каире). В то же время именно в Египте в 1928 г. известным мусульманским деятелем Хасаном аль-Банной была создана ассоциация «Братья-мусульмане», с которой начинается история современного исламизма, а концепции ее идеолога Сейида Кутба используются многими современными исламистскими группировками. Своеобразным отражением сложности и неоднозначности социально-политической ситуации в Египте стали президентские и парламентские выборы, проходившие здесь соответственно в сентябре и ноябре-декабре 2005 г. Выборы выявили две тенденции в современной общественно-политической жизни страны. Первая — намерение властей пойти по пути демократизации или, по крайней мере, сформировать демократический имидж Египта в глазах мирового сообщества и вторая — усиление влияния в египетском обществе исламистского движения. В результате президентских выборов действующий президент Хусни Мубарак (род. в 1928 г.) был переизбран на пятый президентский срок, завоевав 88,5%²⁰ голосов избирателей и оставив далеко позади 9 своих оппонентов на президентский пост. Необходимо отметить, что нынешние президентские выборы были первыми в истории Египта альтернативными выборами. Основные соперники Хусни Мубарака, лидер самой молодой (создана в октябре 2004 г.) политической партии «Завтра» (*Аль-Гад*) Айман Нур (род. в 1960 г.) и руководитель упоминавшейся выше старейшей партии «Вафд» Ноаман Гамаа (род. в 1930 г.), получили соответственно 7,6% и 2,95% голосов избирателей. Несмотря на то что практически все кандидаты — оппоненты Мубарака — по своему политическому влиянию значительно уступали действующему президенту и не являлись для него реальными соперниками, эту президентскую кампанию можно оценить как шаг в направлении демократизации страны. В начале 2005 г. по инициативе президента Мубарака путем изменения статьи 76-й египетской конституции, ранее предполагавшей выдвижение кандидатуры президента двумя третями депутатов парламента и последующим его утверждением в должности на общенациональном референдуме, была введена система прямых президентских выборов. Такая система предоставляет возможность всем легально действующим политическим силам участвовать в президентской кампании и соответственно определять внутреннюю и внешнюю политику страны. Вместе с тем это только теоре-

тическая возможность, так как реально такой возможностью обладает правящая Национально-демократическая партия (НДП), председателем которой является Хусни Мубарак, которая в результате парламентских выборов получила 336 депутатских мест из общего числа — 444. Прошедшие парламентские выборы характеризовались, в свою очередь, тремя важными для общественно-политической жизни Египта моментами. Первый — это успех «Братьев-мусульман», получивших 88 мест (в прошлом составе они имели 17)*, второй — поражение светских оппозиционных либерально-демократических партий, пытавшихся организовать единый блок (наиболее влиятельными в нем были партии «Аль-Гад» («Завтра») и «Кифайя» («Хватит!»), но сумевших получить всего лишь 14 депутатских мест, и третий — наметившаяся внутрипартийная борьба в правящей НДП, которая, получив большинство депутатских мест — 336, имеет только 147 из них, одобренных руководством НДП во главе с Гамалем Мубараком (сыном президента). Остальные 179, являясь членами НДП, тем не менее баллотировались в качестве независимых депутатов. Такая ситуация отражает борьбу между новым поколением политической элиты во главе с Гамалем Мубараком, являющимся председателем политического совета НДП, и старой гвардией, руководимой спикером парламента Фатхи Сруром.

Важно подчеркнуть, что нынешние президентская и парламентская кампании проходили в условиях социально-экономического кризиса, переживаемого страной и обусловленного рядом причин, а именно: замедлением экономического роста (3% в 2004 г.) наряду с довольно значительным демографическим ростом (2,1%), сокращением иностранных инвестиций, снижением иностранного туризма, высокой инфляцией и соответственно ростом цен (на 40% в 2003 г.), прогрессирующей безработицей, составляющей свыше 11% трудоспособного населения²¹. Примерно 56 млн. египтян (население Египта составляет 73,4 млн. человек) живут на доход, составляющий менее 2 долл. США в день²². Эта категория граждан может существовать только благодаря субсидиям государства на продовольственные товары, осуществляемые для того, чтобы смягчить социальную напряженность. Экономика Египта постоянно нуждается в иностранной помощи, в частности со стороны США, которая составляет от 2 до 2,5 млрд. долл. в год. В плане гуманитарного развития Египет является аутсайдером среди стран региона и занимает, согласно отчету о гуманитарном развитии от 7 сентября 2005 г., составленному международной организацией «Программа ООН по развитию» (Programme des Nations unies pour le developpements — PNUD), 119-е место из общего числа стран — 177. Тунис соответственно стоит на 89-м месте и Алжир — на 103-м. Такая ситуация способствует усилению влияния исламистов, особенно среди неимущих слоев египет-

* Политическая деятельность ассоциации «Братья-мусульмане» запрещена египетскими властями с 1954 г., тем не менее она принимает участие в парламентских выборах, выставляя своих кандидатов в качестве независимых.

ского общества. В то же время продолжающееся доминирование США на мировой арене, характеризующееся поддержкой Израиля в палестинско-израильском конфликте и силовым давлением на мусульманские страны, не подчиняющиеся американской политике, воспринимается частью мусульман как война против ислама, что приводит в ряды исламистов наряду с египтянами из беднейших слоев также представителей интеллигенции и имущих классов. Тем не менее египетским властям удалось подавить основные радикальные исламистские группировки, а именно «Исламские группы» (*Джамаат исламийа*) и «Исламский джихад» (*Джихад исламий*). В 1997 г. семь руководителей «Исламских групп» во главе с их лидером Омаром Абд ар-Рахманом объявили бессрочное перемирие с властями и призвали своих сторонников, как в Египте, так и за его пределами, прекратить террористическую деятельность. В 1998 г. к ним присоединилось и большинство руководителей «Исламского джихада». Вместе с тем наиболее экстремистски настроенные члены руководства этих группировок, такие как Айман аз-Завахири, Мустафа Камаль (Абу Хамза) и Рифаи Таха, продолжали проповедовать идею вооруженного джихада и примкнули к «Аль-Каиде» (Айман аз-Завахири стал, как известно, ближайшим сподвижником Усамы Бен Ладена). Отдельные террористические акты, совершаемые радикальными исламистами, продолжают иметь место в Египте. Так, в 2005–2006 гг. были совершены взрывы в туристических гостиницах в районе Шарм аш-Шейх, в результате которых погибли около 20 и были ранены около 100 египтян и иностранных граждан. Что касается умеренных исламистов, представленных в первую очередь «Братьями-мусульманами», то они после успеха на парламентских выборах становятся главной политической оппозицией правящей НДП. Лозунгом «Братьев» продолжает оставаться — «Ислам есть решение». Тем не менее необходимо отметить, что новое поколение руководства «Братьев» состоит в большинстве своем из представителей технической и гуманитарной интеллигенции, и, судя по их официальным заявлениям, «Братья-мусульмане» достаточно эволюционировали в своих политических взглядах. Их программный документ, обнародованный в марте 2004 г. и озаглавленный «Инициатива об основных принципах реформ в Египте», по своей сути, не отличается от политических программ других оппозиционных партий и включает в себя такие пункты, как «уважение политических и гражданских свобод, ограничение полномочий президента, гражданский контроль над деятельностью силовых структур и армии»²³ В отношении концепции создания исламского государства в Египте глава «Братьев-мусульман» (верховный наставник — *аль-муршид аль-ам*) Махди Акеф в интервью наиболее популярной египетской газете «Аль-Ахрам» заявил, что «исламское государство не может быть создано в отсутствие свободы волеизъявления народа. Первое, что мы требуем — это предоставить такую свободу, а затем народ сам изберет форму государственного устройства»²⁴. Отношение к «Братьям-мусульманам» в египетском обществе неоднозначное. Часть египтян, в первую очередь копты, выражают беспокойство по поводу роста влияния «Братьев» и считают их заявления о приверженности демократическим принципам пред-

выборной тактикой. В то же время многие египтяне поддерживают «Братьев» и склонны расценивать их эволюцию как новую стратегию, отвечающую духу времени. В ходе развернувшихся в Египте политических дискуссий накануне президентских и парламентских выборов часть политических и общественных деятелей, оппозиционных власти, выступали за проведение широкой демократизации, в том числе за полноправное включение «Братьев-мусульман» в политическую жизнь. Что касается позиции египетских властей по отношению к «Братьям-мусульманам», то она менялась в зависимости от внутренней и внешнеполитической ситуации. После успеха ассоциации на парламентских выборах из египетских тюрем было освобождено более 450 ее активистов, задержанных во время манифестаций и столкновений с полицией, происходивших во время выборной кампании. Это было сделано для подтверждения демократического имиджа Египта перед мировым сообществом, и прежде всего перед США, которые, по заявлению пресс-секретаря американского госдепартамента, намеревались наладить контакты с «Братьями» как «новыми членами египетского парламента». Однако после израильского вторжения в Ливан летом 2006 г. позиция «Братьев-мусульман» радикализировалась. Они резко осудили как военную акцию Израиля, так и поддерживавших его США, охарактеризовав американского президента Дж. Буша как «врага ислама». Равным образом глава «Братьев» Махди Акеф резко осудил позицию арабских руководителей, в том числе египетского президента, не оказавших во время израильской агрессии практической помощи Ливану. Египетские власти не замедлили ответить на демарш «Братьев» вызовом Махди Акефа в прокуратуру для дачи объяснений и массовыми арестами членов руководства «Братьев» и их активистов (по некоторым данным, было арестовано несколько тысяч человек). Тем не менее Махди Акеф подтвердил, что «Братья-мусульмане» будут действовать «строго в рамках конституции и ни в коем случае не намерены нарушать египетские законы или прибегать к действиям, которые могут дестабилизировать внутреннюю ситуацию в стране»²⁵. В то же время никто из депутатов — представителей «Братьев» не был арестован, хотя они довольно резко критиковали правительственную политику в парламенте. В этой связи можно отметить, что, несмотря на попытки властей ослабить «Братьев-мусульман», они после успеха на парламентских выборах становятся главными оппонентами правительства Мубарака и имеют теоретическую возможность, в случае успешного для них исхода муниципальных выборов (они были перенесены с февраля 2006 г. на 2008 г.), выставить своего независимого кандидата на президентские выборы 2011 г.

Исламистское движение (за исключением, конечно, его экстремистского крыла), существующее в той или иной форме практически в каждой арабской стране, является закономерным результатом развития мусульманского общества. В известной степени его можно определить, пользуясь понятийным аппаратом А.Тойнби, своеобразным отве-

том исламской цивилизации на вызовы современного мира, в частности глобализации. В то же время массовое исламистское движение, как показывает опыт ряда арабских стран, возникает в период социально-экономического или системного кризисов как форма социального протеста на ухудшение социально-экономической ситуации и снижение уровня жизни. В определенных условиях такая ситуация может привести к радикализации исламистского движения и выходу на авансцену исламоэкстремистов.

Тем не менее исламизм как направление общественной мысли, существующее в арабо-мусульманском мире, на наш взгляд, не является препятствием на пути демократизации и тем более не является антагонистичным по отношению к ценностным ориентирам западного общества. Умеренный исламизм, являясь элементом национальной самоидентификации, может адекватно интегрироваться в демократическую государственно-политическую систему. В то же время поспешный и неподготовленный во всех отношениях переход к широкой демократизации может иметь непредсказуемые, а иногда и трагические результаты, о чем также свидетельствует недавний исторический опыт арабских стран, в частности Алжира. Кроме того, вряд ли существует универсальная для всех обществ модель демократии. Наряду с этим, как справедливо указывает видный французский исследователь Ф. Бюрга, «базовые основополагающие цивилизационные ценности человечества являются общим наследием всех культур, религий и цивилизаций»²⁶. Исходя из вышесказанного, логично сделать вывод о том, что если современная западная демократия сформировалась на исторической основе христианства, то демократия в арабском мире должна структурироваться на основе мусульманской культуры. Причем эта демократия, как и мусульманское общество в целом, будет иметь свои черты и особенности, присущие культурно-историческим традициям исламской цивилизации. Тем более что в арабском мире факторы, влияющие на демократические процессы, такие как исторические традиции, менталитет, национальная психология, а также уровень образовательный, обеспеченности населения, политической культуры, демократических традиций, достаточно сильно отличаются от таковых в странах Запада. Таким образом, демократия, если рассматривать это явление не только как государственно-политическое устройство, а в более широком смысле — как способ функционирования общественного организма, всегда будет соответствовать специфике исторического развития, традициям, национальной психологии и менталитету, а также уровню развития гражданского общества и не может являться единой для всех этносов.

¹ Цит. по: Согрин В. Политическая история США. М., 2001, с. 36.

² Цит. по: История Франции. М., 1973, с. 13.

³ Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994, с. 43.

⁴ Наумкин В.В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов. — Восток (Oriens), 2006, № 1, с. 7.

- ⁵ Ланда Р.Г. Международный форум востоковедов и африканистов. Восток (Oriens), 2006, № 4, с. 157.
- ⁶ Цит. по: Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. М., 1991, с. 196.
- ⁷ Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М., 2005.
- ⁸ Долгов Б.В. Исламистский вызов и алжирское общество. М., 2004, с. 32.
- ⁹ Willis M. The Islamist Challenge in Algeria. A Political History. N.Y., 1997, с. 394.
- ¹⁰ Аль-Барнамадж ат-такмилиий ли-даам ан-нумув. Фатрат 2005–2009. Аль-Джазаир 2005, с. 10 (Дополнительная программа поддержки развития. Период 2005–2009. Алжир, 2005) (на араб. яз.).
- ¹¹ Le Projet de programme du gouvernement//El Moudjahid. 14.05.2004.
- ¹² La Charte de la paix et de la reconciliation nationale//www.algerianembassy.ru 29.09.2005.
- ¹³ Jeune Afrique. 2006. № 2362, с. 85.
- ¹⁴ Jeune Afrique/L'Intelligent. 2003. № 2222–2223, с. 54.
- ¹⁵ Цит. по: Видясова М.Ф. Джихад без войны. М., 2005. Кн. 2, т. 1, с. 405.
- ¹⁶ Цит. по: Burgat F. L'Islamisme a l'heure d'Al-Qaida. P., 2005, с. 13.
- ¹⁷ Статистические данные Всемирного банка и Международного валютного фонда//Jeune Afrique/L'Intelligent. 2004. № 2284, с. 57.
- ¹⁸ Jeune Afrique/L'Intelligent. 2004. № 2285, с. 39.
- ¹⁹ Ланда Р.Г. История арабских стран. М., 2005, с. 153.
- ²⁰ Аль-Ахрам аль-яум. Аль-Кахира. 10.09.2005.
- ²¹ Jeune Afrique/L'Intelligent. 2004. № 2245, с. 39.
- ²² Jeune Afrique/L'Intelligent. 2005. № 2332, с. 78.
- ²³ www.weekly.ahram.org.eg/print/2006/815eg2.htm 15.10.2006.
- ²⁴ www.weekly.ahram.org.eg/print/2006/813eg5.htm 13.10.2006.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Burgat F. «Al-Qaida» or the Transnationalisation of an «Islamic» resistance to the Globalisation of the Maintenance of «American Order» // Arabia Vitalis. M., 2005, с. 65.

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ: ЦЕНТР НАЦИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА В КОНТЕКСТЕ «ЭТАПА РЕФОРМ»

Саудовская Аравия внутренне меняется — этот феномен очевиден¹. Но очевидно также и то, что происходящие там изменения — длительный и растянутый во времени процесс. Реформы, осуществлявшиеся в королевстве, всегда инициировались его истеблишментом. Однако если в течение всей эпохи 1920–1980-х гг. действия власти были медленны, то на рубеже истекшего (начало этим действиям было положено в первой половине 1990-х гг.) и нынешнего столетий они стали более видимы и ощутимы. Это определялось причинами международного характера, включая и его региональный аспект, но также, что более существенно, и внутренними обстоятельствами, связанными с начинаниями «правлящего класса», что налагало свой отпечаток и на направления политическая трансформации государства, и на внутреннее содержание этого процесса.

Саудовская Аравия — держава, значение которой огромно как в региональном, так и в международном масштабе. Она — крупнейший производитель и поставщик углеводородного сырья на мировые рынки², участник ведущих международных банковско-финансовых структур и специализированных организаций. Среди них и Всемирная торговая организация (ВТО), вступление в которую было окончательно оформлено в ноябре 2005 г.³ Наконец, саудовское королевство — центральное, системообразующее звено в сфере межаарабских, в том числе и в региональном масштабе Аравийского полуострова и Персидского залива, и сложившихся в мусульманском мире межгосударственных отношений. Для саудовского истеблишмента мысль о том, что «Королевство Саудовская Аравия — составная часть международного политического, экономического и геополитического баланса сил, определяющая его роль в качестве одной из важных основ нового мирового порядка»⁴, выглядит как неоспоримая и незыблемая истина.

Включенность королевства в систему мирохозяйственных и международных связей означает, что любой серьезный кризис в этом государстве, вызванный действиями внутренней оппозиции (вооруженными группами, апеллирующими к религиозной догме в ее антисистемной интерпретации⁵, и смыкающейся с ними частью страты законоучителей)⁶, может иметь многочисленные и разнообразные международные последствия. В свою очередь, сколько-либо значительное изменение

саудовского внешнеполитического курса, источником которого может стать возникновение в этом государстве внутренней нестабильности и анархии, может привести к необратимым переменам на региональном уровне — на Ближнем Востоке, в арабском мире и в границах мусульманского геополитического сообщества.

Сегодняшняя ситуация в Саудовской Аравии определяется двумя важнейшими обстоятельствами. Это — развитие внутренних реформ и противостояние антисистемной оппозиции. Для саудовского «политического класса» органическая неразрывность обоих процессов очевидна — по мнению министра внутренних дел принца Наефа бен Абдель Азиза, «движение по пути реформ», как и искоренение причин, вызывающих к жизни деятельность сторонников «заблудшей секты»⁷, — «залог стабильности королевства»⁸

Но Саудовская Аравия — «консервативное государство»⁹ Ее внутри- и внешнеполитический курс определяется «идейными нормами ислама», а «королевство содействует их повсеместному распространению и защите», продолжая поддерживать «неизменность» традиции, — саудовское государство следует принципам, «провозглашенным королем-основателем и объединителем королевства» (Ибн Саудом. — Г.К.). Происходящие в этой стране внутренние изменения, инициатором которых выступает нынешний монарх — «король — обновитель» Абдалла бен Абдель Азиз, консервативно-охранительны. Они направлены на последовательное реформирование сложившейся системы политической власти, в которую медленно и осторожно, отталкиваясь от религиозной традиции, вводятся элементы современности. Это важно и в контексте противостояния антисистемной и апеллирующей к религии оппозиции — если основой реформ в государственно-общественной сфере выступает «вера ислама», то между ней, с одной стороны, и «приписываемым религии излишеством и экстремизмом» — с другой, должна пролегать четко разделяющая их грань.

Эта грань определяется принципом «аш-шура — совещательности» и легитимируется ссылками на связанные с ним коранические аяты¹⁰. «Совещательность» призвана оправдать не только возникновение новых институтов власти, но и расширить круг тех, кого истецлимент вводит в процесс принятия национального политического решения. Расширяя этот круг, саудовский «политический класс» стремится и к созданию инструментов, позволяющих регулировать отношения между этим «классом» и его подданными ради минимизации последствий оппозиционной деятельности. Одновременно все та же «совещательность» придает новый импульс *патронажно-клиентельной* основе королевской власти, распространяя на монарха шариатский образ «справедливого правителя». Наконец, вписывая в традицию реализуемые ею изменения и обретая тем самым большую устойчивость, саудовская власть подтверждает статус королевства в качестве неотъемлемого компонента современного мира.

I

В 2003 г. в Саудовской Аравии возник Центр национального диалога им. короля Абдель Азиза (*Марказ аль-малик Абдель Азиз лиль хивар аль-ватаний*). Создание Центра было призвано содействовать «укреплению национального единства, базирующегося на вере ислама и неизменных принципах шариата» и исключаящего «проявления излишества и экстремизма»¹¹.

Говоря о задачах Центра, официальное саудовское издание подчеркивало: «Создание Центра национального диалога — деяние, имеющее уникальный патриотический характер. Центр призван выявить волнующие общество идейные, социальные, политические и экономические проблемы и помочь их решению на основе целенаправленного и конструктивного диалога. В ходе диалога сыны нашей родины искренне выскажут свое видение задач дальнейшего развития страны, делая это ради главного — родины, веры, наших ценностей и обычаев. Если религия — это столп, на котором зиждется нация, если родина невозможна без этого столпа, то роль диалога заключается в том, чтобы подтвердить наличие в нас возможностей содействовать развитию родины». Глава Центральной комиссии по проведению национального диалога (ныне — Совет секретарей Центра национального диалога) шейх Салех бен Абдель Рахман Аль-Хассын (генеральный управляющий делами Главной мечети в Мекке и Мечети Пророка в Медине) подчеркивал: «Диалог — кратчайший путь к убеждению людей (в правильности избранного властью курса. — Г.К.), инструмент сплочения сынов нашей родины через их участие в обсуждении проблем, волнующих наше отечество, средство, созидающее прочный фундамент нашего государства»¹².

Точка зрения саудовской власти была определяющей при формулировании задач Центра. Власть говорила о необходимости «укрепления национального единства в рамках доктрины ислама», о задаче создания «верного, основанного на умеренности исламского дискурса», о важности «обсуждения общественно значимых проблем, касающихся развития общества, культуры, политики и экономики». Власть настаивала на введении «принципа диалога в саудовское общество в качестве основы его жизни и метода решения всех общественных проблем». Но одновременно она видела в претворении в жизнь этого принципа путь к «расширению участия граждан и социальных групп» в принятии «национального решения», считая, что лишь так будет подчеркнута «роль гражданских институтов в целях реализации принципов справедливости, равенства и свободы слова на основе исламского шариата»¹³.

Решению этой задачи подчинена и организационная структура Центра. Включающий в свой состав 12 сменяющихся каждые три года (на основе указов монарха) представителей высшей страты корпуса

религиозных законоучителей его Совет секретарей (*Маджлис аль-умана*) определяет стратегию деятельности этого института власти, в том числе и выдвижение тем «общенациональных встреч»¹⁴. Совету подчинен руководимый «генеральным секретарем» (им является Фейсал Абдель Рахман бен Муаммар) аппарат Центра, в структуре которого департамент проведения мастерских — *workshops*, департамент исследований, публикаций и социологических опросов, а также департамент связей с общественностью и информации. В его составе и другие департаменты — внешнего диалога и международных отношений, развивающего «народную дипломатию» в сфере контактов с международными (включая и исламские) организациями, департамент документации, департамент контактов с представителями интеллигенции, формирующий базу данных участников планируемых Центром «общенациональных встреч», организационный департамент, задачей которого является подготовка и проведение всех начинаний Центра. Наконец, в составе его аппарата работает департамент по делам женщин — саудовская традиция предполагает обязательное проведение общественных мероприятий раздельно для мужчин и женщин. Существенно и другое обстоятельство. Если высшее руководство Центра (Совет секретарей) представлено фигурами, отбираемыми властью из состава высших членов страты законоучителей, то непосредственные руководители аппарата (в частности, генеральный секретарь) — выходцы из среды «образованного класса», вводимые ныне властью в число участников принятия национального политического решения.

Возникновение Центра национального диалога вносило принципиально новые нюансы в систему, казалось бы, уже сложившейся саудовской власти. Эта власть заявляла, что нуждается во мнении общества, опираясь на которое она могла бы двигаться далее по пути реформирования государства. И власть действительно обращалась к обществу, содействуя тому, чтобы участники процесса диалога могли доносить свою точку зрения до всех граждан страны. «Встречи» различного уровня проводятся гласно и открыто, а точка зрения их участников отражается как на страницах «внешней»¹⁵ и «внутренней» саудовской прессы, так и на сайте Центра¹⁶. Но Центр уже в момент его становления выглядел и как исследовательское учреждение (некоторые компоненты его организационной структуры это очевидно доказывали). Результаты «встреч» подвергались детальному анализу, включавшемуся в представлявшиеся высшему эшелону власти отчеты и информационные материалы.

Первая «общенациональная встреча», состоявшаяся в августе 2003 г. в саудовской столице и объединившая наиболее известных и поддерживающих истеблишмент законоучителей, должна была придать процессу «национального диалога» необходимое шариатское оправдание. Однако в ходе ее работы *улемы*, выражающие мнение сторонников официальной ханбалитской доктрины, соседствовали с представителями шиитской и исмаилитской общин, а также руководителями суфий-

ских тарикатов. Они вместе определяли то, что в Саудовской Аравии, основываясь на термине, использовавшемся в выступлении на этой «встрече» наследного принца Абдаллы бен Абдель Азиза, стали называть «умеренным исламским дискурсом»¹⁷

В течение немногим более трех лет своей деятельности (август 2003 г. — конец 2006 г.) Центр национального диалога организовал и провел еще пять «общенациональных встреч», обсудивших важные для саудовского «политического класса» и общества вопросы. Принцип их проведения предполагал многоэтапность, они начинались на уровне провинциальных административных образований, а затем представители региональных «встреч» встречались на «общенациональной встрече» в одном из городов королевства. Каждая из «общенациональных встреч» разрабатывала, основываясь на предложениях региональных «встреч», «рекомендации» политическому истеблишменту. В этой связи истеблишмент говорил о «специфических» формах «национальной» демократии¹⁸, ни в коей мере не исключающих, а, напротив, опирающихся на «нуждающиеся в защите и сохранении исконные ценности, являющиеся константами жизни нации»¹⁹

Темы «общенациональных встреч» (представительство женщин среди их участников достаточно широко) были действительно разнообразны.

Состоявшаяся 27–31 декабря 2003 г. в Мекке вторая «общенациональная встреча» обсуждала причины возникновения внутрисаудовского террористического подполья²⁰. Некоторые аспекты этой темы ставились принципиально жестко. Речь шла в первую очередь о том, что официальный религиозный истеблишмент все еще не смог разработать, исходя, естественно, из исламской вероисповедной доктрины, некоторые важные для методологии анализа террора положения, — эта мысль открывала собой список рекомендаций «встречи». В этой связи ее участники говорили о том, что в саудовском обществе все еще очень широко трактуются понятия *дар аль-харб* (дом войны), *дар аль-куфр* (дом неверия) и *дар аль-ислям* (дом ислама), что не «соответствует основам жизнедеятельности современного международного сообщества». Потребность в «обновлении религиозного дискурса в соответствии с реалиями меняющейся системы международных отношений на основе понимания ситуации в окружающем королевство мире и задач активного и открытого взаимодействия с ним» провозглашалась «первоочередной».

В рекомендациях этой встречи подчеркивалось также, что стоило бы раз и навсегда отбросить практику «самостоятельных правовых суждений (фетв отдельных улемов. — Г.К.) по вопросам, касающимся интересов и будущего нации, среди которых в первую очередь вопросы войны и мира». Эти «суждения» должны были, как подчеркивали рекомендации этой «встречи», стать «исключительным правом органов, которым может быть доверено издание фетв». Наконец, рекомендации второй «общенациональной встречи» отмечали необходимость «выборов депутатов Консультативного совета и провинциальных советов, создания профессиональных союзов, ассоциаций и институтов гражданского общества».

Третья «общенациональная встреча» состоялась 12–14 июня 2004 г. в Медине. На ней обсуждались вопросы, связанные с «правами и обязанностями женщины»²¹, темы, все еще остающейся болезненной для саудовского общества.

«Основной сферой деятельности» женщины эти рекомендации провозглашали «семью». Тем не менее, выдвигая тему семьи, они же подчеркивали, что женщина обладает «законным правом на труд и получение дохода». Если тем не менее семья — основной удел женщины, то это означает, как отмечалось в рекомендациях третьей «общенациональной встречи», что общество обязано «обеспечить ее право на достойное супружество и материнство». Понятие «достойное супружество» трактовалось при этом как «определяемые исламом отношения полов, основывающиеся на взаимном сотрудничестве и равенстве возможностей», на «повиновении, подчинении и совете». Однако «повиновение и подчинение не означают господства и не отменяют способности женщины распоряжаться своей судьбой». Создать такое положение возможно, если в стране будет сформирован «специализированный общенациональный орган, занимающийся проблемами женщин и семьи и координирующий усилия правительственных и гражданских институтов».

Третья «общенациональная встреча» (почти половину из 70 ее участников составляли женщины — преподавательницы высших учебных заведений и предпринимательницы) рекомендовала расширить «университетское и профессионально-техническое обучение для женщин», в том числе на основе создания «женских университетов и технических училищ», и квотировать прием на работу их выпускниц (разумеется, при этом делались ссылки на определенным образом интерпретированные положения шариата). Речь шла и о «поощрении создания женских добровольных ассоциаций» с тем, чтобы «женщины могли высказать свое мнение по вопросам общенационального характера», а также о формировании «женских социальных и культурных центров», призванных «развивать творческие способности» гражданок королевства. Все это было призвано содействовать «созданию семьи и общества, руководствующегося высокими принципами ислама».

Четвертая «общенациональная встреча» проходила 7–9 декабря 2004 г. в Дахране (Восточная провинция). Ее участники (значительная доля которых представляла юношей и девушек) обсуждали проблемы молодежи, среди которых — «молодежь и образование», «молодежь и труд», «молодежь и культура», «молодежь и национальная идентичность»²².

Участники этой «встречи» обращали особое внимание на вопросы образования, делая акцент на необходимости развития «учебных заведений, занимающихся прикладными науками», и расширения их сети во всех регионах королевства. Цель этих учебных заведений заключалась бы не только в подготовке квалифицированных кадров, но и в «воспитании молодых людей в духе «критического мышления и стремления к новизне ценностей умеренности и уважения к другому». Имея в виду, что в саудовской молодежной среде значительна доля

безработных, рекомендации этой «встречи» включали «создание высшей специализированной комиссии по вопросам человеческих ресурсов», призванной стать «органом, координирующим деятельность государственных и частных структур в сфере обеспечения занятости молодежи». Рекомендации четвертой «встречи» делали акцент на важности «саудизации» экономики, в первую очередь ее частного сектора.

Участники четвертой «общенациональной встречи» были далеки от того, чтобы выступить против процесса глобализации, — для них она была «объективным явлением», что предполагало содействие «позитивному взаимодействию саудовской молодежи с представителями других культур». В свою очередь, это требовало «воспитания молодежи в духе культуры диалога» и ее подготовки к тому, чтобы молодежь «стала бы лидером общества гражданских прав и вносила свой вклад в решение задач, стоящих перед саудовским национальным сообществом». Конечно же, даже в условиях развития глобализации это сообщество не могло не оставаться «исламским», поскольку ислам — «основа национальной идентичности». Но «исламский дискурс нуждается в том, чтобы любовь к родине стала бы его неотъемлемым элементом».

Летом 2005 г. Центр национального диалога заявил о своей готовности провести новую серию дискуссий на тему «Мы и другой: общенациональное видение взаимодействия с культурами мира». Определяя задачу этого мероприятия, глава Совета секретарей Центра национального диалога шейх С. Аль-Хассын подчеркивал: «“Мы” — это мусульмане, живущие на земле Королевства Саудовская Аравия, управляемые на основе норм шарията, принимающие ислам в качестве доктрины, определяющей всю нашу жизнь. “Другие” же — это не “мы”, и это понятие включает как наших арабских и мусульманских братьев, так, в самом широком смысле этого слова, весь мир. Иными словами, “другие” — это мир, в котором существуют иные религии, культуры и национальные идентичности»²³ Центр национального диалога стремился представить Саудовскую Аравию в качестве национального, а не только исламского сообщества (впрочем, это начинание инициировалось высшим руководством государства)²⁴, приходя к новой постановке вопроса об идентичности саудовского общества и государства. Региональные «встречи» в рамках нового раунда «национального диалога» начались в юго-западных провинциях — Асире, Джизане и Недждране — именно оттуда выходило наибольшее число участников антисистемного террористического подполья.

Саудовская пресса публиковала немало высказываний (это были как интервью, так и авторские статьи) участников дискуссий, связанных с темой «Мы и другой». Исходной точкой этих высказываний всегда были *айяты* Корана или реминисценции из Сунны. Не более чем один пример — статья публициста Зейна Аль-Абидина Ар-Рикаби «История “другого”: если это не ошибка в методологии, то кто же вызвал кризис?»²⁵

Для этого участника дискуссии, называвшего себя «открытым миром», было ясно, что «планета Земля давно уже стала доступным всем

без исключения людям широким клубом, а все человечество (все люди) — постоянные члены этого клуба. И было бы глупо утверждать, что кто-то из этих людей — арабы ли, американцы или французы — имеет право возглавлять этот клуб». Конечно же, продолжал Ар-Рикаби, «открытое для всех членство в этом клубе не исключает различий в религиозной принадлежности его участников, поскольку *нет принуждения в религии*» (курсив наш. — Г.К.). Равным образом стоит вопрос о различиях между ними с точки зрения «систем образования или применяемых членами этого клуба законодательствах». Члены «клуба “Планета Земля”» говорят «на разных языках», они различны «этнически и расово (но ведь *нет ни белого курейшита, ни черного раба*)», оставаясь его членами ради того, чтобы «*познавать друг друга*». Автор цитируемой статьи переосмыслил священную (для него — верующего мусульманина) Книгу и высказывания Пророка. Иными словами, он ставил вопрос об «обновлении» господствующей идеологии ради продвижения процесса реформ?

Но сразу же возникает и другой вопрос, а не происходит ли в саудовском обществе, как это бывает всегда в ходе любых «перестроечных» процессов, дифференциации в связи с тем, что Центр национального диалога поставил перед участниками дискуссий слишком значимую тему обсуждения?

Содержание дискуссий в связи с темой «Мы и другой» доказывало, что эта дифференциация — неотрицаемая реальность.

Для юридического советника правительства и члена Консультативного совета — национального *протопарламента* — шейха Абдель Мухсена Аль-Убейкана «проблема религиозной нетерпимости», или, как он пояснял свою мысль в ходе состоявшейся 16 ноября 2005 г. «региональной» дискуссии в столице²⁶, «приверженности многих культур своей религии», определяется тем, что «эти культуры еще не подверглись облагораживающему влиянию цивилизационной эволюции, способной сузить сферу религиозности». Казалось бы, так не может говорить религиозный законоучитель! Но шейх А.М. Аль-Убейкан далее продолжал: «Нетерпимость многих людей смягчается, когда эти люди начинают искать в собственных религиозных убеждениях положения, способные повернуть их на путь примирения с “другими”. Только на основе таких положений можно вести диалог с немусульманином. Разве в поведении нашего Пророка нет блестящих свидетельств подлинного стремления к диалогу? Разве он чурался иудеев, не входил в их дома и не вкушал их пищу, несмотря на их враждебность?».

Однако происходившая в сентябре 2005 г. в Джидде «региональная» дискуссия на тему «Мы и другой» выявила важную подробность²⁷ Организаторы прений в этом наиболее важном центре саудовской экономической активности разделили их участников по возрастным группам (бывшим одновременно группами, включавшими людей с различным образовательным статусом). В первую группу вошли «представители академической общественности, предприниматели — мужчины и

женщины», возраст которых колебался от 35 до 45 лет. Эти люди «определяли “другого”, предпочитая обычные оппозиции — “кочевник — оседлый”, “суннит — шиит — представитель иной религии”, “мужчина — женщина”, “обскурант — лаицист”». Вторая же группа участников дискуссии — «учащиеся школ Джидды, возраст которых составлял 16–18 лет», характеризуя «другого», выбирала только оппозицию «мусульманин — неверный». Молодые люди искренне верили, что поскольку «религия ислама связана со всеми сторонами жизни, постольку диалог с “другим” должен происходить на языке этой религии ради того, чтобы распространять мусульманскую культуру».

Та же ситуация повторилась и в Эр-Рияде. Там молодые участники (среди которых наиболее активную роль играли студенты религиозных факультетов столичных университетов) дискуссии недвусмысленно говорили о том, что вместо термина «другой» следует использовать термин «неверный — *кафир*» (едва ли не открыто игнорируя точку зрения представителя официального религиозного истеблишмента), поскольку именно это определение соответствует «смыслу шариата». А если уж Саудовская Аравия и должна быть более открытой миру, то «неверным» стоило бы понять, что, «начиная диалог с ними, мусульманин должен действовать только на основе шариата, всесторонне определяющего правила взаимодействия с неверными».

Сторонники этого взгляда на окружающий мир публично, в ходе дискуссии называвшие события 11 сентября 2001 г. «завоеванием Манхэттена», отмечали, что «мусульмане — основа мировой цивилизации», поскольку «мир опирается на те знания, которые однажды переняла у них бывшая отсталой Европа». Возражавшие им люди старшего поколения, конечно же, апеллировали к *айятам* толерантности²⁸. Но мероприятия пятой «встречи» общенационального диалога продемонстрировали, что в королевстве глубок разрыв между поколениями, между теми, кто уже нашел свое место в общественной жизни, в бизнесе или сфере преподавания, и еще входящей в жизнь молодежью.

Тем не менее рекомендации пятой «общенациональной встречи» — «Национальный взгляд на взаимодействие с культурами мира», проходившей 13–15 декабря 2005 г. в центре провинции Асир (юго-запад страны) городе Абха (во встрече приняло участие «700 мужчин и женщин, представлявших все слои общества»), стали ярким свидетельством того, как реинтерпретируется традиция и как в ходе «цивилизованного диалога» в нее вносятся существенные элементы новых подходов к внутренним и международным проблемам королевства²⁹

Оправдывая возможность постановки вопроса об этом «взаимодействии», участники пятой «общенациональной встречи» подчеркивали, что саудовское королевство «внутренне многообразно как в конфессиональном и идейном плане, так и с точки зрения культуры и социальных отношений». Был сделан огромный шаг вперед: саудовское общество более не рассматривало себя в качестве единого и монолитного целого и представляло это свое качество как основу для «взаимодействия

с «другими»). Собравшиеся в Абхе считали, что внутрисаудовское многообразие не «может использоваться как инструмент для раскола национального единства». Но из этого, естественно, вытекала мысль о единстве человеческого сообщества, внутреннее многообразие которого также не может быть основанием для расчленения мира на какие-либо «национальные квартиры».

Саудовское общество должно, утверждали участники пятой «общенациональной встречи», вступить на путь «плодотворного сотрудничества» с «культурами мира», что представляет собой задачу не только органов государства, но и общественных организаций — «университетов, различных институтов гражданского общества, включая торговые палаты, научные ассоциации, исследовательские центры и органы информации». Указание на заинтересованные в процессе «сотрудничества» общественные организации было важным шагом вперед. Документ «Национальный взгляд на взаимодействие с культурами мира» выступал как основа для нахождения адекватных форм и направлений сотрудничества между «саудовскими гражданами, объединенными одной религией — исламом и одним отечеством — Королевством Саудовская Аравия, но разнообразными в своих устремлениях и точках зрения», с одной стороны, и «другими — сообществами людей, объединенных узлами собственных религий, цивилизаций и отечеств» — с другой³⁰

В начале мая 2006 г. Центр национального диалога инициировал новую, шестую, «общенациональную встречу». Ее тема была определена как «Образование: реальность и пути развития»³¹. Вынесенная для общественного обсуждения тема имела, разумеется, не только технический аспект — как развивать образование в стране, но и более существенную сторону — какое образование должна получать саудовская молодежь. Речь должна была идти о «новой образовательной политике» королевства, рассчитанной на будущие годы, тем более что, по заявлению генерального секретаря Центра Фейсала Абдель Рахмана бен Мумаммара, «молодежь составляет сегодня более 50% населения королевства»³². Эта, в любом случае, численно значительная категория саудовского населения должна была в обозримом будущем, как он подчеркивал, вступить в процесс «реализации планов развития, основанных на современных информационных технологиях, и содействовать всестороннему развитию своей страны и своего общества».

Тем не менее проблема не ограничивалась лишь этим обстоятельством. Идея «новой образовательной политики», построенной на том, чтобы содействовать подготовке кадров, осуществляющих национальные «планы развития», соответствовала выдвигавшимся государством программам приватизации. Все та же идея сопрягалась и с новым этапом развития Саудовской Аравии после ее вступления в ВТО, что, вне всякого сомнения, предполагало шаги в направлении расширения, по крайней мере в сфере университетского образования, доли современных технических специальностей, как и пересмотра системы школьно-

го образования в соответствии с декларируемыми ныне в стране принципами «религиозной толерантности» и «цивилизационного диалога».

Выбор темы для новой «общенациональной встречи» не был случаен, как не было случайно и предложенное «королем Абдаллой место ее проведения» — провинция Аль-Джуф (северо-запад страны)³³, являющаяся одним из депрессивных регионов королевства. Эта встреча должна была пройти после того, как саудовское руководство поставило вопрос о необходимости создания сети новых университетских центров в тех регионах страны, которые обычно рассматриваются в качестве «стагнационных» (и одновременно наиболее затронутых движениями антисистемной оппозиции), как и программу расширения (применительно к этим регионам) государственного инвестирования и привлечения туда же частных, включая и зарубежные, капиталовложений.

Саудовский истеблишмент вновь апеллировал к «совещательно-сти», стремясь внести изменения в систему среднего и высшего образования государства. Эта система, как подчеркивал документ «Образовательная политика», которым руководствуются саудовские министерства высшего и среднего образования, основана на том, чтобы «познакомить учащегося с Господом и верой, направить его поведение по истинному пути с тем, чтобы осуществить чаяния общества и цели нации». Далее цитируемый документ продолжал: «Образовательная политика в Королевстве Саудовская Аравия вытекает из ислама — веры нации, представляющей ее учение, ее исповедание, ее мораль, как и ее истинный путь, систему власти и в целом всеобъемлющую систему жизненных ценностей»³⁴. Из этой общей постановки вытекало, в частности, что «религиозные дисциплины являются основными в течение всех лет начального, незаконченного среднего и среднего образования и на всех его специализациях, а предмет “исламская культура” — основной в течение всех лет обучения в высших учебных заведениях». Конечно, все это вовсе не означало, что реальная специализация учащегося или студента предполагает, что на ее изучение не отводится достаточного количества учебных часов, — «религиозные дисциплины» играют лишь роль обязательного обрамления этой специализации.

Обращение же к программным установкам саудовских университетов, в частности основанному в 1957 г. (и старейшему) Эр-Риядскому университету им. короля Сауда³⁵, доказывает тем не менее, что «исламские науки» представляют собой неотъемлемый элемент саудовской системы высшего образования. Официальный документ этого университета — «Цели университета» (по сути дела, его устав) — отталкивается от положения о том, что «основной целью образования в университете является предоставление студентам верного и всестороннего понимания ислама, распространение исламской доктрины, воспитание студентов в духе ценностей и идеалов исламского образования». Это обстоятельство, как подчеркивает цитируемый документ, «призвано содействовать социально-экономическому и культурному развитию общества и подготовке личности, вносящей свой вклад в созидание».

Значение коррекции высшего и среднего образования понимается и Центром национального диалога. По словам одного из его экспертов, доктора Абдель Рахмана бен Ахмеда Мухаммеда Саига, профессора кафедры управления и планирования высшего образования и педагогики университета им. короля Сауда, «шестая общенациональная встреча важна потому, что сфера образования представляет собой ось, определяющую всеобъемлющее развитие страны, поскольку сфера образования занимается подготовкой кадров, в дальнейшем инвестируемых в развитие». Далее он отмечал: «Мы стоим перед необходимостью создания личности, которая должна честно трудиться в области производства, а это — стратегическая задача и ключ к всесторонней реформе общества»³⁶

Результаты некоторых региональных встреч по теме «Образование: реальность и пути развития» заслуживают внимания.

8 мая 2006 г. завершила свою работу встреча в Аль-Касыме. Ее участники представили национальному истеблишменту свой список рекомендаций. Они считали, в частности, необходимым содействовать более «последовательной модернизации образовательной политики, а также пересмотру образовательных планов и программ». Речь шла в этой связи не только о внедрении современных методов образования, но и о том, что сама образовательная система должна «содействовать пробуждению мысли, способностей и инициативы, распространять дух толерантности, умеренности и готовности учащихся и студентов к контактам с их зарубежными сверстниками». Вопрос касался и более действенного «контроля общества над учреждениями образования», как и развития «партнерства между школами и университетами, с одной стороны, и частным сектором национальной экономики — с другой». По мнению участников региональной встречи в Аль-Касыме, в королевстве «назрела необходимость пересмотра принципов образования с тем, чтобы они в большей мере отвечали бы задачам всеобъемлющего развития и запросам рынка труда»³⁷

В начале июня 2006 г. аналогичная региональная встреча состоялась и в Медине. Ее итоговое коммюнике было еще более четким. Участники мединской встречи подчеркивали, что система образования должна строиться в соответствии с «реальными потребностями» королевства³⁸. Эти «реальные потребности» требовали, чтобы учащиеся и студенты «мыслили и творчески созидали», чтобы их обучали в первую очередь «умению пользоваться компьютером и Интернетом ради того, чтобы они получали необходимую им информацию». Как подчеркивали участники встречи, «программы прикладных наук саудовских университетов должны в полной мере соответствовать программам университетов развитых стран», а в университетах королевства должно появиться «студенческое самоуправление», благодаря которому будет создана возможность установления «тесных контактов между студентами и выпускниками, с одной стороны, и частным сектором — с другой». Разумеется, в документах обеих «региональных встреч» стояли вопросы

переподготовки преподавательского состава в соответствии с «потребностями времени», а также расширения системы образования за счет «создания электронных и открытых университетов, поощрения образования по электронной почте и с помощью Интернета».

Заключительные коммюнике региональных встреч (состоявшихся, в частности, в Араре, Табуке, Хаиле и Аль-Джуфе) не были полностью идентичны. Однако все эти документы характеризовало сведенное до минимума присутствие элементов религиозного дискурса. В них ничего не говорилось о религиозном оформлении системы среднего и высшего образования (поскольку это оформление рассматривалось участниками региональных встреч как данность), они делали акцент на потребностях современности, поддерживая истеблишмент и его лозунги «терпимости» и «диалога цивилизаций».

28–30 ноября 2006 г., как об этом заранее и было объявлено, в провинции Аль-Джуф прошла шестая «общенациональная встреча». Впервые в ее работе приняли участие чиновники «заинтересованных государственных учреждений», включая специализированные министерства, университеты, а также министерства экономического блока в саудовском правительстве. Итогом этой «встречи» стал документ, который впервые в истории развития процесса «национального диалога» был назван «заключительным коммюнике»³⁹

Основным положением этого документа стала мысль о том, что «дальнейшее развитие королевства обязывает его в наиболее адекватной форме использовать достижения современности, включая новые высокие технологии», не отказываясь, естественно, от «принципов и констант собственной культуры». Впрочем, эти «принципы и константы» вовсе не воспринимались участниками «встречи» в Аль-Джуфе в качестве некоей антитезы «достижениям современности». Напротив, интересы сохранения «социального спокойствия» в условиях, когда саудовское королевство «вступило в этап значительных экономических и демографических перемен», требуют «последовательного повышения уровня образования на основе информационных и коммуникативных технологий».

Для участников шестой «общенациональной встречи» вопрос о будущем национальной системы образования был связан с «насушной необходимостью» разработки «национальной стратегии развития высшего и технического образования на основе достижений мирового и саудовского социального и экономического развития». Это образование требовало широкой переподготовки кадров преподавателей, «введения университетской автономии», а также «тесной связи между высшими учебными заведениями, с одной стороны, и наиболее быстро развивающимися сферами технического производства и в государственном, и в частном секторе». Все так же впервые в процессе развития саудовского национального диалога собранные в специальный сборник все документы «региональных встреч» (выступления и рекомендации) были представлены высшему руководству страны в качестве «рекомендаций» шестой «общенациональной встречи»⁴⁰.

В начале 2007 г. Центр национального диалога заявил о начале подготовки новой, седьмой, «общенациональной встречи». Ее тема — «Сфера труда и занятости: диалог общества и предприятий». Во многом, по словам генерального секретаря Центра Ф.А.-Р. бен Муаммара, новая «встреча» будет продолжением предыдущей и посвящена «внимательному и подробному анализу ситуации на национальном рынке труда»⁴¹.

II

Создание Центра национального диалога расширяло возможности саудовского «политического класса». Его действия, направленные на развитие процесса общественно-государственной «перестройки», получали дополнительную опору — поддерживающий власть и представляемый им в качестве «общенационального» общественный консенсус. Однако было бы, конечно, иллюзией считать, что обретенный саудовским истеблишментом благодаря деятельности Центра национального диалога общественный консенсус по-настоящему общенационален, — антисистемное террористическое подполье все еще остается реальностью королевства. Столь же реальны и противники начинаний «правящего класса» в сфере религиозных законоучителей.

Эти группы саудовского населения не только не включены в процесс национального диалога, но и остаются противниками национального истеблишмента. Включив в официальное название Центра имя «короля-объединителя», саудовский «политический класс» подтвердил «неизменность» своего внутреннего курса. Но, апеллируя к имени Ибн Сауда ради того, чтобы начать диалог с обществом, этот «класс» заранее определил границы инициированного им процесса, его власть не может быть поставлена под сомнение. Любая попытка преступить эти границы заранее квалифицировалась бы как все те же «излишество и экстремизм», на противостояние которым истеблишмент был готов направить (и направлял) все свои силы.

Не стоит, однако, строить иллюзии в отношении процесса национального диалога, так как он жестко организован, как организован и весь процесс саудовских политических реформ. По словам Ф.А.-Р. бен Муаммара, «в дискуссиях принимают участие избранные группы граждан, представляющие все социальные слои — тех, кто занят в сфере экономики, в государственном аппарате, в академической сфере. Это — мужчины, женщины, религиозные законоучители, мыслители, молодежь — все, кого волнует общественное благо»⁴². Формирование «групп граждан», в отношении которых власть заранее уверена в том, что их позиция позитивна, — существенный ограничитель дискуссионного процесса.

Это, в частности, вновь означает, что общественный консенсус поддержки начинаний саудовского «политического класса» не может рассматриваться как действительно всеобъемлющий. Более того,

стремление истеблишмента обрести его ни в коей мере не предполагало, что этот консенсус внесет радикальные изменения в основы саудовской государственной власти. Достаточно отметить, что первый раунд национального диалога был «встречей» ведущих представителей институционализированной страты законоучителей, прежде всего ханбалитского *мазхаба*, даже если в работе этой «встречи» и были представлены религиозные деятели других направлений ислама. Власть в полном объеме сохраняла обычную для Саудовской Аравии традицию обращения к *улемам*, задача которых всегда состояла в том, чтобы придать начинаниям истеблишмента оттенок легитимности.

Однако в какой мере саудовское общество знакомо с деятельностью Центра национального диалога? В конце 2006 г. было опубликовано одно из изданий департамента исследований, публикаций и социологических опросов Центра. Оно называлось «Центр национального диалога им. короля Абдель Азиза в глазах общества. Полевое аналитическое исследование»⁴³

Речь шла о публикации результатов опроса, в котором участвовали 1970 мужчин и женщин старше 15 лет (доля этих гендерных групп составляла соответственно 51 и 49%), проживающих во всех крупных городах (Эр-Рияд, Джидда, Мекка, Медина) и административных провинциях страны. При этом 26% респондентов были участниками «региональных встреч» различных уровней, организовывавшихся Центром, а 74% — обычными гражданами. В своем подавляющем большинстве участники опроса были выпускниками университетов (почти 55,5%) или средних школ (почти 24%), 64,4% опрошенных были заняты на предприятиях государственного сектора, почти 21% — представляли студентов и учащихся средних школ и 9,6% — служащих частных компаний. В определенном смысле уровень образования опрошенных и сфера их деятельности отражали реальность современной социальной структуры саудовского общества.

Задача, ставившаяся департаментом исследований, публикаций и социологических опросов Центра национального диалога, была призвана выяснить, насколько общество знакомо с «миссией Центра» или, говоря иначе, каков уровень его «понимания целей, ради которых был создан Центр», и как это общество «оценивает его деятельность с точки зрения ее эффективности»?

Итоги проведенного опроса свидетельствовали, что почти 78% его участников «слышали о Центре национального диалога» (чуть более 22% респондентов высказали иное мнение). Да, конечно, примерно 84% опрошенных считали, что основной задачей Центра выступает «развитие общественного диалога», но среди высказывавших эту точку зрения только 62% думали, что эта задача «реалистична и может быть претворена в жизнь» (19,5% колебались, 5,4% не думали, что она выполнима, и, наконец, 13% не имели по этому поводу какого-либо определенного ответа). Опубликованные данные не разделяли опрошенных по их основным категориям — участники «региональных встреч» и

обычные граждане, что означало лишь, что даже формируемые властью «группы граждан», призванные участвовать в организуемых Центром «встречах», далеко не всегда позитивны в отношении прокламируемых этим институтом власти задач.

В какой мере саудовское общество интересуется деятельностью Центра? В этом случае вопрос касался того, оказываются ли в центре внимания общественного мнения проводимые Центром «региональные и общенациональные встречи», как и в первую очередь выносимые в их повестку дня темы? К сожалению, цитируемое издание ограничивается данными только по четырем таким «встречам» но, тем не менее и они достаточно показательны.

Лишь 17% респондентов «следили» (благодаря телевидению и прессе, в первую очередь) за ходом первой «общенациональной встречи» (33,7% «следили в некоторой мере», 30,2% «не следили» и 19% «не знали» о ее проведении). Вторая «общенациональная встреча» продемонстрировала некоторое (но очень незначительное) повышение внимания к ее подготовке и проведению — 19,3, 34,2, 28,8 и 17,5% соответственно. В равной мере (показатели внимания вновь немного повышались) это относилось и к третьей «общенациональной встрече», когда за ее ходом «следили» 30,9% респондентов, 30,2% «следили в некоторой мере», 21,8% «не следили», а 16,9% «не знали» о ней. Наконец, четвертая «общенациональная встреча» и связанные с ней показатели — 33,1, 27,9, 22 и 16,8% соответственно.

Если практически половина участников опроса была далека от темы первой «общенациональной встречи», связанной с необходимостью конструирования «умеренного исламского дискурса», то увеличение внимания общества к темам последующих «встреч» — деятельность антисистемного террористического подполья, положение женщин и проблемы молодежи — конечно же, естественно и объяснимо. Власть, опираясь на созданный ею институт, действительно содействовала тому, чтобы в процесс дискуссий был включен более широкий (чем богословы, как это было в ходе первой «общенациональной встречи») круг общественности. Тем не менее реальность состояла и в том, что значительная доля (несмотря на ее уменьшение) респондентов осталась далека от начинаний власти. В случае второй «общенациональной встречи» эта доля составила 46,3% «не следивших» и «не знавших» о ней, третьей — 38,7% и четвертой — 38,8%.

Однако, более того, для 38,7% респондентов тема первой «общенациональной встречи» была «неважна» или «неизвестна» (32,8% — «очень важна» и 28,4% — «важна»). В случае темы второй «общенациональной встречи» соответствующие цифры составили 26,8, 47,8 и 25,2%, третьей — 25,4, 49,5 и 25%. Наконец, тема четвертой «общенациональной встречи» была «неважна» и «неизвестна» 21,8% респондентов, «очень важна» — 61,3% и «важна» — 16,8%. Но равным образом и о деятельности Центра подавляющее большинство участников опроса узнали из телевидения (50,8%) и прессы (44,1%), но не из изда-

ний самого Центра (менее 10%). Его электронный адрес был неизвестен 66,2% всех опрошенных («хорошо известен» — 5,2%).

Даже если учитывать, что цитируемое издание не проводит какой-либо грани между оценками деятельности Центра, предлагаемыми участниками «региональных встреч» различных уровней, с одной стороны, и рядовыми гражданами, включенными в проводившийся опрос, можно тем не менее предположить, что те, кто интересуются этой деятельностью, скорее всего, принадлежат к первой категории респондентов. Если это предположение верно, то из него следует, что саудовская власть целенаправленно создает политически (разумеется, относительно и под всеобъемлющим контролем самой власти) активную группу граждан, перед которыми в конечном итоге должна открыться возможность стать участниками процесса принятия национального политического решения. Иными словами, саудовский истеблишмент постепенно создает нечто вроде резерва своих безусловных сторонников, рекрутируемых из выходцев всех регионов страны, опора на которых даст национальному «политическому классу» возможность более последовательного движения по пути реализуемых им политических и экономических реформ. Более того, эти люди способны сегодня создавать (хотя и крайне жестко привязанные к власти) собственные организационные структуры — внутренняя политика саудовского истеблишмента направлена ныне в том числе и на то, чтобы содействовать формированию первых общественных организаций (профессиональных объединений «образованного класса», союзов студентов и учащихся старших классов школ). Собственно, говоря об общественном консенсусе поддержки своих начинаний, власть имеет в виду в первую очередь тех, кого она пестует, в том числе и с помощью Центра национального диалога.

Существенен тем не менее и другой вопрос: а в какой мере саудовская власть учитывает выборочно создаваемый ею общественный консенсус? Или, говоря иначе, зависима ли она от этого консенсуса?

В заключительной части уже цитировавшегося выше документа пятой «общенациональной встречи» — «Национальный взгляд на взаимодействие с культурами мира» — ее участники обращались со словами благодарности к королю Абдалле бен Абдель Азизу как к инициатору происходящих в стране перемен. В свою очередь, встречаясь с ними, монарх подчеркивал: «Национальный диалог будет продолжаться, но, — говорил он, — вы должны проявлять терпение, терпение и еще раз терпение, требуя лишь того, что возможно». Главное, по словам короля Абдаллы, на нынешнем этапе развития королевства заключалось в том, что «диалог вошел в каждый дом, стал в центре интересов взрослых и молодежи, и этого пока достаточно»⁴⁴ Из этих слов вытекало лишь, что идея и практика национального диалога инструментальны. Диалог — орудие политического действия власти, демонстрирующей стремление «быть единым целым» со своими подданными.

То, что в сегодняшней Саудовской Аравии «возможно», — это муниципальные выборы, которые были всего лишь частичными. При этом

власть не готова принять идею выборов депутатов Консультативного совета, все еще остающегося совещательным органом при монархе. Провозглашавшаяся истеблишментом в 2003 г. возможность его преобразования в избираемый (и включающий в свой состав женщин), а не назначаемый властью орган осталась нереализованной. Саудовский истеблишмент избирателен, документы организуемых Центром национального диалога «общенациональных встреч» остаются для него лишь «рекомендациями». Тому есть логичное объяснение: саудовский социум все еще нуждается в развитии, создающем основу трансформации и государства, и общества. Однако право созидать эту основу — прерогатива власти, поскольку саудовский истеблишмент отталкивается от реальности, заключающейся в том, что участники «встреч» видят в национальном «политическом классе» едва ли не единственный инструмент преобразований и, в силу этого, возлагают на него обязанность осуществления этих преобразований. Более того, они вовсе не считают возможным, чтобы власть, реализующая иницируемые ею преобразования, действовала методами, способными вызвать радикальный разрыв с традиционной системой функционирования социальных отношений и принятых в обществе норм, освящаемых религиозной догмой. Впрочем, при этом составители цитированного выше издания «Центр национального диалога им. короля Абдель Азиза в глазах общества. Полевое аналитическое исследование» не скрывали, что их респонденты, отвечая на вопрос о том, «как сделать рекомендации встреч более эффективными?», предпочитали говорить о том, что сами их участники «должны разработать механизм практической реализации этих рекомендаций» (57,6% респондентов)⁴⁵

Однако же, в любом случае, вопрос заключается в главном — саудовский истеблишмент благодаря созданному им же Центру национального диалога обретает более широкую и (в его понимании и в понимании общества) действительно легитимную возможность последовательного движения по пути углубления реформ. Собственно, поэтому-то высший сановник этого истеблишмента — король Абдалла бен Абдель Азиз и мог убежденно говорить: «Кто мы без саудовского гражданина? Мы черпаем нашу силу у Господа, во-первых, и у саудовского гражданина, во-вторых. Саудовский гражданин доволен своей властью, а власть — горда и довольна своим гражданином»⁴⁶

¹ Точка зрения автора в этой связи изложена им в: Косач Г.Г. Саудовская Аравия: контекст процесса демократизации. — Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии. М., 2003, с. 25–47; Он же. Саудовская Аравия: реформы и стабилизация. — Россия в глобальной политике, сентябрь–октябрь 2005, № 5.

² По данным саудовского министерства нефти и минеральных ресурсов, в конце 1999 г. общий объем запасов нефти в королевстве составил 262,8 млрд. баррелей, или 26% от мировых запасов этого сырья. В том же году производство сырой нефти на саудовских месторождениях достигало около 8,28 млн. баррелей ежедневно, а доля в мировом производстве нефти составила 13%. Саудов-

ская Аравия ежедневно экспортировала на мировой рынок около 64 млн. баррелей нефти, или 20% от ее мирового экспорта. — Сайт министерства нефти и минеральных ресурсов: <http://www.morp.gov.sa>.

Общая сумма саудовских доходов от экспорта нефти составила в 2005 г. почти 160 млрд. долл. США. — Ас-Саудийя: ат-тафра ан-нафтыйя ас-салиса татаро-фак маа саура иктысадийя (Саудовская Аравия: третий нефтяной бум сопровождается экономической революцией). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 14 декабря 2005. Здесь и далее эта газета цитируется по ее электронной версии: <http://www.asharqalawsat.com>.

³ Ас-Саудийя — аль-удву аль-149 фи Муназзема ат-тиджара ад-дуввалийя (Саудовская Аравия — 149-й член Всемирной торговой организации). — Аль-Хайят, 12 ноября 2005. Здесь и далее эта газета цитируется по ее электронной версии: <http://www.daralhayat.com>.

⁴ Аль-Манкури Х. Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя ва ан-низам ад-дуввалий аль-джалид мин аль-манзур аль-джиополиктикий (Королевство Саудовская Аравия и новый миропорядок с точки зрения геополитики). — Ди-расат саудийя, 1992, № 6, с. 126.

⁵ В сентябре 2006 г. саудовский министр внутренних дел принц Наеф бен Абдель Азиза подчеркивал: «Необходимо противостоять тем невеждам, которые считают себя законоучителями». Далее он же сообщал, что «в стране все еще действуют тысячи заблудших». — Аль-Амир Наеф: бен Ладен тафих ва амиль ли мухабарат аджнабийя (Принц Наеф: бен Ладен пустышка и марионетка иностранных разведок). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 21 сентября 2006.

⁶ Саудовская власть, представленная в том числе и ведущими фигурами возглавляющих религиозные институты представителей семьи потомков М. Абдель Ваххаба — Аль Аш-Шейх, постоянно обращается с «увещаниями» (сопровождая их порой жесткими репрессиями) к имамам мечетей, подчеркивая, что их роль состоит лишь в том, чтобы быть «руководителями людей во время молитвы», а не «высказывать собственные суждения в связи с деяниями властителей». Периодическое появление таких «увещеваний» — едва не прямое доказательство широкого распространения идей и практики противостояния власти в рядах тех, кто призван оправдывать действия саудовского «политического класса». — См., в частности, одно из этих «увещеваний», подписанное министром мусульманских дел, вакфов, призыва и наставления Салехом бен Абдель Азизом Аль Аш-Шейх: Вазыфа имам аль-масджид азыма аль-хатар балига аль-асар (Функция имама мечети чрезвычайно серьезна и влиятельна). — Аль-Хайят, 4 октября 2006.

⁷ Аль-фиъа ад-далля — восходящий к заключительным аятам первой суры Корана термин современного саудовского политического дискурса, обозначающий группы апеллирующей к религиозной догме внутренней антисистемной оппозиции.

⁸ Аль-Амир Наеф: бен Ладен тафих ва амиль ли мухабарат аджнабийя.

⁹ Здесь и далее см.: Аль-Али Х.И. Мабадиа ва ахдаф ас-сияса аль-хариджийя ас-саудийя. Аль-Мустава аль-халиджий, аль-ислямий, ад-дуввалий (Принципы и цели саудовской внешней политики: регион Залива, исламский мир, международное сообщество). — Ас-Сияса аль-хариджийя лиль Мамлюка Аль-Арабийя Ас-Саудийя фи миат амм (Внешняя политика Королевства Саудовская Аравия за сто лет). Эр-Рияд, 2002, с. 56.

¹⁰ Среди этих аятов: «И советуйся с ними о деле» (сура «Семейство Имрана») и «А дело их — по совещанию между ними» (сура «Совет»). — Коран. 3:153 (159) и 42:36 (38). — Коран. Перевод и комментарии И.Ю. Крачковского. М., 1986, с. 76, 398.

¹¹ Марказ аль-малик Абдель Азиз лиль хивар аль-ватаний. Далиль таъарифий (Центр национального диалога им. короля Абдель Азиза. Ознакомительный справочник). Эр-Рияд, 2004, с. 3–12.

¹² Аш-Шейх Салех Аль-Хассын ятахаддас ан Марказ аль-хивар аль-ватаний (Шейх Салех Аль-Хассын рассказывает о Центре национального диалога). — Ар-Рияд, 25 июня 2005. Здесь и далее эта газета цитируется по его электронной версии: <http://www.alriyadh.com>.

¹³ Марказ аль-малик Абдель Азиз лиль хивар аль-ватаний. Далиль таъарифий, с. 15.

¹⁴ Здесь и далее организационная структура Центра цитируется по его изданию: Марказ аль-малик Абдель Азиз лиль хивар аль-ватаний. Далиль таъарифий (Центр национального диалога им. короля Абдель Азиза. Ознакомительный справочник). Эр-Рияд, 2004, с. 16–29.

¹⁵ Это в первую очередь издающиеся в Лондоне газеты «Аш-Шарк Аль-Аусат» и «Аль-Хайят».

¹⁶ Все итоговые документы региональных и общенациональных «встреч» (а также выступления их участников) доступны на сайте Центра национального диалога: <http://www.kacnd.org>.

¹⁷ Марказ аль-малик Абдель Азиз лиль хивар аль-ватаний. Далиль таъарифий. Эр-Рияд, 2004, с. 32–35.

¹⁸ По словам саудовского министра иностранных дел принца Сауда Аль-Фейсала, если в средневековой Европе крепостной крестьянин выдвигал впоследствии удовлетворенное требование свободы», то «абсолютную свободу перемещавшегося по Аравийской пустыне кочевника следовало ограничить ради того, чтобы он, прибегая к насилию и межплеменным войнам, не покушался бы на свободу других». — Аль-Фейсал С. Аль-Ислях байн ас-сабит ва аль-мутагайяр (Реформа: постоянство и перемены). — Ад-Дипломасий, апрель 2005, № 23, с. 1.

¹⁹ Здесь и далее: Аль-Амир Наеф: ихтирак аль-амн аль-фикрий аль-арабий якуд иля иртикаб джарима аль-аср фи калиматихи фи иджитмаъа Маджлис вузара ад-дахилийя аль-араб фи Тунис (Выступая на заседании Совета арабских министров внутренних дел в Тунисе, принц Наеф подчеркивал: «Разрушение арабской идейной безопасности приведет к совершению величайшего преступления»). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 31 января 2007.

²⁰ Здесь и далее: Марказ аль-малик Абдель Азиз лиль хивар аль-ватаний. Далиль таъарифий. Эр-Рияд, 2004, с. 40–51.

²¹ Здесь и далее: Там же, с. 54–66.

²² Здесь и далее см.: King Abdulaziz Center for National Dialogue. An Introductory Guide. Riyadh, 2005, с. 76–83.

²³ Здесь и далее см.: Аш-Шейх Салех Аль-Хассын фи тасрихихи ли Аш-Шарк Аль-Аусат (Шейх Салех Аль-Хассын в интервью «Аш-Шарк Аль-Аусат»). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 14 июня 2005.

²⁴ Обращаясь 3 ноября 2005 г. в день ид аль-фитр (ураза-байрам), праздника разговенья, к «мусульманской нации» и «к саудовским братьям и сестрам как части исламской нации», саудовский монарх Абдалла и наследный принц Султан подчеркивали, что «мусульмане должны осознать свою принадлежность к человечеству». Принадлежать же к нему можно только тогда, когда «вера исламской нации» будет «дополнена подлинным уважением к пророкам всех Богооткровенных религий». Это «уважение», а не «террор, отрицающий человечность и человечество», будет содействовать процветанию «нации», путь к которому пролегает «через сосуществование, взаимодействие и диалог всех культур». Впервые в саудовской истории король Абдалла и наследный принц

Султан обращали свое «приветствие любви, терпимости и милосердия» не только «братьям по вере», но и «братьям по человечеству». — Обращение высших сановников королевства цитируется по его тексту в: Ар-Рияд, 4 ноября 2005.

²⁵ Здесь и далее см.: Ар-Рикаби З.А. Хикайя аль-ахар: ля мушкиля манхаджийя ... фа ман ифтагаль аль-азма? — Аш-Шарк Аль-Аусат, 25 июня 2005.

²⁶ Здесь и далее см.: Дымн аль-джауля аль-ахира лиль лика аль-хамис лиль хивар аль-ватаний би минтака Ар-Рияд. Хильяфат хауль ат-тасмийя: аль-кафир ам аль-ахар (На последнем этапе пятой встречи национального диалога в провинции Эр-Рияд. Разногласия по поводу терминологии: «неверный» или «другой»). — Ар-Рияд, 17 ноября 2005.

²⁷ Здесь и далее см.: Тариф аль-ахар байн джиляйн фи джалса аль-хивар аль-ватаний (Как разные поколения определяют понятие «другой» на заседании национального диалога). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 24 сентября 2005.

²⁸ Дымн аль-джауля аль-ахира лиль лика аль-хамис лиль хивар аль-ватаний би минтака Ар-Рияд.

²⁹ Здесь и далее см.: Ар-Руайя аль-ватанийя ли ат-таамуль маа ас-сакафат аль-алямийя (Национальный взгляд на взаимодействие с культурами мира). — <http://www.kacnd.org>. См. также: Марказ аль-малик Абдель Азиз лиль хивар аль-ватаний. Аль-Ликаат аль-ватанийя лиль хивар аль-ватаний (Центр национального диалога им. короля Абдель Азиза. Национальные встречи национального диалога). Эр-Рияд, 2006, с. 62–67.

³⁰ Вместе с тем отношение отдельных групп — участников этого раунда диалога к вынесенной на их обсуждение теме заставило Центр выпустить массовым тиражом, по крайней мере, две работы его сотрудников, призванные опровергнуть точку зрения сторонников «радикального» подхода к «другому». Это: Сыни С.И.С. Аль-Хивар ан-набавий маа аль-муслимин ва гейр аль-муслимин (Диалог Пророка с мусульманами и немусульманами). Эр-Рияд, 2005, а также: Аль-Музейни И.М.Х. Ат-Таъамуль маа аль-ахар: шавахид тарихий мин аль-хадара аль-ислямийя (Взаимодействие с «другим»: исторические свидетельства исламской цивилизации). Эр-Рияд, 2006.

³¹ Здесь и далее см.: Марказ аль-малик Абдель Азиз лиль хивар аль-ватаний ютлак аль-яум аль-мархаля аль-уля мин тахдырат аль-лика ас-садис (Центр национального диалога им. короля Абдель Азиза начинает сегодня первый этап подготовки шестой общенациональной встречи). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 6 мая 2006.

³² Там же.

³³ Ли мунакаша маудуъа «Ат-Таалим: аль-вакиъа ва субуль ат-татвир». Аль-Джуф макарран ли инъикад аль-лика аль-ватаний ас-садис лиль хивар аль-фикрий (Об обсуждении темы «Образование: состояние и пути развития»). Аль-Джуф станет местом проведения шестой встречи общенационального диалога). — <http://www.kacnd.org>.

³⁴ Здесь и далее документ «Ас-Сияса ат-таалимийя» цитируется по сайту саудовского министерства высшего образования: <http://www.mohe.gov.sa>.

³⁵ Здесь и далее см. сайт этого университета: <http://www.ksu.edu.sa>. Университет им. короля Сауда специализируется на подготовке специалистов в области гражданской инженерии, медицины (включая фармакологию и стоматологию), ветеринарии, информатики, архитектуры, бизнеса и туризма. В этом университете имеется факультет гуманитарных наук, факультет арабского языка и литературы, а также факультет иностранных языков и перевода.

³⁶ Лика маа ад-доктор Абдель Рахман бен Ахмед Мухаммед Саиг (Встреча с доктором Абдель Рахманом бен Ахмедом Мухаммедом Саигом). — www.kacnd.org.

³⁷ Аль-Ли́ка аль-ватаний ас-садис лиль хивар аль-ватаний. Аль-Байян аль-хитамий лиль лика ат-тахдырий фи минтака Аль-Касым (Шестая общенациональная встреча Национального диалога. Заключительное коммюнике подготовительной встречи в провинции Аль-Касым). 8 мая 2006. — www.kacnd.org.

³⁸ Аль-Ли́ка аль-ватаний ас-садис лиль хивар аль-ватаний. Аль-Байян аль-хитамий лиль лика ат-тахдырий фи минтака Аль-Мадина Аль-Мунаввара — аль-яум ас-сани (Шестая общенациональная встреча Национального диалога. Заключительное коммюнике подготовительной встречи в провинции Медина — второй день). Начало июня 2006. — www.kacnd.org.

³⁹ Здесь и далее см.: Аль-Ли́ка аль-ватаний ас-садис лиль хивар аль-фикрий «Ат-Таъалим: аль-вакиъа ва субуль ат-татвир». Минтака Аль-Джуф, 28–30 новембер 2006. Аль-Байян аль-хитамий (Шестая общенациональная встреча диалога на тему «Образование: реальность и пути развития»). Аль-Джуф, 28–30 ноября 2006. Заключительное коммюнике). — <http://www.kacnd.org>.

⁴⁰ См.: Марказ аль-малик Абдель Азиз лиль хивар аль-ватаний. Аль-Ли́ка аль-ватаний ас-садис лиль хивар аль-фикрий «Ат-Таъалим: аль-вакиъа ва субуль ат-татвир». Аль-Ли́каат ат-тахдырий (Центр национального диалога им. короля Абдель Азиза. Шестая общенациональная встреча диалога «Образование: реальность и пути развития». Региональные встречи). Эр-Рияд, 2007.

⁴¹ Аль-Ли́ка аль-ватаний ас-сабиъа юъакад тахт унван: «Маджлят аль-амаль ва ат-таузыф: хивар байн аль-муджтамаъа ва муассасат аль-амаль» (Темой седьмой общенациональной встречи станет «Сфера труда и занятости: диалог общества и предприятий»). — <http://www.kacnd.org>.

⁴² Аш-Шейх Салех Аль-Хассын фи тасрихиhi ли Аш-Шарк Аль-Аусат (Шейх Салех Аль-Хассын в интервью «Аш-Шарк Аль-Аусат»). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 14 июня 2005.

⁴³ Здесь и далее см.: Марказ аль-малик Абдель Азиз лиль хивар аль-ватаний. Марказ аль-малик Абдель Азиз лиль хивар аль-ватаний мин виджха назр аль-муджтамаъа. Дираса майданий тахлилийя (Центр национального диалога им. короля Абдель Азиза. Центр национального диалога им. короля Абдель Азиза в глазах общества. Полевое аналитическое исследование). Эр-Рияд, 2006, с. 11–41.

⁴⁴ Аль-Малик Абдалла: шаддад аля аль-истимрар ва ат-тавасуль даъиян иля аль-муталаъба би аль-мумкин (Король Абдалла: акцент на продолжении и последовательности, как и на требовании того, что возможно). — Аль-Хайят, 18 декабря 2005.

⁴⁵ Марказ аль-малик Абдель Азиз лиль хивар аль-ватаний. Марказ аль-малик Абдель Азиз лиль хивар аль-ватаний мин виджха назр аль-муджтамаъа. Дираса майданий тахлилийя, с. 32.

⁴⁶ Фи хадис хасс би «Аш-Шарк Аль-Аусат» Хадим Аль-Харамейн Аш-Шарифейн: настамидд кувватана мин Алла сумма мин муватынина (В специальном интервью «Аш-Шарк Аль-Аусат» Служитель Двух благородных Святынь подчеркнул: «Мы черпаем нашу силу у Господа, а затем — у наших граждан»). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 26 августа 2006.

Раздел III

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИИ И ИСЛАМСКОГО МИРА

ДЕЛОВЫЕ ПАРТНЕРЫ РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ

Бизнес-среда мусульманских стран: общая характеристика

В большинстве мусульманских развивающихся стран¹ идут контролируемые — как правило, сверху — процессы экономической либерализации и демократизации общественной жизни. При этом почти всюду здесь модернизация носит преимущественно экономический характер; она практически не затрагивает политическую сферу, так что большая часть режимов в мусульманских государствах — авторитарные. Серьезные преграды существуют для продвижения на государственном уровне секуляризации. Сохраняется тенденция выстроить — с опорой на довольно детально прописанные в Коране и шариате религиозно-этические ценности — экономическую альтернативу неолиберальной модели. Она видится в «исламской экономике» — соответствующей шариату экономической системе, в разработке которой наиболее активное участие приняли теологи Пакистана, Египта, Саудовской Аравии.

Влияние ислама на экономические процессы в мусульманских странах хотя и весьма ощутимо, но не является все же доминирующей тенденцией. Да и в целом теоретические основы «исламской экономики» не совпадают по многим параметрам с реалиями экономического развития мусульманских государств. Потому можно говорить, что их политика в экономической сфере строится не столько на исламских нормах, сколько на их толковании, намеренно приближенном к новым реалиям — модернизации и глобализации.

Не всегда отличавшиеся последовательностью процессы экономической либерализации и демократизации носят почти повсеместно в мусульманском сообществе затяжной характер. Трудности, которые возникают перед его отдельными государствами, связаны как с традиционным (религиозным) фактором, так и с комплексом современных проблем. Развитие мусульманских государств осложняют множественные риски: побочные негативные результаты хозяйственной и политической деятельности, для преодоления которых зачастую требуется внесение поправок в экономическую и политическую стратегию государств; терроризм, в том числе и в религиозном обличье; конфликты, коррупция и nepотизм; неэффективность управленческой бюрократии; закрытость общества и его базовых ячеек и пр.

Глобализация и сопровождающая ее продвижение рыночная либеральная экономика разрушают традиционную докапиталистическую структуру многих мусульманских обществ, оставляя индивидуумов незащищенными в экономическом и социальном планах. Этот сложный процесс, в рамках которого происходит преодоление национальных границ в области политики, экономики, культуры, социальной сферы, а также частично и моделей человеческого поведения, присущ всем странам со средним и низким уровнями развития. Однако наиболее активное противодействие глобализация встречает в мусульманских развивающихся странах, где образ жизни часто несовместим (или, может быть, с большим трудом совместим) с социально-политическим порядком, предписываемым глобализацией и Западом (этим понятием привычно обозначаются индустриально развитые страны Европы и Америки). Таким образом, религия играет в мусульманских странах особую роль: сцепленные здесь воедино вера и этика продолжают оставаться в значительной мере руководством к действию. Этот феномен накладывает отпечаток на отличающуюся известной спецификой бизнес-среду мусульманских стран.

Здесь, наряду с «центральным звеном» — государствами, которые, будучи во многом вписаны в систему современных международных и мирохозяйственных отношений, осуществляют внутренние политические и экономические реформы, создают рыночную экономику, улучшают качество жизни (в большинстве случаев благодаря высоким доходам от продажи нефти) и пр., — имеется и своего рода «маргинальная периферия». Она представлена порой относительно развитыми в военном, демографическом или экономическом отношении государствами; но они так и не приблизились к осуществлению коренных внутренних реформ, не принимают активного участия в мировых глобальных процессах в силу того, что их элиты руководствуются консервативно-охранительной идеологией. К этой группе примыкают также государства, находящиеся в стадии отстающего развития: там нет природных ресурсов, инвестиций, человеческого капитала.

Несмотря на то что в странах мусульманского мира к власти постепенно приходит новое поколение лидеров, контроль над крупными финансовыми потоками и принятием основных политических решений по-прежнему в значительной мере осуществляется старыми правящими элитами. В такой ситуации продиктованные извне форсированные шаги по отстранению старых правящих элит от власти под декларируемыми нынешней администрацией США лозунгами «демократизации восточных обществ» (в том числе и в рамках инициированных американским госдепартаментом и одобренных крупнейшими развитыми странами мира проектов «расширенного Ближнего Востока», «Большой Центральной Азии»)² на практике часто только дестабилизируют обстановку, создают предпосылки для создания ситуации политического вакуума, в условиях которого высока вероятность прихода к власти радикальных исламистов.

Но реисламизация общества в ее крайних формах (по образцу Судана, Афганистана при талибах либо Сомали) может произойти также и по причине провала политики светских властей, вследствие высокого уровня коррупции, пренебрежения правящими господствующими группами социальной сферой. В этих условиях исламские организации — как радикальные, так и умеренные — могут предложить обществу альтернативные программы экономических реформ и демократизации общества: пример тому — действия ХАМАС в Палестинской национальной автономии или же «Хезболлы» в Ливане. При всем при том исламский радикализм, программные установки которого нацеливают мусульманское сообщество в основном на отличный от всеохватывающей экономической глобализации путь развития, способен стать источником реальных вызовов как западным, так и российским инвесторам.

Имеющие значительное мусульманское население республики Центральной Азии, несмотря на то что некоторые из них (Казахстан и Туркменистан) являются мировыми нефте- и газоэкспортерами, относятся к «маргинальной периферии». Но при этом они остаются приоритетными экономическими партнерами России.

Интересы и цели России в Центральной Азии

Центральная Азия рассматривается Россией как важная зона ее геополитических интересов, от стабильности которой зависит в значительной мере национальная безопасность самой Российской Федерации. Традиционные и нетрадиционные угрозы безопасности в Центральной Азии выглядят для России острее и являются несравненно более актуальными, чем для государств, претендующих ныне на роль новых экономических и стратегических партнеров стран региона — США и Евросоюза. Россия не может игнорировать, например, поток наркотиков, идущих из Афганистана, превращение этой страны, а также некоторых районов Центральной Азии в базу для пополнения террористических подпольных группировок.

Что касается российских инвесторов, то их привлекают в Центральной Азии в основном те же самые показатели, которые и обуславливают международную значимость региона. Речь идет об обладании центральноазиатскими странами огромными природными и человеческими ресурсами, энергетическим потенциалом глобального значения, возможностями транзита для трансконтинентальной торговли и транспорта. Имеет Центральная Азия для России и собственную ценность, поскольку дает немалые возможности и для российского бизнеса, и для военно-промышленного комплекса РФ. Например, в связи с возрастанием в России интереса к атомной отрасли — весьма перспективной, быстро развивающейся и необычайно доходной, Москва проявляет немалый интерес к поставкам из Центральной Азии уранового сырья для

своих атомных энергоблоков. Россия, кроме того, заинтересована в углублении сотрудничества со странами региона в энергетической сфере.

Российские национальные интересы в Центральной Азии в самом общем плане можно свести к следующим позициям:

— обеспечение стабильности на основе партнерских отношений со всеми государствами региона;

— использование их геополитического потенциала с целью решения практических и статусных задач России как мировой, региональной и энергетической державы;

— международное признание ведущей роли России в этом регионе.

Остановимся на такой важной составляющей российских экономических и геополитических интересов в Центральной Азии, как энергетика.

Россия является одной из ведущих энергетических держав, на долю которой приходится почти 1/7 часть суммарного производства первичных энергоресурсов в мире. В стране сосредоточено 13% всех мировых разведанных запасов нефти и более 11% ее добычи. В России имеется более 40% мировых запасов природного газа и около 31% его добычи приходится на Россию³. В июне 2006 г. Россия вышла на первое место в мире по объему добычи нефти, обогнав по этому показателю Саудовскую Аравию. Обладая такими объемами топливно-энергетических ресурсов и разветвленной энергетической инфраструктурой, Россия объективно имеет хорошие шансы на лидерство в мировом энергетическом процессе.

Энергетическая политика России образца 2005–2006 гг. претерпела значительную эволюцию по сравнению с периодом 2001–2003 гг.: теперь она основывается в большей степени на экономическом прагматизме, рыночных подходах, а главное — реальных экономических интересах России. Это в полной мере относится и к собственно российскому рынку, и к пространству СНГ, включающему его центральноазиатский сегмент. Сделав ставку на приоритете энергетики над военно-промышленным комплексом, Россия таким образом стремится превратить нефть и газ в носителей идей большой политики. Именно поэтому наибольший интерес в Центральной Азии Россия проявляет к объектам военно-стратегического назначения и инфраструктуре, связанной с энергоресурсами. Наблюдающаяся в последнее время активизация российских компаний в этом регионе определена большим, нежели в предшествующие годы, прагматизмом: Россия приходит в регион не как «Старший брат», а как партнер, у которого наибольший интерес пока вызывают объекты военно-стратегического назначения и инфраструктура, связанная с энергоресурсами.

Энергетический курс Москвы в отношении Центральной Азии не нацелен на геополитическое доминирование России, а решает в регионе одну большую задачу, которая предполагает, с одной стороны, инвестирование средств, с другой — сохранение (желательно единоличное) контроля над транзитом энергоресурсов в западном направлении. Проблема обеспечения безопасности транспортировки центральноазиатских энергоресурсов рассматривается Россией через призму установления эффективного контроля над развитием ситуации в Центрально-Азиатском ре-

гионе. Важное место в стратегии России занимает проблема сохранения нынешней схемы транспортировки центральноазиатских энергоресурсов: используя свое геополитическое преимущество, Россия выступает важным инициатором создания единой евразийской системы добычи и перераспределения энергоносителей по рыночным ценам.

Защищая свои национальные интересы, Россия уже немало сделала для реализации таких практических задач, как эффективное использование существующих многосторонних механизмов, поддержка и развитие военного сотрудничества, использование энергетического и природно-ресурсного потенциала Центральной Азии и продвижение российских энергетических компаний на ее рынок, где Россия пока имеет серьезные преимущества перед другими.

В отличие от западных инвесторов, делающих упор на необходимости развития негосударственного сектора, Россия спокойно относится к сохранению государственного контроля над экономикой в центральноазиатских странах. Россия заинтересована здесь также в политической стабильности: на практике эта установка сводится в основном к поддержке на официальном уровне действующих президентов и сформированных ими властных структур. Несколько отличен курс США и Евросоюза: они, делая упор на необходимости демократизации центральноазиатских обществ (поскольку в случае достижения на этом пути даже минимальных результатов создаются предпосылки для более прочного контроля над региональной ситуацией)⁴, готовы при благоприятно складывающихся условиях запустить механизм смены элит с помощью «цветных революций». Западные политики и бизнесмены, в отличие от их российских коллег, активно контактируют с местной оппозицией, включая ее религиозное крыло. Но такой курс, вступающий порой в явное противоречие с продекларированными лозунгами борьбы с «исламским экстремизмом» и «международным терроризмом», дает основание предположить, что американскую администрацию, например, устроили бы в Центральной Азии режимы любой направленности, и даже исламистские, но только не пророссийские.

Для России же неприемлемым является развитие ситуации в странах Центральной Азии по апробированной в бывшей Югославии, а также в Грузии, на Украине и Киргизии модели «демократических (цветочно-фруктовых) революций». Есть и другое соображение, побуждающее Москву настороженно относиться к сценариям политического развития Центральной Азии по модели «цветных революций»: становясь, как правило, фактором, подрывающим политическую стабильность, они увеличивают в связи с этим шансы радикальных исламистов на захват власти. Словом, позиция России отличается от подходов США и ряда стран Запада, рассматривающих демократию (понимаемую как универсальную политическую систему) и свою роль в ее продвижении как силу долгосрочного действия, укрепляющую региональную стабильность. В России на сценарий такого политического развития государств Центральной Азии смотрят иначе. Здесь полагают, что

за пропагандируемой администрацией Дж. Буша принудительной демократизацией как меры, позволяющей кардинально решать проблемы экстремизма и терроризма, скрывается иная цель — безраздельно управлять в регионе всеми экономическими и политическими процессами без помех со стороны других внешнеполитических игроков (России и Китая), а также структур, где эти игроки лидируют (ШОС). Это предположение подтверждается реальной политикой: многие шаги Вашингтона нацелены в последнее время на «мягкое», но решительное выдавливание России из традиционных сфер ее влияния в регионе.

Подобный подход вовсе не означает, что Россия, как то утверждают многие ее критики в США и Европе, является противницей демократических преобразований в центральноазиатских обществах или же что Москва, движимая исключительно неоимперскими амбициями, якобы и ответственна за консервацию в странах Центральной Азии авторитарной модели. Россия действительно против ускоренной демократизации центральноазиатских обществ по западным лекалам. Не вынашивает Россия никаких неоимперских замыслов в отношении независимых государств региона; ее отличающаяся здоровым прагматизмом политика давно уже неидеологизирована — в отличие от взятого на вооружение нынешней американской администрацией курса, сильный мессианский настрой которого делает его подозрительно схожим с политикой СССР в «третьем мире» образца 1960–1970-х гг. В то же время администрация Дж. Буша переводом стрелок в основном на «сдерживание» России и Китая в Центральной Азии предопределила результаты своей политики в этом регионе, и эта политика характеризуется ныне значительным снижением эффективности, поскольку перестала соответствовать настоящим потребностям транзитных экономик центральноазиатских государств.

Для России, являющейся многонациональным и многоконфессиональным, но светским государством, большое значение имеет сохранение в Центральной Азии исторически сложившейся в советские и постсоветские времена традиции секулярности политической власти и политических режимов. На современном этапе стратегически важным для Москвы остается необходимость противодействия вместе с центральноазиатскими государствами религиозному экстремизму, получающему поддержку от неправительственных религиозно-политических организаций Афганистана, Пакистана, Саудовской Аравии и ряда других стран Ближнего Востока. Совершенно нежелательной, с точки зрения интересов России, является и гипотетическая исламская альтернатива для государств Центральной Азии:

— во-первых, она грозит непредсказуемостью политического развития самой Центральной Азии;

— во-вторых, дает возможность сближаться на антироссийской основе центральноазиатским исламистам с их единомышленниками в Афганистане, Пакистане и государствах БСВ;

— в-третьих, обеспечивает подпитку сепаратистским силам, имеющим исламистскую окраску, на российской территории (Северный Кавказ, Поволжье).

Потенциал исламского фактора в Центральной Азии

Продвижение деловых интересов России в Центральную Азию объективно сопряжено с целым рядом имеющихся рисков.

Так, политическую ситуацию практически во всех государствах региона определяла в минувшие годы недостаточная стабильность. Находятся здесь только еще на начальной стадии развития права собственности, прозрачность, правоприменительная деятельность. Настоящим бичом (как, впрочем, и в России) остается в странах региона коррупция, т.е. подкуп, продажность общественных и политических деятелей, часто срачивающих свои корыстные интересы с легальным и — что хуже — с нелегальным бизнесом. Сохраняется зависимость центральноазиатских государств от ближайших соседей и международного сообщества в вопросах доступа к рынкам, поддержки региональной безопасности и социально-экономического развития. Центральная Азия, кроме того, продолжает играть роль транзитного («северного») коридора для транспортировки наркотических средств из Афганистана в Россию и далее в Европу.

Не способствуют расширению внешнеэкономической деятельности сохраняющиеся межгосударственные разногласия и распри, напрямую не связанные с религиозным фактором, но косвенно подразумевающие его. Например, напряженность в отношениях между Узбекистаном и Таджикистаном до недавнего времени во многом была обусловлена тем, что официальный Ташкент был убежден в неспособности (или же в нежелании) Душанбе принять действенные меры для ограничения деятельности местных религиозных экстремистов, угрожавших с конца 1990-х гг. подорвать стабильность в Узбекистане. Но и у Таджикистана были и есть основания опасаться своего соседа: Узбекистан — это страна с самой высокой в Центральной Азии численностью населения и крупнейшей в регионе армией. Тем не менее, по мнению ряда региональных наблюдателей, динамика двусторонних узбекско-таджикских отношений может претерпеть серьезные изменения к лучшему, если оба государства сумеют реализовать на практике планы своего экономического развития.

Центральная Азия относится к зоне активности различных течений радикального ислама. Эти течения тесно связаны с их аналогами в Афганистане, в зоне индо-пакистанского конфликта, в Синьцзянь-Уйгурском автономном районе (СУАР) Китая. По свидетельству Досыма Сатпаева, в Центральной Азии с разной степенью активности и с использованием неодинаковых методов «действует значительное количество различных местных и иностранных экстремистских и террористических организаций»: «Братья-мусульмане», «Комитет мусульман Азии», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», «Таблиги Джамаат», «Адолат Уюшмаси», «Восточно-Туркестанская исламская партия», «Центр исламского развития», «Товба», созданное на базе Исламского движения Узбекистана (ИДУ) «Исламское движение Туркестана» и другие⁵ Активизация транснацио-

нальных радикальных религиозных организаций типа «Аль-Каиды» или «Хизб ут-Тахрир» — повседневная реальность сегодняшней Центральной Азии, где экстремизм в религиозном облике подрывает светские устои власти и декларируемую свободу вероисповедания.

В качестве серьезной дестабилизирующей силы в Центральной Азии исламский фактор неоднократно сыграл свою роль:

— в ходе гражданской войны в Таджикистане (1992–1997 гг.);

— во время баткенских событий в Кыргызстане;

— при попытках вторжения боевиков ИДУ в 1999 г. и 2000 г. в Узбекистан;

— при возникновении угрозы центральноазиатским государствам со стороны Талибана в конце 1990-х гг.;

— в андижанских событиях в Узбекистане (2005 г.).

В целом же угрозы, связанные с исламским радикализмом, в большей степени носили в Центральной Азии внутренний характер, нежели внешний, т.е. они вытекали не из внешнего вмешательства со стороны исламских стран дальнего зарубежья, а были следствием внутривнутриполитических противоречий и тяжелого социально-экономического положения внутри стран Центральной Азии.

До сих пор неясным остается и вопрос о том, действительно ли такие известные организации, как ИДУ и «Хизб ут-Тахрир» проявляют активность и готовятся ли они — а возможно, и какие-то еще группировки — к более масштабной боевой деятельности.

Правительства стран региона утверждают, что это именно так, и в качестве примера такой активности религиозных движений приводят пограничные инциденты⁶. О такой активности может свидетельствовать и время от времени ретранслируемая СМИ агрессивная риторика лидеров религиозного экстремизма. Так, например, Тахир Юлдашев — один из руководителей ИДУ, которое считали разгромленным в ходе антитеррористической операции в Афганистане, — сделал в сентябре 2006 г. в связи с пятой годовщиной терактов 11 сентября заявление, пообещав расправиться с президентами Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана «за преступления, которые они совершают в отношении мусульман»⁷. В то же время ряд экспертов, включая и некоторых российских, полагают, что религиозно-экстремистские движения представляют собой не что иное, как «передовые отряды западной экспансии»⁸. Многие специалисты по Центральной Азии склонны также считать, что движения, позиционирующие себя как исламские, на практике заняты в основном наркотрафиком, большая часть которого идет из Афганистана.

Бизнес-партнеры России в регионе

Ранжирование государств Центрально-Азиатского региона в зависимости от того, насколько религия может создать здесь риски для российского бизнеса, дает следующую картину.

В *Туркменистане* в условиях установившейся в период правления первого и пожизненного президента страны С. Ниязова жесточайшей восточной деспотии едва ли могла быть жизнеспособна религиозная либо какая-то иная альтернатива режиму. С 1990-х гг. диктаторский режим Туркменбаши ликвидировал политическую оппозицию, а тот, кто уцелел, находится за границей. Так что с этой точки зрения Туркменистан являл собой самого «спокойного» партнера России в том смысле, что этому государству не грозили никакие религиозные потрясения при жизни его президента, а главное — при сохранении высоких цен на главное экспортное сырье Туркменистана — газ, что позволяло правящему режиму направлять значительные средства на поддержание приемлемого уровня стабильности. Однако же 21 декабря 2006 г. последовала скоростная кончина Туркменбаши. Прошедшие 11 февраля 2007 г. президентские выборы принесли победу временно исполняющему обязанности президента Туркменистана Г. М. Бердымухамедову — бывшему министру здравоохранения, бывшему вице-премьеру и человеку, более всего приближенному к покойному С. Ниязову.

Есть основание полагать, что во внешнеполитической стратегии Туркменистана в отношении России едва ли произойдут кардинальные изменения, если учесть, что новое руководство Туркменистана пообещало продолжить политический курс Ниязова, формально нацеленный на изоляцию и нейтралитет страны, но на деле характеризовавшийся тесными экономическими связями с Россией, в основе которых лежало всеобъемлющее соглашение об экспорте газа. Россию Бердымухамедов тоже, похоже, устраивает. Официальные лица в Москве заявляют, что условия нового соглашения между Туркменистаном и «Газпромом» останутся неизменными, по крайней мере, до окончания его срока действия в 2009 г.

И все же наиболее перспективным партнером России в Центральной Азии — как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе — видится не Туркменистан, а *Казахстан* — наименее исламизированное государство в Центральной Азии. Здесь деятельность различных конфессий и сект жестко регулируется государством и, по некоторым оценкам, те или иные религиозные группировки, хотя и относительно многочисленны, но не имеют широкого круга последователей среди населения, и только малую часть этих течений можно отнести к радикальным. К тому же ислам не имеет глубоких корней в казахской среде и остается скорее лишь ритуальной практикой и историко-культурным феноменом, но не образом жизни. Проявления радикального ислама нейтрализуются в Казахстане благодаря активным действиям государства по противодействию им. Другое дело, что такие действия зачастую приводят к ограничениям конституционного права граждан на свободу совести и вероисповедания. Однако это обстоятельство существенно с правозащитной точки зрения, а для бизнес-среды — это как раз фактор благоприятный, поскольку для бизнеса не имеет значения, какими средствами поддерживается религиозный мир, лишь бы этот мир был стабильным и прочным.

Кстати, в другом государстве СНГ, являющемся приоритетным экономическим партнером России, — *Азербайджане*, ситуация схожая. Власти этой страны, благодаря высоким доходам от экспорта энергоносителей, имеют возможность снижать уровень социальной напряженности и нейтрализовывать тем самым религиозную оппозицию. В пользу того, что ислам вряд ли способен будет оказывать серьезное воздействие на азербайджанский социум, говорит и то, что здесь большее значение, нежели религия, имеют другие факторы — язык, культура, традиционные связи. Само азербайджанское общество в целом светское, и оно ближе по ментальности россиянам, туркам, европейцам.

Отношения России с Казахстаном в рамках экономического сотрудничества развиваются планомерно и поступательно, представляя собой наиболее эффективную модель двустороннего сотрудничества на постсоветском пространстве. Более того, Россия и Казахстан рассматривают друг друга как приоритетных стратегических партнеров не только в экономической сфере, но и во внешнеполитическом отношении в рамках СНГ. Речь идет прежде всего о сотрудничестве в рамках Евразийского Экономического Сообщества (ЕврАзЭС). Россия является основным внешнеторговым партнером Казахстана. Наиболее перспективным видится сотрудничество России и Казахстана в топливно-энергетическом комплексе, транспортной и космической сферах.

В то же время совсем отрицать опасность проявления и распространения в Казахстане, особенно в его южных областях, идей радикального ислама, способных перерасти в действия экстремистского характера, нельзя. В конце 2006 г. казахстанские власти признавали, что в южных районах страны, где имеется большая узбекская диаспора, увеличивающаяся за счет нелегальных трудовых иммигрантов из Узбекистана, наблюдается быстрая радикализация ислама. Замечена была здесь спецслужбами и деятельность «Хизб ут-Тахрир». Пока Казахстан представляет интерес для религиозных экстремистов как транзитная территория и тыловая база, о чем говорят аресты представителей различных радикальных организаций, действующих против правительств Узбекистана, Китая и России. Заведующий Аналитическим центром Совета безопасности РК директор КИСИ при президенте РК отмечает: «На возможность политизации ислама в Казахстане могут повлиять, по крайней мере, две группы факторов. Одна из них связана с возможным обострением ситуации внутри самой мусульманской общины Казахстана. Другая обусловлена геополитическим влиянием извне, развитием ситуации в регионе Центральной Азии и на Северном Кавказе»⁹ Но к исламу, как к мощному ресурсу идеологической и политической мобилизации населения, могут попытаться обратиться также и те казахстанские политики, которые в будущем, в преддверии смены политических элит в Казахстане, могут поддаться искушению — попытаться применить исламское оружие в борьбе за верховную власть¹⁰

Экономическим партнером, который в перспективе может создать российскому бизнесу наибольшие риски, является *Узбекистан*, несмотря

на то, что в пользу сотрудничества с ним, казалось бы, говорит множество серьезных аргументов: это — крупнейшее центральноазиатское государство, обладающее огромным людским и экономическим потенциалом и имеющее непреходящую стратегическую ценность. Кроме того, союз с Узбекистаном позволяет блокировать экспансию Китая в западном направлении, в частности через Кыргызстан. Но именно в Узбекистане сохраняется наибольший риск исламистско-террористической угрозы, замешанной на национализме и антизападничестве (парадокс состоит в том, что на Западе Россию не принимают как «свою», а на Востоке ее воспринимают часто как страну западнохристианской цивилизации).

В феврале 1999 г. народ Узбекистана фактически первым на постсоветском пространстве увидел лицо терроризма. К сожалению, на тот период политики как стран СНГ, так и Европы недооценили угрозы, исходящей от террористов и религиозных экстремистов, прикрывающихся исламом. Предпринятые боевиками-смертниками в Узбекистане террористические акты в марте и июне 2004 г. унесли жизни десятки людей. Власти возложили тогда ответственность на религиозные группы, оппонирующие официально признанной властями форме ислама. По мнению правоохранительных органов Узбекистана, за кровавыми событиями в Ташкенте и Бухаре стояли «Аль-Каида» и религиозное движение «Хизб ут-Тахрир». Религиозно-политическая нестабильность усугублена в Узбекистане экономическими трудностями, безработицей, социальной напряженностью в обществе. Впрочем, эти «болевые точки» есть не в одном только Узбекистане, но в той или иной степени во всех центральноазиатских государствах.

Центром центральноазиатского экстремизма, прикрывающегося знаменем ислама, стала Ферганская долина, расположенная на границе Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана. Неудивительно, что Таджикистан и Кыргызстан — следующие после Узбекистана государства, которые более подвержены нападкам террористов в религиозном обличье.

В *Таджикистане* проявления терроризма и экстремизма были в большинстве случаев прямым следствием гражданской войны 1992–1997 гг., и связаны они были с деятельностью представителей непримиримой оппозиции, которые отказались сложить оружие и прекратить борьбу за власть. К началу 2003 г. практически все крупные группировки непримиримой оппозиции были ликвидированы. По мере усиления президентской власти территория страны стала лучше контролироваться, за исключением, может быть, высокогорных районов, где, по мнению официального Ташкента, до сих пор скрываются члены ИДУ.

Между тем интерес иностранных инвесторов, включая и российских, к развитию гидроэнергетики Таджикистана растет, и этот интерес в известной мере подхлестывают планы США использовать энергоэкспортный потенциал страны в деле налаживания более тесных связей между Центральной и Южной Азией в рамках проекта «Большая Центральная Азия». В Таджикистане Россия намерена завершить строительство Сангтудинской ГЭС-1 на реке Вахш. Российская алюминии-

вая компания РУСАЛ собирается модернизировать плавильные печи в Турсунзаде; она же осуществляет строительство Рогунской ГЭС. Политика в сфере водоснабжения давно служит источником региональных споров. Таджикистан и Кыргызстан обеспечивают водой большую часть всего региона, в то время как Узбекистан и Казахстан выступают в качестве главных потребителей. Повышение уровня контроля над водными ресурсами может дать Таджикистану серьезные рычаги в его деловых отношениях с Узбекистаном, а потому власти Узбекистана склонны видеть в предпринимаемых Таджикистаном шагах угрозу лидирующей роли Узбекистана в Центральной Азии.

Вызов в Таджикистане действующей власти может идти и от сторонников отстраненной от участия в приватизации государственных активов Объединенной таджикской оппозиции, и от «Хизб ут-Тахрир», которая активизировала свою деятельность в первую очередь на севере страны.

В Кыргызстане после «тюльпановой революции» 2003 г. был нарушен политический баланс, усугублен экономический кризис, что создало питательную почву для стремительного роста религиозно-экстремистских настроений (ноябрьские волнения 2006 г. — свежий тому пример). Наиболее заметной в республике является деятельность организации «Хизб ут-Тахрир», которая в основном действует в южных областях. Слабость политической системы Кыргызстана и низкий экономический уровень страны способствуют тому, что «Хизб ут-Тахрир» может трансформироваться во влиятельную политическую силу, которая способна начать играть на региональных противоречиях между южанами и северянами.

Оценка возможностей и рисков, которые создает для бизнеса исламский фактор, несомненно, имеет для экономических интересов России практическое значение в том плане, что решение такой задачи позволяет не только определить степень воздействия ислама на экономическую деятельность и активность иностранных инвесторов, но главное — выявить в Центрально-Азиатском регионе наиболее вероятных деловых партнеров России.

Выводы

1. Социальные и политические проблемы центральноазиатских государств — в особенности коррупция и нарушение прав человека — создают трудности в основном для западных компаний, которые озабочены гарантиями для своих вложений; в меньшей степени эти проблемы заботят российских или китайских инвесторов, не являясь особо серьезным препятствием для продвижения их деловых интересов. Но в целом страны Центральной Азии, невзирая на эти проблемы, сохраняют свою привлекательность для всех. Главное же — местные правительства рассчитывают на иностранные компании, чтобы получить капитал для дорогостоящих проектов.

2. Сами страны Центральной Азии в современной системе координат движутся пока по пути догоняющего развития, но и в них вызревает осознание необходимости глубоких перемен. Вместе с тем такое их развитие осложняют множественные риски: побочные негативные результаты хозяйственной и политической деятельности, для преодоления которых зачастую требуется внесение поправок в экономическую и политическую стратегию государств; конфликты, коррупция и nepотизм; неэффективность управленческой бюрократии; закрытость общества и его базовых ячеек и пр.

В массе своей центральноазиатским государствам не удастся пока справиться с бедностью, обостряются социальные, демографические, экологические и прочие проблемы. В ближайшие 10–15 лет в большей части этих стран — за исключением, быть может, только Казахстана — не произойдет существенного улучшения экономической и политической ситуации, сохранятся существующие признаки общественно-политического и экономического упадка и, следовательно, останется почва для распространения идей исламизма. Можно также предположить, что идеологической базой политических пертурбаций наряду с религиозными (исламскими) ценностями станут и светские нормы.

3. Учитывая, что доминантой экономического курса России в отношении этих стран становится прагматизм, следует исходить из того, что ни одна из великих держав — в каких бы дружеских и партнерских отношениях она ни была с Россией — добровольно не уступит своих позиций России и не даст ей возможность беспрепятственно обеспечивать свои экономические, политические и военные интересы в регионе ЦА.

Разрабатывая новые бизнес-проекты в странах с преимущественным мусульманским населением (к коим относятся и центральноазиатские) или же продолжая старые, российские предприниматели и российское государство рискуют не вписаться в деловую жизнь и экономику этих стран в том случае, если будут слишком тесно завязаны на проекты по демократизации, спонсором и идеологом которых выступают США, являющиеся ко всему прочему и серьезным конкурентом России на центральноазиатских рынках энергетики и вооружений — сферах, где российский капитал преуспел лучше всего. Евросоюз, занимающий значительно менее идеологизированные и более гибкие позиции в мусульманских странах, представляется более приемлемым экономическим партнером России, несмотря на то, что страны Старого Света тоже являются ее конкурентами.

4. Перед Россией — в ее политике и в дальнем и ближнем мусульманском зарубежье — стоит сложная задача: не свести свое продвижение в страны традиционного распространения ислама к формальному восстановлению прежней структуры политических и экономических связей, не ограничить взаимодействие с государствами мусульманского сообщества только энергетической или же военной сферой. Задача состоит в том, чтобы построить на основе прежних связей и контактов новую практику взаимного сотрудничества, обусловленную иным пониманием российского национального интереса, не обремененного, как прежде,

идеологическими догмами, а проникнутого прагматизмом и трезвым расчетом, учетом собственного потенциала.

В этой связи России полезно было бы оказывать поддержку процессам регионального экономического взаимодействия, пытаясь найти выгодные для себя экономические и политические варианты участия в них, в том числе и по линии стимулирования взаимодействия со светскими региональными экономическими организациями. Эти меры способны обеспечить российские национальные интересы в странах традиционного распространения ислама, способствовать формированию имиджа новой России как надежного и перспективного партнера по экономическому сотрудничеству, способного органично вписаться в бизнес-среду тех же центральноазиатских стран.

¹ Мусульманские страны — это, по определению В.Я. Белокреницкого, «международно признанные государственные образования, которые считаются мусульманскими на том основании, что большинство населения в них состоит из мусульман по собственной вере или вере предков, либо потому, что там имеется состоящая из мусульман (в вышеотмеченном понимании) титульная нация, претендующая на традиционный контроль над территорией, где расположены все государство или большая его часть». — Белокреницкий В. Я. Мусульманский Восток в начале XX века // Ислам и общественное развитие в начале XXI века. М., 2005, с. 6.

² Основная цель этого проекта — переориентация водных и энергетических ресурсов центральноазиатских государств в Южную Азию, в том числе и для того, чтобы «оторвать» Центральную Азию — экономически и политически — от России и Китая.

³ Христенко В. Россия на мировых рынках нефти и газа// Экономика России: XXI век. М., 2005, № 18.

⁴ Прекрасной иллюстрацией служит развитие Киргизии до и после «тюльпановой революции»: стране, достигшей, по западным меркам, наиболее высокого в Центральной Азии уровня демократизации и уже в известном смысле находящейся под внешним управлением, грозит полная или частичная утрата суверенитета. Симптоматично, что сам этот отмеченный местной спецификой путь «демократической трансформации» Кыргызстана не сопровождается политической стабилизацией и консолидацией общества, а, напротив, приводит его к еще большей фрагментации.

⁵ Сатпаев Д. Центральноазиатский террариум // Независимая газета. 13.09.2004.

⁶ Азимов. Д. Действительно ли исламские экстремисты активизируются в Ферганской долине? Опубликовано 1 декабря 2006 г. на официальном сайте лондонского Института войны и мира.

См.: http://www.iwpr.net/?apc_state=henfrca325860&l=ru&s=f&o=325860

⁷ Опубликовано 14.09.2006 на сайте «Агентура. Ру»

<http://www.agentura.ru/?col=11&id=1158210900>

⁸ См., например, в газете «Правда» статью вице-президента Академии геополитических проблем В. Анохина «Филиал “Аль-Каиды” выразил волю Вашингтона?» <http://www.pravda.ru/world/asia/central-asia/197102-idu-0>

⁹ <http://www.kisi.kz/Parts/Conf/cnf2/Ashimbaev.html>

¹⁰ На это обстоятельство обращает, в частности, внимание эксперт Фонда «Азия Аналитика» А. Куртов в статье «Ислам в Казахстане: полный штиль или накопление сил перед броском»

<http://www.asiainform.ru/rusdoc/13176.htm31.01.07>

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ В РАБОТАХ ТУРЕЦКИХ И ТЮРКСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

После распада Советского Союза и обретения суверенитета тюркоязычными республиками Центральной Азии и Закавказья Турция первой из стран признала новые государства и активно поддержала их членство в различных международных организациях. В свою очередь, новые суверенные государства проявили активную заинтересованность в экономическом и культурном взаимодействии с Турцией. В начале 90-х гг. состоялись визиты глав государств этих стран в Турецкую Республику.

Взаимоотношения, двусторонние и многосторонние, стали активно развиваться. Были подписаны соглашения об экономическом, техническом и культурном сотрудничестве.

16–26 мая 1992 г. состоялась представительная конференция в Анкаре с участием министров образования и культуры Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Туркмении и автономно-территориального образования гагаузов в Молдове.

Вторая конференция в Бишкеке (9 сентября — 3 октября 1992 г.) проходила с участием более широкого круга представителей тюркоязычных объединений, в том числе алтайских тюрок, башкир, чувашей, татар, караимов, якутов, объединения тюркских народов Российской Федерации.

Была принята резолюция, согласно которой Турция брала на себя оказание помощи этим народностям в изучении тюркской истории, культуры, литературы и языков. В резолюции Бишкекской конференции также подчеркивалось, что в XXI веке «Турция станет локомотивом в деле просвещения тюркских народов»¹

В Турции были приняты законодательные акты, регулирующие взаимодействие в том числе в сфере культуры, со странами, где имелись тюркоязычные диаспоры.

Большую работу по оказанию помощи зарубежным тюркоязычным народам оказывает новосозданная структура — Агентство по тюркскому сотрудничеству и развитию (Türk işbirliği ve kalkınma ajansı). В его компетенцию входит координация контактов Турции с тюркскими государствами. В структуре Агентства также имеется отдел, ведающий вопросами образования, культуры и социальной политики (Avrasya Dosyası, Türk İşbirlik ve Kalkınma Ajansı — ТЈКА). Финансирование про-

грамм Агентства складывается из сумм, поступающих из госбюджета, денег административных округов, отдельных объединений (если они частные), различных фондов, как, например, Фонд развития тюркского сотрудничества, исламских и частных фондов, в том числе фонда Коча. В штате Агентства представлены уполномоченные по Азербайджану, Казахстану, Кыргызстану, Туркменистану, Узбекистану, России и Украине. В 1993 г. был принят закон, определяющий процессы взаимодействия Турции и тюркоязычных объединений в сфере финансирования проектов Агентства по тюркскому сотрудничеству и развитию¹.

Культурные связи Турции с тюркоязычными объединениями СНГ и РФ интенсивно развиваются, в том числе и в области совместного изучения литературы, истории, введения латинской графики³

По решению упомянутых конференций в Анкаре и Бишкеке, а также в Баку (май 1993 г.) была создана специальная комиссия для выработки программ изучения истории и литературы тюркских народов — «Совместная программа истории и литературы в тюркоязычном мире» («Türk Dünyasında Tarih ve Edebiyat ortak programı»). В состав комиссии вошли ученые-филологи и историки из университетов Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана и Туркменистана. В числе первых выдвигались задачи введения латинского алфавита как научно-международного, подготовки учителей новой орфографии и соответствующей справочной литературы, открытие в университетах отделений современного литературного языка и диалектов тюркских народов, открытие кафедр изучения мировой литературы с целью определения места литературы тюркских народов⁴.

На конференции в Баку была также создана комиссия, задачей которой являлась подготовка антологии тюркских поэтов и писателей, энциклопедии фольклора и литературы тюркских народов⁵

Срок реализации перечисленных программ был определен в 8–10 лет.

В процессе обсуждения программ изучения литературы тюркских народов возникали и многочисленные трудности, в частности определение периодизации литературного процесса. Дискутировалась предложенная турецкой стороной схема определения периодов как доисламского, так и исламского. И если градации внутри схемы, а именно: «главные особенности периода», «социальное положение тюрков», «устные и письменные источники», безоговорочно принимались всеми, то терминология определения основных периодов литературного процесса вызывала наибольшие споры. В результате была принята повековая периодизация.

Турецкая сторона также была вынуждена согласиться и с настоятельными предложениями ученых из стран СНГ относительно периодизации литературного процесса XX в., а именно: временные рамки изучения литературы периода царизма, 20–30-х гг., Великой Отечественной войны, послевоенного времени и годов обретения национальной независимости⁶.

В результате совместных усилий ученых Турции и исследователей из тюркоязычных государств при содействии и финансовой поддержке Агентства по тюркскому сотрудничеству и развитию в 2002 г. был из-

дан двухтомник «Литература тюркского мира» (Türk Dünyası Edebiyatı), который можно расценить как первый опыт создания пособия для изучения литературного процесса тюркоязычных народов.

Составителями труда являются как турецкие ученые (они авторы разделов, касающихся истории и культуры Турции), так и исследователи из Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана. Отдельный раздел посвящен литературе тюркских народов РФ, Молдовы, Балкан и Северного Кипра.

Авторы первого тома исследования «Литература тюркского мира», по предварительной договоренности, представили повековую градацию литературного процесса с X в. по XIX в. Каждый раздел первым предваряет очерк историко-социальных особенностей периода, вторым — анализ развития литературного процесса каждого из веков. Затем следуют краткие биографические сведения о народных сказителях, поэтах и писателях, проиллюстрированные образцами их творчества⁷

Исследователи литературы тюркских народов в каждом повековом периоде вычленяют имена народных сказителей, поэтов и писателей, творчество которых рекомендовано ими к изучению. Отсчитывая время начала изучения устных и письменных памятников, начиная с X в., к первым относятся различные фольклорные формы, в частности эпос «Манас»⁸, к вторым — рунические надписи Кюль-Тегин⁹ и уйгурские письменные источники¹⁰.

Литературе XI–XII вв., развивавшейся на территории Средней Азии и Туркестана, еще не была свойственна языковая и национальная диверсификация, тем не менее достоянием всех тюркских народов считаются сочинения Махмуда Кашгари¹¹, Юсуфа Баласагуни¹², Ахмеда Ясави¹³

В литературе последующих периодов, вплоть до XX в., рекомендовано к изучению творчество авторов, часто не в полном объеме, а в рамках отдельных произведений, с точки зрения исследователей-составителей первого тома, наиболее значительных.

По предварительной договоренности и в связи с тем что суверенные тюркоязычные государства намерены сохранить самобытность также и в изучении литературного процесса, структура второго тома исследования «Литература тюркского мира» иная по сравнению с первым томом.

Второй том означенного труда предваряет большой раздел «Основные особенности тюркской литературы XX века», включающий, кроме того, отдельно очерки исторического развития тюркских народов в XX в. — теперь суверенных государств — и Турецкой Республики.

Затем следуют биографии писателей¹⁴. Авторами биографических очерков являются носители национальных языков. В ряде случаев они содержат элементы литературоведческого анализа. В значительно большем объеме, чем в первом томе, представлены отрывки из произведений авторов, часто параллельно с оригиналом в переводе на турецкий язык.

Несомненно, не лишено интереса мнение национальных ученых об общей судьбе тюркских народов и отдельных деятелей тюркской культуры в XX в. История тюркских народов в XX в. оценивается национальными исследователями как эпоха угнетения и террора. В начале века, в эпоху царизма, выделяются два эпизода как наиболее трагические. Первый — насильственная мобилизация 500 тыс. татар, башкир, туркмен для участия в боевых действиях на фронтах Первой мировой войны. И второй — восстание 1916 г. — самое грандиозное и трагическое событие в истории народов Центральной Азии. Восстание было поднято в ответ на царский указ от 25 июня 1916 г. о так называемой «реквизиции инородцев» на тыловые работы. Тогда почти одновременно восстали киргизы, узбеки, казахи, таджики, туркмены и каракалпаки. Волнения охватили всю территорию Центральной Азии и приобрели угрожающий размах для колониальной системы России. Туркестанский край был объявлен на военном положении. Войсковые отряды регулярной армии подавили почти безоружную массу восставших. Были произведены массовые аресты, руководители были расстреляны по приговору военно-полевых судов. Часть восставших содержалась в тюрьмах или большинство из них было насильственно выслано в Сибирь¹⁵ Приводится цифра — 650 тыс. пострадавших.

После 1917 г., по мнению тюркских исследователей, в очень короткий исторический отрезок времени имело место национальное возрождение тюрков, в создаваемых национальных объединениях начала бурно развиваться культура, литература. Издавались газеты и журналы, создавались фонды для изучения национальной истории, поощрения просвещения. Открывались новые школы, учащаяся молодежь посещала учебные заведения России: Уфы, Оренбурга, Запада и Востока, Берлина и Стамбула. В Узбекистане, в частности, открылись школы «Cedit okulu» — «новые школы». Так же называлась создававшаяся новая литература возрождения (писатели Чолпан — псевдоним известнейшего писателя Абдулхамида Сулейманоглу, Абдулла Кадири, Абдурауф Фытрат и многие другие)¹⁶.

Бурно развивались журналистика (печатались все новые журналы и газеты) и национальная драматургия, открывались национальные театры. Свежий посыл влиял на формирование современного поэтического языка, без заимствования арабизмов и персизмов.

К сожалению, этот период довольно быстро закончился. В пределах Центральной Азии большевикам удалось создать союзные республики в составе СССР. Началось насильственное насаждение атеизма, подавлялось свободомыслие, была введена кириллица взамен латинского алфавита, в литературе была рекомендована, а позднее закреплена методология социалистического реализма¹⁷

В 30-е гг. многие национальные поэты и писатели оказались в застенках. При арестах не существовало разницы — маститый ли писатель с мировым именем или начинающий литератор первой волны национальной интеллигенции, дети дехкан, получившие высшее образо-

вание в первых открытых на местах педагогических институтах. Подвергались порицанию литературоведы — исследователи фольклора, в частности эпосов «Манас» и «Алпамыш» как «вредных» произведений, насыщенных феодально-буржуазными пережитками.

Наряду с деятелями культуры и литературы, религиозные деятели, простые люди, овладевшие грамотой, объявлялись «врагами народа» и физически уничтожались. Произведения репрессированных изымались, а также подлежали уничтожению.

По мнению тюркских исследователей, негативно сказалось расчленение тюрков Поволжья на 3 автономии: татар, башкир, чувашей. Идеологический гнет и репрессии заставляли бежать из страны деятелей национальной культуры, но не многим это удавалось. В их числе оказались татарские писатели Аяз Ысхаки, Сабри Максуди, Ахмед Зеки Валиди Тоган¹⁸

Покидая родину, тюркская творческая интеллигенция оказалась рассредоточенной по всему миру, от Японии до Аргентины.

Советский режим 1937–1939 гг. тюркские исследователи называют «красным террором»¹⁹ Они же не употребляют термин «Великая Отечественная война», а военные годы (1941–1945) называют Второй мировой войной, т.е. время, когда репрессии временно отступили и писатели получили возможность вспомнить о национальной самобытности. Тогда же им было позволено вернуться к жанру исторического романа.

Вскоре после войны началась насильственная депортация народов Крыма и Северного Кавказа. Люди тысячами погибали по дороге в холодную Сибирь.

Тюркские исследователи, не ссылаясь на официальные источники, оценивают человеческие потери за годы сталинского режима (с 1924 по 1953 г.) в 60 млн. человек²⁰.

После смерти Сталина немногие деятели культуры и литературы, оставшиеся в живых, начали возвращаться из ссылок. В 80-е гг., когда ослаб режим коммунистической партии, и с 1991 г., при приобретении тюркоязычными народами суверенитета, имена запрещенных писателей и исследователей национальной культуры вернулись, их произведения в настоящее время широко публикуются.

Процесс развития литературы в каждой из тюркоязычных республик рассматривается исследователями в структуре биографических очерков отдельных писателей, творчество которых, по мнению тюркских специалистов, является определяющим в контексте национальной культуры.

В основном это биографии писателей, жизненный путь которых начинался в конце XIX в., а пик творчества приходился на последующие несколько десятилетий. За исключением Самеда Вургуня, Аалы Токумбаева, Берды Кербабаева, Чингиза Айтматова, широко известных в советское время.

Узбекские исследователи литературы, например, рекомендуют к изучению творчество Абдурауфа Фытрата²¹ — всемирно известного

ученого, писателя, просветителя и журналиста — в качестве основоположника национальной культуры XX в.; Абдулхамида Сулейманоглы (псевдоним Чолпан) — основоположника отечественного театра и драматурга; Абдуллаха Кадири — автора романа «Минувшие дни», переведенного на многие языки мира. Их творческий путь и жизнь трагически закончились в конце 30-х гг.²²

Подобную судьбу разделили известные писатели других тюркских народов: в Казахстане — Маглажан Джумбаюлы²³, в Киргизии — Касым Тыныстауулу²⁴. К сожалению, скорбный список пострадавших в советский период писателей и деятелей национальной культуры достаточно объемён.

В заключительной части литературоведческих очерков приведены списки имен писателей, произведения которых вернулись в мировую литературу после 1953 г., в конце 60-х гг., в начале 80-х и в 90-е гг., но кроме имен собственных иные сведения, как-то: название произведений, их жанровое содержание, отсутствуют, что, естественно, затрудняет знакомство и тем более изучение творчества современных национальных литераторов²⁵

Очерк «Тюркская литература Турции» очень краток, ограничен временными рамками конца XIX в. до 40-х гг. XX в. Авторы очерка и составители персоналий считают литературу этого периода *классической*, которая «отвергает современные ритмы»²⁶. Отмечено лишь, что в последующие годы в литературных произведениях появляются новые сюжеты, рассматриваются проблемы деревни, города, создаются исторические комедии.

Для изучения рекомендовано несколько имен писателей, жизненный путь которых ограничен первым десятилетием XX в. Это Мехмед Эмин Юрдакул (1869–1944), Öмер Сейфеддин (1894–1920), Зия Гек Альп (1875–1924), Мехмед Акиф Эрсой (1887–1959), Яхья Кемаль Бейтлы (1884–1959), Фарук Нафиз Чамлыбел (1898–1973), Ахмед Хамди Танпынар (1901–1962).

Далее следует небольшой список имен писателей, чье творчество, по мнению составителей очерка, представляет интерес, имя Назыма Хикмета в общем списке лишь упоминается²⁷

Таким образом, многообразие турецкой литературы XX в., начиная с группы «кемалистских писателей», Якуба Кадри, Халиде Эдип, писателей, отстаивавших метод критического реализма — Садри Эртема, Решада Нури, романиста и поэта, оказавшего огромное влияние на творчество современных турецких писателей — Сабахаттина Али; всемирно известных Кемалю Тахира, Азиза Несина, не говоря уже о представителях современной литературы 80–90-х гг., с именами которых связано появление культуры постмодернизма, оказалось за рамками данного исследования.

Вероятно, можно предположить, что вслед за первым совместным трудом «Литературы тюркского мира» последуют более полные исследования. А пока издан первый вариант совместного исследования, что также немаловажно.

Не могу не высказать своего мнения в адрес составителей исторического очерка развития тюркских народов XX в. С бесконечным сочувствием отношусь к трагическим судьбам, гибели тюркской национальной интеллигенции. К сожалению, это и судьба всех народов нашей страны советского периода. Можно вновь и вновь вспоминать этапы уничтожения цвета, в том числе и русской культуры, дворянства, офицерства, духовенства, учительства, миллионов ни в чем не повинных людей. Однако в те же годы для национальных республик оказался доступным к изучению и освоению огромный пласт русской и западной культуры, была ликвидирована неграмотность, интенсивно работали школы всех уровней, несмотря на идеологические меры, воспитавшие национальных специалистов высочайшей квалификации.

В настоящее время социальная ситуация объективно изменилась. Уже нет того тоталитарного государства, но память о нем и модели поведения, характерные для его граждан, остались в индивидуальном сознании людей, воспитанных в том обществе. Вероятно, этим можно объяснить резкий тон авторов исторического очерка и биографий отдельных писателей, называющих эпоху советской власти периодом оккупации²⁸.

Тем не менее диалог национальных культур состоялся. И в этом несомненная ценность исследования «Литература тюркского мира».

¹ Milli Eğitim bakanlığı ve Türk Dünyası. Ankara, 1995, с. 29.

² Т. С. Resmi Gazete, 16.01.1993.

³ Avrasya Dosyası. Türk İşbirlik ve Kalkınma Ajansı (TJKA), on beşgünlük Bülteni. Ankara 1995, XI, с. 5, 9–15.

⁴ Там же, с. 54–56.

⁵ Там же, с. 77.

⁶ Там же, с. 80.

⁷ Türk Dünyası Edebiyatı. Türk İşbirliği ve Kalkınma İdaresi başkanlığı. Cilt I. Ankara, 2002, с. I–XV, 1–313.

Авторы I тома: Турция: доктора наук, проф. Айше Бююкылдырыш, Абдюлькадыр Хайбер, Мехмет Кара, Шуаюп Каракаш, Мустафа Угурлу, Эртургул Яман, Ясемин Динч, Мине Тюрлерсроксин. Авторы разделов: Азербайджана — Аскер Кулиев; Казахстана — Зейнулла Бесенбаев; Кыргызстана — Мирзабек Джумаев, Бекташ Шамшиев; Узбекистана — Бегали Касымов, Несимхан Рахманов; Туркменистана — Какаджан Дурдиев, Бекмират Весисов.

⁸ Эпос, отразивший историческое прошлое киргизского народа, сохранившийся в устной форме на протяжении веков, содержит свыше полумиллиона строк. Первые записи сделаны казахским этнографом Ч.Ч. Валихановым и русским ученым В.В. Радловым. Основное содержание эпоса — описание подвигов богатыря Манаса с иноземными захватчиками киргизских земель и мистическими силами зла. Эпос вобрал в себя народные изречения, афоризмы, пословицы и поговорки. Наиболее известный из многих Манасчи Санкбай Карамасев хранил в памяти всю трилогию эпоса, с его слов в 30-х гг. XX в. записаны все части «Манаса».

⁹ Kültegin ve Bilge Kitabesi — Кюль-Тегин — рунический памятник XVIII в., каменный обелиск с надписями на китайском и языке орхоно-енисейских тюрков. Содержит сведения о походах древних тюрков под руководством Бильгехана и Кюль-Тегина.

¹⁰ Памятники представлены в многообразии фольклорных жанров, в том числе песен и речитативных стихов. Эпических сказаний сохранилось мало, лишь ранние варианты эпоса об Огуз-кагане в записях XI в. (фрагменты в «Словаре Махмуда Кашгарского» XIII–XIV вв. и в творчестве Юсуфа Баласагуни).

¹¹ Кашгари Махмуд — знаток тюркских языков и фольклора, составитель «Диван-и Люгати' тюрк» (1072–1074 гг.) — словаря тюркских наречий, в том числе имен собственных, диалектов языков половцев и куманов домонгольской эпохи (XI в. — первая половина XIII в.). Словарь является единственным источником сведений по этнической истории и этнической ономастике, содержит основные жанры тюркоязычного фольклора, с указанием каких именно племен и народов они бытуют: тюркские племена Средней Азии, Восточного Туркестана, уйгуров и кармуков.

¹² Баласагуни Юсуф Хас — Хаджиб (род. около 1021 г.) — среднеазиатский ученый, проповедовал уважение к разуму и ученым. Автор поэмы «Кутадгу билиг» («Знание, дающее счастье»), написанной в 1069 г. на уйгурском языке. Поэма одновременно и художественное произведение, и этико-дидактический, политический трактат по вопросам государственного управления и военной организации страны.

¹³ Ахмед Ясави (ум. 1166) — суфийский поэт и проповедник, писал на чагатайском языке. Автор сборника мистическо-духовных стихов, в которых содержится призыв помогать нуждающимся, а также обличение неправедных служителей ислама.

¹⁴ Авторы кратких очерков истории развития национальной литературы в каждой из тюркских республик те же, что и в первом томе.

¹⁵ *Türk Dünyası Edebiyatı. Cilt II. Ankara, 2002, с. 5–6.*

¹⁶ Там же, с. 14.

¹⁷ Там же, с. 6.

¹⁸ Там же, с. 29.

¹⁹ Там же, с. 5–6.

²⁰ Там же, с. 20.

²¹ Там же, с. 136–138. Абдурауфа Фытрат (1888–1938). Первоначальное образование получил в медресе «Мир Араб», затем окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. По возвращении на родину создал школу на базе современной педагогики «Общество молодых бухарцев». Опубликовал сочинения: «Rehberi Necat», «Aliye», «Begican», «Aba Müslim», «Islam Tarihi» и др. Принял Октябрьскую революцию, основал газету «Hüriyet», был ее главным редактором, публиковал статьи. В созданной и вскоре разгромленной Бухарской республике занимал посты министра иностранных дел и просвещения. В 1923 г. по политическим соображениям покинул Узбекистан, жил в Ленинграде и Москве, в качестве профессора преподавал восточные языки и литературу в Институте восточных языков. В 1937 г. был репрессирован, умер в заключении в 1938 г. В настоящее время творчество писателя, его труды по филологии, геологии, аграрным проблемам Узбекистана публикуются и изучаются.

²² *Türk Dünyası Edebiyatı. Cilt II, с. 15–17.*

²³ Там же, с. 80–84. Маглажан Джумбаулы (1853–1938) — казахский поэт. Обучался в медресе Уфы и Санкт-Петербурга. В 1917 г. вернулся на родину, преподавал, автор учебников по казахскому языку и литературе. Продолжил обучение в Санкт-Петербургском педагогическом университете. Первые поэтические сборники стихов — «Кольцо», «Дестан о Батур Баяне» и другие — издавались в Казани и Ташкенте. Переводил на казахский язык Мамина-

Сибиряка, Горького, Гете и Гейне. Репрессирован дважды как националист, в 1926 г. и 1937 г., умер в заключении в 1938 г. Творчество поэта стало всенародным достоянием после 1988 г., когда были опубликованы поэтические произведения, адресованные молодому поколению казахов и проникнутые любовью к своему народу.

²⁴ Там же, с. 111–114. Касым Тыныстауулу (1905–1938) — киргизский поэт, профессор-лингвист, автор грамматики киргизского языка. Принимал участие в процессе введения латинской графики в 30-е гг. Исследователь и переводчик эпоса «Манас» на русский язык, что дало основание для его ареста и расстрела в 1938 г.

²⁵ Там же, с. 13, 18, 21, 22. Адиль Якубов, Пиримкуль Кадиров, Ольмез Омербеков, Хюсниддин Шарипов, Эрклы Вахидов, Откир Хашимов, Джемаль Кемаль, Максуд Кариев, Аман Метсан, Тахир Мелик, Бердиназар Худайназаров, Дирди Халдырди, Мехмед Сейидов, Аллаберди Хауидов и многие другие.

²⁶ *Türk Dünyası Edebiyatı*. Cilt II, с. 10.

²⁷ Там же, с. 11.

²⁸ Там же, с. 6, 7.

ВЗАИМОСВЯЗИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИСЛАМСКИХ НАРОДОВ В УКРАИНЕ С МУСУЛЬМАНСКИМИ РЕГИОНАМИ РОССИИ

Феномен мусульманского мира, в частности татарского, и его влияние на развитие цивилизации еще не вполне осмыслены. Татарской тематикой интересуются не только этнические татары, профессиональные тюркологи, но и в немалой степени представители славянских народов, то есть русских, украинцев, белорусов. Этот факт объясняется тем, что турки (татары) играли и продолжают играть заметную роль в истории многих народов.

Украина стала родным домом для многих представителей поволжских татар. Только в Киеве проживает около 30 000 поволжских татар, исторической родиной которых является Татарстан. В 1993 г. в Киеве была создана татарская организация «Ильдаш», что в переводе означает «Соотечественник». Так реализовалось желание татар Украины объединить свои усилия в возрождении национальной культуры, в овладении родным языком.

Уже стало традицией проведение вечеров поэзии, которые привлекают, как правило, большое количество зрителей. На вечерах часто присутствуют гости из Татарстана и городов Украины.

9 января 1998 г. Министерством юстиции Украины был зарегистрирован Всеукраинский татарский культурный центр «Туган тел» (в переводе — «родной язык»). Центр был организован при поддержке татарских обществ из 14 областных центров Украины. В состав центра «Туган тел» входит «Ильдаш». Создание «Туган тел» дает возможность широкой деятельности и установления более тесных контактов с татарскими диаспорами ряда стран. Цели центра те же, что и национальных обществ — возрождение национальной культуры и деятельность в сфере просветительства. За столь короткое время центр получил поддержку в Татарстане и вошел в состав Всемирного конгресса татар¹.

Республиканская федерация татар и башкир Крыма — в числе наиболее активно сотрудничающих с мусульманскими регионами России национально-культурных центров страны. Большая заслуга в этом принадлежит ее председателю Марату Массалимову.

В последнее время Марат Массалимов бывает в Башкортостане достаточно часто. С сентября 2004 г. он — торговый представитель Башкортостана в Автономной республике Крым. По роду своей деятельности Марат Массалимов налаживает торгово-экономические от-

ношения между двумя республиками, занимается поиском бизнес-партнеров для предприятий Башкортостана в Крыму и на Украине. Но не менее важным направлением своей работы он считает развитие и сохранение родного языка, национальных традиций башкир.

Федерация является членом Крымского республиканского Фонда межнационального согласия и Межнационального совета, действующего при Верховном совете Автономной республики Крым и Совете министров республики, куда входит 28 национальных объединений, и, конечно, тесно взаимодействует с Всемирным курултаем башкир и Всемирным конгрессом татар.

«Очень важно, что у башкирской и татарской молодежи Крыма сегодня усиливается интерес к поиску своих этнических корней, славному прошлому своих народов», — замечает Марат Массалимов.

У Федерации есть свое молодежное крыло — общественное движение «Йешлек» («Молодость»). Сейчас отделения Республиканской федерации татар и башкир действуют в 18 городах и районах Крыма. С марта прошлого года Федерация выпускает свою газету под названием «Курай» (национальная татарская флейта). Газета освещает жизнь татар и башкир Украины, рассказывает о новостях Башкортостана и Татарстана. Федерация взаимодействует с Международным союзом общественных объединений, куда входят 50 общественных организаций ближнего и дальнего зарубежья.

«Открытие представительства Башкортостана в Крыму способствовало бы усилению товарооборота, развитию социально-экономических связей и, естественно, стало бы большой поддержкой не только башкирской диаспоре, но и всем выходцам из Башкортостана, проживающим здесь. А башкиры получили бы больше возможностей использовать санаторно-туристский потенциал Крыма», — подчеркивается в сообщении «Башинформ»².

Одним из наиболее масштабных и знаменательных событий декабря 2005 г. стало проведение в столице Татарстана Казани расширенного заседания Международного союза общественных объединений «Всемирный конгресс татар» с участием представителей татарских общин из регионов России, Украины и других стран ближнего зарубежья. Для большинства гостей мероприятия Казань была и остается близкой и родственной по духу. Жителей Татарстана, в свою очередь, интересует положение соотечественников в зарубежных странах, особенно на постсоветском пространстве. «Этнические и культурные связи татарских диаспор на территории СНГ неразрывны и со временем будут только расширяться и усиливаться», — прокомментировал итоги заседания один из почетных гостей мероприятия, председатель Всеукраинского татарского культурного центра «Туган тел» Канафия Мисбахетдинович Хуснутдинов. Основным направлением деятельности татарской общины Украины в ближайшие годы будет являться формирование своеобразного политического и экономического лобби за счет увеличения количества своих представителей в органах власти и управления

страны. Это позволит поднять авторитет татарских общественных кругов в политической жизни Украины, создать необходимые условия для решения вопросов на различных уровнях власти. На сегодняшний день «Туган тел» имеет устойчивое финансовое положение, за счет средств ОАО «Татнефть» в центре Киева был приобретен в собственность трехэтажный офис, издается журнал, имеются свои эстрадные коллективы, студии, благотворительные организации, решается вопрос о покупке 30-минутной передачи на украинском государственном телеканале³

В 17 областях Украины официально зарегистрированы татарские культурные центры. «Туган тел» поддерживает устойчивые контакты с Посольством РФ на Украине, представители которого регулярно посещают центр, участвуют в проводимых им мероприятиях. Татарская диаспора Украины представлена также видными учеными, юристами, врачами. В ближайшее время «Туган тел» планирует выпустить сборник «Кто есть кто в татарских диаспорах Украины», где кроме активистов общины будут представлены известные на Украине политики и предприниматели, деятели науки и культуры, так или иначе связанные и помогающие культурному центру. В январе 2006 г. Украину посетила комиссия Европейского Союза по вопросам нацменьшинств. Руководство Украины уже обратилось к «Туган тел» с предложением провести прием иностранцев на базе офиса центра, организовать презентации реализуемых татарами экономических и гуманитарных программ, показать работу музыкальных коллективов, выпускаемой типографической продукции. По мнению К. М. Хуснутдинова, украинское руководство крайне заинтересовано в успешном приеме иностранцев, которые по результатам своей поездки составят подробный отчет о положении нацменьшинств на Украине⁴

При Центральном Духовном Управлении мусульман (ЦДУМ) России создана специальная постоянно действующая Комиссия по контролю за изданием книг исламской тематики. Решение об этом было принято на прошедшем в Уфе пленуме ЦДУМ. В состав комиссии вошли 7 мусульманских религиозных деятелей, в частности председатель Регионального Духовного Управления мусульман (РДУМ) Татарстана Фарид Салман, председатель РДУМ Пермской области Мухаммадгали Хузин, ректор Исламского университета в Уфе Ренат Раев, муфтий Духовного Управления мусульман Украины Ахмед Тамим и другие.

Муфтий мусульман Украины шейх Ахмед Тамим неоднократно выражал озабоченность проникновением на территорию Украины ваххабитских идей, говорил об опасности экстремизма, призывал власти к решительным мерам по ужесточению контроля за деятельностью организаций и движений, имеющих отношение к фундаменталистскому исламу. По его словам, «литература, пропагандирующая ваххабизм, бесконтрольно распространяется в украинских регионах». «Издания тиражируются на Украине, в том числе и на украинском языке, на средства Всемирной ассамблеи исламской молодежи. Оттуда они направляются также на Кавказ и в Белоруссию. Духовное управление му-

сультман и большинство мусульманских общин Украины, объединяющих более 2 миллионов единоверцев, осуждают религиозный экстремизм во всех его проявлениях и выступают против попыток использовать религию в политических целях», — подчеркивает Ахмед Тамим⁵

Основная задача комиссии — не допустить в исламской литературе содержания идей экстремизма, ваххабизма, призывов к насилию и разжиганию межрелигиозной вражды. На основе материалов комиссии будут выдаваться рекомендации органам государственной власти и мусульманской общественности.

Члены комиссии приступили к подготовке списка исламской литературы, негативно влияющей на процесс религиозного воспитания, межконфессионального мира, содержащей отклонения от вероучений ислама. В него, по предварительным данным, может войти около 100 изданных книг, сеющих, как считают члены комиссии, «рознь в исламском мире и нарушающих гражданский мир в обществе»⁶.

Казанские кинематографисты приняли участие во Втором международном фестивале «Дни документального кино о правах человека», который проходил в Киеве с 29 марта по 3 апреля 2005 г.

Казанские мастера кино приготовили зрителям фестиваля настоящий кинематографический подарок. На украинской земле были показаны художественные фильмы Республики Татарстан. В киевском Доме кино состоялась премьера первого в XXI в. полнометражного художественного фильма на татарском языке «Куктау» (реж. Ильдар Ягафаров).

На закрытии кинофестиваля 3 апреля была показана последняя полнометражная художественная работа казанских кинематографистов «Зулейха» (реж. Рамиль Тухватуллин). Этот фильм как нельзя лучше раскрывает тему о правах человека в разрезе межнациональных и межконфессиональных отношений. Программа татарстанских фильмов уже вызвала огромный интерес⁷

В честь 1000-летия Казани Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Украине В. Черномырдин открыл фотовыставку на Андреевском спуске в украинской столице.

В 2005 г. была создана транснациональная компания «Укртатнафта». Украина — второй по значимости торговый партнер Татарстана.

В Киеве была организована фотогалерея о Казани, концертные программы. Председатель «Туган тел» Канафия Хуснутдинов пригласил на импровизированную сцену фольклорный ансамбль «Асылъяр»⁸

Подводя итог всему вышеупомянутому, можно сделать вывод, что основные контакты исламских народов России и Украины отмечены в основном сотрудничеством представителей татарского и башкирского народов обеих стран, совместным проведением культурных мероприятий, участием в международных конференциях, посвященных исламской тематике.

Сотрудничество национально-культурных мусульманских организаций Украины с российскими мусульманами способствует развитию этносов, гармонично вписывается в государственно-политическую

жизнь, позволяет сохранять национальные традиции в культурной среде Украины, утверждает дружбу и многостороннее сотрудничество между народами.

¹ <http://www.russedina.ru/?id=:58> — Международный Союз общественных объединений «Русь Единая».

² <http://w\vw.bashkortostan450.ru/?lg=rus§ion=68&id=361> — официальный сайт празднования 450-летия добровольного вхождения Башкирии в состав России.

³ «Дуслык», № 6 (24), ноябрь 2003 — журнал Всеукраинского татарского культурного центра «Туган тел».

⁴ http://vektor.kazan.ws/cgi-bin/guide.pl?id_org:=5578&action:=fullnews&id_news=6899 — Казанский интернет-дайджест.

⁵ www.newsru.com/arch/religy/12mar2002/ufa_islam.html — сайт новостей в России и мире.

⁶ Там же.

⁷ www.docudays.org.ua/media/kazan.htm — сайт, посвященный третьему Международному фестивалю «Дни документального кино о правах человека».

⁸ http://www.tatar.ru/?&wgrp=1001&page=1&node_id=1185&full=1601 — официальный сервер Республики Татарстан.

СССР И ТУРЦИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Перед Второй мировой войной советско-турецкие отношения отличались стабильностью, хотя время от времени возникали спорные проблемы. Среди них наиболее важной была проблема режима Черноморских проливов и до и после его установления в 1936 г. Международной конференцией в Монтрё с участием черноморских и других стран, имевших в Проливах торговый и стратегический интерес¹. В Монтрё, где основной тон задавала Великобритания, возникли разногласия по поводу режима прохода Проливов военными кораблями, изменения которого СССР безуспешно добивался в дальнейшем.

Серьезные советско-турецкие разногласия проявились во второй половине 1939 г., когда между СССР, Великобританией и Францией велись переговоры о заключении военного союза. Важное место занимала в этих переговорах и Турция, с которой также велись двусторонние переговоры о заключении советско-турецкого договора о взаимопомощи. Вследствие взаимного недоверия и сомнения стороны не смогли о чем-либо договориться.

Подписание 23 августа 1939 г. советско-германского договора о ненападении, свидетельствовавшее о коренном изменении советской внешней политики, привело к срыву переговоров СССР с Великобританией и Францией, а также советско-турецких переговоров, вызвало тревогу и недовольство в Турции. «Пути Советского Союза и Турции разошлись», — так комментировала турецкая печать поворот в советской политике². «Подписание Советским Союзом 23 августа соглашения с Германией было тяжелым шоком для Турции. Никто не допускал возможности этого. Соглашение открыло новую страницу во внешних сношениях Турции. Она оказалась в союзе только с двумя западными странами, хотя были надежды на присоединение к нему Советского Союза»³, — так оценил советскую политику как непредсказуемую турецкий исследователь Ахмет Эсмер. Однако Турция старалась сохранить существовавшие ранее отношения, предлагала заключить двусторонний пакт о взаимопомощи. СССР не принял турецкие предложения. В этом сказались недовольство Москвы политикой Великобритании и Франции — союзников Турции, несогласие Турции с советскими предложениями об изменении режима Проливов. Во время переговоров 1939 г. с турецкой стороной по проекту договора о взаимопомощи со-

ветское руководство не хотело брать на себя обязательств в случае нападения на Турцию, учитывая интересы Германии. А Турция, несмотря на проявившиеся в советско-турецких переговорах противоречия, сохранила прежние приоритеты, что нашло отражение в подписанном 19 октября 1939 г. англо-франко-турецком договоре о взаимопомощи, где (по настоянию Турции) говорилось, что обязательства по нему не могут принудить ее к действиям, в результате которых она может быть вовлечена в конфликт с СССР⁴.

Вместе с тем, несмотря на позицию Турции, советское руководство все же продолжало переговоры. Принимая в октябре 1939 г. германского посла В. фон Шуленбурга, В. М. Молотов выражал сомнения, что с Турцией может быть достигнуто соглашение, говорил о том, что переговоры ведутся с целью выяснения позиции Турции⁵. Провал переговоров вызвал у турок опасения в отношении советской внешней политики, чему способствовала утечка информации о беседах советских и немецких руководителей в 1939–1940 гг.

И до войны, и во время войны турецкие руководители неоднократно заявляли, что Турция не вступит в войну. Говорилось, что страна может прибегнуть к оружию только в случае нападения на нее. Автор книг об Исмете Иненю Шевкет Айдемир отмечал, что Турция видела для себя единственный путь — остаться вне войны, не принимая обязательств склонявших на свою сторону воюющих стран, помня о трагических для нее последствиях 11 лет войн в первой четверти XX в., особенно Первой мировой войны. Нейтральная позиция Турции определялась также и слабостью ее экономики. Еще большее значение имела боязнь последствий войны при любом исходе для нее как участника. Об этом говорил еще 27 сентября 1932 г. президент Турции К. Ататюрк, принимая начальника Генерального штаба США генерала Д. Макартура. Оценивая политическую обстановку в Европе, Ататюрк обращал внимание на следующее: «... державы-победители (в Первой мировой войне) силой навязали мирные условия побежденным, не приняв во внимание их этнические, геополитические и экономические особенности... Таким образом, мирный период, который мы переживаем, представляется просто перемирием. По-моему, завтра, как и вчера, судьба Европы будет связана с позицией Германии... Ататюрк полагал, что «Германия сможет в короткое время создать армию, которая в состоянии оккупировать весь европейский материк, исключая Англию и Россию, что между 1940–1946 гг. начнется война, что Франция утратила качества, необходимые для создания сильной армии, и Англия не сможет надеяться на Францию в деле обороны островов... Ататюрк считал, что «Америка в этой войне не может быть нейтральной, как это было в прошлой войне», и добавил, что «только в результате американского вмешательства Германия будет побеждена»; «...главным победителем в войне, которая вспыхнет в Европе, будет ни Англия, ни Франция, ни Германия, а большевизм. Мы, турки, — нация, являющаяся близким соседом России, воевавшим более всего с нею, непосредственно на-

блюдаем за событиями, происходящими там, и видим опасность во всей ее неприглядности». Ататюрк сказал также, что «превосходно эксплуатирующие умонастроения пробуждающихся народов Востока, обладающие даром возбуждения большевики стали главной силой, угрожающей не только Европе, но и Азии»⁶. После его смерти президент Исмет Иненю был более осторожен в отношениях с СССР. Еще до войны он считал, что Турция должна занять нейтралитет в возможной новой войне.

Ныне в Турции ее позиция в период Второй мировой войны объясняется разными мотивами, как-то: неподготовленность к механизированной войне, бедность страны, в недавнем прошлом с трудом выплачивавшей оттоманский долг, огромные расходы, связанные с созданием инфраструктуры в материальной и просветительско-культурной сферах и, как следствие, расходы на военные нужды по остаточному принципу. Отмечается также, что на конференциях в январе в Адане и в декабре 1943 г. в Каире президент И. Иненю упомянул эти причины в ответ на требования Великобритании и США вступить в войну. Другим мотивом была непривлекательная перспектива появления войск союзников с целью поддержки военных усилий Турции, и среди них могли быть советские войска⁷.

Турецкая позиция «невоюющего союзника» (вопреки договору 1939 г.) и «эффективного нейтралитета» некоторыми авторами не без оснований рассматривалась как «игра на обе стороны», как «балансирование» между двумя воюющими сторонами⁸. Однако нейтралитет Турции вызвал недовольство ее союзников. Заняв позицию «вне войны», Турция не допускала никакие действия, которые могли бы быть расценены даже как косвенная причастность к войне. Она не разрешила использование даже ее союзниками дорог, портов, аэродромов и других объектов на ее территории для каких бы то ни было целей, что вызвало их недовольство.

Союзники Турции старались втянуть ее в войну. С этой целью Великобритания пыталась содействовать улучшению советско-турецких отношений. Однако Турция не питала доверия к советскому руководству. И все же она проявляла готовность рассмотреть советские предложения, направленные на улучшение отношений. Однако Сталин в качестве условия нормализации отношений потребовал принятия мер по установлению контроля черноморских стран над Проливами. Великобритания немедленно выступила против изменения режима Монтрё. Турция же ужесточила позицию нейтралитета, заявив, что не вступит в войну, аргументируя это недостаточностью ресурсов.

Поражение в июне 1940 г. Франции вызвало на некоторое время изменение в позиции Великобритании и СССР. Что же касается вступления Турции в войну, то Великобритания не могла обеспечить ее необходимыми ресурсами для ведения войны, и нейтралитет Турции на этом этапе был предпочтителен для этих держав, поскольку он создавал препятствие возможному выходу Германии к Персидскому заливу и распространению войны на Ближний Восток.

1 ноября 1940 г. президент И. Иненю, выступая на открытии заседания ВНСТ, подтвердил политику «вне войны»⁹, отметив, что она не является препятствием для нормальных отношений со странами, которые осуществляют в отношении Турции идентичные намерения. Политика «вне войны», подчеркнул Иненю, препятствует, без каких-либо исключений, использованию турецких земель, портов и аэродромов воюющими сторонами. Укреплению этой позиции способствовала информация о переговорах В. М. Молотова с А. Гитлером и И. Риббентропом 12–13 ноября 1940 г. в Берлине.

Политика СССР в отношении Турции, в частности его претензии по Проливам, была использована в крупной немецкой дипломатической игре, осуществлявшейся с целью ввести в заблуждение советское руководство. 13 октября 1940 г. министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп направил Сталину письмо, в котором Советскому Союзу было предложено присоединиться к Тройственному пакту и принять участие в разделе мира на сферы влияния¹⁰. Однако еще в июне, до этих предложений Москве, Гитлер и военное командование начали обсуждать перспективы войны против СССР, сведения о чем поступали в страну, в том числе из германского генштаба¹¹.

Риббентроп пригласил Молотова в Берлин для обсуждения немецкого предложения. 12 ноября Молотов прибыл в Берлин и беседовал с Риббентропом и Гитлером. Одной из тем переговоров была Турция. Молотов говорил об «эффективных», а не бумажных гарантиях для России в Проливах, считая это наиболее важной проблемой в советско-турецких отношениях.

В ночь на 13 ноября 1940 г. Молотову был представлен проект соглашения о присоединении России к Тройственному пакту, в первом секретном протоколе которого определялись сферы влияния четырех стран. Советская сфера влияния была направлена на Индийский океан. Во втором секретном протоколе, который касался Турции, указывалось следующее: 1) Германия, Италия и Советский Союз освободят Турцию от существующих обязанностей и приведут их в соответствие с общими интересами; 2) Германия, Италия и Советский Союз согласуют время подписания соглашения с Турцией о признании целостности ее территории; 3) Германия, Италия и Советский Союз будут совместно действовать с целью изменения Конвенции Монтрё. Это даст советскому флоту право неограниченного прохода Проливов в любое время. А другие государства, исключая черноморские, а также Германию и Италию, откажутся от прохода Проливов их военными кораблями.

Молотов, в сущности не высказав ничего по германскому проекту, 14 ноября вернулся в Москву.

23 ноября германский посол Шуленбург сообщал в Берлин о том, какие условия выдвинул СССР в связи с предложением Германии вступить в пакт. В ответном советском предложении определялась сфера влияния СССР, в том числе районы южнее Баку и Батуми, то есть Восточной Турции; говорилось об обеспечении безопасности Советского

Союза путем создания в Проливах — Стамбульском и Чанаккале — базы для советских сухопутных и морских сил, о предложении Турции присоединиться к Пакту четырех, с гарантиями со стороны Германии, Италии, СССР независимости и территориальной целостности страны. Молотов требовал также отказа Турции от союза с Великобританией; в случае отказа Турции от присоединения к Пакту Германия, Италия и СССР примут необходимые военные и дипломатические меры и с этой целью заключат отдельное соглашение¹².

Ответа на советские предложения не последовало, хотя Молотов неоднократно напоминал об этом Шуленбургу. Суть дела определялась тем, что в Германии началось обсуждение перспектив войны против СССР. На совещании в Бергхофе 31 июля 1940 г. Гитлер связал воедино вопрос о победе над Великобританией и обо всем дальнейшем ходе войны с проблемой отношений между Великобританией и Советским Союзом. Больше всего он боялся союза между этими государствами. Для того чтобы победить Великобританию, необходимо было разгромить Советский Союз¹³.

18 декабря 1940 г. Гитлер утвердил «Директиву № 21» (план «Барбаросса») о подготовке к войне против СССР.

Западная, особенно немецкая, пропаганда усиленно распространяла слухи о возможном нападении СССР на Турцию. Однако 25 марта 1941 г. была подписана совместная советско-турецкая декларация о том, что если одна сторона подвергнется нападению, то другая может рассчитывать на полное понимание и нейтралитет.

В связи с нападением Германии на СССР Турция в тот же день объявила о нейтралитете. 26 июня премьер-министр Сайдам заявил, что Турция вступит в войну только в случае нападения на нее. В то время нейтралитет Турции отвечал интересам союзников и, естественно, СССР. 10 августа 1941 г. Великобритания и СССР предоставили гарантии уважения режима Проливов, территориальной целостности Турции и оказания ей помощи в случае нападения на нее¹⁴.

Эти гарантии были связаны с тем, что СССР и Великобритания вводили в августе свои войска в Иран с целью обеспечения снабжения СССР союзниками и должны были нейтрализовать возможные опасения Турции о нарушении ее нейтрального статуса.

Турция продолжала строго сохранять нейтралитет, не допуская какого-либо послабления. Это касалось и союзников, и держав «оси», несмотря на их давление. Еще в апреле 1941 г. Турция отказала Германии в пропуске через ее территорию немецкой помощи профашистскому правительству Рашида Али Гейлани в Ираке. Гейлани даже посылал в Анкару министра иностранных дел для урегулирования этой проблемы¹⁵. Ответ Турции на посулы немцев был характерен для ее поведения: «У Турции нет территориальных претензий! Предательство в отношении Англии невозможно. Невозможен и пропуск германских солдат и снаряжения через территорию Турции. Если Германия обязуется не нападать на Турцию, то в отношении войны Германии с каким бы то

ни было государством Турция примет позицию нейтралитета и ненападения». «Невмешательство, нейтралитет означает состояние “вне войны”»¹⁶.

После нападения Германии на СССР союзники прилагали активные усилия, чтобы вовлечь Турцию в войну. В сентябре 1941 г. Черчилль писал Сталину, что Турция может предоставить союзникам мощную армию и что Великобритания окажет ей помощь вооруженными силами и техникой¹⁷. Однако Турция твердо сохраняла нейтралитет.

В ноябре 1942 г. состоялся обмен посланиями между Черчиллем, Рузвельтом и Сталиным в связи с проблемой вступления Турции в войну. Обстановка на фронтах складывалась так, что союзники, в том числе прибывший в Турцию 30 января 1943 г. Черчилль, убеждали президента И. Иненю в том, что Турция должна вступить в войну до августа 1943 г. Союзники исходили из того, что после поражения Италии (а Италия подписала перемирие 3 сентября 1943 г.) ослабнет мощь Германии на Балканах. Черчилль обещал английскую и американскую помощь.

Однако Турция продолжала придерживаться нейтралитета и не изменила отрицательное отношение к возможности использования кем-либо территории страны в военных целях. Начальник Генерального штаба Турции заявил, что она будет воевать только в случае нападения на нее¹⁸.

Твердая позиция Турции вызвала резкую реакцию Сталина. Черчилль полагал, что для смягчения турецкой позиции необходимо улучшение советско-турецких отношений. Он писал Сталину о встречах с турецкими руководителями в январе 1943 г., отметив, что турки «откликнулись бы на любой дружественный жест со стороны СССР»¹⁹. Сталин ответил, что перед войной и после ее начала СССР сделал ряд дружественных в отношении Турции заявлений. Турция не реагировала на это. Сталин напомнил, что у Турции есть договоры о дружбе с СССР, о взаимопонимании с Великобританией, но и договор о дружбе с Германией. Ставя вопрос об их совместимости, он все же заверил Черчилля, что «если турки хотят более дружественных отношений, пусть скажут, мы пойдем им навстречу»²⁰.

Турция же постоянно подчеркивала стабильность отношений между двумя странами. 15 июня 1943 г. премьер-министр Ш. Сараджоглу говорил на конгрессе правящей Народной партии, что отношения с СССР имеют здоровую основу.

Однако в советско-турецких отношениях наблюдалось недоверие. Среди предпосылок турецкой политики «вне войны» были опасения относительно последовательности и стабильности советской политики. Президент И. Иненю призывал журналистов писать так, чтобы не было сомнений в правильности политики «вне войны»²¹. Иненю полагал, что после войны СССР может стать империалистической державой и Турция поэтому должна проводить дальновидную политику. Премьер-министр Сараджоглу считал, что в случае поражения Германии все государства — ее союзники — станут коммунистическими²².

Турция опасалась непредсказуемых для нее итогов участия в войне, разрушительных последствий, возможных советских требований к ней

после войны, что и подтвердилось в конце войны и в 1946 г. В одном официальном турецком издании окончание Второй мировой войны для Турции датируется 1946 г., когда безрезультатно прекратился обмен нотами по Проливам²³

Тщетность давления союзников на Турцию, с тем чтобы она отказалась от политики нейтралитета, вызвала недовольство в СССР. В беседах с послом Турции Молотов откровенно угрожал осложнениями в будущем.

На Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.) Молотов настаивал на том, чтобы Турция вступила в войну, что должно было облегчить продвижение советских войск в Европу. Однако Великобритания и США не поддержали СССР, ограничив свои требования предоставлением им права использования турецких авиационных баз.

Турция не согласилась и с этими, недостаточными, с советской точки зрения, намерениями союзников, строго сохраняла нейтральные позиции. Ее аргументация заключалась в следующем: Турция не готова к войне; предоставление аэродромов союзникам для заправки самолетов ставит страну под удар немецких ВВС.

На этом этапе войны Германии был выгоден нейтралитет Турции, поскольку прикрывался южный фланг немецких войск. Кроме того, благодаря нейтралитету сохранялась важная для германской промышленности торговля с Турцией.

Сохранению нейтралитета способствовало недоверие к политике СССР, боязнь выдвижения им претензий в отношении режима Проливов и обеспечения их безопасности.

Вместе с тем руководители Турции подчеркивали дружественный характер турецко-советских отношений. Заявления об этом нередко делались в Великом Национальном Собрании Турции, в печати, в официальных документах, на съездах правящей Народной партии.

На Тегеранской конференции (29 ноября — 1 декабря 1943 г.) союзническими державами было выражено пожелание, чтобы Турция вступила в войну до конца 1943 г. Сталин, не желавший вмешательства Турции на Балканах, так как Красная армия сама продвигалась к южному участку советской границы, все же дал согласие союзникам, стремившимся вовлечь Турцию в войну. Сталин правильно расценивал турецкую политику, полагая, что Турция не откажется от нейтралитета.

Позиция Турции не изменилась, она по-прежнему отказывалась разрешать авиации союзников использовать ее аэродромы. Давление на Турцию, с тем чтобы она отказалась от нейтралитета, ни к чему не привело. Великобритания и США в марте-апреле 1944 г. прекратили оказание помощи Турции. Обстановка накалилась, когда в июне 1944 г. через Проливы в Черное море прошли два немецких судна как невоенные. Однако в результате турецкого досмотра выяснилось, что их команда имела тщательно замаскированное вооружение и обмундирование. Скандал привел к отставке министра иностранных дел Нумана

Менеменджиоглу, чье ведомство решало вопрос о пропуске судов²⁴ Ранее СССР обращал внимание на пропуск через Проливы подозрительных, под видом торговых, немецких кораблей. В том же 1944 г. союзники обратили внимание на поставки Турцией важного для германской военной промышленности хрома. Значение турецких поставок возросло, так как в результате наступления Красной армии Германия лишилась никопольского марганца. 21 апреля 1944 г. под давлением союзных держав Турция прекратила поставки хрома Германии²⁵

После открытия 6 июня 1944 г. Второго фронта союзники потребовали от Турции разрыва отношений с Германией. Предполагалось, что это позволит советской авиации пролетать над Турцией и использовать ее воздушные и морские базы. Советская позиция была жесткой. Сталин в июле 1944 г. напомнил Черчиллю о том, что США, Великобритания и СССР предлагали ей вступить в войну еще в 1943 г., а также в 1944 г., но ничего не получилось. Сталин обвинял Турцию в уклончивости и неясности ее позиции в отношении Германии. Он предлагал отказаться от давления на нее, но добавил, что претензии уклонившейся от войны Турции на особые дела в послевоенной обстановке не будут осуществляться²⁶

И все же в результате давления союзников Турция заявила 2 августа 1944 г. о разрыве политических и экономических отношений с Германией. «В Анкаре с иронией говорили о разрыве связей с Германией, называя его “дружественным разрывом”»²⁷ Оценивая разрыв Турцией отношений с Германией, Черчилль заявил в Палате общин, что это важно для развития турецко-советской дружбы.

А в отношениях между СССР и Турцией нарастала неприязнь. Советская сторона упрекала Турцию в прогерманских настроениях. В сентябре 1944 г. Молотов заявил турецкому послу Байдуру: «Во время войны мы смотрели на то, как нейтральные государства относятся к Германии и к Советскому Союзу... в советско-турецких отношениях были моменты, которые оставили неприятный осадок»²⁸.

В январе 1945 г. Сталиным перед Черчиллем был поставлен вопрос об изменении Конвенции Монтрё. Союзники не принимали советские предложения, не шли далее второстепенных поправок в Конвенции. А Турция наблюдала, в сущности, за дискуссией между СССР и союзниками, что сказалось на обмене нотами между двумя странами. С особым заявлением о Конвенции по Проливам Сталин выступил на Ялтинской конференции СССР, США и Англии, состоявшейся 4–11 февраля 1945 г. Сталин выразил недовольство режимом, установленным для военных кораблей: «... Турция дано право закрывать Проливы, когда она этого пожелает. Необходимо изменить порядок без ущерба для суверенитета Турции»²⁹ Речь шла о необходимости свободного прохода советских военных кораблей в любое время. Но Черчилль и Рузвельт передали эту проблему на рассмотрение министрам иностранных дел. Турции отводилась лишь роль наблюдателя. Позиции сторон не изменились.

Обстоятельства международного порядка заставляли Турцию объявить войну Германии. Об этом было заявлено 23 февраля 1945 г., всего за неделю до срока, установленного союзными державами, после которого страны, не сделавшие этого, не могли бы участвовать в создании Международной организации (будущей ООН).

В Турции понимали, что ее «игра на обе стороны», «балансирование» во время войны, ее цель быть в «добрых отношениях» и с Германией, и с союзниками, сохраняя позицию «вне войны», не являлись положительным фактором для союзников.

После символического объявления Турцией войны Германии Советский Союз, недовольный ее позицией во время войны, денонсировал 19 марта 1945 г. советско-турецкий договор 1925 г. «О дружбе и нейтралитете». Денонсация сопровождалась претензиями не только относительно режима Проливов. Когда в июне 1945 г. начались советско-турецкие переговоры о заключении нового договора, появились и нереальные территориальные претензии СССР к Турции с целью добиться согласия на создание совместной военной базы для охраны Проливов. Принимая турецкого посла Сарпера 7 июня, Молотов заявил о необходимости вернуть Советскому Союзу восточные вилайеты, которые «вы взяли у нас, когда мы были слабы»³⁰ Имелось в виду, скорее всего, установление по договору 1921 г. «О дружбе и братстве» границы с оставлением за Турцией трех вилайетов — Карса, Ардагана, Артвина, входивших ранее в состав Российской империи. Через три с половиной года после заявления Молотова в советской печати отмечалось: статьи Московского договора были проникнуты духом обоюдного доверия и сотрудничества сторон»³¹.

Турция отклонила советские требования. Переговоры зашли в тупик. Турцию поддержали Великобритания, США и Франция.

На Потсдамской конференции СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.) советские претензии к Турции были отклонены. Сталин и Молотов заявили, что так как Турция не согласна с советскими предложениями, то вопрос о заключении нового договора между двумя странами отпал.

Вместе с тем в Потсдаме Черчилль поддержал предложение относительно исправления Конвенции Монтрё, чтобы обеспечить СССР свободный и беспрепятственный проход через Проливы его торгового и военного флота как в мирное, так и в военное время³². А Сталин добивался согласия союзников на создание советской военной базы в Проливах или, так как союзники были против этого, какой-либо другой базы, где советский флот мог бы отстаивать права СССР³³ Из-за неперемного требования относительно создания военной базы вопрос о свободном проходе советских военных кораблей остался в стороне.

20 августа 1945 г. Турция обратилась за помощью к Великобритании и США. Она просила об американских гарантиях свободы прохода и охраны мира в районе Проливов, что выходило за рамки их режима. США не были участниками Конвенции о Проливах. Но США как-то

касались идеи об открытости Проливов для военных судов черноморских держав «во все времена», закрытости для военных судов нечерноморских держав при некоторых исключениях³⁴. Однако советское руководство не пыталось использовать это предположение и заняло прежнюю позицию.

Дискуссия по режиму Проливов продолжилась в 1946 г. В советских нотах 7 августа и 24 сентября говорилось, что режим Проливов не отвечает интересам безопасности черноморских держав и не обеспечивает условий, при которых предотвращалось бы использование Проливов во враждебных черноморским державам целях. Советские предложения заключались в следующем: Проливы всегда должны быть открыты для военных судов черноморских стран; Проливы должны быть закрыты для военных судов нечерноморских стран, за исключением особых случаев; режим черноморских Проливов устанавливается Турцией и черноморскими державами; Турция и Советский Союз совместно организуют оборону Проливов³⁵

Проблема Проливов вновь обострилась. Бывшие союзники СССР заняли непримиримую позицию. Они не согласились с СССР по ряду важных вопросов. Характерно, что ответные ноты Советскому Союзу приходили сперва от США, Великобритании, а потом от Турции. Смысл их заключался в следующем: режим проливов должен определяться с участием и нечерноморских стран; Турция должна сама отвечать за защиту Проливов; в случае агрессии или угрозы агрессии потребуются действия Совета Безопасности Организации Объединенных Наций³⁶.

Обмен нотами между СССР, США, Великобританией (свое мнение выразила и Франция) и Турцией ни к чему не привел и прекратился в 1946 г., что в Турции воспринимается как завершение для нее Второй мировой войны. Дискуссия по Проливам подорвала отношения между Турцией и СССР. Отношения между ними стали нормализовываться после 1953 г., когда 30 мая СССР заявил об отказе Армении и Грузии от территориальных претензий к Турции и об изменении СССР своего мнения по вопросу о Проливах.

¹ Россия и Черноморские проливы. М., 1999, с. 405–436.

² Olaylarla Türk Dış politikası. 7 Baskı. Ankara, 1989, с. 143.

³ Çağdaş Türk Diplomasisi: 200 Yıllık Süreç. Ankara, 1997, с. 345.

⁴ İsmail Soysal. Tarihçeleri ve açıklamaları ile birlikte Türkiyenin Siyasal Andlaşmaları, 1. Cilt. Ankara, 1983, с. 592–593.

⁵ Документы внешней политики. 1939. Кн. 2. М., 1992, с. 148, 170 (далее ДВП).

⁶ Atatürk'ün Söylev ve Demeçleri. I–III. Ankara, 1989, с. 133–135.

⁷ The Turkish Yearbook of International Relations. Ankara, 2002, XXXIII, с. 288–289.

⁸ Некрич А.М. 1941, 22 июня. М., 1995, с. 98; Selim Deringil. Denge Oyunu. İstanbul, 1994.

⁹ Gotthard Jaeschke, Türkiye Kronolojisi (1938–1945). Ankara, 1990, с. 37.

¹⁰ Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. Л., 1989, с. 388.

¹¹ Там же, с. 392.

- ¹² Çağdaş Türk Diplomasisi, с. 346.
- ¹³ Некрич А.М. Указ. соч., с. 64.
- ¹⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. М., 1946, с. 145–146.
- ¹⁵ Şevket Süreyya Aydemir. İkinci Adam. İkinci Cilt (1938–1950). İstanbul, 1979, с. 161.
- ¹⁶ Там же, с. 162.
- ¹⁷ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. М., 1957, с. 20, 21, 23, 25.
- ¹⁸ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 05, оп. 5, п. 31, д. 368, л. 30 (далее АВП РФ).
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Переписка Председателя Совета Министров, с. 89, 91, 95–96.
- ²¹ Из бесед с турецким журналистом и историком Ахмедом Шюкрю Эсмером и историком Бекиром Сыткы Байкалом.
- ²² Россия и Черноморские проливы, с. 457.
- ²³ Türkiye Dış Politikasında 50 Yıl. İkinci Dünya Savaşı Yılları (1939–1946). Ankara.
- ²⁴ The Turkish Yearbook, с. 289.
- ²⁵ Kâmuran Gürün. Savaşın Dünya ve Türkiye. Savaş 1939–1945. İstanbul, 2002, с. 627.
- ²⁶ Переписка Председателя Совета Министров, с. 241.
- ²⁷ Еремеев Д.Е. Турция в годы Второй мировой и «холодной» войн. М., 2005, с. 38.
- ²⁸ АВП РФ. Ф. 06, оп. 6, п. 51, д. 700, л. 4, 5, 31, 36.
- ²⁹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945. Сборник документов. Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М., 1984, с. 468.
- ³⁰ Feridum Cemal Erkin. Dışişlerinde 34 Yıl. Anılar-Yorumlar. 1. Cilt. Ankara, 1980, с. 147–149.
- ³¹ Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции. М.–Л., 1948, с. 113.
- ³² Советский Союз на международных конференциях... Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция. М., 1984, с. 150–151, 175.
- ³³ Там же, с. 137, 148, 149.
- ³⁴ Ferenc A. Váli. The Turkish Straits and NATO. Standford, 1972, с. 244–246; Fahir Armaoğlu. Belgelerle Türk-Amerikan münasebetleri. Ankara, 1991, с. 141–142.
- ³⁵ Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 6, с. 458–460, 664–670.
- ³⁶ Ferenc A. Váli. Указ. соч., с. 250–252, 255–265, 278–297; Fahir Armaoğlu. Указ. соч., с. 148–149; Feridum Cemal Erkin. Türk-Sovyet ilişkileri ve Boğazlar meselesi. Ankara, 1968, с. 416–422, 429–440; Советский Союз на международных конференциях... Т. 6, с. 151.

«БЕЛЫЕ РУССКИЕ» И КЕМАЛИСТСКАЯ ВЛАСТЬ

О послереволюционной русской эмиграции написано много, особенно непосредственными участниками этой исторической трагедии. При этом книги тех, кто в разные годы вернулся на родину, существенно отличаются от публикаций тех, кто остался. По понятным причинам, написанное вернувшимися идеологизировано и тенденциозно. Расхождения же в оценках одних и тех же событий и лиц, к ним причастных, ставят исследователя, стремящегося к исторической достоверности, в сложное положение. Выход один — находить документы и опираться на них, не исключая, естественно, при этом выверенной мемуарной и исследовательской литературы.

С 90-х гг. XX в. интерес к проблемам послереволюционной русской эмиграции заметно возрос. Появились серьезные публикации. В их числе и документированные работы по русской эмиграции в Турции. Но речь в них идет главным образом о военной эмиграции, и Турция лишь обозначена как территория, на которой происходят события. Расширить круг проблем и ввести в него Турцию как субъект истории, видимо, дело турколога.

Статья, которая предлагается вниманию читателя, основана исключительно на архивных документах. В них впервые изложена политика кемалистской власти по вопросу русских эмигрантов, или «белых русских» («безз руслар»), как их называли и называют в Турции. Замечу, что, в соответствии с международной правовой классификацией, в документах Лиги Наций и в архивных документах так называемые «белые русские» значатся как беженцы.

Короткая история русского беженства в Турции началась в 1918 г., когда Добровольческая армия генерала А. И. Деникина оставила Одессу и Константинополь (именно так называется в эмигрантских документах столица Османской империи) принял первый поток беженцев, состоящий преимущественно из гражданских лиц. Вторая волна беженцев последовала в 1919 г., после тяжелой эвакуации из Новороссийска и повторной сдачи Одессы. Третья, самая большая волна, пришла в 1920 г., когда Добровольческая армия, уже под командованием генерала Н. П. Врангеля, была вынуждена оставить свой последний оплот — Крым. Эвакуация из Севастополя, Керчи, Феодосии, Евпатории, в отличие от предыдущих эвакуаций, была спланирована и организовано проведена с 11 по 15 ноября. Именно столько дней на корабли, в соот-

ветствии с составленными списками, грузились армейские солдаты и офицеры, а также дивизии донских, кубанских и терских казаков. На борт были взяты и все гражданские лица, пожелавшие покинуть Россию. Последние корабли ушли из портов Крыма 17 ноября. Условия перехода были крайне тяжелыми.

К 23 ноября 1920 г. 126 перегруженных кораблей под российскими, французскими и английскими флагами встали на рейд в Босфоре и Мраморном море в районе Модá. На них было вывезено 145 693 человека, не считая судовых команд. В том числе около 50 тыс. чинов армии, свыше 6 тыс. раненых, остальные — служащие различных учреждений и гражданские лица, среди них около 7 тыс. женщин и детей. Армию переправили на полуостров Галлиполи, казаков разместили в разных районах, включая Чаталджу, позже собрали всех на греческом острове Лемнос. Следует иметь в виду, что одновременно в Константинополь непрерывно пребывали небольшие самостоятельные группы беженцев. В результате в городе и его окрестностях скопилось до 100 тыс. российских гражданских лиц.

Точное число россиян, прошедших через Константинополь, неизвестно, предположительно — 200 тыс. Беженцы, располагавшие средствами и необходимыми документами, не задерживаясь, следовали дальше, в Европу. Кто-то остался на короткое время, кто-то надолго, а кто-то навсегда.

Отток беженцев начался в 1921 г. Армия и казаки покинули Турцию к 1922 г. В период интенсивной миграции — это три последующих года (1923–1925) — из Константинополя и его окрестностей уехало до 60 тыс. русских. В дальнейшем беженская масса непрерывно таяла, и к 1928 г. в Константинополе осталось менее 3 тыс. человек. Те, кто остался, могли жить относительно сносно. Считается, что к этому времени их положение было лучше, чем большинства русских беженцев в других странах.

Численность беженцев из России на территории, подконтрольной администрации стран Антанты, пусть с погрешностями, но все же можно было учесть благодаря переписи, которую время от времени проводило Международное Бюро труда при Лиге Наций. Что же касается россиян, бежавших в Турцию через Батуми и разметавшихся на просторах Анатолии от ее восточных границ до берегов Босфора, то сведения об их численности никогда не публиковались, хотя не исключено, что они известны по переписи населения Турции 1927 г. Более того, об этой части российских беженцев — а их были тысячи — вообще никогда ничего не публиковалось. Удалось обнаружить лишь скромные, но весьма ценные документы в Государственном архиве Российской Федерации.

Документы позволяют предположить, что именно по причине большого потока беженцев, хлынувшего начиная с 1919 г. через кавказскую границу, Великое Национальное Собрание Турции 6 сентября 1922 г. приняло постановление ограничить срок пребывания «белых

русских» на территории Турции пятью годами, то есть до 6 сентября 1927 г. Тогда же беженцы были лишены права передвигаться по стране без специального разрешения и повторно въезжать в страну в случае выезда из нее. Но зато получили возможность использовать свои профессиональные знания — работать в качестве врача, адвоката, инженера, даже чиновника и т.д.

В анатолийской беженской среде отсутствовал антагонизм, хотя эта масса была многонациональной (русские, армяне, евреи, грузины, татары, черкесы, осетины), конфессионально и политически неоднородной. Не было в Анатолии и так называемых белоэмигрантских организаций. Всех объединяло неприятие власти большевиков.

По свидетельству очевидцев, беженцы проявляли трудолюбие, законопослушание, уважение к местным нравам и обычаям. Власть и население, в свою очередь, выражали им сочувствие и оказывали бескорыстную помощь. Россияне месяцами жили в семьях турок и лазов, которые обеспечивали их всем необходимым, помогали найти работу или уехать в Константинополь на поиск родственников.

Когда в Трабзоне ожидали приезда Кемаля, губернатор-вали приказал найти русского шофера для обслуживания высокого гостя, поскольку русские зарекомендовали себя непревзойденными водителями. Нашли. Это был Гавриил Федорович Степаненко, в прошлом матрос Черноморского подводного флота (с 1928 г. он жил в Белграде). В течение всего пребывания президента Турции в Трабзоне Гавриил Степаненко исполнял обязанности его личного водителя.

Тот же трабзонский вали Рушди-бей телеграммой пригласил в гости русских офицеров-беженцев, находившихся в селении Хопа. Когда Рушди-бею доложили, что приглашенные не могут прибыть, так как не располагают средствами на дорогу, вали тотчас телеграфировал своим подчиненным, приказав им послать за русскими офицерами специальный катер. В трабзонском порту русских военных встретил турецкий офицер. Он приветствовал прибывших от имени вали, затем доставил в гостиницу, где их ждали представители местной военной администрации. Беженцев разместили в комфортных номерах и в течение месяца обслуживали как личных гостей губернатора. При отъезде, в очень деликатной форме, им была оказана материальная помощь.

В то же время кемалистская власть, по соображениям национальной безопасности, испытывала естественную озабоченность скоплением чужеземцев на приграничной территории. По тем же мотивам сложившаяся ситуация не устраивала и Москву. Дипломатические отношения с Москвой Турция установила вслед за подписанием 16 марта 1921 г. Договора о дружбе и братстве. Так что интересы Анкары и Москвы в данном вопросе совпадали. Не без подсказки Москвы турки принялись энергично переселять беженцев, не принявших Советскую власть, подальше от границы — в Эскишехир, Амасью, Кайсери, Костамону и т.д. Переселяли и беженцев-мусульман, хотя сразу по прибытии им выдавали удостоверения личности, так называемые «весика»,

которыми обладали лишь турецкие граждане. Выселяли и русских — жителей Карса, даже родившихся в этом городе-крепости. Староверы и молокане, укоренившиеся здесь с давних времен, предпочли самовольно покинуть страну. Их процветающие села опустели.

В вопросе переселения русских беженцев, а заодно и русских жителей турки руководствовались своими собственными интересами стратегического характера. Однако их кардинальные меры не распространялись на всех беженцев без исключения, в частности на тех, чьи антибольшевистские настроения им были хорошо известны. Отмечались даже случаи, когда турки предупреждали беженцев, если тем грозили неприятности со стороны советских представителей в Турции.

С распространением кемалистской власти на Константинополь (это произошло 6 октября 1923 г.) посольство Российской империи самоликвидировалось, перестали функционировать многочисленные эмигрантские и связанные с ними международные организации. Сохранились лишь представительство Международного Красного Креста и «Организация помощи и содействия русским беженцам», которая обладала правом выдавать беженцам свидетельства о российском подданстве. Кемалистская власть признавала эти документы. Без них нельзя было получить «весика». В ноябре 1926 г. по обвинению в связях с англичанами неожиданно был арестован и затем выслан из страны руководитель «Организации помощи и содействия русским беженцам». По аналогичному обвинению был выслан и ряд других российских граждан, причастных к эмигрантским организациям. С этого момента в прессе открылась кампания, направленная против оставшихся «белых русских». Она усилилась с приближением 6 сентября 1927 г., то есть даты окончания пятилетнего срока пребывания беженцев в Турции. Газеты «Акшам», «Джумхуриет», «Миллиет» систематически помещали публикации, дискредитировавшие русских. Их обвиняли в порочном влиянии на местные нравы и семейные устои, в неблагодарности за оказанное гостеприимство, даже во враждебном отношении к республиканской власти и в критической оценке проводимых ею реформ. Те же газеты печатали романы с продолжением (тефрика), в которых беженцы изображались инициаторами реставрации монархии в Турции. Выдвигались требования к правительству ускорить выдворение «неблагодарных» и «неблагонадежных» русских и ни в коем случае не продлевать срок их пребывания в стране.

Мало у кого возникало сомнение в том, что хорошо продуманная и организованная кампания была инспирирована силами, которые располагали достаточными финансовыми возможностями и были заинтересованы в выдворении «белых русских» из Турции.

Однако стамбульская пресса не отличалась единомыслием. Были газеты, которые выражали противоположное мнение по вопросу беженцев. Это франкоязычная газета «Стамбул» Пьера Лагофа и влиятельная либеральная турецкая газета «Икдам» талантливого журналиста Ахмета Джевдета, который в одном из номеров писал: «Да не оторвет Господь Бог никого от родной земли! Нет большего бедствия и

душевного страдания, чем вынужденное скитание на чужбине. “Белым русским” досталась тяжкая доля. Судьба раскидала их по разным странам. Некоторые попали в нашу страну. И теперь, когда их здесь осталось меньше 3 тысяч, мы требуем их выдворения. Но зачем, в силу какой необходимости? Понять этого я не могу... Мы не сумели удержать прошедших через нашу землю русских — ученых, деятелей искусства, инженеров, высококвалифицированных специалистов — и потеряли великолепные, полезные кадры... Что значат эти 2–3 тысячи человек? Ни политического, ни экономического ущерба нанести нам они не могут». Далее Мехмет Джевдет говорит о великой русской культуре, литературе, музыке. Приводя примеры, с уважением отзывается о русских женщинах-беженцах, напоминает о традиционном турецком гостеприимстве и призывает власть отказаться от намерения выслать «этих образованных, воспитанных, полных жизненной энергии людей, способных принести Турции большую пользу»*

Действительно, к этому времени «белые русские» не были бременем для Турции. Не имея никакой поддержки, в результате лишь собственных усилий, они обрели социально-экономическую устойчивость, были уже не обреченными на нищенство беженцами, а активными участниками деловой, производительной жизни турецкого общества, к тому же людьми законопослушными и далекими от политики.

Турецкие власти и лично Кемаль оказались в затруднительном положении. С одной стороны, они не хотели предпринимать резких шагов против русских, с другой — не могли отказать Москве, которая через своих представителей в Турции настоятельно предлагала освободить страну от русских беженцев. Надо помнить, что кемалисты многим были обязаны Советской России и что отношения с Москвой в этот период были главным направлением их внешней политики. Тем не менее кемалистское правительство все-таки продлило срок пребывания «белых русских» в Турции до 6 февраля 1928 г., правда ценой выдворения в двухнедельный срок 56 человек. Соответствующий список был получен из советского представительства в Анкаре и переслан в Стамбул представителю Международного Красного Креста и стамбульской полиции. Но полиция с исполнением полученного предписания не торопилась.

Поскольку продление срока пребывания дополнялось оговоркой, что это последнее продление, «белые русские» начали покидать и Стамбул, и Анатолию, хотя личного повода для перемены места жительства у них уже не было.

С целью окончательного решения «русского вопроса» в Турцию прибыл руководитель Международного Бюро труда при Лиге Наций доктор Шлиммер. Бюро было призвано защищать интересы любых беженцев, а в случае необходимости — заниматься их расселением по

* ГАРФ, ф. 6821, оп. 1, ед. хр. 1, с. 23.

разным странам, что в намерения Шлиммера, по всей вероятности, не входило ввиду чрезвычайной сложности этого дела.

Тут наметилась новая коллизия. Турция не являлась членом Лиги Наций, и единственным вопросом, по которому она контактировала с этой международной организацией, был вопрос беженцев. Советский Союз тоже не был членом Лиги Наций, но, в отличие от Турции, и не собирался им стать. Оказывая давление на Анкару по делу беженцев, Москва рассчитывала не только очистить соседнее государство от лиц, не принявших революцию, но и внести напряжение в отношения Турции с Лигой Наций.

В ходе сложных переговоров Шлиммера с представителями турецкого правительства удалось найти компромиссное решение — отсрочить выдворение «белых русских» еще на один год, то есть до 6 февраля 1929 г.

Можно предположить, что вмешательство Лиги Наций было на руку туркам. Они получили возможность выглядеть перед Москвой вынужденными принять вариант, обговоренный с международным органом. Те же, кто решил уехать из Турции (их было около 1500 человек), могли не спеша выбрать новое место жительства, предложенное Лигой Наций: Аргентину, Парагвай, Уругвай и другие страны, не лучшие для русского человека.

Решение о выдворении «белых русских» к 6 февраля 1929 г. Кемаль «отредактировал». Тем, кто не захотел покинуть его страну, он предложил принять турецкое гражданство.

Так была решена проблема «белых русских» и закончена недолгая история русской эмиграции в Турции.

ТУРЕЦКИЙ ПАНИСЛАМИЗМ И РОССИЙСКИЙ КАВКАЗ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

Известно, что в годы заката Османской империи ее государственной идеологией оставался османизм. Его положения были продекларированы в первом фирмане танзимата в 1839 г., уточнены во втором — в 1856 г., закреплены в конституции 1876 г. и подтверждены в новой редакции этой конституции уже при младотурках в 1908 г. В этих документах провозглашена идея единого османского народа, приветствовались одновременно и европеизация, и равенство этносов и религий в империи, и ислам в качестве государственной религии, и процветание империи как мусульманского государства.

Первый из фирманов танзимата, Гюльханейский хатт-и хюмаюн 1839 г., начинался со следующих слов: «С момента возникновения Османского государства благодаря его безусловной приверженности шариату Султанат оставался сильным, а его народ — счастливым. Однако ввиду того, что за последние 150 лет не соблюдались шариат и законы, прежние сила и богатство обернулись бессилием и нищетой. Истина состоит в том, что страны, которые не придерживаются законов шариата, не могут оставаться на ногах...» Особо был упомянут принцип равенства мусульман и немусульман, правда со ссылкой на шариат: «...согласно шариатскому праву, нами гарантируется всему народу страны, что этими мерами по защите жизни, чести и достоинства будут пользоваться все без исключения подданные, как мусульмане, так и другие миллеты (религиозные общины. — Н.К.)...»¹

К концу XIX в. выяснилось, что данные обещания в рамках танзимата не были выполнены. К. Маркс, внимательный свидетель бурных событий в Османской империи, писал в нью-йоркской газете в 1854 г., что «турецкое государство, как все восточные государства, имеет своей основой теснейшее переплетение и чуть ли не отождествление государства и церкви, политики и религии. Коран является для Турецкой империи и ее правителей одновременно источником веры и закона. Но возможно ли уравнивать в правах перед Кораном правоверного и гяура, мусульманина и райю? Это непременно означало бы на деле — заменить Коран новым гражданским кодексом, другими словами означало бы — разрушить структуру турецкого общества и создать на его развалинах новый порядок вещей»².

Получается, что османская европеизация не мыслилась без сохранения основ шариата, и в целом государственная идеология империи во второй половине XIX в. эволюционировала во все более противоречивом направлении. Побывавший в эти годы в Стамбуле итальянский художник Эдмондо Д'Амичи пишет, например, что район Пера в Стамбуле — европейский город, «улица, по которой мы идем, окаймлена английскими и французскими отелями, богатыми кафе, яркими магазинами, театрами, консульствами, клубами, посольскими особняками, среди которых каменный дворец русского посольства возвышается словно крепость... Даже в мусульманских кварталах невооруженным взглядом можно видеть происходящие перемены, «прогресс реформаторов и сопротивление старых турок». «Старый негибаемый турок носит еще тюрбан, кафтан и традиционную обувь из желтого сафьяна, причем у самых негибаемых — самый большой тюрбан. Реформированный турок одет в длиннополое черное пальто и брюки со штрипками, как турка его выдает лишь феска»³

Вместе с тем Ахмет Джевдет-паша, глава комиссии по подготовке и публикации нового шестнадцатитомного гражданского кодекса — Меджелле (1868–1876) — отверг предложения о принятии за его основу французского гражданского кодекса. Он утверждал, что «заимствования из другой цивилизации должны соответствовать принципам шариата, который является краеугольным камнем исламской цивилизации»⁴.

Понятия «соотечественники-османы», «единая и неделимая» Османская империя, где нет отдельных народов и все являются османами, восприняли и младотурки, восстановив и модифицировав в 1908 г. турецкую конституцию. Пропаганда идей османизма усилилась в балканских и арабских провинциях. Можно допустить, что в период «весны» младотурецкой революции некоторым деятелям нетурецких буржуазно-национальных организаций казалось возможным «равноправное единение» всех народов Османской империи. Вспомним пестрый многонациональный состав парламента, восстановленного после режима Абдел-Хамида. По турецким источникам, из 323 депутатов 171 человек (52,9%) были турками. Вторая большая группа — 61 человек (18,9%) — была представлена арабами. Далее шли албанцы, греки, армяне, курды, сербы, болгары, евреи, друзы, марониты⁵

После балканских войн (1912–1913 гг.) младотурки, ввиду очевидных неудач с проповедью и насаждением османизма, все более предпочитают идеи тюркизма, оставаясь, разумеется, приверженцами ислама и политических форм его использования. Крах османизма трагически повлиял на судьбы многих турок в балканских странах. О невзгодах своей семьи писал известный поэт Яхья Кемаль Бейтлы (1884–1958). Родившись в Ускупе, он провел детство в обширных чифтликах своих родителей в Румелии, «в повороте к национализму большую роль сыграла утрата Турцией Румелии»⁶. В своих мемуарах он, в частности, пишет: «Наши соотечественники, стамбульцы, анатолийцы, ошибаются, когда привычно воспринимают румелийских турок как мухаджиров

В Скопье мы, турки, прожили 510 лет, с 1392 до 1894 г. Сербы здесь столько не прожили до того, как мы его завоевали. Да и города как такового здесь не было, а была небольшая деревня». «Греки все время наносят нам пощечины, и мы не можем им ответить... О боже, почему мы оказались в таком положении?»⁷

Халиде Эдип Адывар, активная участница многих событий того времени, пишет: «Я считаю время с 1910 до 1912 г. прелюдией перед тем, как я окончательно погрузилась в национализм, принявший интенсивную форму после бедствий Балканской войны... Если бы не эти события, мы никогда не смогли бы пробудиться и развиваться в очень восторженных националистов»⁸

Тема тюркизма, пантюркизма, пантуранизма — отдельная большая тема. Другим спасательным кругом стал ислам, произошла его политизация в духе того времени, когда были популярны концепции с приставкой «пан» — панславизм, пангерманизм.

Как уже было отмечено, распространенной точкой зрения исламистских интеллектуалов было убеждение, что исламская цивилизация и основанная на ней османская культура намного выше, нежели культура Запада. Поэтому они считали, что правильно будет, восприняв технологию Запада, сохранять осmano-исламскую цивилизацию. Исходя из этого и в условиях глубокого идейно-политического кризиса османизма, идеологи-исламисты XIX в. предложили концепцию панисламизма — религиозно-политической идеологии, в основе которой лежат представления о «единстве» и солидарности мусульман всего мира независимо от их государственной, расовой, национальной и социальной принадлежности и необходимости их сплочения в едином мусульманском государстве. Кратко и ясно формулирует эту концепцию турецкий словарь: «Панисламизм — политическое течение, цель которого — объединить под единым управлением всех мусульман»⁹

Турецкие авторы считают, что эту концепцию принял «на вооружение» как политическую доктрину Абдул-Хамид II с подачи известного религиозного философа афганского происхождения Джемалеттина Афгани (1838–1897), представившего султану записку о необходимости спасения исламского мира путем организации панисламистского движения¹⁰. Очевидно, что в тех условиях лозунг «иттихад-и ислам» был прежде всего мерой защиты империи, сохранения ее оставшейся территории. Более того, осознавая реальную угрозу дальнейших территориальных потерь, султан в качестве халифа мог претендовать на роль духовного вождя для мусульман на этих территориях, получение возможности пропаганды от Магриба до Китая, часто превращаемых европейцами в колонии, тормозить колонизацию все новых, нейтрализовать — в старых. В том числе и благодаря строительству мечетей¹¹.

В религиозной оболочке панисламизма можно было обновить и прежние, казалось, ушедшие идеи, например газават. Об этом свидетельствуют эпизоды из жизни отдельных персонажей медленно европеизирующегося османского общества начала нового XX в. В популяр-

ном романе Решата Нури Гюнтекина «Птичка певчая» его героиня, юная Фериде, окончив французский католический пансион в Стамбуле, намерена преподавать французский язык в женском педучилище. Вне дома, при посещении чиновников от просвещения она надевает чадру. В играх детей на улице в качестве бранных слышны слова «гяур», «дети гяуров». Один из чиновников, принимая в своем кабинете Фериду, высказывается в духе некоего «культурного газавата»: «Коль скоро европейцы переняли от арабов медицину, химию, астрономию, математику, почему же мы совершаем глупость и не заимствуем у них новые науки? Проникать в сокровищницу знаний и мудрости европейцев, захватывать их научные достижения — это законный грабеж. Он совершается не с помощью пушек и ружей, а всего-навсего только с помощью французского языка»¹².

Слово «газават» можно встретить даже в турецкой работе о Второй мировой войне. Как в Турции было воспринято сообщение о германском нападении на Советский Союз? Кочак пишет: «Германо-русская война породила в стране атмосферу праздника. Все сердца, память о пяти веках истории, начали биться в унисон с немецкими победами». Автор приводит и такой эпизод из мемуаров одного своего современника: «...в коридорах меджлиса я увидел министра Сараджоглу и сказал: “Поздравляю с политическим газаватом”, а в ответ услышал: “Поздравим всех нас”»¹³

Мотив газавата (джихада) громко и торжественно-официально прозвучал 11 ноября 1914 г., когда при поощрении и давлении Германии и младотурецкого триумvirата османский султан-халиф Мехмед Решат V объявил о вступлении империи в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии. Одновременно с султанским ираде Энвер-паша как вице-генералиссимус опубликовал и свое обращение к армии, выразив уверенность, что «враги будут разгромлены» истинными сынами героев османского прошлого ибо победа, слава, героическая смерть и райское блаженство — все это для тех, кто идет вперед»¹⁴.

В воззвании младотурецкого правительства было сказано: «Наше участие в мировой войне оправдывается нашим национальным идеалом, который ведет нас к уничтожению нашего московского врага, чтобы благодаря этому установить естественные границы нашей империи, включить и объединить все ветви нашей расы»¹⁵ Последующие несколько фетв разъясняли, что все мусульмане должны бороться с неверными стран Антанты, в то время как Германия и Австрия являются опорой и защитой ислама. Однако вскоре стало очевидно, что в такой «джихад» не поверили мусульмане ни России, ни арабских территорий и государств. В Мекке местный лидер арабов объявил свой джихад — против младотурок и немцев, призвав поддержать «подлинных защитников ислама» — англичан.

Через три недели, 23 ноября 1914 г., в мечети Фатих в присутствии знатных улемов, шейхов цехов была оглашена фетва шейх уль-ислама, подтверждавшая, что вступление в войну отвечает шариату, провоз-

глашен был Великий Джихад (Cihad-ı Ekber) и наступательная политика панисламизма была уже введена в действие.

Турецкий историк Метин Хюлягю отмечал: «Таким объявлением османское правительство намеревалось буквально взбудоражить религиозные чувства всех мусульман, как подданных империи, так и тех, кто проживал под властью вражеских государств, Франции, Англии и России». Автор пишет о хорошо организованной пропаганде Великого Джихада: текст документа был опубликован в турецких газетах, затем переведен на арабский, персидский, урду, хинди, татарский языки, был повсюду распространен на европейских языках. Организовывались совместные турецко-германские делегации, с тем чтобы посетить мусульманские страны и поднять здесь исламские движения. «Во время войны агенты турецко-германского союза вовсю внедряли официально и неофициально панисламистское движение по всему исламскому миру. В 1915 г. в Кабул прибыла Турецко-германская пропагандистская миссия и призвала включиться эмира Хабибуллу в движение Иттихад-и Ислам, радикальный сторонник политики панисламизма и пантуранизма Ахмет Агаоглу с целью пропаганды отправился в 1917 г. на Кавказ. Провозглашение халифом Великого Джихада произошло не только по требованию Германии, претворение в жизнь идеалов панисламизма и пантюркизма стало главной целью младотурок»¹⁶.

Трагические итоги участия Османской империи в Первой мировой войне известны, нет нужды их повторять. Уместно лишь напомнить об иттихадистском «Дранг нах Остен» на Кавказе. В декабре 1914 г. Сарыкамышская операция, длившаяся более двух недель, завершилась разгромом турецкой армии, но вернувшийся после этого в Стамбул Энвер-паша ограничил рассказ об операции одной фразой: «Мы нанесли врагу тяжелый удар!». После всего этого Энвер-паша сообщает находящемуся в Стамбуле генералу Лиману фон Сандерсу о своем огромном желании идти на этот раз на Афганистан, а затем в Индию. Он действительно приказывает генералу Казыму Карабекиру двигаться из Тебриза через Решт к Тегерану и, заняв его, дальше — в направлении Индии¹⁷.

Стратегические планы Энвер-паши, рассчитанные на глобальную панисламистскую и пантюркистскую пропаганду в пользу турецких завоевательных походов, казалось бы, окончательно провалились, но 1917 г. принес участникам Первой мировой войны неожиданности глобального значения. Российская империя опередила «большого человека» Европы — в результате Февральской революции и Октябрьского переворота она раньше Османской империи ушла в небытие. Последовавшие за этим события — выход Советской России из войны, Брестский мир, Гражданская война, появление на кавказских границах Турции новых государств, провозгласивших независимость от Советской России, — все это возродило пантюркистские планы младотурок. Заключенный 3 марта 1918 г. сепаратный Брестский мир стал кабальным для Советской России. Она обязалась «незамедлительно» произвести

«полную демобилизацию своей армии, включая и войсковые части, вновь сформированные теперешним правительством».

Воспользовавшись ситуацией, нарушив букву и дух Брестского мира, турецкая армия «по-своему стала разбираться» с кавказскими республиками. В середине февраля 1918 г. она перешла в наступление по всему Кавказскому фронту. Ей пытались противостоять армянские и грузинские национальные части, заменившие русские войска, оставившие фронт по условиям Брестского договора. В конце апреля султанские войска заняли Карс, затем Батум.

В мае 1918 г. в Стамбул прибыла «специальная полномочная делегация» Северного Кавказа под председательством Абдулмеджида Чермоя и Хайдара Баммата. По окончании переговоров с турецким правительством Исполнительный Комитет Союза Северного Кавказа 11 мая 1918 г. провозгласил независимость Северного Кавказа. 12 мая 1918 г. в Стамбуле было опубликовано обращение правительства Северного Кавказа к Османской империи, в котором сообщалось, что «мусульманский народ Северного Кавказа охвачен желанием подписать мирный договор с Великим исламским халифатом — Высоким Османским Султанатом», содержалась просьба «немедленно оказать военную и политическую помощь... молодой северокавказской власти», направить ей «достаточно подготовленную и оснащенную военную силу»¹⁸.

К июню 1918 г. турецкие войска захватили Гянджу, сформировали здесь «правительство Азербайджана» и «Кавказскую армию ислама» под командованием брата Энвера — Нури-паши. Турецкий исследователь Джемаль Анадол пишет: «...в Дагестан через горы прибыл военный отряд под командованием Исмаила Хаккы Беркока в составе 74 офицеров и 577 младших офицеров». Он стал начальником штаба созданного им здесь Северокавказского корпуса. 15 сентября 1918 г. «турецкие войска спасли Баку, битва за него продолжалась 36 часов». 20 сентября 1918 г. Москва аннулировала Брестский договор в части, касающейся Турции.

Именно в это время в Стамбуле было образовано «Общество Северного Кавказа», которое «получало материальную помощь от правительства иттихада, прежде всего от Энвера». После перемирия оно именовалось «Общество мухаджиров Северного Кавказа». Общество было ответственно за политику Турции на Кавказе, его члены были мало кому известны и подчинялись Энверу-паше и Талаату-паше, причем первый был приверженцем идей исламизма, второй — национализма. «Очевидно поэтому “Общество Кавказа” объединяло обе цели»¹⁹

После взятия Баку турецкие войска (их численность превышала 4 тыс. человек) под командованием Иззет-паши двинулись на Северный Кавказ. 10 октября при участии созданной там Северокавказской армии, вместе с А. Чермоем и командующим кавказским исламским войском Нури-пашой, турки вошли в Дербент. «С 13 октября 1918 г. семизвездный национальный флаг стал развеваться над городом. Последовал жесткий ультиматум А. Чермоя белым русским в Петровске

(Махачкала. — Н.К.) — очистить город. 7 ноября после жестокого сражения Петровск был спасен — взят». «Двести лет ожидавшие от Османского государства помощи и внимания кавказцы впервые своими глазами увидели, как сражаются с русскими храбрые, пришедшие сюда с добрыми намерениями, турецкие солдаты. От всего этого кавказцы испытали чувство огромной гордости и ликования». Командующему турецкими вооруженными силами Иззет-паше и его штабу «были предоставлены широкие полномочия для установления прочного сотрудничества с национальным правительством во имя быстрейшего утверждения Северного Кавказа в его естественных границах».

Таким образом, продолжает Джемаль Анадол, «благодаря героической турецкой армии как белые, так и красные русские войска были изгнаны с большей части территории Северного Кавказа, турецкая армия и национальные силы овладели положением... Руками турецких специалистов в Дагестане начали создаваться полки Шамиля. В Дагестане был упрочен национальный авторитет... Однако на западе Северного Кавказа и в районах Кубани постепенно обстановка обострялась. Чтобы навести там порядок, требовались меры военного характера. Но в это время пришла горькая весть из Стамбула — приказано было немедленно вывести турецкие войска из Кавказа». 30 октября 1918 г. было подписано Мудросское перемирие. 28 декабря 1918 г. «турецкая армия, так и не выполнив своей задачи, покинула Северный Кавказ, провожаемая печальными взглядами местного населения»²⁰

Интервенция в Закавказье истощила последние силы Османской империи и, несомненно, ускорила разгром Турции в Первой мировой войне. С середины сентября и в октябре 1918 г. войска Антанты вместе с арабскими повстанцами нанесли ряд крупных поражений турецким войскам и изгнали их из Месопотамии, Палестины и Сирии.

Мудросское перемирие завершило военные действия между Антантой и Турцией в Первой мировой войне. Оно позволило союзникам, прежде всего англичанам, не только довершить оккупацию территории империи и таким образом установить контроль над Ближним Востоком, его коммуникациями и природными (в том числе нефтяными) ресурсами, но и организовать интервенцию в Советскую Россию, активно вмешаться в начавшуюся там гражданскую войну. Так, 3 ноября английские войска оккупировали район Мосула, а 10 ноября французские и английские военные корабли вошли в Новороссийск. После девяти месяцев турецкой оккупации в середине ноября 1918 г. англичане заняли Батум, потребовав от турецкого командования очистить к середине января русское Закавказье до границ 1914 г.

Турецкие войска в Баку сменились английскими под командованием генерала Томсона; посланный на Северный Кавказ полковник Раулинсон практически признал правительство Северного Кавказа, его примеру последовали Грузия, Армения и Азербайджан. В декабре 1918 г. на Северном Кавказе было создано правительство Пшимахо Кошока. Делегация в составе А. Чермоя, Ибрагима Хайдароглу и д-ра Хазара

Кофтана вместе с другими делегациями Кавказа отправилась в Париж. В Европе уже находился Хайдар Баммат. Пока делегация пребывала в Париже, на Северном Кавказе сменялась местная власть и вожди, создавались военные кабинеты, «кавказцы оборонялись и от большевиков, и от денкинцев».

Фактически дело шло к исполнению давней мечты британских властей — установлению на Ближнем Востоке гегемонии Англии, располагавшей здесь наибольшими военными силами и стремившейся отдалить других союзников от участия в контроле над регионом.

2 ноября 1918 г. недавний правящий триумvirат султанского правительства — младотурецкие лидеры Энвер-паша, Талаат-паша и Джемаль-паша бежали из Стамбула со своими ближайшими соратниками на немецком корабле в Германию.

С оккупацией Турции и ее проливов Антанта получила дополнительную возможность активно вмешиваться в события не только в Анатолии, Восточном Средиземноморье, на Ближнем Востоке и Балканах, но также и на юге России, включая Крым, Кавказ и Прикаспийский регион. Эту возможность в максимальной степени стремились реализовать прежде всего британские войска. В своих мемуарах генерал А. И. Деникин пишет, что, перейдя в этом обширном регионе к активным боевым действиям, англичане и французы разделили его некой линией, «она проходила от Босфора через Керченский пролив к устью Дона и далее по Дону на Царицын». Из его слов очевидно, какие огромные возможности получили, овладев Стамбулом и проливами, Анатолией, оккупанты в вопросах контроля и координации военных действий в огромном регионе Евразии, охватывающем юг России, Черноморский и Каспийский бассейны, Кавказ, Балканы и т.д.²¹

Любопытны оценки Деникиным настроения и поведения различных политических групп, выступавших от имени населения Северного Кавказа и Закавказья. У одних он видит готовность поддержать большевиков, других «тянуло к объединению с Турцией». Наиболее стойкой в борьбе с большевиками была, на его взгляд, «Дагестанская область». Именно здесь турецкая пропаганда давно «раздувала всемерно религиозный фанатизм и возбуждала туркофильские настроения; в край ввозилось в довольно большом количестве оружие и боевые припасы, и с середины мая в него проникали турецкие инструкторы и аскеры. Со 2 сентября 1918 г., когда турки заняли Баку, эта связь значительно упрочилась, в Дагестане появились турецкие отряды, и в результате соглашения турки обещали направить туда дивизию». «Все дороги, ведущие из России в Азербайджан и Анатолию, проходят через Северный Кавказ, который должен поэтому находиться в надежных руках, — таков был лозунг «пантурского движения», воспринятый по преимуществу местной политиканствующей интеллигенцией». После капитуляции турок в ноябре 1918 г. «турецкие эшелоны спешно ушли на Баку и Тифлис. Их сменил полковник Роуленсон и небольшой английский отряд. Туркофильское настроение быстро ослабело, а имам Дагестана

Нажмудин Гойтинский вместо газавата стал проповедовать связь с единой Россией...»²².

Наиболее удобным центром руководства Антантой двойной операцией — интервенцией в Турцию и Советскую Россию — стал Стамбул.

Вместе с тем Стамбул сохранял, как бы нелегально, роль и другого, давнего иттихадистского центра — по координации панисламистской и пантюркистской деятельности на Кавказе. При этом панисламисты и пантюркисты ссылались на особые причины: «Между Османским государством и народами Северного Кавказа отношения носили родственный характер. Османская власть совершила незабываемую ошибку, когда во время Крымской войны 1853 г. имам Шамиль, сражаясь на Северном Кавказе с русскими войсками, установил связь с османской армией, но никаких результатов достигнуто не было и даже по мирному договору не было получено ни одной крепости»²³

Деникин свидетельствует, что после прибытия англичан на Кавказ они потребовали от деникинских войск воевать с большевиками, а не вмешиваться в дела Кавказа, «...за этим стояло твердое намерение поддержать независимость Горской республики и других провозглашенных республик... Англичанами пресекались все попытки денинской армии действовать самостоятельно. Так, 1 февраля 1919 г. генералу Деникину напомнили, что «последний не должен вмешиваться в район к югу от линии Кизил-Бурун — Закаталы — Кавказский горный хребет — Туапсе». «Таким образом, — пишет Деникин, — устанавливалась английская оккупация всего Закавказья. Ввиду того что Англия, вопреки первоначальным заявлениям, отказалась двинуть свои войска против большевиков, а территория Закавказья была уже свободна от турок и германцев, такое решение лишено было всяких стратегических обоснований. Оно могло быть продиктовано мотивами только политико-экономическими: грузинский марганец, бакинская нефть и нефтепровод Баку — Тифлис — Батум сами по себе определяли вехи английской политики и английского распространения. Но этим обстоятельством далеко еще не исчерпывалось значение и ценность Закавказья. На очереди стояло объявление английского протектората над Персией, и Закавказье являлось естественной преградой против России и территорией, по которой пролегают пути, идущие из северной Персии к открытому морю, через главный выход Батум... Генерал Томсон, заняв одним батальоном Петровск (Махачкала. — *Н.К.*), продолжал оказывать моральную поддержку горскому правительству и принимал реальные меры к вытеснению русского влияния и русских формирований с Прикаспия», «все русские заводы, железные дороги и учреждения перешли к Азербайджану и что смотреть на Баку и Дагестан как на нашу (русскую) базу мы не можем»²⁴.

Оценивая сложные перипетии борьбы различных политических сил за Кавказ после драматических событий октября 1917 г., мы приходим к убеждению, сколь настойчиво и целеустремленно, до самых последних дней пребывания у власти, стремилась вмешаться в эти события

младотурецкая верхушка, сначала легально, а при англичанах — нелегально. Возникает даже предположение, что она рассматривала Кавказ как некую запасную территорию для реализации своих пантюркистских и панисламистских идеалов и после краха империи. Ведь очевидно, что и после подписания перемирия 30 октября 1918 г. некоторые высшие военные чины младотурок нашли там не просто убежище, а немалое число сторонников и сподвижников.

В августе-сентябре 1919 г. английские войска покинули Азербайджан и Грузию, но оккупационный отряд занимал еще Батум, судьба области оставалась неопределенной, и ее генерал-губернатор Кук Коллис продолжал ту же политику, которая была так характерна для английской оккупации в Закавказье.

Любопытно и упоминание Деникиным в этот период первых шагов кемалистов — они еще не в Анкаре, а «на пути», в Эрзуруме. Автор не отделяет их от младотурок, когда пишет, что «Эрзерум (правительство Кемаль-паши. — *Н.К.*), при помощи посещавшего часто Баку и оказывавшего сильное влияние на азербайджанское правительство Нури-паши, проводил идеи панисламизма и пантюркизма. Азербайджан, поддерживая первую идею, не с таким уж пылом относился ко второй, предпочитая союз вассальной зависимости и открыто ставя ближайшей своей целью “присоединение родственного Дагестана”».

Когда Мустафа Кемаль 27 декабря 1919 г. прибыл со своими сподвижниками в Анкару, на улицы этого тогда небольшого города вышло много людей — и ремесленники, и крестьяне из окрестных деревень, и не признававшие никакой власти участники повстанческих отрядов, и дервиши, и учащиеся. Отдельную группу встречающих составляли религиозные деятели во главе с муфтием города. Султанская власть в оккупированном Стамбуле предприняла немалые усилия к тому, чтобы подорвать доверие населения Анатолии к новой власти, обратившись при этом и к помощи религиозного руководства империи. Так, 10 апреля 1920 г. шейх уль-ислам Дюрризаде Абдуллах огласил фетву, в которой националистические силы были объявлены неверующими, и что это обязывает верующих убивать их. В ответ на это муфтий Анкары Рифат-эфенди огласил свою фетву, в которой объявлялось, что халиф оказался заключенным у неверных, и обязанность подданных — спасти его и его паству, что фетва, выпущенная по воле вражеских государств, лишена законности. Его поддержали «сотни муфтиев и других религиозных деятелей».

Протестуя против насильственного роспуска османского парламента в Стамбуле, Представительный комитет во главе с М. Кемалем принял историческое, судьбоносное для Турции решение — созвать в Анкаре, штаб-квартире национального сопротивления, новый парламент, включив в него представителей последнего стамбульского парламента. Новый меджлис собрался в Анкаре 23 апреля 1920 г., в пятницу. Рабочие заседания ВНСТ начались 24 апреля. В этот день была оглашена декларация ВНСТ и депутаты принесли присягу на верность

«Национальному обету». Был избран президиум ВНСТ и его председатель — Мустафа Кемаль. Он оставался на этом посту до 29 октября 1923 г., когда Турция была провозглашена республикой, а Кемаль-паша избран ее президентом.

Между тем находящиеся в оккупированном Стамбуле иттихадистские военные вновь, уже в 1920 г., продемонстрировали свой интерес к Северному Кавказу. Об этом свидетельствовало намерение некоторых из них вновь отправиться на Кавказ, в Дагестан и Чечню. Под руководством Исмаила Хаккы Беркока упомянутое ранее «Общество Северного Кавказа», действующее под разными названиями со времен правления иттихадистов и активно ими поддерживаемое, организовало военную экспедицию (под видом этнографической) в Дагестан и Чечню с февраля по август 1920 г. В ее составе были султанские офицеры кавказского происхождения. Предполагалось, что они помогут своим соплеменникам на Северном Кавказе создать под руководством обосновавшегося в Тифлисе правительства Северного Кавказа независимую республику — ту, которая была провозглашена в Стамбуле в 1918 г. в обращении к султану²⁵

В состав миссии (целого отряда!) входили турецкие военные: упомянутый Исмаил Беркок (полковник османского генштаба), военные курсанты, солдаты. Формальная цель экспедиции — этнографическая (очевидно, для англичан, чтобы выбраться из Стамбула), о подлинной же, т.е. о возможностях и формах «освоения» Северного Кавказа, автор дневника «Кавказские воспоминания» и участник экспедиции Мустафа Бутбай пишет следующее:

1. Провозглашенные президентом Вильсоном принципы, в частности, предусматривали меры, которые касаются и народностей Кавказа — «необходимость признания великими державами права на независимость зависимых народов. Отсюда следовало — побудить горцев Кавказа, почти столетие сражающихся за независимость и свободу, воспользоваться представившейся возможностью».

2. «Поражение Турции в Первой мировой войне создало реальную угрозу захвата врагами наиболее важных частей страны и утраты свободы и независимости».

3. «Принять окончательное решение относительно позиции Кавказа. Чтобы не оставаться в неведении, туда следовало отправиться, чтобы убедить всех в безусловной необходимости создания там условий союза и совместного сотрудничества»²⁶.

Как пишет Мустафа Бутбай, отправка миссии была одобрена также и Мустафой Кемалем. Миссия отправилась 2 февраля 1920 г. из Стамбула на пароходе и ночью тайно высадилась под носом у англичан в Батуме, откуда добралась до Тифлиса, где находилось временное правительство Северного Кавказа. Далее, получив у этого правительства азербайджанские паспорта, она «следовала его директивам» — выехала поездом в Баку, где провела несколько дней, оттуда направилась к дагестанской границе и, перейдя ее, отправилась (где верхом, а где и

пешком) в многомесячное путешествие по селам и городам Дагестана и Чеченистана.

Автор «Кавказских воспоминаний» приводит множество названий населенных пунктов, в которых побывали турецкие офицеры — Куллар, Марага, Акуш, Шура Тимурхан (Буйнакск), Леваши, Ведено, Хунзак, Гуниб, Карачай, Сунтери, Дарго и др. Упомянуты и участники событий того времени, с которыми встречались, беседовали члены миссии — местные большевики, красноармейцы, муллы, племенные вожди, шейхи, турецкие солдаты и офицеры. В Акуше, например, состоялась встреча с Нури-пашой, братом Энвера. «Нури-паша пожелал нам успеха, оказал помощь. Он сообщил, что больше тяготеет к искусству, нежели к военным делам, но события принуждают его оставаться в горах Дагестана, причем расходы на его пребывание покрывает правительство Азербайджана... В настоящее время он не настроен резко к большевикам... Силы Нури состояли из горцев Ахушты и турецких солдат».

Мустафа Бутбай пишет, что в ходе поездки постепенно «выяснялась правда — уверения прибывающих в Стамбул посланцев с Кавказа в том, что уже почти создана власть независимого Северного Кавказа, не соответствуют действительности. Нет даже проекта правительства. Представители Кавказа есть по одному в Тифлисе и Баку, они находятся на содержании местных властей. Интеллектуальная элита Кавказа живет по городам страны и думает о том, чтобы обеспечить свое спокойствие и благополучие. Народ же — кто за меньшевиков, кто за большевиков и не понимает, что будет и что делать. Лишь вылавливают и ликвидируют беглых казаков»²⁷

Главной задачей миссии была организация «народного собрания, поскольку попытки руководства миссии способствовать созданию местной власти самими жителями успеха не имели». Самой активной фигурой миссии являлся полковник генштаба Исмаил Беркок — он давно «прославился среди горцев и известен повсюду», он советовал местным жителям и их вождям, как вести себя с большевиками, как организовать митинги в защиту независимости Северного Кавказа. Он и его спутники были активными участниками подготовки выборов в организуемый ими национальный меджлис. «На заседании в Ведено под председательством Исмаила Хаккы принято решение об избрании местного Милли меджлиса и временного правительства, таким образом район будет спасен от большевиков... в районе Сунтери (Центрой?) на горе Кайиш Курт соберется весь народ и примет окончательное решение». «Ведено будет спасено от большевиков и там будет резиденция нынешнего правительства».

Был подготовлен и черновик клятвы для членов национального курултая, его перевел на чеченский язык переводчик Исмаила-паши, сами члены миссии говорили по-турецки. В дневнике Мустафы Бутбая появляются следующие записи: «Дела непонятны, запутанны... Народ вполне самоотверженный, отважный, республиканец, но нет ничего

похожего на наличие своего мнения. Они как дети, ими надо управлять, руководить... Как же требуется несколько молодых людей, грамотных и решительных, способных показать путь широкому народному движению! Проклятье молодежи Северного Кавказа, помешавшейся на русской культуре!...»²⁸

К концу мая экспедиция решила возвращаться в Грузию, по горным тропам через перевалы. Вдоль р. Аргун они вышли к Итум Кале, оттуда вернулись в Грузию. В Тифлисе они узнали, что Азербайджан захвачен большевиками и «наступает очередь Грузии». Мустафа Бутбай констатирует: «Эти две республики так и не наладили сотрудничество; погнавшись за утопиями типа: Грузии — Трабзон и Абхазия, Азербайджану — Дагестан, они потеряли собственную страну». Он высказывает и другие советы недавним правящим кругам Азербайджана, Грузии, Северного Кавказа: следовало сплотиться и воспользоваться занятостью России; вместо этого они вернулись к своим прежним захватническим мечтам: Азербайджан — к Дагестану, Грузия — к Абхазии; «русский фантом обрушился на их головы и под этим мощным селом они были раздавлены и ушли в небытие».

В Тифлисе члены экспедиции встретились с министром иностранных дел «Республики Северного Кавказа», было высказано беспокойство по поводу отношения кемалистской власти к некоторым выходцам с Северного Кавказа. «Выяснилось, что в Анкаре относительно черкесов преобладает глубокое недовольство и подозрительность, отправляться сейчас туда — значит играть с огнем. Мы не были против анкарской власти... Вместе с тем наличие таких лиц, как мы, известных как горячих приверженцев создания в горах между Каспийским и Черным морями национального правительства, т.е. Республики Северного Кавказа, будет встречено с подозрением; и мы можем оказаться в опасности».

В Тифлисе Мустафа Бутбай также «случайно» встретил «прибывшего с двумя сирийскими чеченцами Саит-бея, внука Шамиля». Он отправлялся в Дагестан с теми же целями, что и миссия Бутбая Беркока — «пребывание там Саит-бея объединило бы воедино горцев, раздробленных на племена и поделенных между шейхами», они выступили бы «против русских как единая сплоченная сила»²⁹

Эти дневниковые записи позволяют предположить, что члены миссии старались создать в посещаемых ими местах впечатление, что они — «не совсем» турки и представляют интересы народов Кавказа, пытаются помочь им организовать сопротивление, обеспечить их независимость. И в то же время они — турецкие офицеры-патриоты — представляют дружественную страну и готовы всему этому содействовать как военные, как офицеры. Поэтому пребывание такого рода турецких отрядов на Кавказе они считали нормальным. Несомненно, идеи руководителя миссии во многом совпадали с младотурецкой концепцией о временном перенесении центра борьбы за турецкое государство в Азербайджан, Дагестан и Чечню.

Известно, что в это критическое для новых властей и в Москве, и в Анкаре время иттихадисты — Халиль-паша и Нури-паша — уговаривали Мустафу Кемалю и командующего кавказской армией К. Карабекира поддержать независимость кавказских республик, связывая с этим давние пантюркистские и панисламистские планы младотурок (они хорошо просматриваются и по дневнику Бутбая). Англичане же видели в такой независимости возможность реализации плана создания санитарного кордона между двумя революциями — большевистской и кемалистской. Об этом в феврале 1920 г. говорил в одном из своих отчетов М. Кемаль: ...государства Согласия имеют план прервать непосредственную связь между большевиками и турками, используя кавказские народы. Они признали независимость Азербайджана, Армении, Грузии, возможно, Северного Кавказа, а теперь, чтобы победить в войне с большевиками, они таким образом их поощряют и поддерживают... Если они этого добьются и превратят народы Кавказа в барьер против нас, если Турция окажется окруженной, все возможности нашей страны сопротивляться будут подорваны в корне. Проект превращения Кавказа в китайскую стену — это безусловно проект уничтожения Турции...»³⁰

Эти опасения не подтвердились, 11 апреля 1920 г. части Красной Армии сконцентрировались севернее азербайджанской границы и 26 апреля пересекли ее. Совпадение это или нет, но именно 26 апреля 1920 г. Мустафа Кемаль от имени ВНСТ обратился к председателю Совета народных комиссаров В.И. Ленину с письмом, в котором предлагалось установить дипломатические отношения с Советской Россией, высказывались как решимость «совместно с революционной Россией бороться против империализма», так и надежда новой Турции «на содействие Советской России в борьбе против напавших на Турцию империалистических врагов». Содействие, как известно, было немалым, но это уже другая тема.

Москва не ошиблась в том, на какого лидера в постимперской Турции сделать ставку — ведь в Германии не отказался от своих панисламистских планов другой претендент на власть в Турции — Энвер-паша. Правда, на этот раз он намерен был выступить в качестве «красного» вождя исламского мира, готового поддержать антиимпериалистическую борьбу большевиков. Энвер-паша посетил в берлинской тюрьме Карла Радека (в 1919–1924 гг. — член ЦК РКП(б); в 1920–1924 гг. — член Исполкома Коминтерна), и по его ходатайству Радек был освобожден. Они договорились о следующем: если Энвер-паша и его сторонники поднимут исламский мир на поддержку антиимпериалистической борьбы, то Радек убедит большевистское правительство поддержать турецкое сопротивление, т.е. сторонников Энвер-паши. При этом Нури-паше (брату Энвера), стоявшему во главе вооруженных сил Азербайджанской Республики, было предложено прекратить нападения на Красную Армию и начать с ней сотрудничество³¹. Первым отправился в Советскую Россию член «триумвирата» Джемаль-паша, а оставшийся в Германии Энвер-паша объявил себя сторонником идей Коминтерна и в

начале 1920 г. опубликовал ряд статей, призывающих к борьбе с колонизаторами.

В начале августа 1920 г. через Белосток Энвер-паша добрался до Москвы³². Организацией его приезда занимался Дзержинский, об этом визите знал Ленин. В Москве Энвер-паше и его «штабу» предоставили для проживания особняк князей Голицыных, а его миссия получила дипломатический статус. Ему периодически выдавались ссуды в 500 тыс. немецких марок, которые использовались для содержания «штаба», а также для поддержки организации «Каракол», продолжавшей снабжать сведениями сторонников Энвер-паши. Энвер-паша с помощью Радека установил контакты с рядом лиц в советском руководстве и побывал на приемах у Ленина, Л. Троцкого, Г. Зиновьева, Г. Чичерина, Э. Склянского, Л. Карахана³³

Энвер-паша начал было переписываться с Мустафой Кемалем, представляясь как лидер Исламской революционной организации, но в вежливом ответе Кемалю прозвучало предупреждение, что «панисламская агитация может встревожить русских». Мустафа Кемаль также ответил на письма, полученные от Таалат-паши и Джемаль-паши, поблагодарив их за предложение содействия, но настаивал, что поскольку теперь действует законное правительство в Анкаре, то им следует за рубежом поддержать его политику. Тем временем Энвер-паша отправился в Баку на Съезд народов Востока, но был принят там неоднозначно. Члены Коммунистической партии Турции, возглавляемые Мустафой Супхи, не позволили ему выступить, говоря, что его ожидает народный трибунал. Энвер-паша возвратился в Берлин, чтобы потом отправиться в Туркестан и поднять там знамя панисламизма уже против большевиков и в конце концов сложить на этом голову.

Так завершилась первая в XX в. попытка распространения идей панисламизма на Кавказе. Вскоре Мустафа Кемаль продемонстрировал свое критическое отношение к этой идеологии и во внутренней политике. 1 ноября 1922 г. Великое Национальное Собрание Турции приняло закон об отделении султаната от халифата, о ликвидации султаната с передачей ВНСТ всей полноты власти в стране. После подписания мира в Лозанне 24 июля 1923 г. стало очевидным, что мусульманская вера все более активно используется политиками от религии — противниками кемалистов, что исламисты не в состоянии приспособиться к идеологии нового государства, а шариат — к принципам светского правового регулирования всех сторон жизни государства, общества и личности.

29 февраля 1924 г. состоялась последняя традиционная церемония пятничного посещения последним халифом Турции мечети в Стамбуле. А на следующий день, открывая очередное заседание ВНСТ, Мустафа Кемаль произнес обвинительную речь по поводу векового использования ислама в качестве политического инструмента, потребовал вернуть его «к истинному предназначению», срочно и самым решительным образом спасти «священные религиозные ценности» от разного рода «темных целей и вожделений». 3 марта на заседании ВНСТ под его

председательством были приняты, среди других, законы о ликвидации халифата, об отмене в Турции шариатского судопроизводства, передаче мечетей и всего вакуфного имущества (весьма обширного) в распоряжение создаваемого Генерального управления вакуфами. 4 марта было учреждено Управление по делам религии, и поныне регулирующее всю религиозную деятельность в стране. Муфтии становились служащими этого Управления. Под его контроль перешли не только мечети, но и различные религиозные обители, прибежища дервишей и их орденов. Эти перемены высоко оценила «Британская энциклопедия»: они «нанесли сильнейший удар по позиции ислама в социальной жизни страны, завершили процесс, начатый реформами Танзимата»³⁴ Характерным для тех времен можно считать напоминание в изданной новой официальной истории Турции о том, что не следует историю турок начинать со времен принятия ими ислама — «турецкие и исламские историки смешивали тюркизм и тюркскую цивилизацию с исламом и исламской культурой; стремление забыть тысячи лет, предшествующие исламу, — свидетельство исламского фанатизма и религиозного усердия»³⁵ Новой «религией» государства стал национализм, тюркизм³⁶

¹ Yücel, Yaşar, Ali Sevim. *Türkiye Tarihi. 4. Osmanlı Dönemi. 1730–1861*. Ankara, 1992, с. 250, 251.

² Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 10. М., 1958, с. 130.

³ Amici, Edmondo de' *Constantinople*. P., 1883, с. 68, 128, 129, 141.

⁴ Ahmet Cevdet Paşa (1823–1895). *Sempozyum 9–11 Haziran 1995*. Ankara, 1995, с. 68, 69, 74, 75.

⁵ *Osmanlı. 2. Siyaset*. Ankara, 1999, с. 411, 412.

⁶ *Türk ve Dünya ünlüleri Ansiklopedisi. Anadolu Yayıncılık. Cilt 2. İstanbul, 1983*, с. 896–900.

⁷ Beyatlı, Yahya Kemal. *Cocukluğum, gençliğim, siyasi ve edebi hatıralarım. İstanbul, 1976*, с. 55–58.

⁸ Halide Edib. *Memoirs of Halide Edib*. L., 1926, с. 312, 315.

⁹ *Türkçe sözlük. 2. Ankara, 1988*, с. 1156.

¹⁰ *Türk ve Dünya ünlüleri Ansiklopedisi... Cilt 3, 1983*, с. 1330.

¹¹ *Osmanlı. 2...*, 1999, с. 271.

¹² Гюнтекин Р.Н. Птичка певчая. М., 1958, с. 237.

¹³ Koçak, Cemil. *Türkiye'de Milli Şef dönemi (1938–1945)*. Ankara, с. 174.

¹⁴ Mears E.G. *Modern Turkey*. N.Y., 1924, с. 506–508.

¹⁵ *Новейшая история Турции*. М., 1968, с. 10.

¹⁶ *Osmanlı. 2...*, с. 558, 559, 562.

¹⁷ Aydemir, Şevket Sürreya. *Tek adam. Mustafa Kemal. Cilt. 1 (1881–1919)*. İstanbul, 1983, с. 230.

¹⁸ Anadol, Cemal. *Çağımızın gerçek kahramanları Çeçenler. İstanbul, [1995?]*, с. 158–159; *Kuzey Kafkasya. İstanbul, Eylül 1986, № 63* с. 8–9.

¹⁹ Butbay, Mustafa. *Kafkasya Hatıraları*. Ankara, 1990, с. 2.

²⁰ Anadol, Cemal. *Указ. соч.*, с. 162–163; 180–182.

²¹ Деникин А.И. *Очерки русской смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской империи. Октябрь 1918 — январь 1919. Воспоминания. Мемуары*. Минск, 2002, с. 67.

²² Там же, с. 178, 179.

²³ Anadol, Cemal. Указ. соч., с. 9–10. Действительно, как пишет турецкий исследователь А. Сайдам, «после начала Крымской войны положение русских войск на Кавказе осложнилось, однако нельзя сказать, что Турция и Шамиль должным образом воспользовались этим — для этого должна была быть четкая согласованность действий. Бабиали (стамбульское правительство) направило осенью 1853 г. Шамилю и другим лидерам движения послания — с призывом к джихаду, сотрудничеству, активизации действий против русской армии. При этом Шамиль и некоторые его близкие родственники и сподвижники были награждены османскими орденами, им были присвоены высокие звания империи: Шамилю — везира и главнокомандующего, другим — бригадного генерала и т.д.».

«Первоначально эти награждения сохранялись в тайне, особенно настаивало на этом османское правительство. Кроме того, имели место присвоения званий и награждения орденами некоторых лиц из черкесской знати — за услуги в пользу Османского государства». Обращался Шамиль за помощью и к европейским союзникам Турции, посылал специальную миссию в Варну, но дальше дело не пошло — «их интересовала прежде всего Черкессия, а не Дагестан и Чеченистан». Автор напоминает, что окончание Крымской войны повлияло на переселение кавказцев в провинции Османской империи. «Россия не препятствовала мухаджирам». Численность мухаджиров с Кавказа на весну 1864 г. составила 400 тыс. После 1865 г. массовое переселение закончилось, в год уезжало до четырех тысяч дворов. Точное число уехавших установить трудно, за период 1856–1876 гг. уехало от 600 тыс. до 2 млн. переселенцев. Большие трудности возникали зимой, были случаи, когда суда тонули, «размещение переселенцев на территории империи было делом долгим и трудным» (Saydam, Abdullah. *Kırım ve Kafkas Göçleri (1856–1876)*. Ankara, 1997, с. 55–58, 83–90). Большинство переселенцев были выходцами с Западного Кавказа — черкесы, убыхи и абхазцы, после них идут дагестанцы, чеченцы, осетины. Сегодня в Турции в районах Мармара, Внутренняя Анатолия, побережье Черного моря, Восточная Анатолия проживает до 7 млн. выходцев из Северного Кавказа.

В новых местах проживания они стали активными деятелями культуры, политики, экономики, образования, занимают посты в армии Турции. «На новой родине черкесы добились больших успехов как в общественных, так и в государственных структурах. Параллельно они старались жить по своим обычаям и сохранять традиции. Но ассимиляция стала неизбежна. Примером тому являются убыхи, потерявшие свой язык с жизнью последнего убыха — выходца с Кавказа». В годы империи переселенцы с Кавказа были «признанным национальным меньшинством», было открыто «много кавказских обществ и организаций, а также были созданы черкесский и абхазский алфавиты на основе арабской и латинской графики, издавались газеты, книги, журналы. В одном из районов Стамбула открыли женский лицей, где преподавание велось на черкесском языке. «Но в 1917 г., после большевистской революции, Кавказ оккупировали сначала белогвардейцы, а потом и Красная Армия. Кавказ был повергнут в войну. Северокавказская Республика, образованная 11 мая 1928 г., перестала существовать. Таким образом, всей работе по национальному возрождению был положен конец. Во время идеологии (речь идет о кемализме. — Н.К.) единства культуры, нации и партии, которое осуществлялось в Турции, живущие там черкесы не имели возможности развивать свою культурную жизнь» (<http://www.kafkas.org.tr/russian/diaspora/turkiye.html>).

²⁴ Деникин А.И. Указ. соч., с. 237, 238. Развивая эту тему, автор далее пишет, что «11 марта 1919 г. пришел телеграфный ответ из Лондона, притом в форме

угрожающей». Генерал Бриггс должен объяснить генералу Деникину, что «от него ожидается, что он будет лояльно придерживаться общей политики союзников по отношению к маленьким государствам. Великобритания не намерена оставлять свои войска на Кавказе. Ее войска были посланы туда для приведения в исполнение условий перемирия и сохранения мира. Часть этой задачи уже исполнена изгнанием немцев и турок... Вопрос об окончательном устройстве Кавказа не может решаться Деникиным до восстановления порядка в России, и Деникину не следует сейчас предрешать этот вопрос...» «Из этого ультиматума, устрояющего нас от Каспийского моря, мы могли заключить, что веги английского распространения намечены далее Закавказья: Петровск — Баку — Энзели — это уже ключи к обладанию Средней Азией, Красноводск — путь к закаспийскому хлопку» (с. 239).

²⁵ Об этой новой экспедиции на Кавказ мы узнаем из книги «Кавказские воспоминания», опубликованной в виде дневника в 1990 г. Ее автор Мустафа Бутбай — преподаватель Галатасарайского лицея, близкий знакомый «президента Северного Кавказа Абдулмеджида Чермоева» («Абдулмеджид — чеченец, был адъютантом при царе Николае, владеет нефтяными скважинами в Грозном, сторонник русской культуры, гуляка, падкий на разгульную жизнь»), «министра иностранных дел Хайдара Баммата» («из кумыков, вышколенный молодой человек, весьма образован, кроме русского владеет французским и немецким»), «делегата от Абхазии Симона Басарья».

²⁶ Butbay, Mustafa. Указ. соч., с. 1, 2.

²⁷ Там же, с. 18, 19, 21.

²⁸ Там же, с. 37–45, 52.

²⁹ Там же, с. 89, 101.

³⁰ Цит. по: Gürün, Kamuran. Türk-Sovyet İlişkileri (1920–1953), с. 20, 22.

³¹ Zürher E.J. Milli Mücadelede ittihatçılık. İstanbul, 1987, с. 217, 218.

³² Kocatürk, Utkan. Atatürk ve Türkiye Cumhuriyeti Tarihi Kronolojisi, с. 194.

³³ Колпакиди А., Прохоров Д. КГБ приказано ликвидировать. Спецоперации советских спецслужб. 1918–1941. М., 2004, с. 76.

³⁴ Encyclopædia Britannica. 2007 Deluxe Edition. Secularism Article.

³⁵ Tarih IV. Türkiye Cumhuriyeti. T.T.T.Cemiyeti tarafından yazılmıştır. İstanbul, 1934, с. 1.

³⁶ Эта новая «религия» затронула и выходцев с Кавказа — «черкесов». Выше мы отмечали, что жители Турции — выходцы с Кавказа, в годы становления республики, как и в османский период, играли неоднозначную роль. «Вошел» в историю черкес Эдхем, выступивший против Кемалю, в то же время Кемалю оставались верны многие видные представители кавказцев — генералы и высшие чиновники, дипломаты высокого ранга наподобие упомянутого Бекир Сами-бея. Считалось, что коль скоро они были мусульманами (или стали ими), они тоже турки черкесского происхождения. Их верхушка этому особенно и не противилась, занимая издавна высокое положение в правящей элите сначала империи, а затем республики. Однако по убеждению многих черкесов не столь высокого ранга, «в условиях однопартийного режима республиканской Турции этнические группы подверглись туркизации и навязыванию однотипной культуры, поэтому черкесы Турции совершенно не были в состоянии развивать культуру». Лишь под давлением Запада, считают турецкие черкесы, стало возможным создавать свои партии и общества, учреждать общества кавказской культуры. «Однако эти возможности не включали свободу пользования родным языком, разрешался лишь турецкий». — Türkiye Çerkeslerinde Sosyo-Kültürel Değişme. Ankara, 1996, с. 10, 12.

**РОССИЯ, ТУРЦИЯ
И ПРОБЛЕМА ЧЕРНОМОРСКИХ ПРОЛИВОВ
В 1898–1908 гг.**

В настоящей статье рассматриваются взаимоотношения Турции и России в Черноморском регионе и отстаивание Турцией своего суверенитета в вопросе о статусе проливов. Данная проблема при всей своей значимости не получила специального исследования. В работах, посвященных Черноморским проливам, политика России в этом вопросе в конце XIX — начале XX в. рассматривалась в контексте взаимоотношений России с ведущими европейскими державами. При этом влияние самой Турции на данную проблему не учитывалось¹. Между тем некоторые отечественные исследователи рассматривали Турцию как важное заинтересованное лицо в ходе борьбы России за овладение проливами. По их мнению, Турция сумела оказать непосредственное влияние на разработку международных постановлений и добиться к концу XIX в. выгодного для себя принципа закрытия проливов². Все это делает избранную тему актуальной для исследования.

Хронологические рамки статьи охватывают период с момента окончания ближневосточного кризиса 90-х гг. XIX в. до кануна Боснийского кризиса 1908–1909 гг. В это время едва оправившаяся после поражения в войне с Японией Россия вновь попыталась сосредоточить свое внимание на ближневосточной проблеме. В работе над статьей были использованы как опубликованные источники, так и документы, находящиеся в фондах Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Российского Государственного военно-исторического Архива (РГВИА).

Конец XIX в. ознаменовался очередным внутривосточным кризисом Османской империи. Султанская администрация фактически отказалась от проведения реформ в Западной Армении, согласно постановлениям Берлинского конгресса 1878 г.³ Это спровоцировало армянские волнения и массовые погромы армян в Малой Азии в 1894–1896 гг. Движение армян в Азиатской Турции вместе с антитурецким восстанием на острове Крит в 1895–1897 гг. поставили вопрос о целостности Османской империи. Это предопределило вмешательство европейских держав во внутренние дела Турции как гарантов сохранения стабильности на Ближнем Востоке. Разразился последний в XIX в. ближневосточный кризис, продолжавшийся с 1894 по 1898 г.

В период ближневосточного кризиса взаимоотношения Турции и России, несмотря на разницу во взглядах на судьбу христианских народов Османской империи, определялись общими установками на сохранение статус-кво в регионе и локализацию армянского и критского конфликтов. Совместно с другими великими европейскими державами Россия выступала с требованиями к султану Абдул-Хамиду II о безотлагательном проведении реформ для облегчения положения армянского населения Турции⁴. Вместе с союзной Францией Россия успешно противодействовала планам Англии использовать армянское движение для прямого проникновения на Ближний Восток. Кроме этого, совместные франко-русские усилия по урегулированию критского вопроса закончились в конце 1898 г. утверждением компромиссного ставленника — греческого королевича Георгия — верховным комиссаром Крита. Сам остров остался под формальным суверенитетом Турции⁵.

Со стороны России, как уже указывалось, обозначилась приверженность к совместным действиям с другими державами по стабилизации обстановки в Османской империи и сохранению по возможности существующего режима проливов. В то же время нельзя отрицать готовность России к решительным действиям в случае распада Турции и угрозы установления над проливами европейского контроля⁶. Начиная с 90-х гг. XIX в. ключевой для России становится дальневосточная проблема.

В соответствии с этим выстраивались и русско-турецкие отношения. Стержнем политики России на Ближнем Востоке по-прежнему оставались проливы. Однако ввиду переориентации своего внимания на Дальний Восток правительство России старалось придерживаться постановлений Парижского трактата 1856 г., закрепленных в Лондонской конвенции 1871 г. и подтвержденных затем Берлинским трактатом 1878 г.⁷ Согласно этим документам, устанавливалась коллективная гарантия ведущих европейских держав на запрет военным кораблям проходить через Босфор и Дарданеллы. Формальный суверенитет над Проливами оставался по-прежнему в руках Турции.

Россию устраивало подобное положение дел, гарантирующее ей относительную безопасность Черноморского побережья и сохранение Черного моря как «русско-турецкого озера» с безусловным преобладанием в нем военно-морского флота России. В результате в рассматриваемый период Россия не ставила под сомнение право султана как верховного собственника проливов.

Об этом свидетельствует переписка между министром иностранных дел России В. Н. Ламздорфом и российским послом в Стамбуле И. А. Зиновьевым относительно предложений управляющего Морским министерством П. П. Тыртова разрешить одному из броненосцев Черноморской эскадры во время своего плавания войти в сопредельную с Босфором зону. По мнению П. П. Тыртова, было желательно «приучить население пролива и Константинополя к частому виду русских броненосцев»⁸. И. А. Зиновьев в письме к П. П. Тыртову указывал, что турецкое правительство «заявит, что Лиман этот»⁹ составляет часть

Босфора, и что на него распространяются международные постановления, касающиеся пролива». По мнению И. А. Зиновьева, «едва ли мы будем в состоянии выставить против этого взгляда какое-либо возражение»¹⁰. В депеше В. Н. Ламздорфу от 12 (25) апреля 1902 г. И. А. Зиновьев подчеркивал также, что «это даст туркам повод к очередному поднятию вопроса об укреплении Босфора». Являясь сторонником стабильности русско-турецких отношений, И. А. Зиновьев отмечал необходимость «тщательно избегать всего того, что может способствовать укреплению существующего сегодня в Азиатской Турции подозрения, что мы действительно имеем виды на Босфор»¹¹.

В итоге, ознакомившись с депешами российского посла, В. Н. Ламздорф согласился с доводами И. А. Зиновьева о нецелесообразности визита в Босфор русского броненосца.

Политика России в отношении проливов, основанная на выполнении международных трактатов, вызвала положительную ответную реакцию со стороны Турции. Это было обусловлено правом султана, согласно постановлениям Лондонской конвенции, «открывать проливы для военных судов дружественных и союзных держав» в том случае, когда правительство Турции найдет это необходимым для выполнения постановлений Парижского трактата¹².

Так, в 1901 г. в проливы вошел броненосец «Ростислав». На его борту находился великий князь Александр Михайлович, посещавший в это время черноморские порты¹³.

В 1902 г. турки пропустили через Босфор броненосец «Георгий Победоносец». По оценке И. А. Зиновьева, это было знаком уважения со стороны султана ввиду присутствия на борту особы императорской фамилии¹⁴. В том же году, несмотря на возражения Англии, турецкое правительство пропустило на Дальний Восток русский военный транспорт¹⁵.

В то же время ограничительные статьи международных постановлений, гарантируя преобладание России на Черном море, ущемляли ее положение как сильнейшей черноморской державы. Это предопределило известный дуализм во взаимоотношениях России и Турции. Не ставя под сомнение суверенитет Турции над Босфором и Дарданеллами, Россия стремилась тем или иным способом обеспечить для себя исключительное право пользования проливами.

К началу XX в. эта проблема стала актуальной в связи с активным проникновением Германии в Турцию. Особенно неприятное впечатление в Петербурге вызвал наплыв германских военных инструкторов в турецкую армию и стремление турок укрепить Босфор, осуществление чего немецкие офицеры целиком взяли в свои руки. Попытки России договориться с Германией о взаимоприемлемом компромиссе в ходе переговоров весной и летом 1899 г. не увенчались успехом. Это убедило русское правительство в том, что отныне Германия будет упорно отстаивать свое влияние в Османской империи.

Между тем в декабре 1899 г. Турция подписала с Германией соглашение о предоставлении предварительной концессии на строитель-

ство Багдадской железной дороги, которая должна была соединить Стамбул с его отдаленными владениями (проект Берлин — Багдад — Басра)¹⁶. Часть планируемой железной дороги по южному побережью Черного моря подходила вплотную к кавказским границам России. Немалое беспокойство в связи с этим вызывала и судьба Босфора. Таким образом, был поднят вопрос о безопасности южных границ, решить который Россия попыталась, возобновив практику двусторонних отношений с Турцией.

Переговоры с Турцией о постройке железных дорог были начаты еще в августе 1899 г. С получением немцами предварительной концессии на строительство Багдадской железной дороги они активизировались. Переговоры от имени России вел русский посол в Стамбуле И. А. Зиновьев, человек авторитетный в Турции и дипломатических кругах Европы.

Главной просьбой со стороны России было предоставление преимущественного экономического влияния в сопредельной с проливами южной зоне Черного моря. Средством для давления на султана было избрано переселение с Кавказа в Малую Азию армян, бежавших отсюда вследствие событий 1894—1897 гг. Русское правительство соглашалось прекратить высылку армян на родину в случае обязательства турецкого правительства предоставить исключительное право строительства железных дорог в причерноморской полосе русским капиталистам¹⁷

Турки упорно сопротивлялись требованиям России, считая их несовместимыми со статусом Турции как независимого государства. В секретной депеше И. А. Зиновьева от 18 февраля 1900 г. подчеркивалась неизменность позиции турецкого правительства в отношении к «прилегающей к Черному морю зоне»¹⁸ В то же время стремление России обеспечить за собой право на турецкое побережье Черного моря вызвало недовольство великих держав. Помимо Германии, правящие круги Англии и Франции также пытались противодействовать плану России. Французский посол в Стамбуле Ж. Констан заявлял, что политика России в железнодорожных вопросах отрицательно отражается на интересах Франции в ближневосточном регионе¹⁹ Английский посол в Турции Н. О'Коннор предупреждал министра иностранных дел Турции Тевфик-пашу, что согласие султана на требование России может повлечь за собой неблагоприятные для Турции последствия²⁰ Используя поддержку европейских государств, Абдул-Хамид II старался затянуть переговоры и не допустить подписания соглашения с Россией²¹.

В результате поведение великих держав и твердая позиция самой Турции заставили Россию смягчить свои требования на переговорах. В донесении в Петербург от 1 февраля 1900 г. И. А. Зиновьев предлагал принять предложение турецкого правительства предоставить России право на строительство железных дорог в причерноморской полосе лишь в том случае, если в этой зоне сама Турция не будет вести железнодорожное строительство. С точки зрения И. А. Зиновьева, выполнение этого плана могло защитить Россию от предприятий иностранцев в

районе Черного моря, ввиду отсутствия у Турции средств на собственные железнодорожные концессии²².

В Петербурге не возражали против предложений российского посла. Ему поручалось получить формальное подтверждение уже достигнутых соглашений от турецкого правительства.

Итогом переговоров стала нота, которую 31 марта 1900 г. министр иностранных дел Турции Тевфик-паша направил И. А. Зиновьеву. Текст ноты турецкого правительства был приложен к секретной депеше И. А. Зиновьева от 24 марта (6 апреля) 1900 г. В ней отмечалось, что, в случае если правительство Турции «признает своевременным постройку железных дорог в черноморской зоне и само не станет строить дороги, оно обязано дать концессию на их постройку русским капиталистам»²³

Достигнутыми соглашениями Россия временно стабилизировала обстановку в районе Босфора. Была ослаблена и зависимость от Германии в этом вопросе. 21 августа 1902 г. в Петербурге под председательством министра иностранных дел России В. Н. Ламздорфа состоялось Особое совещание по вопросу о Багдадской железной дороге. Участники совещания констатировали, что соглашение с Турцией «является актом первостепенной важности и служит вполне достаточным обеспечением русских интересов на побережье Черного моря»²⁴

Между тем стремление России проводить военные суда через проливы, пользуясь соответствующей оговоркой Лондонской конвенции, вызвало в 1902–1903 гг. очередной виток напряжения в русско-турецких отношениях.

В мае 1902 г. управляющий Морским министерством П. П. Тыртов предложил попросить у султана пропустить через проливы четыре миноносца, следующих в Черное море для пополнения Черноморской эскадры. П. П. Тыртов предупредил, что суда «будут следовать по назначению в Черное море, не будучи вооруженными, до прихода в Севастополь, ни артиллерией, ни минами»²⁵

Переговоры с Турцией на время отсутствия И. А. Зиновьева, уехавшего в отпуск, возглавил опытный дипломат Ю. Н. Щербачев. В его донесениях указывалось на упорное сопротивление турецкой стороны при первых же просьбах о пропуске в Черное море русских броненосцев. Отмечались доводы турецкого правительства, что согласие на просьбу России могло создать прецедент и для других держав, и было бы частичным нарушением международных постановлений «о закрытии проливов для военных судов одинаково невыгодным для обоих государств»²⁶ Аргументы правительства Турции были неубедительны для Петербурга. Там с самого начала заявили, что проход миноносцев «под коммерческим флагом при полном отсутствии на означенных судах минного и артиллерийского вооружения, лишает их военного характера»²⁷

Итогом переговоров с Турцией на тот момент стала секретная телеграмма Ю. Н. Щербачеву от 31 июля 1902 г., в которой было выражено твердое желание Николая II, чтобы проход миноносцев осуществ-

вился²⁸ Определенность слов российского императора оказала влияние на Стамбул. Султан разрешил проход русских кораблей при условии обязательства России, что в случае протеста и тождественных требований со стороны других держав она заявит, что «проход миноносцев не послужит прецедентом»²⁹. На это ему было дано согласие Петербурга.

Но это не было окончательное решение: колебания Турции продолжались. Острое недовольство России вызвало желание Стамбула вынести вопрос на обсуждение великих держав. Это давало султану возможность фактически отказаться от уже данных обязательств. В беседе с турецким послом в Петербурге Хусни-пашой В. Н. Ламздорф подчеркивал, что Николай II надеется, что султан выполнит свое обещание. В. Н. Ламздорф посоветовал послу «взвесить последствия окончательного отказа»³⁰

Дальнейшее упорство со стороны Турции могло лишь продемонстрировать ее недружественную позицию по отношению к России. К тому же из всех великих держав лишь Англия поддержала Турцию. В сентябре 1902 г. Ю. Н. Щербачев сообщил в Петербург об окончательном согласии Абдул-Хамида II на пропуск миноносцев через проливы под коммерческим флагом. Суда должны были следовать поодиночно, с предварительным извещением турецкого правительства³¹.

В январе 1903 г. И. А. Зиновьев, вернувшийся из отпуска в сентябре 1902 г., сообщил в Петербург о проходе первого из четырех миноносцев.

Таким образом, подводя итоги рассматриваемому периоду, следует отметить, что после ближневосточного кризиса 90-х гг. XIX в. обозначилось стремление России, не меняя сути международных постановлений, путем двусторонних отношений с Турцией улучшить для себя режим Черноморских проливов. В свою очередь, Турция, пользуясь правом формального суверенитета над Босфором и Дарданеллами, стремилась сохранить в полном объеме принцип закрытия проливов. Как показала история с миноносцами, Турция не желала создавать для себя опасные международные прецеденты и усиливать военно-морское присутствие России на Черном море. В целом же, несмотря на периодически возникающие осложнения, обе стороны смогли сохранить лояльные отношения.

После инцидента с миноносцами Россия старалась не обострять обстановку на Ближнем Востоке. В период Русско-японской войны 1904–1905 гг., несмотря на необходимость пополнения состава Тихоокеанского флота кораблями Черноморской эскадры, проблема проливов во взаимоотношениях России и Турции не возникала вообще. Немалую роль в этом сыграло нежелание русской дипломатии своими требованиями ставить под сомнение суверенитет Турции над проливами³².

Тем не менее в период, последующий вслед за окончанием Русско-японской войны, отношения между Россией и Турцией характеризовались взаимным недоверием. Причиной этому являлась переориентация внимания России на Ближний Восток. По мнению Турции, это могло привести к нежелательной для нее активизации политики России

в Черноморском регионе. Ввиду этого новым источником осложнений в русско-турецких отношениях в 1905–1907 гг. стало укрепление Турцией Босфора.

В вопросе об обороне проливов Россия была заинтересована прежде всего в укреплении Дарданелл, закрывающих путь из Средиземного моря в Черное море. По оценке русских военных специалистов, укрепления Дарданелл позволяли надежно закрыть вход в пролив и выдержать длительный бой с неприятельской эскадрой³³. В отношении же Босфора русское правительство не было заинтересовано в усилении его обороны. Это входило в противоречие с интересами самой Турции как суверенной державы, не желавшей ставить судьбу Стамбула и Черноморских проливов в зависимость от состояния военно-морских сил России на Черном море.

Военный атташе России в Стамбуле подполковник А. П. Алексеев общал летом 1905 г., что восстание на броненосце «Потемкин» и ослабление России в результате Русско-японской войны дали туркам повод активизировать свою деятельность по укреплению Босфора. Шло строительство новых батарей, усиливались минные заграждения, босфорские укрепления оборудовались новейшими техническими средствами³⁴. В значительной степени усилия Турции объяснялись ее опасениями, что после поражения на Дальнем Востоке внимание России будет вновь сосредоточено на Балканах и Ближнем Востоке. Ввиду этого Турция стремилась оградить себя от возможных притязаний России³⁵. Подозрениям турецкого правительства способствовала Англия. Воспользовавшись поражением России в Русско-японской войне, Великобритания стремилась усилить свое влияние в турецкой столице. По сообщениям И. А. Зиновьева, в беседе с турецким послом в Лондоне Муссурус-пашой министр иностранных дел Англии Г. Лэнсдаун советовал Турции заняться укреплением Босфора. Он предупреждал, что, несмотря на поражение России, турецкому правительству «следует более чем когда-либо опасаться со стороны русского правительства какой-либо враждебной Турции попытки, которая была бы способна поднять пошатнувшееся обаяние России»³⁶.

Мероприятия Турции на Босфоре не остались незамеченными для русского посольства в Стамбуле, которое информировало об этом внешнеполитическое ведомство в Петербурге. Тем не менее вначале они не вызвали у российского МИД особого беспокойства. По мнению В. Н. Ламздорфа, само по себе распоряжение султана об укреплении проливов не могло служить причиной для беспокойства, ввиду того что ни одно из предприятий такого рода не доводилось Турцией до конца. В силу этого В. Н. Ламздорф предлагал не делать протестов Турции до получения сведений от военно-морского атташе России о характере работ на Босфоре³⁷.

Таковые вскоре последовали. В докладе, составленном морским министром А. А. Бирилевым, отмечалось, что факт серьезных работ по укреплению Босфора налицо. По его мнению, энергичные действия турок по укреплению пролива, выходящего в Черное море, были мерами,

направленными исключительно против России. В качестве ответной меры А. А. Бирилев предлагал потребовать у Турции приостановить сооружение новых батарей на Босфоре³⁸

Доводы А. А. Бирилева были услышаны. В письме В. Н. Ламздорфа И. А. Зиновьеву было указано на необходимость заставить султана отказаться от дальнейшего укрепления Босфора³⁹. Посол России в Стамбуле понимал, что международные постановления о проливах не лишают Турцию права на укрепление Босфора. В силу этого он решил прибегнуть к традиционному способу воздействия на Турцию — заявлению, что укрепление Босфора является проявлением неоправданного недоверия к России, и предупреждению, что это может отрицательно сказаться на взаимоотношениях двух стран.

В соответствии с этим было выдержано заявление И. А. Зиновьева Абдул-Хамиду II, сделанное им 2 сентября 1905 г. Посол подчеркнул, что отношение России к Турции будет зависеть от ответа султана⁴⁰. По мнению И. А. Зиновьева, его заявление произвело на Абдул-Хамида II сильное впечатление. Кроме того, И. А. Зиновьевым были предприняты дополнительные меры воздействия на Турцию. По его предложению турецкому послу в Петербурге Хусни-паше было также сделано заявление относительно укрепления Босфора.

Но как часто бывало и раньше, обещания Абдул-Хамида II не соответствовали его делам. Султан пошел на объяснения с Россией лишь после того, как оборонительные работы на Босфоре были частично завершены. Сообщая о встрече первого драгомана российского посольства И. И. Машкова⁴¹ с доверенным лицом султана, его первым секретарем Тахсин-пашой, И. А. Зиновьев отмечал, что Абдул-Хамид II при объяснении своих распоряжений прибегнул к доводам, «лишенных в глазах наших всякого значения». По мнению И. А. Зиновьева, представлялось сомнительным заставить султана согласиться на уничтожение уже сделанных работ по укреплению Босфора⁴².

На протяжении следующих двух лет характер деятельности турок на Босфоре не изменился и был направлен на защиту его от России. В донесениях военного и военно-морского атташе России в Стамбуле осенью 1906 г. отмечалась напряженная работа по укреплению европейского и азиатского берегов Босфора. Укреплялись те участки, которые, с точки зрения Турции, были уязвимы для нападения флота и высадки морского десанта⁴³. Работы по укреплению Босфора продолжались и в 1907 г. В 1908 г. для этой цели была создана специальная комиссия под руководством начальника артиллерии турецкой армии Гиза-паша⁴⁴

История с укреплением Босфора показала умение Турции, используя международные постановления, отстаивать свои интересы в Черноморском регионе, в том числе и интересы, невыгодные для России. В свою очередь, временное ослабление позиций России на Черном море заставило ее более подозрительно относиться к планам Турции.

Показателем нарастания напряженности в русско-турецких отношениях стали сведения об англо-японо-турецких переговорах, инфор-

мацию о которых российское посольство в Стамбуле стало передавать в Петербург осенью 1905 г. Отмечалось, что в рамках переговоров между Англией и Японией, с одной стороны, и Турцией — с другой, шла речь о заключении оборонительного союза. По сообщению И. А. Зиновьева, переговоры с Турцией через турецкого посла в Лондоне Муссурус-пашу вела Япония. Однако, по сведениям И. А. Зиновьева, истинным инициатором переговоров была Англия⁴⁵

Ввиду этого значительное беспокойство Петербурга вызвала информация И. А. Зиновьева о том, что Турция намерена предоставить военным судам Англии и Японии право проходить через проливы. В соответствии с распоряжением В. Н. Ламздорфа И. А. Зиновьев при встрече с министром иностранных дел Турции Тевфик-пашой попросил его официально заявить о том, что «Порта⁴⁶ никогда не решится войти с иностранными государствами в соглашение, несовместимое с существующими трактатными постановлениями относительно проливов»⁴⁷

Однако в дальнейшем, оценивая события, руководство российского МИДа пришло к выводу о недостоверности получаемых И. А. Зиновьевым сведений. В письме к И. А. Зиновьеву от 31 декабря 1905 г. В. Н. Ламздорф указывал на отсутствие каких-либо доказательств существования англо-японо-турецкого договора⁴⁸. В начале февраля 1906 г. В. Н. Ламздорф солидаризировался с мнением российского посла в Англии А. К. Бенкендорфа. Проанализировав депеши И. А. Зиновьева из Стамбула, А. К. Бенкендорф сделал вывод о сфабрикованности получаемой российским послом информации⁴⁹

Таким образом, внешнеполитическое ведомство России пришло к выводу о недостоверности сведений относительно переговоров Турции с Англией и Японией. Представляется возможным такой вывод МИДа считать правильным. Об этом свидетельствуют отсутствие реальных фактов, указывающих на существование таких переговоров, и явная незаинтересованность Турции в осложнении своих взаимоотношений с Россией. Источником слухов об англо-японо-турецких переговорах, скорее всего, выступала Германия, незаинтересованная в восстановлении российского влияния в Стамбуле и не желавшая наметившегося в это время англо-русского сближения. О германских происках свидетельствуют также неоднократные обращения германского посла в Турции Г. Маршалля к И. А. Зиновьеву о совместном противодействии расширению англо-японского влияния на Ближний Восток⁵⁰.

Все же напряжение, возникшее в русско-турецких отношениях, не привело к серьезным последствиям. Несмотря на периодические осложнения, обе стороны были заинтересованы в сохранении дружественных отношений. Об этом свидетельствует осторожная линия, которую русское правительство проводило по отношению к Турции в период англо-русских переговоров 1906–1907 гг. о разграничении сфер влияния на Среднем Востоке.

Возможность англо-русского урегулирования беспокоила Турцию, видевшую ранее в постоянном соперничестве России и Англии залог

своей безопасности на Ближнем Востоке. По сообщению И. А. Зиновьева, Турцию волновало, что англо-русское соглашение коснется Месопотамии (Ирака), Персидского залива, а также реформ во владениях Турции с христианским населением⁵¹. Отмечалось также беспокойство султана, что к русско-английскому соглашению приложена секретная статья о проливах⁵². Об этом Абдул-Хамид II прямо спросил И. А. Зиновьева. Султан попытался также выяснить, не распространяется ли соглашение России и Англии на близлежащие к Персидскому заливу территории. Российский посол заверил султана, что договор России с Англией по Среднему Востоку не выходит за рамки регионального соглашения. Он подчеркнул, что Россия уважает территориальную целостность Османской империи и стремится к обеспечению мира на Ближнем Востоке. В отношении проливов И. А. Зиновьев заявил о желании России сохранять существующее положение⁵³.

Позиция И. А. Зиновьева была одобрена в Петербурге. Ему поручалось сообщить султану, что Россия искренне стремится поддерживать дружественные отношения с Турцией⁵⁴.

Успокоительные заявления русского посла султану сыграли свою роль. В мае 1907 г. Германия обратилась к Турции с предложением заключить в противовес англо-русскому соглашению секретный турецко-германский договор. По сведениям И. А. Зиновьева, под предлогом выяснения условий англо-русского соглашения Абдул-Хамид II уклонился от этого предложения⁵⁵.

В рассматриваемый период последний раз проблема Черноморских проливов встала перед Россией в конце 1907 г. К этому времени отношения России и Турции вновь обострились. Поводом послужил давний спор между Турцией и Ираном из-за пограничных территорий, который длился с середины XIX в. Осенью 1905 г., пользуясь неустойчивым внутренним положением Ирана, где началась революция, Турция захватила спорные территории, начав концентрацию своих войск на иранской границе. Несмотря на энергичные действия английского и русского послов в Стамбуле по разрешению конфликта, обстановка на турецко-иранской границе продолжала оставаться напряженной⁵⁶.

Сосредоточение турецких войск в районе турецко-иранского конфликта создавало напряжение на кавказской границе России. Кроме того, турецкие захваты были произведены в северной части Ирана, которая, согласно условиям англо-русского соглашения 1907 г., отходила в сферу влияния России⁵⁷. Вследствие этого начальник российского Генерального штаба Ф. Ф. Палицын в письмах к министру иностранных дел А. П. Извольскому⁵⁸ высказал мысль о возможном военном столкновении с Турцией. По его мнению, захват Турцией приграничных с Ираном областей создавал для нее в случае войны с Россией выгодное стратегическое положение⁵⁹. Ф. Ф. Палицын сообщал также, что согласно донесениям начальника штаба Кавказского военного округа на территории Малой Азии идут военные приготовления. Ф. Ф. Палицын подчеркивал, что это не могло быть объяснено иначе, «как подго-

товка на случай войны с Россией, разрыв с которой, по циркулирующим упорным слухам признается возможным из-за персидско-турецкого конфликта». По данным Ф. Ф. Палицына, войны с Турцией следовало ожидать уже весной 1908 г.⁶⁰

А. П. Извольский разделял опасения Ф. Ф. Палицына. В послании И. А. Зиновьеву он отметил необходимость заставить Турцию прекратить сосредоточение ее войск на приграничных с Россией территориях. В случае неудачи в целях воздействия на Турцию допускалась возможность показательных маневров войск Кавказского военного округа⁶¹

В ходе переписки, однако, выяснилось несогласие И. А. Зиновьева на возможность военного столкновения с Турцией. По его мнению, меры военного характера, предпринимаемые Турцией, имели целью обезопасить себя на случай войны с Болгарией⁶². Исходя из опыта предшествующих лет, И. А. Зиновьев выражал уверенность в преувеличении сведений о военных приготовлениях Турции. И. А. Зиновьев отверг также предложение Ф. Ф. Палицына о военной демонстрации как средства поддержания «достоинства престижа России на Ближнем Востоке». По его мнению, по сравнению с предшествующим периодом такой шаг России «являлся бы непоследовательным и несвоевременным». И. А. Зиновьев предлагал искать мирные способы урегулирования турецко-иранского конфликта на основе сотрудничества с Англией⁶³

Тем не менее подготовка к войне с Турцией, начатая еще в ноябре 1907 г., продолжалась. Мероприятия эти, как и переписка Ф. Ф. Палицына с А. П. Извольским, происходили втайне от других ведомств. В секретном письме А. П. Извольскому 17 января 1908 г. Ф. Ф. Палицын сообщал, что предложенные им соображения по поводу наступательной войны против Турции получили одобрение Николая II⁶⁴

В письме военному министру А. Ф. Редигеру Ф. Ф. Палицын извещил его, что для обсуждения положения дел на Ближнем Востоке должно состояться Особое совещание⁶⁵. Инициатором его созыва выступал А. П. Извольский. Упомянутое совещание под председательством главы правительства П. А. Столыпина состоялось 21 января (3 февраля) 1908 г.

В своей речи на совещании А. П. Извольский отметил, что формальным поводом для его созыва были обращения к нему начальника Генерального штаба Ф. Ф. Палицына и заместника России на Кавказе И. И. Воронцова-Дашкова о тревожном положении на кавказских границах России. В то же время А. П. Извольский подчеркнул, что турецко-иранский конфликт является лишь частью общего кризисного положения на Ближнем Востоке. Он отметил тревожную ситуацию на Балканах, опасность болгаро-турецкого конфликта, отказ Австро-Венгрии от совместной политики по проведению реформ в Македонии⁶⁶. Ввиду этого, по мнению А. П. Извольского, требование России к Турции об очищении захваченных иранских территорий неминуемо должно было повлечь за собой «осложнения на Ближнем Востоке».

С точки зрения А. П. Извольского, в этих условиях для России было важно понять, какую позицию она займет в случае очередного

ближневосточного кризиса. Министр иностранных дел утверждал, что, заняв позицию невмешательства, Россия рискует выйти из конфликта ослабленной и потерявшей статус великой державы. В связи с этим А. П. Извольский предлагал «сойти с почвы строго охранительной политики» и в случае войны с Турцией добиться реализации своих интересов на Ближнем Востоке. Пойдя на конфликт с Турцией, Россия, по мнению А. П. Извольского, могла рассчитывать на поддержку Англии⁶⁷

Таким образом, локальный конфликт на турецко-иранской границе послужил для министра иностранных дел и части сотрудников военного ведомства поводом к тому, чтобы поставить вопрос о пересмотре всего курса, проводимого Россией на Ближнем Востоке. Необходимость этого объяснялась А. П. Извольским тяжелой обстановкой на Балканах, в Османской империи и бесперспективностью дальнейшей политики России по сохранению статус-кво в регионе. По сути, на февральском совещании 1908 г. А. П. Извольский обнародовал новую программу ближневосточной политики, конечной целью которой являлся пересмотр постановлений о проливах в пользу России.

Позиция А. П. Извольского, однако, нашла поддержку лишь у одного Ф. Ф. Палицына. Помощник военного министра А. А. Поливанов и морской министр И. И. Диков заявили, что армия и флот совершенно не готовы к тому, чтобы обеспечить проведение Россией решительной политики на Ближнем Востоке. Их поддержал министр финансов В. Н. Кокорцов. Он заявил, что Россия не должна вмешиваться в турецко-иранский конфликт⁶⁸ Участники совещания выразили также недовольство тем, что подготовку мер военного давления на Турцию Ф. Ф. Палицын осуществлял, не поставив в известность правительство⁶⁹

Итоги совещания подвел председатель Совета министров П. А. Столыпин. В своей речи П. А. Столыпин заявил, что внутренняя обстановка в стране исключает проведение в ближайшее время активной внешней политики. Иная политика, по его мнению, «была бы в настоящее время бредом ненормального правительства». П. А. Столыпин подчеркнул, что война на турецко-иранской границе поставила бы Россию в крайне сложное положение и кабинет министров не может взять на себя такой ответственности. В случае же дестабилизации обстановки на Балканах А. П. Извольский, по словам премьер-министра, мог рассчитывать только на свое дипломатическое искусство⁷⁰

Таким образом, большинство участников совещания высказалось против принятия каких-либо военных мер против Турции. Это свидетельствует о том, что в рассматриваемый период правительство России придерживалось осторожной тактики в отношении Турции и правильно соотносило возможности России с ее внутренним положением и состоянием вооруженных сил. Несмотря на трудности своего положения на Балканах, Россия явно не собиралась в ближайшем будущем предпринимать какие-либо активные действия на Ближнем Востоке.

Вскоре и военная тревога пошла на убыль. На заседании Особого совещания под председательством П. А. Столыпина, которое состоялось

25 февраля 1908 г., Ф. Ф. Палицын был вынужден отказаться от идеи войны с Турцией. Он признал, что военные мероприятия Турции не являются опасными для России, а сосредоточение турецких войск в районе турецко-иранской границы свидетельствовало лишь о желании Турции удержать захваченные территории. На этом же заседании А. П. Извольский также согласился с тем, что угрозы нападения Турции на Россию не существует⁷¹. Свою роль сыграл и категорический ответ султана, который заявил И. А. Зиновьеву, что никакой мобилизации в Малой Азии не происходит. По свидетельству военного министра России А. Ф. Редигера, «этот ответ положил конец всей шумихе, поднятой Палицыным»⁷².

В итоге весной 1908 г. обстановка на кавказских границах России стабилизировалась.

Подведем некоторые итоги. Для Турции главной причиной обострения отношений с Россией в 1905–1908 гг. была активизация политики России в ближневосточном регионе после ее поражения на Дальнем Востоке. Конечной целью такой политики, по мнению правительства Турции, мог стать вопрос о пересмотре статуса Черноморских проливов. Все это не могло не вызывать беспокойства Турции как верховного суверена Босфора и Дарданелл и заставило ее принять ряд мер по защите своего статуса. Тем не менее ослабление международных позиций России после Русско-японской войны, ее тяжелое внутреннее положение диктовали России необходимость сохранения статус-кво в Черноморском регионе. Вопрос о проливах в рассматриваемое время не поднимался на правительственном уровне вообще. По этой причине, несмотря на взаимное недоверие, обе стороны в 1905–1908 гг. старались придерживаться приемлемой линии поведения в отношении друг с другом. В дальнейшем, однако, взаимоотношения России и Турции постепенно ухудшались.

В заключение следует отметить, что на протяжении всего рассматриваемого десятилетия главная проблема во взаимоотношениях России и Турции на Черном море — Босфор и Дарданеллы — не стала причиной для серьезного обострения отношений между двумя странами. Несмотря на периодически возникающие сложности при проведении своей политики в Черноморском регионе, правительство России осознавало выгоду для страны от закрытия проливов. Ввиду этого Россия никогда не ставила под сомнение суверенитет Турции над проливами, который был закреплен международными постановлениями. Она лишь стремилась в каждой конкретной ситуации использовать это право в свою пользу.

В свою очередь, Турция в рассматриваемое время показала себя как достаточно активный субъект международной политики. Существующий статус Черноморских проливов оставлял их формально в руках Турции. Это позволило турецкому правительству проводить гибкую политику, используя противоречия между европейскими державами и Россией. В результате Турция смогла во многом более эффективно, чем Россия, отстаивать свои интересы в Черноморском регионе.

- ¹ Горяинов С.М. Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907; Восточный вопрос во внешней политике России в конце XVIII — начале XX века. М., 1978; История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. М., 1997; Россия и Черноморские проливы (XVIII — XX столетия). М., 1999.
- ² Нольде Б.Э. Внешняя политика. Пг., 1915.
- ³ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952, с. 205.
- ⁴ Киняпина Н.С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века. М., 1994, с. 133.
- ⁵ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч.1. М., 1925, с. 284.
- ⁶ См. подробнее: Проект захвата Босфора в 1896 году // Красный архив. Т. 4–5 (47–48). 1931.
- ⁷ Сборник договоров России с другими государствами, с. 206.
- ⁸ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 151. Политархив. Оп. 482, д. 3035. Тыртов — Зиновьеву, 29 марта 1902 г. Л. 2–2 об.
- ⁹ Буюк-Лиман — место предполагаемого визита броненосца «Ростислав».
- ¹⁰ АВПРИ. Ф. 151, оп. 482, д. 3035. Зиновьев — Тыртову, 12 (25) апреля 1902 г. Л. 2.
- ¹¹ Там же. Зиновьев — Ламздорфу, 12 (25) апреля 1902 г. Л. 1.
- ¹² Сборник договоров России с другими государствами, с. 108.
- ¹³ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482, д. 3033. Зиновьев — Ламздорфу, 25 января 1901 г. Л. 54.
- ¹⁴ Там же. Д. 2988. Зиновьев — Ламздорфу, 28 сентября (11 октября) 1902 г. Л. 32.
- ¹⁵ АВПРИ. Ф. 138. Секретный архив министра. Оп. 467, д. 453/471. Зиновьев — Ламздорфу, 8 (21) января 1903 г. Л. 22 об. — 23.
- ¹⁶ История дипломатии. Т. 2. М., 1963, с. 452.
- ¹⁷ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482, д. 3194/1235. Копия циркулярного письма министра иностранных дел российским послам в Париже, Вене, Берлине, Риме и Лондоне 23 марта 1900 г. Л. 85–85 об.
- ¹⁸ Там же. Зиновьев — Ламздорфу, 18 февраля 1900 г. Л. 83.
- ¹⁹ Бондаревский Г.Л. Багдадская железная дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1883–1903). М., 1955, с. 211.
- ²⁰ АВПРИ. Ф. 151, оп. 482, д. 3194/1235. Муравьев — Зиновьеву, 14(27) февраля 1900 г. Л. 83 об. М. Н. Муравьев занимал пост министра иностранных дел России в 1897–1900 гг. После его смерти в 1900 г. МИД возглавил В.Н. Ламздорф, руководивший внешнеполитическим ведомством до 1906 г.
- ²¹ Там же. Зиновьев — Муравьеву, 18 февраля 1900 г. Л. 83 об.
- ²² АВПРИ. Ф. 151, оп. 482, д. 3194/1235. Зиновьев — Ламздорфу, 1 февраля 1900 г. Л. 36–36 об.
- ²³ Там же. Копия циркулярного письма министра иностранных дел российским послам в Париже, Берлине, Вене, Риме и Лондоне, 23 марта 1900 г. Л. 85–85 об.
- ²⁴ Государственный Архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 568. В.Н. Ламздорф. Журнал Особого совещания по вопросу о Багдадской железной дороге. Заседание от 21 августа 1902 г. Л. 42.
- ²⁵ АВПРИ. Ф. 151, оп. 482, д. 2994. Тыртов — Ламздорфу, 10 мая 1902 г. Л. 1.
- ²⁶ Там же. Ф. 151. Политархив. Оп. 482, д. 2994. Щербачев — Ламздорфу, 24 июля (6 августа) 1902 г. Л. 13 об.
- ²⁷ Там же. Л. 13 об.
- ²⁸ Там же. Ламздорф — Щербачеву, 31 июля 1902 г. Л. 21.
- ²⁹ Там же. Щербачев — Ламздорфу, 7 (20) августа 1902 г. Л. 35–35 об.
- ³⁰ Там же. Всеподданнейшая записка Ламздорфа, 15 августа 1902 г. Л. 46–47.

- ²⁹ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482, д. 2994. Щербачев — Ламздорфу, 3 (16) сентября 1902 г. Л. 66.
- ³² Подробнее о политике России в отношении Черноморских проливов в период русско-японской войны см.: Болдырев А.В. Черноморские проливы во внешней политике России в 1904—1905 гг. // Вестник МГУ. Серия 8. История. № 2, 2003.
- ³³ Город Дарданеллы или Чапак и Дарданелльский пролив, его укрепления и защита. Кап. 2-го ранга Парфенов // Морской сборник. № 1. Неоф. отд. 1905, с. 77—78.
- ³⁴ Российский Государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2000. Главное управление Генерального штаба (далее — ГУГШ). Оп. 1, д. 6610. Л. 15—15 об., 100.
- ³⁵ Игнатъев А.В. Внешняя политика России в 1905—1907 гг. М., 1985, с. 288.
- ³⁶ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482, д. 3035. Зиновьев — Ламздорфу, 29 июня (12 июля) 1905 г. Л. 51.
- ³⁷ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482, д. 3035. Ламздорф — Зиновьеву, 9 июля 1905 г. Л. 56.
- ³⁸ Там же. Об усилении укреплений и минировании Босфора Турцией (Доклад А.А. Бирилева), 15 августа 1905 г. Л. 66—66 об.
- ³⁹ Там же. Ламздорф — Зиновьеву, 24 августа 1905 г. Л. 68—68 об.
- ⁴⁰ Там же. Зиновьев — Ламздорфу, 2 (15) сентября 1905 г. Л. 79—79 об.
- ⁴¹ Руководитель штатом переводчиков в посольстве России в Стамбуле.
- ⁴² АВПРИ. Ф. 151. Политархив, оп. 482. Зиновьев — Ламздорфу, 18 октября 1905 г. Л. 98—99.
- ⁴³ РГВИА. Ф. 2000. ГУГШ. Д. 6610. Л. 134, 149 об.—150.
- ⁴⁴ Щацилло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М., 2000, с. 164.
- ⁴⁵ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482, д. 3208. Зиновьев — Ламздорфу, 12 (25) августа 1905 г. Л. 91.
- ⁴⁶ Правительство Турции.
- ⁴⁷ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482, д. 3208. Зиновьев — Ламздорфу, 25 декабря (7 января) 1906 г. Л. 319.
- ⁴⁸ АВПРИ. Там же, д. 3205. Л. 205 об.
- ⁴⁹ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2, д. 3873. Ламздорф — Зиновьеву, 1 февраля 1906 г. Л. 25 об.
- ⁵⁰ Подробнее о «турецком следе» в англо-японских переговорах по поводу заключения второго союзного договора см.: Астафьев И.И. Русско-германские отношения. 1905—1911. М., 1972; Гальперин А.С. Англо-японский союз. 1902—1921. М., 1947; Игнатъев А.В. Указ. соч.; Розенталь Э.М. Дипломатическая история русско-французского союза начала XX века. М., 1961.
- ⁵¹ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482, д. 3208. Зиновьев — Ламздорфу, 11 (14) апреля 1906 г. Л. 66.
- ⁵² Там же. Д. 3206. Зиновьев — Извольскому, 17 (30) октября 1907 г. Л. 236.
- ⁵³ Игнатъев А.В. Указ. соч., с. 289—291.
- ⁵⁴ Там же, с. 290.
- ⁵⁵ РГВИА. Ф. 2000. ГУГШ. Оп.1, д. 6945. Зиновьев — Извольскому, 19 мая (1 июня) 1907 г. Л. 135 об.—136.
- ⁵⁶ АВПРИ. Ф. 137. Отчеты МИД. Оп. 475, д. 137. Отчет МИД за 1905 г. Л. 80—80 об.
- ⁵⁷ См.: Сборник договоров России с другими государствами, с. 386—395.
- ⁵⁸ А.П. Извольский занимал пост министра иностранных дел России в 1906—1910 гг.
- ⁵⁹ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482, д. 3057. Палицын — Извольскому, 7 ноября 1907 г. Л. 29.

⁶⁰ АВПРИ. Ф. 138. Секретный архив министра. Оп. 467, д. 266/267. Палицын — Извольскому, 17 января 1908 г. Л. 2.

⁶¹ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482, д. 3057. Извольский — Зиновьеву, 15 декабря 1907 г. Л. 55–55 об.

⁶² Там же. Зиновьев — Извольскому, 12 (25) декабря 1907 г. Л. 47.

Источником болгаро-турецких противоречий, обострившихся в начале XX века, была Македония, входившая в состав Турции. Правительство Болгарии стремилось присоединить к себе Македонию, ввиду преобладания болгарского населения в этом крае. Другая причина осложнений между двумя странами заключалась в желании Болгарии провозгласить свою независимость (в 1878–1908 гг. Болгария пользовалась лишь правом широкой автономии, находясь под суверенитетом Турции, и стремилась добиться для себя статуса Болгарского царства).

⁶³ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482, д. 3057. Зиновьев — Извольскому, 8 (21) января 1908 г. Л. 75–75 об.

⁶⁴ АВПРИ. Ф. 138, оп. 467, д. 266/267. Л. 2 об.–3.

⁶⁵ РГВИА. Ф. 2000. ГУГШ. Оп.1, д. 147. Палицын — Редигеру, 2 января 1908 г. Л. 47 об.

В дореволюционной России особые совещания являлись органами по координации представителями различных ведомств вопросов внутренней и внешней политики.

⁶⁶ Имеется в виду соглашение, заключенное Россией и Австро-Венгрией в сентябре 1903 г. в замке Мюрцштег. Согласно ему устанавливался контроль двух держав над проведением реформ в Македонии. В начале 1908 г., однако, турецкое правительство предоставило Австро-Венгрии исключительное влияние в вопросах железнодорожного строительства на территории Европейской Турции. В обмен на это правительство Австро-Венгрии отказалось от проведения судебных реформ в Македонии и вышло из Мюрцштегского соглашения с Россией.

⁶⁷ Три совещания Совета министров 1908, 1913, 1914 гг. // Вестник НКВД. 1919, № 1, с. 19, 21, 24.

⁶⁸ Там же, с. 22–23.

⁶⁹ Поливанов А.А. Мемуары. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916. Т. 1. М., 1924, с. 39.

⁷⁰ Три совещания Совета министров 1908, 1913, 1914 гг. // Вестник НКВД. № 1, с. 25.

⁷¹ Шацилло К.Ф. Указ. соч., с. 40.

⁷² Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 2. М., 1999, с. 208–209.

РОССИЙСКО-АФГАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ — НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП

Началу формирования российско-афганских отношений предшествовали распад единого афганского государства — империи Дуррани — и захват земель восточных пуштунов сикхским государством Панджаб, а также претензии бывшего правителя Афганистана шаха Шуджи на кабульский трон. Эмир Кабула Дост Мухаммад-хан, считавший эти земли своими, обратился за помощью к британским властям в Индии и к правительствам Персии и России. Таким образом, инициатива в установлении отношений между двумя нашими странами принадлежит афганской стороне.

В конце сентября 1835 г. в Ленкорань прибыл сардар Хаджи Хусейн Али, представившийся посланником правителя Афганистана к российскому императору. Несмотря на отсутствие у него соответствующих документов, Николай I разрешил ему прибыть в Петербург для установления добрых, в основном торговых отношений. Однако Хаджи Хусейн Али возвратился в Кабул за соответствующими документами. В конце апреля 1836 г. он прибыл в Оренбург с письмом первого афганского сановника Абдул Самад-хана к губернатору В. А. Перовскому, в котором выражалось желание установить отношения с Россией и о помощи эмиру Кабула против экс-шаха Шуджи — пенсионера британской Ост-Индской компании, проживавшего на территории Британской Индии и претендовавшего на афганский трон. В. А. Перовский предложил принять посланца в Петербурге, но без огласки. В качестве сопровождающего он предложил прапорщика И. В. Виткевича — поляка, сосланного в азиатскую часть России по подозрению в антиправительственной деятельности, владевшего несколькими европейскими и восточными языками, дослужившегося до офицерского чина и незадолго до этого вернувшегося из длительной поездки в Бухарское ханство.

По прибытии в Петербург Хаджи Хусейн Али представил в министерство иностранных дел России грамоту, содержащую жалобу Дост Мухаммад-хана на враждебное отношение к нему соперников из рода Садозаев, поддерживавшихся англичанами и правителем Панджаба Ранджит Сингхом, и просьбу о покровительстве России. Азиатский Комитет МИД считал, что единственной мерой для обеспечения безопасности Афганистана было бы объединение афганских земель под патронажем Персии, так как Россия из-за дальности расстояния без патронажа Персии не сможет оказать афганцам помощи. Вести эти дела было пору-

чено посланнику и полномочному министру при дворе персидского шаха И. О. Симоничу. В связи с тем что в это же время в Петербург прибыл бухарский сановник Караулбеги Курбанбек Ашурбек, сообщивший, что кабульский правитель прислал в Бухару своего человека, чтобы договориться об оказании ему помощи, было решено отправить в Афганистан для сопровождения афганского посланника И. В. Виткевича, ставшего уже поручиком, обязав его принять меры для примирения кандагарского правителя с кабульским и убедить афганцев просить помощи у Персии.

По прибытии в Тегеран И. В. Виткевич обсудил с И. О. Симоничем обстановку, а затем отбыл в лагерь персидских войск, пытавшихся овладеть Гератом, который мог числиться или не числиться в составе Афганистана в зависимости от картографов. 10 ноября 1837 г. Виткевич был в Кандагаре, а 7 декабря прибыл в Кабул, где уже находилась «торговая» миссия эmissара генерал-губернатора Индии Окленда капитана А. Бернса, задачей которой был сбор не столько торговой, сколько разведывательной информации.

А. Бернс был дружественно встречен Дост Мухаммад-ханом, надевшимся на британское содействие в отношении претензий Персии на Герат. Он признавал тогдашний статус Герата, но как плату за это требовал возвращения ему территорий, захваченных сикхами. В Кабуле уже знали о том, что Россия не поддерживает претензии Персии на Герат. Однако британские власти уже сделали ставку на шаха Шуджу и открыто враждебное отношение англичан к дружественным связям с Дост Мухаммад-ханом стало причиной отзыва миссии А. Бернса 26 апреля 1838 г.

И. В. Виткевич же выполнил свою миссию и по возвращении в Тегеран доложил И. О. Симоничу о проделанной работе. Фундамент для будущего российско-афганских отношений был заложен. Однако для установления прочных отношений было еще далеко, так как британские правящие круги стремились сделать Афганистан буфером между своими индийскими владениями и Россией и в конце XIX в. им удалось лишить его права вести самостоятельную внешнюю политику. И только восстановление полной независимости Афганистана в 1919 г. открыло путь к установлению прочных отношений между двумя нашими странами.

Литература

1. Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. Пакистан. М., 1981.
2. Джабборов Т.Д. Северо-Западная пограничная провинция Пакистана. Социально-экономический очерк. М., 1977.
3. Россия и Афганистан. М., 1989.
4. Темирханов Л. Восточные пуштуны. Основные проблемы Новой истории. М., 1987.
5. Туманович Н.Н. Европейские державы в Персидском заливе XIV–XIX вв. М., 1982.
6. Spain J.W. The Pathan Borderland. Columbia University, 1963.

Раздел IV

**ИСЛАМ В ИСТОРИИ
РОССИИ И ТУРЦИИ**

ИСЛАМ И ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Как известно, история становления Российского государства в качестве полиэтнического и поликонфессионального восходит ко второй половине XVII в. — ко времени вхождения в состав Руси народов, отверженных мусульманскому вероучению. Отечественная история дает поистине уникальный пример многовариантных и неоднозначных попыток решения мусульманского вопроса в процессе государственного строительства, с одной стороны, с другой — поступательного продвижения к таким элементам гражданско-правового обустройства общества, как провозглашение свободы вероисповедания (1773 г.), предоставление духовной автономии местным мусульманским общинам (с 1788 г.), уравнивание мусульман с русским православным населением по сословно-статусной градации (конец XVIII — 60-е гг. XIX в.), по гражданским правам (1905 г., 1917 г.), допуск лиц мусульманского вероисповедания к системе государственного управления (с конца XVIII в.), участие мусульманской фракции в законодательной деятельности Государственной думы всех четырех созывов (начало XX в.).

Причем одна часть территории с исповедующим ислам населением была завоевана (Среднее и Нижнее Поволжье, отдельные сибирские земли, Крым, Северный Кавказ, Средняя Азия), другая — была присоединена по договору (башкирские, ингушские, казахские, отдельные азербайджанские земли). В границах Российской Федерации находятся два исторически сложившихся очага исламской цивилизации: один — в Волжско-Приуральском регионе, другой — на Северном Кавказе.

Применяя к характеристике процесса вхождения мусульманских народов в состав Руси и Российской империи методологию, которая разработана Питиримом Сорокиным для исследования изменений в системе общественных отношений¹, можно отметить, что данный процесс прошел через первую стадию «пространственного или механического соседства» с русскими (православными) людьми, затем — через вторую стадию «ассоциации под воздействием внешнего фактора». К третьей стадии — «причинно-функциональной интеграции» — подступила часть мусульман Волжско-Приуральского региона, в незначительной мере — Северного Кавказа. К исходу XIX в. наметилась тенденция к интеграции в виде «внутреннего или логико-смыслового единства».

Если в свое время Османская империя пошла по пути организации миллетов для немусульманских общин (православной — у греков, католической или грегорианской — у армян, иудейской — у евреев и т.д.), где глава общины выступал для своей паствы как вершитель правосудия и посредник в сношениях с высшей имперской администрацией², то Россия избрала путь социальной интеграции мусульманского населения в структуру российского общества.

Изначально динамика данного процесса обеспечивалась государственными мерами по административно-территориальному обустройству регионов традиционного распространения ислама и определению социально-правового статуса отдельных слоев мусульманского сообщества. Лишь со временем, в ходе реформирования общественных устоев, отдельных звеньев государственной власти в Российской империи со второй половины XIX в., интеграционный процесс стал получать качественно новый импульс от формировавшегося тогда механизма гражданской самоорганизации.

Усилиями Ивана Грозного были заложены основы той политики в отношении мусульманского населения России, которая до конца 70-х гг. XVIII в. осуществлялась почти в неизменном виде. Ее характеризовали: дифференцированный подход к народам, чье вхождение в границы российской государственности носило «мирный» или же «немирный» характер; курс на последовательное включение отдельных слоев мусульман, прежде всего из знатных верхов, в русское общество на условиях крещения; наделение немалыми привилегиями и благами всех, кто перешел в православие, гонения и репрессии против тех, чья приверженность исламу явно или в потенциале являла собой угрозу трону, а также государственной стабильности и целостности.

В традициях своего времени Иван Грозный полагал, что крещение — наилучший способ укрепления новых подданных в верности трону. Следует отметить, что цели и методы христианизации «инородцев», т.е. лиц нерусского происхождения и неправославного вероисповедания, изначально отличались на Руси от тех, которые были свойственны католическому и протестантскому миссионерству в восточных странах — объектах колониальной экспансии стран Запада. В мирное время на Руси не было массовых расправ и убийств, вызванных «иноверием», «инаковерием»; не культивировалась и идея расового превосходства. Отчасти это объяснялось житейской мудростью долговременного соседства русских людей с мусульманскими народами. Главное объяснение таилось все же в специфике русско-православной культуры. В отличие от западных ветвей христианства православие отличало иное понимание «любви во Христе», соответственно иное отношение к «иноверию», которое предполагало другие возможности его «исправления»³. Концепция «Святой Руси» основывалась на взаимной и всеобщей «любви во Христе», идее «совместного и соборного спасения» людей, а отсюда уже выводился принцип «общей нравственной и религиозной ответственности каждого за всех и всех за одного»⁴.

Особое значение Иван Грозный придавал обращению в православие татарской знати, полагаясь на предшествующий опыт крещения ряда выходцев из Золотой Орды (в их числе Адашевы, Годуновы, Урусовы и др.). Утверждая крестившихся мурз в достоинстве и правах русских князей, бояр, дворян, царь широко открывал перед ними доступ к «службе государевой». Несмотря на то что ряды «служилых мурз и татар» постоянно пополнялись, часть из них, главным образом из пограничных районов, так и не отступалась от ислама. До поры до времени власти закрывали на это глаза: заинтересованность царизма в пополнении войска, особенно в приграничье, преобладала над христианизаторскими порывами.

Однако парадокс христианизации заключался в том, что объективно она могла означать продвижение к гражданскому обществу в той мере, в какой снимала этнический ограничитель в деле уравнивания в правах нерусских народов с русским. На деле же она затрудняла это продвижение, способствуя завышению реального значения конфессиональной принадлежности в рамках официального структурирования сословной системы. Впрочем, иного и не могло быть, если учесть, что до эпохи нового времени повсеместно (а не только на Руси) господствовала инерция средневеково-традиционного мышления с более или менее жестким неприятием «иноверия».

В наиболее жесткой форме курс христианизации воплощался в «умиротворении» татарского населения бывшего Казанского ханства. В итоге кардинально деформировался социальный облик местного общества: его феодально-мусульманская прослойка разрушалась по мере того, как усиливались гонения в отношении татарской знати, упорствовавшей в приверженности исламу. В 1653 г., например, право продажи своих поместий получили только крещеные «инородцы». Что касается права наследования земель собственника-мусульманина, то в 1654 г. оно было признано лишь за его крестившимися наследниками. В 1681 г. у некрещеных землевладельцев были отняты те земли, на которых проживали люди, принявшие православие, а в 1682 г. эти землевладельцы и вовсе утратили поместные права.

Часть мурз, приняв православие, влились в состав русского дворянства. Остальные, хранившие верность исламу, дополнили ряды крестьянства, купечества и мусульманских духовных лиц. Расширению купеческой прослойки способствовало то, что, например, в Казани в 1685 г. служилому люду из татар было разрешено «торговать всякими торгами» взамен «денежного и хлебного жалованья».

Уцелевшие от казанского погрома татарские общины «замыкались в консерватизме как средстве самосохранения, были вечно оппозиционными к российским властям, а при малейшей возможности восставали или поддерживали восстания русских переселенцев и казачества»⁵

Однако на этой позиции утверждалось не все мусульманское население бывшего Казанского ханства. На договорных началах (т.е. на принципах невмешательства во внутренние дела и неприкосновенности

вотчинных земель) состоялось добровольное вхождение башкир в состав Руси. Большинство «служилых татар» в XVI–XVII вв. составили татары-мишари, которым было вверено несение пограничной службы на восточных и юго-восточных окраинах Руси.

В Соборном уложении 1649 г. нашел отражение факт переселения, а также утверждения «служилых мурз и татар» в поместных правах на «изстари» русские, но находившиеся «в пуге» земли. Правда, от новых поселенцев требовалось свои поместья «не пустошить» и самим из тех поместий в иные города, села и в деревни «никуда не бегать и от служб не отбывать»⁶.

Политика всемерного побуждения мусульман к переходу в православие продолжилась и при Петре I. Дело дошло до введения особых поборов за посещение мечетей, что послужило непосредственным поводом к восстаниям татар и башкир в 1707–1708 гг. В 1717 г. и 1719 г. вышли в свет указы, по которым подтверждалось право владения землей и крестьянами лишь за крестившимися мурзами. Зато крепостной помещика-мусульманина в случае крещения получал вольную, а тягловый крестьянин мог перейти в служилое сословие, что давало ему право не только на жалованье, но и на земельный надел. Указ 1720 г. на три года освобождал от налогов и рекрутчины крестьян, перешедших в православие. Соответственно, ухудшалось положение мусульманской части крестьянства, поскольку на нее дополнительным грузом ложилась повинности тех, кто принял крещение. Чтобы избавить последних от праведного гнева их окружения из мусульман (согласно исламу вероотступничество — величайший грех и тягчайшее преступление), власти предоставляли крестившимся возможность перебраться на жительство в город или сельскую местность с русским населением.

Вместе с тем в деяниях Петра I заключалась глубинная парадоксальность — не отступаясь от христианизаторского курса в отношении подданных-мусульман, он исподволь подрывал его реформами по модернизации России. Как отмечал И. А. Ильин, царь пришел к пониманию, что «необходимо отличать главное и священное от не главного и не священного, земного — от техники, хозяйства и внешнего быта; что надо вернуть земное земле; что вера Христова не узаконивает отсталых форм хозяйства, быта и государственности. Он постиг необходимость дать русскому сознанию свободу светского, исследовательского взирания на мир»⁷.

В царствование Петра I при проведении в целом христианизаторского курса были сделаны первые шаги в направлении веротерпимости. Составленный царем Устав морской (от 13 января 1720 г.) содержал специальную статью «О дружелюбии офицеров и прочих служителей между собою». Там говорилось: «Офицеры и прочие, которые в нашем флоте служат, да любят друг друга верно, как христианину надлежит без разности какой веры или народа будут».

По приказу Петра I был переведен и издан в 1716 г. в Санкт-Петербурге «Алкоран о Магомете или закон турецкий, переведенный

с французского языка на русский». Тем самым русское общество получило первое представление о первоисточнике мусульманского вероучения. Исполняя поручение Петра I, Д. Кантемир составил подробное изложение Корана и жизнеописание Мухаммада (1722 г.).

По мере расширения масштабов хозяйственных преобразований объективно возрастала потребность в привлечении труда, а также использовании предпринимательских возможностей российских мусульман. По указу Петра I (1708 г.) в Санкт-Петербурге стали появляться работные люди из поволжских татар, отправленные туда исполнять трудовую повинность. Часть из них потом осела в городе, найдя работу по найму. За первопоселенцами вскоре потянулся поток соплеменников из числа ремесленников, торговцев и т.д.

При ближайших преемниках Петра I христианизаторская доминанта не покидала магистраль официальной политики в отношении мусульманского населения. Вместе с тем на землях Башкирии был продолжен (если учесть неизменное участие башкирско-мещеряцкого войска в обороне и защите границ России) опыт сотрудничества мусульманских народов с русским в реализации общегосударственных интересов, притом не только в сфере обороны и внешней политики, но также в области развития торговли с азиатскими странами. В «Привилегиях городу Оренбургу», опубликованных в 1734 г. за подписью императрицы Анны Иоанновны, выражалось «соизволение всем и всякого народа российский купечеству, мастеровым и разночинцам, а также иностранных европейских государств иноземцам, купцам и художникам, и тутошним башкирского народу и живущих с ним, и новоподданным нашим киргизским, каракалпакским народам, и из азиатских стран приезжим грекам, армянам, индейцам, персам, бухарцам, хивинцам, ташкентцам, калмыкам, и иным всякого звания и веры приходить селиться, жить, торговать и всяким ремеслом промышлять, и паки на свои прежние жилища отходить свободно и невозбранно без всякой опасности и удержания».

Совершив поездку в Поволжье, Екатерина II удостоверилась в том, сколь многообразен и разнолик состав ее подданных, сколь важно это учитывать при упорядочивании государственного бытия. В отправленном из Казани письме Вольтеру (1767 г.) императрица писала: «Я теперь в Азии и вижу все своими глазами. Здесь 20 различных народов, один на другого не похожих. Однако ж необходимо шить каждому приличное платье. Легко положить общие начала, но частности? Ведь это целый особый мир: надобно его создать, сплотить, охранять...

В 1773 г. был опубликован закон о «терпимости всех вероисповеданий», в обоснование которого легла следующая аргументация: «Как Всевышний на земле терпит все веры, языки и исповедания, так и ее Величество... поступать изволит, желая только, чтоб между подданными ее Величества всегда любовь и согласие царствовало».

Вслед за тем последовал существенный прорыв в реорганизации социально-правового статуса российских мусульман. 22 февраля 1784 г.

увидел свет указ Екатерины II «О позволении князьям и мурзам пользоваться всеми преимуществами российского дворянства». По повелению императрицы действие указа распространялось на лиц, «коих предки за их верные Всероссийскому Престолу службы получили от высоких предков наших жалованные грамоты на поместные дачи». Данным актом воспользовались главным образом те татарские мусульманские фамилии (Алкины, Яушевы, Мамлеевы и др.), которые сохранили «жалованные предкам их Государские грамоты на недвижимые имения и другие письменные виды, утверждающие благородство». В 1784 г. в дворянское достоинство были возведены башкирские старшины. Дворяне из мусульман не имели, однако, права покупать, приобретать и иметь крепостных христианского вероисповедания.

Согласно Жалованной грамоте городам (от 21 апреля 1785 г.), мусульман стали допускать в «градское общество», которое включало в себя купцов (1, 2, 3-й гильдии), «именитых граждан» (крупных предпринимателей, банкиров, оптовых торговцев, ученых, художников и т.д.), ремесленников, прочее посадское население. Дозволяя иноверным «свободное отправление веры», грамота исходила из повеления императрицы: «Да все народы в России пребывающие, славят Бога всемогущего различными языками по закону и исповеданию праотцов своих, благословляя царствование наше и моля Творца вселенной об умножении благоденствия и укреплении силы империи Всероссийской». Мусульманским купцам были даны льготы в торговле с Ираном, Индией, Китаем, Туркестаном⁸

Ко временам Екатерины II восходит признание за российскими мусульманами права на известную автономность религиозной жизни. «Гонения, — говаривала императрица, — раздражает умы. Напротив, дозволение всякому верованию по своему закону смягчает самые жесткие сердца и прекращает споры, противные тишине государства».

В 1789 г. было учреждено Оренбургское магометанское духовное собрание. Уже после смерти императрицы воплотилась в жизнь ее идея относительно создания Таврического магометанского духовного управления (1831 г.). Учреждение этих ведомств ознаменовало собой создание системы управления религиозной жизнью российских мусульман под началом мусульманских духовных лиц. По «правилам своей веры» они имели право рассматривать и решать дела подопечных мусульман. При этом назначение муфтия было прерогативой «Высочайшей власти... по представлению Министерства внутренних дел».

Взятый при Екатерине II курс на фрагментарно-избирательное уравнение отдельных слоев мусульманского населения с русским по шкале сословных градаций получил дальнейшее развитие в 20–40-х гг. XIX в. По инициативе М. М. Сперанского, известного своим участием в систематизации российского законодательства и совершенствовании системы государственного управления, были внесены изменения в официальное определение правового статуса «инородческого состояния». Это произошло благодаря публикации Устава об управлении

инородцев (1 июля 1822 г.). В его разработке М. М. Сперанский принимал личное участие, исходя, в частности, из собственных наблюдений и исследований жизни сибирских народов во время пребывания в должности губернатора Сибири. Согласно Уставу, термин «инородцы» распространялся на часть населения империи, не исповедовавшую православие и иные христианские («инославные») конфессии, т.е. на мусульман, буддистов (ламаистов), язычников. Все «инородцы» делились на три разряда: в первый зачислялись те, кто вел оседлый образ жизни, проживая в селах и городах, во второй — кочевники, в третий — ведущие бродячую жизнь. Все оседлые «инородцы» уравнивались в правах и обязанностях с русскими подданными по шкале тех сословий, в которых они состояли. Перешедшие в православие именовались россиянами.

Сложнее обстояло дело на Северном Кавказе. Пройдя мимо специфики внутренней структуры горского общества, отмечал Э. Ф. Кисреев, мимо его собственных статусных критериев, привычным для себя способом царская администрация стала опираться на местную «знать». Главное же — она навязывала горцам «собственную модель социально-политической организации, с одной стороны, порождая псевдоаристократию и псевдодворянство, образуемые из лояльных ей представителей местной традиционной “знати”, а с другой — закрепощая силой своей неограниченной власти свободное население, превращая его “в подневольных и бесправных” крестьян»⁹. Подобное воспроизводство крепостничества в конечном итоге отозвалось серией антиправительственных восстаний.

До реформ 1860-х гг. главные усилия царизма приходились, во-первых, на юридическое оформление имперской сословной структуры, во-вторых, на встраивание в нее нерусской, в том числе мусульманской, прослойки знати, а также торгово-предпринимательских кругов.

Здесь надо заметить, что вступление в силу «Законов о состояниях» (1835 г.) с их четким определением социально-правового статуса каждого из четырех российских сословий (дворян, духовенства, городских обывателей, сельских обывателей) отразилось на положении мусульман России далеко не сразу, а главное — неадекватным образом применительно к отдельным слоям и группам. Мусульманские духовные лица так и не были официально введены в сословие российского духовенства. Крайне медленно (в регионах с «особым положением» почти с полувековым опозданием) крестьяне-мусульмане утверждались в статусе сельских обывателей.

Согласно утвержденному Николаем I (27 марта 1840 г.) мнению Государственного совета о правах живущих в России мусульман на дворянское достоинство, данные права распространялись, как это имело место в отношении русских дворян, также на их законных жен и детей.

В кампанию по вступлению в российское дворянское сословие особенно активно включились потомки татарской знати, для которых такое занятие не было внове еще с золотоордынских времен. Среди фамилий, утвердившихся к середине XIX в. в княжеском достоинстве,

выделялись, в частности, Акчурины. Императорским указом (от 21 декабря 1849 г.) титул князя был пожалован Тарковскому шамхалу. Права личных дворян получили также «высшие чины» Башкирско-мещеряцкого войска (в их числе — Сартлановы, Султановы и др.).

Многовековое пополнение русской аристократии выходцами из мусульманской среды или ее непосредственными представителями принесло впечатляющие результаты. Примерно 92 княжеских, 50 боярских, 13 графских и 300 или более дворянских родов вели начало от татарских предков. Тюркско-мусульманское происхождение имели многие известные фамилии: Аксаковы, Апраксины, Аракчеевы, Баратынские, Баскаковы, Басмановы, Бахтины, Бекетовы, Бердяевы, Бибиковы, Булгаковы, Голенищевы-Кутузовы, Горчаковы, Дашковы, Державины, Ермоловы, Загряжские, Измайловы, Карамзины, Киреевские, Кольчевы, Куракины, Мещерские, Нарышкины, Огаревы, Рахманиновы, Сабуровы, Салтыковы, Строгановы, Суворовы, Татищевы, Тимирязевы, Тургеневы, Тютчевы, Урусовы, Чаадаевы, Черкасские, Шаховские, Шереметьевы и др. По переписи 1897 г., например, в Уфимской губернии татары составляли почти 54,5% всех потомственных дворян, 2,1 — личных дворян, башкиры — 4,9 потомственных, 2,4% — личных дворян.

Расширение национального (этноконфессионального) состава дворянского сословия Российской империи имело исключительное значение в свете особого положения дворянства в системе организации государственной власти. Юридически оформившись в сословие значительно раньше, чем другие общественные слои, к концу XVIII в. дворяне имели прямой доступ к государственному и местному управлению, обладали собственными сословными организациями в виде уездных и губернских дворянских собраний, имели право представлять петиции о своих нуждах как высшей имперской администрации, так лично государю. Они попадали, наконец, под действие сословного суда, независимого от имперской администрации и т.д.

Как подчеркивал Б. Н. Миронов, в целом по России «в наибольшей степени идеальному типу сословия соответствовало дворянство, в наименьшей — крестьянство» (т.е. сословие сельских обывателей). Хотя социальный и профессиональный статус крестьян являлся наследственным, хотя они были организованы в самоуправляющиеся сельские общины-корпорации, «у них было мало прав и совсем не имелось привилегий»¹⁰ Там, где действовало губернское гражданское управление, правовой статус крестьян-мусульман в принципе не отличался от положения русского крестьянства (среди последнего числилось, однако, меньше государственных крестьян, больше — удельных, особенно же частновладельческих). Там, где бытовало «особое положение», местные крестьяне-мусульмане начали утверждаться в правах сословия сельских обывателей лишь в ходе реформ 60-х гг. XIX в. Согласно «Положению о башкирах» от 14 мая 1863 г., данные права получил рядовой состав Башкиро-мещеряцкого войска, что не исключало одновременной возможности «причисляться к другим состояниям», т.е. не только к крестьянству.

В конце 60-х гг. XIX в. кавказскому наместнику было дано право применять к горскому населению лишь те правила общего для империи положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, которые окажутся соответствующими обычаям и нравам горцев. Тем не менее, в противовес местным обычаям и практике, 1 августа 1867 г. власти издали распоряжение об освобождении рабов в Дагестане.

Что касается российского сословия духовенства, то оно состояло лишь из представителей христианских церквей и подразделялось на «разные роды» в зависимости от принадлежности к православному, римско-католическому, протестантскому, армяно-грегорианскому и армяно-католическому вероисповеданию. Как отмечал известный российский юрист начала XX в. Н. Е. Серебренников, «лица, отправляющие богослужения по обрядам вер нехристианских, не составляют особых в государстве сословий», но «некоторым из сих лиц» дарованы «преимущества»¹¹.

Мусульманские служители культа значились в том сословии, к которому они принадлежали по рождению либо по последующему переходу в иное состояние. Начало официальному признанию некоторых мусульманских служителей культа было положено при Екатерине II в конце 70-х гг. XVIII в. Был установлен официальный порядок, в соответствии с которым следовало пройти предварительную проверку на «верность и добропорядочное поведение», а также «испытание в знаниях правил и обрядов магометанского закона». Со временем появились дополнительные требования (по части общеобразовательного ценза, относительно возраста вступления в тот или иной «духовный чин» и т.д.). Главное же — назначение на должность оформлялось именным императорским указом. Отсюда — появление термина «указной мулла», который применялся в отношении мусульманского служителя культа, чье утверждение в качестве «духовного чина» состоялось на основании Высочайшего указа. Только такие «чины» наделялись привилегиями духовенства христианских вероисповеданий: они получали жалованье и пенсии от казны, были освобождены от налогов, а их дома — от постоя, с февраля 1850 г. не подлежали рекрутской повинности, а с декабря того же года — телесным наказаниям. Сыновья высшего мусульманского духовенства наряду с сыновьями духовных лиц христианских вероисповеданий, а также с сыновьями потомственных и личных дворян имели право поступать на государственную службу.

Наибольший динамизм по части интеграции в сословную структуру Российской империи приходился на мусульманское купечество. С конца XVIII — начала XIX в. оно неизменно набирало вес и влияние в сословии городских обывателей. Успешнее всего это происходило в тех городах, где уже имелись именитые купеческие династии, основанные еще «служилыми татарами» (например, в Казани, Москве, Астрахани, Оренбурге). Речь идет прежде всего о тех из них, кто, не пожелав креститься, утратили свои вотчины и поместья в результате ряда указов первой половины XVIII в., после чего переключились на разно-

го рода промыслы и торговлю. Воспользовавшись облегчением условий записи в «градское общество» во времена Екатерины II, представители этих династий смогли занять там видное место. Среди московских купцов 1-й и 2-й гильдии числились, например, Салех Ерзин, Мухаммед Рахим Исаков, Ибрагим Ахун Джанов, Хайрутдин Костров, Муртаза Девишев, Ашим Мирза Нигматулла и др.¹²

Особенно быстро богатели те торговцы из российских мусульман, которые закрепили за собой посреднические позиции в торговых отношениях между Россией и ее мусульманскими соседями. Помогая ее продвижению в глубь Азии, они пользовались покровительством империи не без выгоды для собственного предпринимательства и благосостояния. Именно таким образом были нажиты многомиллионные капиталы Хусаиновых из Оренбурга, Дебердеевых из Уфы и др.

8 марта 1843 г. на мусульманских купцов 1-й и 2-й гильдии «со всеми законными женами и прижитыми от них детьми» было распространено действие имперского законодательного установления (от 10 апреля 1832 г.), официально предназначенного поощрить купеческое сословие во имя «успехов отечественной торговли и промышленности» и возводившего купцов обеих гильдий в потомственное почетное гражданство. Тем самым в сословии «городских обывателей» эта прослойка купечества становилась привилегированной группой, поскольку потомственные почетные граждане обладали правом участия в городском самоуправлении, они освобождались от рекрутской обязанности, от подушной подати и телесных наказаний.

Благодаря реформам 1860-х гг. российское общество, включая мусульманское население, стремительно охватывали перемены, в силу которых постепенно убывала прежняя значимость официальной сословной регламентации социально-правового статуса населения России. К реальной переоценке этого статуса по внесословным критериям, к постепенной утрате сословиями их специфически-статусных характеристик подводила, «с одной стороны, юридическая и фактическая ликвидация привилегий дворянства, с другой — ликвидация правовой неполноценности мещанства и крестьянства». Сближаясь друг с другом в правовом отношении, сословия «постепенно трансформировались в классы и профессиональные группы»¹³

По мере вступления России в эпоху ускоренного развития капитализма небывалыми темпами расширялась городская прослойка мусульманского населения, а отходничество (по причине главным образом крестьянского малоземелья) становилось все более массовым и долговременным. Последствия всех этих перемен трудно переоценить по двум позициям, исключительно значимым для обустройства российского общества на гражданско-правовой основе. Речь идет, во-первых, об усилении межсословных социальных перемещений по мере урбанизации; во-вторых, о постепенном перерастании территориального соседства представителей мусульманских народов в городах с русским населением в установление межличностных (надсословных) контактов.

Именно в условиях городской жизни налаживалось межнациональное взаимодействие по линии предпринимательства, найма, со временем и общественной деятельности. Именно с учреждения ратуш в городах, а затем и земств брала начало тенденция размежевания самоуправления и государственного управления, что, по авторитетному мнению С. Б. Миронова, являлось первой стадией становления гражданского общества в России.

Как ни уникален был для своего времени пример Оренбурга, но именно с Сеитова посада ведет отсчет феномен, в котором, если следовать современной терминологии, можно усмотреть своеобразную претечку не только договорных отношений между государством и гражданами, но также местного самоуправления и «национально-культурной автономии». История посада начиналась с того, что 8 марта 1744 г. Сенат откликнулся на инициативу первого оренбургского губернатора И. И. Неплюева, отправившего в столицу удовлетворить просьбу «самоохотно желающих из казанских татар, людей торговых и пожиточных» о том, чтобы поселиться и жить при Оренбурге. Согласно сенатскому решению, в пределах образованного таким образом Сеитова посада его жителям дозволялось «свободное содержание веры», включая строительство мечетей, а сами они освобождались от рекрутской повинности. Одновременно к ним предъявлялось требование: «В магометанский закон из подданных Ея Императорского Величества из других народов, которые туда приезжать будут, никого не подговаривать».

Г. Г. Косач, известный современный востоковед (и уроженец Оренбурга), отмечал важное обстоятельство: подталкивая нерусскую часть подданных империи к участию вместе с русскими в хозяйственном развитии Оренбурга, Россия открывала для себя «окно в Азию». Одновременно проводился «курс на активное включение поволжских татар в общегосударственную политику», учитывая их «экономические навыки, хозяйственную инициативу и предприимчивость, контакты с иными мусульманскими народами, которые они могли свободно понимать». Сохраняя свою культуру, язык и веру, они имели возможность пользоваться выгодами в торговле со странами Азии, опираясь как на прошлый опыт торговых связей, так и на те преимущества, которые в общении с зарубежными мусульманами давала их собственная приверженность исламу. Развиваясь в качестве торгово-промышленного центра, Сеитов посад становился тем звеном, благодаря которому восстанавливались прерванные русским завоеванием Казани традиционные связи поволжских татар с остальным мусульманским миром¹⁴

Судьба Оренбурга как военно-административного центра и одновременно центра экономического освоения пограничного края имела ряд общих черт с судьбой других русских окраинных поволжско-приуральских, а также северокавказских городов-крепостей. Разница состояла разве что в том, что в последнем случае переселенческий поток включал в себя представителей горских народов, в первом — приоритет оставался за татарским населением.

Переселяясь в города, представители различных народов со временем оказывались в ином, нежели ранее, социальном статусе. Как правило, этому способствовала их включенность в общезначимую для города, а порой и государства сферу деятельности. Так, в Моздоке, где к началу XIX в. русские составляли лишь треть горожан, командование Кавказской линии предложило каждой из обосновавшихся там общин (из осетин, кабардинцев, армян, грузин и т.д.) избрать «старейших из более уважаемых» и поручило им непосредственное управление местными делами. Общее управление было вверено Городской думе, членами которой являлись главным образом помещики и крупные торговцы разных национальностей. Из осетин и кабардинцев была сформирована Моздокская горская команда. Она несла охранную службу, сопровождая торговые караваны и путешественников по Военно-Грузинской дороге от Моздока до Владикавказа. В 1824 г. эта команда по приказу А. П. Ермолова вошла в состав вновь сформированного Моздокского горского полка.

Трудно переоценить интеграционные последствия урбанизации мусульманского населения России в пореформенный период. И дело здесь заключалось как в количественных, так и в качественных характеристиках данного процесса. К началу XVIII в. коренными российскими горожанами из числа мусульман являлись разве что татары — потомки столичных жителей бывших ханств. Их численность в Казани составляла 1,5 тыс. человек, в Астрахани — 1,5 тыс., в Касимове — 339 человек. Ко второй половине XIX в. татары жили во многих, в том числе в губернских, городах Поволжья и Приуралья. В Казани их численность достигала почти 7 тыс. человек, в Астрахани — 6 тыс., в Сеитовом посаде — 8 тыс. человек¹⁵ Татарской миграции из Поволжья и Приуралья принадлежала ведущая роль в разрастании мусульманских общин в городах Центральной России, включая Москву и Санкт-Петербург.

Основную массу переселенцев составляли мелкие торговцы, ремесленники, а главное — крестьяне. В последнем случае бытовали как отходничество (в межсезонье), так и поиск лучшей доли, который обычно начинался с трудоустройства на малопrestiжных работах в качестве прислуги, официантов, швейцаров, дворников и т.п. Те, кому со временем удавалось преуспеть в ремеслах или в коммерции, пробивались в ряды мещан или же купцов. Повторялась, таким образом, общая для России линия перемещения из крестьянского сословия в сословие городских обывателей.

Наряду с возрастанием масс переселенцев, начинавших жизнь в городе с низкоквалифицированного труда, мусульманскую городскую диаспору пореформенного времени характеризовало заметное расширение торгово-предпринимательской прослойки. В 1882 г., например, 6,8% московских татар занимались извозом, работали прислугой, дворниками, рабочими на железной дороге, содержали харчевни и ночлежки; 38% — вели торговлю; 31,4% — являлись военнослужащими. В 1897 г. на военнослужащих приходилось 9,4%, на торговцев — 41,6%, на прислугу — 28,2% и т.д.¹⁶

Важной специфической чертой жизни горожан-мусульман, в первую очередь из татар, являлось то, что они, включая разбогатевших купцов, обычно не порывали связей с односельчанами: помогали им строить не только мечети, но также мосты, дороги, школы и т.д. Эти связи приобрели особый размах в пореформенный период, когда мусульманское предпринимательство стало выходить на качественно новый уровень, когда на «смену купцам — представителям старинных династий (Апаковым, Азметьевым, Бурпаевым, Юнусовым), жившим на протяжении столетий в ладах с властями и довольствовавшимся размеренной, спокойной жизнью своих мечетских приходов, пришли коммерсанты нового типа (Галеевы, Галикеевы, Казаковы). Будучи в основном выходцами из деревень, с помощью коммерческой жилки, энергии, прагматизма они добивались больших состояний. Поскольку почти все они знали русский язык, то небезуспешно налаживали связи в русской купеческой среде»¹⁷

Новое поколение предпринимателей-мусульман сумело найти для себя такую нишу в российском капиталистическом укладе (торговля мехами, кожей, мануфактурой, коврами, красной рыбой, мясом, хлебом и т.п.), что практически не конкурировало с иными соотечественниками. Проживание в больших городах, центрах деловой активности и культурной жизни, в непосредственном соседстве с русским населением способствовало ознакомлению с устоявшимися традициями русской городской культуры. А вместе с тем позволяло не оставаться в стороне от пореформенного переворота в российском общественном сознании, в результате которого личные достоинства, заслуги и талант, состояние, нажитое собственным трудом, стали цениться выше, чем восхождение по сословным ступеням с его инерционным приобретением благ и привилегий.

Сохраняя верность исламским традициям, представители нового поколения предпринимателей-мусульман стремились привести их в соответствие с современной действительностью. Многие из них отправляли сыновей в российские, порой зарубежные, высшие учебные заведения, а также финансировали модернизированные мусульманские (новометодные) школы, где наряду с изучением ислама велось преподавание общеобразовательных дисциплин, а со временем и русского языка. Большой известностью пользовались такие медресе, как Галия и Усмания (Уфа), Мухаммадия (Казань), Хусания (Оренбург). Обновлению традиционно-исламского образования в России благоприятствовал подъем просветительского движения в странах мусульманского Востока (в Египте, Сирии и других), а также связи российских реформаторов-мусульман с видными зарубежными просветителями.

Особое значение для судеб российской государственности, а не только исповедовавших ислам народов России, имело то, что из их среды в пореформенный период вышли видные богословы и мыслители, провозвестники реформ в духе нового времени. Многие из них (Шихаб Ад-дин Марджани, Каюм Насыри, Ризаэтдин Фахрутдинов и др.) были

близко знакомы с видными деятелями русской науки и культуры и вносили немалый вклад в культурное сотрудничество разных народов России. Занимая высокие почетные должности ахуна и мухтасиба Казани, Марджани (1818–1889), например, поддерживал контакты с известными казанскими и петербургскими востоковедами. Будучи избранным в Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете, он принимал также участие в его международных конгрессах. Марджани горячо ратовал за изучение русского языка и светских дисциплин, доказывая единоверцам, что это не противоречит шариату. Той же позиции придерживался видный мусульманский просветитель Насыри (1825–1902), который не уставал повторять: «Мудрость для правоверного — заблудившаяся верблюдица, которую он ищет повсюду». По окончании медресе Насыри был вольнослушателем Казанского университета. Позднее — состоял членом Общества археологии, истории и этнографии и много выступал перед русской публикой, знакомя ее с культурой татарского народа. Его усилиями были заложены основы не только татарского литературного языка и литературной критики, но также созданы учебные пособия по изучению русского языка. Насыри считал своим долгом «содействовать русским людям в выяснении татарского быта», «поделиться с ними печатно выводами» своих длительных наблюдений этого быта.

Садри Максуди, один из видных мусульманских лидеров начала XX в., проводил мысль о том, что Россия обретет свою силу и спокойствие «свободой своих граждан, сознательным сцеплением своих областей и добровольным политическим притяжением всех народностей»¹⁸.

В результате участия мусульман в разных сферах общественной и государственной жизни России, отмечал А. Б. Халидов, среди них увеличивалось число знающих русский язык, посредством которого они знакомились со светской русской и западноевропейской культурой и неизбежно подвергались ее влиянию. «Каждый успех, достигнутый Россией на пути развития науки, техники, культуры и просвещения, сказывался в какой-то мере на ее мусульманском населении: среди него появлялись обученные солдаты и офицеры, технически грамотные рабочие и специалисты, нарождалась гуманитарная интеллигенция, в основном вышедшая из среды мусульманского духовенства, развивались школьное дело, книгопечатание, журналистика и реформаторское движение, подчас опережавшие аналогичные явления в остальном мусульманском мире»¹⁹.

В свете этих перемен набирал остроту вопрос о гражданском равноправии народов России независимо от их этноконфессиональной принадлежности. Манифестом «О милостях, дарованных в день крещения наследника цесаревича великого князя Алексея Николаевича» (от 11 августа 1904 г.) были отменены телесные наказания для «инородцев» (как, впрочем, и для всех российских крестьян)²⁰.

Императорский указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» (от 12 декабря 1904 г.) содержал обещание

«произвести пересмотр действующих постановлений, ограничивающих права инородцев — уроженцев империи с тем, чтобы из числа сих постановлений впредь сохранены были лишь те, которые вызываются насущными интересами государства и явною пользою русского народа». Указ Николая II от 5 декабря 1906 г. предоставлял «всем российским подданным безразлично от их происхождения, за исключением инородцев, одинаковые в отношении государственной службы права применительно к таковым правам лиц дворянского сословия, с упразднением всех особых преимуществ на занятие их».

Гражданское равноправие было продекларировано лишь после Февральской революции 1917 г. Временное правительство 20 марта 1917 г. приняло постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», согласно которому лишались юридической силы «все узаконения, действующие как на всем пространстве России, так и в отдельных местностях и устанавливающие в зависимости от принадлежности российских граждан к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности какие-либо ограничения» вне зависимости от их национальной и конфессиональной принадлежности.

¹ Сорокин П. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000, с. 21–35.

² Орешкова С.Ф. Средние века (IX–XVIII вв.) // Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. М., 1983, с. 52.

³ Понятие «веры», по заключению А.Л. Юрганова, стояло в одном ряду с такими основополагающими категориями средневековой культуры Руси, как «закон» и «правда». Закон означал реализацию воли Бога. Правда воспринималась как юридическое установление верховной государственной власти, как воплощение истины (истинности) и справедливости. Вера включала в себя многообразное содержание: доброй вере (честности, совести) противостояла вера злая; христианской вере (она же правая, правоверная и истинная) противопоставлялась вера иная, чужая, кривая. В отношении «иноверья» и «кривоверья» допускалась возможность их исправления и выправления. — Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998, с. 44.

⁴ Новгородцев П.И. Существо русского православного сознания // Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995, с. 410–411.

⁵ Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. I. М., 1998, с. 23.

⁶ Цит. по: Ислам в Российской империи. Законодательные акты, описания, статистика. М., 2002, с. 40–41.

⁷ Ильин И.А. Наши задачи // Ильин И.А. Собрание сочинений. Т. II. Кн. I. М., 1993, с. 369–370.

⁸ Российское законодательство X–XX вв. Т. 5. М., 1987, с. 67–68. См. также: Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. I, с. 23.

⁹ Кисреев Э.Ф. Ислам и власть в Дагестане. М., 2004, с. 26.

¹⁰ Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. I. СПб., 1999, с. 141.

¹¹ Цит. по: Серебренников Н.Е. Законы о православном духовенстве и учреждениях духовных. М., 1914, с. 49.

- ¹² Хайретдинов Д.З. Мусульманская община Москвы в XIV — начале XX века. Нижний Новгород, 2002, с. 114, 145.
- ¹³ Миронов Б. Н. Указ. соч., с. 141.
- ¹⁴ Косач Г.Г. Город на стыке двух континентов. Оренбургское татарское меньшинство и государство. М., 1998, с. 37.
- ¹⁵ Исхаков Д.М. О некоторых аспектах формирования городской культуры волго-уральских татар на национальном этапе // Казань, Москва, Петербург. Российская империя взглядом из разных углов. М., 1997, с. 252.
- ¹⁶ Хайретдинов Д.З. Указ. соч., с. 162.
- ¹⁷ Ибрагим Т.К., Султанов Ф.М., Юзеев А.Н. Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте. Казань, 2002, с. 121.
- ¹⁸ Исторические портреты. Духовная культура и татарская интеллигенция. Казань, 2000, с. 26–34, 35–41.
- ¹⁹ Ислам на территории бывшей Российской империи, с. 23.
- ²⁰ Применительно к мусульманскому населению империи «инородческое» состояние к концу XIX — началу XX в. распространялось лишь на ту его часть, которая «на основании племенного происхождения не вполне подпадала под действие общероссийских законов и находилась на особом управлении, основанном на родовом, племенном начале». — Грибовский В.М. Государственное устройство и управление Российской империи. Одесса, 1912, с. 52.

**КАЗАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ:
ФОРПОСТ РОССИЙСКОЙ НАУКИ
В КОНТЕКСТЕ ВОСТОКА И ЗАПАДА**

Университеты сыграли уникальную роль в мировой и европейской культуре и науке, явились одним из ключевых факторов интеграции.

Университетская система России складывается в начале XIX в. в рамках широкомасштабной реформы образования. Цель ее состояла в подготовке просвещенной бюрократии, способной осуществить политические преобразования в стране, поэтому особое место верховная власть отводила среднему и высшему звеньям образовательной системы. Были сняты сословные ограничения на получение образования. Сквозь призму этих установок анализировался европейский опыт организации университетской системы.

Костяк университетской системы России в начале XIX в. составили Московский (1755 г.), Дерптский (1802 г.), Виленский (1803 г.), Казанский (1804 г.), Харьковский (1805 г.) и Варшавский (1815 г.) университеты. Создание системы университетского образования в России было продиктовано объективными потребностями социально-экономического и культурно-политического развития. Известный ученый, выпускник Казанского университета А. Н. Бекетов, обращая внимание на многофункциональность и глубину воздействия университетов на отечественную цивилизацию, утверждал: «Университетские города разбросаны в России, как оазисы в пустыне».

Отечественные университеты демонстрировали свойственную стране культурную восприимчивость. Так, в речи по поводу столетия первого российского университета профессор С. Шевырев заметил, что отечественные университеты «восприняли не только отвлеченную умозрительность немцев с их философско-систематическим и глубокомысленным направлением науки, но и практический смысл французов, англичан и шведов». Российские университеты в XIX в. были не просто источником, из которого желающие черпали знания, но и местом формирования интеллигенции. Реализация ведущей — просветительской — функции представлялась передовым преподавателям и педагогам неразрывно связанной с воспитательными задачами. В актовой речи, произнесенной 5 июля 1814 г. в Казанском университете, В. Перовшиков убежденно декларировал, что «просвещение рождает и самую любовь к Отечеству. Грубый человек иметь ее не может; полупросвещение производит кос-

мополитов, людей всегда бесполезных, часто вредных обществу». Некоторые особенности российских университетов были обусловлены спецификой региона, его населения и позиций местного дворянства. Это применимо и к Казанскому университету. Как и другие императорские университеты, он создавался прежде всего для подготовки чиновников, учителей, переводчиков (владеющих знанием языков, истории и духовной культуры Востока), в которых остро нуждался государственный аппарат, а также образовательная система. Власти сознательно шли на создание университетов на окраинных многонациональных территориях страны. На них правительство стремилось возложить проведение государственной политики средствами просвещения среди народов России.

Казанский университет создавался вдали от европейских гнезд учености, от покровительства властных структур империи. Генетически с первых лет существования он был связан с московским собратом. В 1799 г. в Казань была направлена группа одаренных воспитанников Московского университета, в том числе Нигмат Мисаилович Ибрагимов — первый наставник С. Т. Аксакова по «Обществу вольных упражнений в российской словесности». Среди первых учеников адъюнкта Ибрагимова оказался будущий ректор Московского университета Д. М. Перевощиков. Учились у Ибрагимова и братья Лобачевские. В области математики связующим звеном между Казанью и Москвой был учитель Н. И. Лобачевского Г. И. Карташевский (1779–1840). С 1805 г. он был назначен адъюнктом высшей математики Казанского университета.

Для выявления специфической, уникальной миссии Казанского университета надо учитывать динамику отношений центральной власти к мусульманам России. Политика уступок и лавирования в отношениях с российским исламским миром, т.е. культурным миром Востока, объяснялась не только социально-политической напряженностью в Поволжском и Уральском регионах, но и задачами освоения Сибири, Казахстана и Средней Азии. Немаловажным обстоятельством была борьба с Османской империей. Спецификой географического и геополитического положения Казани был обусловлен курс правительства на формирование Восточного разряда в Казанском университете. Во второй четверти века он превратился в крупнейший центр изучения восточных культур, языков и истории.

Структурно разряд включал кафедры монгольского, турецко-татарского, армянского языков, санскритологии. Российский и европейский резонанс получили достижения казанских научных школ — химии, языкознания, математики и другие.

Казанскую школу востоковедов в XIX в. отличали комплексность подхода к предмету исследования, сочетание публикаторской, экспедиционной, археографической деятельности, обширные контакты с зарубежными коллегами. Ей были присущи многонациональность состава ученых, политическая непредвзятость и «беспристрастность», универсальность интересов и симпатии к объекту изучения — этническим формам бытования и культуре народов Востока. Эти качества определили высокий международный авторитет казанской школы исследования.

В 1833 г. в Казани открылась монгольская кафедра. Последняя длительное время была единственной кафедрой монгольской словесности в Европе. Трудности ее организации и становления замыкались на отсутствии специалистов. Правительство предложило выписать преподавателя монгольского языка из-за границы, но ректор Н. И. Лобачевский сформировал новую кафедру из воспитанников местного университета, командировав их предварительно для изучения живого монгольского наречия и приобретения литературы на границе России с Монголией. Молодые посланцы Казани впоследствии явились первыми глубокими исследователями и переводчиками на русский язык «Гэсериады» — народного эпоса монголоязычных и тибетских племен — это О. М. Ковалевский и А. В. Попов. За пять лет пребывания среди бурят-монголов Ковалевский и Попов в совершенстве изучили монгольский, китайский, маньчжурский языки. Основоположник русского монголоведения О. М. Ковалевский (1800–1878) руководил кафедрой монгольского языка вплоть до перевода ее в 1854–1855 гг. в Петербург.

Структурное оформление Восточного разряда завершилось созданием кафедр армяноведения и санскритологии (1842 г.). Их возглавили С. И. Назарьянц и П. Я. Петров. С 1828 г. в Казани плодотворно работала турецко-татарская кафедра, возглавляемая А. К. Казем-Бекем (1802–1870 гг.). В Казани он проработал почти 20 лет (1826–1849 гг.). Личность, олицетворяющая Восток и Запад. О нем писал В. В. Григорьев: «Казем-Бек — одна из замечательнейших в настоящее время личностей, не только у нас, но и в целой Азии и в целой Европе... азиатец с глубоким мусульманским образованием, соединяющий основательное знакомство с ученостью европейскою, владеющий одинаково как арабским, персидским и турецким, так и английским, французским и русским языками, и на всех шести языках писавший и печатавший». Его звезда как востоковеда взошла именно в Казани.

А. К. Казем-Бек возглавил кафедру турецко-татарского языка в 1829 г. Знание языков открывало ему возможность непосредственного общения с коллегами. Делом жизни можно считать издание Казем-Бекем сочинений по истории народов России и Востока. Среди подготовленных и опубликованных им сочинений — «История крымских ханов» Сеид Ризы, обнаруженная еще И. И. Хальфиным, «Дербент-намэ», книга по мусульманскому законоведению «Мюхтесерюль вигкает». Занимался он также проблемами религии в общественных движениях (бабизм, Авеста).

Его имя заняло место во многих энциклопедических и справочных изданиях многих европейских стран. Он был членом многих ученых обществ России, Европы, Северной Америки. Его «Грамматика» была удостоена Демидовской премии.

Воспитанником А. К. Казем-Бека был Илья Николаевич Березин, который при поддержке ректора Н. И. Лобачевского провел огромную публикаторскую работу. Его преподавательской работе предшествовало трехлетнее путешествие по Закавказью, Ирану и Сирии. В Казани

профессор Березин издавал «Библиотеку восточных историков». Были собраны и прокомментированы труды восточных историков и летописцев о монголах и их походах на Запад. Березин первым в Европе издал полный перевод «Монгольской истории», сохранявшей статус бесценного для исторической науки труда вплоть до академического издания середины XX в.

Личность Ильи Березина олицетворяет животворную близость научных школ Казани и Петербурга. В 1855 г., в связи с переводом в столицу Восточного разряда, он был переведен на кафедру тюркских наречий Петербургского университета. Там он защитил докторскую диссертацию (1864 г.). Не менее показательна для университетария той поры и биография Андрея Николаевича Бекетова (1825–1902) — выпускника столичного университета. В 1847–1848 гг. он был вольнослушателем в Казанском университете. Докторскую диссертацию защитил в Москве. Работал профессором ботаники в Харьковском университете. Закончил карьеру в Петербурге, где основал ботанический сад при университете, а в 1876–1884 гг. был и ректором имперского университета. Известен помимо прочего организацией высших женских курсов, где в течение 15 лет безвозмездно преподавал и его брат Николай Николаевич Бекетов.

Не чужды были ученым провинциальных университетов и проблемы славяноведения. Выпускник Московского университета В. И. Григорович, крупнейший российский славист, преподавал в Казанском университете в 1839–1844 гг. Тезис о существовании славянского единства, славянской идентичности в его магистерской диссертации начал работать как обоснование необходимости сравнительно-исторического изучения не только славянских языков, но и литератур, истории, этнографии. Утверждалась адекватность методологического синтеза в славистике. Концептуально-опорным тезисом Григоровича стало славянское просвещение как единство фактов языка, истории, культуры. Владимир Иванович счел возможным рассматривать историю литературы восточных, южных и западных славян с позиций единой периодизации и типологического единства развития культур славянских народов.

Казань нашла место и в научной биографии ректора Московского университета А. В. Болдырева. Он был крупным ученым-арабистом, и по его рекомендации библиотека Московского университета закупила в Казани рукописи поэмы «Шах-наме» Фирдоуси, а также книги из личной библиотеки А. К. Казем-Бека. Помимо этого примечателен факт, что у Болдырева учился П. Я. Петров (1814–1895) — выпускник словесного факультета Московского университета, научно-педагогическая деятельность которого связана с Казанью. Корифей в области санскритологии, Петров совершенствовался в арабском, персидском, турецком языках у О. И. Сенковского, Ж.-Д. Деманжа, Ф. Ф. Шармуа и Ленца, работавших в Петербурге.

За десятилетие работы в Казани Петров первым в России подготовил и прочитал курс лекций по истории литературы Индии; перевел на русский язык «Махабхарату»; издал тридцать научных работ. Раскрылся

он здесь и как издатель-подвижник: выписав из Берлина санскритский шрифт, он при напечатании своих работ выполнял функции наборщика типографии. В «Санскритской антологии» Петров опубликовал собственный перевод отрывков из «Рамаяны» и «Махабхараты», впервые познакомив Россию и Европу с творчеством девяти индийских поэтов.

Выпускники Казанского университета, ученики И. И. Хальфина, М. Х. Френа, А. К. Казем-Бека, И. Н. Березина, О. М. Ковалевского, М. Г. Махмудова, работали в столичных университетах, в Лазаревском и Восточном институтах при Ришельевском лицее, Азиатском департаменте, Азиатском музее, в учебных заведениях Закавказья и Казахстана, Поволжья, Урала и Сибири.

В Казанском университете на европейском уровне было поставлено преподавание многих дисциплин. Достижения многих научных школ Казани имели резонанс в Европе.

Среди наук, переживавших в первой половине XIX в. период расцвета, особое место занимали математика и механика. Грандиозная задача была решена Н. И. Лобачевским, создавшим новую неевклидову геометрию, получившую название «геометрии Лобачевского». Свои научные идеи великий ученый развивал всю жизнь. В 1829 г. в журнале «Казанский вестник» он опубликовал работу «О началах геометрии» — расширенный вариант доклада, в котором Лобачевский пытался ознакомиться со своими исследованиями математиков России и мира. Однако по ряду причин, в том числе из-за отсутствия в России почвы для осмысления его теории, идеи Лобачевского не были признаны при его жизни. Только Карл Гаусс отнесся к работе российского коллеги с сочувствием. Он побудил Королевское Геттингенское общество избрать Н. И. Лобачевского членом-корреспондентом (1842 г.). В письме Шумахеру Гаусс охарактеризовал труд Лобачевского о теории параллельных как сочинение «мастерски написанное в чисто геометрическом духе, способное доставить особое наслаждение».

Новой теории посвящен и последний труд ученого «Пангеометрия» (1855 г.), который ослепший в конце жизни Лобачевский диктовал своим ученикам для юбилейного доклада. Это сочинение ученый представил Совету университета. 11 апреля 1855 г. физико-математический факультет при баллотировке по вопросу о сочинении «Пангеометрия» одобрил его единогласно (21 голос). Великий математик умер, будучи так до конца и не признанным, и при жизни никто из профессоров университета, кроме П. И. Котельникова, не дал положительного отклика. К концу XIX в. слава Лобачевского стала поистине европейской. К столетию ученого призыв физико-математического общества Казанского университета составить капитал для основания международной премии его имени за труды по неевклидовой геометрии нашел поддержку математического мира в Европе и Америке. Это позволило собрать необходимые средства не только на премию, но и на сооружение памятника.

Математические идеи Н. И. Лобачевского в последующие десятилетия оказали огромное воздействие на весь ход развития математики,

выдвинули русскую математическую школу на одно из первых мест в мире. Они вызвали перестройку основных понятий в математике.

Особую страницу в историю мировой науки вписали казанские химики. Большинство ведущих российских химиков, трудившихся в XIX в., тем или иным образом связаны с Казанским университетом. У истоков казанской химической школы, принесшей отечественной науке мировую известность, стоит воспитанник Казанского университета Н. Н. Зинин (1812–1880).

После избрания профессором по кафедре химической технологии начинается самый плодотворный период его деятельности. Химическая лаборатория при Зинине обрела статус общепризнанного центра химической мысли России. Здесь были совершены важные открытия, главное из которых — получение анилина из нитробензола. Открытие обнародовано в 1840-е гг.

Дальнейшее развитие химической науки в университете связано с деятельностью ученика Зинина — одного из основателей Казанской школы органической химии, «отца русской химии» А. М. Бутлерова (1828–1886). В годы учебы в Казанском университете Бутлеров изучал турецко-татарский язык: его прельщала возможность понимать язык населения Казани и заволжских степей. Начала татарского языка преподавал тогда Абдусеттар Касимович Казем-Бек. Товарищами Бутлерова по классу оказались двое бурят — Цокто Чимитов и Гырыл Бадаев. Они происходили из селенгинских и монгольских бурятских родов.

Расцвет деятельности А. М. Бутлерова приходится на 1860–1880-е гг. Именно ему принадлежит заслуга создания теории химического строения органических веществ, которой было суждено сыграть в органической химии ту же роль, какую играла периодическая система Д. И. Менделеева в неорганической химии. Без теории строения органических веществ не могли бы существовать современная органическая химия, биохимия, химическая физика и генетика. Химии «плоскостной» Бутлеров придал объемность. Для обозначения взаимной связи между атомами он ввел в науку понятие «структура», которая наряду с составом определяет физические и химические свойства соединений.

Докторская диссертация «Об эфирных маслах» была защищена Бутлеровым в 1854 г. Развивая особое направление в химико-структурной теории, он проявил интерес к атомному строению вещества. В январе 1858 г. ученый выступил на одном из собраний Парижского химического общества с докладом, обозначив в нем основные цели своей теории. Новое концептуальное видение определялось попыткой рассмотреть химические соединения с точки зрения теории строения. В 1859 г. он открыл новое вещество — диоксиметелен. В следующем году из диоксиметелена, подвергнутого действию аммиака, он получил сложное соединение (впоследствии оно нашло применение в медицине, получив название уротропин). Чуть позже искусственным путем было получено сахаристое вещество — метиленилан и открыт новый способ получения этилена.

Тесное сотрудничество университетов — важная страница их цивилизационной миссии. Между учеными Казани и Тарту издавна существовали глубокие и многогранные научные связи. Историк Харьковского университета профессор Н. Ф. Сумцов считал, что «Дерптский университет служил не только местному краю, но и всей России». Этот университет отличался европейской постановкой преподавания, оснащенной передовыми средствами науки, материальной базой, корпоративным духом студенчества. Н. И. Пирогов в статье «Университетский вопрос» писал: «Дерптский университет тем отличался от других русских университетов, что он возобновляет свои силы, заимствуя их прямо от Запада...»

В подготовке высококвалифицированных специалистов для Казанского университета весьма значительную роль сыграл Профессорский институт (1828–1838 гг.) при Дерптском университете. Уже в первый состав воспитанников Профессорского института в 1828 г. по инициативе Н. И. Лобачевского были включены два кандидата из Казанского университета — Д. Л. Крюков и Н. А. Скандовский. Во втором составе воспитанников института был Н. А. Иванов, впоследствии профессор Казанского университета, один из первых организаторов публичных лекций. В Казанском университете преподавали выпускники Профессорского института — экономист И. Я. Горлов, профессор механики П. И. Котельников.

Своей исследовательской, просветительской и общественной активностью выделялось Общество археологии, истории и этнографии (ОАИЭ). В год своего основания (1878) Общество насчитывало 171, в 1890 г. — 189, в 1901 г. — 111 членов.

В основном это были преподаватели Казанского университета, Ветеринарного института, гимназий, училищ, общественные деятели, сотрудники периодической печати и др. В архивах Общества, хранящихся в отделе редких рукописей и книг библиотеки Казанского университета, только рукописей по черемисской словесности насчитывается 12.

Общество издало десятки томов «Известий», где сотрудничали Г. Н. Потанин, В. А. Богородицкий, Н. В. Крушевский, Р. Г. Игнатъев, Н. П. Загоскин, Г. С. Саблуков, Н. Н. Фирсов и многие другие. Постоянными сотрудниками «Известий» Общества были 17 ученых из татар. Это К. Насыри, Ш. Марджани, Ш. Ахмаров, Г. Ахмаров, С. Аитов, Г. Ильяси, М. Б. Зайтов и др. В 1893 г. в члены Общества был принят учитель из татар Гайнетдин Ахмеров. Продолжая традиции Насыри и Марджани, он стал первым профессиональным археологом из татар и внес заметный вклад в изучение и сохранение памятников истории края. Его перу принадлежит труд по истории булгар, явившийся обобщением материалов лекций, прочитанных автором в Восточном клубе в 1909 г.

Общество имело музей с ценными коллекциями болгарских древностей, древностей Ананьинского могильника, предметов каменного и бронзового веков, этнографические коллекции. Экспонаты собирались его членами в ходе ежегодных экспедиций. Из-за тесноты помещения их демонстрация для широкой публики проходила во время периодических выставок в залах университета.

За полвека деятельности Общество издало 34 тома «Известий» общим объемом более тысячи печатных листов. Из более тысячи публикаций примерно 400 посвящены истории края и его народов, свыше ста — истории и культуре народов Сибири, Средней Азии, Дальнего Востока. Реализуя просветительскую миссию университетов, члены ОАИЭ выступали застрельщиками оформления экспозиций на научно-промышленных выставках. В конце XIX в. подобные выставки имели в России заметный культурно-общественный резонанс. Об этом свидетельствуют и данные о численности посетителей выставок. В частности, выставку 1890 г., проходившую в Казани, посетили более пятидесяти тысяч человек. Помимо практической и коммерческой нагрузки экспонаты выполняли и научно-познавательную функцию. Так, на Сибирско-Уральской выставке, проходившей в Екатеринбурге (1887 г.), «особое помещение» было выделено для инородцев. Экспозиция Казанского университета, размещенная в отделе географии, включала коллекции «башкирских и киргизских (казахских) принадлежностей обыденной жизни врача Никольского». Университет экспонировал также русские и инородческие костюмы, вещи старых инородческих кладбищ и т.п. Казанский университет был тогда награжден золотой медалью за коллекцию предметов каменного века, представленную ОАИЭ. Награды получили и отдельные коллекционеры.

Многообразие экспонатов и этнографических коллекций, представленных на выставке, было отражено в статье И. Н. Смирнова «Этнография на Казанской научно-промышленной выставке». Из 91 этнографического экспоната, переданного впоследствии городскому музею, особую ценность представляла коллекция марийской одежды с уникальными образцами домашнего ткачества и национальной вышивки, датируемыми концом XVIII — началом XIX в. Учеными — членами Общества созданы классические труды по истории и культуре финно-угорских народов. Десятки статей о культуре народов мари и мордвы принадлежат перу члена ОАИЭ И. Н. Смирнова. В период 1898–1914 гг. его бессменно возглавлял выдающийся востоковед Н. Ф. Катанов (1862–1922).

Н. Ф. Катанов пользовался репутацией универсала, был полиглотом, историком, этнографом и языковедом. Сын хакасов (отец принадлежал к народности сагайцев, мать — качинцев) стал студентом арабско-персидско-турецко-татарской словесности; при содействии профессора В. Р. Розена Катанов был назначен экстраординарным профессором Казанского университета. Сожалея, что не удалось остаться в столичном университете — центре российского востоковедения, имевшем специализированный факультет, Катанов оценил и возможности Казани. Преимущество этого города он видел уже в том, что «татары под руками». Он был полон серьезных планов.

Выпускник Восточного факультета столичного университета, Н. Ф. Катанов приехал в Казань в 1894 г. Профессорское сообщество встретило его с опаской: в глазах многих он был «инородцем», претендовавшим на членство в университетской корпорации. Настороженное

настроение коллег не мешало молодому ученому сознавать преимущества Казани. Вокруг был живой, пульсирующий лингвистический материал, живые «носители» восточных культур.

Как лектор Катанов отличался эрудицией, ораторским искусством, соперничал в мастерстве преподавания с профессорами Н. А. Фирсовым, Д. А. Корсаковым, Н. А. Осокиным, И. Н. Смирновым, Ф. Г. Мищенко. Столь лестной репутации способствовала кропотливая, постоянная и неутомимая научная деятельность. Катанов очень быстро выдвинулся в число ведущих отечественных тюркологов. Обширность лингвистических знаний определялась постоянным изучением языков — киргизского, бурятского, башкирского, монгольского, калмыцкого и родного хакасского.

В Казани Н. Ф. Катанов жил и работал в течение 28 лет. Здесь он приобрел репутацию выдающегося тюрколога с энциклопедическим диапазоном интересов; создал труды по истории Казани, Казанского ханства, по материальной и духовной культуре татар. Катанов высоко ценил исследования Шигабутдина Марджани по истории Волжской Булгарии и Казанского ханства. Он писал, что историческое сочинение Марджани «по богатству этнографического и исторического содержания достойно перевода не только на русский, но и на другие европейские языки. Автор составил свои сообщения о Булгарском и Казанском царствах вполне научно».

Сочувствие Катанова делу культурного и образовательного прогресса инородцев проявлялось в содействии публикациям статей, посвященных музыке нерусских народов, этнографическим исследованиям. С ним был весьма близко знаком просветитель из мари В. М. Васильев. У Катанова сложился обширный круг знакомств с татарскими просветителями. Николай Федорович тесно сотрудничал с татарским ученым Каюмом Насыри. Активный член ОАИЭ Гайнутдин Назмутдинович Ахмаров в 1911 г. составил учебник татарского языка. Его тексты в 1913 г. были транскрибированы Катановым и использованы для преподавания татарского языка студентам миссионерского отделения Казанской духовной академии.

Дружественными были отношения с близкими коллегами. Катанов был знаком с И. Ф. Готвальдом и его трудами. Отдавая дань памяти известного библиотекаря и востоковеда, Катанов отмечал в некрологе: «Обладая опытностью в описании и чтении восточных рукописей, древних и новых... Иосиф Федорович неустанно следил и за всеми новостями в области ориенталистики, о которых он и писал в специальных журналах; слышал затем тексты разных рукописей, особенно нигде не издававшихся научно. Списывал и покупал даже издали интересные рукописи».

Еще в 1888 г. Катанов приступил к коллекционированию предметов, относящихся к истории и этнографии тюркских и финно-угорских народов. На протяжении всей сознательной жизни он жертвовал вещи в музей Казанского университета и города. Не был в стороне и от разнообразных сторон общественной жизни города.

Приоритетом общественно-научной деятельности Катанова было Общество археологии, истории и этнографии. Из 8 научных обществ, существовавших тогда в Казани, оно выделялось активностью, значимостью научных результатов, резонансом акций и инициатив.

«Русские занимались тюркологией не специально, а мимоходом», — говорил он в первой университетской лекции «Этнографическое обозрение турецко-татарских племен» 29 января 1894 г. Считая тюркские языки наречиями одного тюркского или турецко-татарского языка, Катанов-исследователь, по свидетельству Н. А. Васильева, владел культурой слова, донося ее от санскритских корней до народных наречий Подмосквья. Докторская диссертация Катанова «Опыт исследования урянхайского языка» (1903 г.) вошла в золотой фонд мировой ориенталистики, а он стал пионером в изучении уйгурского языка.

С 1894 г. Н. Ф. Катанов преподает в Казанском университете восточные финские языки. Со следующего года наряду с лекциями по тюркским диалектам он читает лекции по арабскому и персидскому языкам. В числе его курсов — грамматика языка казанских татар, история и этнография тюркских народов, сравнительно-историческая грамматика тюркских языков, чагатайский язык, грамматика алтайского языка, тюркская литература. В 1896 г. Катанов совершил поездку к верховьям Енисея для изучения быта и языка племен койбал и белтир, говоривших на татарском языке, а в 1888–1899 гг. организовал несколько научных поездок.

Вклад университетских ученых в науку дополнялся их участием в кругосветных экспедициях. И. М. Симонов, участник путешествия под руководством Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева (1819–1821 гг.), результатом которого явилось открытие Антарктиды, впоследствии ректор Казанского университета, удостоился чести присвоения его имени острову в Тихом океане и ряду географических точек Антарктиды. Признанием передовых позиций университетской науки России стало почетное членство ее профессоров в зарубежных университетах и Академии.

Так, А. К. Казем-Бек был действительным членом Королевского Азиатского общества в Лондоне. Н. Ф. Катанов был почетным членом многих ученых обществ, включая финно-угорское общество в Гельсингфорсе, Международное общество наук и литератур в Лувене (Бельгия).

Успехам казанских ученых — представителей различных школ и областей наук способствовало богатство научной библиотеки. Университет обменивался литературой с библиотеками 37 стран. Половина международных адресатов — восточные страны. Каталоги книг и лекций казанских востоковедов высылались почти во все ведущие страны Европы и Востока.

Университетское образование и деятельность университетов в XIX в. явилось существенным фактором социокультурного прогресса и развития общественно-политической жизни. Университеты служили основным источником формирования интеллигенции, обеспечивали социо-политические запросы населения. Казанский университет до перевода

Восточного разряда в столичный университет был ведущим центром изучения истории и культуры народов Востока, а его ученые дали непревзойденные сочинения и пособия по тюркологии, иранистике, арабистике, исламоведению.

В среде мусульман Поволжья, в свою очередь, особенно с конца XIX в., растет влияние джадидизма, установки на взаимодействие с европейским и российским культурными мирами. Начальные шаги организации научных исследований и образовательной практики в КГУ являли собой поток новаций. С течением времени они становились традициями. Этот процесс проходил в рамках развития научных школ. Востоковедение явилось новацией европейского уровня.

В начале XX в. культурная жизнь татарской части населения Казани заметно разнообразилась и оживилась. 1 декабря 1907 г. был организован «Восточный клуб». Он преследовал цель устраивать «музыкальные и литературные вечера, драматические представления, народные гулянья и игры во время “Сабана”, различные игры (кроме игры в карты)». Планировалось выписывать книги, газеты, приглашать ученых для чтения лекций. При клубе имелась русско-мусульманская библиотека, оркестр музыкальных инструментов. На вечерах, которые устраивались в рамках народного университета, звучала народная музыка. Участвовали в работе клуба и казахские студенты. В 1913 г., по сообщениям печати, любительскими труппами ставились отрывки из опер и оперетт, а в смешанных татаро-русских концертах нового клуба звучала и оперная музыка.

Пропагандой оперного искусства, сочинений малоизвестных в Казани авторов занималось любительское «Товарищество молодых оперных артистов». Для ознакомления татарского населения с европейской оперной музыкой главный режиссер казанского оперного театра Н. Н. Боголюбов издавал на татарском языке пояснительные либретто опер, содержащих восточные элементы в музыке.

Ныне в Казанском университете воссоздан Востоковедческий центр — как учебный, так и научный. Эта отрасль науки получила новый импульс развития. Разработки ученых Ю. Г. Нигматуллиной, М. А. Усманова, масштаб и разнообразие научных связей Казанского университета с Тюркской академией, Стамбульским университетом, Варшавским университетом, Гессеном способствуют возрождению традиций Казанского университета — старейшего в России.

В индустриальную эпоху российские университеты генерировали идеологии, востребованные обществом, цементировали устои гражданского общества. С середины XX в. мировое сообщество занято поисками путей реформирования высшей школы. Для вузов стало обыденным использование в учебном процессе информационных технологий. Оформились методологии, основанные на системном и информационном подходах, программировании и диалоге.

Великая хартия европейских университетов, принятая в Болонье, провозглашает их «независимыми институтами, занимающими цен-

тральное положение в обществе». Будучи особым феноменом общественной практики, российские университеты выступают инструментом развития высокой светской культуры, внедрения ее в широкие слои населения, генерации идеологием современного национального и цивилизационного сообщества, апробации структур гражданского общества, формирования национальной интеллигенции народов России и мощным ускорителем их просвещения.

Однако в силе остаются слова К. Ясперса о том, что университет — это «место, где сосредоточиваются люди духа, ставящие и решающие столь значительные задачи, что на этих людях и на их идеях должна держаться вся жизнь общества». Миссия классических университетов, по Юргену Хабермасу, состоит в том, чтобы поддерживать «единство исследования и обучения, науки и общего образования, науки и просвещения, наук между собой».

Университет осуществляет свою миссию не только и не столько потому, что концентрирует в себе интеллектуальные силы, выполняет общественный заказ на образование. Вовлекая в орбиту университетской культуры общество, он стремится не допустить его культурно-нравственной деградации, которая представляет собой одну из угроз человеческому существованию как таковому.

Уникальной функцией современного университета является его роль как центра культуры и средоточия духовной жизни общества. Важнейшую составляющую этой высокой миссии образно и точно раскрывает тема конференции ЮНЕСКО в 1988 г. «Университеты как горнило европейской культуры». Университетская профессура конца XX — начала XXI в. действительно участвует в сбережении и передаче социокультурных традиций новым поколениям, налаживании мостов между различными культурными традициями в регионе, стране и мире, в том числе между традициями Востока и Запада.

Инновации ныне зачастую многие понимают как освоение информационной технологией, которые являются не целью, а технологическим методом. По этой причине они не могут именоваться инновациями. Но формирование масштаба диалога Востока и Запада независимой от политических ветров личности, личности творческой, подпитка культурных потоков, не ограниченных конфессиональными рамками, остаются гарантом от втягивания университетов в современные центробежные процессы.

В этом отношении инициативы Казанского университета по воссозданию традиций и структур позволяют создать мосты между Востоком и Западом, гармонизировать национальные отношения.

ОСМАНСКАЯ СИСТЕМА РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩЕСТВ И ЕЕ РОЛЬ В СОЗДАНИИ ИМПЕРСКОЙ СТРУКТУРЫ И СУДЬБАХ НЕТУРЕЦКИХ НАРОДОВ ИМПЕРИИ

Тюркское население, с XI в. прочно обосновавшееся в Малой Азии, к XV в. стало своим, привычным как в Анатолии, так и на значительной части Балканского полуострова. Его появление в этом регионе было не просто завоеванием или набегом кочевников, а массовой миграцией, еще одним Великим переселением народов. Турецкий историк О. Л. Баркан и болгарский исследователь Н. Тодоров отмечают, что «главное место в этих миграциях занимает хорошо обдуманная и сознательно проводившаяся центральной властью турецкая колонизация»¹. Эта колонизация шла зачастую параллельно с другим процессом — исламизацией части местного населения. В ислам переходили чаще всего те люди, которые в результате военных действий были вынуждены покинуть свое привычное место обитания и обосновываться на новых землях, зачастую теряя при этом не только имущество, но и привычные духовные ценности. Охотно переходили в ислам и последователи прежних еретических христианских учений, например богомилов, натерпевшиеся ранее от преследования как католической, так и православной церкви. Босния и Албания, где исламизация была наиболее массовой, были как раз теми районами, через которые проходила главная дорога османских завоеваний². Компактные этнические массы, принимавшие ислам, такие как боснийцы, албанцы, сохранили свое этническое самосознание. Но были и иные процессы. Так, османский господствующий класс на протяжении длительного времени впитывал в себя представителей нетурецкого населения. На ранних этапах османской истории некоторые, прославленные тогда, беи-завоеватели, такие, например, как выходцы из семей Михал-оглу, Эвренос-оглу и т.п., явно имели христианские корни³. Позднее крупные балканские аристократы после турецкого завоевания обычно лишались своих владений, физически устранялись или эмигрировали. В то же время и после завоевания сохранялась значительная прослойка так называемых христиан-сипахи, т.е. мелких феодалов, пошедших на службу к завоевателям, ставших воинами османского конного ополчения и сохранивших благодаря этому свои прежние земельные владения, признанные новой властью как тимары (султанские условные земельные пожалования). С течением времени, однако, как констатируют источники XVI–XVII вв., число христиан-сипахи резко

сокращается. Многие из них переходят в ислам, что давало надежду на получение земельного владения большего размера и повышало социальный статус их владельца⁴. Бывало и добровольное принятие ислама, происходившее в связи с желанием облегчить податное бремя, а иногда просто, чтобы получить какую-либо материальную подачку, вплоть до такой, как теплую одежду на зиму и т.п. Конечно, бывали и взрывы насильственной исламизации⁵. Они случались и в период завоеваний, особенно когда на новых землях обосновывались различные неортодоксальные исламские секты, обустривая там свои текке (обители)⁶, и позднее. К XVI в. города на Балканах стали преимущественно мусульманскими. Местные власти и мусульманское большинство бывало что выступали как воинствующие исламизаторы, о чем свидетельствуют балканские жития христианских мучеников⁷. При всем этом соотношение населения на Балканах оставалось не в пользу турок и мусульман. Так, даже в начале XVI в., т.е. в период наибольшей концентрации турецких поселений на Балканах, пребывания там огромных османских воинских контингентов и еще сохранявшейся разреженности местного населения, соотношение мусульман и немусульман в этом регионе сохранялось на уровне 1 к 4. И это был наивысший показатель для мусульманского присутствия в европейских районах империи⁸. Этническим центром для турок оставалась Анатолия, хотя и там не было полного этнического и религиозного единства⁹. В этих условиях, хотя османы и считали себя прежде всего мусульманами, несущими свою религию в мир неверных, для сохранения своего государства они вынуждены были найти некую форму сосуществования с другими религиями. В этом им помогали и исламские идеи сосуществования, и старый византийский опыт включения в состав своего государства разных народов¹⁰.

Сокрушив Византию и обосновавшись в ее столице, султан Мехмед II Фатих занялся законодательным оформлением государственной и общественной структуры своей империи. Именно тогда и был выработан статус нетурецких и неисламских народов в исламском государстве.

Самой значительной конфессиональной группой, с которой столкнулись исламские завоеватели, оказались православные христиане. Уже в ранней османской практике можно наблюдать почтение, с которым правители завоевателей относились к христианским церквям и монастырям. Сохранялось их имущество, а иерархам церквей даже предоставлялись тимары. Следовательно, делалась попытка их включения в османский господствующий класс. После завоевания Константинополя и всех разрушительных последствий этого завоевания султаном был назначен новый православный патриарх — Геннадий Схоларий. Это крупный религиозный деятель Византии, принимавший участие во Флорентийском соборе 1439 г., но затем отошедший от поддержки Флорентийской унии об объединении под верховенством Папы православной и католической церквей. Византийский император Иоанн VIII Палеолог и патриарх Иосиф, как известно, не только поддержали, но и сами были инициаторами такого объединения церквей, надеясь, что

оно поможет получить от католического мира помощь в борьбе с турками. Надежды эти не сбылись, а население Константинополя, хранившее еще воспоминание о 4-м крестовом походе и его разрушительных последствиях для Византии, оказалось идеологически разобщенным, что ослабляло его в борьбе с османским нашествием. Известна знаменитая фраза Луки Нотару, одного из византийских военных деятелей, что он предпочел бы видеть в Константинополе турецкую чалму, чем папскую тиару¹¹.

Геннадий Схоларий, являясь одним из лидеров противников Унии, в знак протеста против тогдашней политики византийской церкви уходит в монастырь. При османах же он принимает от султана назначение на пост патриарха¹².

Следовательно, он и под его руководством православная церковь пошла на сотрудничество с мусульманскими завоевателями. Это было вынужденное и разумное решение, так как спасало православную паству от гибели и создавало некую определенность в положении неискламского населения внутри исламского государства. Следует подчеркнуть, что в данном случае на сотрудничество шла и другая сторона — исламское государство, которое с этого времени предоставило законный статус проживания в его пределах немусульманской конфессии.

По исламским представлениям, все христиане относились к «людям Писания» (ахл ал-китаб), а раз так, то с ними можно было заключить договор (зиммет). Они «дадут откуп своей рукой» (9.29)¹³, после чего могут проживать в стране ислама (дар аль-ислам), где их личность и имущество будут находиться под защитой. Такими людьми договора (ахл аз-зимма, или зимми) и становились православные христиане. Они могли сохранять свою веру, могли следовать всем своим религиозным обрядам, могли жениться, разводиться, наследовать имущество на основании своих правовых норм. «Согласно исламской доктрине, религия не состоит только из основ веры и отправления обрядов, но представляет интегральную систему, регулирующую все стороны личной, семейной и общественной жизни путем предписаний и запретов. По этой причине исламское право признавало за немусульманами свободу устройства их жизни в соответствии с основами их религии, права и традиции, иными словами, предоставляло им правовую автономию»¹⁴. Или, как говорил один из средневековых исламских законоведов (Хасан аль-Басри), «они платят нам джизью, чтобы жить по своей вере»¹⁵. Полученные патриархией права были довольно широки и, как утверждал византийский историк, современник Мехмеда Фатиха, Критовул, предоставленные греческой патриархии полномочия были не меньше, чем в византийские времена¹⁶.

Положение церкви было тогда очень непростым, так как наблюдался общий упадок духовной жизни христианского населения, деморализованного Унией, а затем турецким завоеванием, падение церковной дисциплины, массовое вероотступничество. Геннадий Схоларий сумел остановить эти процессы, проповедуя необходимость покорно-

сти христиан, принятия турецкого правления как установленного Богом и покаяния, что одно только может привести к тому, что Господь захочет вернуть византийцам утраченное ими государство¹⁷

Непросто было и Мехмеду II, несмотря на многовековые традиции сотрудничества и его теоретическое оправдание исламскими канонами. Османы действовали в период, когда противостояние религий было обострено. Миграция XIII в. принесла с собой более агрессивные настроения. «Союз христианских церквей с враждебными исламу монголами... укрепил мусульманское большинство в его неприязни и презрении к “людям Писания”»¹⁸ Прибывавшие в Малую Азию новые племенные объединения бежали от монголов и искали для себя нового места жительства. Многие из них к моменту прибытия в Малую Азию были далеки от тех теорий, которые сложились в исламе, и даже более того, как констатируют исследователи, оставались «не усвоившими полностью мусульманскую религию»¹⁹ Газават ими воспринимался не как идея распространения ислама, а как некий поиск «справедливости», создание условий для продолжения их собственной жизни²⁰ Османские султаны также, несмотря на официальную приверженность ортодоксальному исламу, включение в канун-наме (свод законов) статей о соловии улемов и его руководящей роли в структуре государства, учреждение многих новых медресе, явно испытывали влияние вновь прибывавших в пределы их государства различных религиозных теоретиков и продолжали опираться на дервишские ордена. Наиболее популярными и приближенными к власти были бекташи, взгляды которых расходились как с суннитской, так и шиитской ортодоксией.

Во время Мехмеда II проводились многочисленные дискуссии по религиозным вопросам, в частности о взглядах Газали и Ибн Рюшда. Тогда же в 1455 г. по султанскому поручению патриарх написал письменные трактаты о христианской вере, которые были переведены на турецкий язык²¹. Мы знаем, что незадолго до воцарения Мехмеда II в стране было восстание Бедредина Симаве и его сторонников, в учении которых были восприняты и многие христианские идеи²². Следовательно, религиозная неустойчивость присутствовала тогда и среди мусульманского населения.

В этих непростых условиях сложилась та система межконфессиональных отношений, которая и послужила основой имперской структуры. Это так называемая система миллетов. В османское время миллетами называли религиозные общины, получавшие в империи право на свое существование и определенную внутреннюю автономию.

Мусульмане были миллет-и хакиме, т.е. господствующей общностью. Представители других религий — миллет-и махкюме, т.е. руководимые, подчиненные. Первой по времени образования и по многочисленности была православная община (Рум-миллета). Ее религиозно-административным центром стала Константинопольская патриархия, располагавшаяся в стамбульском квартале Фанар (Фенер). Хотя ее часто называют Греческой патриархией, но власть ее распространялась

не только на греков, но и на всех других православных империи, т.е. болгар, сербов, молдаван, валахов, православных арабов и т.п. Немного позже были созданы яхуди-миллети и эрмени-миллети (еврейский и армянский). Это три основных немусульманских миллета империи.

Все члены миллетов пользовались юридической автономией. Главы миллетов — миллет-баши — были их духовными и юридическими руководителями и представляли их интересы перед государством²³

Договор с Геннадием Схоларием о Рум-миллети был подписан на рубеже 1453–1454 гг., т.е. сразу после завоевания Константинополя. Текст его до нас не дошел, но практика показывает, что членам миллета помимо свободы веры и убеждений, соблюдения обрядов гарантировалось, что у них не будут отбираться церкви, а сами они не будут обращены в мусульманство, даровалась также судебная автономия. Только лишь если рассматривался спор между христианином и мусульманином, дело передавалось в кадийский суд. Все же, что касалось браков, разводов, наследования, вакуфов (в смысле церковного имущества), было в компетенции миллета. Руководители миллетов решали все эти вопросы без вмешательства со стороны государства. Греческие патриархи, как все миллет-баши, получали от султана ферман о назначении на должность. В этих ферманах было положение о том, что община подчиняется своему главе, так же как и все духовенство. Духовные лица считались помощниками патриарха в выполнении всех тех обязанностей, которые вменялись ему по султанскому предписанию. Следовательно, патриархи, как и главы других миллетов, фактически становились представителями имперской администрации, а сами общины получали право автономного существования²⁴

Все немусульмане — зимми, как жители исламского государства, во всем остальном, помимо прав, предоставленных им миллетной автономией, должны были подчиняться государственному и исламским законам. Главным из предписаний этих законов было то, что вместо военной службы зимми обязаны были платить подушный налог — джизью. Считалось, что его платят за то, что государство гарантирует им защиту и при этом освобождает от службы в армии. Джизью взимали со здоровых мужчин в возрасте от 14 до 75 лет. Способ взимания и размеры этого налога несколько раз видоизменялись, но на всем протяжении османской истории вплоть до середины XIX в. джизья оставалась одним из главных налогов империи. Кроме джизьи были и иные налоги, которые немусульмане платили в больших размерах, чем мусульмане²⁵

Первая, неудачная, попытка уравнивать христиан и мусульман в налоговом обложении и начать призывать немусульман в армию была предпринята лишь в 1847 г., что вызвало недовольство христианских подданных империи. Окончательная же отмена этого правила произошла в 1856 г., хотя откупиться от службы в армии и после этого было возможно²⁶.

С XV в. по XVII в. в империи широкое распространение имела система девширме — набора мальчиков из христианских семей для службы в войсках капыкулу (главным среди которых был корпус янычар).

Детей отрывали от семьи и обращали в ислам. Следовательно, здесь мы видим отступление от тех гарантий, которые обещала система миллетов. С исламской правовой точки зрения эти действия объясняют тем, что разрешалось исламскому государству в случае необходимости действовать согласно ситуации. Потому-то оно и могло, нуждаясь в дополнительных людских резервах, призвать христиан на военную службу, освободив от уплаты джизьи. Призывали мальчиков 8–18 лет. Любопытно, что на сборный пункт их сопровождали отцы и священники, предоставлявшие церковную запись о крещении. Следовательно, эти дети как бы официально отдавались христианским миллетом аге янычар для военной службы и перехода в ислам. Последнее оправдывалось тем, что имелся хадис, в котором приводятся слова Пророка: «Каждый ребенок рождается по закону природы, потом родители делают его иудеем, христианином или язычником». Считалось, что до 18 лет юноша еще не стал взрослым, а потому в отношении его речь идет не о насильственной перемене религии, а о переходе его в истинную веру до того, как родители сделают его христианином²⁷ Из этой практики следует вывод, что миллетная система оберегала немусульманское население Османской империи, но ее защита была, во-первых, далеко не абсолютной, а во-вторых, может быть по-разному оценена и истолкована.

Религиозные общины жили обособленно. Как пишет об этом египетский историк А. А. М. аш-Шеннауи, турки-османы в результате этого оказались в отчуждении от покоренных народов. «У правителей и управляемых не было единства языка, мышления, образования. Не было у них и единых обрядов, праздников, традиций, идеалов и других проявлений общественного единства. Другими словами, не было одних цивилизационных элементов, которые связывали бы турок-османов и европейские народы. В результате покорившиеся османам европейские народы не питали одного общего с османами чувства преданности государству и султану». Потому-то «“османское присутствие” в Европе оказалось неспособным пустить корни, которые взрастили бы элементы, которые могли бы дать жизнь к тому времени, когда слабость начала проникать в организм империи»²⁸

Это, однако, уже последствия, проявившиеся в период крушения империи. Для периода апогея ее развития в литературе имеются две оценки. Первая — миллетная система помогла сохраниться нетурецким народам, не утратить свою самобытность, культуру, язык. Это рассматривается как положительная оценка основополагающего для османской имперской структуры института. Если сравнить ее с точкой зрения Шеннауи, то такая оценка становится не бесспорной. Что считать положительным и для кого? Сохранение империи или ее распад? И распад в результате чего, национально-освободительного движения или колониальных захватов? Американский историк А. Хурани на примере арабского материала проанализировал те воспоминания о былом османском прошлом, которые сохранились в разных арабских странах. Теплее всего воспоминания об Османской империи в тех странах, ко-

торые подверглись колониальным захватам, причем в тот момент, когда в империи начинался период реформ и появились надежды на общеимперский прогресс и преодоление былых трудностей²⁹

Вторая точка зрения делает упор на то, что миллетная система, обособливая религиозные общины в замкнутые группы, способствовала консервации уровня развития общества и препятствовала росту национального самосознания отдельных народностей. Государственная регламентация в Османской империи действительно была всеобъемлющей³⁰. Регламентировали доходы господствующего класса, цены, пути подвоза товаров на рынки, процент существовавшего, хотя и запрещенного шариатом ростовщичества³¹, даже размеры разрешенного бакшиша за те или иные действия государственного чиновничества³². Миллеты с их ограничительными предписаниями не были исключением. Людям невозможно было выбиться из своей среды. Неслучайно, что даже девширме — этот «налог кровью (или крови)», как его называли, использовался порой как легальный путь для продвижения в иные социальные слои. Наиболее яркой фигурой в этом плане был Мехмед Соколлу, великий везир султанов Сулеймана Кануни, Селима II и Мурада III (в 1564–1579 гг.)³³. Этот один из авторитетнейших османских государственных деятелей был взят по девширме из Боснии. Он принадлежал к знатному славянскому семейству Соколовичей. Именно в везирство Мехмеда-паши его родственники-христиане заняли видное положение в своем регионе, и даже больше того, была признана османскими властями самостоятельная Сербская (Печская) патриархия. Во главе сербской церкви был поставлен брат Мехмеда Соколлу Макарий, а затем этот пост занимали его племянники — Антоний, Герасим, Савватий³⁴. Известно также о процветании родственников другого выходца из девширме, великого везира Синаи-паши из Албании, а также некоторых других христиан-ренегатов, прошедших выучку девширме.

Были сложности и с внутримиллетными отношениями. Так, армянский миллет раздирался противоречиями с самого начала. Назначенный в 1461 г. миллет-баши епископ Бурсы Иоаким, ставший по султанскому повелению духовным и юридическим лидером всех армян, не пользовался достаточным авторитетом среди армянских общин и церковью Анатолии. Существовали католикосы Эчмиадзина и Сиса. Они оставались духовными лидерами, но для государств не имели официального статуса. Султанские власти все свои дела с армянской общиной вели лишь через стамбульскую епархию. Позднее, в XIX в., появились новые общины — армян-католиков (1830 г.) и армян-протестантов (1848 г.)³⁵

Не сразу сформировался и иудейский миллет, хотя первый хахам-баши Капсали был очень авторитетным в еврейской массе. Позднее же власть миллета не всегда распространялась на все иудейское население страны³⁶

Наиболее действенной была власть православного миллета³⁷, распространявшего ее на все православные народы империи. Правда, и здесь постепенно нарастало недовольство тем, что в верхушке клира

преобладали греки. Именно они получали наибольшие отчисления от налоговых поборов, были наиболее смиренны и уступчивы перед османскими властями. Греки-фанариоты являли собой наиболее зажиточную прослойку христианского населения империи. Они руководили поставками в Стамбул продовольственных товаров, занимали должность переводчиков и организаторов внешнеполитических сношений империи, в XVIII в., после Прутского похода и измены Дм. Кантемира, их представители стали назначаться господарями Дунайских княжеств. Именно против них, на первых порах более даже, чем против центральных имперских властей, оказалось направлено освободительное движение на Балканах в XIX в. Сербская церковь получила самостоятельность, как уже говорилось, во второй половине XVI в., другие же балканские народы боролись за автокефалию своих церквей и рассматривали эту борьбу как некий этап к национальной автономии, а потом и освобождению от османской власти. Болгарская церковь стала автокефальной лишь в 1870 г., румынская — в 1865 г.³⁸

Миллетная система была той структурой, которая помогала империи приобрести определенную устойчивость, организовать сосуществование исламского государства и неисламских народов. Ее создание было результатом того, что исламское государство отказывалось от проведения внутри страны политики исламизации. Следует подчеркнуть, что исламизация шла, но политики исламизации не было. Были моменты, когда о такой политике начинали говорить, например, при Селиме I, но интересы государственности и хозяйственной выгоды всегда брали верх³⁹

Османская империя — государство военное, жестко регламентировавшее жизнь своих подданных и жестко расправлявшееся со всеми проявлениями недовольства, а особенно сепаратизма. В условиях ослабления империи и активного вмешательства в так называемый «Восточный вопрос» европейской дипломатии отношения между исламом и христианством начинают приобретать новый характер. Будучи заинтересованными в увеличении мусульманского населения, османские власти организовывали и, более того, провоцировали, например, массовые переселения кавказских народов в империю, вытесняли армянское население в российские пределы, что началось еще в 20-е гг. XIX в. Негласно, но вполне определенно этот обмен населением приветствовался и российскими имперскими властями⁴⁰.

В условиях распада империи все былые гарантии немусульманам переставали существовать. Показательным в этом отношении явился период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» писал, что русские, «пришедшие с берегов Финского залива и всех русских рек отдавать свою кровь» за «угнетенных и измученных», «увидели прелестные болгарские домики, кругом них садики, цветы, плоды, скот, обработанную землю, родящую чуть не сторицей, и, в довершение всего, по три православных церкви на одну мечеть». Газеты писали: «У нас, дескать, и зажиточный мужик так

не питается, как этот угнетенный болгарин». Но: «После того как мы, совершив наш первый, молодецкий натиск на Балканы, вдруг отретировались — пришли... опять турки... Эти красивые домики, эти посева, сады, скот — все это было разграблено, обращено в пепел и стерто с лица земли. Не десятками и не сотнями, а тысячами и десятками тысяч истреблялись болгары огнем и мечом, дети их разрывались на части и умирали в муках, обесчещенные жены и дочери были или избиты после позора, или увезены в плен на продажу, а мужья — заплатились за русских на виселицах и на кострах»⁴¹. Вот воспоминания о таких событиях на многие годы вперед зачеркнули все бывшее, в том числе и разумное, в отношениях между конфессиями.

И еще одно предсказание Ф. М. Достоевского, о котором не следует забывать. Оно полностью оправдалось и продолжает действовать и сейчас: «Не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными... нам отнюдь не надо требовать от славян благодарности, к этому нам надо приготовить вперед. Начнут же они, по освобождению, свою новую жизнь... именно с того, что выпросят себе у Европы... например, ручательства и покровительства их свободе, и хотя в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от России это и сделают. Более того, даже сами себя они убедят, что России они не обязаны ни малейшей благодарностью, например, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись при заключении мира вмешательством европейского концерта, а не вмешавшейся Европа, так Россия, отняв их у турок, проглотила бы их»⁴².

Зная, как развивалась дальнейшая история, можно сделать вывод, что межконфессиональные (как и этнические) конфликты нельзя решать военным путем. Военное вмешательство не приносит лавров ни тем, кто будет побежден, ни тем, кто победит.

¹ Тодоров Н. Балканский город XV–XIX века. М., 1976, с. 60; Osmanlı İmparatorluğunda bir iskân ve kolonizasyon metodu olarak olarak sürgünler // İktisat Fakültesi Mecmuası. Т. XI, 1949–1950, с. 524–529.

² Тодоров Н. Балканский город, с. 31–83; Желязкова А. Разпространение на исляма в западнобалканските земи под османска власт XV–XVIII вв. София, 1990; Османски извори за ислямизационните процес на Балканите XVI–XIX вв. София, 1990; Зиројевић О. Цариградски друм од Београда до Софије (1459–1683). Београд, 1970.

³ См.: Demetriades V. Problems of land-owning and population in the area of Ghazi Evrenos Bey's wakf // Balkan Studies, Thessaloniki, 22.1.1981, с. 43–57; его же: The Tomb of Ghazi Evrenos Bey at Yenitsa and its Inscription // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Т. 39, ч. 2. L., 1976; Inalcik H. The Ottoman Empire. The Klassikal Age. L. — N.-Y., 1973, с. 11.

⁴ Цветкова Б. Новые данные о христианах сипахи на Балканском полуострове в период турецкого господства // Византийский временник. Т. XIII, 1958; Inalcik H. Od Stefana Dyšana do Osmanskog carstva // Prilozi za orijentalnu filologiju i istoriju jugoslovenskih naroda pod turskom vladavinom. III–IV, 1952–1953; Он же: Hicri 835 Tarihli Sûrit-i Defter-i Sancak Arvanid. Ankara, 1954.

⁵ См.: Velkov A. Raduŝev. Osmanski dържавni arhivni dokumenti za islamizacionite procesi na Balkanite pod osmanska vlast Problemi na razvitiето na bълgarskata narodnosti nacija. Sofia, 1988, с. 57–73.

⁶ См.: Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV веках. Л., 1966, с. 34; Faroghî S. Der Bektaschi-Orden in anatolien von späten fünfzenhten jahrhundert bis 1826. Viyana, 1981; Birge J.K. The Bektashi Order of Dervishes. L., 1937; Yacob G. Die Bektaschijje in ihrem Verhältnüis zu verwandien Erscheinungen. München, 1909.

⁷ Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. М., 1984, с. 219.

⁸ Тодоров Н. Балканский город, с. 85.

⁹ См.: Еремеев Д.Е. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1978; Гордлевский В.А. Религиозное и национальное самосознание // Облестнический В.А. Избранные сочинения. Т. III. М., 1962, с. 76–80; Жуков К.А. Орд этническом самосознании турок в XIII–XV вв. // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990, с. 132–148.

¹⁰ См.: Vryonis S.P. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. Berkely, Los Angeles, L., 1971.

¹¹ Сообщение византийского историка Дуки. См.: Рапсимен С. Падение Константинополя в 1453 году. М., 1983, с. 32, 73.

¹² См.: Papadakis A. Gennadius II and Mehmed the Conqueror // Byzantion, 1972. Т. 42; Turner C.J. The Career of George-Gennadius Scholarius // Byzantion, 1970, Т. 39; Vryonis Sp. The Byzantine Patriarchate and Turkish Islam // Byzantinoslavica, 1996. Т. 57, № 1 и др.

¹³ Коран. Перевод и комментарий И.Ю. Крачковского. М., 1963. Сура 9 (29).

¹⁴ История османского государства, общества и цивилизации. Т. 1. М., 2006, с. 357.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, с. 359.

¹⁷ Лобовикова К.И. Две попытки объяснить Мехмеду Завоевателю догматы христианства: Георгий Трапезундский и Геннадий Схолярый // Turcica et Ottomanica. Сборник статей в честь 70-летия М.С. Мейера. М., 2006, с. 265–266.

¹⁸ Фон Грюнебаум Г.Э. Классический ислам. Очерк истории. М., 1988, с. 153.

¹⁹ Меликофф И. Можно ли рассматривать алевизм как часть исламской религии? // Turcica et Ottomanica, с. 271.

²⁰ См.: Ahmedî, Iskendernâme. Ankara, 1983, л. 65и–66а, а также: История османского государства, с. 7.

²¹ История османского государства, с. 198; Лобовикова К.И. Две попытки объяснить..., с. 261.

²² См.: Babinger F. Schejch Bedr ed-Din, der sohn des Richters von simav // Der Islam. Т. 11, 1921; Kissling H.J. Das Menakynname Schejch Bedr ed-Din, des sonnes des Richter von Simav // Zeitschrift der Deutsch-Morgenländischen Gesellschaft. Т. 100, № 1–2, 1950; Werner E. Seich Bedr-eddin Berkluge Mustafa and Chios // Sitzungsberichte des Sachsischen Akademie des Wissenschaften (Leipzig). Philologisch-historische Klasse, 1974. Т. 116, № 5.

²³ См.: Gibb H., Boven H. Islam Society and the West. Т. 2. L., 1969, с. 212–213; Bilâl E. Osmanlı Devletinde Millet Sistemi. Istanbul, 1992; История османского государства, с. 390; История османского государства, с. 359.

²⁴ Inalcık H. The Status of the Greek Orthodox Patriarch under the Ottomans // Turcica, 1991. Т. XXI–XXIII, с. 407–436; История османского государства, с. 359.

- ²⁵ См.: Kabarda J. Le Système Fiscal de l'Église Orthodoxe dans l'Empire Ottoman. Brno, 1969; Inalcık H. Orthodox Patriarch..., с. 421–428; Грозданова Е. Налог джизье с балканских земель в системе доходов государственной казны Османской империи // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. III. М., 1974, с. 161–234; История османского государства, с. 435–440.
- ²⁶ Karal E.Z. Osmanlı tarihi. Т. 5. Ankara, 1947, с. 179–181.
- ²⁷ История османского государства, с. 265–269; Георгиева Ц. Еничерите в българските земи. София, 1988; Петросян И.Е. Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи (История происхождения законов янычарского корпуса). М., 1987.
- ²⁸ Аш-Шеннауи Абдель Азиз Мухаммад. Османская империя — оклеветанное мусульманское государство. Каир, 1986 (Русский перевод этой работы готовится к изданию в издательстве «Рубежи XXI века»), с. 324 (арабского текста).
- ²⁹ См.: Hurani A. The Ottoman Background of the Modern Middle East // Ottoman State and its Place in Worlds History. Leiden, 1974, с. 61–78.
- ³⁰ Тодоров Н. Балканский город..., с. 150.
- ³¹ Орешкова С.Ф. О ростовщическом кредите в Османской империи в начале XVII в. // Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980.
- ³² Миллер А.Ф. Мустафе паши Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX века. М. — Л., 1947, с. 52.
- ³³ Refik A. Sokollu. Istanbul, 1924; Gökbilgin M.T. Mehmed Paşa Sokolla, Islâm ansiklopedisi. Т. 7. İstanbul, 1966, с. 595–605.
- ³⁴ См.: Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. М., 1984, с. 223–224.
- ³⁵ Османская империя и страны..., с. 219; Gibb H., Bowen H. Islam Society and the West. Т. 2. London — New York — Toronto, 1951, с. 221; История османского государства, с. 390–391.
- ³⁶ История османского государства, с. 390–392, а также: Christians and Jews in the Ottoman Empire. Т. 1. N. Y., 1982.
- ³⁷ Inalcık H. The Status of the Greek Orthodox Patriarch under the Ottomans; Гордлевский В.А. Греки в Османской империи // Гордлевский В.А. Избранные сочинения. Т. III, с. 137–141.
- ³⁸ История османского государства, с. 74.
- ³⁹ См.: Alıtdag Ş Selim I // Islâm ansiklopedisi. Т. 10, с. 423–434.
- ⁴⁰ См., например: Бэрзедж Н. Изгнание черкесов (причины и последствия). Майкоп, 1996.
- ⁴¹ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15-и томах. Т. 14. СПб, 1995, с. 347–349.
- ⁴² Там же, с. 353–354.

ДЕВШИРМЕ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ: АНАЛИЗ ФУНКЦИЙ

Широкое распространение ислама с его идеей «священной войны» уже с первых лет существования этой религии требовало значительной военной силы для дислокации на завоеванных территориях и продолжения военных действий. Человеческие ресурсы Аравийского полуострова были, однако, довольно ограничены. Это противоречие было преодолено созданием системы мамлюков, т.е. появлением рабов-воинов и рабов-администраторов, которые играли заметную роль в истории Ближнего Востока.

Подобная же острая необходимость в человеческих ресурсах стала одной из главных проблем другого мусульманского государства — Османской империи. В результате ширококомасштабных завоеваний турки-османы оказывались на завоеванных территориях в меньшинстве и могли быть ассимилированы местными народами, оставив в истории лишь свой этноним или несколько топонимов. Как отмечал историк А. Тойнби: «Группа кочевников Османа, сына Эртогрула, не смогла бы основать империю без непрерывного увеличения своей численности» [Тоунбее, 1974, с. 23].

Политика джихада или газавата — священной войны мусульман — привлекала в османскую армию десятки тысяч воинственных фанатиков. Но последние были в той или иной степени независимыми от центральной власти и их действия часто были непредсказуемы и неконтролируемы. Османское государство нуждалось в своей собственной армии, для создания которой, однако, у него не было достаточных человеческих ресурсов, а также времени.

Турки-османы заимствовали опыт более ранних исламских обществ и создали собственную систему набора рабов-воинов (девширме).

До девширме, насильственного набора мальчиков из семей своих подданных-христиан, в османском государстве действовала система пенджик (от персидского «pandi yak» — одна пятая [The Encyclopedia, VIII, 1995, с. 293–294]). Налогом пенджик облагались воины, взявшие кого-либо в плен: собиралась одна пятая часть стоимости военнопленных либо каждый пятый из самих плененных. Пенджиком облагались и население захваченных территорий: христиане должны были или отдать пятую часть своего населения в ряды османской армии, или заплатить соответствующий выкуп. Такой налог зафиксирован

в Коране и является одним из важнейших в налоговой системе шарията [Зулалян, 1959, с. 248].

Однако пенджик не удовлетворял потребности османов в человеческих ресурсах [Ercan, 1987, с. 712]. Политика экспансии требовала непрерывного роста военной силы. Но, несмотря на удачи османских армий, невозможным было безмерное пленение населения захваченных территорий. В основе Османской империи была военно-ленная (тимарная) система. Новые земли раздавались как условные или постоянные владения, на базе которых формировался новый господствующий класс. Это приводило к тому, что стало более невозможным порабощение населения захваченных территорий в таких масштабах, какие были необходимы османской армии для продолжения экспансии. В этом случае новые владельцы земли лишились бы рабочей силы. Опустошение земель не соответствовало интересам также центральной власти. Шло становление административного аппарата, формировался двор султана, который уже в большей степени отличался от варварского лагеря прежних кочевых вождей. Для таких расходов не мог быть достаточен нестабильный доход от работоторговли. Как и во всех обществах, образующих государство, в Османской империи формировалась налоговая система, которой также нужны были подданные. Таким образом, несмотря на военные удачи и экспансию, поток военнопленных чувствительно сокращался, вследствие чего уменьшались и возможности комплектования султанской армии.

В этой ситуации, исходя из острой потребности в человеческих ресурсах для административных и военных институтов, власти обратились к целевой исламизации части подданных христиан. Государство стало насильно собирать мальчиков из христианских семей, чтобы впоследствии обратить их в ислам и сделать своими воинами. Наборы мальчиков были сначала спорадическими и малочисленными, но со временем стали регулярными и массовыми и в конце концов были узаконены как обязательный налог.

Система девширме для османского государства отличалась от пенджик одной очень важной чертой: по системе пенджик османское государство было вынуждено удовлетворяться теми людьми, которые попадали в плен, т.е. не было возможности выбора. Тогда как девширме этот выбор предоставляло, что в большей степени увеличивало качественные характеристики поставляемых человеческих ресурсов.

У государства появилась возможность регулировать пополнение своих военных сил, в случае надобности учащая периодичность или количественные квоты наборов.

Как становится ясно из документов, объявление набора происходило по требованию аги (военачальника) янычарского войска, который специальным письмом просил начать подготовку девширме. На этом основании диван султана публиковал соответствующий указ — хюкм, который имел силу документа о мобилизации.

Набор мальчиков и юношей проводился почти во всех городах и селах по очереди. Соответствующее подразделение янычар обходило все деревни и города вверенной территории. Возможное уклонение сводилось до минимума. Султанские указы обязывали родителей являться к месту набора со своими сыновьями под угрозой смертной казни.

Отбор мальчиков проводил янычарский офицер, у которого помимо султанского указа находилось также специальное письмо с печатью янычарского аги, в котором было указано, сколько рекрутов требовалось набрать в данном районе. К офицеру первым являлся священник населенного пункта вместе с регистром [Uzunçarşılı, 1943, I, с. 16]. После этого вызывались отцы с сыновьями.

В некоторых османских источниках подчеркивается, что наборы проводились среди юношей лет 15–20. Кроме того, во всех документах говорится о том, что набирались «лучшие», «самые годные», «самые красивые» и т.п., что указывает на достаточно высокие и стабильные стандарты.

Во время наборов придавалось значение возрасту юношей, т.е. набирали юношей уже с четкими физическими данными, психика которых была, однако, еще гибкой и сравнительно легко поддавалась влиянию. Система моральных ценностей еще не была сформирована.

Тот же принцип применялся в процессе набора мамлюков в арабских султанатах. Так, самой удобной возрастной категорией для набора рабов-мамлюков считался период половой зрелости, потому что в этом возрасте юноши уже обладают необходимым физическим развитием, но их еще можно было обучить и натренировать так, как это надо было их будущим хозяевам.

Османь не только набирали просто здоровых и нормальных юношей, но тех, кто превосходил своих сверстников физически и умом [Георгиева, 1988, с. 84]. Они отбирали «сливки» поколения. Посредством девширме османское государство ослабляло потенциал подданных народов, отбирало тех сыновей, которые имели задатки лидеров. Следовательно, уже сама эта система уменьшала вероятность возможного сопротивления.

Интересно, что во время девширме давалось предпочтение сыновьям знатных людей и священников [Ercan, 1987, с. 717]. Фактически, набирая юношей знатных родов, делалась попытка искоренения христианской знати. Это можно считать стратегическим шагом по предупреждению будущих возможных восстаний и волнений, так как традиционно чаще всего именно местная знать руководила народными движениями. Набор сыновей из клерикальных кругов был продиктован той же логикой: просто в этом случае мишенью была религия — христианство, — которая тогда, в условиях отсутствия государства, взяла на себя роль объединителя и лидера народа. Сельский священник очень часто передавал свою работу сыну, как, скажем, рудокоп обучал секретам специальности своего сына. Сохраняя сыновей рудокопов (лица, имевшие важную для государства специальность, временно освобожда-

лись от налога девширме), отбирали сыновей священнослужителей, нанося еще один удар по христианству и данному народу.

Когда группа юношей достигала 100–200 человек, они под присмотром янычар отправлялись в столицу, где их размещали в янычарских казармах. Там их обращали в ислам, что в османских владениях было предельно простым. Мальчики произносили необходимую формулу: «Нет Бога кроме Аллаха и Магомет его пророк»; их обрезали и нарекали новым именем — Мехмед, Ахмед, Хасан, Халил и т.д. [Георгиева, 1988, с. 87].

С незапамятных пор во всем мире считали, что у человека есть фатальная связь со своим именем, и у каждого имени есть магическое значение: этимология имени определяет личность и характер. В православии каждому имени соответствует свой святой покровитель. А мальчикам, принявшим ислам, ничего не говорили их новые имена. Новое имя было простым набором звуков.

У средневекового homo religicus, в подсознании которого идея магии имени имела глубокие корни, переименование было равносильно превращению в другую личность, другое «Я». Это считалось возможным отказаться от прошлого, старого мира, прежней системы ценностей. Не случайно, что при переходе из мира светского в мир духовный нового священнослужителя нарекают новым духовным именем. Таким образом, переименование было равно перемене судьбы.

Для юношей, взятых по девширме, переименование очень многое означало и с точки зрения психологии общества. И не только потому, что с переименованием юноша лишался покровительства своего святого. В османском обществе, как и во многих других, человек, будь он христианином, мусульманином или иудеем, обществу представлялся именем-отчеством. Например, Константин Михайлович, Али ибн Хусейн, Иван — сын Петко или Оганес — сын Петроса. Если по той или иной причине Иван становился мусульманином, то было неудобно каждый раз напоминать ему об этом, обращаясь к нему с христианским отчеством. Тогда использовалась формула «ибн Абдуллах» (сын раба Господнего). Таким образом, Иван Николаевич, например, становился Хусейн ибн Абдуллахом. Однако мальчикам, набранным девширме, не давали и этого отчества. Они более не были сыновьями Ивана, Оганеса или Дмитрия, не были они и сыновьями Абдуллаха: они были ничейными — просто Мехмед, просто Хамза, просто Хусейн. Это было их отличительным знаком — они были людьми без корней, без родителей, без семьи.

Обращенных в ислам юношей отправляли в села Малой Азии. Османские хроники утверждают, что целью этого было обучить их турецкому языку и привить исламские традиции, догмы, обычаи. Следова-

тельно, из юношеской памяти стремились стереть ценностную систему христианства, память о родной среде, доме и т.д.

М. фон Зайдлиц сообщает, что юноши, отправленные в анатолийские деревни, использовались на тяжелых физических работах. Фактически они отдавались на временное использование частным лицам. А если один из них, не выдержав испытаний, умирал, то в этом случае единственным обязательством лица, принявшего его в свою семью, было информирование местного кади — судьи, в противном случае он должен был заплатить его стоимость [Георгиева, 1988, с. 89].

Самые красивые и умные юноши направлялись во дворцовые школы — из них готовили ич огланов — дворцовых слуг. Институт ич огланов не был многочислен. Согласно Х. Инадджику, в 1510 г. было всего 600, а в 1534 г. — 700 ич огланов [Inalcik, 1965, с. 18–19]. Их готовили к различной службе при дворе. Начиная с правления Мехмеда II до половины XVII в. они представляли основной резерв управленческой элиты. Таким образом, османская правящая династия пыталась уклониться от одной закономерности феодального общества — формирования наследственной аристократии. Находясь в постоянной связи с властелином и другими лицами, которые открыто или тайно были у руля власти, эти юноши постепенно становились мужами с большим опытом в политических интригах. Их обучали и лести, и убийствам [Георгиева, 1988, с. 90]. Со временем они научились использовать слабости султанов и силу гарема. В этой немногочисленной группе почти у всех слуг и воинов была одна заветная мечта — если улыбнется счастливая звезда, то стать если не великим везирем, а хотя бы придворным казначеем.

Институт ич огланов играл решающую роль в развитии и росте государства. Придворная школа внесла большой вклад в дело подготовки способных административных кадров. Руководители больших и малых административных единиц были мастерами в работе, покорными и верными своему единственному хозяину, иногда были близкими «друзьями» султана, знали друг друга, что тоже играло большую роль в управлении империей. Положительное значение школы ич огланов особенно стало заметным после упразднения системы девширме, когда на ответственные должности стали назначать людей, которые достигали верхов посредством взяток или знакомств, не пройдя необходимого для их предстоящей деятельности обучения.

Возможности, предоставлявшиеся выходцам из ич огланов, зачастую приписывались всей системе девширме, и некоторые историки утверждают даже, что девширме давало возможность простому христианину стать великим везирем. Однако подчеркнем, что такой шанс предоставлялся одному из десяти тысяч.

В реальности система девширме отбирала юношей со сравнительно большим потенциалом, и некоторых из них, очень немногих, государ-

ство использовало для работы на высоких должностях. Но благополучная жизнь и работа последних ничуть не облегчали положения того народа, из которого они вышли. В лучшем случае улучшалось положение их семей.

Вторая часть юношей отбиралась для корпусов аджеми огланов. Это были будущие воины. Здесь их ожидало специальное воинское обучение и целевое религиозное воспитание, которое проводилось орденом бекташи. Посредством корпуса аджеми огланов османская военная машина из сыновей подданных народов готовила своих самых верных и самозабвенных воинов. Многие европейские очевидцы свидетельствовали, что у аджеми огланов психическое преобразование уже было закончено. В 1582 г. Ж. П. Форезиен писал: «... аджеми огланы являются самыми плохими и злыми... они не знают ни отца, ни матери, и у них такие мысли и деяния, как-будто они смертельные враги имени Христа...» [По следите..., 1987, с. 234]. После нескольких лет обучения эти сильные, жестокие и беспощадные мужчины особым ритуалом объявлялись янычарами.

Первый корпус аджеми огланов был основан в Гелиболу во время правления султана Мурада I. Первыми аджеми были мальчишки, отобранные системой пенджик. Они служили на судах, соединяющих проливы; здесь и обучались турецкому языку и обычаям, а после пяти — десяти лет службы записывались в янычарский корпус. Число юношей в Гелиболу достигало 400–500. Во время назначения в корпус янычар или какой-либо еще происходил процесс перерегистрации, а янычарскому ага, в расположении которого находились все юноши, султаном приказывалось пополнить опустевшие ряды юношами, отданными на работы в провинции [Uzunçarşılı, 1943, с. 35].

До начала XVII в. юноша, вступавший в ряды корпуса аджеми, должен был обязательно до этого пройти период работ в деревнях Малой Азии. Когда государство нуждалось в новых аджеми огланах, то, согласно указу дивана, собиралось необходимое количество юношей из тех, кто пробыл в турецких семьях больше всех, и отправлялось в Стамбул.

Несмотря на закон о том, что назначение из корпуса аджеми в янычарский происходило только после 7–8 лет службы, на практике исходило из необходимости. Из-за войн очень часто для восполнения больших потерь янычар из корпуса аджеми брали юношей, прослуживших значительно меньший срок. Например, в 1042 г. хиджры (1631 г.) более четырех тысяч аджеми огланов перевели в ряды янычар, а уже в 1047 г. (1637 г.) янычарами становится такое же число аджеми огланов [Там же, с. 61–62].

С военной точки зрения, а также с позиции укрепления государства большую важность имел корпус янычар. Средневековые европейские государства не имели регулярной пехоты, роль которой выполня-

ли иноземные наемники. А янычары представляли собой профессиональное регулярное войско, которое получало жалование, проживало в казармах, было свободно от экономических или семейных забот. Им было запрещено жениться или заниматься ремеслами. Жалование, султанские подарки, вероятность получения высоких военных чинов или административных должностей способствовали тому, что янычары стали преданными защитниками султанского трона [Миллер, 1947, с. 31].

Корпус янычар постепенно превращается в главную опору центральной власти. Султан использовал это войско против и внешних и внутренних врагов. Корпус янычар, сначала имевший функции только султанской гвардии, становится одним из главных элементов государственной армии. Это привело к дуализму в империи: сипахийство и старая осmano-турецкая элита, которые опирались на значительные земельные владения — мюльки, тимары и вакфы, постепенно были вытеснены из управленческой системы. Система же рабства (капыкулу — придворный раб) отвечала намерениям султана централизовать все рычаги власти. Эта система начала свое развитие с формирования корпуса янычар, а в 1453 г. выходец из капыкулу впервые был назначен великим везирем [Градева, 1990, с. 49].

Капыкулу султаны использовали и как управителей провинций, чем надеялись сделать провинции более контролируемыми, а местную землевладельческую знать отдалить от власти [Gibb, Bowen, 1951, с. 145].

В числе причин поражения Баязида I в битве при Анкаре можно указать и на сопротивление политике централизации. М. Нешри указывает, что еще до битвы с Тимуром султана покинули воины завоеванных им бейликов, а верными остались лишь личные рабы, в частности янычары, а также войска христианских вассалов [Градева, 1990, с. 48].

Как мы уже отмечали, сначала особенностью янычар было то, что они проходили военное обучение, более того, согласно указам, в ряды янычар входили только избранные из числа военнопленных и девширме, лучшие из лучших. Янычар, идущий на поле битвы, думал только о славе и победе своего единственного господина — султана, а также своей религии — ислама.

Изучение документов дает возможность предполагать, что мощь янычарского войска определялась не только качественным, но и количественным аспектом. Во многих битвах османы побеждали не только благодаря новизне снаряжения и тактике, подготовке и самозабвенности воинов, но и просто по причине большей численности воинов. В отличие от европейских королей, баронов и т.д., у которых были сравнительно ограниченные военные ресурсы, османское государство, используя девширме, получило большие резервы военной силы, которую в любой момент могло мобилизовать и направить против своих врагов.

Система рабства вообще и создание янычарского корпуса в частности играли решительную роль в управлении османским государством. Во времена слабых султанов представители системы капыкулу де-факто были правителями всей империи.

Янычары были важным инструментом в политике ассимиляции христианских подданных. Начиная с XVI в. янычарские гарнизоны дислоцировались по всей территории империи [Георгиева, 1988, с. 116–125]. Кочибей Гомурджинский в рапорте султану Мураду IV пишет: «...нет ни одного поселка или города, где нет янычар» [Тверитинова, 1953, с. 63–66]. Находясь далеко от столицы, янычары были далеки и от серьезного контроля, а следовательно, шли на всякого рода самоуправство, однако находились на достаточно близком расстоянии друг от друга, чтобы прийти на помощь в случае надобности. Янычары, в частности, пренебрегали запретом на женитьбу и в деревнях проводили наборы девочек, увозя самых красивых. Эти трагические события армянский народ нарек именем «ужас девочек» [Хаск, 1994, с. 222]. О наборе девочек у армян упоминает, например, в 1569 г. Давид Багишский: «... девочек набрали у христиан» [Диван, 1912, с. 47].

Пребывание янычар усиливало мусульманское влияние, а порой вносило изменения и в демографический портрет регионов.

Ослабление османского государства и военные поражения второй половины XVII в. [Danışmend, 1948, с. 401–410] сказались и на судьбах янычарского корпуса [Тодорова, 1988, с. 57–58].

Для османского государства стало чрезвычайно сложно платить жалованье янычарскому войску, численность которого неимоверно выросла, реальные же боевые качества упали. Результатом этого были новые военные поражения и углубление кризиса. Для выхода из такого положения нужны были реформы, а для этого надо было найти источник зла.

Тимариотская знать, которая была все это время отброшена на задний план вследствие султанской политики централизации, почувствовала, что пришло ее время, и обрушилась с критикой на систему капыкулу — девширме, и в особенности на янычар.

Регулярность наборов девширме к этому времени уже была нарушена. Мусульмане, евреи посредством взяток представляли сыновей к девширме, а потом теми же способами продвигали их вверх по карьерной лестнице: в армии, где янычар получал стабильное жалованье и мог покровительствовать своим родственникам; во дворце, где ич оглан посредством знакомств и связей мог продвигаться до высоких должностей в правительстве или до административного поста вблизи родного места. Этими путями пользовалась прежняя знать, которая была отдалена от управления, но у которой все еще был достаточный потенциал, который ждал соответствующей возможности. Коррупция процветала. Параллельно с этим в янычарском корпусе пренебрегали запретами на семью, занятием ремеслами или торговлей. Более того, янычары со временем принудили принять закон, разрешающий допуск их сыновей в ряды корпуса. Янычарские офицеры, в свою очередь, не выписывали из списков потери войска, образуя «армии мертвых душ» и присваивая выделенное жалованье, что ложилось тяжелым бременем на и без того испытывавшую большие трудности государственную казну [And, 1971, с. 17].

Империя начинает реже и реже обращаться к девширме. В середине XVII в. наборы уже фактически потеряли свое значение для государственной системы. Однако прекращение девширме не означало исчезновение янычар. Ликвидация института девширме привела к тому, что корпус стал пополняться только за счет свободных мусульман, так как только мусульмане могли служить в армии веры [Gibb, Bowen, 1951, с. 181–182]. Но эти мусульмане-новобранцы были менее дисциплинированы, чем их предшественники, которые были набраны по девширме и проходили соответствующую выучку.

Корпус янычар продолжил свое существование еще одно столетие (до 1826 г.), знаменуя уже не мощь, а наоборот — упадок Османской империи.

Количество христианских мальчиков, набираемых системой девширме, было в несколько раз больше того, которое требовалось для пополнения янычарских рядов. Излишек, естественно, не отправлялся назад, в родные места: они использовались как бесплатная рабская рабочая сила [Мутафчиева, 1962, с. 153].

Следовательно, кроме ич огланов и аджеми огланов была и третья группа, которая исчезала во владениях высокопоставленных чиновников и офицеров. Эта третья часть, число которой невозможно установить, фактически становилась рабами. Но в отличие от ич огланов и аджеми огланов, их рабство не было привилегией. Они были самыми ординарными невольниками. Их можно было дарить и продавать. У них не было права на собственность, более того, они сами являлись собственностью. Но они не были домашними рабами [Георгиева, 1988, с. 91]. Большая часть этих юношей работала на земле, т.е. они возвращались к своему прежнему занятию, но уже не как свободные подданные, а как невольники. Они оказывались в более тяжелом положении, чем в то время, когда были еще христианами.

Девширме создавалось для удовлетворения потребностей армии и бюрократической системы. Однако оно способствовало также территориальному перераспределению рабочей силы. С территорий, более богатых человеческими ресурсами, собиралось некоторое количество рабочей силы и отправлялось в сравнительно бедные человеческим потенциалом места, где, следовательно, была слабо развита экономика, и прежде всего сельское хозяйство. Таким образом, проводилась политика обеспечения сравнительно равного развития по всей территории империи, что оказывало стабилизирующее влияние как на экономику, так и на внутривластную обстановку.

Кроме девширме был еще один метод перераспределения рабочей силы — депортации. В этом случае из более богатых регионов целые деревни переселялись в бедные или новозавоеванные территории, как было, например, после завоевания Кипра. Однако эффективность этого метода, в сравнении с девширме, была низкой, так как нарушалась ин-

фраструктура деревни, которая строилась десятками лет и была трудновосстановимой в короткий промежуток времени. Депортированные семьи любой ценой стремились возвратиться в свои родные места. При девширме этого почти не происходило, потому что юноши были довольно молодыми, чтобы самостоятельно найти дорогу домой и пройти ее. Кроме того, обращенные в ислам юноши, ввиду возрастной психологии, со временем приспособивались к своему новому статусу и впоследствии не искали выхода из этой ситуации.

Девширме в определенной степени способствовало пополнению государственной казны (а также карманов чиновников), что также было причиной длительного сохранения этой системы.

Направляя юношей в деревни, государство порой просто отдавало их землевладельцам во временное использование. Деньги за аренду мальчиков были мизерными на душу, но составляли большую сумму в совокупности, если принять во внимание большое количество таких рабов. Это был первый путь получения казной дохода от девширме.

Вторым источником дохода была прямая продажа рекрутов в рабство на рынках османской столицы или других городов. Рабы в те времена были самым ходовым товаром. Следовательно, девширме, или «налог кровью», можно рассматривать и как вид налога, пополняющего государственную казну.

Итак, система девширме в Османской империи выполняла разные функции и являлась важным рычагом управления человеческими ресурсами. Она затрагивала военную, экономическую, демографическую, религиозную и социальную сферы, способствовала укреплению государства и нейтрализации социального напряжения. В то же время практика девширме способствовала ассимиляции и исламизации части христианского населения. Благодаря ей многие вчерашние христиане становились фанатичными мусульманами, а подвластные османам народы лишались своих возможных лидеров, что, бесспорно, способствовало замедлению их национального становления.

Литература

1. Георгиева Ц. Еничарите в българските земи. София, 1988.
2. Градева Р. О некоторых проблемах формирования османской системы управления (XIV — начало XV века) // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990.
3. Диван армянской истории. Составил Г. Аганцян. Книга 10. Тифлис, 1912 (на армянском языке).
4. Зулалян М. Девширме (набор мальчиков) в Османской империи согласно турецким и армянским источникам. — Историко-филологический журнал, 1959, № 2–3 (на армянском языке).

5. Миллер А. Мустафа паша Байрактар. М., 1947.
6. Мутафчиева В. Аграрните отношения в Османската империя през 15–16 в. София, 1962.
7. По следите на насилието. Документи и материали за налагане на исляма, съставител П. Петров. Част първа. София, 1987.
8. Тверитинова А. Второй трактат Кочибей. — Ученые записки Института востоковедения, VI. М. — Л., 1953.
9. «Хаск» («Колос»). Ежегодник, 1994 (на армянском языке).
10. And M. XVI. Yüzyıkda acemi ve yeniçeri ocağı // Tarih mecmuası, İstanbul, 1971, Cilt 1, Sayı 2.
11. Danişmend İ.H. İzahlı osmanlı tarihi kronolojisi. Cilt 2. İstanbul, 1948.
12. Gibb H.A.R., Bowen H. Islamic Society and the West. A Study of the Impact of Western Civilization on Moslem Culture in the Near East. T. 1. Ч. 1. London, New York, Toronto, 1951.
13. The Encyclopedia of Islam, edited by B. Lewis, Ch. Pellat and J. Schacht. Vol. VIII. Leiden, 1995.
14. Ercan Y. Devşirme sorunu, devşirmenin Anadolu ve Balkanlardaki түркleşme ve islamlaşma etkisi // Belleten, 1986 Aralık, 1987, Ankara.
15. Inalcik H. L'Empire Ottoman // I Congres International des Etudes Balkaniques et Sud-Est Europeens. S., 1965.
16. Todorova M. Was there a demographic crisis in the Ottoman Empire in the seventeenth century? // Études balkaniques, 2, 1988. Sofia.
17. Toynbee A. The Ottoman Empire's Place in world History, in the Ottoman State and Its Place in world History // ed. By K. Karpat. Leiden, 1974.
18. Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı devlet teşkilâtından kapıkulu ocakları. T. I–II. Ankara, 1943.

К ИСТОРИИ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ИСЛАМА И КАТОЛИЧЕСТВА: «ЯНЫЧАРЫ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ»

Падение Константинополя (29 мая 1453 г.) и гибель Восточной Римской империи (Византии) были восприняты в Риме не только как удар по всему христианскому миру, но и как возможность, став организатором антиосманского противостояния, придать своей церкви действительно всемирный характер. Католическая церковь стала активным идейным вдохновителем и организатором союзов европейских государств, призванных дать отпор османскому продвижению в глубь Европы. Это сделало папство «врагом номер один» османских султанов, а захват Рима с престолом Св. Петра — стратегической задачей османов, идейным лозунгом, который провозглашал каждый новый султан при вступлении на престол.

Уже 30 сентября 1453 г. папа Николай V (1447–1455)¹ призвал европейских монархов к общему крестовому походу против турок. Угроза с Востока была использована тогда как средство для объединения разьединенной Европы после только что завершившейся Столетней войны.

Следующий папа Каликст III (1455–1458) настоял на введении (папской) церковной десятины на нужды крестового похода 1455 г., завершившегося успешной деблокадой Белграда. В этом походе кроме венгерского полководца Яноша Хуньяди большую роль сыграл и францисканский проповедник Иоанн Капистрано и папский легат кардинал Хуан Карвахаль².

В 1458 г. папская тиара была возложена на «князя гуманистов» Пия II (Эней Сильвий Пикколомини) (1458–1464). Папа-гуманист считал создание общеевропейского антитурецкого союза главной задачей своего понтификата, для чего, в частности, созвал в Мантуе конгресс европейских монархов. Смерть помешала его планам, но в истории остался его удивительный поступок: обращение к султану Мехмеду II (1461) с предложением перейти в христианскую веру, что позволило бы папе признать султана наследником Византии, короновать и заключить с ним союз. Попытка согласовать и объединить христианское вероучение с Кораном — смелый поступок для гуманиста и сверхоригинальный для главы христианской церкви³.

Начиная с Сикста IV (1471–1484) антитурецкая тема отходит в тень — папство занято тем, что пытается найти свое место среди абсолютных государей Европы, хотя известно, что Иннокентий VIII (1484–1492) вел

дипломатическую игру с Баязидом II, используя то обстоятельство, что в Ватикане в качестве заложника находился брат султана — Джем.

Александр VI (1492–1503) в ходе начавшихся при нем Итальянских войн (с 1494 г.) принял участие в создании «Священной лиги» («Венецианской»). Крестовый поход был объявлен 1 июля 1500 г., но, как выяснилось, лига не столько собиралась защищать христианский мир от ислама, сколько противостоять Франции⁴. Понтификат Александр VI вошел в историю прежде всего борьбой с Савонаролой, успех папства в которой означал поражение последней попытки реформы в католицизме и последним «предупреждением» папству перед началом Реформации.

Лишь в ноябре 1517 г. на пятом Латеранском соборе было снова заявлено о крестовом походе против османов в июне 1520 г. Короли Франции и Англии встречались для обсуждения каких-то совместных действий в этом направлении. Однако к этому времени политическая обстановка в Европе начинает все более и более определяться распространением протестантской ереси, Реформацией. Продолжавшийся же вооруженный конфликт между императорами Священной Римской империи, папами и Францией, который в свое время «удивлял» Сулеймана Кануни, отвлекал папство и католических монархов и от своевременного выступления против церковных новаций⁵, и от противодействия продвижению османов в Европу. Позднее османская угроза вынуждала их порой идти на некоторые уступки в конфессиональных проблемах. Князья и города Империи обещали свою помощь императору в борьбе против турок лишь при условии «либерализации» контроля за католической ортодоксальностью имперских субъектов. И сам император Карл V в 1545 г. в Вормсе, предвидя очередной османский натиск, не решился начать переговоры о реформации христианства, что, впрочем, не исключало жестких мер против еретиков⁶.

В Стамбуле не очень ясно представляли степень политической напряженности между католическими державами, но наверняка имели сведения о том, что в мае 1527 г. войска Карла V (в их числе 11-тысячный отряд знаменитого ландскнехта-протестанта Георга Фрундсберга) подвергли Рим разграблению, и папе Клименту VII (Джулиано Медичи) (1523–1534) пришлось даже объявить «священную войну» вторгшимся войскам, т.е. католический центр Европы пал жертвой политической разборки, осуществленной еретиками-протестантами на деньги католического короля. Эта война (вторая испано-французская) закончилась в 1529 г. мирным договором в г. Камбре (так называемый «Дамский мир»), по которому французский король Франциск I обещал императору выплатить огромную контрибуцию в 2 млн. золотых ливров и оказывать вооруженную помощь против турок⁷, что было очень актуально накануне похода Сулеймана Кануни на Вену.

Климент VII позднее примирился с Карлом V и возложил на него в Болонье императорскую корону. Напомним также, что после упомянутого грабежа Рима («Sacco di Roma») в Италии на целое столетие установилась испанская гегемония.

Исключительным было влияние Испании и на судьбы католичества. Фердинанд Арагонский и Изабелла Кастильская — «католические монархи» — гораздо раньше, чем протестантские князья в Германии, добились государственного контроля над церковью, и сделали они это, не проявляя гибкости по отношению к протестантской «ереси», а искореняя подобное инакомыслие с помощью инквизиции. Фактически они провели церковную реформу (католическую) независимо от Рима, но и не порывая связи с ним. Знаменитый церковный и государственный деятель Ф. Хименес де Сиснерос (в 1505–1517 гг. — великий инквизитор) не только сжигал мусульманские рукописи и крестил мавров, но и основал новый университет, добился строгой дисциплины среди клира, инициировал издания Библии с параллельными текстами на нескольких языках. В это время в Гранаде стали отрабатываться приемы миссионерства — еще до того, как миссионерская активность охватила Северную Африку и Новый Свет.

Испания, следовательно, значительно опережала остальную Европу в вопросах реформирования католичества (т.е. в том, что потом назовут Контрреформацией). Не случайно новые идеи обновления и усиления католичества активно проявлялись именно в Испании, что позволяло испанцам смотреть, в частности, на итальянское духовенство с некоторым чувством превосходства.

Начало католической церковной реформы (т.е. Контрреформации) связано с понтификатом Павла III (Алессандро Фарнезе) (1534–1549). Этот глава католиков прославился не только как знаток искусства, меценат, не только своим светским образом жизни, увлечением астрологией и т.д., но и как понтифик, при котором католичество вновь стало духовной движущей силой, «подключившейся к историческому развитию»⁸ С ним связаны такие события, как утверждение инквизиции в Италии (1542 г.), отлучение англиканской церкви от папства, открытие Тридентского собора (19-го Вселенского) в 1544 г. и учреждение нового католического ордена, который стал главным орудием Контрреформации, католического обновления — ордена (братства) иезуитов.

В истории этого ордена, который проявлял себя как опора католичества в любой точке мира и против любого противника, отразилось множество политических и духовных явлений того времени. Мы затронем те из них, которые связаны с исламом и Ближним Востоком.

Прежде всего, об основателе ордена — Игнатии Лойоле (Иниго Лопесе, ок. 1491–1556). Он происходил из испанских дворян (точнее — из баскских), которые уже несколько веков (сама Реконкиста продолжалась 12 поколений) боролись с «маврами», т.е. с мусульманами. Реконкиста закончилась (1492 г.), но в Испании оставалось множество мусульман, сохранивших свою веру или наскоро (в том числе насильно) обращенных в христианство. Через свою семью Лойола был связан с казначеем Кастилии доном Веласкесом, в доме которого он был кем-то вроде приемного сына. В этом «рассаднике» придворно-рыцарского воспитания⁹ Лойола, как и другие молодые дворяне, получил некоторое

литературно-духовное образование. Он гордился своей католической верой, мечтал о подвигах в борьбе с «неверными». По легенде, в период мучительного выздоровления от ран, полученных при обороне г. Памплоны от французов, у Лойолы произошло «озарение» и он решил посвятить себя крещению неверных «сарацин». Судя по тому что он отправился в Палестину, под «сарацинами» подразумевались подданные Османской империи. Миссия в Иерусалим ему не удалась (он не знал языка и не был силен в богословии). Он сделал еще одну попытку отправиться (уже с единомышленниками) на Ближний Восток, но помешала очередная венециано-турецкая война. После напряженных исканий, подвигов религиозного благочестия, конфликтов с официальным духовенством, учебы в нескольких университетах¹⁰ Лойола решает посвятить жизнь защите папства и католичества через создание нового духовного ордена (братства) иезуитов, которым предстояло изменить мир.

С XVI в. исследователи искали причины необычайного, всемирного успеха иезуитов. В этих поисках не было границ. Часто обращались к военному прошлому Лойолы, говорили о создании им «боевой дружины», «фланга» Иисуса, о перенесении им испанской военной дисциплины в духовную сферу, о совершенной системе «дрессировки» всех членов ордена, о приемах в политической борьбе, весьма напоминающих приемы тайных обществ¹¹.

Орден, который уже несколько веков ведет огромную педагогическую и научную работу во всем мире, конечно, отвергает эти предположения, но они периодически возникают в художественной литературе, популярной и научной публицистике¹². Одна из подобных широко распространенных «идей» — известное уподобление иезуитов янычарам. Основание для подобных предположений как будто есть. Известно, что в начале XVI в. (т.е. при Александре VI) для папства был актуален вопрос о создании собственных вооруженных сил. Они и были созданы под руководством сына Александра VI — кардинала Чезаре Борджиа. В эти отряды вербовали наемников, как правило, из швейцарских кантонов, славившихся своими высокими боевыми качествами. Юлий II (1503–1513) порою сам становился во главе папских войск, которые обеспечивали ему личную охрану и вступали в стычки с германскими ландскнехтами. После победы Франциска I под Мариньяно (1515 г.) Швейцария ушла из активной политики, наемничество стало осуждаться и внутри страны. По этой и другим причинам швейцарская папская гвардия не получила серьезного развития. Существование инонациональных или иноконфессиональных «опричников» было известно практически везде, а османский пример был не просто увлекательным, а даже завораживающим. Напомним, что в этот момент османы были в апогее своего могущества, и во многих их учреждениях европейцы усматривали нечто весьма полезное для военного или государственного устройства (именно тогда и возникла тема «туркофильства», вовсе не удивлявшая современников)¹³

В 1537 г. Игнатий Лойола добился наконец аудиенции у Павла III — состоялась их знаменитая часовая беседа. Папа, уже наслышанный об

испанском подвижнике, узрел «перст Божий» в предложении создать новый орден — хотя Рим с большой осторожностью относился к «лихорадке образования новых орденов народами латинской расы»¹⁴. В планах Лойолы Павел III увидел возможность исполнить свое «давнейшее желание» создать нечто вроде отряда папских янычар, которые безоговорочно, не щадя жизни, служили бы своему повелителю в борьбе с протестантизмом и ересями, а также с церковниками, требовавшими ограничить власть пап¹⁵.

Сравнение этих организаций действительно выявляет довольно много сходных моментов. Та и другая были своеобразными «государствами в государстве», в той и в другой дисциплина, личное подчинение, готовность выполнить любой приказ (султана или папы) считались высшей добродетелью (так, иезуиты полагали повинование важнее, чем спасение души!), как янычары, так и иезуиты внешне не были ревностными верующими — одних называли «кызылбашами» за шиитские пристрастия, других постоянно обвиняли в язычестве, неортодоксальности, весьма вольном обхождении со Священным писанием и прочих грехах¹⁶.

Обе организации были созданы, несомненно, выдающимися людьми, которым удалось направить психический процесс формирования внутреннего сознания членов своих организаций в нужное русло, образовывать как бы начало «новой жизни»¹⁷. Обе организации предписывали своим участникам безбрачие. «Женатый падишаху не слуга», — говорилось в янычарских законах¹⁸, а иезуитам предписывали не только не заводить семью, но и говорить о своих ближайших (даже еще здравствующих) родственниках как о покойных. Как руководители иезуитов, так и «идеологи» янычар из числа суфийского братства *бекташи*, которые находились при 99-м подразделении (орта) корпуса, не допускали в своих рядах крайний аскетизм, предписывали заботиться о своем здоровье (Лойола приказывал насильно кормить слишком увлеченных молитвами иезуитов).

Янычары полагали себя постоянно мобилизованными: место янычара — в бою, в военном лагере, в походе. Они называли друг друга «йолдаш», буквально — «спутник» — по вечному походу (во славу султана и ислама). Иезуиты тоже считали себя «воинством», всегда готовым не к обороне, а к атаке. Своих соратников иезуиты называли «*compagnons*» — вполне «военный» для XVI в. термин, а свой орден — «походным».

Те и другие пользовались исключительным доверием папы или султана, им было позволено очень многое, поэтому порою они ощущали себя «святое папы» — см. вечный «пример» преторианцев в Древнем Риме!

Перечисление совпадений можно продолжать, но уже вполне очевидно, что типологическое сходство имелось. В связи с этим возникает вопрос: мог ли И. Лойола знать о том, как устроено янычарское войско? На это вполне можно ответить утвердительно. Он мог слышать

(или даже прочесть) и во время своей поездки в Палестину, и в Испании, и в «колыбели ордена» — Париже, в самом Риме и т.д. — да и надо ли было прикладывать к этому особые усилия, когда в Средиземном море было тесно от турецких кораблей?

Католическая церковь владела опытом деятельности таких орденов, как францисканцы (уже веками имевших дело с Востоком), доминиканцы — «жандармерии папства», в конце концов — тамплиеров — мастеров конспирации и тайных операций, и многих других, не таких «ярких»¹⁹

«Янычар» в турецком варианте, т.е. с системой девширме и исламом, католическая церковь заимствовать, естественно, не могла, но воспринять саму «идею», создавая такое «мобильное подразделение», как орден (братство) — при этом никогда не упоминая источников — теоретически было возможно. Могло ли быть случайностью сходство структур ордена и корпуса (хотя обе они были по-своему уникальны), исходя из особенностей эпохи и множества других обстоятельств? На это ответа пока нет.

«Янычарскую» версию, кажется, никто всерьез не рассматривал, в то время как еще одну «восточную», которую условно можно назвать «североафриканской», историки если и упоминают, то лишь для того, чтобы подчеркнуть ее несостоятельность. Речь идет о версии Генриха Мюллера о влиянии на формирование иезуитского ордена североафриканских исламских организаций (до окончания Реконксты они действовали и в Испании). Его книгу о мусульманском происхождении иезуитов обычно отвергают, не давая оценки содержащемуся в ней сравнительному анализу некоторых мусульманских и католических текстов²⁰ Автор упоминает такие мусульманские (суфийские) ордена, как *маданийя* и *кадирийя*, но особенно — *шазилийя* (*шазили*), очень известный и в наши дни (не только в Магрибе, но и, например, в Индонезии). Г. Мюллер, по-видимому, не востоковед, но его исторический анализ ситуации в целом достаточно убедителен и заслуживает того, чтобы быть продолженным другими исследователями.

Иезуиты — особое, специфическое, но и весьма авторитетное формирование католической церкви. Упрек к ним как к «церкви в церкви» относится, во-первых, практически ко всем известным орденам, а во-вторых, является внутренним делом католиков. Выбранный нами объект рассмотрения обнаруживает, несмотря на всю «католичность» ордена, некоторые особенности, которые сближают его с Востоком и традиционными исламскими институтами, позволяет говорить о влиянии османского (или шире — мусульманского) «Востока» на европейский «Запад», отразившемся в общей структуре и некоторых особенностях функционирования (особенно в XVI в.) католического ордена иезуитов. Способность иезуитов использовать приемы, тактику, формы организации, свойственные другим религиям, нередко делала их объектом серьезной критики внутри католицизма (вплоть до запрещения), но это нередко приносило им и успех. Противостояние двух миров — христи-

анского и исламского — было, следовательно, не только борьбой, но и взаимовлиянием и познанием друг друга.

¹ Гёргей Е. История папства. М., 1996, с. 201.

² Матанов Х., Михнева Р. От Галиполи до Лепанто (Балканите Европа и османското нашествие 1354–1571). София, 1988, с. 205–206. Напомним, что Капистрано — известный католический святой, почитаемый в Италии, Чехии и Германии за проповеди против еретиков и призывавший к крестовому походу против турок. Агитация среди немецких князей особого успеха не имела, но ему лично удалось собрать значительное войско, несмотря на то, что Капистрано обращался к массам только на латинском языке.

³ Гёргей Е. История папства, с. 205–206. См. также: Лобовикова К.И. Две попытки объяснить Мехмеду Завоевателю догматы христианства. Георгий Трапезундский и Геннадий Схолярый. — *Turcica et ottomanica*. М., 2006, с. 256–267.

⁴ Маккени Р. XVI век Европы (Экспансия и конфликт). М., 2004, с. 305.

⁵ Колер А. Карл V (1519–1556). — В кн.: Шидлинг А., Циглер В. Кайзеры (Священная Римская империя, Австрия, Германия). Ростов-на-Дону, 1997, с. 44.

⁶ Там же, с. 44, 54.

⁷ Альтамира-и-Кревеа Р. История Испании. Т. II. Л., 1951, с. 38.

⁸ Среди задач Павла III особо отмечают следующее: 1) надо было побеждать протестантство; 2) воссоздать католическое единство; 3) объединить Европу против Османов. — Савельев Н.В. Римские папы. Церковь в XVI и XVII столетиях. СПб., 1842, с. 37.

⁹ Бёмер Г. История ордена иезуитов. Смоленск, 2002, с. 102.

¹⁰ Одно из самых ранних самоназваний иезуитов — «студенческое общество».

¹¹ Лучицкий И.В. Иезуиты. Энциклопедический словарь «Гранат». 7-е издание. Т. 22, с. 577.

¹² Обзор подобной литературы на французском языке см.: Леруа М. Миф об иезуитах: от Беранже до Мишле. М., 2001. Название данной статьи — цитата из работы Блеза Паскаля «Письма к провинциалу». — Леруа А. Указ. соч., с. 302.

¹³ Егоров Д.Н. Идея «турецкой реформации» в XVI в. — «Русская мысль». Кн. 7, 1907, с. 1–14; Иванов Н.А. Османское завоевание арабских стран. 1516–1574. М., 2001, с. 22–28.

¹⁴ Филипсон И. Религиозная контрреформация в XVI в. СПб., 1902, с. 41.

¹⁵ Михневич Д.Е. Очерки из истории католической реакции (иезуиты). М., 1955, с. 51.

¹⁶ Это особенно проявилось в их деятельности в Индии, Китае, Японии и других странах.

¹⁷ Использовано выражение Л. Ранке. — Ранке Л. фон. Государи и народы Южной Европы в XVI и XVII вв. СПб., б. г., с. 11. Обе организации как бы воплощали идеи Платона о воспитании как отправной точке нового государственного устройства. См.: Моздалевский Л.Н. Очерк истории воспитания и обучения с древнейших времен до наших дней. Ч. 1. СПб., 2000, с. 108.

¹⁸ Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихим (История происхождения законов янычарского корпуса). Изд. текста, пер. с тур., введение, комментарий и указатели И. Е. Петросян. М., 1987, с. 52.

¹⁹ Использовать в борьбе с османами католических монахов предлагали Ватикану минориты. По их расчетам (вместе с другими орденами) получалось внушительное войско более чем в 140 000 человек. — Ebermann R. Die Türkenfurcht. Halle, 1904, с. 38–39.

²⁰ Müller H. Les jrigines de la Compagnie de Jésus. Ignace et Laines. P., 1898.

НАКШИБЕНДИЙСКИЕ ТЕККЕ В СТАМБУЛЕ: СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ «СЛЕД»

На территорию современной Турции суфизм проник примерно в XIII в. благодаря деятельности Мевляна Джалалетдина Руми (ум. 672/1273) на востоке и Мухиддина Араби (ум. 638/1240) на западе¹. Основатель Османской империи Осман-бей разрешает строительство медресе и суфийских обителей, тем самым выражая уважение к представителям тасаввуф, таким как Дурсун Факих и шейх Эдебали. Вскоре Анатолия, где за небольшой срок появились многочисленные завия и текке (суфийские обители), становится одним из центров различных школ и направлений дервишских братств.

Большая часть османских султанов находилась под влиянием какого-либо шейха, государственные чиновники оказывали великие почести и уважение по отношению к дервишам. Они справедливо считали, что сотрудничество с передовыми мусульманскими мыслителями и авторитетами будет только благополучно влиять на распространение ислама среди населения и укрепление государственности. С начала XV в. по всей территории Порты распространяется учение таких суфийских братств, как мевлевия, нурбахшия, кадирия, байрамия, халватия, бекташия и накшибендия. В этот период суфийские обители становятся центром духовного, этического и эстетического воспитания, академией искусств и спорта, институтом общественного, экономического, военного и медицинского направлений².

После «собственно турецких» (т.е. основанных непосредственно на территории самой Турции) тарикатов — мевлевия и бекташия — в Османской империи наиболее распространенным был (и есть до настоящего времени) накшибендийский тарикат. Исследователи считают, что впервые это учение среди турок в XV в. привил уроженец города Симав (область Кутахйа) Абдуллах Иляхи (Молла Иляхи) (ум. 896/1491), который с целью совершенствования своих знаний после окончания медресе Зейрек поехал в тогдашний «дийар-и ислам» — центр мусульманских знаний в Туркестане. В Самарканде он познакомился с великим представителем накшибендия Убейдуллахом Ахраром (1404–1490), стал его учеником и после получения из его рук иджазетнаме (разрешение проповедовать учение данного тариката) вернулся к себе на родину и построил в Симаве первый накшибендийский дергах. Так впервые на османской земле он начал внедрять среднеазиатский «тарик-и

ходжаган». Фатих Султан Мехмед, один из ярких поклонников Убейдуллаха Ахрара, приглашает Абдуллаха Иляхи в Стамбул, но тот остается в родном Симаве. Однако, пользуясь любезным отношением султана, отправляет в Стамбул своего мюрида Эмира Ахмеда Бухари (849/1445–911/1516), который приехал вместе с ним из Туркестана. Эмир Бухари, с одной стороны, имевший отношение к роду пророка (он носил титул сейид), с другой стороны, являвшийся внуком шейха Махмуда Инжир аль-Фагневи (ум. 717/1317) — двенадцатой личности в «Золотой силсиле» (генеалогической цепи) накшибендийского тариката, в юности получил прекрасное образование. Завоевал расположение у самого Убейдуллаха Ахрара и некоторое время воспитывался под его руководством. После знакомства с Абдуллахом Иляхи переехал с ним в Анатолию и закончил сейр-у-сулюк у него, совершил паломничество в Мекку. В Стамбуле сперва Бухари примыкает к дергяху шейха Вефа, позже приступает к иршаду в отдельном домике около мечети Фатих. Когда ученики и последователи заметно прибавляются, по велению султана Баязида II к этому дому пристраиваются отдельные кельи (худжра). Позже открываются еще два крупных накшибендийских текке, носящие его имя.

Таким образом, первые накшибендийские текке, появившиеся в Стамбуле, следующие:

1) **Текке Эмира Бухари в Фатихе.** Находилось в центре города (район Фатих Малта, улица носила название того же текке). Текке с 16 худжре и мечеть построены по велению султана Баязида II в честь Эмира Ахмеда Бухари. Здание просуществовало до XIX в.

Наиболее известные шейхи данного текке: Ходжа Фазлуллах Эфенди. Внук сейида Ходжы Убейдуллаха Ахрара. В период правления султана Ахмеда I (1603–1617) приезжает из Ташкента в Стамбул, позже совершает хадж. После возвращения из Хиджаза в Стамбул пребывает в текке Эмира Бухари. С 1016/1607 г. Ходжа Фазлуллах Эфенди — шейх текке Эмира Бухари. Благодаря стихам на тюркском и персидском языках становится известным как автор «Фазли». Супруга Фазлуллаха Эфенди Шерифе Хидая была правнучкой (по линии дочери Фатма) Эмира Бухари. Их сын Абдуллах Эфенди после смерти отца занял пост шейха в том же текке; Фазлуллах Эфенди родился в 1049/1639 г., является внуком Ходжы Фазлуллаха Эфенди. На пост шейха в текке Эмира Бухари приходит после смерти отца шейха Абдуллаха в 1070/1660 г. После смерти шейха другого накшибендийского текке в Стамбуле Мустафы Эфенди (ум. 1120/1708) ему пришлось быть и шейхом в текке Хакима Челеби. Фазлуллах Эфенди считался сейидом, прекрасно разговаривал на арабском, тюркском и персидском языках, обладал исключительной памятью.

2) **Текке Эмира Бухари в Айвансарае.** Основатель Муслихуддин Мустафа Эфенди. Его происхождение точно неизвестно, был женат на внучке Эмира Бухари. До конца своей жизни Мустафа Эфенди занимался наставничеством в данном текке, после кончины в 1068/1658 г. похоронен перед михрабом своего текке.

3) **Текке Эмира Бухари в Эдирнекапы.** Находилось в районе Эюб Отакчылар. В настоящее время не осталось даже следов. Основателем мог быть сам Эмир Бухари или Кануни Султан Сулейман, или зять и ученик Эмира Бухари Махмуд Эфенди.

4) **Текке Хакима Челеби** — один из значимых накшибендийских центров в Стамбуле. Построено по плану Рустем-паши в честь одного из видных халифов Эмира Бухари — Мехмеда Эфенди, уроженца города Измит, известного среди суфиев по имени Хаким Челеби.

5) **Текке Хинди (Хиндилер теккеси).** По-другому еще называлось Текке Хорхор. Месторасположение в Стамбуле — район Аксарай на улице Хорхор.

Таким образом, три из пяти текке носило имя Эмира Бухари — выходца из Туркестана. До официального роспуска суфийских братств в 1925 г. эти текке успешно функционировали. Кроме этих с XVI–XVII вв. такие же текке открывались в Бурсе, Амасье, Кастомону, Болу, Акшехире, Ыспарте и Диарбакре³

К ним присоединились другие дервишские организации, которые, в частности, носили название «узбекские». «Бухара» — самое значимое из всех узбекских текке в Стамбуле. Здание построено в 1104/1692 г., в 1305/1887 г. отремонтировано султаном Абдул-Хамидом II. Служило приютом для мухаджиров, паломников и дипломатов из Бухарского эмирата, из всей Средней Азии. В то же время воспитанники этого заведения посылались в качестве дипломатов в Среднюю Азию. Так, например, в XVIII в. шейх Яхъя Эфенди, в XIX в. шейх Мехмед Эфенди, а также автор «Люгат-и Чагатай ве Тюрк-и Османи» шейх Сулейман Эфенди (ум. 1308/1890) были отправлены в Среднюю Азию для выполнения различных официальных поручений.

Шейх Сулейман Эфенди родился в 1237/1821 г., первый раз приехал в Стамбул в качестве ответственного секретаря бухарского эмира, в конце концов стал шейхом узбекского текке. В 1285/1869 г. с целью «пояснения бухарцам политики Османского государства по отношению к Туркестану» шейх Сулейман Эфенди отправился в Среднюю Азию.

В начале эпохи Республики бухарское текке соседствовало в одном здании с Союзом молодежи Туркестана. Когда вышел запрет на суфийские учреждения, здание отошло к Союзу молодежи Туркестана, обществу туркестанских студентов и обществу культуры и взаимопомощи туркестанцев. Лишь в небольшой комнате доживала свой век семья шейха⁴.

Шах Хайдар Накшибенди — представитель узбекских принцев из Бухары и Белха. Получивший воспитание у среднеазиатских накшибендийских шейхов, Шах Хайдар Накшибенди в Стамбуле на свои деньги сумел построить завия в районе Бюлбюлдаре в Ускударе, до конца своих дней (1112/1700-1701) занимал постинишин, похоронен в окрестностях собственного текке.

В конце XIX в. только в Стамбуле насчитывалось 52 действующих текке накшибендия⁵

Тарикат накшибендия в разные века имел различные названия и ветви. Так, например, до XV в. он был известен как «накшибендия-и хаджигания», в XVII в. — «накшибендия-и ахрария». В XIX в. усилились сразу две ветви тариката: «накшибендия-и муджадия» и «накшибендия-и-халидия»⁶.

Муджадия в Анатолии распространяется благодаря среднеазиатским, афганским и индийским суфиям. В XIX в. в Стамбуле они создали такие текке, как «Афганское календархане» в Ускударе, «Текке Хайдара Ташкенди», «Бухарское текке» в Кадырге, «Текке Кашгари» в Эюбе, «Узбекское текке» в Султанахмеде. Кроме этого, существовали их «филиалы» в различных городах: «Узбекского текке» в Адане, «Бухари» — в Бурсе, «Афганского» — в городах Урфа, Измир, Кудус; «Индийского (Хинди)» текке — в городах Урфа, Шам, Антеп и др.

Распространение и усиление ветви муджадия в Османской империи непосредственно связано с именем Мухаммеда Мурада Бухари (ум. 1132/1719) — халифа Мухаммеда Ма'сума (ум. 1669). Будучи в 1681–1686 гг. в Стамбуле, Мухаммед Мурад Бухари завоевал симпатию султана и большую группу улема во главе шейх уль-ислама Файзуллах Эфенди посвятил в тайны накшибендийского тариката. В короткий срок муджадия становится популярным среди турок, строятся новые текке в разных городах, куда стекались государственные чиновники, ученые, религиозные деятели. Центральными текке муджадия в Стамбуле были Текке Абдулбаки Ла'лизаде (Эюб календерханеси) в Эюбе, Исламбее, Текке Шейха Мурада в Султанахмеде и Ускударе.

Халидийские текке. Халидия особо сильное распространение в Стамбуле находит в начале XIX в. Курд по происхождению Мевлана Халид-и Багдади (ум. 1242/1826) сумел найти для народа нужные слова утешения в период политических волнений, дать надежду на будущее. Уставший в войнах народ потянулся к новым халидийским шейхам, которые приветствовали национализм. Эти шейхи абсолютно не зависели от государства и авторитетов, что позволило им сконцентрироваться на собственном учении. Халид-и Багдади действовал по принципу «каждой области — по одному наставнику» и отправлял своих учеников в различные места. Стамбул же был для него стратегически особенно важным пунктом, поэтому здесь находилось несколько его последователей. Эта ветвь накшибендия пользовалась громадным влиянием среди улема. Наиболее активные распространители учения халидия в Анатолии — это Исмаил Ширвани (ум. 1270/1853), его халифа Шейх Фейзи Молла и Хамза Нигяри (ум. 1304/1886).

Именно Исмаил Ширвани являлся духовным наставником Шейха Шамиля, известного как «Кавказский сокол». Исмаил Сираджетдин бин Ширвани родился в 1197/1781 г. в Шемахе. В 1824 г. Халид-и Багдади посвятил его в халидийскую ветвь; по его поручению он вернулся на Кавказ, подготовил в течение 9 лет большое количество преемников, в том числе и среди казанских и крымских татар.

Среди халидийских шейхов в Стамбуле необходимо выделить Ахмеда Зияэддина Гюмюшханеви (ум. 1311/1893). Он открыл в городах Стамбул, Ризе, Байбурт и Оф четыре библиотеки и подарил им восемнадцать тысяч книг, построил текке в районе Эминоню (Стамбул), отправил 116 халифов в Крым, окрестности побережья Черного моря и Дагестан. Оставил после себя значительные произведения в области хадисоведения. Османские султаны Абдулмеджит, Абдулазиз и Абдул-Хамид II считались и советовались с ним, а крупные везиры и паша, дворцовые врачи были его мюридами. Именно в текке Гюмюшханеви был посвящен в халидия известный среди мусульман Поволжья ишан Зайнуллах Расулев (ум. 1917).

Халидийских текке в Стамбуле насчитывалось двенадцать. Из них центральным являлось Гюмюшханеви теккеси, которое было построено в 1727 г. и после пожара 1826 г. отстроено заново. Оно служило одновременно и мечетью. Среди шейхов данного заведения в разное время были выходцы из Дагестана и Поволжья, например Омар Зияэддин Дагестани (1849–1920), Абдулазиз Беккине аль-Казани (1895–1952) и др.

Кроме этого, Аладжа Минаре теккеси, Мурад Молла теккеси, Тахир Ага теккеси и другие также имели прочные связи со среднеазиатскими и поволжскими мусульманами.

Мусульмане России бывали в Стамбуле в основном по причине паломничества в Хиджаз, так как столица Османской империи являлась для них главным перевалочным пунктом по пути в священные города Мекка и Медина. В XIX — начале XX в. сюда они съезжались по различным маршрутам: 1) Одесское направление. Им пользовалось большинство паломников из Туркестана, Поволжья и Урала. Он был удобен тем, что пароходы ходили 5–6 раз в неделю и добирались до места назначения за 32–34 часа. Суда, ввиду своих крупных размеров и хорошей оснащённости, вмещали большое количество пассажиров и почти не чувствовали мелких штормов; 2) Севастопольское направление. Пароход из Севастополя до Стамбула уходил один раз в неделю, находился в пути от 30 часов до двух суток в зависимости от состояния погоды. Но ввиду того что суда были небольшие и довольно ветхие, в штормовую погоду их сильно качало. К тому же в сезон паломничества пассажиров брали гораздо больше нормы, поэтому данный маршрут был небезопасным, и приобрести билет на этот пароход было сложно; 3) Батумское направление. Оно было удобно для кавказских мусульман. При благоприятной погоде за 7–8, а при плохой погоде за 10–12 суток пароход добирался до Стамбула. Рейсы были частые, а суда большие; 4) Московское направление. Поездом через Варшаву и Вену путник мог добраться до Стамбула за 6 дней. Этот маршрут был более удобен для тех, кто боялся морских путешествий.

В Стамбуле паломники устраивались в «ханах» — постоянных дворах, или кервансараях. Многие находили в Стамбуле земляков: в течение долгих лет путешествий в Турцию и арабские страны мусульмане из России приобретали или строили недвижимость в различных рай-

онах города, создавали свои землячества, благотворительные общества. Часть собственности российских подданных в Стамбуле служила общежитиями для бедных шакирдов — студентов, прибывших из России⁷ Российское государство поддерживало создание таких «йурдов» и приютов в надежде на то, что тем самым российских мусульман легче будет держать под контролем, да и влияние «османского фанатизма» на изолированных россиян будет существенно меньше. Так, например, посол России в Османской империи в 1864–1877 гг. Н. П. Игнатьев в своем секретном письме в Министерство иностранных дел выражал заинтересованность в строительстве такого заведения-текке⁸.

Накшибендийские текке считались родным приютом для дервишей и паломников из Средней Азии и Поволжья, любой путник здесь чувствовал себя в безопасности. Именно по пути в хадж российские религиозные деятели связывались с османскими шейхами, находились в духовном общении — сохбет — с ними, получали напутствие-иджазе распространять суфийское учение у себя на родине. Например, в «Казанском текке» около мечети Нур-Османия в разное время побывали известные духовные лидеры поволжских мусульман: Шигабутдин Марджани (1818–1889), Зайнуллах Расули (1833–1917), Мурат Рамзи (1854–1934), Абдурашид Ибрагим (1857–1944).

Умерших по различным причинам на территории Стамбула мусульман из России главным образом хоронили на территории «среднеазиатских» текке; например, в Ускударе находится большое кладбище, где нашли последнее пристанище представители различных тюркских национальностей Российской империи.

¹ При этом почти все исследователи вслед за О.Л. Баркан утверждают, что главными «разносчиками» идей суфизма на территории Османской империи стали среднеазиатские «дервиши-колонизаторы» — представители кочевых тюркских племен, принявших ислам и заполонивших Анатолию. См.: Barkan Omer Lütfi. Kolonizator Türk dervişleri. İstanbul, 1924.

² См.: Kara, Mustafa. Din, hayat, sanat açısından tekkeler ve zaviyeler. II baskı. İstanbul, Dergah yayınları, 1980.

³ Bardakçi, Necmüddin. Türklerin sosyal ve kültürel hayatında tasavvuf ve tarikatlar // Türkler. Ankara, Yeni Türkiye yayınları, 2002, с. 7.

⁴ İstanbul ansiklopedisi (R.E. Koçu). İstanbul, 1959. Статья «Бухари теккеси».

⁵ Bandırmalızade, Ahmed Mühib. Mecmu'a-i tekaaya. İstanbul, 1980; Акимушкин О. Накшбандийа. Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991, с. 187–188.

⁶ Memiş Abdurrahman. Osmanlı'da tekkeler, sosyal fonksiyonları ve İstanbul'da halidi tekkeleri // Osmanlı. Yeni Türkiye yayınları. 4 cild, с. 516.

⁷ Общество российских шакирдов в Стамбуле // «Аль-Ислях» (газета «Реформа», Казань). 1909, № 63, с. 3 (на татарск. яз.).

⁸ Копия с Секретного отношения Н.П. Игнатьева к товарищу Министру иностранных дел. 21.11.1874 г. // Эхо веков. 2002, № 3/4, с. 83–84.

ОСМАНСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ, ИСЛАМ, ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ И ГОСУДАРСТВА

Понятие «османская модернизация» используется в историографии для характеристики процессов, которые происходили в стране в XIX в. Османская империя была традиционной империей, и XIX в. стал для нее периодом коренных перемен. Цель данной статьи — рассмотреть то, каким образом в османской модернизации исламская личностная принадлежность стала политическим понятием и как эта личностная принадлежность повлияла на последующие события.

Классическая структура Османской империи к концу XVII в. приходит в упадок, старые социальная и политическая системы начинают уступать свои позиции. Представления о классической мировой державе были восприняты в Османской империи и через римско-византийские традиции, и как *Nizam-i Alem* (система мира), принятая в исламской философской мысли. Османское государство признавалось единственным законным государством в мире. Любые другие государства, даже крупные державы, уступали в иерархической структуре державе османского султана. Эти представления продолжали существовать. Важно, что в них отсутствовало понятие «граница». Из-за неприятия наличия границ государства следовало и неприятие понятия «страна». Политическая сплоченность в государстве должна была обеспечиваться лишь такими характерными для классической империи отношениями, как «верность — справедливость». Любая социальная группа, хранящая верность политическому правителю, то есть султану, имела право рассчитывать на его справедливое покровительство. На этом представлении базировалась и та социальная система, которая складывалась в государстве. В ее основе лежала так называемая система «*millet*». Слово «*millet*» происходит от арабского корня «*mille*» и понималось тогда как некая группа, объединенная одной верой, религией. Каждая религиозная группа через своего религиозно-политического лидера (*milletbaşı*), выражая верность султану, имела право организовывать население и сама решать вопросы внутреннего порядка; государство выступало лишь как гарант справедливости в конфликтных вопросах между этими группами. Отношения между государством и обществом, следовательно, выливаются в социальную структуру, в которой индивид не связан напрямую с государством, общественная и косвенно политическая его верность принадлежали миллету, а верность

миллету выражалась и в лояльности султану — так обеспечивалось политическое единство¹.

Изменения в этой системе прослеживаются с начала XVIII в. К этому времени государство теряет превосходство над внешними соперниками, начинаются преобразовательные движения, которые через некоторое время принимают форму европеизации, потребовавшей и иного отношения к индивиду. И хотя вначале целью европеизации страны было заимствование западных технических новшеств, вскоре формируется новое поколение получивших западное образование и воспринявших западную культуру интеллигентов-бюрократов. Основной проблемой управления государством, с которой столкнулось это просвещенное поколение, стал вопрос сохранения целостности империи. Модернизация государства ускорила процесс разрушения старой системы и появления прозападнических националистских умонастроений, возникла необходимость борьбы с теми действиями, которые в империи предпринимали сторонники независимости отдельных народов, ее составлявших. Естественным итогом модернизации стало развитие процесса секуляризации и индивидуализации, которое вместе с изменениями в экономической структуре ускорило укрепление национальных идеологий, пришедших на смену системы миллетов. Когда к этому прибавилось внешнее вмешательство, движения за независимость отдельных народов империи стали набирать силу. В первую очередь это происходило на Балканах.

В ответ на эти движения, почву для которых подготовила европеизация, в среде османской интеллектуальной элиты начинает распространяться идея османизма. Эта идеология ставила целью сформировать для всех османских народов понятие «османской родины»².

Идеология османизма являлась тогда в высшей степени «современной», она не опиралась на какой-либо этнос или религию. Эта идеология основывалась только на понятиях «родина» и «гражданство». Целью ее было формирование политического единства, которое бы охватывало все население «османской родины». В этой идеологии необходимо отметить наличие некоего гибрида традиционного имперского политического мышления и самых либеральных умонастроений того периода (преданность султану и стране, идеи политического участия и парламентаризма), а также построение государства не на этническом или религиозном фундаменте. И хотя эта идеология не нашла широкого политического применения даже внутри страны и не привела к большим результатам, она существовала еще долгое время³.

Естественным итогом европеизации и параллельного ей ослабления государства стал возникший в османском обществе XIX в. вопрос о сохранении целостности государства. В этих условиях ислам стал не только религией, но и инструментом политики и связанной с ним особенностью идеологии. Доктрина исламизма возникла вслед за османизмом и предшествовала тюркизму. Была использована исламская идея о религиозном единении (*İttihad-i İslam*).

Речь об исламизме сразу же вызывает в памяти эпоху Абдул-Хамида II, когда эта доктрина созрела и получила поддержку официальных кругов. В первую же пору ее существования она рассматривалась в рамках османизма. После султанского декрета о реформах 1856 г. среди мусульманской части османских подданных возникло беспокойство, ставшее толчком к поискам идеи, способной сплотить все мусульманское население империи. Ею стала идея исламского единства⁴

Со временем приверженцы этой идеи начали выступать за более широкую ее трактовку, а именно — за формирование исламского единения не только в Османской империи, но и за ее пределами, в странах, оказавшихся в колониальной зависимости от Запада. Просьбы о помощи, приходившие из разных частей света к османскому султану, официально носящему титул «халифа», дискуссии между исламским миром и османскими общественными деятелями оживили сознание того, что мусульманское население численно велико и представляет значительную силу.

Диалог с иноземными мусульманами, особенно из России, стал важным стимулом для османских просветителей. Возросло число книг и статей, написанных на тему единения правоверных, участились визиты различных делегаций. Параллельно росту влияния панславизма и в противовес ему доктрина панисламизма стала платформой, на которой смогли объединиться мусульмане.

Намык Кемаль так объяснил эту ситуацию: «Двадцать лет тому назад здесь не было известно, что в Кашгаре живут мусульмане. Сегодня общественное мнение настроено в пользу соединения с ними. Это движение похоже на столь большой сель, что абсолютно невозможно поставить для него дамбу»⁵ И далее продолжал: «Наше будущее верно: мусульмане в один прекрасный день обязательно объединятся вокруг одного слова (халиф. — Т.Т.). В таком случае, раз уж халифат здесь и раз уж по силе, соотношению и географическому потенциалу... Османское государство в авангарде, центр единства, о котором мы говорим, конечно же, будет здесь»⁶.

По мнению Намыка Кемалья и других приверженцев концепции исламизма, единственная сила, которая будет способна осуществить возможное мусульманское единство, — влияние и авторитет султана-халифа. Еще один видный общественный деятель того времени Али Суави высказался следующим образом: «Если сейчас наш падишах пришел бы в мечеть и, выступив с минбара, призвал бы мусульман на войну и объявил бы призыв не только подданных, но и мусульман во всем мире — Аравии, Туркестане, Индии и Китае, на всем Востоке и Западе — приблизительно двести миллионов мусульман могли бы вооружиться и пойти за падишахом»⁷

В отличие от панисламизма, возникшего как политическая доктрина, направленная вовне, исламизм в своей ранней стадии развития обращен к внутренним проблемам империи. Исламская лояльность рассматривалась тогда в качестве средства прикрепления мусульман, жи-

вущих в Османской империи, к государству и в то же время имела целью крепче привязать к центру такие далекие от него и поэтому рискованные отпасть регионы, как Египет, Тунис и Йемен.

Эта идеология обрела особую популярность в период правления Абдул-Хамида II. Необходимо отметить, что в результате Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Османской империи, потерявшей большую часть своего немусульманского населения, доля мусульманских подданных выросла до 80%. В предшествовавший период этот показатель составлял около 60%, и поэтому доктрина османизма звучала более актуально. При Абдул-Хамиде II представление о сосуществовании исламизма и османизма, разрабатываемое «новыми османами», постепенно становится малоубедительным. Взгляды сторонников османизма резюмирует Намык Кемаль: «Мы говорим о необходимости исламского единства в мире и единстве всех народов в Османском государстве»⁸ Они же заговорили о бинарной основе института халифата: духовной и материальной. Согласно их представлениям, османский падишах для всех османов — правитель в материальном смысле, а для всех мусульман в мире — духовный предводитель⁹ Самое конкретное выражение этой трактовки мы встречаем в конституции 1876 г.: «Падишах, обладающий титулом халифа, — покровитель исламской веры, правитель и падишах всех османских подданных»¹⁰

После подавления в 1873 г. оппозиционного султану движения «новых османов» идеологические дискуссии смогли возобновиться только в Первый конституционный период, когда верх взяли сторонники османизма. В эпоху же Абдул-Хамида II концепция исламизма получила официальную поддержку. В этот период, как было указано выше, подавляющее большинство населения империи было мусульманами. Сколько бы ни продолжалось существование доктрины османизма, в центре его внимания оказалось мусульманское большинство.

Новизна ситуации состояла в том, что прежде старались создать общий османский этнос, а в этот период усилия властей были сосредоточены на создании исламского этноса. Свидетельства очевидцев показывают, как старались объединить разные мазхабы и практики в рамках суннитского ханифитского мазхаба. В период Абдул-Хамида II подобное начинание лежало в основе образовательной политики. Религиозным законам придавалось гораздо большее значение. В этот период была построена Хиджазская железная дорога, которая потребовала огромных капиталовложений. Целью ее строительства была не только экономическая потребность, но и стремление к более тесному единению всех мусульман. Абдул-Хамид II позже вспоминал: «Наша неудача состоит в том, что население империи не представляет однородной массы и включает христианские элементы, не имеющие единого мазхаба. Вредно в одном государстве иметь разные религии и мазхабы»¹¹. От суждений он перешел к действиям и пытался сформировать на базе ислама новый взгляд на роль султана, правление которого не должно было обсуждаться, ввел репрессивную систему; пропагандировал идею

новой идентичности, на основе которой подданные лучше всего могли бы прийти к взаимопониманию.

В турецкой историографии эпоха Абдул-Хамида II известна как период *Истибдат* (гнета). В это время модернизация, начавшаяся в период Танзимата, и осуществлявшееся в ее рамках культурное развитие прекратились, «как будто перерезанные ножом», а вместо этого утвердился абсолютистский режим Абдул-Хамида II. Этот режим действовал очень жестко против оппозиционных движений и любое общественное движение и проявление свободомыслия воспринимал как угрозу своему существованию. По всей Османской империи получили распространение политические доносы, процветал сыск, напрямую подчиненный султану. Было огромное количество необоснованных доносов и суровых наказаний на их основании¹².

Несмотря на беспощадное преследование всех оппозиционных движений, тех людей, которые впоследствии покончили с правлением Абдул-Хамида II, «вырастил» он сам. При нем произошел невиданный в османской истории рывок в области образования. Абдул-Хамид II считал, что ислам, как политическая идентичность, может быть использован в политике только благодаря западному образованию¹³.

Интерес исламской мысли к вестернизации и к самому Западу подготовил условия возникновения тюркизма, ставшего позднее доминирующей идеологией. Здесь нужно вспомнить о Джемаледдине Афгани (1839–1897), первом представителе новой исламской политической мысли не только в Османской империи, но и в мире¹⁴.

Иранец и, возможно, шиит, Афгани приехал в Стамбул в 1870 г., и в 1872 г. впервые в стамбульских просвещенных кругах прозвучал термин «исламизм». Это показывает, что влияние Афгани распространилось чрезвычайно быстро. Совокупность идей Афгани сформировала прогрессивный ислам. Признавая ослабление влияния ислама в мире, он предложил добиваться исламского ренессанса. Его понимание исламизма предполагало общемусульманское единство, но при этом он выступал не за политическое единство, а за развитие различных исламских национальностей в своих собственных государствах, что привело бы к союзу этих национальностей. Потому-то Афгани может считаться не только создателем современного политического исламизма и развившегося на его основе панисламизма, но и провозвестником национальных движений, наблюдаемых в то же самое время в исламских странах.

Курс на примирение исламизма и национализма развивал ученик Афгани Мухаммед Абдо (1845–1905), разработавший эту проблему в своих статьях в газете «Урва-уль вуска». Абдо официально воспринимается многими тюркскими государствами современности как национальный мыслитель. Влияние Афгани испытали многие будущие лидеры тюркской мысли, например Мехмед Эмин Юрдакул и Ахмед Агаев¹⁵.

Как бы значимы ни были для истории идеи Афгани, заложившие основу для осознания национальной идентичности в мусульманских

странах, в чистом виде османский исламизм противостоял национализму. Так, Бабанзаде Ахмет Наим и Юсуф Акчура, оказавшие очень серьезное влияние на тюркское возрождение, высказывали мнение, согласно которому в исламе не могло быть ни национализма, ни расизма. Известно, что идеи статьи «Проблемы нации в исламе», опубликованной в журнале «Себиль 'ур-Решад» в 1914 г., оказали большое влияние на османское общество конца XIX — начала XX в. Примечательно, что тогда ставший позднее автором текста национального гимна современной Турецкой Республики поэт Мехмед Акиф Эрсой был одним из тех, кто больше всего делал акцент на исламский интернационализм и страстно выступал против «национализмов» исламских народов: «С албанизмом и арабизмом эти народы не будут идти вперед, позже всего появился тюркизм — и эта политика также не пойдет»¹⁶

Существовавшее в Османской империи понимание исламизма строго следует концепции универсальности религии. Причиной его возникновения было стремление подавить сепаратизм, ставший угрозой для целостности государства. В Османской империи исламизм, как и османизм, были свидетельствами тревоги образованной элиты за судьбу империи. О том, что эта тревога была ненасправной, можно судить по развитию албанского национального движения на Балканах и арабского национального движения на Среднем Востоке. На возникновение и смену идеологических доктрин влияли изменения в составе населения Османской империи. Если с конца 1870-х гг. в империи преобладали мусульмане, то в XX столетии большинство населения стали составлять турки. Исламизм лежал в основе и тюркизма, и османизма — идеологий «западных, но противостоящих Западу».

Возникновение идеологии тюркизма было обусловлено требованиями независимости среди арабского и, особенно, албанского населения¹⁷ То есть противостоянием османскому султану-халифу мусульман, не являющихся турками. Это-то и побудило османо-турецкую интеллигенцию к провозглашению турецкого национализма в качестве новой политики. Вначале тюркизм развивался вместе с идеологией исламизма, но после Балканских войн и Первой мировой войны тюркизм впервые начал действовать открыто. Причиной долгого скрытного его существования было опасение, что данная идеология могла вызвать беспокойство среди нетурецкого населения. Первыми идеологами тюркизма были не османские турки, а эмигранты из России, в которой эта националистическая идеология возникла раньше. Поэтому с самого начала он имел черты «пантюркизма».

Как османизм и исламизм, тюркизм стремился сделать личностную принадлежность основным элементом Османской империи, политическим понятием. В османский период у тюркизма не было ни открытой борьбы с исламской идеологией, ни отчуждения от политики османизма в отношении христианского населения. В нем просматривались и тенденции либеральной политики, которая являлась общей особенностью всех тогдашних националистских движений. Противостоящие влия-

нию султана парламентаризм и вторая конституция должны рассматриваться в русле этих тенденций.

В то же время шло осознание того, что для осуществления успешной европеизации страны необходимо бороться с Западом. Это стало самой важной составляющей мышления турецкой интеллигенции, воспитанной на западной культуре и идеологии.

В идеологии современной Турецкой Республики нашло свое объединение понятие «родина», характерное для османизма и опирающееся на западное мышление, и современная идеология тюркизма. Ее политический либерализм не исключает и личностной политики, заимствованной у тюркизма идеи принадлежности к турецкой нации. Объединение понятий «родина» и «принадлежность к турецкой нации» ограничивали рамки тюркизма, лишали его черт пантюркизма. Приоритетной стала идея защиты государства.

В идеологической триаде османизм — исламизм — тюркизм ни одно из трех ее направлений не смогло стать ведущим ни в официальной идеологии страны, ни в идеологиях, противостоящих официальной. Элементы этих идеологических доктрин оказывают, однако, до сих пор свое влияние на развитие идеологии современной Турции.

¹ İlber Ortaylı. Osmanlı İmparatorluğunda Millet. Tanzimattan Cumhuriyete Türkiye Ansiklopedisi. T. IV, c. 995–1001.

² Füsün Üstel. II Meşrutiyet ve Vatandaşın 'İcadı. — Modern Türkiye'de Siyasi Düşünce, İleişim. İstanbul, 2002, c. 166–180.

³ По этой теме см. подробнее: S.A. Somel. Osmanlı Reform Çağında Osmancılık Düşüncesi. — Modern Türkiye'de Siyasi Düşünce, İleişim, c. 111.

⁴ G. Çetinsaya. İslami Vatandaşlıktan İslam Siyasetine. — Modern Türkiye'de Siyasi Düşünce, İleişim, c. 269.

⁵ M. N. Özön. Namık Kemal ve İbret Gazetesi. İstanbul, 1997, c. 100.

⁶ Там же, с. 49.

⁷ Hüseyin Çelik. Ali Suavi ve Dönemi. İstanbul, 1993, c. 155.

⁸ G. Çetinsaya. Там же.

⁹ Mumtaz Türköne. Siyasi İdeoloji Olarak İslamcılığın Doğuşu. İstanbul, 1991, c. 227–228.

¹⁰ G. Çetinsaya. Там же.

¹¹ Sultan Abdulhamid. Siyasal Hatıratım. İstanbul, 1999, c. 129.

¹² F. Georgeon. Abdulhamid (çev.). İstanbul, 2006, c. 183–189.

¹³ Там же, с. 290–293.

¹⁴ İsmail Kara. Tanzimattan Cumhuriyete İslamcılık Tartışmaları. Tanzimattan Cumhuriyete Türkiye Ansiklopedisi. T. V, c. 1413.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ По этой теме см. подробнее: Yalcın Küçük. Aydın Üzerine Tezler, II. İstanbul, passim.

CONTENTS

Preface.....	5
Section I	
RUSSIA AND MUSLIM WORLD	
<i>Vyacheslav Y. Belokrenitsky</i> . Muslim World and its Significance for Today's Russia.....	12
<i>Natalia Y. Ulchenko</i> . Russia and Turkey: Main Phases of Socio-political Development and Bilateral Economic Cooperation.....	17
<i>Nina M. Mamedova</i> . Russia and Iran Mutual Interests and their Past and Present Evolution.....	29
<i>Azmat Hayat Khan (Pakistan)</i> . Pakistan-Russia Relations, Pre and Post 9/11 Perspective (English).....	38
<i>Vladimir N. Moskalenko</i> . Russia-Pakistan Relations and Islam: Problems and Perspectives.....	63
<i>Ruslan R. Sikoev</i> . Russia-Afghan Relations: Retrospects and Perspectives.....	80
<i>Gennady P. Avdeev</i> . Russia and Iran Interparliamentarian Relations (1997–2006).....	87
<i>Errel Tellyal (Turkey)</i> . Influence of the Religious Factor on Turkey-Russia Relations in 1992–2006 (Abstracts in Turkish and Russian).....	103
<i>Yordanka Bibina (Bulgaria)</i> . European Perspectives of Russia and Turkey.....	109
<i>Inna I. Ivanova</i> . Contemporary Relations between Cyprus, Turkey and Russia.....	129
<i>Yelena S. Melkumyan</i> . Russia and the Arab States of the Persian Gulf: Prospects of Interaction.....	144
<i>Olga I. Zhigalina</i> . Phases of Evolution of Russia's Relations with the Ethnical Kurdistan.....	161
<i>Nodar Z. Mosaki</i> . Russia and the Iraqi Kurds.....	172
<i>Kirill V. Vertyaev</i> . «Kurds Issue» in Russia-Turkey Relations.....	188
<i>Yelena I. Urazova</i> . Topical Issues of Russia-Turkey Regional Economic Cooperation in Eurasia.....	193
<i>A.I. Gadjaev</i> . Investment Cooperation of Russia and Turkey.....	202
<i>Irina N. Serenko</i> . Russia-Pakistan: Potential of Scientific, Technical, Educational and Cultural Cooperation.....	210
<i>Natalia V. Melechina</i> . Russia and the Kashmir Issue.....	220
<i>Irina V. Zhmuida</i> . Pakistan Steel Mills and the Russian Business Community.....	224
<i>Vladimir I. Sotnikov</i> . Russia and the Iranian Nuclear Programme.....	228
<i>I.R. Gibadullin (Kazan)</i> . Russia's Shia' Community and the Islamic Republic of Iran.....	236

Section II

ISLAM AND TODAY'S POLITICAL PROCESS

<i>Konstantin M. Truevtsev</i> . Globalization and the Muslim World: Problems of Adaptation.....	244
<i>Gennady I. Starchenkov</i> . Problems of Islamic Tolerance in the Near and Middle East.....	267
<i>Boris V. Dolgov</i> . Democracy and Islamism in Arab Countries (Algeria, Tunisia, Egypt).....	285
<i>Grigoriy G. Kosach</i> . Saudi Arabia: Center for National Dialogue in the Context of the «Stage of Reforms».....	303

Section III

CULTURAL, HISTORICAL AND POLITICAL ASPECTS OF RUSSIA AND THE MUSLIM WORLD MUTUAL RELATIONS

<i>Dina B. Malysheva</i> . Business Partners from Russia in the Central Asian Region.....	326
<i>Yuliya A. Lee</i> . Interpretation of the Problem of Common Cultural Heritage of the Turkic Speaking People in the Contemporary Works by the Turkish and Turk Scholars.....	340
<i>Natalya V. Netesa (Ukraine)</i> . Mutual Contacts of the Ukrainian Muslim Community with the Muslim Regions of Russia.....	349
<i>Boris M. Potshveriya</i> . USSR and Turkey during the Second World War..	354
<i>Svetlana N. Uturgauroi</i> . «White Russians» and the Kemalist Power.....	365
<i>Nikolay G. Kireev</i> . Turkish Panislamism and the Russian Caucasus in the Beginning of the XX Century.....	371
<i>Andrei V. Boldyrev</i> . Russia, Turkey and Problems of the Black Sea Straits in 1898–1908.....	389
<i>Yuri N. Panichkin (Ryazan)</i> . Russia-Afghanistan Relations: the Primary Phase.....	405

Section IV

ISLAM IN THE HISTORY OF RUSSIA AND TURKEY

<i>Yelena Yu. Barkovskaya</i> . Islam and the State Formation Experience in the Czarist Russia.....	408
S.M. Michailova (Kazan). University of Kazan: A Leading Center of the Russian Science in the Context of East and West Relations.....	424
<i>Svetlana F. Oreshkova</i> . The Ottoman System of Religious Societies and its Role in the Formation of the Imperial Structure and in the Fate of the Non-Turkish People of the Empire.....	436
<i>A. Shakaryan (Armenia)</i> . Devshirme in the Ottoman empire: an analysis of functions.....	447
<i>Alexander V. Vitol (St. Petersburg)</i> . Islam and Catholicism - history of conflict: «the yanissaries of the Catholic Church».....	458
<i>Alfiya T. Sibgatullina</i> . The Naqshbandiyya Tekke in Istanbul: the Central Asian j «Trace».....	465
<i>Tashansu Turker (Turkey)</i> . The Ottoman Modernization, Islam, the Problem of Personality and the State.....	471
Contents.....	478

Научное издание

**РОССИЯ И ИСЛАМСКИЙ МИР:
историческая ретроспектива и современные тенденции**

**Редактор М.С. Грикурова
Корректор Л.В. Хохлова
Компьютерный набор, оригинал-макет Д.С. Севальнев**

**Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Российской академии наук**

**Подписано в печать 08.09.2009. Формат 60х90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. п. л. 30. Тираж 1000 экз. Заказ № 5694.**

**Институт востоковедения РАН
107031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12**

**Научно-издательский отдел
Зав. отделом И.В. Зайцев**

**ООО Издательство «Крафт+»
129343, г. Москва, проезд Серебрякова, 4
Тел.: 620-36-95, 620-36-94, 926-25-48**

**Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ОАО «Дом печати—ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.
Факс: (8332) 25-58-83, 53-53-80
<http://www.gipp.kirov.ru>
e-mail: pto@gipp.kirov.ru**